

ВІД РЕДАКТОРА

Черговий випуск «Гоголезнавчих студій» присвячений різноманітним проблемам вивчення творчої спадщини Миколи Гоголя. Тут і спроби досягнути узагальнені питання художнього доробку письменника (Іван Мегела), аналіз рецепції творчості Миколи Гоголя Іваном Франком крізь призму національної свідомості (Юрій Барабаш), дослідження пластичної виразності гоголівського слова крізь призму сюжету і стилю (Аркадій Гольденберг).

Цілий ряд статей присвячено питанням творчої біографії письменника. Серед них – робота Володимира Воропасва про зв'язки Гоголя з Московським університетом та його викладачами: Михайлом Максимовичем, Михайлом Погодіним, Степаном Шевириовим і Осипом Бодянським. Ігор Виноградов знайомить наукову громадськість з неопублікованими спогадами Марії Іванівни Гоголь – матері письменника. Вячеслав Кошелєв ще раз привертає увагу до відомого епізоду з педагогічної роботи Гоголя, зокрема до його публічної лекції, прочитаної у Петербурзькому університеті у присутності О.Пушкіна та В.Жуковського. Анатолій Кошелєв робить спробу встановити обставини знайомства Гоголя з О.Смирновою-Россет.

Семен Абрамович реконструює нереалізований Гоголем задум «Девизи Чабловы», що бачиться досліднику зародком соціально-психологічного роману. Владислав Кривонос досліджує семантико-функціональну роль мотивів порогу і драбини у творах письменника. Творча історія спаленої Гоголем драми з історії українського козацтва привернула увагу Андрія Євдокимова.

Темі рецепції творчості Гоголя сучасною жіночою літературою постмодернізму присвячена стаття Ганни Улюри.

В розділі «Comparative» вміщено дві статті, в першій з яких розглядається питання діалогу Гоголя та представників Великої польської еміграції (Павло Михед), а в другій висвітлено реакцію польського читача і критики на останній переклад «Тараса Бульби» в Польщі (Ірина Рождественська). Доєднується до цієї проблематики і здійснений Тетяною Михед переклад англійської праці американського дослідника Василя Гришка, який вивчає паризькі контакти Гоголя з Б. Залеським і А. Міцкевичем та їх відлуння в лекціях останнього.

Рецензійний відділ репрезентують рефлексії Олени Балдіної та Павла Михеда.

«Студії», продовжуючи публікації відповідей на питання анкети, вміщують розмісли Ніни Крутікової, Володимира Денисова і Володимира Казаріна.

У представленому числі оновлено бібліографічний відділ. Вперше друкується персональна гоголезнавча бібліографія нашого ювіляра – Володимира Казаріна. І крім вже традиційного подання російськомовної бібліографії, підготовленої Володимиром Воропасвим, та бібліографії праць, виданих в Україні, яку уклали Лариса Гранатович, Катерина Ісаєнко та Надія Кузьменко, вміщено зібрані Павлом Михедом матеріали до бібліографії «Т.Г. Шевченко і М.В. Гоголь».

Маємо надію, що черговий збірник гоголезнавчих праць знайде свого вдячного читача.

ДОПОВІДІ, СТАТТІ І ДОСЛІДЖЕННЯ

Юрій Барабаш

Франкові причинки до української Гоголіани

Попри те, що літературно-критичні Франкові праці та його листи, дослівно сказавши, рябють іменем Гоголя, згадками, а часами й доволі розлогими міркуваннями про його писання, особно про “Ревізора” та “Мертві душі”; попри те, що останній з цих двох – як він їх означає – “архїтворів” він переклав на українську й назагал багато опікувався справою поширення Гоголевої спадщини в Галичині, – попри все те доводиться констатувати, що свого чітко визначеного місця в українській гоголіані Франко не посів. Практично наша гоголезнавча думка проходить повз нього. Тут далися взнаки різні чинники. Зовнішнім (і до певної міри об’єктивним) можна, прецінь, вважати той факт, що монографічної, спеціально присвяченої Гоголеві праці Франко не написав, залишивши хоча й численні, але, якщо кинути оком, лише порізнені причинки до гоголівської теми. Та існує ще й інший чинник, простіший і прикриший, і полягає він, як на мене, в тому, що ми досі не завдали собі труда систематизувати оті Франкові причинки, не спромоглися проаналізувати їх у внутрішніх зв’язках, як певну цілість, як Франків гоголівський дискурс, виявивши в ньому сутнісні, структуро- й змістотворні домінанти, не тільки важливі для повнішого уявлення про самого Франка, зосібна – Франка як гоголезнавця, а й незрідка надивовижу виразно резонують із сьогоденням.

Весь, сказати б, корпус зауваг і висловлювань Франка на гоголівську тему (а він включає в себе не один десяток одиниць) я б розподілив на три групи, або розділи, або рівні – з чималою мірою конвенційності, ясна річ, бо в кожному випадку відзначаємо й свою внутрішню диференціацію, до того ж складові різних рівней не є абсолютно автономними, навпаки, вони поспіль корелюють одне з одним і, головно, з основними, парадигмальними ідеями Франкового гоголівського дискурсу.

Доволі чітко можемо вирізнити в цьому дискурсі рівень, що його (знову-таки підкреслюю – конвенційно) означимо як “емпіричний”, такий, де згадуються ім’я Гоголя або той або той його

твір. Виглядає, що задля такого згадування Франко не пропускає жодної нагоди. Чи пише він літературно-біографічні портрети Віктора Забіли, Михайла Старицького, Іван Нечуя-Левицького, Льва Толстого, Гліба Успенського, Карела Гавлічка-Боровського, або некрологи про М.Салтикова-Щедріна й О.Піпіна, або статтю “про штуку перекладання”; чи листується з М.Драгомановим, Ольгою Рошкевич, Оленою Пчілкою, А.Кримським та ін.; чи відгукується на з’яву пізнього оповідання Марка Вовчка “Чортова пригода”, або на вихід нового сербського місячника “Стража”, або на книжку “п.Урсіна” (Маріяна Здзеховського) про “містичне слов’янофільство”; або подає “словце критики” на вірші Корнила Устияновича і Дмитра Вергуна чи причинки до власної автобіографії – всюди, сказати би, “присутній” Гоголь, присутній так чи інакше, в той чи той спосіб – рефлексією, епітетом, порівнянням, рівнобіжною, супротиставленням, врешті просто самим іменем. А то ремінісценцією, як згадки про Кіфу Мокієвича і чичиковського Петрушку в студіях “Іван Гушелевич” та “Східно-західні непорозуміння”. А то фрагментами широкої літературно-історичної панорами – у знаменитій статті для енциклопедії Брокгауза–Ефрона “Южнорусская литература”, або в “Нарисі історії українсько-руської літератури до 1890 р.”.

Хоч і яка строката ця мозаїка причинків, посилянь, рефлексій, оцінок, рівнобіжних і супротиставлень, та все ж хаотичною, випадковою вона може видатися лише на позір. Вдумливий погляд виявить у ній (не скажу – легкома, але й без надмірних зусиль) спільні мотиви й ракурси, домінантні зауваги та думки, що, взаємодіючи й корелюючи між собою, набувають значення як штрихи, що більше – системні компоненти Франкової гоголівської концепції. Концепції вповні цілісної, дарма що не позбавленої певних внутрішніх суперечностей; про них попереду ще буде сказано.

Тож якщо перший рівень умовно було названо “емпіричним”, то наступний маємо підстави схарактеризувати як безумовно концептуальний, засадничий для Франкового гоголівського дискурсу, який розгортається в рамках своєрідного трикутника – “українська ідентичність – російська інакшість – вселюдськість”. Цей сповнений внутрішньої напруги “трикутник” у наших сучасних розмислах і суперечках про Гоголя часом, обертається, ніде правди діти, на “бермудський”, і Франко своїми гоголівськими причинками часто-густо прямо-таки “втручається” в ці суперечки...

Взяти хоча б відомий факт загостреної поляризації в сьогоденнішому гоголезнавстві (хоча питання, річ ясна, виходить за його рамці, у широкий національно-духовний простір) поглядів на українську та російську складові Гоголевої творчості. Активізація на російському неоімперському ґрунті так званого православного літературознавства супроводжується від початку категоричним (незрідко й брутально забарвленим) запереченням українства Гоголя як проблеми “вігаданої сепаратистами” і оголошення його “чисто русским писателем” і “чисто русским человеком”. Дозволю собі втриматися від коментування подібних тверджень, в цьому немає ні потреби, ані жодного інтересу. Зверну увагу на інше. Реакцією (психологічно, треба визнати, певною мірою вмотивованою) на “православно”-імперське гоголезнавство є доволі поширені в сучасному українському дискурсі спроби вилучити Гоголя з російської літератури, означити його як письменника суто й виїмково українського. Закорінена ще в давній (переважно емігрантській) формулі-концепції “наш – не наш”, ця точка зору обґрунтовується прагненням “розширити” корпус українських письменників за рахунок “солідних постатей”, яких, мовляв, бракує історії української літературі, причому незалежно від мови творчості, котра нібито суттю не має значення. Тобто, національна література без національної мови! Бідний Потебня перевертається в домовині... Під цю концепцію підводиться не лише етногенетична, а й географічна, ба адміністративна база, такі чинники, як місце народження і мешкання. Згідно з такою логікою українськими письменниками оголошуються не тільки, скажімо, Нарезний і Гоголь, а й киянин Міхаїл Булгаков. А там, дивись, надійде черга і до Міхаїла Жванецького...

Якщо ж серйозно, то я, по-перше, рішуче відкидаю думку, ніби література Сковороди, Шевченка, Франка, Лесі Українки потребує штучного “збагачення” за рахунок клонування “солідних постатей” або їх трансплантації з інших літератур; по-друге, щодо Гоголя, то я переконаний, що наслідком подібної операції (проведеної зі суто кон’юнктурними мотиваціями і примітивним інструментарієм) може бути перетворення Гоголя в пересічного (зате “наського”!) белетриста, тим самим – втрата його не тільки для російської літератури, а й для української духовної культури. Адже суть Гоголевого українства, предмет нашої національної гордості полягає не в “ресстрації” чи наліпці, не в тому, щоб будь-що запихати письменника в нашу національну торбу, а в усві-

домленні того, що геній, народжений і зрощений українським ґрунтом, живлений його соками, вийшов у простір світової літератури.

Перепрошую за дещо задовгий відступ і повертаюся безпосередньо до Франка. Як виглядає на шойно змальованому тлі його позиція щодо Гоголя?

Доводиться з усією чіткістю зазначити, що Гоголь для Франка – письменник російський. Ми навіть не знайдемо у Франка спеціальних аргументів на користь цієї точки зору, жодної спроби якось її обґрунтувати, – такі спроби, вочевидь, видаються йому зайвими. Тож не затримуймося на них і ми, адже те означення – “російський” – супроводжує Гоголеве ймення майже щоразу. Згадаймо лишень один характерний епізод: у ранніх, 1881-го року, “Причинках до оцінення поезій Тараса Шевченка”, ім’я “геніального письменника російського” Гоголя стоїть поруч Пушкіна, Грибоедова та Лермонтова; перевидаючи року 1914-го, тобто мало не через чверть віку, другу частину “Причинків...” як окрему студію під назвою “Темне царство”, Франко робить у тексті деякі виправлення, але четвірка “великих російських письменників”, з Гоголем включно, зостається без змін.

Питання, проте, буде висвітлене однобічно, якщо обмежимося цією констатацією. Справа в тому, що, приймаючи за очевидну для себе характеристику Гоголя як письменника російського й консеквентно вписуючи його в російський літературний контекст, Франко разом з тим жодною мірою не випускає з поля зору Гоголевого українства, вважаючи за конечне акцентувати на ньому увагу читача, зокрема (хоча не тільки) неукраїнського. У статті «Южнорусская литература» ім’я “геніального Гоголя” увінчує перелік тих письменників-українців (від Богдановича до Гнедича), яких “Украина дает... русской литературе” і які «оказывают значительное влияние» на цю літературу. Цей факт констатовано в стримано-енциклопедичному стилі, до того ж у російському виданні, емоційний же підтекст Франкового зауваження оприявнюється, якщо зіставимо його з раніше висловленим у листі до М.Драгоманова (21 лютого 1881 р.) наріканням на те, що все друковане новішими роками в Росії про Гоголя “радше тикає його як чоловіка, яко поета, а вже, звісно, найменше яко українця...” До речі, епітет “геніальний” стосовно Гоголя не раз сполучається у Франка саме зі вказівкою на етнічне коріння письменника: “геніальний земляк” Квітки-Основ’яненка (у нарисі з промовистою назвою

“Українці”, написаному для угорської енциклопедії світової літератури); “геніальний українець Микола Гоголь” (у статті “Карел Гавлічек-Боровський”).

Важливо, що, наголошуючи на Гоголевому українстві, Франко не обмежується вказівками лише на етногенетичний первень, він переводить (щоправда, не так часто, та згадаймо, що нам ходить усе-таки про причинки, а не розгорнуті студії) – так от, Франко переводить розмову в сферу художньо-психологічну. Під цим оглядом привертає увагу стаття “Михайло Євграфович Салтиков (Щедрін)”. Загалом Франко, як свого часу Шевченко, високо поцінуючи творчість Салтикова-Щедріна, зіставляє його з Гоголем. У цьому зіставленні Франко з точки зору суто мистецької, естетичної віддає незаперечну перевагу Гоголеві. “...Щедрін... – вважає він, – артистичним талантом не дорівнює Гоголеві...”, якщо “сей (тобто Гоголь. – Ю.Б.) був переважно артистом і кожно свою сатиричну картину подавав у викінченій, артистично досконалій рамі”, то “в Щедріні переважає публіцист, – його постаті тільки нашкізовані”, з правила домінують “розправи та теоретизування”, а “артистична рамка відкидається набік...” Та ще цікавіші (принаймні в ракурсі нашої теми) ті Франкові міркування, котрі стосуються національної характерології. Означаючи, як він каже, “племінну різницю” між Щедріним і Гоголем, Франко пише: “Перший по Гоголю сатирик у російській літературі, він прецінь різниться від нього вдачею свого юмору і закром своєї сатири так коренно, як коренно різниться вдача українця від вдачі великороса. Бо коли юмор українця більше погідний і попри всій їдкості та гостроті більше гуманний, гумор великороса остається понурий та терпкий навіть там, де вибухає голосним сміхом. І коли в українця крізь сміх видніються сльози, в великороса видніється гнів...” Про те саме, до речі, Франко писав і за кілька років перед тим, ще зовсім молодим, у примітці до зробленого ним перекладу оповідання Щедріна “Деревенская тишь” (“Супокійне життя”): “Часто у його оповіданні проблискує ярко їдка, майже демонська іронія, властива великоруському племені, і тому-то, хоть зовсім подібний барвою (не силою) до таланту Гоголя, він зробить так не таке враження, як наш геніальний земляк-поет”.

Знову вже знайомий нам епітет “геніальний” – і знову в контексті теми “українець у російському письменстві”, що нами вже відзначалося повище у зв’язку з гоголівським причинком у Франковій статті про Карела Гавлічка.

На цьому причинку варто затримати нашу увагу; зовні наче мимобіжний, він насправді криє в собі засадничий сенс. Розповідаючи про подорож молодого Гавлічка 1843 року до Москви (де він, до речі, як сказано в статті, “знайшов не одно таке, що могло притягати його”, а й таке, що швидко розвіяло в його душі “чари... москвофільства”), – розповідаючи про це, Франко зауважує: “В російській літературі стояла тоді в zenіті звізда геніального українця Миколи Гоголя...” Підкреслень у Франковій фразі немає, я наважився їх зробити, щоб зацентувати, унаочнити вжитий тут Франком концептивний, сказати би, типово бароковий засіб зближення в єдиній формулі двох характеристик Гоголя, двох іпостасей його амбівалентної природи як людини і як письменника, драму незбігу “грунту й долі” («почвы и судьбы», якщо скористатися поетичною метафорою Бориса Пастернака), джерело Гоголевої роздвоєності й заламання.

Франкові, на жаль, не випало дати докладний – ні теоретичний, ані естетично-поетикальний – аналіз означеної ним у статті про Гавлічка діалектики “єдності–супротива” Гоголя як російського письменника і “геніального українця”. Проте в деяких інших його причинках і міркуваннях відчитується внутрішній (іноді очевидний, часом опосередкований, ба й прихований) зв’язок з цією діалектичною формулою, висвічуються саме в ній закорінені ті або ті аспекти “феномена Гоголя”.

Зостановлюся, бодай коротко, на двох-трьох моментах.

Почну з питання, котре є одним з тих, що сьогодні бентежать українське гоголезнаство. Про одне з них – “наш чи не наш?” (і однозначну відповідь на нього: “наш і тільки наш”!) – уже йшлося. Висловлюється, однак, і має поширення інша концепція, суть якої виражено дилемою: чи існує “один” письменник Гоголь, а чи їх “двоє” – окремо український і окремо російський? На поставлене в такий спосіб запитання свою відповідь дає видана кілька років тому Товариством з обмеженою (вельми обмеженою!) відповідальністю двотомна хрестоматія творів Гоголя, вивчення яких передбачено програмою української середньої школи. Відповідь закладено вже в самій структурі видання: перший том містить повісті з “Вечорів на хуторі біля Диканьки” і “Тараса Бульбу” (він єдиний репрезентує цикл “Миргород”, від “Старосвітських дідичів”, “Вія”, “Двох Іванів” школярів вирішено відгородити), том другий – “Мертві душі”, “Ревізора” й дві петербурзькі повісті, “Портрет” і “Шинель”. Обрання подібної структури видання мож-

на було прийняти за питання суто технічного порядку, якби не додані до кожного з томів післямови. Назви обох з межевою чіткістю оприявнюють суть задуму: в першому томі – “Втрачене сонце України, або Микола Гоголь як український письменник”, у другому – “«Відсутність світла», або Микола Гоголь як російський письменник”. Концепція, як бачимо, компромісна: годі сперечатися, нумо поділимо генія по-братерському – нам віддайте українську його половину (дарма що меншу), собі залишайте російську, нам вона ні до чого, в ній він “не наш”...

Порадімося щодо цього питання з Франком. Справа в тому, що задовго до розглянутої щойно спроби “розполовинення” Гоголя М. Драгоманов (чий гоголівський дискурс – спеціально застерезуся – ще чекає, як і Франків, систематизації та всебічної розправи) у статті “Література російська, великоруська, українська і галицька”, де назагал, словами Франка, “про Гоголя багато і гарно написано”, в розпалі полеміки з галицькими опонентами висунув концепцію розрізненого існування літератур “всеросійської” і буцімто “виділу” з неї двох “почастних” – “великоруської” та “малоруської”, для чого, мовляв, “Гоголь послужив... вихідною точкою”; сам же Гоголь при цьому опинявся чи то десь у проміжку між першою та третьою категоріями, чи почасти там і там. Коментар Франка до цих міркувань Драгоманова недвозначно негативний: у статті “Карпаторуське письменство XVII–XVIII вв.” він висловив жаль, що Драгоманов “не встерігся... від надто поспішних і наскрізь ненаукових розрізень (напр., розриваючи Тургенєва на російського і великоруського, Гоголя – на південно- і общеруського писателя і т.д.)”. Ясно, що для Франка подібне “ненаукове розрізнення” геть неприйнятне, наведена вище його власна формула (зі статті про Гавлічка) “російський письменник – геніальний українець” є бінарною структурою, яка, хоча й криє в собі зерно антиномії, все ж нічого спільного з “розриванням” Гоголя не має, вона не означає механічне розрізнення – лишень складну діалектику співіснування в особі мистця двох начал, контрверсію внутрішнього (і тим боліснішого, тим драма тичнішого) роздвоєння цілості.

Досі гоголівський дискурс Франка розглядалося нами в лінійному плані, у відтинку між “російськістю” та “українськістю” письменника. Час повернутися трохи назад і пригадати, що вище мовилося про іншу конфігурацію – “трикутник”, де третім базо-

вим компонентом, який виводить цілу структуру в новий вимір, є вселюдськість. Мотив Гоголевої вселюдськості проходить у Франка двічі. 1900 року, рецензуючи український переклад драми Александра Островського “Буря”, Франко не погоджується з думкою перекладача, Михайла Павлика, що ця п’еса практично не відома “за границею” (а де виставлялася – “не вдержалася”) тільки через свою давність. Він нагадує, що Гоголів “Ревізор” значно старший від “Бурі”, а тимчасом “обійшов усю Європу”. Значить, є щось, “що робить Гоголеву штуку зрозумілою, симпатичною для цивілізованого світу, а Островського якимось ні”. Суть різниці між двома тут не розкривається, але вона виступає ясніше в зробленому Франком іншому зіставленні “Ревізора”, цього разу – з драмою Лева Толстого “Сила темноти”. У статті “Лев Толстой” (1892) Франко називає причину того, що твір Толстого не втримався на сценах Парижа й Берліна (“хоч зробив на глядача величезне враження”): “він надто російський і занадто толстовський, щоб міг бути так зрозумілий для всієї людськості, як, наприклад, “Ревізор” Гоголя”.

Ці Франкові міркування, осібно у випадку Толстого, справляють, треба визнати, дещо двоїсте враження. З одного боку, зрозуміло, що критик проводить вододіл між етнічною замкненістю, звуженістю філософсько-морального діапазону (зокрема, “Сила темноти” занадто “толстовська”) творів Островського й Толстого та універсальним, розімкненим у вселюдську духовну просторінь змістом “Ревізора”, раблезіансько-мольєрівською масштабністю Гоголевого сміху. З другого боку, зауваження Франка, що твір Толстого “надто російський” наштовхує на висновок, що, на думку критика, такі критерії, як загальнолюдське значення літературного твору і його національна природа, мало не протистоять одне одному. Щоправда, прямо подібну тезу Франко не висловлює, але, на жаль, і не уточнює свою поставу, не заглиблюється в проблему ні в згаданих статтях, ані десь інде.

Під цим оглядом, привертає увагу той факт, що симпатії Франка – і як читача, і як критика – цілком віддані двом Гоголевим творам – “Ревізору” й “Мертвим душам”, тільки вони заслуговують на честь називатися (і не раз!) “архїтворами”. “Тарас Бульба” згадується, якщо не помиляюся, лише один раз, та й то в нейтрально-інформативному контексті, а щодо “Вечорів на хуторі біля Диканьки” цей контекст на загал виразно скептичний, щоб не ска-

зати більше. В листі до М. Драгоманова (9 січня 1886 р.) Франко висловлює жаль з приводу того, що Олена Пчілка “без потреби кинулась... видавати Гоголя «Вечорниці», котрих перший випуск напечатаний і, певно, піде на макулатуру, бо повістки, в нім написані... трохи вже застарілі”, а до того вже по кілька разів видалися в Галичині. Про те саме раніше (10 жовтня 1885) він писав до самої Олени Пчілки, радячи їй навіть “зовсім кинути перекладання з Гоголя”. Стримано відгукнувся Франко на оповідання Марка Вовчка “Чортова пригода”, він сливе не приховує свого розчарування тим, що “письменничка” відійшла від того, що приваблювало його в “Народних оповіданнях”, – “Марко Вовчок являється тут – гумористом, іде слідами Гоголя та й то не його “Мертвих душ” і “Ревізора”, а його “Вечорів на хуторі близь Диканьки” (стаття “Нове укр. оповідання Марка Вовчка”). З усього судячи, Франкові видавалося, що “Вечори на хуторі...”, та, ймовірно, й “Миргород” (з котрого, як уже було зазначено, згадав лише “Тараса Бульбу”, й то один раз), не містять у собі того глибокого універсального сенсу, який він так високо цінував у “Ревізорі” та “Мертвих душах”. Подиву гідна аберація зору не дозволила йому розгледіти екзистенційного змісту ні в мотиві людської “покинутості” з фіналу “Сорочинського ярмарку”, ні в образах вселенської Скуки у “Двох Іванах” або монструозного Вія як втілення онтологічного всесвітнього зла. Хоч і як прикро, мимоволі виникає паралель з російським класиком, який – пам’ятаємо – помітив у Гоголевих повістях тільки “описание племени поющего и пляшущего”, простацьку малоросійську “веселость”.

Парадоксальним є те, в своєму критичному ставленні до Гоголевих повістей “українського циклу” Франко, властиво, доволі близький до оцінок і суджень Пантелеймона Куліша, висловленими свого часу ним у відомих статтях в журналі “Основа”, тимчасом як, приміром, в енциклопедичному огляді “Южнорусская литература” він характеризує ці Кулішеві судження як “слишком строгие”.

Втім, оцінка українських повістей Гоголя, суб’єктивне ставлення до них – то лише зовнішній бік питання значно вагомішого, суттєвішого, сказати би, стратегічного з погляду історії української літератури, притому, як на мене, вельми актуального.

Ходить ось про що.

З Франкових гоголівських причинків вимальовується – сумарно й схематично – приблизно такий літературно-історичний “пунктир”: раз – Україна віддає російській літературі свого генія-

льного сина; два – Гоголь, ставши російським письменником, все-таки зберігає, нехай і ушкодженому вигляді, свою українську тожсамість, що знаходить свій вияв не тільки в українських (дарма що російськомовних) творах, а в його спадщині як цілості; три – при цьому він справляє значний духовний, естетичний, навіть мовний вплив на етнічно нерідну для нього російську, ба ширше – світову літературу. Постає, однак, закономірне питання: а чи можемо говорити про вплив Гоголя на письменство українське, і якщо можемо, то яким був цей вплив і в чому він виявлявся?

Мусимо визнати, що в цьому питанні гоголівський дискурс Франка не виглядає чітким і консеквентним, радше навпаки – розрізненість завга і причинків саме тут даються взнаки найбільшою мірою. Питання про конкретний Гоголів творчий вплив заторкується в поодиноких випадках – на Шевченка у статтях “Темне царство” та “Шевченко і критики” і на Марка Вовчка (про це щойно йшлося); в публікаціях про Михайла Старицького перераховуються сценічні переробки драматургом Гоголевих творів. У літературному житті Галичини відзначаються окремі факти перекладів і видань. Є, властиво, лише один епізод з листування, який дає нам уявлення (втім, доволі суперечливе) на Франкову поставу в означеній проблемі.

В одному з листів до М. Драгоманова (21 лютого 1881 р.), аргументуючи свої неодноразові прохання написати для газети “Діло” Гоголеву “життепись”, Франко покликається – і то під кутом зору очевидної незгоди – на Івана Нечуя-Левицького “Сьогоднішнє літературнє прямування”, автор якої “відгріває давні Кулішеві закиди (Гоголеві. – Ю.Б.) в новій едиції”. “«Україна заснула під Гоголеву ліру», – вільно переповідає Франко судження Нечуя, – «Гоголь Україні нашкодив», «Гоголь для України нездалий» і т.д.” і чітко висловлює думку, що “тут якраз би конечно показати й інший погляд у нас на Гоголя”. Через півроку, 12 жовтня 1881-го, в листі до Івана Белея, порадивши, щоб той сам “ладив” для публікації в “Ділі” біографію Гоголя (Драгоманов-бо так її і не написав) “з узглядненням” на студію Драгоманова “Література українська, великоруська, російська і галицька”, в якій “про Гоголя багато і гарно написано”, Франко тут-таки застерігається щодо одного місця з цієї студії. “...До висказу Др-ова, буцімто Гоголь і для українства більше зробив, ніж ціла укр[аїнська] література враз із Шевченком”, Франко вважає за доконечне додати примітку, в тексті якої пропонує значно критичнішу, ніж раніше, оцінку

Гоголевого внеску в українське духовне життя і в розвиток національної самосвідомості народу. "...Хоть Гоголь, – пише він, – і зробив багато для прояснення думок української інтелігенції, то 1) прояснів сі думки в напрямі загальнолюдським, без згляду на народність, а пишучи по-вели[ко]руськи, радше відводив українців від українства, ніж приводив до нього, 2) задля тої ж причини його писання не дійшли до рук укр[аїнського] люду, як дійшли і доходять твори Шевч[енка], і не могли мати для нього прямої ваги" (т.48, с.291).

Ці мимохідь висловлені, не розгорнуті й не підкріплені аналізом завваги дають підстави припустити, що Франко, назагал вбачаючи в Гоголеві "геніального українця" і мистця світового засягу, разом з тим не надто високо поцінював його вплив на українське духовне життя, зокрема – на українське письменство, суттю протиставляючи його під цим оглядом Шевченкові.

Навряд чи ми сьогодні погодимося з цією точкою зору класика, хоча, з другого боку, навряд чи є сенс і сперечатися з ним. Важливіше чітко уявляти собі те суспільно-духовне тло, на якому подібні погляди формувалися.

Останньою (втім, і єдиною) на українському полі постаттю, не тільки рівновеликою і рівнозначною Гоголеві, а ще й такою, що перебувала з ним у безпосередніх, дарма що не контактних і аж ніяк не простих світоглядних, творчих зв'язках, був Шевченко. Після Шевченка сила "гоголівського притягу", його вплив на українську літературу і, ширше, духовне життя значно підупали, часами практично сходячи нанівець. В українській літературі всієї другої половини XIX століття, яка розвивалася переважно в річищі посилення реалістичних традицій, і то часто-густо з надмірно акцентованим соціологізмом та помітним позитивістсько-етнографічним ухилом, гіркий і нетривіальний духовний досвід Гоголя, його онтологічна глибина і трансцендентні поривання, болісні релігійно-етичні пошуки, естетичні уроки були, суттю, невідзискані. Прецінь лише на порубіжжі століть, в українському модернізмі, налаштованому на нові філософські та естетичні вартості, помічаємо інтерес до Гоголя, до його трагічної долі та "неевклідового" світобачення, що знайшло свій вияв як у критичному дискурсі (приміром, у М.Євшана), так і – головним чином імпліцитно, неусвідомлено – у творчій практиці письменників-модерністів. А як ставився до модернізму Франко, відомо надто добре...

Знову "зійшлися" Гоголь з Шевченком у XX столітті, коли з надзвичайною ясністю виявився символічний, парадигмальний

характер і сенс цих постатей як для української літератури, так і в цілому для національного духовного життя. Чи можемо, чи маємо моральне й науково-історичне право дорікнути Франкові, що він мало не зі столітньої відстані не передбачив цього процесу? Натомість мусимо бути вдячними йому за те, своїми гоголівськими причинками він подає нам такі поради й методологічні знадобки, актуальність і значущість яких, без пересади, годі перецінувати.

Иван Мегела

Человек и мир в творчестве Н.В. Гоголя

Гоголь – один из самых загадочных писателей, великий мистификатор, творчество которого волнует уже не одно поколение читателей. Многослойность художественного изображения, сложная духовная биография, сочетание различных стилевых манер дают простор для выдвижения различных литературоведческих концепций. Традиционные методы: идейно-тематический, социологический, психологический и т.п. ныне себя исчерпали. Хотелось бы и мне поделиться некоторыми соображениями относительно возможных путей дальнейшего исследования творчества великого художника.

В числе острых дискуссионных вопросов гоголеведения можно выделить проблему соотношения художественной реальности и объективной действительности, ирреального и реального. Оппозиция "правды жизни" и "правды сознания" неправомерна, поскольку в гоголевском мире фантастика и реальность неразделимы. Гоголь создавал свои произведения по законам мифа и был обращен в более универсальные сферы человеческого бытия. Гоголевский мир необходимо исследовать как художественную реальность – уникальную, целостную, самодовлеющую, незавершенную. Поскольку всякий миф, по утверждению А.Лосева, "есть феноменально самоутверждение личности"[1], Гоголя следует рассматривать в единстве его "личной" и художественной прозы.

В этой целостной системе есть своя структура, построенная по специфическим законам логики мифа. Основное ее ядро составляет творческая сила воображения, или имагинация. Речь идет о специфической форме познания, имеющей свой язык, закодированный символами, знаками. Морфология воображения построена на мышлении идеями, образами, где образ одновременно является и

характер і сенс цих постатей як для української літератури, так і в цілому для національного духовного життя. Чи можемо, чи маємо моральне й науково-історичне право дорікнути Франкові, що він мало не зі столітньої відстані не передбачив цього процесу? Натомість мусимо бути вдячними йому за те, своїми гоголівськими причинками він подає нам такі поради й методологічні знадобки, актуальність і значущість яких, без пересади, годі перецінувати.

Иван Мегела

Человек и мир в творчестве Н.В. Гоголя

Гоголь – один из самых загадочных писателей, великий мистификатор, творчество которого волнует уже не одно поколение читателей. Многослойность художественного изображения, сложная духовная биография, сочетание различных стилевых манер дают простор для выдвижения различных литературоведческих концепций. Традиционные методы: идейно-тематический, социологический, психологический и т.п. ныне себя исчерпали. Хотелось бы и мне поделиться некоторыми соображениями относительно возможных путей дальнейшего исследования творчества великого художника.

В числе острых дискуссионных вопросов гоголеведения можно выделить проблему соотношения художественной реальности и объективной действительности, ирреального и реального. Оппозиция "правды жизни" и "правды сознания" неправомерна, поскольку в гоголевском мире фантастика и реальность неразделимы. Гоголь создавал свои произведения по законам мифа и был обращен в более универсальные сферы человеческого бытия. Гоголевский мир необходимо исследовать как художественную реальность – уникальную, целостную, самодовлеющую, незавершенную. Поскольку всякий миф, по утверждению А.Лосева, "есть феноменально самоутверждение личности"[1], Гоголя следует рассматривать в единстве его "личной" и художественной прозы.

В этой целостной системе есть своя структура, построенная по специфическим законам логики мифа. Основное ее ядро составляет творческая сила воображения, или имагинация. Речь идет о специфической форме познания, имеющей свой язык, закодированный символами, знаками. Морфология воображения построена на мышлении идеями, образами, где образ одновременно является и

содержанием и значением. Сама логика мифологического мышления ведет к созданию "новой действительности", к космологическим и теогоническим теориям – описания и генеалогического объяснения мира.

Безграничность микромира человеческого "я" делает естественной в таком видении безначальность и бесконечность Космоса. В мифологическом мышлении скрыто предугадывание "законов" мира и неожиданных поворотов истории, но подано оно неосознанно, скорее как эстетическая игра, утверждающая творческую волю. Построенная на других принципах, чем индукция и дедукция, логика воображения раскрывает неожиданные повороты, пути истории, тайны бытия. Этот имагинативный мир мифотворчества имеет свое бытие, так называемое "мнимое бытие", отличное по своей логике от действительного бытия; в основе его лежат особенные категории, такие как игра и метаморфозы. Именно эти категории и создают ту систему действительности воображения, которая для нас является не чем иным, как "эстетической реальностью", выступающей одновременно и как онтологическая проблема. Гносеология воображения неизбежно приводит к так называемому эпигматическому, то есть загадочному знанию, граничащему с гениальностью, пророчеством.

Природа мифа связана с природой символа. Миф изображает сверхъестественное в природном, сверхчувственное в чувственном, духовную жизнь в жизни плоти и символически связывает два мира.

Символическое сознание имеет освобождающее значение для духа, оно и есть достижение внутренней свободы духа от подавленности магией природы, конечного мира. Всепреходящее есть лишь символ. Ничто не завершено, не закончено, не закреплено в этом мире. Мир прозаичен. Грани его раздвигаются, он входит в иные миры, а иные миры входят в него. Все внешнее есть лишь знак внутреннего, все, что совершается в горном мире, совершается и в дольном мире. Мир, природа, история есть лишь пути духа, лишь моменты его внутренней таинственной жизни [2].

Образ мира у Гоголя создается из причудливого сочетания дохристианских напластований, основывающихся на традициях народной, карнавальской культуры, где смешное неотделимо от нижнего мира – страшного и непонятного; земных и водных сил, где источники и рождения и смерти, и сил плодородия, и сил разрушения. Нижний мир является как бы антимиром, в нем все наизнанку: он противостоит как Хаос, как нечто чуждое миру порядка, Космоса.

Встреча с нижним миром сопровождается смеховыми карнавальными действиями, смех снимает чувство страха. При этом часто возникает типографическая динамика, перемещение "верха в низ", соприкосновение противоположных начал, которое М.Бахтин называет амбивалентностью [3]. Смешивается бытовое и фантастическое, трагическое и комедийное, сатирический гротеск и светлый лиризм, порождая всеподчиняющую власть общего, мистическое ощущение единства. Звездные просторы, луна и солнце входят в жизнь людей; герои повестей "Вечера на хуторе близ Диканьки" оживают в космическом пространстве. Каждая картина природы в "Вечерах..." – не частность, не малая доля мироздания, а вселенная в целом.

И страшное дано с преувеличенной силой, и просвечивается в нем что-то лукавое и смешное. Веселый, светящийся, страшный черный мир, где все ежеминутно гибелью грозит – таково двоемирие Гоголя. М.Попович считает, что представление о мире у Гоголя строится на древнем языческом образе Бога – Неба и Богини – Матери Сырой Земли. Структуру мира, его пространственно-временную организацию и соотношение "верха-середины-низа" – "будущего-настоящего-прошлого" символизирует образ мирового дерева ("Майская ночь"). В "Заколдованном месте" эквивалентом мирового дерева выступает христианский образ лестницы, ведущей на небо [4].

Важным компонентом художественного мира Гоголя является пространство – промежуточная зона между космосом и землей, хаосом. Именно здесь имеет место переплетение реального и фантастического, волшебного и обыденного ("Заколдованное место"). Вступивший на него получает возможность перехода из одного в другой мир. Сказочный мир как бы притворяется обыденным, надевает его маску. Волшебный мир может быть вкраплен в бытовую или же как бы дублировать каждодневное пространство (дом сотника в "Майской ночи"). Анализ категории пространства основательно изложен в исследовании Ю.М.Лотмана [5].

Фантастические эпизоды "Вечеров..." протекают в пространстве, имеющем ярко выраженный характер театральности: они подчас расширяются до бесконечности – до Карпатских гор в "Страшной мести" – и наоборот: бытовые эпизоды происходят в закрытом ограниченном пространстве. Бескрайние степи в "Тарасе Бульбе" резко противопоставляются замкнутому быту "Старосветских помещиков". В "Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем" Миргород, объятый эгоизмом, пе-

рестал быть пространством – он распался на отдельные частицы и стал хаосом.

Согласно народным поверьям и древнеславянским представлениям силы нижнего мира действуют в ином просторе, ином измерении, контакт с ними губителен для человека ("Вий", "Портрет"). В космическом мире "Вия", где все качества амбивалентны, где смерть, жизнь, любовь, страдания и наслаждения, красота и безобразие оказываются синонимичными, человек не может существовать. Чудовища, убивающие Хому, совмещают в себе несовместимое, выступают как символы регрессивных, оргиастических желаний.

Особый тип пространства представлен в "Петербургских повестях". "Идея города. Возникшая до высшей степени Пустота". Петербург приобретает черты нереального простора – антимира, в котором разыгрывается драма, смысл которой не понятен самому писателю: реальная будничность не противоостоит зыбкой призрачности ночи, бытовое пространство превращено в фикцию, в непространство. "Невский проспект", пространственно замкнутый в территориальной конкретности, раздробленный, забытый неподвижными вещами, место жизни "деревянных кукол", называемых людьми. Это мир особого бюрократического пространства, состоящий из знаковых элементов, имеющих план выражения, но принципиально лишенных содержания.

Это пространство обладает особым свойством: будучи непрерывным во вполне реальном смысле, на уровне обозначившегося, оно абсолютно пустое и образует "непрерывность пустоты": дыра, прореха, бездна – на уровне денотата (план "натуры"). Или, скажем, Нос сразу входит в два пространства – бытовое и другое – мнимое, фантастическое, в котором все предметы становятся фиктивными, ибо наделяются заведомо несовместимыми свойствами. Это пространство небытия и все в нем подменяется признаками, иметь которые одновременно можно только в состоянии небытия. Вхождение одного и того же одновременно в два типа пространственных отношений и порождает каламбурные ситуации.

Наиболее универсальной формулой организации пространства является дорога, дающая изоморфную картину жизни ("Мертвые души"), поскольку не принадлежит ни к одному виду пространства, она проходит через них. Герой дороги "не принадлежит никакой среде", что органически связано для Гоголя с вопросом: "как человек выбивается из своей среды".

Беспредельное расширение пространства, превращающегося из области простора и свободы в бездонность, невозможную для жиз-

ни, получает у Гоголя устойчивое пространственное изображение бездны, провала. В бытовом пространстве у него есть своя параллель: дыра, прореха ("Мертвые души"). Обе сферы (предельно застывшее и предельно раскованное) оказываются фантастическими, обе ведут к уничтожению пространства – расширению до бездны, другое – сужая до прорехи.

В особом мироздании Гоголя, начинающемся в глубине души его, главное место отводится макрокосму, символизирующему положение в универсуме человека как "меры всех вещей". Еще Ориген говорил: "Знай, что ты – иное мироздание в миниатюре и что в тебе – солнце, луна и все звезды". Однако достичь такого уровня понимания себя как символа человек может только тогда, когда он осознает свое бытие.

Понимание человека у Гоголя тесно связано с его внутренним миром, с особой натурой. Гоголь принадлежал к тем редким случаям, когда демонстративные качества психики соединяются с интровертностью – постоянным выработыванием собственного мнения, вследствие сосредоточения на внутреннем мире, на самооценке, на идеях, что борются в глубине личного "я". Обладая особым эмоционально-психологическим строем, Гоголь жил в постоянном страхе смерти, не раз переживал то, к чему нельзя привыкнуть.

Важным составным элементом художественного мира Гоголя является фантастическое, чудесное, демонология. Он отстаивал тот путь в художественном освоении мира и человека, когда чудесное не разрушается и не остается в своей собственной сфере, но приводится в соприкосновение с нашим внутренним миром. В глубине души Гоголя жило то первоначальное представление о силах зла, о бесовских наваждениях, которое было связано с его религиозным миром. Как не знал он сомнений в бытии Божьем, так не знал сомнений в реальности злых сил, царства зла. Воспитываясь на традициях украинского фольклора, испытывая влияние немецкой романтики, Гоголь ярко раскрашивает народные сказания, доводит до жути те или иные картины ("Вий", "Страшная месть"). Открытое вмешательство ирреальных сил в обыденную жизнь усиливали у Гоголя вкус к сближению реального и полуреального, фантастического и демонического бытия [6].

Гоголевская фантастика – это в основном фантастика злого. "Уже давно хочет народиться антихрист, но не может, потому, что должен родиться сверхъестественным образом: в мире нашем все устроено всемогущим так, что совершается все в естественном порядке... Но земля наша – прах перед создателем. Она по его зако-

нам должна разрушиться, и с каждым днем законы природы будут становиться слабее и от того границы, удерживающие сверхъестественное, приступнее" [7].

Божественное в концепции Гоголя – это естественное, это мир, развивающийся закономерно. Наоборот, демоническое – это сверхъестественное. Мир, выходящий из колеи, демоническое воспринимается Гоголем не как зло вообще, но как алогизм, как "беспорядок природы".

Гоголь считает "дьявольским наваждением" не земное начало, а как раз его разрушение – разрушение полнокровного течения жизни, ее законов. Никакое самое высокое искусство не в состоянии удержать на полотне живой образ. Поэтому видение Чертковым ("Портрет") чудесного старика предстает в форме полусна-полуяви, "другой жизни". Здесь следует говорить о таком важном моменте гоголевской поэтики как эмпатия, явление, указывающее на связь произведения искусства с его автором.

Начало алогизма и хаоса связывается с демонической силой и в последующих периодах творчества Гоголя. Вспомнить хотя бы пассаж из "Невского проспекта": "Какой-то демон искрошил весь мир на множество разных кусков и все эти куски без смысла; без толку смешал вместе" [8]. Фантастическое приобретает новые формы: страшные потери человеком части своего "я", мотивы двойничества, соперничества, посещение персонажа его двойником, блуждающая душа ("Нос", "Шинель").

Объясняя человека, соотнося его с миром, Гоголь использует язык образов и эмоций, раскрывающий трансцендентальные истины, как внешние по отношению к человеку (космический порядок), так и внутренний для него (мысль, моральный порядок вещей, психическая эволюция, предназначение души). Этот язык обладает способностью одновременно выражать различные аспекты (тезис и антитезис) представлений или идей. Он использует аналогии между двумя планами реальности, основанной на наличии в обоих "общего ритма" (Шнайдер) [9], то есть согласованного, определенного динамического фактора, присущего персонажу или фигуре и передаваемый объекту из которого он эманурует. Это позволяет вещам преобразовываться друг в друга и быть связанными отношениями обмена ("Вий", "Портрет"). Здесь происходит исследование неведомого и, парадоксальным образом, коммуникация с некоммуницируемым, и таким образом осознаются сверхъестественные или "метафизические" истины.

Постигая мир через его отношение с человеком, Гоголь переживает состояние эпифании, то есть откровения потаенного посредством скрытого, видения, сна, фантазии, мифа. Речь идет о преобразующей системе вибраций, являющихся отголосками единой базовой первоначальной модели, или иными словами (архетипами), не являющихся субститутами живых предметов или безжизненными изображениями, а плодами внутренней жизни, постоянно выходящими из бессознательного способом, который можно сравнить с непрерывным разворачиванием творения ("Страшная месть"). В противовес герою "трагедии рока" колдун знает, что делает, но не знает, зачем это делает.

Св. Афанасий Великий говорил, что Зло есть фантазмы, порожденные эгоцентризмом, то есть являются результатом перво-родного греха. В мире фантазмагорическом все реальности смещены со своих мест и извращены. Злые фантазмы исходят от первичного ничто и возвращаются в ничто. В человеке всегда присутствует "ничто". Злые фантазмы идут от изначальной, "добытийственной", меонической свободы, которая в бытии стала утверждать дух небытия. А они означают возврат к небытию, отказ от участия в Божьем творении. В них изначальная свобода теряется и переходит в рабство. Злой фантазмагорический мир есть создание небытийственного, пустого, адского мира. Так происходит возврат в небытие, но в небытие уже злое. Первичное, суммарное ничто не было злым [10].

Гоголь близок своими поисками работам Уильяма Блейка, в частности, это касается использования "неведомых образов" и "форм", предшествующих рождению и следующих за смертью человека: то, что окружает его, что его чувства и разум не в состоянии понять и осмыслить. "В современную жизнь вмешиваются фатальные силы, опровергающие плоскую альтернативу добра и зла, а также рационалистическое понятие индивидуальной вины. И вмешательство это трагично в той же мере, в какой трагично столкновение доисторической моральной категории общего "рода" с индивидуальной судьбой живого человека", – отмечает Ю.Манн [11].

Принципиально важное значение для понимания человеческой природы у Гоголя имеют такие понятия как страх, тоска и ужас. Страх – самый древний эффект, он всегда присутствует в подсознательном слое человеческой природы. Прежде всего – это страх экзистенциальный, перед магическими силами природы. В цикле "Вечера на хуторе близ Диканьки" человек, как частное, еще не

обособляется; преобладает изображение единства в пестроте и хаосе, в вечной, неистребимой, не знающей препятствий общей жизни утасает индивидуальная боль и страдания. По мере индивидуализации персонажей, выделении их из цельной общности, мы видим, как этот страх перерастает в ужас индивидуального существования. Бездна страха посещает Пульхерию Ивановну в образе кошки в полуденный час. Смерть страшна своим мгновенным переходом от жизни к небытию, смерть страшна, она и в малом и в великом человеке. Этот страх одного порядка с тоской и мистическим ужасом, являющийся "стоянием перед тайной бытия", от которого человек оторван. Тоска и мистический ужас неизвестно отчего происходит: причина тоски лежит не в нашем обыденном мире. Мистический страх, ужас переходит в восторг, в состояние, которое являет мир совершенным, и которое Достоевский называет "минутой вечной гармонии", Ницше "подлинным безумием", Гоголь "подлинной смертью".

Но есть еще один страх, имеющий источником социальную обыденность, парализующий свободу совести и засоряющий ее чистоту. Гоголь возводит в некий глобальный закон, всеобщий обезличивающий магнетизм чина, рождающий силу всеобщего страха. Общий страх становится основой всего драматургического действия "Ревизора", им пронизана вся атмосфера "Мертвых душ".

Ведя художественное исследование дисгармонии человеческой жизни, Гоголь прежде всего хотел выявить возможности комического вне трагических конфликтов жизни, в области "скучного". Это широкая область – от внешне идиллического быта "Старосветских помещиков" – до анекдотической ссоры и тяжбы двух миргородских приятелей, рассказ о которых заканчивается знаменитыми словами: "скучно на этом свете, господа!". Скука означает отсутствие энтузиазма, восхищения.

Мир обыденности неотвратимо подвергается опасности опошления. Пошлость закрывает трагизм и ужас жизни, она порождает совершенную удовлетворенность, довольство, ведет к потере всякой оригинальности, определенности жизни. К сожалению, цивилизация создает благоприятную почву для пошлости, порождая бесконечную повторяемость и однообразие.

В "Петербургских повестях" образ города приобретает гротескный характер, он весь соткан из художественных парадоксов. Воспроизводимые предметы теряют привычные очертания, внешний мир воссоздается в невероятных планах, комбинациях его

слагаемых. Важную роль играют здесь городская молва, слухи, "байки", "россказни" о загадочных происшествиях. Все это создает некую Фантастичность реального. Современный город соотносится с мифом об "антихристовом царстве". В "Невском проспекте" весь ход сюжета ведет от газетного "фельетона" к символу и мифу, к "демону" в финале [12].

Перемещая человека в новую урбанистскую среду, Гоголь изображает мир искусственных связей и отношений, где чин и карьера важнее человека. Власть денег губит человеческую душу, порождая меркантильность и продажность. Власть регламента, правил, "порядка" истребляет творческую и человеческую личность, ее самобытность. Человек обособлен от единого народного целого. Отсюда раздробление личности, устремившейся к самоутверждению любым способом, с помощью чина, звания... Две любви Акакия Акакиевича – к буквам, которые он механически переписывал, и к новой шинели, ставшей смыслом его жизни – ужасающе обозначили духовную стертость личности. Но вся бессмыслица и ничтожность жизни Башмачкина потому и есть трагедия пошлости, что в его скромной забитой душе все же смог пробиться эрос. Гоголь смог с такой силой описать пошлость потому, что ясно представлял себе ее противоположность – божественное начало в человеке. Гоголь верил в возможность изменения "природы" и "личности" человека – отсюда его отчаянный призыв к неприятию "земности", запятнавшей мир человека. Основной в эстетической антропологии Гоголя, в его представлениях о человеке была мысль о том, что в самом ничтожном человеке есть "поэтический огонь" [13].

Изображая человека в причудливо страшной атмосфере апокалипсического предчувствия, Гоголь использует принцип парадоксального смещения разнородного (Пирогов и Писарев в "Невском проспекте"), развивает мотив двойничества (подобие цели и подобие жизни). Этот мотив усложняется в "Записках сумасшедшего", где Гоголь использует прием оценки человеческих поступков через восприятие собачки Менджи.

Образы Гоголя – не сатирические карикатуры на определенных людей или даже на определенные типы. Это живые антиподы, двойники в нижнем мире. Гоголь не высмеивает кого-то, он пересаживает его в смеховой карнавальном мире, там прообраз живет другой жизнью, одновременно не будучи копией, и не лишаясь реальных черт. Поэтому Гоголь постоянно подчеркивал, что черты его персонажей присущи всем.

Герои его повестей – типичные представители массы, но в них вдруг обнаруживается сходство с исключительными личностями романтического искусства: при определенном повороте Поприщин, Башмачкин, Чертков могут быть сближены с трагическими, демоническими героями романтиков.

Но Гоголю не свойственно гармонизирующее преобразование "низкой прозы", в его творчестве трагическое и комическое не утрачивают резкой противоположности, а обретают взаимопроницаемость. Лишь иногда, в головокружительной диалектике великого и ничтожного возникают проблески какой-то правды о человеке и его конечной судьбе. Тогда сквозь индивидуальное, социально-типическое и прочие реалии проглядывает нечто универсальное. Гоголь потрясает тем, что, изображая современного человека, показывает и сохранность человеческого потенциала, человеческой природы и вместе с тем его "искаженность".

Гоголя интересовал прежде всего герой, не имеющий своего лица, своего дела, своей внутренней фантазии и мгновенно адаптирующийся под структуру окружающего пространства. Наряду с этим его интересовала мгновенная трансформация, резкое, беспереходное изменение человека, при котором нельзя говорить об изменении, то есть о внутреннем движении (Хома Брут из повести "Вий", многие персонажи "Петербургских повестей"). А Хлестаков уже не просто комедийный персонаж, он – "совершенный портрет своей эпохи", он – "никакой человек", подобно чистому листу бумаги, на котором каждый может написать, что хочет.

Будучи ничем, Хлестаков не просто раздувается. Раздуваясь, он заполняет собой ту общественную форму, которая была приготовлена для него общественностью провинциального города и в которую он попал случайно. Он стал для города всем, оставшись ничем. Гоголь гениально угадал "готовности" (Салтыков-Щедрин), которые есть или могут быть в человеческой натуре.

В центре "Мертвых душ" – антигерой, неуловимый, подобный Хлестакову "никакой" Чичиков. Через него и целую галерею ему подобных образов и раскрывается основное значение понятия "мертвых душ". "Мы сами тоже в какой-то мере мертвые души, пока не сможем реализовать скрытую в нас энергию, пока только живем-поживаем, как-то, кого-то любим, кого-то как-то ненавидим, вместо того, чтобы жить, любить, ненавидеть" [14].

Гоголь зорко подметил все те уродства, которые порождались действиями злых движений в душе. Духовное успокоение и есть

главная причина того, что силы зла вторгаются в нашу жизнь. Источник зла не в отдельной личности, а в чем-то, что стоит за нами, владеет всеми людьми. Привычные демонические образы из фольклора получают новое преломление в сознании Гоголя, приобретая форму бесовских наваждений: самолюбия, эгоцентризма, "обольщения богатством".

Пассаж о страстях, врожденных и приобретенных, является ключевым для понимания "мертвых душ", это дает возможность коснуться самых глубинных философских медитаций, вечных проблем бытия. Торгуя покойниками, Чичиков приобретает черты антихриста. Ведь христианство, в отличие от языческих верований, представляет покойников не безликой массой, а сохраняет за "душами" их земную личность. А законы Российской империи ставили знак равенства не только между крепостными, но и между живыми и мертвыми. Полная правдивость ужасающей "спекуляции" Чичикова заземляет его авантюру и придает описанию реальности апокалипсический характер.

Причину грустного положения человека писатель видит в упадке целостности в современной душе: "Как только энтузиазм средних веков угас и мысль человека раздробилась и устремилась на множество разных целей, как только единство и цельность исчезли, – вместе с тем исчезло и величие. Дело в упадке энтузиазма, то есть того эстетического вдохновения, которое собирает все силы духа и направляет в одно целое" [15].

Источником сопротивляемости пошлости, духовного упадка Гоголю служило глубокое убеждение в творческой мощи эстетических переживаний, в их способности освобождения духа от всего мелочного, узкого. Это и мысль о "девственных силах", изначально живущих в душе человека, это вера в магическую силу красоты над душой человека (исповедь Андрея прекрасной полячке, "бесовское сладкое чувство, странное наслаждение" Хомы Бруга от красавицы "припустившей" к себе сатану, чувство адского восхищения, зависти Черткова чудесным портретом).

Искусство могло бы затрагивать самые глубинные чувства, поэтому они мифичны: их мифическая природа наиболее видна в аналогии между казачеством и такой важной чертой образа божьего в православии как "множество-в-единстве", "троицы единой сущей и нераздельной": разрыв святых уз товарищества несет гибель одиночкам", – утверждает проф. Дейч [16].

Как указывает В. Розанов: "Гоголь изображает предметы и явления не в действительности, а в их пределах". Отсюда и "худож-

жественный платонизм" (определение проф. Зеньковского) с его огромной силой вхождения к "типическому" в людях, тому вечному, что лишь воплощено в плоть эмпирического бытия. Как в свое время алхимики в своих экспериментах, так и Гоголь преследовал единственную цель стимулировать наиболее глубоко лежащие слои и способствовать проекции психического в материальные вещи, другими словами, ощутить материальные феномены как символы, указывающие в направлении всеобщей теории о предназначении души. То, чем миф является для народа, конкретной культуры, для индивида предстает в виде символических образов, снов, видений, фантазий или лиризма.

В своих образах Гоголь уже перешел границы искусства: углубляясь в художественную стихию, он вышел за пределы своей личности, взлетев на крыльях экстаза, вылетел из мира, как безумная пани Катерина ("Страшная месть") [17], как чиновник Поприщин, совершающий бегство из мира чиновничьей пошлости в мнимый мир клинического безумия: "Дайте мне тройку быстрых как вихрь коней! Садись, мой ямщик, звени мой колокольчик, взвейтесь сани, и несите меня с этого света!" [18].

В этом плане показательны частые сцены полетов, путешествий, являющихся не просто пересечением пространства, сколько выражением страстного желания открытий и перемен. По Юнгу – это символ страстного стремления, неудовлетворенного желания, в принципе недостижимого, но могущего быть искомым [19]. Это своеобразная инициация, испытание, поиски, нащупывание света (заключительная сцена с птицей-тройкой в "Мертвых душах"). Архетипом путешествия является поиск центра или святого места, что олицетворяет путь из мрака. Человек пути, как всякий пророк не может возгласить программу, он проповедует движение в бесконечность, в мистический Центр, где нет ни вращения, ни беспокойства, ни импульсов, ни страданий. У Гоголя была "нравственная гениальность" (Мочульский), была чуткость ко всякой неправде в себе и в других людях. Все больше понимания, что главное зло – это то, которое живет и развивается в душе человека, в конце концов, он выбирает радикальный путь духовного преобразования и обретения геоцентризма, духовно-просветленного взгляда на жизнь. Теперь его самосознание, его оценку определяют не общие принципы морали, а то, что переживает душа в своем "стоянии перед Богом". "Мы призваны на битву с духом зла, со злой силой, опутывающей сердце людей и заглушающей строгую тайну жизни и сокровенную небесную музыку этой тайны" [20].

Поскольку жизненный принцип связан со злом, принцип добра может опираться только на аскетическую духовность. И Гоголь принимает максиму, "отрекаясь от себя", в зеркале его чистого сердца, не затуманенного страстями уже нет ничего человеческого и "образ божий в нем отражен один" ("Божественная литургия").

В этом произведении теургическая природа мифа необходимым образом сочетается с культом, как системой сакральных и теургических действий, богодействием и богослужением. Молитвы, песнопения, обряды, иконография подготавливают к главному (в культе) – евхаристии, к таинству, являющемуся переживанием трансцендентного в имманентном, сообщении "благодати" творения в определенных таинственных актах [21].

Далекое прошлое и далекое будущее соединились в изображении настоящего, в которое великий писатель вложил неведомую силу. Прозрев завесу неизведанного, он приблизился к Тайне тайн, оставив нам свою неразгаданную загадку.

Примечания:

1. *Лосев А.* Проблемы символа и реалистическое искусство. – М., 1976. – С. 7.
2. См. об этом подробнее: *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. – М., 1994. – С. 50-69.
3. *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М., 1965. – С. 236.
4. *Попович М.* Микола Гоголь. – К., 1987. – С. 45.
5. *Лотман Ю.* В школе поэтического слова. – Л., 1988.
6. *Зеньковский В.* Н.В. Гоголь. – Париж, С. 195.
7. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 7-ми тт. – М., 1984. – Т. 3. – С. 247.
8. Там же. – С.18.
9. *Schneider Marius.* El origen musical de las animales simbolos en la mitologia y la escultura antiguas.– Barselona, 1946.
10. См. об этом подробнее: *Бердяев Н.А.* О назначении человека. – М., 1993. – С. 155-172.
11. *Манн Ю.* Поэтика Гоголя. – М., 1978. – С. 38.
12. *Маркевич В.М.* Петербургские повести Н.В.Гоголя. – Л., 1990.
13. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 7-ми тт. – М., 1986. – Т. 4.
14. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 7-ми тт. – М., 1985. – Т. 5.
15. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 7-ми тт. – М., 1986. – Т. 6.

16. *Deutsch J.* The zaporozian cossacks of Nikolaj Gogol: In approach to God and man // Russian literature. – Amsterdam, 1987. – Vol.22. – № 3. – P. 359-377.

17. *Андрей Белый.* Символизм как миропонимание. Гоголь. – М., 1994. – С. 366.

18. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 7-ми тт. – М., 1984. – Т. 3. – С. 171.

19. *Jung C.* Symbols of Trasformation (Collected Works, 5). – London, 1956.

20. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 7-ми тт. – М., 1984. – Т. 3. – С. 171.

21. *Булгаков С.Н.* Свет невечерний. – М., 1994. – С. 64.

Аркадий Гольденберг

Слово и живопись в поэтике Гоголя как проблема сюжета и стиля

Определяя своеобразие гоголевского стиля, Ю.М. Лотман про- ницательно заметил, что «Гоголь часто, прежде чем описать ту или иную сцену, превратив ее в словесный текст, представляет ее себе как воплощенную театральными или живописными средствами» [1]. Эти специфические средства входят в гоголевские тексты как стилеобразующие элементы и тесно друг с другом связаны. Театральная эстетика становится важнейшей составляющей прозы Гоголя – от ранних «Вечеров на хуторе близ Диканьки» до позднейших «Размышлений о Божественной литургии» [2]. А своей живописностью гоголевское слово может поспорить с колоритом великих мастеров кисти.

Мало кто из русских писателей сможет соперничать с Гоголем по богатству и яркости цветовой палитры. Содержательный анализ цветописы Гоголя предпринял в свое время Андрей Белый. Однако проблема изобразительности гоголевского стиля имеет еще одну важную грань. Характерной чертой поэтики писателя является экфрасис, представляющий собой в прямом терминологическом смысле, как его понимали со времен античной риторики, «украшен- ное описание произведения искусства внутри повествования, кото- рое он прерывает, составляя кажущееся отступление» [3]. Для нас этот поэтический прием имеет более узкий смысл и относится в первую очередь к произведениям живописного искусства, описани- ями которых изобилует творчество Гоголя. Они включены в пове-

16. *Deutsch J.* The zaporozian cossacks of Nikolaj Gogol: In approach to God and man // Russian literature. – Amsterdam, 1987. – Vol.22. – № 3. – P. 359-377.

17. *Андрей Белый.* Символизм как миропонимание. Гоголь. – М., 1994. – С. 366.

18. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 7-ми тт. – М., 1984. – Т. 3. – С. 171.

19. *Jung C.* Symbols of Trasformation (Collected Works, 5). – London, 1956.

20. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 7-ми тт. – М., 1984. – Т. 3. – С. 171.

21. *Булгаков С.Н.* Свет не вечерний. – М., 1994. – С. 64.

Аркадий Гольденберг

Слово и живопись в поэтике Гоголя как проблема сюжета и стиля

Определяя своеобразие гоголевского стиля, Ю.М. Лотман про- ницательно заметил, что «Гоголь часто, прежде чем описать ту или иную сцену, превратив ее в словесный текст, представляет ее себе как воплощенную театральными или живописными средствами» [1]. Эти специфические средства входят в гоголевские тексты как стилиобразующие элементы и тесно друг с другом связаны. Театральная эстетика становится важнейшей составляющей прозы Гоголя – от ранних «Вечеров на хуторе близ Диканьки» до позднейших «Размышлений о Божественной литургии» [2]. А своей живописностью гоголевское слово может поспорить с колоритом великих мастеров кисти.

Мало кто из русских писателей сможет соперничать с Гоголем по богатству и яркости цветовой палитры. Содержательный анализ цветописы Гоголя предпринял в свое время Андрей Белый. Однако проблема изобразительности гоголевского стиля имеет еще одну важную грань. Характерной чертой поэтики писателя является экфрасис, представляющий собой в прямом терминологическом смысле, как его понимали со времен античной риторики, «украшен- ное описание произведения искусства внутри повествования, кото- рое он прерывает, составляя кажущееся отступление» [3]. Для нас этот поэтический прием имеет более узкий смысл и относится в первую очередь к произведениям живописного искусства, описани- ями которых изобилует творчество Гоголя. Они включены в пове-

ствование на правах внутренних микросюжетов, оказывающих существенное влияние на семантику и стилистику гоголевского текста. Сюжеты эти могут быть как секулярного, так и религиозного характера. Особенно значителен у Гоголя удельный вес живописных сюжетов на сакральные темы, но их интерпретация редко укладывается в рамки канонической традиции. «Торжеством искусства» кузнеца Вакулы в «Ночи перед Рождеством» стала картина на апокрифический сюжет изгнания святым Петром адского духа в день Страшного Суда. В одной из глав неоконченного романа «Гетьман» «на длинной деревянной доске нарисованы сцены из священного писания: тут был Авраам, прицеливающийся из пистолета в Исаака <...> и другие подобные» [4]. Несмотря на то, что библейские персонажи здесь больше похожи на украинских казаков, экфрасис вводит в произведения писателя архетипические сюжетные модели, которые придают бытовому или историческому повествованию универсализирующий характер [5].

Живописные версии сакрального сюжета могут, однако, входить в гоголевский текст и неявно, на уровне символического подтекста, причем связь словесного и живописного дискурсов выявляется лишь на метатекстовом уровне, как, например, в немой сцене «Ревизора». Одной из разновидностей экфрасиса является жанр «живых картин», на который Гоголь ориентировал исполнителей пьесы в «Отрывке письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору». Поэтика живых картин основана на уподоблении «сцены картине» или на «имитации живописного произведения» [6]. В авторском описании немой сцены картина-референт не названа, но как бы нарисована с помощью точного изображения поз и фигур всех ее участников.

Ю.В. Манн первым обратил внимание на сходство поэтических принципов немой сцены с эстетическим манифестом Гоголя эпохи «Арабесок» – статьей «Последний день Помпеи» [7], представляющей собой развернутый экфрасис [8]. Сама же картина К. Брюллова была, по мнению исследователя, пластическим выражением «сильного кризиса», чувствуемого современным человечеством, идею которого воплотил Гоголь в финале «Ревизора». Эсхатологическая составляющая немой сцены (идея Ревизии как Страшного Суда) была соотнесена ученым с иконографией Страшного Суда в средневековом изобразительном искусстве [9]. Этот ассоциативный живописный ряд был значительно расширен Гоголем в ходе переработки «Ревизора» для третьего издания в составе

последнего прижизненного собрания сочинений. В гоголевский метатекст, как показывает анализ творческой истории и поэтики «немой картины», должно быть включено, помимо творения К. Брюллова, и знаменитое полотно А. Иванова «Явление Христа народу» [10]. Замысел нравственного преображения персонажей комедии и ее зрителей как результат чаемого автором катарсиса находит отражение в композиции немой сцены, которая «многими своими деталями прозрачно имитирует картину распятия» [11]. Иными словами, поэтика немой сцены представляет собой «обратный» перевод словесного текста в изобразительное искусство.

Экфрасис у Гоголя выражает одну из ключевых эстетических идей писателя: о силе воздействия искусства, о его главной задаче – способствовать преображению человеческой души. Гоголевский текст не только хочет стать живописью, он стремится превысить, преодолеть силу ее визуального воздействия. Он обращен не к внешнему, а к внутреннему человеку. Именно в «Арабесках» была сформулирована концепция «невидимого, «внутреннего» произведения искусства, которое доступно лишь внутреннему, духовному глазу» [12]. По словам Сузи Франк, «Гоголь ожидает, что художественный текст сильнее картины подействует на внутреннее зрение, т.е. на воображение, с помощью которого увиденное еще и оживляется» [13]. Эффект «оживления» персонажей становится конечной целью экфрастического стиля «Мертвых душ» [14]. Его систематический анализ требует отдельного разговора. Мы же рассмотрим такой тип отражения живописного сюжета в гоголевском тексте, когда его присутствие может быть выявлено лишь на уровне исторической типологии стилей. Именно этот извод поэтики писателя и будет предметом нашего внимания.

Одной из важнейших составляющих замысла последней поэмы Гоголя является сюжет духовного преображения ее протагониста – Павла Ивановича Чичикова. В многослойной структуре образа главного героя поэмы соединились полярные культурные парадигмы: плута и богатыря, антихриста и апостола. Многоликость Чичикова, неуловимость внутреннего облика делают его загадкой не только для других персонажей поэмы, но и для ее читателей вплоть до последней главы первого тома. В ней автор рассказывает биографию героя, которая призвана эту загадку разрешить, ибо с дальнейшей судьбой персонажа связан замысел продолжения поэмы. История плута, «рыцаря копейки» неожиданно для читателя меняет изобразительный ракурс героя. Делая акцент на неодолимой силе его

характера, необычайной воле в достижении своих целей, автор использует житийные краски и наделяет образ протагониста-грешника задатками и свойствами, из которых может вырасти будущий «великий человек», как выражается о Чичикове один из героев второго тома. Метаморфоза подобного типа была основой сюжетов кризисных житий, восходящих к легендарной биографии апостола Павла. Не только имя и характер гоголевского персонажа, но и его сюжетная судьба особым образом ориентированы на архетип этого евангельского героя [15]. История бывшего жестокого гонителя христиан – «изверга Савла», обращенного из грешника в ревностного апостола новой веры, возникает уже в «Страшной мести». В надежде на свое спасение ее вспоминает «великий грешник» – колдун: «Слышала ли ты про апостола Павла, какой он был грешный человек, но после покаялся и стал святым» [I, 262] .

Продолжая анализ символической темы апостола Павла в поэме Гоголя, обратимся к чрезвычайно важной для культурного контекста, в котором создавались «Мертвые души», художественной традиции изображения этого евангельского сюжета в европейском искусстве [16]. Мы затронем лишь тот ее аспект, который непосредственно связан с воплощением идеи духовного преображения человека.

«Обращение апостола Павла» – один из самых разработанных и популярных сюжетов европейской живописи. Достаточно назвать здесь имена Рафаэля и Микеланджело, Караваджо и Веронезе, Тинторетто и Мурильо, не говоря уже о десятках других, менее прославленных и известных.

Любопытно, что эпизод обращения апостола с XII в. стал изображаться как падение Савла, ослепленного божественным светом и потрясенного небесным голосом, с коня. В Деяниях апостолов ничего не говорится о том, что Савл и его спутники в момент обращения были на конях. Поэтому в старейших версиях сцены – византийских манускриптах IX в. и мозаиках XII в. – будущий апостол изображен пешим. Трудно установить конкретные причины, которые сформировали устойчивую художественную традицию объединять в эпизоде обращения коня и падающего или упавшего с него Павла. Связь Павла с конем необычна и имеет принципиальный смысл, который питается многозначной и разветвленной семантикой мифологемы «коня» [17]. В качестве мифо-религиозного символа конь, как минимум, двулик: «Одна ипостась его героическая, солярная. Другая – погребальная и хтоническая»

[18]. В культурной традиции европейского средневековья, которая питалась этой символикой, образ коня связан с триадой «смерть-возрождение-бессмертие» [19].

Контраст нисходящего с небес света и тьмы, окружающей Павла и его спутников, имеет отчетливый иносказательный смысл. «Чудесность» события подчеркнута всеобщим изумлением и страхом. Показательно, что живописная традиция зафиксировала несколько вариантов положения фигуры Павла в момент его потрясения. Особый интерес представляют картины, изображающие Павла падающим или упавшим вниз головой. Промежуточное положение героя – уже не в седле, но еще не на земле, уже не Савла, но еще и не Павла – отражает динамику его духовного преображения, а также своеобразный катастрофизм низвержения.

Позиция «вниз головой» в христианской культуре входит в состав символического языка: «... в галерее образов, представленных в такой позиции, можно найти Иуду и Пилата, многочисленных преступников и осужденных, а прежде всего архетип их всех – Люцифера, Сатану, Антихриста» [20]. Средневековье детализировало знаковую природу падения Савла, предполагая интерпретацию различных положений упавшего. Так Григорий Великий, рассуждая на тему падения Савла и о двух типах падения вообще, отмечает, что упасть лицом вниз означает признать свои заблуждения, которые смываются слезами покаяния. Противоположная позиция – упасть на спину и потерять зрение – это как бы низвержение неразумной гордости, падение, не приводящее к покаянию [21]. Падение вниз головой предстает как «перевертывание»: являясь «опознавательным знаком существ подземных и демонических» [22], оно в то же время несет в себе позитивную семантику «инициации», повторного рождения.

«Переворачивание ведет к повторному рождению. Символический механизм может иметь связь с биологией человеческого зародыша: предродовая позиция – позиция вверх ногами <...> Человек рождается вниз головой, обращенный к земле, после чего выпрямляется, чтобы снова войти вниз головой в темноту. Позиция плода приводит к общему знаменателю рождение и смерть, свет и мрак, переворачивание и возвращение. Эта мифология так распространена, что легко поддается пародированию <...> Всеобщее переворачивание – это основной элемент пророческих эсхатологий», – пишет в своем труде, посвященном различным традициям изображения апостола Павла в искусстве, Ежи Василевский [23]. Он по-

лагает, что в живописных версиях обращения евангельский герой находится на полдороге между демоническим архетипом (Сатана, Антихрист) и его противоположностью, в позиции, означающей «неустанное искушение и вечные сомнения» [24].

Таким образом, живописное изображение обращения апостола Павла дает нам символическую картину, которая подразумевает двойственность универсального порядка: природы самого героя (Антихрист – Апостол) и пограничности ситуации (смерти и нового рождения, света и тьмы). В литературной традиции подобная двойственность восходит к мифологическому архетипу плутатрикстера, как связующего звена между профанным, шутовским и сакральным, серьезным, между смертью и новым рождением [25].

Вероятно, следует обратить внимание еще на такой характерный атрибут живописного облика Павла в «обращении», как **меч**. Он сопутствует апостолу Павлу и в других живописных сюжетах, нередко в сочетании с книгой в руке. Согласно преданию, Павел как римский гражданин был обезглавлен, а не распят. Изображение апостола с мечом есть символ его мученичества. Общая мифологическая семантика меча сводится к основному противопоставлению «жизнь – смерть» [26]. В христианской традиции появляется понятие «меч духовный», восходящее к Посланию к Ефессянам апостола Павла («меч духовный, который есть слово Божие» – Еф., 6: 17). Эта эмблематика получила широкое распространение при иллюстрировании русских духовных книг. Например, на фронтиспise сборника проповедей Лазаря Барановича «Меч духовный» (Киев, 1666) изображены царь Давид и апостол Павел, держащие каждый по мечу с надписями «Ветхий Завет» и «Новый Завет». В книге «Жизнь святого апостола Павла» (СПб., 1826) на фронтиспise дан портрет Павла (рисунки и гравюра С. Галактионова) с мечом в правой руке, который он прижимает крестом эфеса к сердцу острием вверх (к левому плечу). Такое последовательное изображение Павла с мечом, может, на наш взгляд, отчасти объяснить, почему повествователь дважды (в первом и во втором томах) обращает внимание читателей «Мертвых душ» на саблю Павла Чичикова, «которая ездил с ним в дороге для внушения надлежащего страха кому следует» [VI, 217].

Евангельская история обращения апостола Павла и способы ее живописной интерпретации в истории европейского искусства могут быть включены в интертекстуальный анализ «Мертвых душ», в которых идея будущего обращения Павла Чичикова порождает свой внутренний сюжет. Этот сюжет дает себя знать в первом томе

поэмы в серьезно-комических «катастрофах» Чичикова, образующих алгоритм движения его судьбы «верх–низ»; во втором томе масштаб жизненных неудач героя укрупняется и приводит к душевному потрясению, намекая на возможность действительного кризиса и перерождения. Цикличность ритма «верх–низ» тут как бы размыкается (но не отменяется окончательно), уступая место не только обостренному переживанию искушений, но, самое главное, мучительным сомнениям, мгновениям исповедального покаяния. В тюремном чулане Чичиков исповедуется перед Муразовым, рыдает, безжалостно рвет на себе одежду и волосы, «успокаиваясь болью, которою хотел заглушить ничем неугасимую боль сердца» [VII, 111]. Здесь впервые исповедь героя приобретает развернутый характер и соотносится уже не только с традиционными оправданиями плута, но и непосредственно с топикой религиозно-учительной литературы.

В сюжетно-композиционном строении поэмы многие эпизоды и отдельные сцены отмечены повышенной автономностью (свои эпические микросюжеты образуют даже развернутые, или гомеровские сравнения). Дидактическое начало и символический подтекст придают этим эпизодам оттенок иносказательности и притчеобразности. Соотносясь друг с другом по принципу метонимической метафоры, они составляют универсальный план эмпирического сюжета, его символическую ипостась. Замечено, что и автономность экфрасиса как выделенного места в художественном тексте «способствует сопоставлению текстовых элементов с макротекстом» [27]. С помощью экфрасиса «автор может незаметно открывать перспективу будущих событий» [28].

С учетом всего сказанного рассмотрим подробнее первую сюжетную «катастрофу» Чичикова – потерю «дороги» и падение в грязь после первой удачной сделки с Маниловым. Прежде всего, бросается в глаза ряд «странностей», непосредственно предшествующих указанному событию, – странное «предприятие» Чичикова, о котором читатель узнает впервые, неожиданное появление библейской стилистики в речевом поведении героя, не менее странное «родство» Чичикова с «чубарым», на которое намекают обращения Селифана к лошадям и др. Эти детали окрашивают повествование чудесным колоритом и постепенно подготавливают общую атмосферу «катастрофы». Резкая смена погоды («сильный удар грома», «дождь хлынул вдруг, как из ведра», «темнота была такая, хоть глаз выколи») и потеря дороги завершаются кульминационным моментом – падением Чичикова «руками и ногами

<...> в грязь» [VI, 41- 42]. Значима здесь реакция Селифана, которого «такой непредвиденный случай совершенно изумил» [VI, 42], недоуменное восклицание Коробочки, обращенное к Чичикову: «...да у тебя-то <...> вся спина и бок в грязи!» [VI, 46]. Последнее замечание символично: оно указывает на переворот героя во время падения на спину. В пределах комической ситуации «чуждость» события не разрушается; оно вызывает ассоциации с живописным сюжетом падения апостола Павла с коня, представляя перед читателем его трагический вариант. Сходны в обоих случаях ситуация дороги, неожиданное падение героев на землю, мотивы тьмы, слепоты, грома и дождя как метафор божественного вмешательства.

Божественное присутствие в живописной сцене обращения апостола Павла – важнейший элемент события. Это мог быть лик или фигура на небесах, нисходящий поток света и т. п. В «Мертвых душах» вторжение высших сил, естественно, передается иными средствами – через метафоры грома и дождя, оно звучит в метафорических определениях Селифана («время темное, нехорошее время») и, наконец, прямо объективируется сознанием Коробочки: «Какое-то время **наслал бог**: гром такой – у меня всю ночь горела свеча перед образом <...> Святители, какие **страсти!**» [VI, 45-46]. «Время» оказывается «наслано» Богом, и с этим соотнесен мотив «страстей».

Само переорачивание брочки, падение Чичикова и его «барахтанье в грязи» акцентируются повествователем, который неоднократно возвращается к этому эпизоду и его последствиям. Незначительное на первый взгляд дорожное происшествие неожиданно связывается с судьбой героя: «Но в это время, казалось, как будто сама судьба решила над ним сжалиться», в кромешной тьме появляется «свет», который «досягнул туманною струею до забора, указавши нашим дорожным ворота» [VI, 43-44]. Обратим внимание на символику «света», который исходит извне (он «досягнул... до забора») и связан здесь с мотивом потери и обретения пути. Дорожная «катастрофа» Чичикова становится первым звеном внутреннего символического сюжета обращения героя, именно с этого эпизода начинается крах его негодии.

Характерное не только для этой сцены, но и для поэтики Гоголя в целом сопряжение бытового и сакрального, обыденного и сверхъестественного, конкретного и символического с точки зрения исторической типологии стилей может быть соотнесено с барочной эстетикой Караваджо, в которой, по словам Б.Р. Виппера, «черты

реального быта» сочетаются «с иррациональностью образной речи» [29]. В основе таких картин художника, как «Обращение св. Павла», «Призвание св. Матфея», лежит принцип контраста света и тени. Ярко освещенный лучом света передний план этих монументальных полотен выделяется на погруженном в густую тень фоне. Этим достигается особая сила и ясность изображения и создается впечатление его непосредственной близости к зрителю. Эмоциональное напряжение возникает при неожиданном проявлении высокого трансцендентного начала в обыденной жизненной ситуации. Оно придает подчеркнуто бытовым, на первый взгляд почти жанровым сценам художника острую драматическую окраску, позволяющую передать экзистенциальный характер и метафизическую глубину духовного потрясения героев.

Будущий апостол Павел изображен художником на переднем плане картины лежащим на спине головой вперед. На нем одежда римского воина с мечом на поясе. Шлем упал с коротко остриженной головы. Руки широко раскинуты и протянуты вверх, к свету, куда устремлен его взгляд. Однако самого чудесного видения на полотне нет. Над Савлом стоит его крепкий конь. «Освещенная фигура коня развернута параллельно поверхности холста, контрастируя и с ракурсом, в котором дано тело Савла. Её тяжелые обобщенные массы и спокойная линия контура также оттеняют сложность, напряженность и взволнованность, присущие позе, положению, внутреннему состоянию Савла» [30]. Свет падает на лицо и обнаженные до колен мощные ноги крестьянина-слуги, держащего коня. Его взгляд устремлен вниз, на Савла. В сцене падения Чичикова фигуры расположены сходным образом. Селифан «стал перед бричкой <...> в то время как барин барахтался в грязи, силясь оттуда вылезть» [VI, 42-43]. У Гоголя дан процесс, у художника – результат. Если у Караваджо статичность композиции создает эффект прерванного движения, чтобы передать потрясение, «напряженное оцепенение Савла» [31], то в гоголевской сцене контраст между неподвижной фигурой Селифана и «барахтающимся» Чичиковым призван усилить остроту и динамику катастрофического низвержения героя. Энергичные попытки Чичикова *выбраться из грязи* в свернутом метафорическом виде воплощают биографический сюжет героя, дают модель его жизненной судьбы.

Искусствоведы отмечают замкнутость и исключительную логичность композиции этого полотна. Взгляд зрителя движется от находящейся «в сильном ракурсе» головы Савла в глубину,

«скользит по спокойным фигурам слуги и коня и снова возвращается к лицу Савла, чтобы острее почувствовать не только его потрясение, но и то, что причина этого потрясения ясна только ему, заключена в нем Самом. Благодаря этому композиция становится очень пространственной, а зритель оказывается как бы включенным в круг, образованный главной композиционной линией» [32]. В сцене падения гоголевского героя взгляд читателя совершает аналогичное круговое движение: от лежащего в грязи Чичикова к стоящему у брички Селифану и обратно.

Современники называли световые приемы Караваджо «погребным светом» и предполагали, что художник драпировал стены мастерской темной материей и пропускал свет через маленькое окошко в верхней части стены [33]. Типологически сходный прием наблюдаем у Гоголя: «Свет мелькнул в одном окошке и достигнул туманною струей до забора...» [VI, 43].

Мы уже упомянули о том, что падению гоголевского героя предшествуют странные разговоры Селифана с лукавым конем Чубарым, которого он сравнивает со своим баринном. Этот бессловесный персонаж словно бы выдвинут таким образом повествователем на авансцену. В словаре Даля «чубарый» означает пятнистую конскую масть [34]. Не исключено, что столь характерная колористическая деталь может быть аллюзией цветовых приемов Караваджо [35]. У Караваджо гигантское тело коня в *пегих пятнах* занимает почти все пространство картины. Такая интерпретация религиозного сюжета казалась современникам художника невыносимой провокацией. Служка церкви Санта Мария дель Пополо записал диалог прелата с художником: «Почему лошадь в середине, а апостол Павел лежит на земле?» – «Так надо!» – «Должна эта лошадь заменить Бога?» – «Нет, но она стоит в свете Бога» [36]. Гениальный живописец натуры, открывший новые способы изображения материальной природы, Караваджо в этой картине заставил их служить противоположной цели – воплощению торжества духовного начала. Зримой метафорой духовной трансформации будущего апостола становится «световой поток, опрокинувший и распростерший Павла», который, рождая «столь же интенсивный ответный импульс, пластически воплощенный в жесте героя, <...> наталкивается на неодолимое препятствие – громадную массу высящегося над Павлом коня» [37]. Конь, таким образом, становится ключевой фигурой в постижении сокровенного смысла изобраа-

женного события, своеобразным посредником между событием и его зрителями.

Оценивая картину Караваджо как, «возможно, самую революционную во всей истории искусства», Роберто Лонги связывал ее смысл с композиционным центром, и, «подобно тому, как Галилей перенес центр в своей системе мироздания», предлагал называть ее «Обращением коня» [38]. Воплощая свою идею превращения сверхъестественного в осязаемую реальность, – пишет другой историк итальянской живописи, – художник «делает центром картины огромное, гипнотически осязательное, ярко освещенное тело коня, как бы ослепляя зрителя отражением того света, который только что ослепил апостола Павла» [39]. Возникает эффект зеркальности, дающий возможность зрителю войти во внутреннее пространство картины и самому пережить чувство духовного потрясения, тот катарсис, который испытал Савл по дороге в Дамаск.

Оспаривая бытовавшую долгое время оценку художника как «грубого натуралиста», авторитетный исследователь творчества Караваджо обращает внимание на функцию света в его картине «Обращение св. Павла»: «Наше первое впечатление, что это реалистическая картина заурядного происшествия – человек, упавший с коня, – исчезает при осознании, что сам свет является причиной беспомощности человека, лежащего перед нами: руки его раскинуты, а глаза закрыты. Это свет чуда. Свет является самым мощным средством «магического реализма» Караваджо» [40]. В отличие от Рафаэля и Микеланджело, великих предшественников художника в трактовке сюжета, у Караваджо «нет неба». Поразительная смелость его художественных решений, отказ от идеализации религиозных персонажей и использования традиционных условных атрибутов в изображении сферы сакрального, волшебная сила света, способного приковать наше внимание к онтологическому смыслу религиозного сюжета, стали настоящим открытием для современников и оказали мощное воздействие на европейскую культуру Нового времени. По словам искусствоведа, «никто ни до, ни после Караваджо не сделал в этом смысле переживание обращения Павла подлинно человеческим, не прибегая к помощи сверхъестественной силы» [41].

Творчество Караваджо стоит у истоков великого художественного стиля – европейского барокко. Художник барокко изображает жизнь со всеми ее реальными земными подробностями, но эта картина «подсвечена» изнутри глобальными религиозно-мифологическими смыслами. Для поэтики Гоголя барокко было одной из важнейших

порождающих традиций [42], в которой требование «живописности» стиля стояло едва ли не на первом плане. Гоголя и Караваджо объединяет барочная тема иллюзорности внешней стороны действительности, барочный принцип совмещения видимого и невидимого. Их отражение мы находим и в петербургских повестях, и в драматургии Гоголя. В «Мертвых душах» изображение зримой поверхности жизни, ее вещественной материальной природы достигает предельной концентрации, видимой натуральности. Однако амбивалентность и онтологическая глубина гоголевского слова создают эффект остранения этой картины русской действительности: «как и в барочном искусстве, она освещена светом из другой сферы существования» [43]. Сквозь текст зримый проступает в поэме еще один, «невидимый» библейский текст.

Типологическая близость способов художественной интерпретации сакрального сюжета, сохраняющего свою универсальную значимость для Гоголя и Караваджо (при всех различиях природы их творчества), позволяет расширить круг произведений писателя, ориентированных на барочную эстетику Караваджо.

Микеланджело да Караваджо (1571-1610) по праву называют «первым современным художником» [44]. Его творчество оказало огромное влияние на европейскую живопись. Караваджизм стал одним из самых значительных направлений в искусстве XVII века. Он был важнейшим этапом в становлении художественного метода таких выдающихся художников, как Рубенс и Рембрандт, Веласкес и Рибера. Десятки европейских живописцев получили широкую известность благодаря творческому усвоению художественных открытий Караваджо. Для поэтики Гоголя эти открытия были не менее значимы. Об этом неоспоримо свидетельствует сам автор повести «Тарас Бульба», в «римской» редакции которой (1842) есть описание прохода Андрия и татарки через подземную часовню с образом католической Мадонны, «чуть-чуть» озаряемым светом лампадки: «Свет усилился, и они, идя вместе, то освещаясь сильно огнем, то набрасываясь темною, как уголь, тенью, напоминали собой картины Жерардо della notte» [II, 95]. Представляя описываемую сцену как картину, Гоголь использует любимый живописный прием Караваджо и его последователей-караваджистов, к числу которых принадлежал учившийся и работавший в Италии голландский художник Герард ван Хонтхорст (1590-1656). Он прославился картинами для римских церквей и за частое использование в своих композициях эффектов «погребного света», света свечей и

факелов получил прозвище «ночного Герарда» (Gherardo delle Notti). Можно указать и на другие примеры отражения в гоголевском тексте эстетики караваджизма. Описывая в романе «Гетьман» сцену ночной пасхальной службы в старой церкви, «автор просит читателей вообразить себе эту картину XVII–го столетия» [III, 277]. Гоголь представляет ее одновременно и как живописное полотно, и как «живую картину», построенную на резком контрасте искусственного света и тени, ставшем обязательным для последователей Караваджо: «Благоговейное чувство обнимало зрителя <...> Свет паникадила, отбрасываясь на всех, придавал еще сильнее выражение лицам. Это была картина великого художника, вся полная движения, жизни, действия и между тем неподвижная» [III, 278].

В одном из итальянских писем Гоголь писал о вечном городе: «На каждом шагу и в каждой церкви чудо живописи, старая картина, к подножию которой несут миллионы людей умиленное чувство изумления» [XI, 115]. А в составленном для А.О.Смирновой дневнике осмотра Рима («Путешествие Александры Осиповны») автор «Мертвых душ» делает запись: «*María del popolo* – надо вернуться» [IX, 490]. И кто знает, сколько раз возвращался в эту церковь писатель во время работы над своей поэмой [45].

Санта Мария дель Пополо была августинской церковью, которая следовала паулинской традиции. Представление о свете как эманации Бога, восходящее к Евангелию от Иоанна (Бог есть свет, который «во тьме светит, и тьма не объяла его» – Ин: 1, 5), получило свое развитие в стройном учении Августина о Божественном свете. Он ввел категории несотворенного (нетварного) и сотворенного (тварного) света, понимая под последним производное света нетварного. По его словам, «Бог есть истина, ибо сказано Бог есть свет». Если нетварный свет – это Бог, это истина в себе, то тварный – это истина явленная, религиозное озарение [46]. Именно в такой функции выступает свет в картине Караваджо, и, скорее всего, не случайно художник получил заказ на сюжет обращения Павла. Когда мы поднимаем глаза от картины, то видим свод вестибюля, где изображен Голубь Святого Духа. По Августину, Святой Дух был доверенным лицом Любви, которую апостол Павел поставил во главу добродетели, выше, чем Веру и Надежду [47]. Павел был единственным апостолом, восхищенным на третьем небе. Этот сюжет получил живописное воплощение в одном из самых известных римских полотен Хонтхорста, подробный рассказ о воз-

несении вошел в апокрифическое «Видение апостола Павла». Оно стало одним из источников «Божественной комедии» Данте, постоянно перечитываемой в Риме Гоголем. У Данте третье небо Рая – жилище Любви, управляющей Вселенной, царство Божественного света.

В капелле Черизи церкви Санта Мария дель Пополо Гоголь мог видеть два полотна Караваджо: «Обращение апостола Павла» и «Распятие святого Петра», также изображенного в позиции «вниз головой» [48]. Согласно церковному преданию, он был распят головой вниз при императоре Нероне. Однако Гоголь ни разу не упомянул имя Караваджо в своих римских письмах и в экскурсиях для друзей по Риму. К началу XIX века творчество самого Караваджо было основательно забыто. Многие его картины были заново атрибутированы только в первой половине XX века. О них почти ничего не пишут даже такие ценители итальянской живописи, как Гете в своем «Путешествии в Италию» и Стендаль в «Прогулках по Риму», назвавший Караваджо «великим художником» и «злодеем». Скандальная репутация еще затмевает признание подлинной ценности его полотен. По версии Роберто Лонги, которому принадлежит едва ли не главная заслуга нового открытия Караваджо в XX веке и возвращения его в ряд великих европейских живописцев, обе картины из капеллы Черизи не были широко известны, «если не считать хорошей копии с «Распятия», которая вскоре попала в Севилью, где помогла формированию Веласкеса как художника, и хорошей акварели, сделанной юным Хонтхорстом с той же картины», и «всегда страдали от размещения в темной капелле» [49]. И это, по его мнению, стало главной причиной их забвения большой европейской культурой. Однако три десятилетия спустя Говарду Хибборду удалось доказать, что «свет, который ослепляет Павла на картине, соединяется после полудня с настоящим солнечным светом из окна поперечного нефа готического собора» [50]. Известно, что, показывая своим друзьям художественные сокровища Рима, Гоголь особенно заботился о световых эффектах, стремясь представить картины и скульптуры в наиболее выигрышном ракурсе. «Он выбирал время, час, погоду, – светит ли солнце, или пасмурно на дворе, и множество других обстоятельств, чтобы показать нынче то, а не это, а завтра – наоборот», – вспоминал М.П. Погодин [51]. Вряд ли была исключением и церковь Санта Мария дель Пополо.

Комментируя художественные предпочтения Гоголя, отразившиеся в его римском путеводителе для А.О. Смирновой, современный исследователь особо подчеркивает равнодушие писателя к искусству XVII века [52]. Прямая отсылка в «Тарасе Бульбе» к живописным приемам Хонтхорста и необычайный для эстетических вкусов эпохи интерес Гоголя к барочной архитектуре, высокая оценка ее достоинств [53] свидетельствуют об обратном. Известно пристрастие Гоголя к чтению итальянских исторических хроник и биографий художников. Автор «Мертвых душ» хорошо ориентировался в истории итальянского искусства и, скорее всего, знал имя Караваджо. По словам А.О. Смирновой, писателю было известно «все, что относится до исторического развития, искусства» [54]. Но дело даже не в этом. Художественные открытия Караваджо к этому времени уже вошли в плоть европейской культуры, определив важнейшие стилевые тенденции ее развития.

К сожалению, не сохранилось свидетельств современников о посещении Гоголем барочной церкви Санта Мария делла Витория, важной для нашей темы не только тем, что за ее алтарем и по сей день хранится картина Хонтхорста «Восхищение апостола Павла на третье небо». Сотни ценителей искусства устремлялись сюда, чтобы увидеть общепризнанный шедевр барочного искусства XVII века – знаменитую скульптуру Лоренцо Бернини «Экстаз святой Терезы». Эстетика барокко тяготела к уничтожению границ между различными видами искусства, к синтезу, который понимался как слияние и растворение их друг в друге. Господство метафоры утверждало принцип всеобщей превратимости, всемогущество художественной иллюзии. Выдающийся зодчий и скульптор, Бернини более всего гордился тем, что смог в «Экстазе святой Терезы» уподобить скульптуру живописи.

Проблему синтеза искусств Гоголь сформулировал для себя уже в статьях «Арабесок». Значение живописи он видел прежде всего в расширении границ искусства: «Она берет уже не одного человека, её границы шире: она заключает в себе весь мир <...> Она соединяет чувственное с духовным» [VIII, 11].

В теории экфрасиса его иногда рассматривают как одну из разновидностей мимесиса или, пользуясь платоновским пониманием этого термина, как «подражание третьей степени» [55]. Сначала художник подражает природе, а потом уже писатель создает свой мимесис, опираясь на живописное изображение. Но Гоголь отнюдь не подражает Караваджо или Хонтхорсту: он решает типологически

сходные художественные задачи. Его экфрасис, подобно магическому свету Караваджо, «может изобразить неизобразяемое» [56].

Рисуя словесную картину, Гоголь отсылает читателя прямо, как в «Тарасе Бульбе» или «Портрете» [57], либо косвенно, как в «Игроках», «Ревизоре» или «Мертвых душах», – к определенной живописной традиции. И не только живописной. Исследование роли экфрасиса в русской литературе показало, что метатекст русской культуры закрепляет за ним сакральные коннотации, даже если речь идет о секулярном сюжете, и воспринимает экфрасис как «выделенное место в тексте, где проступает его высший, священный смысл» [58]. Этот вывод в полной мере можно отнести к творчеству Гоголя. Переводя свои сюжеты на язык живописных образов, писатель стремился не только соединить «чувственное с духовным», но и выйти из словесного текста в иное художественное пространство, способное «заключить в себе весь мир». Изучение проблемы синтеза искусств, взаимобратимости словесного, живописного и театрального дискурсов в поэтике Гоголя, включение их в контекст мировой художественной культуры должны приблизить нас к пониманию огромной изобразительной силы гоголевского стиля.

Примечания:

1. *Лотман Ю.М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М., 1988. – С.259.

2. Этот аспект гоголевской поэтики выносится за рамки статьи и требует специального рассмотрения. О театральности прозы Гоголя см.: *Шведова С.О.* Театральная поэтика барокко в художественном пространстве «Вечеров на хуторе близ Диканьки» // Гоголевский сборник / Под ред. С.А. Гончарова. – СПб., 1993. – С. 41-54; *Видугирите Инга.* Театральный код в «Размышлениях о Божественной Литургии» Н.В. Гоголя // Гоголевский сборник. Вып.2(4). – СПб., Самара, 2005. – С.169-179.

3. Экфрасис в русской литературе: Сборник трудов Лозаннского симпозиума. – М., 2002. – С. 5.

4. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т.3. – М.; Л.: АН СССР, 1937- 1952. – С. 294. *Далее все цитаты приводятся по этому изданию с указанием в квадратных скобках тома и страниц.*

5. См.: *Заславский О.Б.* Замысел «Гетьмана»: реконструкция сюжета и композиции // Гоголь как явление мировой литературы. – М., 2003. – С. 142.

6. *Лотман Ю.М.* Сцена и живопись как кодирующие устройства культурного поведения человека начала XIX столетия // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб., 1998. – С. 638.

7. *Манн Ю.В.* Комедия Н.В. Гоголя «Ревизор». – М., 1966.

8. *См: Франк С.* Заражение страстями или текстовая «наглядность»: pathos и ekphrasis у Гоголя // Экфрасис в русской литературе. – С. 31-41.

9. *Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя. – М., 1978. – С. 242.

10. *Лебедева О.Б.* Брюллов, Гоголь, Иванов (Поэтика «немой сцены» – «живой картины» комедии «Ревизор») // Поэтика русской литературы: К 70-летию профессора Ю.В. Манна. – М, 2001. – С. 113-126. Ср. итоговый вывод этого исследования: «Таким образом, живая картина Гоголя, изображающая «явление Мессии» в конце времен перед Страшным Судом, стала своеобразным вербально-пластическим синтезом тех же идей времени, которые породили кульминационные явления русской живописи 1830-1850-х годов – «Апокалипсис от Брюллова» и «Евангелие от Иванова» (С. 125).

11. *Тюна В.И.* Анализ художественного текста. – М. 2006. – С.130. Впервые на эту значимую гоголевскую аллюзию было указано в работе: *Тюна В.И.* Художественность живописного произведения. – Красноярск, 1987. – С. 214. См также: *Виротайнен М.Н.* Гоголевская мифология городов // Пушкин и другие. – Новгород, 1997. – С. 232.

12. *Штикер С.* Переворот мистического зрения: К вопросу о соотношении внутреннего восприятия и познания у Гоголя // Гоголевский сборник / Под ред. С.А. Гончарова. – СПб., 1994. – С. 27. О концепции внутреннего человека у Гоголя и ее связях с моральной философией и барочной поэтикой Г. Сковороды см.: *Гончаров С.А.* Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. – СПб., 1997. – С.120-150.

13. *Франк С.* Указ. соч. – С. 38.

14. *Там же.* – С. 41.

15. *Гольденберг А.Х.* «Житие» Павла Чичикова и агиографическая традиция // Проблема традиций и новаторства в русской литературе XIX – начала XX вв. – Горький, 1981. – С. 111-118; Житийная традиция в «Мертвых душах» // Литературная учеба. – 1982. – №3. – С. 155-162. О внимании Гоголя к посланиям апостола Павла и его деятельности см.: Keil R.-D. Gogol und Paulus // Die Welt der Slaven. – 1986. – Bd. 31. – S. 86-99.

16. *Гольденберг А.Х., Гончаров С.А.* Легендарно-мифологическая традиция в «Мертвых душах» // Русская литература и культура нового времени. – СПб., 1994. – С. 21-48. В этой работе был, в частности, поставлен вопрос о методологических принципах соотнесения поэтики «Мертвых душ» с традициями европейской живописи. См. также: *Гольденберг А.Х., Гончаров С.А.* Гоголь и Караваджо: к проблеме интерпретации символического сюжета // Восток-Запад: Пространство русской литературы и фольклора. – Волгоград, 2006. – С. 25-33.
17. Мифы народов мира: Энциклопедия. – Т.1. – М., 1987. – С. 666.
18. *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. – М., 1987. – С. 64.
19. Там же.
20. *Wasilewski J. S.* Święty Paveł – nawrocenie, odwrocenie i niepewność // Polska sztuka ludowa. – 1987. – № 1-4. – S. 179.
21. *Martone Th.* The Theme of the Conversation of Paul in Italian Paintings From the Early Christian Period to the High Renaissance. – N.Y.; London, 1985. – P. 169-171.
22. *Handwörterbuch des deutschen Altergläubens.* – Berlin, 1936-1937. –Bd. 8. – S. 1322.
23. *Wasilewski J. S.* Święty Paveł– nawrocenie, odwrocenie i niepewność. – S. 180.
24. Там же. – S. 182.
25. *Мелетинский Е. М.* Первобытные истоки словесного искусства // Ранние формы искусства. – М., 1972. – С. 173-180.
26. Мифы народов мира: Энциклопедия. – Т.2. М., 1988. – С. 149.
27. *Ходель Р.* Экфрасис и «демодализация» высказывания // Экфрасис в русской литературе. – С. 23.
28. Там же. – С. 24.
29. *Виппер Б.Р.* Статьи об искусстве. – М., 1970. –С. 464.
30. *Знамеровская Т.* Микеланджело да Караваджо. – М., 1955. – С. 47.
31. Там же. – С. 48.
32. Там же.
33. *Виппер Б.Р.* Проблема реализма в итальянской живописи XVII –XVIII веков. – М., 1966. – С. 39.
34. *Даль В.И.* Словарь живого великорусского языка. – М., 1955. – Т. IV. – С. 610.

35. Приносим благодарность М.А. Александровой, обратившей на это наше внимание.
36. *Ламбер Жиль*. Караваджо. – М., 2004. – С. 69.
37. *Ротенберг Е.И.* Западноевропейская живопись 17 века. Тематические принципы. – М., 1989. – С. 63.
38. *Лонги Роберто*. От Чимабуэ до Моранди. – М., 1984. – С. 292.
39. *Bunper Б.Р.* Проблема реализма в итальянской живописи XVII–XVIII веков. – М., 1966. – С. 48.
40. *Friedlaender W.* The Conversion of St. Paul: An Introduction to the Art of Caravaggio // *Friedlaender W. Caravaggio Studies*. – N.Y., 1969. – P. 10.
41. Там же. – P. 27.
42. См.: *Парфенов А.Т.* Гоголь и барокко: «Игроки» // *Arbor Mundi*. Вып. 4. – М., 1996. – С. 142-160. В этой статье четко обозначены барочные черты художественного универсума Гоголя, отмечено его типологическое сходство с творчеством Караваджо и, в частности, указано на параллель между комедией Гоголя и картиной Караваджо «Игроки». В обширной литературе по теме «Гоголь и барокко» см. одну из последних обобщающих работ: Хомук Н.В. Художественная проза Н.В. Гоголя в аспекте поэтики барокко. – АКД. Томск, 2000.
43. *Парфенов А.Т.* Указ соч. – С. 146.
44. *Свидерская М.* Караваджо. Первый современный художник. – СПб., 2001.
45. Сохранилось несколько свидетельств о посещении этого храма Гоголем: 18 декабря 1838 г. с В.А. Жуковским, 11 марта 1839 г. с М.П. Погодиным и его женой, в январе 1843 г. с А.О. Смирновой. См: Манн Ю.В. Гоголь. Труды и дни: 1809-1845. – М., 2004. – С. 524, 527, 644.
46. См.: *Данилова И.Е.* О свете и тени в живописи кватроченто // *Данилова И.Е.* Искусство средних веков и Возрождения. – М., 1984. – С. 91.
47. *Hibbord Novard.* Caravaggio. – N.Y., 1983. – P. 129.
48. Об отождествлении повествователем себя в ряду других сакральных персонажей с апостолом Петром в автобиографическом римском произведении Гоголя «Ночи на вилле» см.: *Вайсконф М.* Сюжет Гоголя. – М., 2002. – С. 584.
49. *Лонги Роберто*. От Чимабуэ до Моранди. – С. 292.
50. *Hibbord Novard.* Caravaggio. – P. 128.

51. *Погодин М.П.* Отрывок из записок // Русский Архив, 1865. – С. 887-894. Цит. по: *Вересаев В.В.* Гоголь в жизни. – Харьков, 1990. – С. 249.

52. См.: *Джулиани Р.* Гоголь в Риме // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1997. – № 5. – С. 22.

53. Там же.

54. См.: *Смирнова–Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. – М., 1989. – С. 50. В галерее Боргезе, которую Гоголь посещал вместе со Смирновой, творчество Караваджо представлено такими значимыми работами, как «Больной Вахх», «Юноша с корзиной фруктов», «Пишущий Иероним», «Мадонна со змеей», «Давид с головой Голиафа», «Иоанн Креститель».

55. *Ходель Р.* Указ. соч. – С. 24.

56. *Франк С.* Указ. соч. – С. 36.

57. Проблема экфрасиса в «Портрете» относится к числу наиболее изученных в гоголеведении. См. об этом: *Барабаш Ю.Я.* Європейське малярство чи візантійський іконопис? // Гоголеведческие студии. Вып. 7. – Нежин, 2001. – С.14-26; *Джулиани Р.* Гоголь, назарейцы и вторая редакция «Портрета» // Поэтика русской литературы: К 70-летию профессора Ю.В. Манна. – М., 2001. – С. 127-147; *Лепяхин В.В.* Живопись и иконопись в повести Н.В. Гоголя «Портрет». По редакции «Арабесок» // *Лепяхин В.В.* Икона в русской художественной культуре. – М., 2002. – С.164-199; *Кривонос В.Ш.* Портрет в «Портрете» Гоголя // Гоголевский сборник. Вып. 2(4). – СПб., Самара, 2005. – С. 73-80.

58. *Зенкин С.* Новые фигуры. Заметки о теории// Новое литературное обозрение. – 2002. – № 57. – С. 349.

Владимир Воропаев

Гоголь и Московский университет

Николай Васильевич Гоголь не учился в Московском университете, не занимал там никакой кафедры, хотя одно время этого желал. В 1834 году он раздумывал, искать ли ему кафедры всеобщей истории во вновь открывшемся тогда Киевском университете Святого Владимира (по совету М.А. Максимовича) или места адъюнкт-профессора в Московском университете (как рекомендовал М.П. Погодин). Из переписки Гоголя с последним мы знаем, что

51. *Погодин М.П.* Отрывок из записок // Русский Архив, 1865. – С. 887-894. Цит. по: *Вересаев В.В.* Гоголь в жизни. – Харьков, 1990. – С. 249.

52. См.: *Джулиани Р.* Гоголь в Риме // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1997. – № 5. – С. 22.

53. Там же.

54. См.: *Смирнова–Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. – М., 1989. – С. 50. В галерее Боргезе, которую Гоголь посещал вместе со Смирновой, творчество Караваджо представлено такими значимыми работами, как «Больной Вахх», «Юноша с корзиной фруктов», «Пишущий Иероним», «Мадонна со змеей», «Давид с головой Голиафа», «Иоанн Креститель».

55. *Ходель Р.* Указ. соч. – С. 24.

56. *Франк С.* Указ. соч. – С. 36.

57. Проблема экфрасиса в «Портрете» относится к числу наиболее изученных в гоголеведении. См. об этом: *Барабаш Ю.Я.* Європейське малярство чи візантійський іконопис? // Гоголеведческие студии. Вып. 7. – Нежин, 2001. – С.14-26; *Джулиани Р.* Гоголь, назарейцы и вторая редакция «Портрета» // Поэтика русской литературы: К 70-летию профессора Ю.В. Манна. – М., 2001. – С. 127-147; *Лепяхин В.В.* Живопись и иконопись в повести Н.В. Гоголя «Портрет». По редакции «Арабесок» // *Лепяхин В.В.* Икона в русской художественной культуре. – М., 2002. – С.164-199; *Кривонос В.Ш.* Портрет в «Портрете» Гоголя // Гоголевский сборник. Вып. 2(4). – СПб., Самара, 2005. – С. 73-80.

58. *Зенкин С.* Новые фигуры. Заметки о теории// Новое литературное обозрение. – 2002. – № 57. – С. 349.

Владимир Воропаев

Гоголь и Московский университет

Николай Васильевич Гоголь не учился в Московском университете, не занимал там никакой кафедры, хотя одно время этого желал. В 1834 году он раздумывал, искать ли ему кафедры всеобщей истории во вновь открывшемся тогда Киевском университете Святого Владимира (по совету М.А. Максимовича) или места адъюнкт-профессора в Московском университете (как рекомендовал М.П. Погодин). Из переписки Гоголя с последним мы знаем, что

он действительно имел намерение стать адъюнкт-профессором Московского университета [1]. И в письме к А.С. Пушкину – от 23 декабря 1833 года – Гоголь замечал, что ему предлагали место в Московском университете. Однако не вышло ни того, ни другого, – на деле получилось третье: министр народного просвещения граф Сергей Семенович Уваров предложил Гоголю профессуру по кафедре всеобщей истории при Петербургском университете, и он остался в Петербурге.

И все же Московский университет в судьбе Гоголя оставил заметный след. Вспомним о том огромном влиянии, которое оказывал университет в 1830–1840-е годы на культурно-общественную и литературную жизнь тогдашней России. «Московские студенты, – пишет в своих воспоминаниях о Гоголе Сергей Тимофеевич Аксаков, – все пришли от него в восхищение и первые распространили в Москве громкую молву о новом великом таланте» [2]. В числе этих студентов были Лермонтов, Гончаров, Тургенев, Герцен, Огарев, Станкевич, Белинский. Все они вышли на свои жизненные и творческие пути из Московского университета. Уже в 1835 году Белинский провозгласил Гоголя «главою литературы, главою поэтов» [3].

В 1834 году Гоголь был избран действительным членом состоящего при Московском университете Общества любителей российской словесности, секретарь которого Михаил Погодин предложил молодому писателю участвовать в работе Общества, но тот отделался шутливым письмом. «Я получил маленькое прибавление, впрочем, гораздо больше письма вашего, – писал Гоголь Погодину 13 марта 1834 года из Петербурга, – о венчании меня, недостойного, в члены Общества любителей слова, труды которого, без сомнения, слышны в Лондоне, Париже и во всех городах древнего и нового мира. Приношу вам чувствительную благодарность, почтеннейший секретарь общества, Михаил Петрович, и прошу также изъяснить ее благородному сословию. Но, увы! Вы избрали самого негодного члена, который даже не может ничего прислать вам по своей лености... Я хотел было, однако ж, прислать вам кое-что, но болезнь, которая приколотила меня было к кровати ровно на две недели, отняла всякую к тому возможность» [4].

Гоголь был выбран членом Общества любителей российской словесности вместе с братьями Киреевскими, поэтом Николаем Языковым, профессором Николаем Ивановичем Надеждиным. Но вскоре деятельность Общества приостановилась, и оно возобновилось шесть лет спустя после смерти Гоголя. Погодин, теперь уже председатель его, 7 февраля 1865 года читал на заседаниях отрыв-

ки из своих записок «Встреча с С.П. Шевыревым и Н.В. Гоголем в Риме в 1839 г.».

Общество не преминуло почтить память Гоголя в 1902 году, по поводу 50-летия со дня кончины писателя. Тогда в университете состоялось торжественное заседание, посвященное воспоминаниям о Гоголе. Университетское Общество любителей российской словесности, как известно, явилось главным инициатором сооружения памятника Гоголю по всенародной подписке. Он был открыт в Москве в 1909 году.

Через 12 лет после избрания Гоголя членом Общества любителей российской словесности Московский университет новым актом выказал свое отношение к писателю, избрав его в 1845 году почетным членом Московского университета. Факт этот хорошо известен. В 1901 году в «Киевской Газете» (от 21 октября) была напечатана заметка без подписи, где сказано, что известный журналист и прозаик Владимир Алексеевич Гиляровский, член Общества любителей российской словесности, привез из своей поездки в Яновщину диплом Гоголя на звание почетного члена Московского университета (переданный ему на хранение племянником писателя Николаем Владимировичем Быковым). Текст этого документа гласит:

«Состоящий под Высочайшим покровительством Государя Императора Николая Павловича Императорский московский университет, уважив отличные в ученом свете заслуги и литературные труды по части русской словесности господина коллежского советника Николая Васильевича Гоголя, признает его почетным своим членом, с полной уверенностью в его содействии Московскому университету во всем, что к успехам наук способствовать может. Дан в Москве июня 16 дня 1845 года».

Далее следуют подписи попечителя Московского учебного округа графа Сергея Строганова, ректора университета профессора Аркадия Альфонского и секретаря Совета Василия Спекторского [5]. Местонахождение этого диплома ныне неизвестно.

Итак, Гоголь в 1845 году был избран в почетные члены старейшего русского университета «за отличные в ученом свете заслуги и литературные труды». И этот акт был довольно редким в жизни Московского университета: со времени его основания Гоголь был одним из немногих писателей, возведенных в это звание. Университет удостоивал звания своего почетного члена преимущественно людей науки. В акте избрания сообщается, что 31 января

1845 года в присутствии Совета ректор на основании параграфа 30 общего устава университетов предложил в числе других избрать почетным членом коллежского советника Николая Васильевича Гоголя, на что последовало единодушное согласие всех членов Совета.

Архивы не сохранили подробностей. Возможно, с избранием Гоголя были сложности. 2 февраля 1845 года Погодин записал в своем дневнике: «Известие от Шевырева, что я избран в почетные (члены Московского университета. – В.В). Принц Ольденбургский, герцог Лейхтенбергский, Остроградский, Штруве, Востоков и Гоголь. Назначение последнего вопреки мнению аристократов и, может быть, правительства» [6]. Небезынтересно знать, как Гоголь отнесся к этому акту университета? Об этом нет никаких следов в его письмах. Возможно, он и вообще не высказался по этому поводу. Напомним, что лето 1845 года – один из труднейших моментов его жизни. Он был занят другими проблемами.

Теперь рассмотрим более подробно связи Гоголя с Московским университетом и его профессорами. В 1832 году он знакомится с профессором Михаилом Петровичем Погодиным, который вводит его в круг «москвичей». В среде профессуры Московского университета Гоголь находит не только искренних почитателей своего таланта, но и близких друзей. Такими друзьями остались до конца его жизни профессор Степан Петрович Шевырев, Михаил Александрович Максимович, Осип Максимович Бодянский. С двумя последними Гоголя связывало чувство любви к родной для них Украине, общие интересы в области изучения ее истории и фольклора.

С профессором Московского университета, а впоследствии ректором Киевского университета Святого Владимира Михаилом Максимовичем Гоголь познакомился в 1829 году. Оба увлеченно собирали народные песни, первое издание которых Максимович выпустил еще в 1827 году. Гоголь с юных лет любил народные песни и стал собирать их еще в Нежинской гимназии. Он был глубоким знатоком и собирателем устного народного творчества. «Моя радость, жизнь моя! песни! как я вас люблю! – писал он в 1833 году Максимовичу. – Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, перед этими звонкими, живыми летописями!.. Я не могу жить без песен» [7].

Именно в песнях находил Гоголь отражение настоящей народной жизни. «Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа», – писал он в статье «О малороссийских песнях» [8].

В 1834 году Московский университет издал второе собрание «Украинских народных песен» Максимовича. В предисловии автора было указано на «участие в труде его Н.В. Гоголя, нового историка Малороссии и автора "Вечеров близ Диканьки"». Это участие было весьма значительным. По свидетельству самого Гоголя, он передал Максимовичу около 150 собранных им песен, совершенно тому неизвестных. На титульном листе другой книги, изданной Московским университетом в том же 1834 году («Голоса украинских песен»), Максимович выставил эпиграф из статьи Гоголя «О малороссийских песнях»: «Ничто не может быть выше народной музыки, если только народ имел поэтическое расположение, разнообразие и деятельность жизни».

После смерти Гоголя были обнаружены еще две тетради с записями собранных им южнорусских и украинских песен. Изданные в 1908 году Отделением русского языка и словесности Академии наук под заглавием «Песни, собранные Н.В. Гоголем», они составили солидный том, заключающий свыше 400 страниц. Известно также, что свои записи песен Гоголь передал Петру Васильевичу Киреевскому, в его знаменитое собрание.

В близких отношениях к Гоголю стоял и другой его земляк – профессор Московского университета Осип Максимович Бодянский, один из основателей славяноведения в России. У Бодянского Гоголь брал уроки сербского языка, чтобы почувствовать красоту песен, собранных Вуком Караджичем. Сохранился рассказ поэта и журналиста Николая Васильевича Берга о дружбе Гоголя с Бодянским: «Каким-то таинственным магнитом тянуло их тотчас друг к другу: они усаживались в угол и говорили нередко между собой целый вечер, горячо и одушевленно...» [9]. Если ж Бодянского не было в числе приглашенных, то «появление Гоголя на вечере, иной раз нарочно для него устроенном, было почти всегда минутное. Пробежит по комнатам, взглянет; посидит где-нибудь на диване, большей частью один; скажет с иным приятелем два-три слова, из приличия... – и был таков» [10].

Теплое, дружеское отношение Гоголя к Бодянскому иногда высказывалось даже в кратких приписках в письмах его знакомых к последнему. Вот, например, выпавшие из внимания литературоведов строки Гоголя (их нет даже в академическом собрании сочинений писателя): «И я при этом тоже пользуюсь этим очень приятным для меня случаем. Вы не дали мне своего адреса, и потому я к вам не писал; притом же вы писали, что будете скоро в Риме. Очень благодарю вас за ваше письмо. Надеюсь увидаться с

вами в Праге, или лучше в Мариенбаде, и поговорить о многом интересном для нас обоих. Прощайте и будьте здоровы. Искренне вас любящий земляк Н. Гоголь». Эти забытые строки Гоголя содержатся в письме Погодина к Бодянскому из Рима от 21 марта (н. ст.) 1839 года [11].

Дружба Бодянского была деятельной. Он, например, способствовал изданию поэмы Гоголя «Мертвые души», напечатанной в типографии Московского университета (1842, 1846). Цензурный экземпляр первого издания хранится ныне в Научной библиотеке имени М.А. Горького. На ее титульном листе рукой автора написано: «Печатать на моей бумаге. 2400. Деньги сто рублей в задаток положил. Н. Гоголь». Впоследствии у Бодянского находилась рукопись «Размышлений о Божественной Литургии» – последней книги Гоголя, увидевшей свет после его смерти.

Наиболее близок к Гоголю в зрелые годы его жизни был Степан Петрович Шевырев. Ему Гоголь читал главы второго тома «Мертвых душ»: больше чем кому-либо – до седьмой включительно. Будучи доверенным лицом Гоголя в денежных и других делах, Шевырев принимал участие в издании его сочинений. Он разбирал бумаги, оставшиеся после смерти Гоголя, первым прочел «Авторскую исповедь» и другие сохранившиеся в рукописях произведения. В июне 1852 года он писал Анне Васильевне Гоголь, сестре писателя: «Когда я в первый раз читал его Размышления о Литургии, мне казалось, душа его носилась около меня, светлая, небесная, та, которая на земле много страдала, любила глубоко, хотя и не высказывала этой любви, молилась пламенно, и в пламени самой чистой молитвы покинула бременное, изнемогшее тело» [12].

В 1852 году, вскоре после кончины Гоголя, Российская академия наук приняла решение издать его биографию. Написать ее было поручено Шевыреву. С этой целью он отправился на родину писателя для сбора материала. Биографии Гоголя Шевыреву написать не удалось. Но сохранился документ, раскрывающий множество подробностей последних дней жизни и смерти Гоголя – письмо Шевырева от 2 апреля 1852 года к двоюродной сестре Гоголя Марии Николаевне Синельниковой (рожденной Ходаревской) [13].

Из переписки известного профессора истории Тимофея Николаевича Грановского можно заключить, что и он одно время находился в близких отношениях с Гоголем. «Здесь Гоголь, – сообщал Грановский Н.В. Станкевичу в 1840 году, – я его вижу два раза в неделю. Он был у меня» [14]. К сожалению, нет более подробных

сведений об их отношениях. «Вот вам весть, горькая для каждого порядочного человека в России, – писал Грановский тому же Станкевичу на другой день после похорон Гоголя, – Гоголь умер... Похоронили его вчера со всеми почестями, приличными последнему великому писателю русской земли» [15]. Грановский выступил инициатором общественной организации похорон Гоголя. Московский университет, в лице лучших своих представителей поддерживавший первые шаги молодого писателя, проводил его и в последний путь.

На похоронах Гоголя возникли споры. Друзья хотели отпевать его в приходской церкви Преподобного Симеона Столпника, которую он любил и посещал. Однако по настоянию начальства Гоголь был отпет в университетской церкви Святой мученицы Татианы. Позднее, в 1881 году Иван Сергеевич Аксаков в письме к известному библиографу Степану Ивановичу Пономареву так освещал эту распрю: «Сначала делом похорон стали распоряжаться его ближайшие друзья, но потом университет, трактовавший Гоголя в последнее время как полусумасшедшего, опомнился, предъявил свои права и оттеснил нас от распоряжений. Оно вышло лучше, потому что похороны получили более общественный и торжественный характер, и мы все это признали и предоставили университету полную свободу распоряжаться, сами став в тени» [16].

Гроб с телом Гоголя был перенесен в университет. Почетный караул из шести студентов, сменявшихся каждые два часа, дежурил при нем день и ночь. Профессора Анке, Морощкин, Соловьев, Грановский, Кудрявцев вынесли гроб из церкви, а студенты пронесли его на руках всю дорогу до кладбища [17]. Вся Москва провожала в последний путь своего любимого писателя.

Известный русский педагог Сергей Александрович Рачинский (оставивший профессорство в Московском университете и ставший крестьянским учителем) рассказал историю одной литографии, изданной спустя несколько дней после смерти Гоголя: «Вскоре после кончины Гоголя тело его было положено в гроб и перенесено в церковь Московского Университета. Тут около гроба до самого погребения постоянно дежурили студенты. В одном из таких ночных дежурств участвовал мой покойный брат, Владимир Александрович Рачинский, тогда студент четвертого курса юридического факультета. Обладая немалым талантом к рисованию и желая сохранить воспоминание об этом скорбном и торжественном бдении, он в первом часу ночи принялся рисовать профиль покойного, надеясь, что он успеет окончить рисунок без свидетелей. Но в это время вошла в церковь гр<афия> Е.П. Ростопчина, задра-

пированная по-испански в черные кружева, все еще прекрасная. Долго молилась она перед гробом, а затем обратила внимание на рисующего юношу, взглянула на его набросок и была поражена достигнутым сходством и передачею печати важного покоя, лежавшей на чертах усопшего.

На другой день она рассказала о портрете Вл<адиамиру> Ив<ановичу> Назимову, тогдашнему попечителю Моск<овского> Унив<ерситета>. Он также пожелал на него взглянуть и настоял на том, чтобы он был воспроизведен и пущен в продажу. Так и сделали. Портрет был налитографирован в ограниченном количестве экземпляров и в несколько дней раскуплен. У меня сохранилась расписка, писанная рукой Ст<епана> П<етровича> Шевырева о получении от В.А. Рачинского 143 р<ублей> на сооружение памятника Гоголю. По прошествии нескольких дней каким-то убогим рисовальщиком была пущена в продажу лубочная копия в уменьшенном виде с рисунка моего брата, с прибавкой разных безвкусных эмблем» [18].

Писательница Евгения Тур (Салиас де Турнемир) сообщала профессору Максимовичу 25 февраля 1852 года, что «Университет открыл подписку на бюст Гоголя для университетской библиотеки и хочет учредить стипендию во имя покойного...» [19]. Стипендия действительно была учреждена, но это произошло в 1864 году, когда наследники Гоголя предоставили в распоряжение университета для этой цели 2500 рублей. И сегодня в Московском университете есть стипендия имени Гоголя.

В этой связи напомним, что сам Гоголь еще в 1844 году создал на свои средства фонд помощи нуждающимся студентам Московского университета, определив для этой цели доход от своих сочинений. Поручая Сергею Тимофеевичу Аксакову организацию помощи бедным талантливым студентам, Гоголь писал ему из Рима 25 ноября (н. ст.) 1845 года: «Имя дающего должно быть навсегда скрыто...» [20].

В распоряжении профессора Шевырева находились деньги Гоголя, предназначенные «на вспоможение бедным людям, занимающимся наукою и искусством» [21]. Из этих средств Шевырев оказывал помощь, в частности, Петру Ивановичу Бартеневу, будущему редактору и издателю журнала «Русский Архив», и молодому художнику Владимиру Осиповичу Шервуду, впоследствии академику живописи, известному архитектору, по проекту которого построено здание Исторического музея на Красной площади [22].

Гоголь был знаком и состоял в переписке с Дмитрием Константиновичем Малиновским, студентом математического факультета Московского университета, автором статьи «О том, как надо разуть смешное в произведениях Гоголя», сохранившейся в рукописи и напечатанной в наше время [23]. Он оставил о Гоголе свои воспоминания.

Итак, как видим, связи и отношения Гоголя с Московским университетом чрезвычайно разнообразны. И сегодня эта духовная связь писателя с университетом не прерывается. В 1995 году настоятель храма Святой мученицы Татианы, домовый церкви Московского университета, протоиерей Максим Козлов, выпускник филфака, освятил мемориальные комнаты Гоголя в Москве в доме на Никитском бульваре (впервые после 1917 года), а также и сам филфак (первый среди факультетов университета). С той поры каждый год, в день смерти Гоголя, священник университетской церкви служит литию в доме, где Гоголь провел последние годы своей жизни.

Примечания:

1. См. письмо Гоголя к М. П. Погодину от 23 июня 1834 г. См. также письмо Гоголя к А. С. Пушкину от 23 декабря 1833 г.
2. Гоголь в воспоминаниях современников. – Без м. изд., 1952. – С. 92.
3. *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. – М., 1976. – Т. 1. – С. 183.
4. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. – Без м. изд., 1940. – Т. 10. – С. 302.
5. См.: Новинки для биографии Н.В. Гоголя // Киевская Газета. – 1901. – № 293. – 21 октября. – С. 2.
6. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. – СПб., 1894. – Кн. 8. – С. 87.
7. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. – Т. 10. – С. 284.
8. Там же. – Т. 6. – С. 90.
9. Гоголь в воспоминаниях современников. – С. 502.
10. Там же.
11. Русский Архив. – 1895. – № 5. – С. 116.
12. Русская Мысль. – 1896. – № 5. – С. 192.
13. См.: *Воронаев В.А.* С.П. Шевырев о последних днях жизни и о смерти Н.В. Гоголя // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Материалы III Голицынских чтений 20–21 января 1996 года. – Ч. 2. – Большие Вяземы, 1996.

14. Т.Н. Грановский и его переписка. – М., 1897. – Т. 2. – С. 384.
15. Там же. – С. 297.
16. Письма к библиографу С. И. Пономареву. – М., 1915. – С. 142.
17. См.: Русский Архив. – 1907. – № 11. – С. 438.
18. РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1305.
19. Русский Архив. – 1907. – № 11. – С. 437.
20. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. – Т. 12. – С. 541.
21. *Чаговец В.А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим Обществом Нестор-летописца. – Киев, 1902. – Отд. III. – С. 61.
22. См.: *Воропаев В.* «Меня очень занимал Гоголь...» Из «Записок» В.О. Шервуда // Собеседник. Литературно-критический сборник. – М., 1987.
23. См.: *Малиновский Д. К.* О том, как надо разуместь смешное в произведениях Гоголя / Публ. и примеч. И.А. Виноградова // Н.В. Гоголь и Православие. – М., 2004.

Игорь Виноградов

Неопубликованные воспоминания о Н. В. Гоголе его матери

В настоящем издании впервые печатаются две неопубликованные рукописи с воспоминаниями о Гоголе его матери, Марии Ивановны Гоголь-Яновской (рожденной Косяровской, 1791 – 31 марта 1868). Этими воспоминаниями Мария Ивановна поделилась с биографами сына в год его кончины (1852). Лишь одна из рукописей – письмо по поводу статьи П.А. Кулиша «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя» – была частично использована Кулишом в первом томе его «Записок о жизни Н.В. Гоголя» (СПб., 1856). Второй источник – сделанные со слов Марии Ивановны записи о Гоголе в путевом дневнике С.П. Шевырева – остался невостребованным.

Мемуары М.И. Гоголь-Яновской по сей день служат самым полным документальным источником наших сведений о детстве Гоголя, о его «родовом» окружении. Первым толчком к написанию мемуаров послужила, по-видимому, одна из поездок Марии Ивановны в Москву, которые она совершила еще при жизни сына. В

14. Т.Н. Грановский и его переписка. – М., 1897. – Т. 2. – С. 384.
15. Там же. – С. 297.
16. Письма к библиографу С. И. Пономареву. – М., 1915. – С. 142.
17. См.: Русский Архив. – 1907. – № 11. – С. 438.
18. РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1305.
19. Русский Архив. – 1907. – № 11. – С. 437.
20. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. – Т. 12. – С. 541.
21. *Чаговец В.А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим Обществом Несторалетописца. – Киев, 1902. – Отд. III. – С. 61.
22. См.: *Воропаев В.* «Меня очень занимал Гоголь...» Из «Записок» В.О. Шервуда // Собеседник. Литературно-критический сборник. – М., 1987.
23. См.: *Малиновский Д. К.* О том, как надо разуместь смешное в произведениях Гоголя / Публ. и примеч. И.А. Виноградова // Н.В. Гоголь и Православие. – М., 2004.

Игорь Виноградов

Неопубликованные воспоминания о Н. В. Гоголе его матери

В настоящем издании впервые печатаются две неопубликованные рукописи с воспоминаниями о Гоголе его матери, Марии Ивановны Гоголь-Яновской (рожденной Косяровской, 1791 – 31 марта 1868). Этими воспоминаниями Мария Ивановна поделилась с биографами сына в год его кончины (1852). Лишь одна из рукописей – письмо по поводу статьи П.А. Кулиша «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя» – была частично использована Кулишом в первом томе его «Записок о жизни Н.В. Гоголя» (СПб., 1856). Второй источник – сделанные со слов Марии Ивановны записи о Гоголе в путевом дневнике С.П. Шевырева – остался невостребованным.

Мемуары М.И. Гоголь-Яновской по сей день служат самым полным документальным источником наших сведений о детстве Гоголя, о его «родовом» окружении. Первым толчком к написанию мемуаров послужила, по-видимому, одна из поездок Марии Ивановны в Москву, которые она совершила еще при жизни сына. В

1839 году ее дочери Анна и Елисавета заканчивали в Петербурге Патриотический институт благородных девиц, куда их в 1832 году устроил брат. Он же забрал их оттуда и 21 декабря 1839 года привез в Москву, остановившись в доме М.П. Погодина. В первой половине апреля 1840 года в Москву с младшей дочерью Ольгой приехала Мария Ивановна. Целью ее приезда было увидеться с сыном и забрать домой дочь Анну (Елисавета оставалась в Москве). Пробыв здесь около двух недель, М. И. Гоголь 27 апреля 1840 года, вместе с дочерьми Анной и Ольгой, отправилась обратно в Васильевку.

Второй раз Мария Ивановна приехала в Москву с дочерью Анной два года спустя – в день именин сына 9 мая 1842 года. Гоголь хлопотал в то время об издании первого тома «Мертвых душ» и собрания своих сочинений в четырех томах. 23 мая 1842 года он уехал в Петербург, чтобы отправиться затем за границу, а Мария Ивановна с дочерьми Анной и Елисаветой отбыли из Москвы на родину неделю спустя, после 30 мая. Именно в эту неделю, до отъезда семьи Аксаковых на дачу 28 мая, Сергей Тимофеевич Аксаков посоветовал М.И. Гоголю написать воспоминания о детстве ее сына. В «Истории моего знакомства с Гоголем» С.Т. Аксаков вспоминал: «Мать Гоголя с дочерьми уехала в свою Васильевку, или Яновщину, уже после нашего переезда на дачу... <...> Вера очень справедливо пишет в письме к М. Карташевской <от 29–30 мая 1842 года>, что как-то странно видеть мать Гоголя и слышать, как она говорит о нем. <...> Она, конечно, не может смотреть на него иначе, как на сына, и во всех словах о нем слышится материнское чувство... <...> Как интересны все те мелочные подробности, которые она рассказывает про детство своего Николиньки! Например: как он написал один раз какое-то сочинение [1] и поднес ей, а потом сам же тихонько утащил его и, вероятно, истребил, как она подозревает, и пр. и пр. <...> Вера прибавляет, что я советовал М<арье> И<вановне> записывать все воспоминания о детстве сына (кажется, всего было бы более надежнее записывать их самим нам)...» [2, 71–72].

Первое упоминание о мемуарных записках матери Гоголя встречается в письме от 9 октября 1842 года знакомой Гоголя Н. Н. Шереметевой, с которой Мария Ивановна познакомилась в Москве в 1842 году. Получив письмо от Марии Ивановны, Шереметева отвечала: «Очень вам благодарна за подробное описание об себе с самого детства. Надо пребывать в этой уверенности, все, что с нами случается, не без промыслу...» [3, 61].

После смерти Гоголя Академия наук поручила составление гоголевской биографии его другу, поэту и критику, профессору Московского университета Степану Петровичу Шевыреву (1806–1864). Весной 1852 года Шевырев приступил к сбору материалов для биографии Гоголя. 2 апреля 1852 года он обратился к двоюродной сестре Гоголя М.Н. Синельниковой с просьбой: «Я полагал бы написать биографию Николая Васильевича; кроме моего желания собственного, Академия возложила на меня это поручение. Вы можете мне много содействовать к совершению этого труда...» [4, 443]. Мать Гоголя, узнав о намерении Шевырева, обратилась к нему в конце апреля 1852 года с письмом из Васильевки: «...Из письма Вашего, писанного Вами к племяннице моей, Марье Николаевне Синельниковой, из которого она прислала мне копию, видно желание Ваше узнать все подробности о моем сыне – <это> Вы можете узнать от одной матери его... <...> Как бы я желала, чтобы Вы пожаловали к нам для рассмотрения моего сына писем, так как Вам поручено написать его биографию» [5, 762].

Однако первым биографом Гоголя суждено было стать не Шевыреву, а П.А. Кулишу, который, узнав от П.А. Плетнева о намерениях Шевырева, постарался его опередить [6]. В 1852 и в 1853 годах Кулиш написал о Гоголе две статьи, из которых вырос позднее его «Опыт биографии Н.В. Гоголя, со включением до сорока его писем» (СПб., 1854); спустя два года этот труд превратился в двухтомное издание под названием «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем» (СПб., 1856).

Первая биографическая работа о Гоголе П.А. Кулиша – статья «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя» – была опубликована в апрельском номере журнала «Отечественные Записки» за 1852 год – почти одновременно с началом работы Шевырева над биографией Гоголя. Сестра Гоголя, Анна Васильевна, в приписке к письму матери от конца апреля 1852 года сообщала Шевыреву об этой статье Кулиша: «...На днях мы прочли в "Отечественных записках" статью под заглавием "Несколько черт для биографии Н.В. Гоголя". В этой статье очень мало правды, что заставило меня немедленно написать Вам некоторые возражения на эту статью, на многие пункты: Н.В. Гоголь родился не в д<еревне> Васильевке, но в местечке Сорочинцах, где тогда жил знаменитый доктор Трохимовский. Именье отца его тогда состояло не из 80-ти, но 130-ти душ и потом из 200. Он бывал

у Трощинского как у родственника, и Трощинский не был сын простого казака, но отец имел 100 душ – стало быть, был дворянин, и брат его был сотником. О том, что он не любил иностранных языков, особенно немецкого, можно найти опровержение в его письмах из Нежина. Он не имел желаний быть актером, что также можно видеть из его писем из Петербурга за 30-й и 31-й год. Насчет его поездки за границу можно также получить некоторые сведения из его писем. После смерти отца у него было не две сестры, но четыре, из которых последней было только две недели, и двух средних он после поместил в Патриотический институт. Старшая сестра потом умерла, и ее сын Николай Трушковский теперь в Казанском университете; Вы, может быть, помните: он заезжал к Вам по совету своего дяди назад тому два года. Из его писем вообще и из устных некоторых рассказов маменьки можно составить верную биографию, особенно его юношеских лет. Хорошо, если бы Вам можно самим приехать <...> жаль если ваши занятия не позволят Вам предпринять эту поездку...» [5, 762–763]. Шевырев около 20 июня 1852 года отвечал А.В. Гоголь: «Примите мою душевную благодарность за письмо ваше и за все подробности, которые вы сообщаете о биографии Николая Васильевича, в опровержение напечатанным. Лучшим опровержением всем клеветам, постигшим его память, чистую и светлую, и всем неверностям, может быть его полная и верная биография, извлеченная из его писем. Жду с нетерпением той минуты, когда кони из Полтавы помчат меня в вашу Васильевку» [7, 192].

Первым, кто посетил Марию Ивановну в родовом имении с целью услышать ее воспоминания о сыне, стал, однако, не Шевырев, а младший современник и знакомый Гоголя Г.П. Данилевский, который побывал в Васильевке 10 июня 1852 года (ранее первым из московских и петербургских друзей Гоголя, кому довелось побывать на родине Гоголя, был М.П. Погодин, гостивший в Васильевке летом 1842 года). Первоначально Данилевский предполагал приехать на родину Гоголя вместе с Шевыревым. Спустя две недели после посещения Васильевки, 26 июня 1852 года, он сообщал П.А. Плетневу из Киева: «В Москве я виделся с Шевыревым и сказал ему, что, проездом из Полтавы в Киев, намерен посетить “Хутор близ Диканьки”, родину Пасечника Рудого Панька. Шевырев мне объявил, что он также едет сюда для собрания на месте рождения и детства Гоголя сведений о его биографии и для окончания условий с его матерью касательно издания его полного собрания сочинений. Мы

условились быть в “Яновщине” в конце июня» [8, 186]. Встреча Данилевского и Шевырева в Васильевке не состоялась. 14 октября 1852 года в газете «Московские Ведомости» (№ 124) появилась статья Данилевского «Хуторок близ Диканьки» (С. 1277–1280), в которой были помещены записанные биографом в июне 1852 года рассказы М.И. Гоголь о сыне. Эта статья стала первой публикацией мемуарных свидетельств о Гоголе его матери.

Шевырев приехал в Васильевку, вместе с сыном Борисом, спустя месяц после посещения Данилевского, 10 июля 1852 года. Он привез тогда наследникам Гоголя оставшиеся после его смерти бумаги и продолжил сбор сведений о жизни писателя. Официальное извещение о том, что Шевырев трудится над составлением биографии Гоголя, появилось в печати полгода спустя, в феврале 1853-го. Сообщение об этом сделал П.А. Плетнев в отчете о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук, прочитанном 29 декабря 1852 года в торжественном годичном собрании Академии: «В истекающем 1852 году академик Шевырев <...> по смерти Гоголя <...> разбирал бумаги его, которых издание поручено ему родственниками покойного. <...> Прошедшим летом он совершил поездку в Малороссию и собрал в семействе Гоголя многие материалы для его биографии, Отделением нашим порученной академику Шевыреву. Эти материалы состоят преимущественно в письмах Гоголя, начинающихся с самого детства его. Отрывки из них приготовлены также к изданию» [9, стб. 51]. Публикуемые записи о Гоголе, со слов Марии Ивановны, в путевом дневнике Шевырев, несомненно, собирался использовать в готовившемся им по поручению Академии жизнеописании Гоголя.

Вторая публикуемая в настоящем издании рукопись с мемуарными свидетельствами М.И. Гоголь о сыне представляет собой ее отклик на упомянутую статью П.А. Кулиша «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя», напечатанную в 1852 году в апрельском номере «Отечественных Записок». Эта статья была опубликована в журнале без подписи, так как вплоть до апреля 1856 года печатать свои произведения Кулишу было запрещено: за причастность к сепаратистской деятельности Україно-Славянского Общества (организаторы называли свой кружок Обществом Св. Кирилла и Мефодия), Кулиш осенью 1846 года был арестован, отправлен в Петропавловскую крепость, а затем выслан на три года на службу в Тулу с учреждением над ним полицейского надзора.

Как следует из вышеприведенного письма А.В. Гоголь от конца апреля 1852 года, статья Кулиша стала известна родным Гоголя сразу по выходе указанного номера «Отечественных Записок». Однако, Кулиш, по-видимому, не надеясь на то, что его работа могла быть прочитана родными Гоголя в журнале, послал Марии Ивановне в сентябре 1852 года отдельный оттиск статьи. На это указывают начальные строки публикуемого письма М.И. Гоголь: «Отвечая на присланную мне печатную тетрадку биографии моего сына неизвестным мне автором, вижу расположенность его к моему Ангелу, но незнание его о многом в нашей жизни заставляет меня, что очень натурально, отвечать по пунктам». 3 октября 1852 года Мария Ивановна сообщала О.Сем. Аксаковой: «...Недавно я получила печатную брошюру биографии моего сына, которую уже вы читали, во многих местах искаженную, желала бы на все возражать, но не знаю, к кому отвечать, не зная <ни> имени, ни фамилии приславшего ее, мне очень грустно было читать такую небылицу» [10]. К тому времени Кулиш еще не был знаком с родными писателя. За помощью к матери Гоголя в составлении гоголевской биографии он впервые обратился лишь в начале 1854 года. Первое его посещение Васильевки – и знакомство с Марией Ивановной и сестрами Гоголя – состоялось еще несколько месяцев спустя, в сентябре 1854 года. Поскольку содержание публикуемого отзыва М.И. Гоголь 1852 года на статью Кулиша никак не отразилось в «Опыте биографии Н.В. Гоголя...» (СПб., 1854; цензурное разрешение – 22 апреля), то, по-видимому, этот отклик Кулиш получил не ранее июня 1854 года, о чем 2 июля 1854 года извещал О.М. Бодянского: «Мать Гоголя сообщила мне свои заметки о сыне...» [11, 79–80].

Впервые несколько фрагментов из воспоминаний М.И. Гоголь П.А. Кулиш напечатал только в 1856 году в «Записках о жизни Н.В. Гоголя...» [12, т. 1, 5–8, 10–17, 22, 338; т. 2, 193–200]. При этом биограф имел у себя уже два письма Марии Ивановны с ее воспоминаниями. Одним из источников и был публикуемый ныне автограф записки М.И. Гоголь о сыне 1852 года. Второй рукописью была автобиография Марии Ивановны Гоголь, написанная в 1854 году (см. ниже).

Из воспоминаний М.И. Гоголь о сыне 1852 года Кулиш отчасти процитировал, отчасти пересказал в «Записках...» три фрагмента.

Первый фрагмент касается обстоятельств рождения Гоголя: «Он родился в 1809 году, 19 марта, в местечке Сорочинцах. Может

быть, будущему биографу Гоголя полезно будет знать для каких-нибудь соображений, что мать Гоголя имела двоих детей до его рождения, но они являлись на свет мертвыми. Поэтому, в ожидании новых родов, она переехала в Сорочинцы, где жил знаменитый в то время малороссийский врач Трофимовский. Между прочим она дала обет, если родится у нее сын, наименовать его Николаем, в честь чудотворного образа, называвшегося Николаем Диканьским. Родители Гоголя просили священника села Диканьки молиться до тех пор, пока дадут ему знать о счастливом событии и попросят отслужить благодарственный молебен» [12, т. 1, 5].

Второй фрагмент повествует о начальных этапах образования Гоголя: «...Гоголь получил первоначальное воспитание дома, от наемного семинариста; потом готовился к поступлению в Гимназию в Полтаве, на дому у одного учителя гимназии, вместе с младшим своим братом Иваном. Но когда их взяли домой на каникулы и младший брат умер (9-ти лет от роду), Николай Васильевич (будучи старше его годом) оставался некоторое время дома» [12, т. 1, 16].

В третьем фрагменте Кулиш процитировал слова Гоголя, сказанные матери после смерти отца (скончавшегося 31 марта 1825 года): «В беседах с своей матерью, еще задолго до переезда в Петербург, он объявил ей однажды, что "не будет жить для себя, а для страждущих ближних, и если удостоит его Бог быть полезным своему отечеству, то почтет себя счастливейшим человеком; но если вообразить, что, может быть, не допустят его к тому обстоятельства, то чувствует, что холодный пот выступает у него на лбу"» [12, т. 1, 338].

В полной публикации записки М.И. Гоголь о сыне Кулиш не был заинтересован, так как этот материал состоял в основном из критических замечаний по поводу его ранней статьи, большая часть которой вошла в «Опыт биографии Н.В. Гоголя...».

Полемично, в частности, по отношению к воспоминаниям Марии Ивановны звучат слова Кулиша в «Записках о жизни Н.В. Гоголя...» о том, что «Гоголь в самом раннем возрасте был окружен литературною и театральною сферою, и таким образом тогда уже был для него намечен предстоявший ему путь. Он, можно сказать, под домашним кровом получил первые уроки декламации и сценических приемов, которыми впоследствии восхищал близких своих приятелей. Приезжая домой на вакансии, он имел не один

случай, если не видеть театр Трощинского, то слышать о нем и позаимствовать кое-что от своего отца» [12, т. 1, 8].

Этот фрагмент представляет собой, за исключением последней фразы, повторение фрагмента, напечатанного ранее, до знакомства Кулиша с М.И. Гоголь, в «Опыте биографии Н.В. Гоголя...» [13]. Дополнившая же этот фрагмент в «Записках...» фраза о том, что «приезжая домой на вакансии, он <Гоголь> имел не один случай, если не видеть театр Трощинского, то слышать о нем и позаимствовать кое-что от своего отца», являются возражением на слова Марии Ивановны в ее записке 1852 года: «Сын мой не участвовал ни в каких удовольствиях в доме нашем, он тогда был очень мал... <...> Отец его <...> сочинял комедии на русском и малорос<си>йском языке, но сын мой при жизни его не знал об этом, комедии его на малорос<с>йском языке были играны на театре в Дмитрия Прокофиевича Трощинского, но сыну моему не случилось быть тогда, так <как> он в то время бывал в Нежине; по смерти своего отца приехавши домой и нашедши комедии на малорос<с>йском языке, Роман и Параска, Овца и Собака, удивился, что отец его мог писать...» (см. в наст. изд.). В «Опыте биографии Н.В. Гоголя...» Кулиш также писал: «Воротясь однажды после каникул в гимназию, он <Гоголь> привез на малороссийском языке комедию, которую играли на домашнем театре Трощинского (под заглавием: "Собака-Вивця" (Собака-Овца). – *Примеч. П.А. Кулиша. – И.В.*), и из журналиста сделался директором театра и актером. Кулисами служили ему классные доски, а недостаток в костюмах дополняло воображение артистов и публики. С этого времени театр сделался страстью Гоголя и его товарищей, так что, после предварительных опытов, ученики сложились и устроили себе кулисы и костюмы, копируя, разумеется, по указаниям Гоголя, театр, на котором подвизался его отец: другого никто не видал» [14, 16–17]. Прочитав воспоминания Марии Ивановны, Кулиш в «Записках о жизни Н.В. Гоголя...» все-таки сохранил эту фразу, хотя примечание о названии комедии предпочел снять [12, т. 1, 27].

Имея в виду комментарий Кулиша к отрывку из девятой главы первого тома «Мертвых душ», Мария Ивановна также писала: «Описанные им <Гоголем> шалости молодых людей, как табак в нос сонному, видно, весельчаки делали его окружающие, что и его приятно изумляло, но, кажется, не сделал этого, вообразя, что неприятна была такая шутка проснувшемуся, скорее с ним могло это случиться». Несмотря на замечание М.И. Гоголь, Кулиш в «За-

писках...» оставил свой комментарий без изменений: «Бывшие наставники Гоголя аттестовали его, как мальчика скромного и "добронравного"; но это относится только к благородству его натуры, чуждавшейся всего низкого и коварного. Он действительно никому не сделал зла, ни против кого не ошетинивался жесткою стороною своей души; за ним не водилось каких-нибудь дурных привычек. Но никак не должно воображать его, что называется, "смирною овечкою". Маленькие злые, ребяческие проказы были в его духе, и то, что он рассказывает в "Мертвых душах" о гусаре, списано им с натуры. Подобные затеи были между его товарищами в большом ходу» [12, т. 1, 49].

К мемуарным свидетельствам о Гоголе его матери 1852 года (в статье Г.П. Данилевского, в путевом дневнике С.П. Шевырева и в собственноручной записке М. И. Гоголь) естественно примыкают все последующие ее воспоминания 1854, 1856 и 1858 годов.

Вторым письмом с мемуарами М.И. Гоголь, использованными П.А. Кулишом при составлении «Записок о жизни Н.В. Гоголя...», была написанная по просьбе Кулиша (по-видимому, 30 декабря 1854 года) автобиография Марии Ивановны. Этот автограф до нас не дошел. Утрачен и сделанный биографом список мемуаров М.И. Гоголь, хранившийся, по свидетельству Кулиша, у графа А.П. Толстого. В 1886 году новый биограф Гоголя В.И. Шенрок пытался отыскать этот список, однако его попытка не увенчалась успехом. В 1892 году В.И. Шенрок опубликовал отрывки из автобиографии М. И. Гоголь по списку, полученному им летом 1887 года от сестры писателя Анны Васильевны Гоголь [15, т. 1, 37, 41–43, 46, 50, 52, 53, 54, 56–57]. Как показывает текстологический анализ, этот список отличался от рукописи, которая была в распоряжении Кулиша: один из фрагментов мемуаров – отсутствовавший в новом списке – Шенрок привел не по имевшейся у него рукописи, а по книге Кулиша. К тому же публикация Шенрока носит на себе явные следы редакторской правки.

Кроме отрывков из мемуаров М.И. Гоголь, опубликованных П.А. Кулишом и В.И. Шенроком, известны еще два варианта воспоминаний матери Гоголя, написанных в ответ на просьбу П.А. Кулиша. Черновой автограф мемуаров, хранящийся в Институте литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины, был напечатан в 1992 году Н.Е. Крутиковой [16, 235–254]. Этот автограф датирован 30 декабря 1854 года и начинается словами: «Письмо ваше осветило и мне вашу душу, и каких чувств исполнена она, и пото-

му прописываемое вами мне, – желание ваше описать вам историю моих родителей и мое воспитание, которое, как вы видите, очень было недостаточно, заставило меня жалеть о подавлении и последней, оставшейся после смерти моего мужа, некоторой способности души, последним нанесенным мне ударом – потерей единственного оставшегося мне сына, он еще привязывал меня к жизни. – Печально мне взяться теперь, неуверенной в себе, могу ли удовлетворить вполне желание ваше описать, что могло оставаться в моей памяти» [16, 235–236].

Последующая (промежуточная) редакция воспоминаний М.И. Гоголь-Яновской, озаглавленная «Записки матери Н.В. Гоголя», хранится в Рукописном отделе Пушкинского дома [17]. Этот список мемуаров (оставшийся неопубликованным) был, по-видимому, также сделан дочерью Марии Ивановны Анной Васильевной Гоголь. Рукопись хранится среди материалов П.А. Кулиша к его «Запискам о жизни Н.В. Гоголя», однако каким образом она там оказалась, остается неясным: сам Кулиш, по-видимому, этим списком не располагал. (Указанные материалы в мае 1900 года поступили в Библиотеку Академии наук от А.Н. Пыпина, а последнему были переданы ранее Н.Н. Ге [18].) Еще одна – последующая – редакция мемуаров М.И. Гоголь была опубликована в 1902 году П.И. Бартеневым [19, 706–724]. Однако все эти источники в содержательном отношении существенно уступают окончательной редакции автобиографической записки матери Гоголя, хранящейся в фондах Российского государственного архива литературы и искусства в Москве [20]. Рукопись представляет собой тетрадь в переплете, озаглавленную «Записки матери Гоголя в виде письма к П.А. Кулишу». Это беловой список окончательного, наиболее полного варианта автобиографии М.И. Гоголь, также написанный, по-видимому, А.В. Гоголь [21].

Принципиально иную редакцию автобиографии М.И. Гоголь представляет собой ее письмо к С. Т. Аксакову от 3 апреля 1856 года, опубликованное в 1913 году в журнале «Современник» [22, 247–253]. Существенным дополнением к автобиографическим запискам М.И. Гоголь служит также ее письмо к С. Т. Аксакову от 20 апреля 1858 года, напечатанное в 1928 году С. Н. Дурьлиным [23, 73–94].

Воспоминания М.И. Гоголь-Яновской в путевом дневнике С.П. Шевырева и ее эпистолярная записка о сыне 1852 года подготовлены к изданию при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского

проекта РГНФ «Н.В. Гоголь в забытых и неизвестных свидетельствах современников» (№ 05–04–04101а).

**<Воспоминания М.И. Гоголь-Яновской
в путевом дневнике С.П. Шевырева> [24]**

<...> 10-го июля <1852>. Вид на Полтаву и с горы от Ворсклы.
Васильевка. Имение Кочубея.

Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский сам сочинял комедийки для семейных театров. Рукописи их сохранились в семье, но взяты были покойным его сыном и, вероятно, оставлены у Прокоповича [25].

Мария Ивановна Гоголь-Яновская (урожденная Косяровская) вышла замуж весьма рано 14-ти лет [26]. Двое первых [27] родов были несчастны. Она, будучи 17-ти лет, готовилась к третьим родам и для того поехали они в Сорочинец, к знаменитому в то время доктору Трофимовскому [28], к которому до 60-ти семейств приезжало из разных городов и между прочим из Москвы. Родители дали обет назвать младенца, если будет сын, Николаем – и молились Николаю Чудотворцу, которого явленный образ в Диканьской церкви привлекал поклонников нар<одных>. Когда разрешение совершилось с помощью врача благополучно, Василий Афанасьевич немедленно послал в Диканьку отслужить молебен благодарный Св. Николаю Чудотворцу и записал у себя рождение сына в числе чудес Угодника Божия.

Предание в Диканьке о явлении образа: Явился на пне дуба – и принесен был в дом священника; явился в другой и в третий раз, и тогда уже увидели, что надобно построить храм. Икона и теперь в церкви на пне дуба.

Родился 1809 года, 19-го марта [29], в 9 часов вечера.

Слово Трофимовского, когда он смотрел на новорожденного: будет славный сын.

Подробности о Трофимовском: он лечил купаньем в Псле от мая до августа месяца. – Он полага<л>, что воды Псла содержат в себе <I нрзб.> частицы, которых часто недостает для полного здоровья в теле человеческом. Лечил на <I нрзб.> привычными средствами.

Одно из последних слов покойного, произнесенных им в бреду горячки незадолго перед смертью, было: на мельницу, объяснено матерью. Его занимало в последнее время устройство семейных дел – и он затевал устроить при деревне мельницу.

Крестьяне Васильевки и Козаки (вольные крестьяне), знавшие покойного, никак не думают, чтобы он умер, а говорят, что у него было много врагов и что Император Николой Павлович, чтобы скрыть его от врагов, услал его в Европу западную отыскивать брата его Александра Павловича, также еще живого, но что он возвратится. Они гадали об нем – и выходило, что он жив.

Комедийки Василия Афанасьевича – Овца-Собака, писанная на Русском языке и Малороссийском наречии [30]; Роман и Параска из Малороссийских нравов на Малороссийском наречии [31].

Первые двое сыновей не жили. – Николай, Иван через год (скончался 9-ти лет – вместе росли и учились дома). – Мария 3-мя годами моложе. – Сын Димитрий через год – скончался 1-го года и 2-х месяцев. – Анна, через 4 года после Димитрия, скончалась 4-х лет. – Андрей сын – по 2-м году скончался. – Анна, Елизавета, Ольга [32].

Малороссийские дворяне – Грамота Дворянская и герб Гоголей-Яновских, выданные Афанасию Демьяновичу. – Василий Афанасьевич. – Татьяна Семеновна, мать его, жившая по смерти Василия Афанасьевича, урожденная Лизогуб, – Васильевка принадлежала ей [33].

Иван Матвеевич Косяровский (Надворный Советник). – Анна Матвеевна, сестра его, замужем за Андреем Прокофьевичем, братом Министра Трощинского, Дмитрия Прокофьевича, воспитала Марию Ивановну Гоголь, как дочь свою. – Портрет ее. – Николай Васильевич знал ее, когда ему было уже 22 года.

Андрей Андреевич Трощинский, Генерал-Майор, сын Андрея Прокофьевича, благодетельствовал Николаю Васильевичу.

Дмитрий Прокофьевич бывал в Васильевке и игрывал в шахматы. – Анекдот о покойном Николае Васильевиче, который сказа ему: плевать на вас и на вашу розгу – Папа – не играйте с ним (играли в шахматы), пусть гость. – Хотели наказать его. – Очень будет характерен, сказал Дмитрий Прокофьевич.

До 8-ми лет в доме родителей. – Учитель взят из гимназии. – Занятия самого отца с сыном. – Еще не умел читать, а на географической карте указывал все города.

До 8-ми лет его жили то в Васильевке, то в Кибинцах у Трощинского, а когда наметили в лицей, то жили постоянно в Кибинцах (местечко в 12 верстах за Миргородом, в 250 примерно от Нежина).

8-ми лет в Полтаву к учителю гимназии, для приготовления к лицейю. – До 10-ти лет в Полтаве и потом дома два года.

7-ми лет серьезно грамоте, а 5-ти лет сочинял стихи, и писал иероглифы. Из карт азбучных выписывал сам – и учился писать самоучкой. – Сложил стихи и записал сам. – Василий Васильевич Капнист заметил эти стихи [34].

В.В. Капнист приезжал часто в Васильевку и к Трошинским.

12-ти лет в Нежинский Лицей – в 1821 году.

В Лицее 7 лет – в 1828 году вышел – по 19-му году.

19-ти лет поехал в Петербург – где учился 2 года еще до вступления в службу.

Через 1 год зачем-то в 1829-м году поехал за границу.

В 1829 году началась его служба. – В 1833 году отвозил сестер Анну и Елизавету Вас. в Институт Патриотический в Петербурге.

В 1836 г. по издании Ревизора за границу –

и в 1840 г. приехал за сестрами к их выпуску. – 5 или 6 месяцев пробыл в России и опять за границу.

В 1839 году в Вене – из Вены в ноябре в Россию. – В 1840 году в мае опять за границу.

В 1842 году возвратился, для издания 1-го тома Мертвых Душ и в мае же уехал.

От 1842 до 1848 за границую. – В Иерусалим.

В 1848 году – возвратился оттуда 9-го мая домой в Васильевку.

В 1849 году – был на родине.

В 1850 году лето также – в Одессе зиму.

В 1851 году – из Одессы – в апреле и мае на родину последний раз 22-го мая выехал из Васильевки – местечко Кагорлык, где провел Пасху.

В сентябре собирался, но не доехал.

Дома хозяйственные занятия – посадка деревьев.

Симон, о котором упоминается в письмах, хороший повар и дядька.

В Уроке Дочкам [35] играл Няню.

Любил шутить и смешил всех.

Любил рисовать в свободное время.

Узоры рисовал дома.

Опрокинет чернильницу и из чернил выйдет мужик в шляпе.

Непрерывное занятие дома, – и около дома.

Учил сестер для приготовления в Институт Истории и Географии.

Подслушал их слова в играх – и за столом их передает, а они удивляются.

Дар подмечать и наблюдать, и рассказывать теми же словами, как слышал.

В 1850 году осенью, в октябре, со слезами говорил матери, что болезнь истощила его силы и что он не может ничего уже полезного довершить для отечества.

Слова успокоительные матери.

Всякий раз, при приезде и выезде, угощал крестьян.

Любил разрезывать сам куски и приговаривал: «когда бы мог я каждого удовлетворить лучши<м> куском?»

Хлебосольево.

Первые деньги, данные ему дедушкой Ив<аном> Матв<ееви-
чем> на конфек<ты>, 5 р<ублей> асс<игнациями>, употреб<и>л на вспомож<ение> бедным и на угоще<нье> конфек<тами> семьи [36].

Эпитет от товарищей ему в Нежине <данный>: таинственный [37].

Слово В.В. Капниста при чтении первых стихов Н. В. Гоголя, когда было ему еще пять лет: «Хорошо бы было, если бы он был отдан на воспитание на руки Христианину». – Слышано от матери.

Сновидение Вас<илия> Аф<анасьевича> Гоголя перед браком. В церкви отворяются Ц<арские> двери, и выходит Царица в порфире, и выносит дитя. – В доме тетки Марьи Ив<ановны> Вас<илий> Аф<анасьевич> узнает это дитя на руках у няни. Это была М<ария> И<вановна>. – Позднее видит он, как в церкви же прекрасная девица указывает<т> на девушку 13 лет, сидящую за рабочим столиком [38].

Малоросс<ийская> песня, которую пел маленький Н<иколай> В<асильевич>, выговаривая ясно каждое слово, и за дверью, чтобы никто не видел:

Баба кисель варила,

На морозе цидила.

Из письма к матери 1836. Спб. Июня 5, перед отъездом за границу [39]. «Посылаю вам также несколько книг и в том числе моего *Ревизора*, который наделал здесь чрезвычайно много шума, приобрел мне новых благоприятелей и еще большее число неблагоприятелей. Если бы сам Государь не оказал своего высокого покровительства и заступничества, то, вероятно, она не была бы никогда играна или напечатана».

О Трофимовском в 12-м томе Вестника Европы 1803 г. [40]

<Записка М.И. Гоголь-Яновской о сыне> [41]

<Сентябрь – начало октября 1852. Васильевка.>

Отвечая на присланную мне печатную тетрадку биографии моего сына неизвестным мне автором [42], вижу расположенность его к моему Ангелу, но незнание его о многом в нашей жизни заставляет меня, что очень натурально [43], отвечать по пунктам. 1-е. Сын мой Николай родился в местечке Сорочинцах в 9-м годе марта 19-го при известном докторе *Трофимовском*; меня туда для того отвозили, что я имела несчастные первые роды. Выдали меня замуж 14 лет, в 15-ть я не была утешенная мать [44], имея неживого сына, в 1<6-ть> [45] так же, и в 17 лет мне Бог послал увидеть первое живое дитя, бесценного моего сына Николая, о котором мы молились с мужем моим в Диканьке и просили Чудотворца Николая умолять Творца утешить нас, и если Бог пошлет нам сына, назвать его именем, и поруча тамошнему тогда священнику молиться до того времени, покуда мы дадим ему знать о счастливом событии, и попросим отправить благодарственный молебень [46], и посылала к нему тотчас; в Сорочинцах – навещал меня всегда 2 раза в день преклонных уже лет почтенный старик, упомянутый доктор, и предоказывал нам, что мы будем иметь необыкновенного сына; я принимала 9-й месяц лекарство, которое облегчило меня, но на дитя, мне кажется, оно имело влияние на всю его жизнь, как я теперь рассуждаю, он был слабого сложения и не мог жить долго, лучше было мне не жить и оставить его здоров<ым>, но видно, я очень грешна, что мне Господь посылал в продолжении моей жизни тяжкие кресты, я лишилась самых близких моему сердцу особ, но последняя потеря превышает всех. Не могу надивиться крепкому моему сложению; слишком, видно, заботилась о укреплении моего здоровья, что могла пережить моего возлюбленного сына, несча<стно> остав<a>ясь с очень немного нарушенным здоровьем: после моего сына я имела еще 9-ть детей, первые и средние умерли и остались самые последние. Последней было 2 недели, когда я лишилась своего мужа. – Деревня наша Васильевка точно находится в Полтавской Губернии Миргородского уезда, тогда в ней было 130 душ, да моих приданных прибавилось 32 души, и теперь уже в ней 205 душ, и по этим душам земли моей [47] всего 880 десятин. Муж мой был точно хороший хозяин, но доходов значительных мы не могли получать, живя в таких местах, что сбыту никакого не могло быть при всем старании нашем, но все мы не нуждались в жизненных припасах,

и у нас всегда были живущие в доме, и много приезжали добрые наши знакомые, но нарядов мы не имели, кроме самого необходимого, да и не мечтали за ними, живя спокойно и счастливо в красивом местоположении нашей Васильевки, доставшейся мужу моему от его матери, урожденной Лизогубовой. – Сын мой не участвовал ни в каких удовольствиях в доме нашем, он тогда был очень мал, семи лет поручили его учителю семинаристу с 6-летним братом его Иваном, который рос с ним, потом отдали их в Полтаву к учителю, и когда брали домой, то меньший мой сын заболел, и доктора не могли его спасти, и умер 9-ти лет, а Николай остался 10-ти лет [48]. Его поразительно удивило несчастное то событие и оставило надолго мрачное расположение в его характере. В 12 лет отдали его в нежинскую [49] Лицей, тогда она именовалась Гимназию высших наук; когда приезжал на каникулы при отце, то тогда мы были дома, не выезжали никуда; муж мой занимался садом и другими хозяйственными делами, так что для него было довольно монотонная [50] <жизнь>, я также по своему хозяйству была всегда занята, и он всегда любил быть один и всегда был занят по своим летам, то делал какой необыкновенный инструмент, то клетки для птиц с своим старым дядькой, заслуженным человеком, а более барабаны всегда бывали у него любимым занятием, он делал и производил в действие где-нибудь в углу двора или саду. – А когда начал себя понимать, то лишился отца. Печаль эта сделала впечатление на всю его жизнь, и тогда он сказал, что он не будет жить для себя, а для страждущих ближних, и если Бог удостоит быть полезным своему отечеству – Рос<с>ии, то почтет себя счастливым, но если вообразит, что может быть его не допустят обстоятельства его, то чувствует, что холодный пот показывается на его лбу [51]. Дедушки и бабушки своей быт с отк<р>овенной <?> стороны несколько похожий описал он в А<фанасии> и Пульхерии Ива<новне> [52], только, верно, из рассказов других, потому что он тогда очень был мал. Отец его имел отличный ум и много юмору, но не имел дару красноречия, писал увлекательно – сочинял комедии на русском и малорос<си>йском языке, но сын мой при жизни его не знал об этом, комедии его на малорос<с>ийском языке были играны на театре в Дмитрия Прокофиевича Трощинского, но сыну моему не случилось быть тогда, так <как> он в то время бывал в Нежине; по смерти своего отца приехавши домой и нашедши комедии на малорос<с>ийском языке, Роман и Параска, Овца и Собака, удивился, что отец его мог писать, у меня забрал их в С<анкт>-П<етербург>, с тем, чтоб напечатать, но они не были напечатаны, и не знаю, где они, и если где,

полагаю, нет ли в Петербурге в Г<-на> Прокоповича, там у него в комодке были спрятанны более ста гравированных портретов его, которые он спрятал, не желая показывать в свет. – С Трошинским познакомился муж мой, сговоря меня, представлен ему был моим женихом теткой моей, у которой я росла и которая была за его родным братом сотником, в том местечке *Яреськах*, которого уже я не видала; он давно уже умер, оставя сына Андрея Андреевича покойного уже теперь Генерал-майора, и потому мы были с Дмитрием Прокофием в сватовстве, и он узнал, что муж мой был сын его друга секунд-майора [53] Гоголь-Яновского, и он более любил нас и не отпускал домой иначе как по усиленной просьбе и всегда с большим неудовольствием, отчего у нас опустело имение, и мне надобно было, оставшись в вдовстве, все вновь устраивать, что меня, может быть, спасло в неутоешной моей горести, считая обязанностью [54] быть полезной моим 6-ти сиротам – 5 дочерей и единственного сына, сокровища моего на земле, 2-х дочерей я лишилась после смерти мужа и имела силы перенести и последнюю потерю, превышающую все. В Полтавской гимназии сын мой не был, а на квартире в учителя, потом помещен был в Лицею Нежинскую своекоштным и был на нашем иждивении только один год, за что заплочены были 1000 рублей, потом добрые приятели, зная наши обстоятельства, постарались перевести его казеннокоштным. У сына моего не было старшего живого брата, как я писала выше, а годом его младший, который умер в Васильевке, а не в Полтаве, а Андрей, его брат, умер одного году, лет 10 был его моложе; может, он случился тогда дома, когда его хоронили, я этого не помню; у меня было 6 сынов, и ни одного не осталось, и 6 дочерей, и еще, по милости Божией половина остается. От старшей моей дочери, после Николая и Иоанна родившейся, остался сын, внук мой Николай Павлович Трушковский [55], находящийся теперь в Петербургском университете, доброй и кроткой души, имеющий природный здоровый ум. – Сын мой имел светло-русые волосы, когда помещен был в Нежине, и темные немалые глаза, и был недурной наружности. Любим был многими, очень был изобретателен, устраивал кулисы, обрисовывал масляными красками, он имел большой дар к живописи и усовершенствовал его в Академии Художеств, куда при науках своих посещал ежедневно по два часа, и оттого приписано ему неряшество, как сам тер масляные краски и не обращал на себя внимания, и, верно, видели его испачканного, и может кто заметил ему и он бросил это искусство; мне говорил его товарищ, что он оставил в

картинной галерее в пол-аршина его работы картину в благодарность, которую оценили в 6 тысяч рублей; сюжет был взят такой, что проходящие не могли взглянуть без душающего смеха, но от него я никогда не слышала ни о чем подобном. Если это и правда, то в последствии времени он, верно, истребил ту картину, если ее уже там нет. Мне кажется, что он не в состоянии был наклеить каким-нибудь именем даже неприятеля своего, если он мог иметь <его>; он имел самое чувствительное сердце и стремился как только мог скрыть эту нежность его души, желал показывать себя противоположным этому прекрасному чувству, и от того казался скрытым; он любил всеми силами души своих товарищей и с невероятной кротостью прощал сделанные ему обиды. Читая его Мертвые души, я была поражена безотрадно, прочтя умиленную сожаление о прошедшей его юности, будто то было так давно, какое-то грустное предчувствие всегда оставалось у меня. – Историю о гусаке [56] он списал с натуры, точно были такие оригиналы, фамилии которых я не упомяну, что за подобные безделицы заводили дела не из гнева, потому что они езжали в одном экипаже нередко подавать друг на друга жалобу, считая это должным, чтоб другие их урезонивали. Описанные им шалости молодых людей, как табак в нос сонному [57], видно, весельчаки делали его окружающие, что и его приятно изумляло, но, кажется, не сделал этого, вообразя, что неприятна была такая шутка проснувшемуся [58], скорее с ним могло это случиться. – Чувствуя, что он мало успел в Нежинской Гимназии, 2 года употребил на учение себя, приехавши в П<етербург>, и в течение того времени уделял по 2 часа, как я писала выше, на рисование. – Французского языка он не любил, может быть и оттого, что тогда была большая вражда с Францией [59], когда часто были карикатуры на Бонапарта, его родных и приближенных, и осталось в памяти дитяти, что-нибудь неприятное, но немецкий язык он любил, только с теми говорил на нем, что совершенно не мог говорить по-русски, также и итальянский язык очень любил и учил, покуда не уехал опять за границу, сестру свою Елизавету. Что же напечатано, что мой сын хотел быть актером, то слух совершенно был несправедлив, можно ли, чтоб тот человек, которой с детских лет твердил, что он не умрет, не бывши полезным Рос<с>ии, любя так свое отечество, желал остаться актером, и в помышлении у него этого никогда не было, а театр он очень любил и желал бы бывать в ежедневно, если бы позволило его состояние. – Вступить в должность по прошествии двух лет своего ученья он не мог, потому что места лучшие

были заняты, а какого-нибудь он не хотел занять; ходя в таком раздумьи по набережной, и видит пароход, готовящийся отплыть в Германию; будучи в таком бездействии, он подумал, как бы хорошо воспользоваться ему этим временем и поехать путешествовать, если бы были у него деньги, но их не было, и он печально возвратился на квартиру, и в тот же вечер получил он объявление на полторы тысячи рублей, я посылая в опекунский совет процент по заложенному моему имени, всегда посылая [60] прямо, а тут вздумалось мне послать ему, чтоб он сам отнес их. Он, получа, обрадовался, сд<ла>л по форме уступку мне свою часть имения и прислал мне проче<сть>, чтоб я его простила, за то, что он берет эти деньги, и едет в Германию, но чтобы я не беспокоилась о нем, что я буду реже [61] получать, чем с П<етербурга>, от него письма, что ему совес<т>но и вообразить, если он причинит мне беспокойство, и когда мне будет угодно, тогда он и возвратится. Я написала ему выговор, зачем он отдает мне свое имение, что его не нужно, и велела ему возвратиться как можно скорее, зная, что ему тех денег мало и плохо ему остаться вне своего государства безо всякой помощи. Получа мое письмо, он тотчас уехал при случившемся пароходе; будучи в Любеке и Гамбурге, он мне писал часто и обрисовывал в письме улицу, где он квартировал, и как случилось им пристать по причине бури на остров Борнгольм, описывал мне тамошних наряд, и всего 2 месяца проездил; тогда было ему 20 ле<т>. Возвратясь, он перевел статью с французского языка о мореплавании [62], и тогда дали ему должность, в департаменте уделов в м<и>ни<с>терстве двора. Это было первой шаг его в службу. Он, увидя, что там сидячая жизнь и только копированье, писал ко мне, что он безжалостно оставляет свою должность, которую другой с удовольствием примет; потом он издал прожект о воспитании детей так, чтоб их ум действовал и чтоб они говорили уроки своим языком, а не пунктуально выговаривали затверженное, и Государыне угодно было приказать ему показать на опыте, и так он очутился нечаянно в патриотическом институте, где преподавал историю средних веков, и оправдал свое мнение, получил в должности той 4 табакерки и 2 пер<т>ня. Все это я знаю не от него, а от посторонних; он никогда ничего не любил об себе говорить. Кол<лежского> асесора чин он получил, <с>давши экзамен. Когда он приезжал домой, издавши уже пасичника своего, он был 9-го клас<с>a чиновник, и я ему говорила: хотя бы ты имел чин, что можно надписывать Высокоблагородие, он удивился и сказал: неужели у нас в Малорос<с>ии так дорожат чинами. Как же, – я

ему отвечала, – да когда большой чиновник, то более уважают, т. е. задерживают на почтамт. Он улыбнулся и сказал: ну я, приехавши, дам экзамен и мне дадут чин коллежского ассессора; так и случилось. В стихах он поднес было мне тетрадку, обрисованную как можно тщательнее, когда Россия была под игом татар [63], и мне казались стихи необыкновенно хороши, и мне очень было жаль, что он у меня тайно их взял с шкаба, прося ключ вынуть книги при отъезде в Нежин, и я не подозревала этого и нескоро узнала, и начала ему выговаривать, зачем он лишил меня моей собственности, он отнекивался, что не брал, и обещал мне доставить, что-нибудь лучшее. В малых летах он не был шалун и всегда был задумчив; когда мы ездили с мужем моим по полям [и они оба, Николай и Иван, сидели напротив нас], то муж мой задавал ему сказать на виденную нами рощу или на какой курган описать, и он начинал говорить чрезвычайно хорошо, и когда я бывала в большой суете ища у себя карандаша, чтоб все записывать, <говоря>, как жаль, что не могу списать этого, <отвечал> – не беспокойтесь, чрез час я буду говорить совсем в другом роде. Меня чрезвычайно удивляло такое скорое и приличное на все предметы сказание в пятнадцать лет его возраста, я слышала от него неперменное желание жить для пользы самого отечества, т. е. России, но в последствии времени никогда не слышала от него никаких предположений, и никому никогда не говорил из своих друзей ничего, разве только что-нибудь выдумывал, лишь бы сказать; навсегда таил в душе своей какие-нибудь добрые дела, даже и от себя, если бы было то можно [64].

Примечания:

1. Вероятно, имеется в виду стихотворение «Россия под игом татар», о котором со слов М.И. Гоголь сообщал позднее Г.П. Данилевский: «...Укажем еще на стихотворение “Россия под игом Татар”»; это стихотворение никогда не было напечатано; Гоголь прислал его к своей матушке из Нежинского лицея, тщательно переписав его в изящную книжечку, украшенную собственными его рисунками. Из всего содержания этой эпопеи, к сожалению, тайно похищенной из Яновщины, через несколько лет, самим автором, матушка покойного помнит только окончание – следующие два стиха:

Раздвинув тучки среброрунны,
Явилась трепетно луна!»

(Данилевский Г. Хуторок близь Диканьки // Московские Ведомости. – 1852. – 14 окт. – № 124. – С. 1279).

Прочитав статью Г.П. Данилевского, Мария Ивановна 24 февраля 1853 г. писала С.П. Шевыреву: «...Я сказала г. Данилевскому, что он <Гоголь>, будучи 16-ти лет, поднес мне свою рукопись в стихах, со тщанием написанную, взяв то время, когда Россия была под игом татар. Эта тетрадка им же была и обрисована, но после, когда он приезжал в каникулы домой, взял, рассматривая в шкапу книги, и, как видно, истребил, и, когда начала ему выговаривать, зачем он лишил меня этого, то он отнекивался, что не брал. Г. Данилевский очень усердно просил меня сказать ему, что запомнила из его стихов; я сказала, что очень жалею, что не помню; это было так давно, и я долго грустила, что не спрятала в таком месте, где бы он не нашел, но я не могла предвидеть, чтоб он мог взять обратно свой подарок. Один только при конце врезался в моей памяти куплет: "Раздравши тучи среброрунны, являлась трепетно луна". Г. Данилевский напечатал вместо "туч" – "тучки" и приписал ему, как видно, это сочинение к трехлетнему возрасту» (Лит. наследство. – Т. 58. – М., 1952. –С. 770).

2. Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем. Изд. подгот. сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е.П. Населенко и Е.А. Смирнова. – М.: Изд-во АН СССР, 1960.

3. Переписка Н.В. Гоголя с Н.Н. Шереметевой. Изд. подготовили И.А. Виноградов, В.А. Воропаев. – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001.

4. Шенрок В.И. Письмо С.П. Шевырева М.Н. Синельниковой о последних днях жизни Н.В. Гоголя // Русская Старина. – 1902. – № 5.

5. Лит. наследство. – Т. 58. – М., 1952.

6. Подробнее см.: Виноградов И.А. Первый биограф Гоголя // Кулиш П.А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 3–81.

7. Линниченко И.А. Новые материалы для биографии Н.В. Гоголя // Русская Мысль. – 1896. – № 5.

8. Письма Г.П. Данилевского П.А. Плетневу, И.С. и С.Т. Аксаковым (публикация Е.В. Свиясова) // Русская литература. – 1979. – № 4.

9. Отчет Имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1852 год. Составлен орд. акад. П.А. Плетневым и читан им в торжественном годовичном собрании Академии 29 дек.

1852 г. // Известия Имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности. – СПб., 1853. – Т. 2. – Листы 3-5 (подписано к печати 14 февр. 1853 г.).

10. Цит. по: *Дурылин С.* Из семейной хроники Гоголя. Переписка В.А. и М.И. Гоголь-Яновских. Письма М.И. Гоголь к Аксаковым / Государственная Академия художественных наук. Тексты и материалы. Вып. 4. – М., 1928. – С. 88. «"Биография", не удовлетворившая М.И. Гоголь, это, надо полагать, отдельный оттиск статьи П.А. Кулиша "Несколько черт из биографии Гоголя", под псевдонимом "Н.М." напечатанной в "Отечественных Записках", 1852 г., № 4, стр. 189–201» (Письма М.И. Гоголь к Сергею Тимофеевичу, Ольге Семеновне и Вере Сергеевне Аксаковым (1842–1859 гг.) // *Дурылин С.* Из семейной хроники Гоголя. – С. 98).

11. *Титов А.* Письма П.А. Кулиша к О.М. Бодянскому. – Киев, 1898.

12. <*Кулиш П.А.*> *Николай М.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и из его собственных писем. – СПб., 1856. – Т. 1–2.

13. Ср.: «...Николай Васильевич в самом раннем возрасте был окружен литературною и театральною сферою, и таким образом тогда уже был для него намечен предстоявший ему путь. Он, можно сказать, под домашним кровом получил первые уроки декламации и сценических приемов, которыми впоследствии восхищал близких своих приятелей» (<*Кулиш П.А.*> Опыт биографии Н.В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Соч. Николая – М. СПб., 1854. – С. 11).

14. <*Кулиш П.А.*> Опыт биографии Н.В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Соч. Николая – М. – СПб., 1854.

15. *Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя. – М., 1892. – Т. 1.

16. *Крутикова Н.Е.* Н.В. Гоголь. Исследования и материалы. – Киев, 1992.

17. *ИРЛИ.* Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 98–137; в переплете.

18. См.: *ИРЛИ.* Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 1.

19. Автобиографическая записка Марии Ивановны Гоголь, матери Н.В. Гоголя. Сообщено И.С. Аксаковым // *Русский Архив.* – 1902. № 4.

20. *РГАЛИ.* Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 94. 109 л.

21. *Виноградов И.А.* Новые мемуарные источники о Гоголе // *Гоголевский вестник.* Издание Гоголевской комиссии при Научном

совете РАН «История мировой культуры» / Под. ред. В.А. Воропаева. Отв. ред. И.А. Виноградов. – М., Наука. – Вып. 1 (в печати).

22. Из воспоминаний матери Гоголя. (Письмо М. И. Гоголь к С.Т. Аксакову) // Современник. – 1913. – № 4.

23. Письма М.И. Гоголь к Сергею Тимофеевичу, Ольге Семеновне и Вере Сергеевне Аксаковым (1842–1859 гг.) // *Дурьлин С.* Из семейной хроники Гоголя. Переписка В.А. и М.И. Гоголь-Яновских. Письма М.И. Гоголь к Аксаковым / Государственная Академия художественных наук. Тексты и материалы. – Вып. 4. – М., 1928.

24. Заметки с воспоминаниям М.И. Гоголь-Яновской о Гоголе замыкают дневниковые записи С.П. Шевырева в его записной книге 1843 (с 26 февраля) – 1852 (по 10 июля) гг. Хранится: *РНБ*. Ф. 850. Ед. хр. 20. Шевырев С.П. Журнал. Записки и заметки. 1843–1852 г. 95 л. Л. 91об.-94. Публикуется впервые по автографу.

25. Прокопович Николай Яковлевич (1810–1857), соученик Гоголя по Нежинской гимназии, один из ближайших его друзей; поэт, педагог. Во время пребывания Гоголя за границей у Прокоповича в Петербурге хранилась библиотека Гоголя.

26. Свадьба родителей Гоголя состоялась 12 ноября 1805 г. (см.: *Виноградов Г.С.* Даты жизни Н. В. Гоголя // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. – <Л.>: Изд-во АН СССР, 1940. – Т. 10. – С. 11).

27. Двое первых *вписано вместо*: Первые сыновья

28. Трофимовский (Трахимовский, Трохимовский) Михаил Яковлевич (около 1733 – после 1810), врач. По недостоверному преданию, Гоголь родился в доме М.Я. Трофимовского. На самом деле, по свидетельству М.А. Максимовича, Гоголь появился на свет в другом доме: «квартира» М.И. Гоголь-Яновской в Сорочинцах, «была в домике генеральши Дмитриевой, в котором и родился *19-го марта Николай Васильевич Гоголь*» (*Максимович М.* Родина Гоголя // *Москвитянин*. – 1854. – № 1. – Отд. VIII. – С. 7). Крестным отцом новорожденного был сын М.Я. Трахимовского Михаил. Сохранилось письмо Гоголя из Одессы от ноября 1850 г. к сыну М.М. Трахимовского Алексею (А.М. Трахимовский был приемником при крещении племянника Гоголя Н.П. Трушковского). Перу сына А.М. Трахимовского Н.А. Трахимовского принадлежит статья о М.И. Гоголь, написанная по воспоминаниям ее дочери А.В. Гоголь (*Трахимовский Н.А.* Мария Ивановна Гоголь. По поводу статьи Н.А. Белозерской // *Русская Старина*. – 1888. – № 7. – С. 25-46). «Фамилия Трахимовский, по мнению А.С. Данилевского, происходит от слов: трохи (мало) и мовить (говорить)» [15, т. 1, 52). В 1803 г. один из современников писал о

М.Я. Трофимовском: «...Имею удовольствие сообщить вам известия о почтенном человеке, который по жизни и делам своим имеет неоспоримое право на всеобщую благодарность. <...> Ласковый прием, всегдашняя готовность к помощи и долговременная опытность так прославили сего врача, что в крайности, когда уже все способы делаются бесполезными, недужные прибегают к нему, как к Оракулу, ожидая решительного приговора. <...> У него нет различия в состояниях: богатой и убогой – все равномерно занимают его, с тем различием, что последним он дает лекарства безденежно. <...> Сей человек, помогая страждущим, наймами домов и продажею деревенских произведений обогатил всех жителей селения; но за то уже приобрел такое уважение, которым не всякой вельможа может похвалиться. <...> В Сорочинцах недавно был пожар, от которого некоторые жители совершенно разорились. Господин Трофимовский доказал, что он есть не только телесный, но и душевный врач: утешал несчастных, скромным образом помогал им, и новые дома уже выстроены. <...> Сей почтенный муж, не взирая на то, что имеет уже от роду около семидесяти лет, еще бодр и весел. Он примером своим доказывает, что полезная деятельность есть самый лучший талисман для сохранения здоровья» (И.Б. Благодетельный врач в Малороссии. (Письмо к Издателю) // Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. – (М.), 1803. – Ч. 12. – Ноябрь. № 21 и 22. – С. 88-91).

29. Согласно записи в метрической книге Спасо-Преображенской церкви местечка Сорочинец Миргородского уезда, Гоголь родился 20 марта 1809 г. (см.: Русская Старина. – 1888. – № 11. – С. 392). О том, что днем рождения Гоголя в метрической книге значится 20 марта, указал еще в 1852 г. В.П. Гаевский (*Г<аев>ский В. Заметки для биографии Гоголя // Современник. – 1852. – № 10 (ценз. разр. – 14 окт.). – Отд. VI. – С. 141*). Однако, судя по всему, указанная запись была сделана в книге задним числом – и вследствие этого дата рождения Гоголя была указана в ней ошибочно. И мать Гоголя, и сам Гоголь всегда праздновали его день рождения 19 марта. См. также соответствующее указание на дату рождения Гоголя – 19 марта – в воспоминаниях М.И. Гоголь (см. ниже). Вероятно, с юношеских лет Гоголь запомнил, что день его рождения – 19 марта – совпадал с днем вступления в Париж войск антинаполеоновской коалиции в 1814 г., и потому впоследствии праздновал оба эти события вместе (см.: Русская Старина. – 1892. – № 2. – С. 432; [5, 725, 757, 759, 775]).

30. Позднее П.А. Кулиш пересказал содержание этой комедии в «Записках о жизни Н.В. Гоголя...» (см.: [12, т. 1, 8]).

31. Позднее П.А. Кулиш опубликовал эту комедию: *Гоголь В.А. Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом // Основа. – 1862. – № 2.* Содержание пьесы Гоголя-отца перекликается с «малороссийской оперой» И.П. Котляревского «Москаль-Чаривник». (При этом, в отличие от комедии Котлеревского, произведение Василия Афанасьевича изобилует церковной лексикой.) 10 октября 1839 г. Гоголь обещал И.И. Срезневскому «держатъ корректуру» второй книги «Украинского Сборника» (вышел в 1841 г.), где была опубликована опера Котляревского (Живая Старина. – 1892. – Вып. 1. – С. 71). Об общем западном источнике комедии Гоголя-отца и «Москаля-Чаривника» Котляревского см.: *Дашкевич Н.П.* Вопрос о литературном источнике украинской оперы И.П. Котляревского «Москаль-Чаривник» // Киевская Старина. – 1893. – № 10-12. – С. 451-481. О влиянии на Гоголя комедий его отца см. коммент. в изд.: *Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 тт. – М., 1994. – Т. 9. – С. 536.* Сохранился также отрывок еще одной не дошедшей до нас комедии Гоголя-отца (см.: *Назаревский А.А.* Из архива Головни // Н.В. Гоголь. Материалы и исследования. – М.; Л., 1936. – Т. 1. – С. 324).

32. В семье В.А. и М.И. Гоголь-Яновских было двенадцать детей. «Сообщаем их имена: Николай, Андрей, Дмитрий, Иван (из них последние трое умерли в раннем детстве), и дочери – Мария, Анна, еще Анна, Елизавета, Татьяна и Ольга. Двое же родились мертвыми» (*Чаговец В.А.* Примечания // Из семейной хроники Гоголей. (Мемуары О.В. Гоголь-Головни). Ред и прим. В.А. Чаговца. – Киев, 1909. – С. 63). Гоголь Николай Васильевич (1809-1852); Гоголь Иван Васильевич (1810-1819); Гоголь Мария Васильевна (в замужестве Трушковская; 1811-1844); Гоголь Дмитрий Васильевич (1812-1813); Гоголь Анна Васильевна (1817-1820); Гоголь Андрей Васильевич (род. около 1818-1819, умер на втором году жизни); Гоголь Анна Васильевна (другая) (27 апреля 1821-1893); Гоголь Елисавета Васильевна (в замужестве Быкова; начало 1824-1864); Гоголь Татьяна Васильевна (конец 1824-1825, после 1 июля); Гоголь Ольга Васильевна (в замужестве Головня; 19 марта 1825 – 5 декабря 1907).

33. Бабушка Н.В. Гоголя, Татьяна Семеновна Гоголь-Яновская (рожденная Лизогуб; род. после 1750 (по некоторым сведениям, около 1768-1769) – ум. около 1827), помнила еще времена Запо-

рожской Сечи. Она была дочерью бунчукового товарища Семена Семеновича Лизогуба, который являлся родным внуком гетмана Ивана Ильича Скоропадского, родственником Павла Леонтьевича Полуботка, потомком генерального обозного Якова Лизогуба и зятем (с 1742) переяславского полковника «войска Запорожского» (с 1726-1728) Василия Михайловича Танского (ок. 1678-1763). В семейном архиве Гоголей хранились жалованная грамота Петра I «полковнику над волохами» (над румынами) В.М. Танскому на село Озеряны 1718 г. (награда за воинские доблести в Шведскую кампанию), а также универсал гетмана Скоропадского ему же и на то же имение 1715 г. (опубл.: *Чаговец В.А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник. – Киев, 1902. – Отд. 3. – С. 4142; см. также: см.: *Лазаревский А.М.* Очерки малороссийских фамилий // Русский Архив. – 1875. – № 3. – С. 452). В 1722 г. В.М. Танский получил также во владение большое поместье Мурафа. В 1731 г. за притеснения казаков он был арестован и в 1734 г. сослан в Сибирь, где находился до 1742 г. Помимо прочего, выяснилось, что село Озеряны, на которое Танский получил жалованную грамоту, принадлежало ранее М.В. Забеле, что Танский, добываясь в 1715 г. этого поместья, умышленно скрыл. В 1741 г. сын М.В. Забелы Захария подал прошение на Высочайшее имя, по которому в 1749 г. вернул имение обратно. В декабре 1741 г. В.М. Танский был прощен и в июле 1742 г., после кратковременного пребывания в Петербурге, вернулся в Малороссию; переяславское полковничество ему было возвращено; позднее, взамен Озерян, по ходатайству С.С. Лизогуба, графом К.Г. Разумовским ему были выделены новые земли – в местечках Яготин и Бубнов, в деревне Решётках и селе Калаберда (Колиберда). Документы о полковнике Танском хранились в фамильном гоголевском архиве и должны были быть известны Гоголю. «Можно быть уверены, что при составлении истории Малороссии этот материал не был обойден поэтом...» (*Чаговец В.А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива). С. 7).

История женитьбы А.Д. Гоголя-Яновского (в ту пору войскового канцеляриста, домашнего учителя в доме С.С. Лизогуба) и Т.С. Лизогуб нашла отражение в повести Гоголя «Старосветские помещики»: «...он даже увез довольно ловко Пульхерию Ивановну, которую родственники не хотели отдать за него...». Бегство Татьяны Семеновны из родного дома объяснялось отчасти тяжелым характером матери. По словам ее отца С.С. Лизогуба, она «росла при

матери в горе, як при мачухе» («Мать ее, – пояснял В. А. Чаговец, – урожд<енная> Танская, отличалась тяжелым, своевольным и вздорным характером») (Из семейной хроники Гоголей. С. 69). Эти черты Анна Васильевна Лизогуб, очевидно, унаследовала от своей матери «полковницы» Анны Танской, которая заведовала «преимущественно» делами по управлению имениями своего мужа. «...После ссылки мужа <...> она не изменила своей системы и так же энергично отстаивала свои интересы без мужа, как и при нем. Как и раньше, она безучастно относилась к народу, не позволяла выгонять скот на пастбище или высылала в поле целую команду "волох и другого звания людей", которые с дубьем и ружьями прогоняли работавших крестьян с их дедовских земель, якобы принадлежавших ныне Танским... <...> ...Из дел видно, что в этих схватках вооруженных волохов с крестьянами, из последних некоторые бывали убиты... Караулы, расставленные на границах полей и в степи "по разным могилам", сообщали мирным полям какой-то чуждый характер и внушали страх и трепет среди крестьян...» (Чаговец В.А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива). С. 15). В отличие от жены, отец Татьяны Семеновны, С.С. Лизогуб, отличался глубокой религиозностью, которую унаследовала его дочь.

После бегства Татьяны Семеновны «гнев отца быстро прошел, и молодые беглецы получили в приданое сельцо Купчик, впоследствии переименованное в Васильевку, Яновщину тож» (Чаговец В.А. Примечания // Из семейной хроники Гоголей. С. 69). (Село Купчик, или хутор Купчин, на реке Голтве, называвшийся позднее от фамилии А.Д. Гоголя-Яновского – Яновщиной, и от имени отца Гоголя *Василия* – Васильевкой, входил в состав имения Мурафа, но был получен В.М. Танским не в 1722 г., а ранее, в качестве приданого жены.) По другим сведениям, С.С. Лизогуб передал «хутор Татьяне Яновской и внуку Василию» в 1781 г. (название хутора не указано) (см.: Щеголев П.Е. Отец Гоголя // Исторический Вестник. – 1902. – № 2. – С. 657). Ср.: «По другому варианту, записанному сестрою поэта <О.В. Головной>, они <...> долгое время жили в нужде, пока не получили прощения родителей» (Чаговец В.А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива). С. 25); «...родители рассердились: ничего ей не дали, а где они жили и как – не спрашивали. Потом братья ее подарили ей Васильевку...» (Из семейной хроники Гоголей. С. 36). «По ведомости о населении Малороссии в 1780 г., состав-

ленной при разделении последний на три наместничества, в сотне Шишацкой, Миргородского полка показан "*Хутор Купчинский бунч<укового> товар<ища> Лизогуба*", а в нем 16 двор. с 16-ю хатами. Отсюда видно, что женин "посаг" Афанасий Г<оголь> получил гораздо позже женитьбы» (*Лазаревский А.М.* Сведения о предках Гоголя. С. 12).

20 июня 1825 г. Татьяна Семеновна, будучи владелицей Васильевки (стоимость которой составляла тогда 60 тысяч рублей), в присутствии Д.П. Трощинского, завещала своему шестнадцатилетнему внуку Н.В. Гоголю, «преимущественно» пред его сестрами – Марией, Анной, Елисаветой, Татьяной и Ольгой, половину всего имения и «сверх того новый дом, к нему принадлежащий сад и лес, называемый Яворивщина». Мать Гоголя по этому завещанию пожизненно назначалась «единственной и безотчетною» опекуницей над именем своих детей. 1 июля 1825 г. это завещание было заверено в Миргородском уездном суде (опубл.: *Чаговец В.А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива). С. 43–44). 15 декабря 1827 г. Гоголь, в частности, писал матери из Нежина: «Продайте тот лес большой, который мне назначен. Деньгами, вырученными за него, можно не только сделать вспоможение мне, но и сестре моей Машиньке». В начале января 1828 г. он вновь обращался к матери: «Приспели гораздо большие трудности <...> Необходимо нуж<ные> пособия <...> уразумению языков достать теперь <край письма оторван> Я просил <...> 60 рублей <...> Я умолял вас несчет<ное> число раз <...> <К чему со>хранять <...> <м>не такое имение <...> <Нужно ста>раться сбыть некоторые <...> <нену>жные земли и даже продать». Перед отъездом в Петербург Гоголь 8 сентября 1828 г. писал двоюродному дяде Петру Косяровскому: «...Приезжайте в Васильевку, будьте ангел-утешитель нашей матери. <...> Я с своей стороны <...> для обеспечения ее состояния отказываюсь от своего наследия и теперь занимаюсь составлением дарственной записи, по которой часть имения, принадлежащего по завещанию мне, с домом, садом, лесом и прудами, оставляется матери моей в вечное владение». В 1829 году Гоголь отказался от своей части имения в пользу матери, выслав ей 24 июля соответствующую доверенность, подписанную в Санкт-Петербургской палате гражданского суда (опубл.: *Щеголев П.Е.* К биографии Н.В. Гоголя // Литературный Вестник. – 1902. – Т. 3. – Кн. 1. – С. 60).

34. Г.П. Данилевский со слов М. И. Гоголь также записал: «Будучи еще пяти лет от роду, он <Гоголь> вздумал писать стихи. Никто не помнит, какого рода стихи писал он; но вот что осталось

в памяти его домашних. Известный литератор наш *Капнист*, заехав однажды к отцу молодого поэта, застал пятилетнего сына его за пером. Малютка Гоголь сидел за столом, глубокомысленно задумавшись над какою-то фразой. Капнисту удалось, просьбами, ласками и другими средствами, заставить нового литератора прочесть свое произведение. Гоголь отвел Капниста в другую комнату и там прочел ему свои стихи... Капнист никому не сказал о содержании этих стихов. Он вышел к домашним Гоголя глубоко тронутый, лаская и обнимая маленького писателя, и сказал: "Из него будет большой талант, дай ему только судьба в руководители учителя-христианина!" Над этими словами даровитого и проныцательного Капниста призадумается не один из биографов Гоголя» (*Данилевский Г. Хуторок близ Диканьки // Московские Ведомости. – 1852. – 14 окт., № 124. – С. 1279*).

24 февраля 1853 г. М.И. Гоголь писала С.П. Шевыреву: «Чрезвычайно неприятно удивила меня пропечатанная галиматья в газетах г-м Данилевским о детстве моего сына; он все смешал, я ему рассказывала, по его просьбе, то самое, что и Вам говорила... <...> ...До пяти лет он начал выписывать на столе мелом слова и слагать, так что мы не обратили на то никакого внимания; нам не приходило на мысль, что он делает, облокотясь, сидевши, на стол, но когда приехал к нам покойный Василий Васильевич Капнист, тогда было моему сыну 5 лет, и он сидел у стола, нагнувшись, и что-то ворсил уже на бумаге, какие-то каракульки. Он взял у него бумагу и увидел из этой нескладицы нечто похожее на рихму и сказал, как нужно его поручить отличному учителю» (впервые опубли.: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского // [5, 770]. Печатается по автографу: *РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 200. Л. 17*).

П.А. Кулиш также возражал Г.П. Данилевскому: «...Нам не хочется верить и тому, чтоб Гоголь, пяти лет от роду, написал такие стихи, что известный литератор, Капнист, "глубоко тронутый", сказал будто бы: "Из него будет большой талант" и проч. Гоголь, на выходе из Гимназии Высших наук написал "Ганца Кюхельгартена", в котором видно совершенное отсутствие стихотворного таланта» (<*Кулиш П.А.*> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // *Отечественные Записки. – 1853. – № 2 (ценз. разр. 25 янв.). – Отд. 7. – С. 117*).

Несмотря на возражения М.И. Гоголь и П.А. Кулиша, замечание о сочинении пятилетним Гоголем стихов содержится и в публикуемом дневнике Шевырева. Повторяет Шевырев, со слов

М.И. Гоголь, и отзыв В.В. Капниста о Гоголе, слышанный ранее от Марии Ивановны Данилевским: «Из него будет большой талант, дай ему только судьба в руководители учителя-христианина!» Ср. в дневнике Шевырева: «Слово В.В. Капниста при чтении первых стихов Н.В. Гоголя, когда было ему еще пять лет: "Хорошо бы было, если бы он был отдан на воспитание на руки Христианину". – Слышано от матери» (этот фрагмент находится в дневнике Шевырева среди заключительных записей; см. в наст. изд.).

В свою очередь Данилевский при повторной публикации своей статьи, отвечая на критику Кулиша, к цитированному фрагменту о сочинении пятилетним Гоголем стихов сделал примечание: «Это нам сообщила М.И. Гоголь» (*Данилевский Г. Хуторок близ Диканьки. (Родина Н.В. Гоголя) // Русский Инвалид. – 1853. – 1 февр., № 26. – С. 104.*)

35. «Урок дочкам» (1807) – комедия И.А. Крылова.

36. По свидетельству дядьки Гоголя Семена (Симона) Стокозы, жившего при нем в Нежине, юный Николай всегда был готов отказаться от лакомств (до которых был «большой охотник»), чтобы помочь бедному. Как писала Мария Ивановна 23 ноября 1830 года к своему родственнику А.А. Трощинскому, старик Симон «по секрету» рассказывал ей, как деньги, присылаемые ею сыну к праздникам на конфеты, юный Гоголь часто, «когда не успеет еще купить и встретится ему бедный», раздавал нищим. «...Так и старается, – сообщал дядька, – как бы увильнуть от меня и отдать ему свои деньги, думая, что я не видал <...> Не давайте ему денег; пропадут ни за что» (<*Ореус И.И.*> Дмитрий Прокофьевич Трощинский. 1754-1829 // Русская Старина. – 1882. – № 6. – С. 676). Соученик Гоголя по Нежинской гимназии В.И. Любич-Романович также рассказывал: «Однажды ему даже случилось остаться в долгу у одной нищенки, которой ему нечего было подать в то время, когда он проходил мимо нее, и на ее слова "подайте Христа ради" ответил: "сочтите за мной...". И в следующий раз, когда та обратилась к нему с той же просьбой, как прежде, он подал ей вдвойне, добавив при этом: "тут и долг мой"... Вообще, Гоголь относился к бедности с большим вниманием и, когда встречался с нею, переживал тяжелые минуты...» (*Глебов С.И.* Гоголь в Нежинском лицее. (Из воспоминаний В.И. Любича-Романовича) // Лит. Вестник. – 1902. – № 2. – С. 556). О постоянном внимании Гоголя к нуждам бедных свидетельствует, в частности, и характерная заметка в его записной книжке 1842-1850 годов: «Наменять денег

для бедных». Запись эта говорит отнюдь не о скупости дающего, но, напротив, о постоянном внимании к нуждающимся. Это роднит Гоголя со многими христианскими подвижниками. Так, –заблаговременно разменивая деньги для раздачи бедным, – поступал, например, св. праведный Иоанн Кронштадтский. Имея в виду заповедь Апостола «помнить нищих» (Гал. 2, 10), Гоголь писал позднее в «Размышлениях о Божественной Литургии»: «...Задолжали мы Самому Творцу в лице братьев наших, Который ежедневно и ежеминутно в образе их протягивает нам руку Свою, надрывающим всю душу воплем умоляя о милости и милосердии».

37. А. С. Данилевский вспоминал о Гоголе: «В Нежине товарищи его любили, но называли: *таинственный карла*. Он относился к товарищам саркастически, любил посмеяться и давал прозвища» [15, 102]. Установлено, что «таинственный карла» – прозвище, которое носил Гоголь в Нежинской гимназии, происходит от названия одного из романов В. Скотта, получившего в первом русском переводе заглавие «Таинственный Карло» (М., 1824; в оригинале: «Черный карлик») (*Воронаев В.* «...Я совершу свой путь...» // Библиотекарь. – 1984. – № 4. – С. 49-50). Можно вполне определенно судить, что подразумевалось под этим прозвищем. Характер героя В. Скотта представляет собой причудливое сочетание напускной мизантропии и искренней, скрываемой под маской холодности любви к людям: «...Ни один лицемер не обладает таким искусством прикрывать благовидными причинами самые гнуснейшие поступки свои, как он умеет соглашать с правилами своего человеконенавидения действия, проистекающие из врожденного великодушия его и доброты сердечной» (Таинственный Карло. Повесть сира *Валтера Скотта*. – М., 1824. – Ч. 2. – С. 138). Эти черты прямо перекликаются с характеристикой, данной Гоголю матерью и друзьями. Мария Ивановна сразу после смерти сына писала о нем С.П. Шевыреву: «Сердце этого ангела было полно нежнейших чувств, которые он скрывал, не знаю почему, под угрюмой наружностью и никому не любил показывать их» (письмо от апреля 1852 года) [5, 763]. В записке о сыне 1852 года она повторяла: «Он имел самое чувствительное сердце и стремился как только мог скрыть эту нежность его души; желал показывать себе противоположным этому прекрасному чувству, и от того казался скрытным; он любил всеми силами души своих товарищей...» (см. в наст. изд.). Школьный приятель Гоголя В.И. Любич-Романович, в частности, вспоминал: «Вообще он, бывая в об-

ществе, ходил с опущенной головой и ни на кого не глядел. Это придавало ему вид человека, глубоко занятого чем-то, или сурового субъекта, пренебрегавшего всеми людьми. Но в общем он не был зол, напротив, его душа всегда была отзывчива к ближнему. Так, например, он никогда не мог пройти мимо нищего, чтобы не подать ему, что мог, если имел, и всегда говорил просившему у него подаяния "извините", когда нечего было вложить тому в руку» (*Глебов С.И.* Гоголь в Нежинском лицее. С. 556).

Образ не понятого окружающими, проникнутого любовью к людям «таинственного карлы» проглядывает и в письмах самого Гоголя 1820-х годов. 26 февраля 1827 года он писал матери из Нежина: «Вы одни только видели, что под видом иногда для других холодным, угрюмым тайлось кипучее желание веселости (разумеется, не буйной) и часто <...> когда другим казался я печальным <...> я разгадывал науку веселой, счастливой жизни...». (Под «наукой веселой, счастливой жизни», подразумевалось, вероятно, – в соответствии с традиционными представлениями, искусство побеждать свои страсти. Рассуждения на этот счет можно встретить в тогдашней как церковной, так и светской литературе. В частности, одна из неоднократно переиздававшихся на протяжении XVIII – начала XIX века книг, ставивших «истинное благополучие» в зависимость от «воздержания страстей», так и называлась: «Наука счастливым быть». Ср.: «Истинное благополучие не в великой силе и власти, ни в великом богатстве содержится, но от воздержания страстей <...> зависит...»; «Кто страсти свои воздерживать умеет, тот богаче всей Генуэзской республики» (Наука счастливым быть. Переведено с нем. на русский язык. С. Волчковым. – СПб., 1759. – С. 176-177, 180. – Гл. 19. «О науке счастливым быть».)

1 марта 1828 года Гоголь в другом письме к матери еще раз замечал: «...Я почитаюсь загадкой для всех, никто не разгадал меня совершенно <...> В одном месте я самый тихий, скромный, учтивый, в другом угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч. <...> Как угодно почитайте меня, но только с настоящего моего поприща вы узнаете настоящий мой характер, верьте только, что всегда чувства благородные наполняют меня <...> что я всю жизнь свою обрек блугу». В записке о сыне Мария Ивановна тоже свидетельствовала, как однажды «он сказал, что он не будет жить для себя, а для страждущих ближних, и если Бог удостоит быть полезным своему отечеству – Рос<с>ии, то почтет себя счастливым, но если вообразит,

что может быть его не допустят обстоятельства его, то чувствует, что холодный пот показывается на его лбу» (см. в наст. изд.). 3 октября 1827 года, сообщая дяде Петру П. Косяровскому о своей «неугасимой ревности сделать жизнь свою нужною для блага государства», Гоголь писал: «Недоверчивый ни к кому, скрытный, я никому не поверял своих тайных помышлений <...> Да и кому бы я поверил и для чего бы высказал себя, не для того ли, чтобы смеялись над моим сумасбродством, чтобы считали пылким мечтателем, пустым человеком? <...> Даже маминька, которая хотела узнать мой образ мыслей, еще не может сказать наверно, куда я хочу...».

В.И. Любич-Романович от лица гоголевских однокашников позднее свидетельствовал: «...Его внутренний мир для нас остался закрытым...» (*Глебов С.И.* Гоголь в Нежинском лицее. С. 555). Сам Гоголь, очевидно, настолько свыкся с ролью «таинственного карлы», что и позднее, будучи уже в Петербурге, продолжал во многом ее придерживаться. «...Кому нужда, кто пожелает знать мои тайные движения? – вопрошает, в частности, герой одной из ранних его статей, – <...> это <...> не то же ли, если бы кто вздумал стремительно ворваться в площадь, где чернь кипит и суетится, исполняя обычные свои требы, и вossылать, упавши на колени, жаркие молитвы к небу» («Борис Годунов. Поэма Пушкина», 1831). Много лет спустя, в письме к А.О. Смирновой от 28 декабря (н. ст.) 1844 г., Гоголь замечал о своей жизни в первой половине 1830-х гг. среди петербургских литераторов: «Никто из них меня не знал. По моим литературным разговорам всякий был уверен, что меня занимает одна только литература...».

38. Ср.: «...Выдали меня 14 лет за моего доброго мужа, в 7 верстах живущего от моих родителей. Ему указала меня Царица Небесная, во сне являясь ему. Он меня тогда увидел, не имеющую году <предположительно, в конце апреля – начале мая 1792 г.>, и узнал, когда нечаянно увидел меня в том же самом возрасте, и следил за мной во все возрасты моего детства» [12, т. 1, 17]; «Теперь я опишу вам сон моего мужа, которому я вдруг не поверила, полагая, что он хотел меня удивить, покуда не уверил меня он серьезно и побожился: когда он приезжал в каникулы домой, и в то время ездил со своей матушкой в Ахтырку, Харьковской губернии, на богомолье, там есть чудовный образ Божьей Матери, они были там в обедне, отправляли молебен, и остались там ночевать, и он видел во сне тот же храм. Он стоял в нем по левую сторону; вдруг царские врата открылись, и вышла Царица в порфире и ко-

роне и начала говорить к нему при других словах, которых он не помнил: “Ты будешь одержим многими болезнями (и точно, он страдал многими недугами и, наконец, лихорадкой, которая продолжалась у него 2 года. Никакие средства не помогали; один Трофимовский освободил его от нее), но то все пройдет”. – Царица Небесная сказала ему: “ты выздоровеешь, женишься, и вот твоя жена”. Выговоря эти слова, подняла вверх руку, и он увидел у Ее ног маленькое дитя, сидящее на полу, которого черты врезались в его памяти. Потом он приехал домой, рассеялся и забыл тот сон. Родители его, не имея тогда церкви, ездили в местечко Ярески при реке Псле. Там они имели 2 знакомых дома, Трощинских, братьев Д<митрия> П<рокофьевича>, в них оставались вдовы, одна тетка моя имела одного сына в Петерб<урге>, а другая имела дочь замужем за немцем *Шлихтином*. Мой муж любил его и проживал у него, познакомился и с теткой моей, и когда вынесла кормилица дитя 7 месяцев, он взглянув на него и остановился от удивления: ему представились те самые черты ребенка, которые показали ему во сне. Не сказавши о том никому, он начал следить за мной; когда я начала подрастать, то он забавлял меня разными игрушками, даже не скучал, когда играла в куклы, строил домики с карт, и тетка моя не могла надивиться, как этот молодой человек не скучал заниматься с таким дитем по целым дням; я хорошо знала его и привыкла, часто видя, любить его; потом, спустя 13 лет <в 1804 г.>, он видел тот же сон в том же храме, но не царские врата открылись, а боковые алтаря, и вышла девица в белом платье с блестящей короной на голове, красоты неописанной, и, показав рукой в левую сторону, сказала: “вот твоя невеста”. Он оглянулся в ту сторону и увидел девочку в белом платьице, сидящую за работой пред маленьким столиком и имеющую те же черты лица. И после того скоро мы возвратились из Харькова, и муж мой просил родителей моих отдать меня за него» [22, 252].

39. В автографе ошибочно: за границею.

40. Имеется в виду публикация: *И.Б. Благодетельный врач в Малороссии. (Письмо к Издателю) // Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. (М.), 1803. – Ч. 12. – Ноябрь. – № 21 и 22. – С. 88-91.*

41. Автограф записки М.И. Гоголь-Яновской о сыне хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома: *ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 47. Гоголь-Яновская М.И. Автобиография (отрывок). 4 л. На четырех листах (двух двойных) большого формата. Частично*

использован П.А. Кулишом в «Записках о жизни Н.В. Гоголя...» (см. вступит. статью и примеч.). Полностью публикуется впервые.

42. Имеется в виду отдельный оттиск статьи П.А. Кулиша, вышедшей в апрельском номере журнала «Отечественные Записки» за 1852 г.: <Кулиш П. А.> Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя // Отечественные Записки. – 1852. – № 4. – Отд. 8. – С. 189-201.

43. *Далее ошибочно следует:* меня

44. Имеется в виду: неутешная мать

45. *Край листа утрачен.*

46. Фрагмент: «Сын мой Николай <...> отправить благодарственный молебен», – использован П.А. Кулишом в «Записках о жизни Н.В. Гоголя...»: «Он родился в 1809 году, 19 марта, в местечке Сорочинцах. Может быть, будущему биографу Гоголя полезно будет знать для каких-нибудь соображений, что мать Гоголя имела двоих детей до его рождения, но они являлись на свет мертвыми. Поэтому, в ожидании новых родов, она переехала в Сорочинцы, где жил знаменитый в то время малороссийский врач Трофимовский. Между прочим она дала обет, если родится у нее сын, наименовать его Николаем, в честь чудотворного образа, называвшегося Николаем Диканьским. Родители Гоголя просили священника села Диканьки молиться до тех пор, пока дадут ему знать о счастливом событии и попросят отслужить благодарственный молебен» [12, т. 1, 5]. Ранее в «Опыте биографии Н.В. Гоголя...» было: «По показанию матери поэта, он родился в 1810 году, 19 марта, в местечке Сорочинцах. Она еще при жизни сына говаривала, что он "прибавляет себе лета". Может быть, будущему биографу Гоголя полезно будет знать для каких-нибудь соображений, что мать Гоголя имела детей до его рождения, но ни один ее ребенок не жил более нескольких дней. Поэтому, в ожидании новых родов, она переехала в Сорочинцы, где жил знаменитый в то время малороссийский врач Трофимовский. Между прочим она дала обет, если родится у нее сын, наименовать его Николаем, в честь чудотворного образа, называвшегося Николаем Диканьским. Эти подробности сообщил мне М. А. Максимович, близко знакомый с семейством поэта» [14, 4].

47. *В автографе ошибочно:* мою

48. Фрагмент: «...семи лет поручили его учителю семинаристу <...> а Николай остался 10-ти лет», – использован П.А. Кулишом в «Записках о жизни Н.В. Гоголя...» (см.: [12, т. 1, 16]).

49. *Так в автографе.*

50. *В автографе ошибочно:* монотомная

51. Фрагмент: «...не будет жить для себя <...> холодный пот показывается на его лбу», – цитируется П.А. Кулишом в «Записках о жизни Н.В. Гоголя...» (см.: [12, т. 1, 338]).

52. Биографы Гоголя, бывавшие в его родовом имении Васильевке, неоднократно отмечали, что быт семьи Гоголей и природа родного края писателя во многом могут служить «комментарием» к его повестям «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода». Вспоминая о повести «Старосветские помещики», младший современник Гоголя Г.П. Данилевский, посетивший Васильевку в 1852 году, писал П.А. Плетневу: «Меня увлекал каждый кустик старинного сада Гоголей <...> я слушал, как, отворяясь и затворяясь, поют воспетые им двери; я видел на стенах воспетые и осмеянные им картины...» [8, 186].

П.А. Кулиш, знакомый на протяжении нескольких лет с матерью Гоголя и одно время даже живший в Васильевке, позднее в письме к Н.А. Белозерской 1886 года указывал: «Изображая свою незабвенную Пульхерию Ивановну, Гоголь маскировал дорогую личность матери <...> Сквозь милые черты его Бавкиды проглядывает пленительный образ великой в своей неизвестности женщины...» (*Белозерская Н.А. Мария Ивановна Гоголь // Русская Старина. – 1887. – № 3. – С. 708*). Для характеристики личности Марии Ивановны Кулиш даже использовал цитату из «Старосветских помещиков»: «Пульхерия Ивановна была несколько серьезна, почти никогда не смеялась (такую знал я и Марью Ивановну); но на лице и в глазах ее было написано столько доброты, столько готовности угостить вас всем, что было у них лучшего, что вы, верно, нашли бы улыбку уже чересчур приторною для ее доброго лица» (Там же. С. 708).

О том, что прообразом героини «Старосветских помещиков» послужила Гоголю его мать, дважды сообщается и в известных «Записках А.О. Смирновой» (<*Смирнова О. Н.*> Записки А.О. Смирновой. – СПб., 1895. – Т. 1-2. Это псевдо-дневник А.О. Смирновой, изданный дочерью мемуаристки Ольгой Николаевной Смирновой и во многом написанный ею, а не самой Александрой Осиповной. Тем не менее многочисленные факты свидетельствуют, что в основе этих «Записок...», несомненно, лежат какие-то недошедшие до нас подлинники материалов А.О. Смирновой, использованные Ольгой Николаевной. Сама О.Н. Смирнова за пять лет до публикации «Записок...», поясняя одно из писем Александры Осиповны, признавалась: «Все

эти подробности из записной книги моей матери, и она мне многое говорила, и я записывала с ее слов очень интересные подробности»; *Шенрок В.И.* А.О. Смирнова и Н.В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844-1851 гг. // Русская Старина. – 1888. – № 7. – С. 53-54.) При серьезной критической проверке с привлечением других источников сведения, сообщаемые в «Записках А. О. Смирновой», должны быть приняты во внимание.

При чтении «Миргорода», писала А.О. Смирнова, Гоголь сказал П.А. Плетневу, что «думал о своей матери, когда описывал Пульхерию Ивановну» (<Смирнова О.Н.> Записки А.О. Смирновой. – СПб., 1895. – Т. 1. – С. 51). «Он мне также сказал, – добавляла мемуаристка, – что, работая над "Старосветскими помещиками", он думал о своей матери» (Там же. – Т. 1. – С. 314).

Даже черты «предприимчивого приказчика» в «Старосветских помещиках» были, по-видимому, «списаны» Гоголем с приказчика в имени матери. 13 ноября 1826 года Мария Ивановна, в частности, сообщала своему двоюродному брату Петру П. Косяровскому: «...5 дней как приехала в мирное убежище мое, где нашла в отсутствие мое все хозяйство свое совершенно рас<с>троенным, приказчик начал плутовать и безбожно красть, так что теперь мне нельзя иметь ни дня, ни ночи покою, покуда хотя немного приведу в порядок экономические дела» (*РНБ*. Ф. 199. Ед. хр. 15. Л. 8).

Некоторые «старосветские» черты исследователи усматривали и в отце Гоголя, Василии Афанасьевиче (*Щеголев П.Е.* Отец Гоголя. С. 655–666). Среди других возможных прототипов указывали миргородских «старичка и старушку» Бровковых (Воспоминания *С.В. Скалон* (урожденной Капнист) // Исторический Вестник. – 1891. – № 5. – С. 355-356), деда и бабушку писателя Афанасия Демьяновича и Татьяну Семеновну Гоголь-Яновских (на них указывает сама Мария Ивановна), семейство соседей по имени старичков Зарудных (*Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя. – М., 1893. – Т. 2. – С. 141; *Чаговец В.А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива). С. 5-6).

В.А. Чаговец свидетельствовал: «Одна помещица, г<-жа> Д., рассказывала мне, как еще будучи институткой, она убежала из гостиной, где находился Гоголь. На вопрос гостей, почему она это сделала, она отвечала по-малорусски: "От ище, щоб и мене впысав, як своих бабушку и дедушку Афанасия Демьяновича! Бог с ним!"» (*Чаговец В.* На родине Гоголя. (Литературные воспоминания). Васильевка (Яновщина) // Киевская Газета. – 1901. – 23 сент., № 263. – С. 4).

Очевидно, что именно семья Гоголей, принадлежавшая, подобно героям повести, к «старинным и коренным» малороссийским фамилиям, была прежде всего, сравнительно с другими, самой «старосветской» в родных местах писателя. Об этом свидетельствуют строки письма самого Гоголя к матери от 17 ноября 1831 года: «Жаль, что у нас нет соседей каких-нибудь старосветских людей <...> Нас, как нарочно, сколько мне помнится, окружают модники и люди нынешнего света <...> и нам, старым людям, т. е. мне и вам, маминька, не с кем и слово завести о старине». (Кстати, соответствующую статью, посвященную этой теме, предполагал опубликовать в 1934 году С.Н. Дурылин: «Письма к Аксаковым сестер Гоголя появятся в моей работе: "Старосветские помещики – М.И. Гоголь, ее сын и ее дочери"»; *Дурылин С.* Гоголь и Аксаковы. С тремя неизданными записками Гоголя // Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. – М.; Л., 1934. – Т. 3-4. – С. 325).

Примечательно, что и М.П. Погодину, первому из московских и петербургских друзей Гоголя посетившему летом 1842 года Васильевку, также сразу вспомнился быт «Старосветских помещиков». Об этом свидетельствуют строки его статьи «Путешествие за границу» (1842), посвященные встрече с хозяйкой имения: «[Здесь я ночевал] Никак нельзя было отказаться от ночеванья. Нечего было и думать. А на другой день должно было непременно обедать. <...> Мы осмотрели весь дом, сад на берегу пруда <...>, гумно, кладовые, погреба с наливками, вареньями, сырами и прочими произведениями малороссийской природы; потом крестьянские хаты, сходили в церковь, покатались по пруду, наконец пообедали – борщ, вареники [и проч. и проч.], сыр жареный, глечаный (от особого способа творожить), пироги с вишнями и варенья. Все блюда и чашки верхом. Разумеется, одно кушанье надо было запивать терновкою, другое сливянкою, третье смородиновкою. Каждое кушанье имело свою историю со множеством случаев, происходивших при его употреблении» (цит. по черновому автографу: *РГБ.* Ф. 231. Разд. I. К. 41. Ед. хр. 5а. Л. 5 об.; опубл.: *Поездка пр<офессора> Погодина за границу в 1842 году // Москвитянин.* – 1844. – № 1 (ценз. разр. 28 дек.). – С. 159; см. также: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. В 22 кн. – СПб., 1888-1910. – СПб., 1893. – Кн. 7. – С. 6.). В записной книжке Погодина 1842 года, использованной при написании цитируемой статьи, также читаем: «Обобедали. Чего не было: бублики с маком, сыр жареный, варенье, сыр глечаный, от особого способа творо-

жить, пироги с вишнями» (*РГБ*. Ф. 231. Разд. I. К. 39. Ед. хр. 4. Л. 18 об.). По возвращении Погодина в Москву в ноябре 1842 года Мария Ивановна писала ему: «Надеюсь, что здоровье ваше поправилось... <...> Как мне жаль, что полынная водка, удостоившаяся вам понравиться, не досталась вам, как бы я рада была наделать ее побольше и когда бы можно оставить к вам» (*Барсуков Н.П. Жизнь и гробы М.П. Погодина*. Кн. 7. С. 62).

Напомним черты гостеприимства Пульхерии Ивановны: «Гость <...> должен был непременно переночевать. <...> "Вот это, – говорила она, снимая пробку с графина, – водка, настоящая на деревий и шалфей. Если у кого болят лопатки или поясница, то очень помогает. Вот это на золототысячник: если в ушах звенит и по лицу лишаи делаются, то очень помогает. А вот эта – перегнанная на периковые косточки... <...> Если как-нибудь, вставая с кровати, ударится кто об угол шкапа или стола и набезит на лбу гугля, то стоит только одну рюмочку выпить перед обедом – и все как рукой снимет..." <...>. После этого такой перечень следовал и другим графинам, всегда почти имевшим какие-нибудь целебные свойства».

«Сродни» Пульхерии Ивановне «Старосветских помещиков» и радушная матушка из повести Гоголя «Иван Федорович Шпонька...», также накрывающая для своих гостей стол с многочисленными закусками и водкой различных способов приготовления. На мысль о «родстве» этой героини с Пульхерией Ивановной наводит, помимо прочего, упоминание о «кошке, трусливо пробегавшей под стульями»: «кошечка» Пульхерии Ивановны (которую она, «нельзя сказать, чтобы <...> слишком любила») сыграла немаловажную роль в судьбе героини. Другие персонажи «Ивана Федоровича Шпоньки...» – две сестрицы и брат, преследующий мух хлопущкой, – также могут быть соотнесены с «родовым» окружением Гоголя. Как вспоминала А. О. Смирнова, «у Гоголя точно была тетка и двоюродный брат, который бил мух хлопущками» (*Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания*. С. 71).

В.А. Чаговец, комментируя в 1909 году воспоминания сестры Гоголя О.В. Гоголь (в замужестве Головни), также отмечал: «...В чертах жизни всей семьи Гоголей, как она рисуется в изложении О<льги> В<асильевны>, многое напрашивается на любопытные сравнения, начиная от "Старосветск<их> помещиков" и кончая "Мертвыми душами"» (*Чаговец В.А. Примечания // Из семейной хроники Гоголей*. С. 65). Он же указывал на хранившийся в Ва-

сильевке в «заветном сундуке» «домашний "домострой", составленный дедушками и бабушками и восполненный отцом Гоголя», – «огромную тетрадь с синими листами, исписанными всякими верными и надежными средствами... <...> Как будто бы из советов Пульхерии Ивановны...» (Там же. С. 71). «...Что всего интереснее, там встречаются те же названия (как перегонять водку на персиковые листья, на черемуховый цвет, на золототысячник, на вишневые косточки), что и в повести Гоголя; точно также и лекарственные настойки на шалфее (от боли в лопатках), на золототысячнике (от звона в ушах и от лишая), или различные соленья и способы их приготовления, упоминаемые в повести, с тою же наивною методичностью помещены в этом Гоголевском "Домострое". – Скажем даже, что опасения Аф<анасия> Ив<ановича> насчет разбойников ("Конечно, говорил Аф<анасий> Ив<анович>, неровно всякого случая: нападут разбойники или другой недобрый человек") – имеют свое фактическое основание в целом ряде случаев нападений, засвидетельствованных делами, хранящимися в том же сундуке» (*Чаговец В.А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива). С. 6).

Упомянутый В.А. Чаговцом «домашний "домострой"» семьи Гоголей сохранился (*ОПИ ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 106-128). На двух листах большого формата белого цвета (л. 106-107) записано: «Способ чистить всякую деревянную посуду», «Как тушить пламя, выкинутое из трубы» («Смотря по устройству и ширине трубы, надобно пожертвовать: гусем, уткой или курицей, которую с верхнего отверстия трубы бросают вниз. Птица, падая вниз, старается удержаться и крыльями будет сбивать горящую сажу; этим утушается пожар»), «Лекарство от опухоли горла», «Лекарство от головной боли». Эти советы подписаны: «Из Журнала Общепольных Сведений». Далее следуют: «Способ сохранять стеклянную и хрустальную посуду от горячей воды», «Дешевая замазка для зимних окон», «Верное средство от мокротного кашля», «Лекарство от ужаления змеи», «От расстроенного желудка», «Средство от обжога».

Тетрадь из синих листов большого формата (с отдельными вложенными листами белого цвета; л. 109-125) содержит: «Замечания, касающиеся до хлебопашества», «Способ солить огурцы», «Способ делать столярный лак и наводить оным столярную работу», «Записка, как делать Гол<л>андский или Махновский сыр», «Способ унимать жесточайшую рвоту», «Способ уваривать дрожжу хмельную», «Записка, как кормить крапивою коров, по примеру, существующему у госпожи Мадноской», «Записка о содержании, корме и лече-

нии от разных болезней овец, по методе таганского главного Смотрителя Овцеводства Г. Протоиерея Иоанна Кешаревского», «Еще о овцах», «О закармливании овец на зиму», «Еще средство для избавления овец от оспы», «Лекарства для свиней», «Кровочистительный дикохт», «Общие диететические и медико-полицейские меры против эпидемической болезни», «Состав курительный против заразы, изобретенный химиком во Франции Гитоном Марво», «Записка, как делать и пить в мае месяце из трав соки», «Рецепты» (четыре рецепта на латинском языке: «прохладительный порошок», «слабительный порошок», «желудочные капли», «потовый порошок»), «Испытанные лекарства для людей» – «От порухи».

На двух белых листах почтовой бумаги (л. 127-128) имеются также советы «Как делать зеленый цвет» (для пряжи), «Пунцовой и розовой цвет» и рецепт лекарства для домашнего скота.

Кроме того, среди этих материалов хранится рукописная «Книга экономии человеческой жизни» (л. 82-103). На первом листе книги написано: «ОГЛАВЛЕНИЕ КНИГИ СЕЯ ЭКОНОМИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЯ ЖИЗНИ». Далее следует оглавление, в конце которого сообщается: «ЭКОНОМИЯ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ, переведенная с индейского манускрипта, сочиненного одним древним Брамином. В начале приложено Англинского дворянина, жившего в Китае, письмо Графу Де..., в котором объясняется, каким образом оный манускрипт найден. Переведено с Англинского языка на французской 1751, а с оного на российской 1759 году. Его высокопревосходительству Ивану Анофриевичу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА тайному советнику, Действительному Камергеру и ордина святыя Анны Кавалеру» (л. 83 об.). На л. 84 – посвящение переводчика Дмитрия Боборикина. Книга состоит из шести частей. Часть первая «О должностях человека во особенности» содержит главы: «Рассуждение», «Смиренномудрие», «Прилежание», «Поревнование», «Благорассудство», «Верность», «Удовольствие», «Воздержность». Часть вторая «О страстях» состоит из глав: «Радость и печаль», «Гнев», «Сожаление», «Желание и любовь». В третьей части «О должностях общества» главы: «Благоволение», «Правосудие», «Щедролюбие», «Благодарность», «Искренность или чистосердечие». Четвертая часть «О Провидении или разных приключениях человеческих» заключает в себе главы: «Мудрые и невежи», «Богатые и убогие», «Вельможи и рабы», «Государи и подданные». Пятая часть «О ближних и кровных сродниках» включает в себе главы: «Муж», «Жена», «Отец»,

«Сын», «Братья». Шестая часть – «О религии» – вся состоит из одноименной главы.

53. В источнике: секунд маера

54. В автографе: обязанностей

55. Трушковский Николай Павлович (1833-1862), сын П.О. и М.В. Трушковских, племянник Гоголя, редактор его первого посмертного собрания сочинений. Перу Н.П. Трушковского принадлежит статья «Диканька», напечатанная спустя три недели после смерти Н.В. Гоголя в журнале М.П. Погодина «Москвитянин», в разделе «Современные известия»: <Трушковский Н.П.> *Н. Тру.....ий*. Диканька. (Из путевых записок) // Москвитянин. – 1852. – № 6 (ценз. разр. 15 марта). – Отд. VII. – С. 67-74 (авторство указано: Железняк С. <Пономарев С.И.> Русский календарь на 1881 г. А. Суворина. – СПб., 1881. – <Отд. 2>. – С. 289). М.И. Гоголь в конце апреля 1852 г. писала С. П. Шевыреву: «Вот еще много обещает внук мой... <...> В "Москвитянине" прочла несколько отрывков его из путешествия, в том числе и о Диканьке. Видно, влечет его призвание к литературе...» (*РНБ*. Ф. 850. Ед. хр. 200. Л. 48-48 об.). В статье Н.П. Трушковский, в частности, указывал, что «главной примечательностью» Диканьки была чудотворная икона Святителя Николая, называемого Диканьским; сюда стекались богомольцы не только из окрестных деревень, но и из Великороссии, «нередко даже обитатели отдаленной Сибири» (<Трушковский Н.П.> *Тр.....ий Н.* Диканька. С. 67).

56. Имеется в виду «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

57. Подразумевается эпизод девятой главы первого тома «Мертвых душ».

58. В автографе: проснувшемуся

59. В автографе: с Франсией

60. В автографе ошибочно: посылая

61. В автографе ошибочно: чаше

62. Статья осталась неопубликованной. В письме к матери от 2 апреля 1830 года из Петербурга Гоголь сообщал: «Выручил за статью, переведенную с французского: О торговле русских в конце XVI и начале XVII века, для Северного Архива – 20 р<ублей>».

63. См. примеч. 1.

64. Далее ошибочно написано еще раз: можно. На этом рукопись заканчивается. Внизу листа остался небольшой пробел (приблизительно в три-четыре строки).

Вячеслав Кошелев

Об одной университетской лекции Гоголя

С сентября 1834 до конца 1835 г. Н.В. Гоголь служил в Петербургском университете, где читал лекции по всеобщей истории. По свидетельству некоторых из его слушателей, во второй половине октября 1834 г. одну из этих лекций посетили – по приглашению адъюнкт-профессора – его коллеги-литераторы А.С. Пушкин и В.А. Жуковский.

Как известно, Гоголь приобрел репутацию довольно слабого лектора, и про этот период его деятельности ходили анекдоты. Один из них касался как раз интересующего нас посещения. В.П. Гаевский в своих «Заметках для биографии Гоголя» сообщил: «Говорят, что Гоголь просил Пушкина и Жуковского приехать когда-нибудь к нему на лекцию. Оба поэта, очень долго собиравшиеся воспользоваться его приглашением, наконец, условились, уведомили об этом предварительно Гоголя и в назначенное время отправились в университет. Поэты нашли полную аудиторию студентов, но Гоголя еще не было; они решились его дожидаться, но прождали напрасно, потому что Гоголь вовсе не явился» [1].

Н.И. Иваницкий, бывший свидетелем этого случая, опроверг свидетельство Гаевского: «Но вот однажды – это было в октябре – ходим мы по сборной зале и ждем Гоголя. Вдруг входят Пушкин и Жуковский. От швейцара, конечно, они уж знали, что Гоголь еще не приехал, и потому, обратясь к нам, спросили только, в какой аудитории будет читать Гоголь? Мы указали на аудиторию. Пушкин и Жуковский заглянули в нее, но не вошли, а остались в сборной зале. Через четверть часа приехал Гоголь, и мы вслед за тремя поэтами вошли в аудиторию и сели по местам. Гоголь вошел на кафедру, и вдруг, как говорится ни с сего ни с другого, начал читать взгляд на историю аравитян. Лекция была блестящая, в таком же роде, как и первая. Она вся из слова в слово напечатана в «Арабесках». Видно, что Гоголь знал заранее о намерении поэтов приехать к нему на лекцию и потому приготовился угостить их поэтически. После лекции Пушкин заговорил о чем-то с Гоголем, но я слышал одно только слово “увлекательно”» [2].

То, что тема гоголевской лекции возникла для слушателей «ни с сего ни с другого», свидетельствует, что Гоголь читал, в качестве лекции, исторический очерк, приготовленный специально для Пушкина и Жуковского. Принято считать, что это очерк под названием «Ал-Мамун (Историческая характеристика)», который считается последним по времени создания произведением, вошедшим в «Арабески» (где он занял «сказовое» место в финале первого тома). Он остался рудиментом не написанного Гоголем «Трактата о правлении» (намеченного во втором плане «Арабесок») – некоего рассуждения о роли «национальных стихий» в жизни народов и государств.

О посещении Пушкиным и Жуковским гоголевской лекции вспоминал еще один очевидец – С.И. Барановский. Его воспоминания, написанные едва ли не через тридцать лет после заметки Иваницкого, содержат те же детали: «обоим знаменитым посетителям пришлось вместе с нами, студентами, прождать с полчаса времени»; Гоголь «прочел одну из лучших своих лекций». Правда, по версии Барановского, визит «знаменитостей» был «совершенно неожиданностью» для Гоголя и читал он не «взгляд на историю аравитян», а, напротив, «художественно охарактеризовал Норманнских витязей, завоевателей Сицилии, заселителей Исландии...» [3]. Эта лекция не попала в «Арабески»: небольшое упоминание о норманнах в этом сборнике есть только в составе статьи «О средних веках».

Так какую же все-таки лекцию читал Гоголь в присутствии Пушкина и Жуковского? И почему это, весьма нерядовое, событие приобрело в сознании современников столь «зыбкую» мифологию? По одной из версий – и лекции-то, в собственном смысле «не было», по другой – Гоголь, в нарушение логической последовательности лекционного курса, рассматривал эпизод из средневековой истории Востока, по третьей – «художественно охарактеризовал» любопытнейшую народность Западного мира... Да и зачем, собственно, Гоголю понадобилась эта «историческая» лекция, предназначенная для двух знаменитейших и уважаемых им литераторов?

На эту позднейшую мифологию, впрочем, наслоилось мифологизированное же представление о Гоголе-профессоре, заостренно отраженное, к примеру, в воспоминаниях И.С. Тургенева. Его преподавание, отмечал он, «происходило оригинальным образом. Во-первых, Гоголь из трех лекций непременно пропускал две; во-вторых, даже когда он появлялся на кафедре, – он не говорил, а шептал что-

то весьма несвязное, показывал нам маленькие гравюры на стали, изображавшие виды Палестины и других восточных стран, и всё время ужасно конфузился. Мы все были убеждены (и едва ли мы ошибались), что он ничего не смыслит в истории – и что г. *Гоголь-Яновский*, наш профессор (он так именовался в расписании лекций), не имеет ничего общего с писателем Гоголем, уже известным нам как автор «Вечеров на хуторе близ Диканьки»» [4].

Представление о том, что Гоголь ничего не смыслил в истории, не соответствовало действительности [5], – а появление этого мифа объяснялось чрезвычайно яркой литературной репутацией, появившейся у Гоголя после «Вечеров...». «Пасичник Рудый Панько» не совмещался с ампула университетского специалиста.

Такая же несовместимость двух гоголевских «обличий» отразилась и на восприятии сборника «Арабески». Известная отрицательная рецензия на этот сборник, написанная О.И. Сенковским, была посвящена, собственно, только развенчанию и отрицанию «ученых» статей Гоголя – и противопоставлению его «ученым» откровениям «шуточных» статей (из которых критик выделял «Невский проспект» и «Записки сумасшедшего»). «Читая эти страницы, очень немногочисленные, но писанные слогом приятным, чистым и живым, – замечает Сенковский, – искренно сожалеешь, что автор «Арабесков» обманывает себя до того, что хочет провозглашать какие-то новые истины по части наук и художеств...» Критика в этом смысле особенно раздражают претензии Гоголя на разыскания в «бедной истории» – в этих-то разысканиях он как раз и видит настоящие «карикуры» [6].

Дело, впрочем, не в известной «неприязни» Сенковского к Гоголю. В.Г. Белинский, относившийся к Гоголю-писателю более, чем «приязненно» и даже объявивший его «главой литературы, главой поэтов», тоже недоумевал, читая его «ученые» очерки, сопроводив свою большую статью «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835) характерным заключительным примечанием, в котором высказался еще хлеще: «Я не понимаю, как можно так необдуманно компрометировать свое литературное имя. Неужели перевести или, лучше сказать, перефразировать и перепародировать некоторые места из истории Миллера, перемешать их с своими фразами, значит написать ученую статью?.. <...> Если подобные этюды – ученость, то избави нас Бог от такой учености!» [7]

Самое интересное, что эта оценка Сенковского – Белинского стала в основе «бытовых», «массовых» представлений о Гоголе и в

последующее время. Как бы все последующие читатели ни оценивали «ученые» создания писателя, никто из них, собственно, не пытался их сопоставлять с его художественными созданиями. Эта традиция проникла и в издательскую практику, и в литературоведческие интерпретации: даже те исследователи, которые пишут об особенном значении циклизации у Гоголя, о том, что его «стремление к преодолению отдельности произведения было так сильно, что оно могло перехлестнуть и через границы художественного творчества» [8], – предпочитают всё же анализировать «Петербургские повести» отдельно от гоголевских петербургских же «ученых» очерков. Подобная установка вполне родственна язвительной реплике того же Сенковского, который, обнаружив, что Гоголь исключил из третьего тома сочинений «все высокопарно *ученые* статьи», не преминул сострить: «Сатириком еще можно притвориться, но ученым – никак нельзя» [9].

Между тем, как отметил еще С.А. Венгеров, Гоголь был ученым *особенным*, во многом противостоящим современным традициям. Он, «несомненно, вполне был подготовлен для серьезной исторической работы», но, «живя в эпоху преимущественного интереса к внешним факторам исторического процесса», представил в своих исторических изысканиях принципиально иной «интерес»: «В 1830-х гг. огромное большинство историков подходило к делу исключительно с внешней и анекдотической стороны. Походы, дипломатические переговоры, придворные интриги, личность государей и их приближенных – вот в чем видели тогда центральные проявления исторической жизни. Гоголя занимает совсем другое. Он в свои тетради, посвященные «материалам по средней истории», вписывает извлеченные из разных источников сведения о суевериях, о домашней жизни, «коммерции», положении и роли евреев, морской торговле, промышленности». В тех же «Арабесках» он продемонстрировал возможность изучения истории «со стороны таких явлений, как архитектура, живопись, быт, религия» [10].

Но еще важнее было то, что Гоголь изначально привык осмысливать любое историческое событие с точки зрения «мыслительного парадокса» – и, соответственно этому стремлению, искать в каждом историческом явлении скрытый *парадокс*. Вот он рассуждает о «средних веках» как целостном историческом явлении и тут же выстраивает историософскую концепцию. Согласно ей, «история средних веков менее всего может называться скучною», –

хотя никаких особенных приобретений для человечества эта эпоха не дала и события, волновавшие ее, могут показаться вполне однообразными. Между тем, именно в эту эпоху «совершилось всемирное преобразование»: «средние века» расположились между двумя «колоссальными событиями» истории. Но каким образом в это «темное» время могло совершиться такое колоссальное движение – от падения «полуязыческой» и «дряхлой» Римской империи до образования современного европейского просвещения? Обозревая основные этапы «средних веков» на Востоке и на Западе мира, Гоголь приходит к выводу, что причиной этого «небывалого скачка» послужило как раз то, что привычно оценивается с отрицательным знаком: «Сильный напор и усиленный гнет властей, казалось, были для того только, чтобы сильнее произвести всеобщий взрыв. Ум человека, задвинутый крепкою толщею, не мог иначе прорваться, как собравши все свои усилия, всего себя. И оттого-то, может быть, ни один век не представляет таких гигантских открытий, как XV-й...» Получается, что именно «отрицательные» данности средневековья: невежество, угнетение, междоусобицы, засилье схоластики, инквизиция и т.п. – явились факторами, которые стимулировали прогресс человечества!

Вывод – парадоксален. И в парадоксальности своей весьма логичен. Но тому же Сенковскому в рецензии на «Арабески» для того, чтобы «изобличить» Гоголя, потребовалось всего лишь перевести это заключение в привычную, «не парадоксальную» логику, даже не особенно изменяя внешней словесной оболочки высказывания: «Сильный напор и усиленный гнет властей прижал, извольте видеть, так сильно ум человеческий, задвинутый крепкою толщею, что этот несчастный ум вспыхнул так ужасно, что с отчаяния открыл порох, печать и Америку!» Логика гоголевского парадокса в этом «пересказе» оборачивалась некоей насмешкой над «познаниями русских читателей 1835 года» [11].

Но эта же логика парадокса становилась конструктивной и для знаменитых художественных текстов, вошедших в «Арабески». Главный из этих текстов – повесть «Невский проспект» – Пушкин охарактеризовал как «самое *полное* из его (Гоголя – В.К.) произведений» [12]. «Полнота» эта определяется опять-таки исходным парадоксом: «улица-красавица нашей столицы» – и «лжет во всякое время»; «о, не верьте этому Невскому проспекту!». Тут же представлены два частных случая этой «обманчивости» – и вы-

вод: «Дивно устроен свет наш!.. Всё происходит наоборот». Именно эта «наоборотная» логика создает впечатление «полноты» изображения в небольшой повести.

Социальный смысл этой логики вполне понятен и давно раскрыт в литературоведческих анализах: «*Все происходит наоборот* в этом обществе, и потому Гоголь так и воплощает сущность этого общества – и у него нормальные безумны, а сумасшедший богат душевными силами; носы блаженствуют, окруженные почетом и богатством, а человек опозорен и унижен; искусство становится подлым ремеслом, а ремесло приносит славу и уважение; пошлость блаженствует, а благородство гибнет в муках (это и есть тема «Невского проспекта»), и всё прекрасное, благородное гибнет, и все почему-то считают это естественным» [13].

Подобная «наоборотная» логика, сочувственно принимавшаяся в художественных текстах, выглядела вызывающе в текстах исторических – которые, в сущности, развивали ту же излюбленную гоголевскую идею о «неразумности» окружающего мира. Более того: обращаясь к истории, Гоголь стремился уяснить истоки этой «неразумности». История, между тем, привыкла оперировать рациональными категориями просветителей – и, с традиционной точки зрения, исторические рассуждения Гоголя действительно должны были казаться «дикими».

Позднее, в письме к Гоголю от 20 апреля 1842 г. Белинский просил у автора «Арабесок» прощения за то, что «изрыгнул хулу» на его «статьи ученого содержания». И объяснил своё непонимание содержанием самих ученых статей: «Они были тогда для меня слишком просты, а потому и неприступно высоки...» [14]. Видимая *простота* исторических гоголевских этюдов определялась общим замыслом создания «универсального» учебного курса по всеобщей истории, которая «должна обнять вдруг и в полной картине всё человечество, каким образом оно из своего первоначального бедного младенчества развивалось, разнообразно совершенствовалось и, наконец, достигло нынешней эпохи». Те исторические факты, которые должны были рассматриваться в таком курсе, должны были быть тщательно отобраны по принципу их значительности: «Происшествие, не произведшее влияния на мир, не имеет права войти сюда». Словом, как свидетельствовал слушатель гоголевских лекций В.В. Григорьев, Гоголь был убежден, что «призван к преподаванию *судеб человечества*» [15].

В состав «Арабесок» входят пять исторических «ученых статей» Гоголя. Хронологически первая из них – «О преподавании всеобщей истории» – содержит общую концепцию и план будущего курса. Статья «Шлецер, Миллер и Гердер» – это, собственно, историографический этюд о трех наиболее известных представителях возникшей в XVIII веке новой науки – всеобщей истории. Только три статьи непосредственно отражают содержание того курса, который Гоголь читал в университете: «О средних веках» (вступительная лекция, объясняющая значение читаемого курса), «О движении народов в конце V века» (собственно, очерк о происхождении европейской цивилизации) и «Ал-Мамун».

Последняя – *единственная* статья, посвященная не общим «историософским» проблемам, рассматриваемым на общеизвестных примерах, а некоему частному эпизоду исторической жизни конкретного (арабского) народа, приуроченному к локализованному времени – к началу IX века. При этом очерк вполне соответствует заявленному в подзаголовке жанру *исторической характеристики*. Правда, персонаж этой «исторической характеристики», багдадский халиф Ал-Мамун (Аль-Маммун, 786-833) как будто не вполне соответствует заявленному историком принципу отражать только те «происшествия», которые произвели «влияние на мир». Исторический Ал-Мамун, сын и наследник знаменитого Гаруна аль-Рашида, известен в истории арабов как просвещенный халиф, покровительствовавший наукам, основатель знаменитой багдадской обсерватории, по приказанию которого были переведены на арабский язык сочинения греческих ученых. Более никаких следов его 25-летнее правление в истории не оставило и «влияния на мир» не произвело.

Этой статье Гоголя из «Арабесок» посвящена обстоятельная и содержательная работа А.Б. Куделина, в которой лекция писателя предстает неким политологическим сочинением, во многом предваряющим концепцию «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «...некоторые принципиальные взгляды, получившие основательную разработку в “Выбранных местах”, в существенной мере созрели у Гоголя уже к осени 1834 г.» [16]. В этой же работе высказано чрезвычайно интересное наблюдение. Сопоставляя гоголевский очерк с его основным источником – «Восточной библиотекой» Гербелотта д’Эрбело – исследователь отметил, что сведения этого источника представлены Гоголем очень избирательно: в сво-

ем очерке-лекции Гоголь «пропустил» целый ряд значимых фактов биографии своего персонажа – те, которые не укладывались в «идею превращения “государства политического” в “государство муз”, приписанную им ал-Мамуну» [17].

Нас в данном случае интересует не столько собственно политический смысл гоголевского этюда (он детально рассмотрен в упомянутой работе), сколько тот «историософско-поэтический» способ изложения материала «экзотической» истории мусульманского Востока, который неожиданно принят в этой лекции, произнесенной автором «Вечеров на хуторе близ Диканьки» в присутствии двух знаменитых писателей.

Прежде всего, Гоголь откровенно мифологизирует «историческую характеристику» своего героя-халифа – и в финале, обобщая «поучительный урок», данный его царствованием, приходит к открытому *парадоксу*: «Он показал собою государя, который при всем желании блага, при всей кротости сердца, при самоотвержении и необыкновенной страсти к наукам был, между прочим, неволью одною из самых главных пружин, ускоривших падение государства». А весь очерк посвятил обоснованию того, каким образом «кротость сердца», «самоотвержение» и «страсть к наукам» сыграли столь пагубную роль в историческом развитии Арабского халифата.

Начинает Гоголь свою «историческую характеристику» фразой в духе сказок Шахерезады: «Ни один государь не принимал правления в такую блестящую эпоху своего государства, как Ал-Мамун». Установка на *сказку* в данном случае сознательна: на первой же странице характеризуется герой «Тысячи и одной ночи» «необыкновенный Гарун», идеальный правитель, умевший «ровно разлить свои действия на всё и не доставить перевеса ни одной отрасли над другою». Выводится даже «переодетый калиф» – в той позе, в которой он представлен в сказках». От *сказки* идет и представление об идеальном монархе: действительный Гарун аль-Рашид не очень был похож на правителя, гуляющего ночью по Багдаду с целью разузнать, что делается в его державе.

Герой очерка Ал-Мамун – персонаж, тоже наделенный ореолом «идеальности»: «великодушный покровитель наук», «благодетель человеческого рода, который замыслил государство политическое превратить в государство муз». Он окружил себя «учеными пришельцами», назначил их на «правительственные места» и начал вводить просвещение, стремясь достигнуть «дотоле невиданного совер-

шенства нации». И далее Гоголь предлагает важнейший тезис, предшествовавший тезисам славянофилов: «Он упустил из вида великую истину: что образование черпается из самого же народа, что просвещение наносное должно быть в такой степени заимствовано, сколько может оно помогать собственному развитию, но что развиваться народ должен из своих же национальных стихий».

Поэтому результат просветительской деятельности вышел вовсе не тот, что ожидался правителем. Те «начала политеизма», которые привносил мир античности, «представляли совершенный контраст пламенной природе араба» и вызывали у него неприятие и отторжение. В конце концов, правитель оказался отделенным от собственной страны пребыванием «в государстве муз, им же самим созданном». Страна его разрушалась: Ал-Мамун «уже при жизни своей видел отторжение Персии, Индии и дальних провинций Африки». Когда же он решился «усовершенствовать» Коран, то обнаружил «жестокое упорство» своих подданных, – и вместо их «благодетеля» сделался их же «гонителем». Наконец, «он произвел религиозный фанатизм, который растерзал массу, который посеял плевелы в недрах государства, который разбудил дикие страсти араба, <...> который произвел множество ослепленных сект...» Так он и «умер, не поняв своего народа, не понятый своим народом».

«Историческая характеристика» Ал-Мамуна по существу называется *историческою притчей*, раскрывающей специфику государственного «правления». Она могла бы быть экстраполирована на любой народ – и на любую историческую эпоху, вплоть до современной России. Но Гоголь воздерживается от подобной «экстраполяции», предпочитая в данном случае рассуждать о правлении «идеальном».

Центральную часть очерка составляет рассуждение о соотношении государственной власти и «философов и поэтов»: «*Толпа теоретических философов и поэтов, занявших правительственные места, не может доставить государству твердого правления...*» Из этой «толпы», однако, «исключаются те великие поэты, которые соединяют в себе и философа, и поэта, и историка, которые выпытали природу и человека, проникли минувшее и прозрели будущее, которых глагол слышится всем народом. Они – великие жрецы. Мудрые властители чествуют их своею беседою, берегут их драгоценную жизнь и опасаются подавить ее многосторонней деятельностью правителя. Их призывают они только в

важные государственные совещания, как ведателей глубины человеческого сердца».

Если мы примем версию Иваницкого о том, что Гоголь прочел «слово в слово» именно тот текст, который появился в «Арабесках», то в данном случае должны будем констатировать весьма неуклюжую лесть. И даже намек на то, что присутствующие «великие поэты», «которые соединяют в себе и поэта, и философа, и историка», в отличие, например, от их непосредственного предшественника Н.М. Карамзина (тоже соединявшего в своем творчестве все эти ипостаси), не очень-то привечены у трона...

«Вряд ли Гоголь намекал на Жуковского и Пушкина или вообще на кого-либо из русских писателей, – замечает по этому поводу Ю.В. Манн. – Это был искомый идеал, подобный составленному в воображении Гоголя образу истинного историка. Но идеал, к которому надо стремиться, о котором явно или тайно думал он сам. Не заронила ли уже в это время в сознание Гоголя мечта о таком произведении, которое, будучи отмеченным высшим знанием «природы и человека», «минувшего» и «будущего», окажет соотечественникам такую пользу, что превзойдет подвиг любого самого мудрого государственного деятеля?» [18].

Это суждение, построенное по принципу «или – или», не кажется абсолютным. Гоголь вполне мог «совместить» собственную «мечту» с неким «текущим» намеком – и именно поэтому предназначить свою лекцию не только студентам, но и двум «великим жрецам». Вряд ли, однако, текст, вошедший в «Арабески», «слово в слово» повторял эту лекцию: очерк «Ал-Мамун» явно мал для академического чтения. Возможно, Гоголь совместил свои наблюдения, во многом основанные на его «фантазии» и апелляции к «сказке», с какими-либо аналогичными примерами – хотя бы из истории тех же «норманнских витязей». Именно это совмещение и могло сделать лекцию «увлекательной» – это слово запомнилось Иваницкому из оценки лекции Пушкиным.

Наконец, для эволюции Гоголя важно, что в тексте его «исторической характеристики» заявлен именно *славянофильский идеал просвещения*, основанного на национальных «корнях». Гоголь отнюдь не первым ставил проблему таким образом: еще Карамзин в «Записке о древней и новой России» (1811) обрушился на Петра Великого, стремившегося к «новому величию России» путем «совершенного присвоения обычаев европейских», с подобными претен-

зиями: «Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств, подобно физическому, нужное для их твердости» [19]. И даже апелляция Гоголя-историка к средневековой Аравии не оказалась чуждой позднейшим славянофильским исканиям: 10 лет спустя, в 1845 г. А.С. Хомяков опубликовал в популярном детском журнале статью «Черты из жизни калифов», основанную на «соседнем» историческом материале (правление Омара I и Омара II), построенном как «исторические характеристики, и посвященную пропаганде сходных идей» [20].

Нам уже приходилось писать о многочисленных связях, возникших в 1840-1850-е годы между Хомяковым и Гоголем [21]. В данном случае эта связь несомненна: Хомяков в своей статье подражал именно гоголевскому «Ал-Мамуну». Подражал во всем: и в тематике, и в «педагогической» направленности своих рассуждений, и в прямом следовании жанру «исторической характеристики». А главное – в провозглашении открытого *парадокса* как способа организации мысли. Эта статья представляет собою «облегченный» вариант рассуждений Хомякова об «ислализме», которые были представлены в его «Семирамиде» («Записках о всемирной истории»). Учение Магомета Хомяков рассматривал как «произвольную реформу» начальной стихии «иранства» – и отсюда проистекал показательный парадокс: «... в Мугаммеде добро и зло одинаково служили к успеху, потому что были одинаково связаны с характером народа, на который он действовал» [22]. Те калифы, жизнеописанию которых посвящен очерк Хомякова, оказывались даже нравственно выше самого пророка. Именно это явление занимает автора – и он, как в нашем случае Гоголь, строит свое занимательное повествование, основываясь на нетрадиционной историософской проблеме, которая тут же и решается.

Гоголь в своих университетских лекциях (сколько можно судить по одной, самой «заметной» из них) уже в середине 1830-х годов «парадоксальным» способом пытался ставить именно те «парадоксальные» проблемы, какие будут волновать русскую общественную мысль (а далеко не только самого Гоголя!) десятилетия спустя.

Примечания:

1. *Г – ский В.* Заметки для биографии Гоголя // Современник. – 1852. – Т. 35. – № 10. – Смесь. – С. 145.

2. *Иваницкий Н.И.* Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные записки. – 1853. – Т. 86. – № 2. – Смесь. – С. 119-121.
3. *Барановский С.И.* [Письмо к Я.К. Гроту от 9 июля 1880] // Русский архив. – 1906. – № 6. – С. 278.
4. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми тт. – Соч. Т. XIV. – М.-Л., 1967. – С. 75-76.
5. См.: *Мордовченко Н.И.* Гоголь в Петербургском университете // Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та. Серия филол. наук. – 1939. – Вып. 3. – № 46. – С. 355-359; *Айзеншток И.Я.* Н.В. Гоголь и Петербургский университет // Вестник Ленинградского университета. – 1952. – № 3. – С. 17-38.
6. *Сенковский О.И.* Собр. соч. – СПб., 1859. – Т. IX. – С. 350.
7. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. – Т. I. – М.-Л., 1949. – С. 323.
8. *Гуковский Г.А.* Реализм Гоголя. – М.-Л., 1959. – С. 26.
9. *Сенковский О.И.* Собр. соч. – Т. IX. – С. 412.
10. *Венгеров С.А.* Писатель-гражданин. // Гоголь. Собр. соч. – Т. II. – СПб., 1913. – С. 152-154.
11. *Сенковский О.И.* Собр. соч. – Т. IX. – С. 347.
12. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. – Т. XII. – АН СССР, 1949. – С. 27.
13. *Гуковский Г.А.* Реализм Гоголя. – С. 335-336.
14. Переписка Н.В. Гоголя. – М., 1988. – Т. 2. – С. 264.
15. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. – Кн. 4. – СПб., 1891. – С. 144. Курсив источника.
16. *Куделин А.Б.* К характеристике исторических взглядов Гоголя: от «Арабесок» к «Выбранным местам из переписки с друзьями» // Контекст-1993. – М., 1996. – С. 312.
17. Там же. – С. 304.
18. *Манн Ю.* «Сквозь видный миру смех...»: Жизнь Н.В. Гоголя. 1809-1835. – М., 1994. – С. 398.
19. *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России... – М., 1991. – С. 31-32.
20. Библиотека для воспитания. – 1846. – Отд.2. – Ч.1. – С.133-146.
21. См.: *Кошелев В.А.* Хомяков и Гоголь // А.С. Хомяков: Личность – творчество – наследие. Хмелитский сборник. Вып. 7. – Смоленск, 2004. – С. 233-256.
22. *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч. – М., 1900. – Т. VII. – С. 129.

Владислав Кривонос

Порог и лестница в «Мертвых душах» Гоголя

В предыстории Чичикова, изложенной в заключительной главе первого тома «Мертвых душ», временная последовательность событий объективирует его движение к намеченной цели: «Но решился он жарко заняться службою, всё победить и преодолеть» [1]. Исследователями было отмечено такое свойство Чичикова, как подвижность во времени: «Время Чичикова линейно, направлено от прошлого к будущему. Кроме того, оно имеет важное сюжетное значение: именно биографическое время героя скрепляет отдельные сцены в единую сюжетную цепочку» [2]. Однако говорить о биографическом времени Чичикова можно только с учетом той специфической функции, какую оно выполняет в поэме.

Повествователь знакомит читателей не с историей жизни и становления характера героя, но с историей преодоления им препятствий на пути к цели: «Но при всем том трудна была его дорога...» (V, 329). И далее: «Это был самый трудный порог, через который перешагнул он» (V, 331). Жить «биографической жизнью в биографическом времени» можно только «вдали от порога» [3]. Но как раз состояние перехода определяет коллизии чичиковской биографии, где акцент сделан на «неодолимой силе его характера» (V, 342), позволяющей вновь и вновь перешагивать через трудные пороги.

Облик героя выражает и отражает его пороговую сущность: «...не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод» (V, 9). Как писал А. Белый, Чичиков «при помощи “ни” и “не” слит со всем общим; у него нет признаков...» [4]. На самом деле признаки у Чичикова есть – и описание его внешности хоть и отрицательным образом, но прямо на них указывает. Неопределенность черт фиксирует в облике героя двусмысленные и двойственные свойства «порогового» человека, который, подобно «лиминальным существам» в обряде перехода, выскальзывающим из сколько-нибудь устойчивой «сети классификаций», «ни здесь ни там, ни то ни се...» [5], т.е. в некоем символическом пространстве, где и не может быть никакой определенности.

Но именно такова семантика порога, который является «промежуточным пространством» [6], «семантика как раз неопределенности и нерешенности» [7]. Только состояние перехода оказывается для Чичикова не временным, но перманентным, почему биографическое время героя (время преодоления препятствий) не замкнуто в границах собственно биографии, но предельно активизирует идею испытания в сюжете поэмы [8]. Новым трудным порогом становится здесь приобретение Чичиковым мертвых душ, а далее, в следующей части поэмы, как предвидит повествователь, «придется разрешить и преодолеть ему более трудные препятствия...» (V, 347).

Примечательно, что уже в предыстории, которая строится по схеме сюжета испытания, Чичиков предстает «пороговым» человеком, чья лиминальность подчеркивается неспособностью обрести и сохранить сколько-нибудь определенное положение и достичь состояния хотя бы житейской стабильности. Гоголевский герой действительно «...не принадлежит ни одному пространству, а лишь пересекает их» [9]. Но он потому и обречен странствовать, что олицетворяет собою пространство порога. Причем Чичиков не просто «пороговый» человек, но человек порога; имеется в виду не только его образ жизни, но и образ мыслей. Так что не случайно рождается в голове Чичикова «странный сюжет» (V, 346), основанный на покупке мертвых душ (крестьян, умерших, но числящихся по ревизской сказке, «не живых в действительности, но живых относительно законной формы...» – V, 49), т.е. предмета, оказавшегося в силу обстоятельств в промежутке между жизнью и смертью.

В обряде перехода «лиминальность часто уподобляется смерти...» [10]. Символической смерти может быть уподоблено и существование на пороге. В биографии Чичикова его служба описывается как череда временных смертей; основой сюжетного механизма служит здесь ритуал инициации [11], где испытания предполагают возрождение «в новом статусе» [12]. Ритм временных смертей и возрождений, переживаемых Чичиковым на пути к цели, осмыслен в предыстории как ритм потерь и приобретений, что соответствует фольклорно-мифологической логике испытаний [13]. Испытания Чичикова (испытанию подвергается характер героя) связаны с решением им трудных задач, что вызвано необходимостью преодолевать различные препятствия [14].

Специфику трудных задач определяет владеющая Чичиковым «непостижимая страсть» (V, 342); биография «...демонстрирует, если так можно сказать, перипетии этой страсти, ее превратности

и драматизм» [15]. Отмеченность самого трудного порога получает особую значимость с учетом вектора развития страсти: «Всё оказалось в нем, что нужно для этого мира...» (V, 331). Речь идет о пороге на пути героя в этот мир, где Чичиков не просто пускается в очередную аферу, но бросает вызов законам мироздания. Противоестественность его плана обнажает буквальное понимание Коробочкой предложения продать мертвые души: «Нешто хочешь ты их откапывать из земли?» (V, 72). В этом мире душа самого Чичикова, захваченного непостижимой страстью, изменяет собственной природе и обречена на блуждание; поездки героя символически выражают блуждания его души [16].

Испытания служат проверкой истинности пути героя [17], где ожидают его трудные пороги, перешагивать через которые побуждает владеющая им страсть. Эта страсть к приобретению осмыслится в поэме как своего рода идолопоклонство [18], чреватое, как и всякое идолопоклонство, омертвлением души [19]. Разделяя мир души и этот мир, порог становится опасным местом, связанным с нарушением запретов; перешагнуть порог – значит преодолеть мифологическую границу между живым и мертвым [20]. Чичиков объясняет Коробочке, что «...души будут прописаны как бы живые» (V, 72), но Собакевич, сравнивая мертвых с теми, «которые числятся теперь живущими», расхваливает умерших так, как будто дело действительно идет о живых: «вы таких людей не сыщете...» (V, 146).

Чичикову дано испытать не только горечь потерь, но и горечь падения, пройти через ряд временных смертей, но все это не может погасить непостижимую страсть, вызванную, как пронизательно заметит повествователь, «...для неведомого человеком блага» (V, 349). Мифологема пути включает в себя представление о его специфической трудности: «Трудность пути – постоянное и неотъемлемое свойство; двигаться по пути, преодолевать его уже есть подвиг, подвижничество со стороны идущего подвижника, путника» [21]. На пути к цели герой, в котором «...оказался большой ум... со стороны практической» (V, 323), готов преодолевать самые трудные препятствия, но практический ум лишен способности отличать правильный путь от неправильного и соответственно праведную цель от неправедной; приобретение оказывается несовместимо с подвижничеством.

Чичиков жалуется Манилову: «Каких гонений, каких преследований не испытал, какого горя не вкусил, а за что? за то, что соблюдал правду, что был чист на своей совести, что подавал руку

и вдовице беспомощной и сироте горемыке!...)» (V, 52). Библейская реминисценция (ср.: «Ни вдовы, ни сироты не притесняйте...» – Исх. 22: 22) в устах героя приобретает кощунственный смысл: с образами вдовицы и сироты связано представление о наиболее уязвимых и обездоленных людях, потерпевших жизненное поражение; Чичиков же привык перешагивать не только через пороги, но и через всех тех, кто встречается на его пути к цели (ср. его обращение с Коробочкой: «Из одного христианского человеколюбия хотел: вижу, бедная вдова убивается, терпит нужду...» – V, 77), рассчитывая превратиться в итоге в удачливого приобретателя, победителя жизни. Слово, как и люди, служит для него средством овеществления и омертвления мира.

Движение по неправильному пути, удаляющее героя от высшей цели существования, обостряет сюжетное значение порога, связанного с превращением одного явления в другое [22]. Значимы в этом плане эпизоды с юной блондинкой, позволившие раскрыть в характере Чичикова скрытые от него самого возможности, «дальние предвестия будущего возрождения», которые пророчит «его способность откликаться на женскую красоту» [23]. Ср.: «Видно, так уж бывает на свете, видно, и Чичиковы, на несколько минут в жизни, обращаются в поэтов, но слово поэт будет уже слишком. По крайней мере, он почувствовал себя совершенно чем-то вроде молодого человека, чуть-чуть не гусаром» (V, 242).

В «Мертвых душах», на что уже обращалось внимание, трагестируются и пародируются ситуации и образы пушкинских произведений [24]. Так, ситуация, в которую попадает Чичиков, побуждает вспомнить разговор Ленского с Онегиным об Ольге и Татьяне:

Я выбрал бы другую,

Когда б я был, как ты поэт [25].

С.Г. Бочаров комментирует мнение Онегина: «Он угадывает и выбирает поэтическую Татьяну, но с чужого для себя места “поэта”. Ибо сам он – не поэт, и это важнейшая характеристика его в романе...» [26]. Чичикова неожиданная встреча внезапно обращает в подобие «поэта», позволяя почувствовать себя «чуть-чуть не гусаром», хотя, в отличие от героя пушкинского романа, сознательного выбора героини с места «поэта» совершить он не способен. Но зато, поставленный повествователем на чужое место «поэта», он способен пережить поэтическое состояние. Однако Чичиков, подобно Онегину, не поэт и даже не гусар, как другой пушкинский герой, гусар-

ский полковник Бурмин, чья «непростительная ветреность» [27] неожиданно приводит историю метели к счастливой развязке.

В качестве «поэта» или «гусара» Чичиков, возможно, действительно выбрал бы поэтическую блондинку, а не наметил бы себе в спутницы жизни прозаическую бабенку (в предыстории рассказано, что герой «подумывал о многом приятном: о бабенке, о детской...») – V, 336), однако, будучи «уже средних лет и осмотрительно-охлажденного характера» (V, 131), оказался он тяжеловат «в разговорах с дамами», «...почему блондинка стала зевать во время рассказов нашего героя» (V, 242-243). Чичиков не может внезапно превратиться в «поэта» или в «гусара», но он может преодолеть порог автоматического существования и испытать «что-то такое странное, что-то в таком роде, чего он сам не мог себе объяснить...» (V, 241).

Выясняется, что в герое «...была и возможность иного, человеческого, развития, и как воспоминание об этой возможности в Чичикове время от времени возникают “странные”, “противоречащие” его характеру движения» [28]. Более того, Чичиков вообще действует на чужом для себя месте приобретателя, поскольку не понимает своего настоящего предназначения; на это указывает созданная им апологетическая автобиографическая легенда: «испытал много на веку своем, претерпел на службе за правду...» (V, 18). Потому он и уклоняется от своего пути, что не ведает, к какому благу должна привести его владеющая им страсть [29]. Он понятия не имеет о высшей силе, скрыто и как будто против воли героя (на что указывают иррациональные душевные движения) направляющей его на другой путь, вопреки задуманному им плану.

Сердась «на несправедливость судьбы» (V, 342), Чичиков видит в себе жертву обстоятельств: «Почему же я? зачем на меня обрушилась беда? Кто ж зевает теперь на должности? все приобретают» (V, 343). Но идентификация со «всеми» оказывается в его случае ложной, так как заставляет следовать неправильным и не ему предназначенным путем. Ср.: «Не следуй за большинством на зло...» (Исх. 23: 2); т.е. не следуй слепо за всеми и выбирай свой путь. Повествователь недаром считает нужным «...отдать справедливость неодолимой силе его характера» (V, 342). А Муразов во втором, неоконченном томе, прямо говорит Чичикову о его настоящем призвании: «...какой бы из вас был человек, если бы так же, и силою, и терпеньем, да подвизались бы на добрый труд, имея лучшую цель. Боже мой, сколько бы вы наделали добра!» (V,

508). В идеальной перспективе предназначение героя должно совпасть с его призванием, что радикально изменит его судьбу [30].

По наблюдениям Ю.М. Лотмана, «...в образе Чичикова синтезируются персонажи, завещанные пушкинской традицией: светский романтический герой (вариант – денди) и разбойник» [31]. Реконструкция пушкинских замыслов демонстрирует «возможность синтеза джентльмена и разбойника» [32] в границах единого образа. В Чичикове парадоксально соединяются человек, преступающий нравственные и даже юридические запреты (и именно в этом смысле разбойник, хотя герой и уверяет, что «...привык ни в чем не отступать от гражданских законов... закон – я немею пред законом» – V, 50), и потенциальный подвижник; уже предыстория обнаруживает в герое как странное тождество, так и предвидимое разделение этих начал. Отсюда и усложнение в поэме семантики порога, преодолеть который герой способен как в одном, так и в другом направлении, двигаясь как по пути зла, так и по пути добра. Такова «кризисная судьба Чичикова, совмещающего в себе полярные импульсы» [33]; вопрос в том, каков заданный вектор этой судьбы.

Страхи пугливой Коробочки, к которой Чичиков явился «в ночное время» (V, 74), трансформируются в сочиненный дамами «совершенный роман», где покупатель мертвых душ предстает кем-то «вроде Ринальда Ринальдини» (V, 262), романтического разбойника из произведения Вульпиуса. Ведь Чичиков, по предположению дам, «...хочет увезти губернаторскую дочку» (V, 264), что соответствовало расхожим представлениям о разбойничьей биографии, включающей в себя мотив «похищения возлюбленной» [34]. Правда, представители «мужской партии» не соглашались считать Чичикова «разбойником, наружность благонамеренная...» (V, 279), вообще полагая, «что похищение губернаторской дочки более дело гусарское, нежели гражданское...» (V, 275). Хотя Чичикову однажды и довелось почувствовать себя чуть-чуть не гусаром, но для гусарских подвигов он с такой наружностью действительно не подходил.

Между тем дамский роман, уж слишком неправдоподобный («Против догадки, не переодетый ли разбойник, вооружились все...» – V, 284), не случайно сменяет «в некотором роде, целая поэма» (V, 285) о капитане Копейкине, который, не дождавшись «монаршей милости» (V, 286), превращается в атамана разбойничьей шайки [35]. Сопоставление в поэме буквального (Копейкин) и фигурального (Чичиков) «разбойников» [36] призвано подчеркнуть сближающие героев проявления «...силы и масштаба характеров» [37].

Другая странная догадка, «не есть ли Чичиков переодетый Наполеон...» (V, 294), также предполагает тождество характеров: Наполеон, несмотря на поражение, вновь, движимый столь же непостижимой, сколь и Чичиков, страстью, «пробирается в Россию, будто бы Чичиков, а в самом деле вовсе не Чичиков» (V, 294), стремясь осуществить хоть и не им, но англичанами придуманный план. Так что замеченное чиновниками внешнее сходство Чичикова с портретом Наполеона [38] имеет и характерологическую опору. Отметим важную в этом смысле связь «переодетого Наполеона» и Чичикова с мотивом преодоления трудного порога [39].

Анекдотические истории, в которых Копейкин и «переодетый Наполеон» выступают пародийными дублерами Чичикова, свидетельствуют не только о способности преодолевать разнообразное препятствия на пути к цели (не добившись пенсiona, Копейкин решил поискать «...сам средств помочь себе» – V, 293; потерпевший поражение Наполеон начинает, теперь уже с помощью англичан, новое вторжение в Россию), но и о непредсказуемых возможностях, заложенных в характере героя (Копейкин не предполагал, что станет атаманом разбойников, а Наполеон – что вновь отправится завоевывать Россию). У Чичикова, хоть он ничего и не знал о романе, сочиненном дамами, все-таки «вертелась в голове блондинка, воображенье начало даже слегка шалить...» (V, 304).

Странное чувство, сделавшее «вдруг» Чичикова «чуждым всему, что происходило вокруг него» (V, 239) и давшее повод для толков и о кошунственном способе обогащения, и о кошунственном намерении увезти губернаторскую дочку, указывая на признаки разбойничьего антиповедения [40], высвечивает и другой аспект разбойничьей темы, исключительно важный для потенциальной судьбы героя. Имеется в виду евангельская история о разбойнике, с которым «...в одно мгновение произошла... чудная перемена», что побуждает «остерегаться осуждать согрешающих» [41]. Это история проясняет христианское понимание зла, которое «...есть как бы болезнь, как бы паразит, существующий только за счет той природы, на которой паразитирует» [42].

Как ни пытались господа чиновники разгадать загадку происхождения и поступков героя, «что такое он именно...» (V, 281), но «...решилось дело тем, что никак не могли узнать, что такое был Чичиков» (V, 300). Повествователь же так завершает его предысторию: «И еще тайна, почему сей образ предстал в ныне являющейся на свет поэме» (V, 349). Загадочность Чичикова и тайна его изображения актуализируют в конце первого тома пороговую сущ-

ность героя, человеческое предназначение и призвание которого остается неизвестным и для него самого.

И герой не является здесь исключением, потому что таким же незнанием страдают и «многие читатели», и все «человечество», не раз избиравшее «искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносящие в сторону дороги» и не замечая открытый пред ним «прямой путь» (V, 301). Сбиваясь «в сторону» и напуская «вновь слепой туман друг другу в очи» (V, 302), люди сами отдают себя во власть демонического зла. В биографии Чичикова повествователь, рассказывая о постигшей героя неудаче, иронически замечает: «Чёрт сбил с толку обоих чиновников...» (V, 340). Во втором томе Чичиков вполне серьезно происками лукавого объясняет Костанжогло, почему «...себя никак не побережешься»: «Человек — не удержишься» (V, 434). А далее, взывая к милосердию генерал-губернатора, рассказывает он, почему не уберёгся и не удержался сам: «На всяком шагу соблазны и искушение... враги, и губители, и похитители. Вся жизнь была точно вихорь буйный или судно среди волн, по воле ветров. Я человек, ваше сиятельство» (V, 503). Под человеком Чичиков подразумевает слабое и грешное существо, лишённое свободы воли и неспособное разрушить инерцию привычного существования.

Возможности так понятого человека измениться и возродиться ограничивает этот мир, куда стремится герой и где он оказывается жертвой демонического воздействия: «Сатана проклятый обольстил, вывел из пределов разума и благоразумия человеческого. Преступил, преступил» (V, 505). Попыткой самооправдания становится и ссылка Чичикова на судьбу: «Досталась ли хоть одному человеку такая судьба?» (V, 506). Кошунственно пародируя своим поведением библейского Иова, он взывает к небу: «Где справедливость небес? Где награда за терпенье, за постоянство беспримерное?» (V, 507). Однако посланные герою испытания, как и влекущая его страсть, неизвестным для него образом действительно направлены к его благу.

Стеная и жалуясь, Чичиков, однако, признается, что сам выбрал свою судьбу, «когда увидел, что прямой дорогой не возьмешь...» (V, 507). Так что беды и поражения героя явились следствием нарушения им заповедей, извращения законов жизни и собственной человеческой природы. Перешагивая через все новые пороги на неправильном пути и пережив ряд временных смертей, покупатель мертвых душ не случайно оказывается в тюрьме, где ему предстоит ощутить себя мертвецом среди других мертвцов (Чичиков взывает к Муразо-

ву: «Спасите, ведут в острог, на смерть» – V, 504) и где он должен почувствовать мертвенность своей души.

Будучи пространством порога и символизируя неопределенность нынешнего и будущего статуса героя, тюрьма открывает перед Чичиковым возможность как окончательной гибели, так и безусловного спасения. Тюрьме приписываются признаки могилы [43], но также и своего рода монастыря [44]. Навестив Чичикова в тюрьме, Муразов советует ему, принимая на себя роль духовного отца: «Павел Иванович, успокойтесь, подумайте, как бы примириться с Богом, а не с людьми; о бедной душе своей помyslите» (V, 506). Поспособствовав же освобождению Чичикова, он наставляет его: «Подумайте не о мертвых душах, а о своей живой душе, да и с Богом на другую дорогу» (V, 524). И Чичиков готов с ним согласиться: «“Муразов прав! – сказал он, – пора на другую сторону”. Сказавши это, он вышел из тюрьмы» (V, 524-525).

Знаменательно, что именно здесь, в остроге, под влиянием проповеди Муразова, Чичикова настигают проблески раскаяния: «Какие-то неведомые дотоле, незнакомые чувства, ему необъяснимые, пришли к нему» (V, 510). И далее: «Вся природа его потряслась и размягчилась» (V, 513). Перед ним открывается возможность пробуждения от мертвого сна и возвращения на предназначенный ему путь, где праведным образом жизни ему удастся восстановить утраченную связь с Богом. Правда, и на этом пути, пути возвращения к себе и спасения, героя ожидают новые трудные пороги, о чем свидетельствует вероятное (задуманное Гоголем) развитие сюжета второго тома [45].

В первом томе повествователь, изложив историю Плюшкина, отмечает: «Всё похоже на правду, всё может статься с человеком» (V, 182). Поведая же читателям предысторию Чичикова, повествователь вновь констатирует: «Быстро всё превращается в человеке...» (V, 348). Речь идет о нравственном и духовном падении человека, об омертвлении его души. Но здесь же, в первом томе, возникает и образ лестницы («...точно ли Коробочка стоит так низко на бесконечной лестнице человеческого совершенствования?» – V, 83), иного варианта границы [46], связанного с символическим образом пути «к достижению Небесного Царствия» [47]. Встречающиеся на этом пути препятствия «...суть наши ступени восхождения» [48]. Так пороги становятся ступенями [49].

В «Мертвых душах», как они были задуманы писателем, герой поставлен перед выбором между падением (и порогами отме-

чено в сюжете поэмы его движение вниз) и восхождением. По Гоголю, именно путь восхождения отвечает природе человека, в иерархической структуре которого высшее место принадлежит живой душе. Будучи, как и всякий человек, «пределом» и «границей» между «телесным и духовным в ситуации воплощения» [50], гоголевский герой потому и должен был выбрать именно этот путь, что он соответствует высшему замыслу о человеке.

Примечания:

1. *Гоголь Н.В.* Собр. художеств. произведений: В 5 тт. – М.: Изд-во АН СССР, 1959.– Т. V. – С. 328. Далее ссылки на это издание с указанием тома римскими и страниц арабскими цифрами приводятся в тексте.

2. *Беспрозванный В., Пермяков Е.* Из комментариев к первому тому «Мертвых душ» // Тартуские тетради. – М., 2005. – С. 191.

3. См.: *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. – М., 1979. – С. 198.

4. *Белый А.* Мастерство Гоголя. – М., 1996. – С. 95.

5. *Тэрнер В.* Символ и ритуал / Пер. с англ. – М., – 1983. – С. 169.

6. *Рымарь Н.Т.* О функциях границы в художественном языке // Граница как механизм смыслопорождения. – Самара, 2004. – С. 39.

7. Там же. – С. 40.

8. *Тамарченко Н.Д.* Русский классический роман XIX века: Проблемы поэтики и типологии жанра. – М., 1997. – С. 139.

9. *Беспрозванный В., Пермяков Е.* Из комментариев к первому тому «Мертвых душ». – С. 190.

10. *Тэрнер В.* Символ и ритуал. – С. 169.

11. Ср.: *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. – М., 1976. – С. 226-227.

12. *Мелетинский Е.М.* О литературных архетипах. – М., 1994. – С. 21.

13. См.: *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М.* Проблемы структурного описания волшебной сказки // Структура волшебной сказки. – М., 2001. – С. 12.

14. В сказке форме задачи соответствует и форма решения, определяемая и характером испытания героя (*Пропт В.Я.* Морфология сказки. 2-е изд. – М., 1969. – С. 56-57). Прообразом для такого сказочного испытания, как решение трудных задач, явился ритуал инициации (*Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик*

Е.С., Сегал Д.М. Проблемы структурного описания волшебной сказки. – С. 18).

15. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя // Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. – М., 1996. – С. 279-280. Ср.: «Предыстория Чичикова, в сущности, представлена как история его страсти к приобретению...» (Маркович В.М. «Задоры», Русь-тройка и «новое религиозное сознание». Отелеснивание духовного и спиритуализация телесного в 1-ом томе «Мертвых душ» // Wiener Slawistischer Almanach. – Мюнхен, 2004. – Band 54. – S. 98).

16. «Мир» в аскетическом смысле понимается как «...рассеянность души, ее блуждание вне самой себя, ее измена своей собственной природе» (Лосский Вл. Мистическое богословие / Пер. с фр. // Мистическое богословие. – Киев, 1991. – С. 226-227). Ср.: «Боримый страстью не может сам себе принести пользы, в особенности если страсть обладает им» (Отечник, составленный св. Игнатием Брянчаниновым. – М., 1996 (репринтное издание). – С. 112).

17. Ср. с ролью испытания в истории Чарткова: *Кривонос В.Ш.* Семантика границы в повести Гоголя «Портрет» // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 2006. – Т. 65. – № 3. – С. 40.

18. В аскетическом смысле страсти выступают как «формы идолопоклонства» (Клеман О. Истоки. Богословие отцов Древней Церкви: тексты и комментарии / Пер. с фр. – М., 1994. – С. 165).

19. Ср.: в биографии рассказывается, «...что это в самом деле за человек Павел Иванович, в чем же, в самом деле, тайна его души, тайна смерти этой души» (Архимандрит Феодор (Бухарев). О героях поэмы «Мертвые души» // Н.В. Гоголь и православие: Сб. статей о творчестве Н.В. Гоголя. – М., 2004. – С. 223).

20. См. о связанных с порогом запретах: *Топорков А.Л.* Порог // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2002. – С. 379.

21 *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: структура и семантика. – М., 1983. – С. 259.

22. Ср.: «Метаморфоза – едва ли не самая универсальная категория гоголевской поэтики» (*Гольденберг А.Х.* «Мертвые души» Н.В. Гоголя и традиции народной культуры. – Волгоград, 1991. – С. 55). Верно было указано на «...сплошную превращаемость гоголевского мира, которая неизменно проявляется у него и в сюжете, и в стиле» (*Виролайнен М.* Ранний Гоголь: катастрофизм сознания // Гоголь как явление мировой литературы. – М., 2003. – С. 11).

23. Манн Ю.В. Постигая Гоголя. – М., 2005. – С. 112.

24. «Что касается “Евгения Онегина”, то обращение к его тексту по большей части было связано у Гоголя с коренной переработкой образов романа» (*Смирнова Е.А.* Поэма Гоголя «Мертвые души». – Л., 1987. – С. 83).

25. *Пушкин А.С.* Евгений Онегин // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 4–е изд. – Л., 1978. – Т. 5. – С. 50.

26. *Бочаров С.Г.* О возможном сюжете: «Евгений Онегин» // *Бочаров С.Г.* Сюжеты русской литературы. – М., 1999. – С. 22.

27. *Пушкин А.С.* Метель // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 4–е изд. – Л., 1978. – Т. 6. – С. 80.

28. *Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя. – С. 281.

29. Ср.: «Очевидно, что сверхъестественное начало присутствует в чичковской страсти как потенциал, способный преобразить ее» (*Маркович В.М.* «Задоры», Русь-тройка и «новое религиозное сознание». – С. 98).

30. Ср.: «Модель судьбы меняется как только предназначение осмысляется как призвание. <...> Предназначение ассоциируется с высшей силой, призвание – с природным даром» (*Арутюнова Н.Д.* Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М., 1994. – С. 311).

31. *Лотман Ю.М.* Пушкин и «Повесть о капитане Копейкине» // *Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М., 1988. – С. 248.

32. Там же. – С. 242.

33. *Гольденберг А.Х., Гончаров С.А.* Легендарно-мифологическая традиция в «Мертвых душах» // Русская литература и культура Нового времени. – СПб., 1994. – С. 43.

34. *Лотман Ю.М.* Пушкин и «Повесть о капитане Копейкине». – С. 242. Ср. далее относительно обвинений дам против Чичикова (С. 249).

35. Ср.: «воображенье Коробочки впечатывает в пусто поданном круге лица свой миф: о разбойнике; миф разыгрался в капитана Копейкина...» (*Белый А.* Мастерство Гоголя. – С. 56-57). В «Мертвых душах» названная повесть образует «...собственный отдельный сюжет – сюжет в сюжете» (*Манн Ю.В.* «Повесть о капитане Копейкине» как вставное произведение // *Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме. – М., 1996. – С. 423).

36. *Лебедева О.Б.* Эстетические и композиционно-структурные функции «Повести о капитане Копейкине» в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Русская повесть как форма времени. – Томск, 2002. – С. 149.

37. Там же. – С. 150.

38. См. о значении этого сходства: «Оно словно предопределяло судьбу человека, накладывало на него печать исключительности...» (*Гуминский В.М.* Гоголь, Александр I и Наполеон // Наполеон. Легенда и реальность. – М., 2003. – С. 239).

39. Как и вообще с общим для них мотивом границы; см.: *Кривонос В.* Наполеоновский миф у Гоголя // Гоголь как явление мировой литературы. – М., 2003. – С. 70. Ср.: «Даже потерпевший поражение, свергнутый и сосланный на о. Эльба Наполеон должен был вернуться, “воскреснуть”, дабы в очередной раз подтвердить свою сверхъестественную природу» (*Гуминский В.М.* Гоголь, Александр I и Наполеон. – С. 254).

40. В России с антиповедением разбойников связано было «представление о магических способах обогащения...»; «в религиозном отношении» оно было отмечено «как поведение кощунственное» (*Успенский Б.А.* Анти-поведение в культуре Древней Руси // *Успенский Б.А.* Избранные труды. – Т. I. – Семиотика истории. Семиотика культуры. – М., 1994. – С. 329, 330).

41. *Иоанн Лествичник*, преподобный. Лествица. – Троице-Сергиева Лавра, 1991 (репринтное издание). – С. 97.

42. *Лосский Вл.* Догматическое богословие / Пер. с фр. // Мистическое богословие. – Киев, 1991. – С. 305.

43. См. о традиционном в литературе и в воспоминаниях сопоставлении «тюрьмы с могилой» и сравнении «тюремной жизни со смертью»: *Ефимова Е.С.* Современная тюрьма: Быт, традиции и фольклор. – М., 2004. – С. 23.

44. Ср. уподобление в христианской традиции тюрьмы монастырю в плане искупления грехов и самоочищения: Там же. – С. 36.

45. См. о вероятности предположения ссылки Чичикова в Сибирь (*Манн Ю.В.* В поисках живой души. «Мертвые души»: писатель – критика – читатель. 2-е изд., испр. и доп. – М., 1987. – С. 267), где он «претерпевает воскресение и перерождение» (*Лотман Ю.М.* Сюжетное пространство русского романа XIX столетия//*Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М., 1988. – С. 399). Ср.: «Этим внутренним переворотом, из которого Чичиков вышел бы другим человеком, по-видимому, и должны были завершиться “Мертвые души”» (*Воропаев В.А.* Гоголь над страницами духовных книг. – М., 2002. – С. 186).

46. См. о лестнице как особого рода границе в «Портрете»: *Кривонос В.Ш.* Семантика границы в повести Гоголя «Портрет». – С. 42.

47. *Гоголь Н.В.* Правило жития в мире // *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 9 т. – М., 1994. – Т. 6. – С. 285.

48. Там же.

49. В книге авторитетного для Гоголя духовного писателя говорится о пути, который «...представляет нам лестницу утвержденную, возводящую от земного во святая святых, на вершине которой утверждается Бог любви» (Иоанн Лествичник, преподобный. *Лествица. – С. III*); здесь же возникает образ «духовной лестницы добродетелей», соотнесенный с библейской «лестницей», виденной Иаковом (С. 250). О значении образа лестницы («лестницы») у Гоголя и в святоотеческой литературе см.: Воропаев В.А. Гоголь над страницами духовных книг. – С. 143-144. Ср. наблюдение, что в «Выбранных местах из переписки с друзьями» история «внутренней жизни» Гоголя раскрывается «как путь к Христу по “ступеням” духовной лестницы» (*Гончаров С.А.* Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. – СПб., 1997. – С. 253).

50. *Клеман О.* Истоки. – С. 76.

Александр Звездин

Проблема генезиса гоголевского Вия в мировой русистике: поиск синтетического решения

Образ гоголевского Вия является предметом активной научной дискуссии. Повод к этому дал сам автор, писавший, что «Вий – есть колоссальное создание простонародного воображения. Таким именем называется у малороссиян начальник гномов, у которого веки на глазах идут до самой земли» [30, 144].

Следуя за данным авторским утверждением, ряд первых исследователей повести считали этот образ фольклорным а-priori, в частности, Н.Сумцов писал, что «из народных же поверий заимствован и сам образ Вия» [23, 472]. Таким образом в XIX веке сформировалась точка зрения, что образ Вия заимствован из украинского (славянского) фольклора как цельный, имеющий имя «Вий», и введен автором в ткань текста.

Этнограф А.Афанасьев рассматривал Вия как создание народной мифологии: «Наши сказки знают могучего старика с огромными бровями и необычайно длинными ресницами; брови и ресницы так густо у него заросли, что совсем затемнили зрение; чтобы он мог взглянуть на мир божий, для этого нужно несколько силачей, которые бы

47. *Гоголь Н.В.* Правило жития в мире // *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 9 т. – М., 1994. – Т. 6. – С. 285.

48. Там же.

49. В книге авторитетного для Гоголя духовного писателя говорится о пути, который «...представляет нам лестницу утвержденную, возводящую от земного во святая святых, на вершине которой утверждается Бог любви» (Иоанн Лествичник, преподобный. Лествица. – С. III); здесь же возникает образ «духовной лестницы добродетелей», соотнесенный с библейской «лестницей», виденной Иаковом (С. 250). О значении образа лестницы («лестницы») у Гоголя и в святоотеческой литературе см.: Воропаев В.А. Гоголь над страницами духовных книг. – С. 143-144. Ср. наблюдение, что в «Выбранных местах из переписки с друзьями» история «внутренней жизни» Гоголя раскрывается «как путь к Христу по “ступеням” духовной лестницы» (*Гончаров С.А.* Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. – СПб., 1997. – С. 253).

50. *Клеман О.* Истоки. – С. 76.

Александр Звездин

Проблема генезиса гоголевского Вия в мировой русистике: поиск синтетического решения

Образ гоголевского Вия является предметом активной научной дискуссии. Повод к этому дал сам автор, писавший, что «Вий – есть колоссальное создание простонародного воображения. Таким именем называется у малороссиян начальник гномов, у которого веки на глазах идут до самой земли» [30, 144].

Следуя за данным авторским утверждением, ряд первых исследователей повести считали этот образ фольклорным а-priori, в частности, Н.Сумцов писал, что «из народных же поверий заимствован и сам образ Вия» [23, 472]. Таким образом в XIX веке сформировалась точка зрения, что образ Вия заимствован из украинского (славянского) фольклора как цельный, имеющий имя «Вий», и введен автором в ткань текста.

Этнограф А.Афанасьев рассматривал Вия как создание народной мифологии: «Наши сказки знают могучего старика с огромными бровями и необычайно длинными ресницами; брови и ресницы так густо у него заросли, что совсем затемнили зрение; чтобы он мог взглянуть на мир божий, для этого нужно несколько силачей, которые бы

смогли поднять ему брови и ресницы железными вилами. Этот чудный старик напоминает малороссийского вия – мифическое существо, у которого веки опускаются до самой земли...

В Подолии, например, представляют вия, как страшного истребителя, который взглядом своим убивает людей и обращает в пепел города и деревни" [2, т. 1, 171].

Характерно, что Афанасьев, основываясь на легендарно-сказочном материале, не называет "могучего старика" именем "Вий", и, очевидно, наименование "малороссийского Вия" дано уже "по Гоголю".

И в советской науке существовало мнение, что образ Вия восходит к исчезнувшему народному преданию: "Сохранившаяся до 19 в. украинская легенда о Вие известна по повести Н.В. Гоголя" [13, т.1, 235].

Однако в современном литературоведении утверждение Афанасьева о наличии в славянской мифологии образа Вия все более подвергается сомнению. М. Виролайнен и О. Дилакторская по этому поводу пишут: "К сожалению, Афанасьев не дает отсылки к источнику, и нельзя поручиться, не послужил ли источником для него "Вий" Гоголя" [6].

Это обстоятельство было замечено еще в начале XX века. В. Петров [20], в частности, предположил, что образ Вия не имеет фольклорного прототипа и является вымышленным.

Ученые, рассматривавшие образ Вия в психоаналитическом ключе (И. Ермаков, Мак-Лейн, Ф. Дриссен, Б. Зейдель-Дреффке), полагали, что подтекст повести имеет биографически-личностную мотивацию, импульсом к созданию Вия послужили детские переживания Гоголя, в особенности, взаимоотношения с отцом, при этом он в определенной мере идентифицируется с образом отца.

Другие ученые (И. Вагилевич, И. Франко [25], М. Грушевский [9], О. Державина [10]) признавая фактор соавторства Гоголя и коллективного народного Гения в создании образа Вия, писали о трансформации одного образа либо компиляции отдельных элементов и мотивов сказочно-мифологических образов.

В рамках этих общих подходов к рассмотрению генезиса гоголевского Вия существует множество отдельных гипотез. Но если другие исследователи стремятся выявить всю полноту культурно-мифологических параллелей к образу Вия, то нас интересуют не типологические, а генетические связи этого образа. При анализе главных версий прототипа Вия мы стремимся к синтетическому, плюралистическому решению этой проблемы, и поэтому перед на-

ми возникает особая задача: мы должны учесть возможность существования реального фольклорного (культурного) прототипа Вия, влияния литературной традиции, а также фактор авторского строительства образа.

I

Гномы

Именно благодаря Гоголевской мистификации образ Вия фигурирует в фольклорных сборниках как реальный и существующий в устном народном творчестве, однако при этом, как правило, отсутствуют источники заимствования. Сюжет и образы повести после ее публикации распространяются в народной среде, и возникшие народные рассказы фактически дублируют ее содержание.

Замечено, что в повести Гоголя отражен сюжет народных сказок о езде парубка на ведьме, ее смерти и последующем чтении над нею Псалтыри. Но главное расхождение между повестью и ее фольклорными аналогами заключается в том, что все сказки данного цикла обходятся без Вия, он заменяет в них традиционный образ “старшей ведьмы”. Исследователи старались решить эту проблему. В. Милорадович писал, что сама наружность Вия “указывает на какое-то подземное божество смерти”, и он, вероятно, “для усиления впечатления” “введен в повесть из других народных сказок, посторонних мотиву о смерти ведьмы и отчитывании ее парнем” [17, 48].

О. Державина пытается согласовать утверждение Гоголя с кажущимся отсутствием гномов и Вия в украинском фольклоре. Она пишет, что “нет оснований не верить Гоголю”, “подобный образ был взят Гоголем все же из народной легенды” и изображен в соответствии с другими персонажами народной демонологии (напр., леший, водяной), “в которых воплощены были явления природы и жизни, внушающие суеверный страх; Вий – подземное существо, как бы божество смерти” [10, 35].

В. Петров писал, что Гоголь, отступая от известной сказочной схемы, заменил традиционную “старшую ведьму” “нефольклорным образом Вия”, при этом “образ Вия создан самим Гоголем”, пожалуй, даже не на фольклорных источниках. Вводя Вия в сообщество гномов, Гоголь невольно отсылал исследователей к немецкой мифологии, так как именно из нее и взяты “гномы”. Поэтому образ Вия нередко трактовался исследователями как вольное производное немецкой романтической традиции. В.Петров отмечал: “Появление Вия в конце повести соответствует разворачиванию сюжета в

народной сказке, но то, что в Вии и в гномах подчеркнута их близость к земле, к природе, – это сближает Гоголя с немецким романтизмом" [20, 743].

Вопрос о Вие не сводится к проблеме гномов. Фольклорный аналог гномам при желании можно найти и в украинских сказках (“земляний дух”, “земляний дідько”) [28, 347].

Очевидно, Вий был искусственно привязан автором к гномам. Он не похож на гнома – маленькое антропоморфное существо ростом с палец, имеющее длинную бороду и нередко ноги козла или гусиные лапы. Здесь следует иметь в виду время написания повести “Вий”, когда украинские и русские сказки не были еще изданы в современном объеме, и читатель был знаком с национальным сказочным наследием преимущественно в виде стилизаций, лубочных книжек. Мы предполагаем, что Гоголь, настраиваясь на сознание тогдашнего читательского круга, знакомого с западноевропейским фольклором, сказками братьев Гримм с их эльфами и гномами, для целенаправленной рецепции своего образа назвал Вия “гномом”.

II

Кунсткамера

С немецким романтизмом связаны образы бестиальных существ, наполняющих церковь. М. Вайскопф пишет, что в повести, особенно в ее первом варианте, “упор сделан именно на зооморфной автономизации частей тела (бестиальные существа, состоящие из рук или “из одних ног”, “только из головы”, “из одних только глаз с ресницами”). Мы находим здесь, в отличие от сцены скачки, ситуацию, абсолютно обратную натурфилософскому единству мира – “одного общего организма, которого частные члены, – как писал Велланский, – суть все животные, а существенная целость представлена человеком”. Трупное разложение мира равнозначно духовной гибели церкви” [4, 166].

Образы ущербных, разорванных тел относят нас к идее первичного, доисторического хаоса, в их описании Гоголь предвосхищает сюрреалистическую идею телесного и вообще современной идее эстетики уродливого. Эти образы не свойственны славянскому фольклору, и видимая дисгармония этого отрывка с общей канвой повести вынудила автора изъять его из рукописи.

Интересно рассмотреть вопрос, какие впечатления реальной жизни могли отобразиться в повести “Вий”. И. Виноградов полагает, что на создании образов “гномов”, вероятно, с казались впечат-

ления Гоголя от посещения Петербургской кунсткамеры. Анатомические препараты, приобретенные Петром I в Голландии у профессора анатомии Ф. Рюйша, произвели на Гоголя удручающее впечатление. Он увидел: "... Анатомические препараты, разделенные по классам и заключающиеся в 19 больших великолепных со стеклянными дверями шкафах, вокруг зала по стене расположенных... В 1 и 2 шкафах содержится собрание кож... из... которых... верхняя кожица... с когтями весьма искусно с младенческой руки снятая... и различные руки и ноги младенческие, приготовленные посредством состава Г. Руишем... заслуживают особенное внимание... В 17 и 18 заключаются скорбные и другие к ним принадлежащие части... Как в сих... так и в других... шкафах расположены понизу разные человеческие уроды (monstra), коих число свыше 100 простирается... Наконец 19 шкаф составляет собрание костей со многими оставами, из которых большие расставлены по разных местах нижнего зала" [3, отд. 2, 30, 34].

Эти препараты, очевидно, послужили "отправной точкой" для созданных Гоголем чудовищ: "Из них возвышалось какое-то черное, все покрытое чешуей, со множеством тонких рук, сложенных на груди, и вместо головы вверху у него была синяя человеческая рука... С вершины самого купола со стуком упало на середину церкви какое-то черное, все состоящее из одних ног; эти ноги бились по полу и выгибались, как будто бы чудовище желало подняться. Одно какое-то красновато-синее, без рук, без ног протягивало на далекое пространство два своих хобота и как будто искало кого. Множество других, которых уже не мог различить испуганный глаз, ходили, вились и летали в разных направлениях. Одно состояло только из головы, другое из одного отвратительного крыла, которое летало с каким-то шипением".

Принимая во внимание тонкую душевную организацию Гоголя, его впечатлительность, можем предположить, что фантом Вия мог возникнуть на основе именно этих впечатлений.

III

Вий – образ отца

И. Ермаков [11] впервые рассмотрел повесть в психоаналитическом ключе. Его труд, малоизвестный на родине, был воспринят в среде западноевропейских и американских ученых. К сожалению, ученый не смог адекватно оценить все факты из жизни Гоголя и нередко искусственно выбирал из его биографии те ситуации и детали, которые могли послужить иллюстрацией к теории

3. Фрейда. Он исходит из того, что Гоголю был свойствен “комплекс” по отношению к отцу. Превосходство отца было настолько большим, что только после его смерти Гоголь развился из ребенка в юношу и стал самостоятельным. Одновременно у него появляется чувство вины перед отцом и страх перед возможным наказанием. Исходя из этих предпосылок, И. Ермаков берется за комментирование повести. Полет Хомы Брута на ведьме рассматривается как эротическое прикосновение с оттенком садизма, за которое Вий наказывает Хому. Вий же является образом отца, всевидящего Бога. Мак-Лейн [29, 1-20], следуя за Ермаковым, связывает Вия с наказующим началом, которое в гоголевском подсознании идентифицируется с образом отца. Ф. Дриссен [26] прямо отождествляет Вия с умершим отцом, которого Гоголь любил, но который призван наказать его. Писатель будто чувствовал вину перед отцом и пытался искупить ее своим христианским аскетизмом. С. Карлинский [27], в свою очередь, акцентирует внимание на том, что старуха-ведьма оставляет Хому и его друзей ночевать у себя при условии, что они будут спать в разных комнатах. Она якобы подозревает любовную связь между ними. Анализу психоаналитического подхода к творчеству Гоголя посвящена статья Б. Зейдель-Дреффке [12, 122-129].

М. Вайскопф считает, что подтекст повести имеет биографически-личностную мотивацию. Он разделяет мнение Карлинского о том, что в “Вие” отразились гоголевские школьные впечатления, однако не находит в них особых признаков “ностальгии по веселому мужскому товариществу” (“happy male camaraderie”). Исследователь приводит биографические реминисценции, сопоставляя фразы из повести с отрывками из писем матери за 1824-1826 гг. М. Вайскопф в определенной мере использует опыт психоаналитического подхода к повести, и в то же время ставит его применение в определенные рамки, в которых он имеет объективное научное значение. Он пишет: “Биографические аналогии такого рода показывают лишь то, что распространенное сближение покойного отца Гоголя, как и неведомого отца Хомы, с Вием, не лишено реальной подоплеки; но их изолированное изучение, автоматически выводящее анализ повести на банальный путь “вины перед отцом”, или, допустим, сулящее заманчивое сопоставление сурового сотника с Д. Трощинским, а сюжета в целом – с какими-то житейскими ситуациями в Кибинцах, грешило бы наивным редукционизмом. Лич-

ностный слой в В. (“Вие” – А.З.) сплетается с рядом других и набирает функциональную значимость только в их насущном взаимодействии” [4, 142].

IV

Вий и ваюги

В.Абаев полагает, что нельзя игнорировать ясное заявление Гоголя и ставить под сомнение фольклорное происхождение Вия: “Надо... видеть в Вие именно то, чем он является по Гоголю: колоссальное создание украинской мифологии и демонологии”.

“Очевидно, Гоголь считал Вия центральной фигурой тех народных украинских поверий, на основе которых было создано его произведение” [1, 304].

Ученый проводит параллель между Виём и индоиранским демоном Вауу. Его имя в старославянском имело бы фонетическую форму Вьй, а в украинском – Вій. Древнеиранское божество подверглось профанации после принятия христианства, и в двоеверии стало демоном смерти. Его имя отсутствует в украинском фольклоре в силу действия табу – “запрета на имена нечистой силы”, и в глухих отголосках дошло до писателя: “Только Гоголю посчастливилось еще услышать народные легенды об этом зловещем существе” [1, 307].

Если Вий генетически восходит к Вауу, то логично предположить, что он сохраняет определенные черты прообраза.

Ваюг – это “одноглазый великан-циклоп, великан с пестрой бородой и даже семиголовый великан. Уаюги (ваюги – А.З.) населяют башни, замки, пещеры” [15, 559].

В отличие от ваюга, у Вия два глаза и нет бороды. Осетинская мифология ничего не говорит о смертоносном взгляде ваюги, длинных ресницах или веках, о железном лице – важных атрибутах Вия. Мы видим, что не все внешние черты этих образов идентичны, и в этом случае они являются типологически разными.

Мысль о возможности индоевропейских корней имени “Вий” выглядит довольно заманчиво. Однако его этимология может иметь и украинскую почву. К. Чапленко высказался за украинское происхождение этого имени: “За это говорит, во-первых, свидетельство самого Гоголя..., а во-вторых, украинская этимология имени “Вий”: оно образовано от слова “вія” верхнее веко вместе с ресницами” [24, 81].

При этом, предполагается, что женское нарицательное существительное превратилось в мужское собственное “Вий” по примеру превращения слова “струя” в “Струй” в повести Жуковского “Ундина”.

V

Шолудивый Буняка

Сюжеты о Шолудивом Буняке происходят из ареала законсервированного фольклора Карпат. Эти легенды относятся к топониму Погоня и выполняют “объяснительную” функцию происхождения названия. Иоаникий Галятковский одним из первых записал легенду из этого цикла. В ней говорится о военной баталии князя Романа Галицкого с ордой татар, возглавляемых ханом Бунякою. После главного удара князь Роман преследовал войско Буняка до реки Тисменицы, где окончательно его разгромил. На месте победы был построен монастырь, который “называется Погоня для того же там Роман воевода погнал и разогнав татаров...” [22, 123].

Т. Окуневский записал в с. Погоня легенду, в которой князь Роман отрубил “недоверку Буню” голову, она же долго катилась и была остановлена возле монастыря.

В других вариантах легенд Буняка назван “шолудівим розбійником”, нападавшим на местные села. Но “один князь” победил его. “Самому Бунякові відрубано голову, котра котилась й бігла так з місця битви, що ледве догнали її в нас за містечком Тисменицею. Тому й місце названо Погонєю” [22, 123].

Исследователь фольклора Карпат В. Сокил отмечает: “У зображенні зазначеного демонічного персонажа превалюють міфологічні риси: довгі брови, з-під яких не видно було очей; вії піднімали залізними вилами, а від погляду провалювались міста і села” [22, 123].

Веки, поднимаемые вилами, смертоносный взгляд – на основании этих атрибутов И. Вагилевич сравнивает Шолудивого Буняка с Виєм.

М. Грушевский считает Шолудивого Буняка “паралельним образом Змія, Кошія і подібних фантастичних істот”. Анализируя цикл сказок о Буняке, М. Грушевский приходит к выводу, что с течением времени героические мотивы этого образа нивелировались, а фантастические усилились. В записях, начиная с 17 века, Буняка фигурирует не столько как предводитель вражеского войска, сколько как фантастический людоед и разбойник. “В одних варіантах – се велетень космічних розмірів: могили і вали толкуються як сліди “Бунякового воїнства”, що пройшло весь світ і на місцях свого спо-

чинку насипало землю з своїх ходаків. В інших – се кістяк-людодід з смердючими тельбухами, що живе в старих валах і городищах та пожирає людей. Або се гном-вій, з такими довгими віями, що їх два хлопи мусять підіймати вилами: він добивається руки царівни і гонить за нею по всій Україні” [9, т. 1, 324].

Персонаж указанного варианта легенды имеет два выразительных обших с Виём элемента: длинные веки, которые он сам не в состоянии поднять, и губительный взгляд (хотя значение взгляда Вия несколько иное, о чем ниже). В целом же образ Вия проявляет незначительную корреляционную связь с образом Буняка: он – не людоед и не великан, он и не скелет с гниющими внутренностями. Как персонаж демонический, Вий не имеет отношения к историческому хану Буняке. И дело не только во внешних атрибутах, а в разной функциональной роли этих образов. Буняка не имеет суверенной роли в сказочном массиве, он выступает в местных топографических легендах и ограничен этиологической ролью объяснения возникновения холмов и валов, топонима Погоня. Действие Буняка как исторического и фантастического персонажа соотнесено с прошлым, здесь сюжетная линия сохраняет имплицитное воспоминание о борьбе Руси с кочевниками. Как видим, Буняка имеет довольно узкий хронотоп. Действие же Вия лимитировано настоящим временем и локализовано помещением церкви и, возможно, лесом и усадьбой сотника – Вий находится вне главного хронотопа Буняка. Его появление в церкви не носит объяснительной функции возникновения какого-либо топонима или явления.

VI

Апокрифический Иуда и Вий

И. Франко считал образы Шолудивого Буняка и Вия родственными и восходящими к одному источнику – украинской апокрифической легенде об Иуде Искариотском. Ученый пишет о присутствии демонической фигуры, сходной с Виём, в народных верованиях: “уявління про почвару з довгими повіками, які цілком закривають очі і які лиш іноді, в надзвичайних випадках сторонні руки підіймають залізними вилами – що таке уявління єсть в устній традиції укр. народа” [25, 50].

Этот общий образ, следуя Франко, мог трансформироваться в нескольких фольклорных персонажей, выступающих под разными именами, но имеющими одно происхождение. Ученый комментирует

“Софроніів ресстр” с небольшим дополнением об Иуде-предателе, найденный им в рукописном сборнике, хранившемся в библиотеке Василианского Свято-Онуфрейского монастыря во Львове. Это дополнение, по мнению Франко, принадлежит к концу первого века нашей эры и, возможно, является одной из самых древних апокрифических легенд об Иуде Искариотском.

Франко отмечает, что легендарная традиция в полной мере отразилась в этом отрывке: в нем бывший избранник Иисуса предстает страшилищем, мало похожим на человека. У него распухшая от жира голова, которая не позволяет протиснуться сквозь узкие улочки. Его тело покрыто язвами и кишит червяками, а глаза заросли веками так, что он не может видеть свет.

“Нюда ж предатель ... баше зрашнѣх его велнкѣ, неѣстїю оуказ. егда еще живѣ баше в мнрѣ сем, нмже поутем колесннцн прихощахж (Мин: іако ннже како адѣ колесннца), Нюда же тоужде с велнкою ноуждею едва протаснаше сѧ главнаго радн отока. вѣждн же оуію его толнко нзрастоша сѧ, іакож емж нн весма свѣт вѣзмошн вндѣтн. оун же емж іако нн вращескомж зелцалж іавнтн сѧ, велію бо сѣло глоубннѣ нмѣахж ѿ вѣшннаго вѣзора. (Миняе додае тут: погляд же его вѣсѣко неоудобьствѣа н зла нсплѣзненѣ). тнннѣ ж его оуды, рекше срамна нста, всакого бо стоудѧ н безвѣрагїа нсполнѣ... по всемѣж телесн іавѣ тешн гноу н червїю кнпѣтн вѣ досадоу ноужноуію. по многѣх же моуках н мѣнїнѣх вѣ своємѣ емоу селе сконча сѧ...”

[25, С. 50]

Исследование генезиса образа Шолудивого Буняки находится вне рамок нашей статьи. Мы остановимся на сопоставлении образов Вия и Иуды как самостоятельных. В апокрифическом образе Иуды и гоголевском Вие находим только один общий элемент: заросшие веками глаза и злой, демонический взгляд. Представим схематически все семантические значения этих образов:

Иуда (апокриф)	Вий
предатель	судья (наказывает Хому)
изгой (живет один) – маргинальность	в окружении демонов – центральное положение
заживо гниющий	в земле (но не гниющий)
затруднение передвижения: “ ” – из-за болезни	Затруднение передвижения: шаткость шага – из-за “неумения” ходить по земле (разное значение)

общее уродство (распухшая голова)	устрашающий (железное лицо, палец)
заросшие веками глаза	заросшие веками глаза
демонический взгляд – злой, недобрый	демонический взгляд – открывающий невидимое (разная семантика)
фатальная смерть	фактически бессмертный

Апокриф ничего не говорит о смертоносном взгляде Иуды – хотя он и является недобрый, лихим, но все же остается взглядом человеческим. Атрибуты этих образов могут казаться схожими, но на самом деле они имеют различную семантику, а некоторые из них прямо противоположны.

Полагаем, что Иуда фигурирует в рамках хронотопа деяний Иисуса Христа, в настоящем же его locus ограничен адом. Иными словами, Иуда как персонаж высшей народно-христианской мифологии может выступать в узко ограниченном, связанном контексте, и его не может вызывать “нечистая сила” при решении своих споров, как она вызывает Вия. По Данте, душа Иуды заключена в 9 круге ада, в центре земли, ее грызет Люцифер, и появление Иуды в хуторской церкви означало бы его освобождение из ада.

Как видим, за значительный период времени обнаружен ряд важных параллелей к образу Вия. Однако найденные аналогии нередко ограничиваются лишь отдельными схожими чертами во внешности (длинные ресницы, губительный взгляд) и подземном обитании персонажа. Вий – сложный и затемненный образ, семантическое поле которого не совпадает ни с одним из рассмотренных выше фольклорных персонажей.

VII

Вий и Касьян (гипотеза А. Назаревского)

Существует гипотеза, согласно которой фольклорным прототипом Вия является св. Касьян – персонаж суевренных народных преданий. Ее выдвинул А. Назаревский, исследовавший поверья о “Касьяновом дне” 29 февраля из разных регионов Украины, в т.ч. Полтавского и Нежинского. В народном мировоззрении “в образе самого Касьяна причудливо переплелись черты христианского святого с чертами демонического существа, носителя зла, губительной силы” [18, 42]. Здесь объединились верования в “дурной глаз” и существ, обладающих смертоносным взглядом, и образ святого

Касьяна Римлянина превратился в сугубо фольклорный и фантастический.

В народных представлениях “Касьян – человеческое существо, хоть и очень необычное. В одних поверьях он хороший, “праведный”, даже “святой”, в других – великий грешник, связанный с “нечистой силой” [18, 42].

Отметим амбивалентность, присущую образу Касьяна: это святой, борющийся с чертом, и, с другой стороны, злое существо: “он даже не считается святым и не признается русским, а самое имя Касьян слывет как позорное” [16, 43].

Касьян – “страшный чоловік”, который живет где-то в лесу, “затворник, живе у замурованому стовпі десь у лісу чи у печері”, он представляется в народном воображении как очень высокий, “великий мужчина”, “здоровий, сивий, страшний чоловік”, покрытый сплошь длинными волосами, с суровым лицом.

И гоголевский персонаж представлен как человек: “увидел он (Хома – А.З.), что ведут какого-то приземистого, дюжего, косолапого человека” [30, 179]. В черновиках повести он имеет “исполинский рост”, как и Касьян. Он покрыт “черной землей” и говорит “подземным голосом” [30, 179]. Касьян, по некоторым поверьям, живет в пещере или же три года лежит в земле, а на четвертый (29 февраля) встает.

Главный атрибут Касьяна – это губительный взгляд, от которого болеют и умирают люди, животные, вянут растения и гибнет все живое. Касьян – “з довгими, до самої землі, віками на очах, а тому він нічого не бачить” [18, 44] или же имеет “аж до землі вії на очах” – эти веки (ресницы) поднимает нечистая сила вилами или лопатой. Аналогично у Вия “длинные веки опущены были до самой земли...”, “все сонмище кинулось подымать ему веки” [30, 179].

А. Назаревский склоняется к мнению, что писатель знал простонародные предания о Касьяне, и что в образе Вия он изобразил в основных чертах именно его. При этом ученый отмечает, что по определенным соображениям Гоголь “не мог сохранить его церковное имя, имя “святого” и создал для него... новое...” [18, 46]. Эта мысль была взята под сомнение И. Виноградовым. Он утверждает, что Гоголь не мог избрать в качестве прототипа образа Вия преподобного Кассиана Римлянина (5 в.), и “выдвинутая Назаревским гипотеза... не соответствует идейному содержанию повести в целом” [5, 101].

Действительно, Назаревский не пишет о религиозности Гоголя и его восприятию святых. “Выбранные места...” и переписка писателя свидетельствуют об уважительном отношении Гоголя к святым, и И. Виноградову кажется невероятным, что писатель стал бы наделять одного из них чертами демоническими.

Исследователь подвергает сомнению достоверность фольклорных материалов, собранных Назаревским. Он пишет: “Как представляется, статья Назаревского, написанная в эпоху развернувшихся в СССР в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. ожесточенных гонений на Церковь, не может считаться (в основной своей части) объективным научным исследованием” [5, 101].

Действительно, А. Назаревский использует материал, собранный им в 1920-х гг. во время проведения широкой атеистической кампании. Для сбора фольклорных данных о Касьяне он использует анкету, разосланную в 1927 г. Этнографической комиссией АН УССР и повторенную в 1928 г. в отрывном календаре “Книгоспілки”. И. Виноградов замечает в вопросах анкеты предвзятый подход [5, 101].

Однако мы не думаем, что идеологический пресс негативно отразился на исследовании А. Назаревского, во всяком случае, его результаты в целом представляются объективными и находящимися в русле общей фольклорной версии. Вряд ли ученый взялся бы преднамеренно «очернять» образ святого Касьяна, в чем его de-facto обвиняет И. Виноградов. Дело в другом. Фольклорный Касьян отнюдь не является св. Касьяном Римлянином, этот образ сформировался под влиянием украинского двоеверия. В украинском фольклоре Касьян предстает скорее негативным, нежели позитивным персонажем, о чем свидетельствуют этнографические записи. О.Воропай пишет: “В народных приповідках і легендах Київщини та Лівобережжя цей святий виглядає понурим і злим чоловіком” [8, 226]. Он отмечает длинные брови и ресницы Касьяна, которыми объясняется его временная слепота и губительный взгляд. Аналогично оценивают этот образ и другие фольклористы. Характерно, что О. Воропай, ознакомленный с легендами о Касьяне, прямо сопоставляет его с Виєм: “Цей образ (Вий – А.З.) використав Микола Гоголь у своїй повісті “Вій” [8, 226].

VIII

Реконструкция образа Касьяна и Вия

При общем рассмотрении образ Вия кажется очень близким к образу Касьяна, и невольно возникает искушение предположить, что Касьян является инвариантом, а Вий – позднейшим литературным вариантом. В таком случае следует ожидать, что семантические матрицы этих двух образов будут более-менее сливаться, как в общем сливается вещество фольклорной ведьмы и гоголевской ведьмы, русалки, образ сельского колдуна и образ Пузатого Пацюка (получая при этом осадок чисто литературных элементов).

Мы предпринимаем своего рода попытку реконструкции образа Вия. Однако она не претендует на полноту в силу невозможности достаточного сопоставления семантических полей образов Вия и Касьяна. Сам автор ограничивает нас в этой возможности, изображая Вия эпизодически и менее четко. Если с Касьяном связана определенная “житийная” история – его “вкинули живцем в яму” и засыпали землей, то о местопребывании и поведении Вия ничего не известно. “Прием умолчания” создает вокруг Вия ауру таинственности, а его появление делает более впечатляющим. Автор использует некоторые элементы магической символики (крут, свечи, железное лицо, железный палец Вия, руки и ноги – “как корни” [30, 179]), имеющие языческую ритуальную семантику, причем делает это завуалировано, допуская многозначность самого акта появления Вия (“появление страшилища” – “пришествие божества”; “нападение демона” – “акт божественного жертвоприношения”).

Образ Вия частично реконструируется в контексте повести. Вий живет в лесу (он приходит в церковь из окружающего леса, его появление предвещает вой волков), под землей, возможно, в норе или пещере (покрыт землей). Как подземный обитатель, он не привык ходить по земле – поэтому “поминутно оступается”, у него “подземный голос”, сам он “приземистый” [30, 179].

Как “касыяноподобное” существо, Вий появляется в церкви в неурочное время – обычно же Касьян появляется только в свой день, 29 февраля. В гоголевском тексте акцент делается на неожиданности его появления – его приводят специально, и то в конце третьей ночи, когда истощаются все попытки ведьмы и нечистой силы одолеть Хому.

Вий связан с нечистой силой, но не является одним из демонов – здесь можем усмотреть рудимент амбивалентности Касьяна “святой” – “недобрый”. В. Пропп отмечает, что “... в гоголевском “Вие” черти не видят казака. Черти, могущие видеть живых, это

как бы шаманы среди них, такие же, как живые шаманы, видящие мертвых, которых обыкновенные смертные не видят. Такого шамана они и зовут. Это – Вий” [21, 73].

В сцене “узнавания” Хома Вий не губит его сам, а только открывает его демонам. Вий здесь выполняет роль “доброго” Касьяна – не сам святой губит человека, а лишь открывает демонам то, что не свято – и они действуют с “божьего попущения”, данного Касьяном. Наблюдатель, не видящий астральных существ, а видящий только Вия, смерть Хома понимает как следствие взгляда Вия. Но глаз Гоголя видит больше – эту смерть вызывают насланные Вием демоны. Образ Вия двоятся: сначала Хома видит “огромное чудовище в своих перепутанных волосах”, со страшным взглядом, создается своего рода “проекция” Вия “во всю стену” [30, 178]. После того, как ведьма “нарицает” существо его именем и вызывает его, оно изменяет облик и проявляется как человек в железной маске (“лицо железное” [30, 179]), с длинными веками. Отметим еще одну необычную деталь – его тело и руки – “как корни” (то есть дерево). Вий имеет деревянное тело и железное лицо – его облик напоминает языческого идола (у Перуна из пантеона Владимира – тело деревянное, а голова серебряная) [14, 98].

Здесь можем усматривать намек на принадлежность Вия к пантеону высших славянских божеств. Особенно важна трансформация образа Вия из обычного, пусть и пугающего, “чудовища” в “приземистого человека” с железным лицом – в данном ситуативном контексте перед ним, как перед идолом, должно свершиться жертвоприношение. Этот атрибут формирует ритуальную канву происходящего, когда действие в церкви осмысливается как ритуал.

Образ Вия “выламывается” из “собрания нечисти” и выразительно дистанцируется относительно него. Следуя народно-мифологической логике, такую позицию может занимать именно Касьян (он находится на одном уровне с ведьмой и нечистой силой). Как мы отмечали, его хронотоп шире, чем у Иуды в староукраинской фольклорной и книжной традиции – Иуда выступает в узко ограниченном, связанном контексте, его местопребывание – ад.

В ином положении находится Касьян: его выход из пещеры или вообще не ограничен, или же лимитирован 29 февраля, или високосным годом. Двадцать девятого февраля Касьян молится в церкви, стало быть, его появление возможно и в другое время.

Вий сохраняет рудиментарную семантику лесного, подземного божества: его появление предвещает вой волков, он покровитель

леса и лесных зверей, а волки – это его собаки. Возможно, он покровительствует оборотничеству – на это указывает его связь с волками и оборотничество ведьмы-панночки. Функция всевидения, установления справедливости свидетельствует о “божественном” начале Вия. Его определение “человеком” не противоречит его возможной божественной природе – боги Перун, Велес, Дажьбог, по мифологическим представлениям русичей, жили как люди на земле (характерная для божества персонализация).

Чем мотивировано появление Вия в церкви по зову ведьмы? Как связана смерть ведьмы с появлением Вия? Очевидно, Вий, как божество правосудия, приходит наказать Хому за убийство девственницы (“панночки”). Ключом к пониманию данной ситуации является одна из функций Касьяна: “Касьян вважається покровителем дівчат, батьки моляться йому, щоб він оберігав дочок у чистоті й цнотливості” [7].

Хотя относительно чистоты ведьмы возможны сомнения (вспомним ее садо-мазохистский акт с псарем Микиткою), но формально за ней закреплен статус “панночки”, и она подпадает под патронат Касьяна-Вия. Вий приходит как бы в ответ на проклятие, адресованное отцом ее неизвестному убийце. Напомним, что отождествление Вия с *imago* отца, наказывающего Хому за сексуальное извращение, принято в психоаналитической школе исследователей.

Также важно понять ситуативный контекст общения Хомы с ведьмой. Чувство страха и гнева приводит к неконтролируемому проявлению агрессии, когда Хома, вместо бегства, сам сел верхом на ведьму и бил ее поленом. Ведьма лишь забавлялась с Хомой, а он применил против нее грубую физическую силу. Поэтому смерть Хомы является наказанием за преступление, санкционированное высшей демонической силой – Виём. Характерно, что Вий не убивает Хому, не разрывает его тела. Он только указывает на Хому. Н. Гоголь называет причину смерти Хомы – страх, но не обычный страх чего-то “страшного”, а экзистенциальный страх вины. Хома Брут не выдержал страшного, инфернально-божественного взгляда Вия, не смог честно взглянуть ему в глаза.

Для адекватного сопоставления образов Вия и Касьяна мы должны учитывать полисемантическую природу образа Касьяна и его генезис. Касьян – оригинальное явление украинского двоеверия, находящееся в одном ряду с Иваном Купало, Параскевой Пятницей, Ильей-громовиком. Это синкретический образ, в котором семантика св. Касьяна-Римлянина наложилась на более древний пласт

лесного подземного божества. Очевидно, он не являлся цельным и сохранял рудиментарную семантику божества. В различных преданиях Касьян проявляет амбивалентность: он то святой угодник, борющийся с чертом, то злое демоническое существо. Интересно, что он выступает и как стихийный дух воздуха: “Касьяну подчинены все ветры, которые он держит на двадцати цепях, за двадцатью замками. В его власти спустить ветер на землю и наслать на людей и на скотину мор (моровое поветрие)” [16, 45].

Имеет смысл говорить об эволюции образа Касьяна. Касьян – живой организм, прошедший этапы формирования на базе славянского двоеверья оппозиционных – христианского и языческого – значений, завершившийся этапом профанации сакрального смысла. С начала XIX до середины XX века образ Касьяна, как и ряд сходных мифологических персонажей, переживает процесс профанации и теряет языческую сакральную семантику. Взгляд здесь трактуется как злой и губительный, причем необычайно могущественный.

Вия можем считать литературной фиксацией древнего образа Касьяна и ряда его компонентов, потерянных уже в XIX веке. Для исследователей представляет интерес сопоставление Вия с Касьяном в записях не только XX века, а более ранних, тем более, что записи Назаревского сделаны не в ареалах законсервированного фольклора. Предполагаем, что это позволит сделать более полные выводы о генезисе Вия.

IX

Взгляд

В образе Вия Гоголь фиксирует семантику культового ритуала и древнеязыческую идею сакрального, всевидящего, демиургического взгляда. Вообще в народных верованиях славян глазам уделялось особое значение – с помощью взгляда человек мог повлиять на судьбу другого человека, на гипнотической силе взгляда основывалась народная магия и колдовское действие – не случайно, “чарівник, утративши зір, більше не в змозі чарувати, а тому стає безпечним” [7, 347].

Взгляд связан с возможностью принести вред живому существу – человеку, зверю (домашним животным) или растению (посевам) – и эту возможность в гипертрофированном значении и воплощает Вий. “Міфомислення також тлумачить погляд як проник-

нення вглиб людини, магічний контакт і діяння. Тому необхідно “замкнути очі” ворогам, не дати їм “витріщати очі” [19, 249].

В языческой теологии глаза человека напрямую сопоставлены с божеством: украинцы “вірили, що людські очі утворилися від сонця, про це дізнаємося із замовлянь” [7, 347].

Внешне придерживаясь фольклорной схемы, Гоголь развивает тему, свойственную европейскому литературно-мистическому сознанию XVIII–XIX веков, тему “рокового визуально-акустического контакта с потусторонней сферой” [4, 157].

Личность человека деперсонализируется и растворяется в надличностной родовой стихии – у Гете Вертер перед смертью мечтает “раствориться в бесконечности”. И у него же (в “Фаусте”) блаженные мальчики переживают ужас, когда “серафический отец” вбирает их в себя, в свои глаза. Параллель гоголевской темы находим в немецком романтизме – в “геологических новеллах” Тика и Гофмана (“Руененберг”, “Фалунские рудники”) сплетаются тема земли, олицетворенной в металлическом чудовище или повелительнице стихий, с темой утраты личности, поглощенной ее темным духовным субстратом. Схожую тему развивает Гофман в “Песочном человеке” и осложняет ее мотивом магической оптики. Эта тема в 30-е гг. проникает в русскую романтическую прозу, в частности, в созданную под влиянием Гофмана повесть К. Аксакова “Вальтер Эйзенберг” герой которой теряет личность и растворяется в гипнотическом взгляде женщины.

По наблюдению М. Вайскопфа “и Вий отражается в своих зрачках, то есть вбирает в себя душу “агнца” – Хомы”. Это подчеркивает непрочность, зыбкость индивидуального статуса персонажей Гоголя. Хома как бы приобщается к сонму нечистой силы, проявляя двуплановую семантику “духа”. “Иначе говоря, сохранение и потеря “духа” внутренне синонимичны и выявляют субстанциональную причастность Хомы к демонам, тоже названным “духами”.

Ввиду маргинального статуса Хомы и его безродности, его смерть можно воспринимать как невольное возвращение в “мир души”.

В теософии Е. Блаватской лик Божий представляется страшным лишь духовно незрелым людям, не раскрывшим свое внутреннее “Я”. М. Вайскопф сопоставляет ситуацию с философом, глядящим на Вия, с “Асханью” Г. Сковороды, где говорится о духовном исходе из Египта: “Чем тебе виновато верхнее твое око. Ты сам оно открываешь, устремляясь на погубление свое”. Гоголь же

акцентирует только негативное, смертное восприятие “божественного взгляда”, и “в образе Вия, по замечанию Лаферрьеера, василиск русских и немецких писателей бесповоротно сливается с гностическим сатанинским Змеем” [4, 162].

Заключение

В ходе исследования мы пришли к выводу, что образ Вия восходит к фольклорному прототипу, которым является Касьян украинских народных верований. В основных чертах образ Вия совпадает с образом Касьяна, однако полностью сопоставить их семантические матрицы невозможно из-за того, что образ Вия – фрагментарный, эпизодический, автор умалчивает о его происхождении и местопребывании. Безусловно, фольклорный образ Касьяна был творчески осмыслен и трансформирован Гоголем в образ новый, литературный. Гипотеза А. Назаревского представляется наиболее убедительной среди прочих, ее разработка позволяет раскрыть латентные значения образа Вия, частично реконструировать его, связать воедино разрозненные элементы сюжета, осознать общую логику повести.

Вий сохраняет рудиментарную семантику Касьяна как лесного, подземного божества, а также ряд его древних компонентов, которые были утеряны в XIX веке. Автор делает намек на принадлежность Вия к пантеону высших славянских божеств, уподобляя его облик языческому идолу Перуна. В этом образе автор актуализирует значимые языческие компоненты – идею рокового взгляда, визуального влияния, магнетизма.

На повесть и сам образ Вия в определенной мере повлияла европейская романтическая традиция, с которой был знаком автор. С немецким романтизмом связаны образы бестиальных существ, наполняющих церковь, – ущербных, разорванных тел. Описывая их, а также Вия, Гоголь предвосхищает сюрреалистическую идею телесного, как и современную идею эстетики уродливого.

Внешне придерживаясь фольклорной схемы, Гоголь развивает тему, свойственную европейскому литературно-мистическому сознанию XVIII-XIX веков, тему рокового визуально-акустического контакта с потусторонней сферой.

Одно из значений Касьяна является ключом к пониманию причины появления Вия в церкви: Вий-Касьян, как божество правосудия, приходит наказать Хому за убийство девственницы. Таким образом, принятие гипотезы Назаревского позволяет раскрыть

тайну появления Вия в церкви и причину смерти Хомы. Обращаем особое внимание на то, что Вий, приходящий как бы по зову отца «панночки», в определенной мере отождествляется с образом отца, наказывающегося провинившегося сына.

Полагаем, что определенное значение в формировании образа Вия сыграли личные переживания Гоголя. Мы разделяем мнение исследователей о том, что смерть отца, последовавшая за его болезнью, стала для Гоголя психологической травмой, которая обусловила трагизм повести, придала особое, ключевое значение образу Вия. Без сомнения, глубоко личными являются мотивы сиротства, одиночества, страха возмездия, смерти, отраженные в повести и приобретающие особое экзистенциальное звучание в контексте всего творчества Гоголя.

В повести «Вий» Гоголь ярко демонстрирует себя как художник европейского уровня, находящийся в рамках европейского литературного контекста и идей своего времени, и в то же время базирующийся на глубоко национальной украинской почве, использующий архаическую символику языческих верований.

Примечания:

1. *Абаев В.* Образ Вия в повести Н.В. Гоголя. // Русский фольклор. Материалы и исследования, издание АН СССР. – Москва-Ленинград, 1958. – Т. 3.

2. *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифологическими сказаниями других родственных народов. – Москва, 1969. – Т. 1-3.

3. *Беляев О.* Кабинет Петра Великого. – СПб., 1800.– Отд. 2.

4. *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст.– Москва: Радикс, 1993.

5. *Виноградов И.* Повесть Н.В. Гоголя “Вий”: к истории замысла и его интерпретации // Гоголеведческие студии. – Выпуск 5. – Нежин, 2002.

6. *Виролайнен М., Дилакторская О.* "Русская романтическая проза эпохи романтизма" Издательство Ленинградского университета // интернет-версия: "Русская фантастика 19 века: Н.В.Гоголь" – sf.boika.ru/rsf-xix/gogol.htm

7. *Войтович В.* Українська міфологія. – К.: Либідь, 2002.

8. *Воропай О.* Звичаї нашого народу. Етнографічний нарис. – Мюнхен: Українське видавництво.– 1958.

9. *Грушевський М.* Історія української літератури: В 6 т. 9 кн.// Упорядник В.В. Яременко.– К.: Либідь, 1993. – Т. 1.
10. *Державина О.* Мотивы народного творчества в украинских повестях и рассказах Н.В. Гоголя //Ученые записки Московского городского пединститута им. В.П. Потемкина, т. 34, кафедра русской литературы. – Вып. 1. – 1954, – С. 35.
11. *Ермаков И.* Очерки по анализу творчества Н.В. Гоголя. – М., Пг., 1923.
12. *Зейдель-Дреффке Б.* Гоголеведение и психоанализ. История и современность // Русская литература. – 1992. – №3.
13. *Иванов В., Топоров В.* Вий // Мифы народов мира.– М., 1980.– Т.1.– С. 235.
14. *Ларіон*, митрополит. Дохристиянські вірування українського народу: Іст.-реліг. моногр. Видання друге. – К.: Обереги, 1994.
15. *Калоев Б.* Уаиги // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Советская Энциклопедия, 1991.– С. 559.
16. *Максимов С.* Крестная сила. Нечистая сила. Неведомая сила: Трилогия. – Кемеровское книжное издательство, 1991.
17. *Милорадович В.* К вопросу об источниках Вия // Киевская старина. – 1896. – № 9. – Отд. 2. – С. 48.
18. *Назаревский А.* Вий в повести Гоголя и Касьян в народных поверьях о 29 февраля. //Вопросы русской литературы. Сборник.– Вып. 2 (11), Изд-во Львовского университета.– Львов, 1969.
19. *Новикова М.* Українські замовляння.– К.: Дніпро, 1993.
20. *Петров В.* // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений, издание АН СССР, 1937 г. – Т.2. – С. 743.
21. *Пропт В.* Исторические корни волшебной сказки/ Вступ. ст. В.И. Ереминой; ЛГУ [2-е изд.].– Л.:Изд-во ЛГУ, 1986.
22. *Сокіл В.* Народні легенди та перекази українців Карпат.– К.: Наукова думка.– 1995.
23. *Сумцов Н.* Параллели к повести Гоголя “Вий”// Киевская старина. – 1892. – Вып.3.
24. *Чапленко В.* Фольклор в творчестве Гоголя // Литературная учеба, 1937. – М.-Л. –№ 12. – С. 81.
25. *Франко І.* Вій, Шолудивий Буняка і Юда Іскаріотській. // Україна, журнал. – Том 1. – Январь 1907.– Киев, 1907. – С. 124, 1 пагинация.– С. 50.
26. *Driessen F.* Gogol' as a short-story writer. (A study of his technique of composition). Translated from the Dutch. – Mouton and Co., The Hague, 1965.

27. *Karlinsky S.* The sexual labyrinth of Nikolaj Gogol. – Cambridge; Massachussets, London. – 1976.

28. *Kolessa F.* Demonological Figures in Ukrainian Folklore // Ukraine. A Concise Encyclopedia. – University of Toronto Press, 1963. – P. 347.

29. *Mc. Lean H.* Gogol's retreat from love: Toward an interpretation of "Mirgorod" // American Contributions to the Fourth International Congress of Slavists. – Gravenhage, 1958. – P. 1-20.

30. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений: В 7 т. – Москва, 1976-1979. – Т. 2.

Семен Абрамович

Отрывок «Девицы Чабловы»: погибший эмбрион социально-психологического романа

Девушки Чабловы, дочери бедных родителей, выжили вместе из института в одно время и вдруг очутились среди света, огромного, великого, со страхом и робостью в душе. Они были умны; каким образом они сделались умны – никто не знал, может быть, это было внушено им от рождения как инстинкт, или, может быть, они умели извлечь крупицы опытности и здравого смысла из книг, которые им удалось читать, из которых не всякий умеет извлекать что-либо. Дело в том, что они задумались о своем существовании, и в то время, когда ветренная и малодушная бросается на свет без рассмотрения, как бабочка на свечу, они уже захотели сделать для себя план жизни и предначертать заранее для себя самих правила, в законах которых обращалась бы их жизнь. – Вещь совершенно необыкновенная в девицах осьмнадцатилетних [I, III, 418–419].

Этот фрагмент является «наброском нереализованной повести, над которой Гоголь, по-видимому, работал в 1839 г.» [I, III, 501]. Если так, то стилистически он однороден с другим, значительно более ранним фрагментом – «рудокопов» (1835), который остался нереализованным замыслом повести о «новом человеке» – капиталисте-предпринимателе. Зато «Девушки Чабловы» представляют стилистически разительный контраст с написанным в том же 1839 году автобиографическим наброском «Ночи на вилле», в котором Гоголь дал волю своему чувству к умирающему юноше И.М. Виль-

27. *Karlinsky S.* The sexual labyrinth of Nikolaj Gogol. – Cambridge; Massachussets, London. – 1976.

28. *Kolessa F.* Demonological Figures in Ukrainian Folklore // Ukraine. A Concise Encyclopedia. – University of Toronto Press, 1963. – P. 347.

29. *Mc. Lean H.* Gogol's retreat from love: Toward an interpretation of "Mirgorod" // American Contributions to the Fourth International Congress of Slavists. – Gravenhage, 1958. – P. 1-20.

30. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений: В 7 т. – Москва, 1976-1979. – Т. 2.

Семен Абрамович

Отрывок «Девицы Чабловы»: погибший эмбрион социально-психологического романа

Девушки Чабловы, дочери бедных родителей, выросли вместе из института в одно время и вдруг очутились среди света, огромного, великого, со страхом и робостью в душе. Они были умны; каким образом они сделались умны – никто не знал, может быть, это было внушено им от рождения как инстинкт, или, может быть, они умели извлечь крупицы опытности и здравого смысла из книг, которые им удалось читать, из которых не всякий умеет извлекать что-либо. Дело в том, что они задумались о своем существовании, и в то время, когда ветренная и малодушная бросается на свет без рассмотрения, как бабочка на свечу, они уже захотели сделать для себя план жизни и предначертать заранее для себя самих правила, в законах которых обращалась бы их жизнь. – Вещь совершенно необыкновенная в девицах осьмнадцатилетних [I, III, 418–419].

Этот фрагмент является «наброском нереализованной повести, над которой Гоголь, по-видимому, работал в 1839 г.» [I, III, 501]. Если так, то стилистически он однороден с другим, значительно более ранним фрагментом – «рудокопов» (1835), который остался нереализованным замыслом повести о «новом человеке» – капиталисте-предпринимателе. Зато «Девушки Чабловы» представляют стилистически разительный контраст с написанным в том же 1839 году автобиографическим наброском «Ночи на вилле», в котором Гоголь дал волю своему чувству к умирающему юноше И.М. Виль-

егорскому. В «Ночах на вилле» слились нераздельно гомосексуальный порыв, весьма небрежно замаскированный под карамзинский мотив «нежной дружбы» [2], и пресуществляющий чувственность мистический мотив Пасхальной жертвы, навеянный атмосферой Рима [3]: весьма характерная для Гоголя, всю жизнь раздирающая его сознание дихотомия. И если в «Ночах на вилле» покрывало литературного этикета скомкано – мы как бы слышим живой голос и прерывающееся дыхание реального автора, то «Девушки Чабловы», напротив, явственно возникли в русле крепнущей, общепринятой литературной установки на социально-психологический анализ. Гоголю, чтобы нравиться публике, нужно было продолжать линию «петербургских повестей». Достаточно массовый уже просвещенный читатель жаждал поучительного развлечения. Ведь следовать за пируэтами в эмпиреях залетевшего с Запада Пегаса, как во времена классицистов и романтиков, становилось скучновато. Чтение отечественных душевспасительных книг кануло в Лету: духовники-церковники были уже положительно нетерпимы. Узнавать же себя в изображенных известным автором фигурах, получать писательские оценки за свое поведение, ощущать себя частью литературы, а литературу – частью своего обывания, – становилось весьма увлекательно. Так сказать, и живешь себе своей обычной человеческой жизнью, и писатели о тебе пишут, тебя изучают: лестно! На это нацеливали и властители умов, прогрессивные критики, задававшие тон в толстых журналах (Гоголем, впрочем, не любимых).

Однако Гоголь с этой задачей – как бы походя – справился. Вскорости, с легкой руки Чернышевского, именно Гоголь будет оглашен главою направления, которое охранители традиций поносили как «разгребание грязи» и которое самому отцу-основателю явно окажется, так сказать, по щиколотку.

Гоголя, выпрэнно, но абсолютно искренне заявлявшего: не дело поэта мешаться в мирской рынок! – явно не вдохновляла особенно ни избранная в качестве объекта художественного изображения натура, ни, в конечном итоге, «растиньяковская» тема человека, который «сам себя сделал». Мне уже случилось писать о фрагменте «Рудокопов», в котором центром внимания стал подобный характер: замысел точно так же остался нереализованным, скучным для Гоголя; он вяло возродится в постных фигурах капиталистов из второго тома «Мертвых душ», совершенно честным путем наживающих миллионы [4]. Гоголь, воспитанный на бароч-

ной эстетике, стремился к высокой поэме, к монументальному и панорамному жанру, способному охватить диалектику земного и небесного, комического и трагического, страстей и спасения.

Кроме того, любому проницательному читателю очевидно, что если Гоголю случалось писать о Женщине (коли она не какая-нибудь Агафья Тихоновна), то непременно в итальянско-«брюлловском» ключе, весьма возвышенно, распространено и – увы – безнадежно неискренне и риторически. Положа руку на сердце, есть ли в самом деле плоть и кровь в гоголевской Аннуцианте? Право, в облике проститутки из «Невского проспекта», мимоходом попавшей в писательский окуляр, куда больше огня (адского, разумеется): «Женщина довольно недурной наружности встретила их со свечою в руке, но так странно и нагло посмотрела на Пискарева, что он опустил невольно свои глаза» [1, III, 22]. На пропасти между «идеалом Мадонны и идеалом Содомским» как раз и строится изображение трагедии Пискарева, увидевшего, по невинности своей, в уличной фее романтический идеал Женщины.

Кажется, трудно вообразить что-либо, менее вдохновлявшее писателя, чем процесс «выбивания в люди» двух неприметных институток. Словом, повесть положительно «не пошла».

Я бы рискнул заметить, что «Девы Чабловы» начаты как бы с некоторым отвращением, не говоря о том, что брошены на первом абзаце. И начаты «с чужого голоса». Отрывок насыщен отзвуками устаревших и на глазах устаревающих к исходу третьего десятилетия XIX века стилей.

«Девы Чабловы, дочери бедных родителей (сентименталистский штамп) [5] вышли вместе из института в одно время (романтическая ситуация двойничества) и вдруг очутились среди света, огромного, великого, со страхом и робостью в душе» [а это уже слог «новой», риторической проповеди, сформировавшейся в просвещенные времена Ф. Прокоповича и св. Димитрия Ростовского].

Далее следует более монолитный по стилю пассаж, но стиль этот заимствован из просветительского романа воспитания, с его культом разума и воли. Судя по всему, девы Чабловы должны были выжить «в огромном и великом свете», как Робинзон Крузо на своем острове, извлекая посредством разума несомненную пользу из всякого злака, произросшего на пути их:

«Они были умны; каким образом они сделались умны – никто не знал, может быть, это было внушено им от рождения как инстинкт, или, может быть, они умели извлечь крупинцы опытности и здравого смысла из книг, которые им удалось читать, из

которых не всякий умеет извлекать что-либо. Дело в том, что они задумались о своем существовании, и в то время, когда ветренная и малодушная бросается на свет без рассмотрения, как бабочка на свечу, они уже захотели сделать для себя план жизни и предначертать заранее для себя самих правила, в законах которых обращалась бы их жизнь. – Вещь совершенно необыкновенная в девицах осьмнадцатилетних».

На этом начатая вещь, как мы уже знаем, обрывается. Похоже, самому автору сделалось тошно.

Тем не менее, льва узнают по когтям. В «Девичах Чабловых» проблескивает нечто значительно более крупное, чем история преуспевших сестер-институток. Пусть Гоголь примеряет на себя роль поучающего и развлекающего говоруна, как примерял девичий кокошник, изумивший нечаянно вошедшего Аксакова: последний, помним, оробел и ушел: что-то уж слишком значительное было во всем облике и выражении лица юродствующего гостя. Не станем вот так сразу уходить.

Во-первых, не надо напоминать, что старый прием «говорящей фамилии» у Гоголя все еще эффективно работает. *Чабловы* же – фамилия явно не русская, скорее уж немецкая, судя по характерному суффиксу (ср. *Радлов*). В немецком же языке есть многозначное слово *Schabe* – таракан (существуют и добавочные значения: *скребок*; *чесотка*; ряд, откровенно говоря, семантически весьма выразительный). Но тогда – почему *Ш* заменилось на *Ч*? Хотя Гоголь, случалось, транскрибировал чужезычные звуки весьма непринужденно (скажем, англ. *cheorl* в «Альфреде» у него превратилось в *сеорл*), с немецким писателем был знаком неплохо. Видимо, озорная ассоциация героинь, пробивающих себе снизу дорогу в жизнь, с тараканами выглядела уж слишком издевательски, отчего и появилось невинное немецко-обрусевшее имя *Чабловы*.

Вместе с тем, в наброске о двух «таракашках» проступает известная необычность масштаба изображения. Она намечается уже в том, что жизнь должна будет пасть к ногам не Растиньяка и даже не Чичикова, а незащитных в начале своего житейского пути сестер. Как в сказке: побеждает слабейший. Гоголя должна была привлекать такая расстановка приоритетов: она отвечала духу Евангелия. Но роль «Мне отмщение, и Аз воздам» осталась чуждой писателю, всерьез культивирующему в своей душе христианское смирение. Видимо, ощутив себя перед перспективой воздать по заслугам умным и преуспевшим сестрам, Гоголь увидел в ситуации некую фальшь и несоответствие. Диккенс, пожалуй, не

смутился бы подобными вещами: его Дэвид Копперфилд и Оливер Твист, победно выплывшие из тьмы низких истин, несомненно, суть английские кузены девиц Чабловых, вполне заслужившие свое финальное преуспевание.

Наконец, отметим еще раз уже упомянутый мотив двойничества, который в романтической системе весьма часто маркировал скрытый эротизм и служил намеком на вещи, о которых говорить не было принято (кто тут должен был предстать: просто сестры? сестры-близнецы? [6]). Замкнутое пространство мира девиц Чабловых, противостоящих всему свету, должно было интриговать Гоголя: не так ли точно противопостоят «граду и миру» Автор и умирающий юноша Вильегорский в «Ночах на вилле»? Однако – «как прикажешь изобразить сии штуки?» (Чехов). И эту линию развернуть, по условиям тогдашних представлений о должном и возможном, нельзя было положительно никак.

Дух Гоголя рвался из тенет обыденности, пошрое житейское нравоучение тяготило его. Однако и развернуть во всей полноте свои понятия о мире и человеке ему было, по очевидным причинам, трудно.

Набросок «Девицы Чабловы» остается любопытным эскизом, позволяющим заглянуть в творческую лабораторию Гоголя и представить его духовную стесненность в рамках своего века еще более выпукло.

Примечания:

1. *Гоголь Н.В.* Собрание художественных произведений: В 5 томах. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 5. – 502 с.

2. Об этой стороне натуры Гоголя достаточно говорилось, в частности, в зарубежных исследованиях, и мы не находим нужным разворачивать здесь данную тему, в общем-то, уводящую скорее в сторону, нежели что-то особо существенное добавляющую.

3. *Михед П.В.* Рим у творчій свідомості Гоголя // Науковий вісник Чернівецького торговельно-економічного інституту КНТЕУ. Гуманітарні науки: Філологія. Вип. 2–3.– Чернівці: ЧТЕІ КНТЕУ, 2005. – С. 123-135.

4. *Абрамович С.* Фрагмент «Рудокопов»: попытка інтерпретації // VIII Гоголівські читання: Матеріали міжнародної наукової конференції (Полтава, 5-6 квітня 2006 р.). – Полтава: Вид-во Полтавськ. держпедуніверситету ім. В. Короленка, 2006.– С. 102-105.

5. Штамп у цьому, впрочем, суждено было плодоносить и у Достоевского, и у позднейших писателей; особенно же расцвел он,

согласимся, в советской литературе, с ее вниманием к социальному происхождению персонажа.

6. Как ни рискованно делать столь порочные предположения, отметим, что во второй половине XIX – начале XX веков инцест между братьями и сестрами становится весьма «звучащей» темой в русской культуре. Скажем, из обнародованных сегодня материалов недвусмысленно явствует, что величайший русский композитор XIX ст. растлил в юности всех своих единокровных братьев. Проза Брюсова, Кузмина и, особенно, Розанова часто отражает в этом отношении высвобождение импульсов, возможно, волновавших и Гоголя. Все это обусловлено строем городской культуры эпохи, впоследствии породившей фрейдизм.

Анатолий Кошелев

Гоголь и А.О. Смирнова: обстоятельство знакомства (по «Запискам А.О. Смирновой»)

«Записки А.О. Смирновой (из записных книжек 1826 –1845 гг.» – один из спорных мемуарных документов. Подложность их была вроде бы доказана после первого издания: автором этого документа была признана не известная мемуаристка, а ее дочь, О.Н. Смирнова. Однако в настоящее время интерес к ним возрос, подогретый, с одной стороны, уже двукратным изданием «Записок...» за последние пять лет [1], с другой – мнением некоторых исследователей, все-таки склонных воспринимать эти мемуары как частично достоверные, но подвергнутые позднейшим добавлениям [2].

Один из спорных вопросов, касающихся «Записок...», – вопрос об обстоятельствах знакомства Смирновой и Н.В. Гоголя.

А.О. Смирнова в своих воспоминаниях неоднократно признавалась, что не помнит, в каком году, где и как она познакомилась с Гоголем [3]. Предположительно их знакомство относят к лету 1831 года, когда они встречались в Царском Селе: тогда Гоголь подарил экземпляр только что вышедших «Вечеров на хуторе близ Диканьки» «Розетки с сентиментальной надписью» (см. в письме Гоголя к В.А. Жуковскому от 10 сентября 1831 г.) [4].

В «Записках А.О. Смирновой» подробно изложена история их знакомства: оно произошло в «два этапа»: сначала Александра Осиповна увидела Гоголя-учителя у Балабиных (Гоголь, как известно, учил одно время Марию Балабину, дочь генерала).

согласимся, в советской литературе, с ее вниманием к социальному происхождению персонажа.

6. Как ни рискованно делать столь порочные предположения, отметим, что во второй половине XIX – начале XX веков инцест между братьями и сестрами становится весьма «звучащей» темой в русской культуре. Скажем, из обнародованных сегодня материалов недвусмысленно явствует, что величайший русский композитор XIX ст. растлил в юности всех своих единокровных братьев. Проза Брюсова, Кузмина и, особенно, Розанова часто отражает в этом отношении высвобождение импульсов, возможно, волновавших и Гоголя. Все это обусловлено строем городской культуры эпохи, впоследствии породившей фрейдизм.

Анатолий Кошелев

Гоголь и А.О. Смирнова: обстоятельство знакомства (по «Запискам А.О. Смирновой»)

«Записки А.О. Смирновой (из записных книжек 1826 –1845 гг.» – один из спорных мемуарных документов. Подложность их была вроде бы доказана после первого издания: автором этого документа была признана не известная мемуаристка, а ее дочь, О.Н. Смирнова. Однако в настоящее время интерес к ним возрос, подогретый, с одной стороны, уже двукратным изданием «Записок...» за последние пять лет [1], с другой – мнением некоторых исследователей, все-таки склонных воспринимать эти мемуары как частично достоверные, но подвергнутые позднейшим добавлениям [2].

Один из спорных вопросов, касающихся «Записок...», – вопрос об обстоятельствах знакомства Смирновой и Н.В. Гоголя.

А.О. Смирнова в своих воспоминаниях неоднократно признавалась, что не помнит, в каком году, где и как она познакомилась с Гоголем [3]. Предположительно их знакомство относят к лету 1831 года, когда они встречались в Царском Селе: тогда Гоголь подарил экземпляр только что вышедших «Вечеров на хуторе близ Диканьки» «Розетки с сентиментальной надписью» (см. в письме Гоголя к В.А. Жуковскому от 10 сентября 1831 г.) [4].

В «Записках А.О. Смирновой» подробно изложена история их знакомства: оно произошло в «два этапа»: сначала Александра Осиповна увидела Гоголя-учителя у Балабиных (Гоголь, как известно, учил одно время Марию Балабину, дочь генерала).

А.О. Смирнова сразу же узнала в нем малоросса и заинтересовалась им: «Он, кажется, очень умен, но говорит мало, так как очень застенчив. <...> Я просила Плетнева привести мне когда-нибудь этого Гоголя-Яновского: я хочу его видеть <...> Он отказался прийти: он слишком робок. <...> Я непременно хочу видеть этого упрямого хохла, поговорить с ним об Украине, обо всем, что мне так дорого. Я просила Плетнева сказать ему, что я также хохлячка» [5].

Собственно знакомство состоялась несколько позже: «Наконец-то Сверчок и Бычок, мои два арзамасские зверя (имеются в виду Пушкин и Жуковский – А.К.), привели ко мне Гоголя-Яновского. Я была в восторге от того, что могла говорить о Малороссии, и он также оживился. Я всех их поразила, продекламировав малорусскую песню. Я уверена, что северное небо давит Гоголя, как свинцовая шапка; порой оно бывает такое тяжелое. Мы говорили обо всем, даже о галушках. Я рассказывала о том, какой страх внушала мне Гопка [6] своими рассказами о Вии. Пушкин говорил, что это вампир греков и южных славян. У нас, на севере, Вий не встречается в сказках» [7].

Пятью годами раньше выхода «Записок...» (впервые они были опубликованы в 1893-1894 году в журнале «Северный Вестник») история знакомства Смирновой и Гоголя стала известной: В.И. Шенрок, публиковавший их переписку, получил от Ольги Николаевны Смирновой (дочери Александры Осиповны, редактора «Записок...») помимо писем ее матери к Гоголю, еще и отрывок из ее дневника, где она записала разговор своей матери, Гоголя и И.С. Аксакова в Калуге в 1850 г.:

«Николай Васильевич. Я давал уроки одной барышне [8], прескучный урок: я не педагог... Моя бедная ученица зевала. Александра Осиповна пришла к нам с сестрой моей ученицы, заметила меня и тотчас узнала хохла. Мы близнецы великороссов, но видно, что на каждом хохле, как и на москвиче, особый отпечаток. Александра Осиповна тут же заметила, что небосклон Северной Пальмиры тяготит и гнетет хохла. <...> Она (А.О. Смирнова-Россет – А.К.) знала уже, что П.А. Плетнев меня (Н.В. Гоголя – А.К.) принимал дружелюбно и что В.А. Жуковский и А.С. Пушкин благоволили к хохлу. На другой день она приказала Плетневу доставить к ней хохла; это было им тотчас исполнено. Плетнев при Василии Андреевиче и Александре Сергеевиче передал мне приказание Александры Осиповны явиться к ней. Я закобенился, не хотел повиноваться; но тут Жуковский и Пушкин оба закричали на ме-

ня и сказали, что я глуп, и невежа, и грубиян, что все должны слушаться Александры Осиповны и что никто не смеет упираться, когда она приказывает. Побранив меня порядком, А.С. Пушкин, которому нельзя было отказать, и В.А. Жуковский схватили меня и повели во дворец к Александре Осиповне. Когда она увидела меня с моим конвоем, она сказала: «Наконец-таки пришли! Ведь и я хохлячка, и я помню Малороссию. Мне было всего семь лет, когда я уехала на север, на скучный север, а я все помню и хутора, и малороссийские леса, и малороссийское небо, и солнце. Поговорим о родном крае». Александра Осиповна прочитала мне малороссийские стихи. Тут я узнал, что мы уже давным-давно знакомы и почти друзья и что мы всегда будем друзьями.

<...> *Иван Сергеевич*. Неужели вы в самом деле забыли про это, Александра Осиповна? <...> неужели вы это забыли, Александра Осиповна; даже не записали! Покайтесь!

<...> *Александра Осиповна*. Записать-то я записала; я все записывала: разговоры с Пушкиным и Жуковским и другими, и теперь помню этот первый визит Николая Васильевича; но ведь это было так давно! Николай Васильевич, это было в Петербурге; мы уезжали в Царское; вы были потом у меня в Царском с Пушкиным. Этот день я помню. Была гроза – я боюсь грозы – и вы мне рассказали смешной анекдот малороссийский, старались меня развлечь и Пушкин читал стихи шутовские... Это я очень хорошо помню...» [9].

Беседа в Калуге, записанная О.Н. Смирновой, и отрывок из «Записок...» очень сходны между собой в подробностях. Однако уже сам Шенрок подверг сомнению предположение О.Н. Смирновой о том, что знакомство их состоялось в 1830 или даже в конце 1829 года, считая более правомерным относить его к лету 1831 года.

Статья Шенрока в некоторых местах опиралась на материалы невышедших к тому времени «Записок...». Основанием для более ранней датировки этого знакомства, по мнению О.Н. Смирновой, должно служить «окружение» этой записи в «Записках»: рассказ о путешествии Пушкина в Арзрум, о смерти Грибоедова, о чтении Гоголем в рукописи «Вечеров накануне Ивана Купалы».

Сведения о дневнике матери, сообщенные О.Н. Смирновой, позволили А. Черницкой в статье «К биографии Гоголя», вышедшей еще до «Записок А.О. Смирновой», соотнести это знакомство к началу 1830 года, ранее февраля, так как впервые повесть «Басав-

рюк, или вечер накануне Ивана Купала» была опубликована в февральском номере «Отечественных записок» 1830 года [10].

В 1893 году «Записки А.О. Смирновой» впервые были опубликованы в журнале «Северный Вестник». Нужно отметить, что, несмотря на сообщение О.Н. Смирновой о том, что Гоголь на раннем этапе своего знакомства с ее матерью читал «Вечера накануне Ивана Купала», это событие отсутствует в «Записках...». Исключение этого чтения «отодвинуло» дату их знакомства. В «Предисловии» к издаваемым запискам О.Н. Смирнова утверждает, что знакомство произошло в 1830 году.

Выход «Записок...» снова поставил вопрос о времени начала общения между Гоголем и А.О. Смирновой.

Так, В. Авенариус в своей заметке «Первое знакомство Гоголя с Пушкиным и А.О. Россет» полагает, основываясь на «Записки...», что «с Пушкиным Гоголь в первый раз встретился у Плетнева вечером (в среду, единственный вечер на неделе у Плетнева в течение 1830-1831 гг., когда он был свободен – *ред.*) 5 мая 1831 г., а с Россет в первый раз на уроке у Балабиных 6 мая и во второй – у самой Россет от 7-ми до 9-ти часов вечера 7-го мая» [11].

Откликаясь на эту статью, Ф. Витберг в статье «К вопросу о времени знакомства Гоголя с Пушкиными А.О. Россет» пишет, находя в тексте «Записок...» и в выдержке из дневника О.Н. Смирновой значительные хронологические неувязки: «По вопросу о времени знакомства Гоголя с Пушкиным г. Авенариус пришел к заключению, что оно произошло 5-го мая 1831 г. у Плетнева <...> На чем же такое мнение основано? На совершенно произвольном, никакими данными не оправдываемом вымысле [12].

Приводимый у Шенрока рассказ самого Гоголя о времени знакомства его со Смирновой, записанный «на память» ее дочерью в 1850 г., которым также пользуется Авенариус, тоже наполнен обычными в записках Смирновой хронологическими неточностями и противоречиями. Рассказав о первой своей мимолетной встрече со Смирновой на уроке у Балабиных (которая, очевидно, относится к 1830 г.) и еще до рассказа о том, как Пушкин и Жуковский привели его к Смирновой, Гоголь говорит: «Она знала уже, что П.А. Плетнев меня принимал дружелюбно и что В.А. Жуковский и А.С. Пушкин благоволили к хохлу». И оканчивает свой рассказ словами: «Вот так мы познакомились с Александрой Осиповной. Тогда мы все были помоложе, Пушкин еще не был женат, Александра Осиповна была фрейлиной, а я был учитель». <...> Из рассказа Гоголя выходит, во-первых, что он познакомился с Пушкиным

еще до женитьбы, тогда как это несомненно неправда [13]; во-вторых, что между знакомством его с Пушкиным и знакомством с А.О. Россет прошел некоторый промежуток времени, в течение которого он успел заслужить «благоволение» Пушкина» [14]. В.И. Шенрок и В. Авенариус ответили на эту статью, где авторы склонны считать, что первая встреча произошла в мае 1831 г., не опровергая, впрочем, хронологические неточности, обнаруженные Ф. Витбергом в тексте «Записок...» и отрывке из дневника О.Н. Смирновой [15].

Очевидно, что достоверность сообщения, изложенного в «Записках...» и ранее – в дневнике О.Н. Смирновой, сомнительна. Хотелось бы отметить также, что даже некоторые разночтения в тексте «Записок...» и дневника можно объяснить желанием Ольги Николаевны показать значимость для Гоголя его знакомства с А.О. Смирновой уже на раннем этапе его творчества. Ведь рассуждения Пушкина о Вии, вне всякого сомнения, не имеют под собой реальной основы. Гоголь указывает источник Вия в авторском примечании к своей повести: «Вий – есть колоссальное создание простонародного воображения. Таким именем называется у малороссиян начальник гномов, у которого веки на глазах идут до самой земли. Вся эта повесть есть народное предание. Я не хотел ни в чем изменить его и рассказываю почти в такой же простоте, как слышал» [16]. Однако в последних исследованиях признано, что в своем примечании Гоголь неправдив, Вий же – его художественный вымысел [17]. Отзыв Пушкина, таким образом, просто невозможен. Повесть Гоголя, как известно, начала создаваться только тремя годами позже. Вероятнее всего, по мысли О.Н. Смирновой, у Гоголя в результате этого разговора, спровоцированного ее матерью, должен был созреть новый замысел.

Вроде бы достоверность выписки из дневника О.Н. Смирновой и часть из «Записок...», повествующих о знакомстве Гоголя и А.О. Смирновой, была отвергнута окончательно еще в конце XIX века. Между тем, исследователи склонны использовать их в качестве источника, что, на наш взгляд, ошибочно [18].

Примечания

1. См.: Записки А.О. Смирновой, урожденной Россет, с 1825 по 1845 гг. – М., 1999; *Смирнова-Россет А.О.* Записки. Сост. О.Н. Смирнова. – М., 2003.
2. См., например: *Житомирская С.В.* А.О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие // *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. – М., 1989. – С. 579-631.

3. См., например: *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. – М., 1989. – С. 27, 34, 42. Только в одном из вариантов «Баденского романа» есть описание их первой встречи, произошедшей в Царском Селе в 1831 году (См.: *Смирнова-Россет А.О.* Указ. соч. – С. 488).
4. См.: *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений: В 9-ти тт. – Т. 9. – М., 1994. – С. 51.
5. *Смирнова А.О.* Записки. – М., 2003. – С. 52-53.
6. Няня, которая ходила за детьми Россет в Грамаклее, под надзором гувернантки-швейцарки Амалии Ивановны, при которой все они родились (*примечание О.Н. Смирновой*).
7. *Смирнова А.О.* Записки. – М., 2003. – С. 52-54.
8. М.П. Балабиной, впоследствии Вагнер (*прим. В. Шенрока*).
9. Русская Старина. – 1888. – №4. – С. 46-48.
10. *Черницкая А.* К биографии Гоголя. О дружбе его с А.О. Смирновой // Северный Вестник. 1890. – №1. – С. 191-221.
11. *Авенариус В.* Первое знакомство Гоголя с Пушкиным и А.О. Россет // Русская Старина. – 1897. – №2. – С. 331.
12. Замечу кстати, что г. Авенариус неверно рассчитал дни и числа <...>: 1 и 8-е мая 1831 г. приходились на пятницу, а 5-е во вторник (*прим. Ф. Витберга*).
13. Необходимо заметить, что П.В. Анненков со слов самого Гоголя сообщает о первой (неудачной) попытке Гоголя познакомиться с Пушкиным в Петербурге, «кажется, в 1829 году», то есть до женитьбы Пушкина, что, впрочем, не отвергает выводы Ф. Витберга (см.: *Анненков П.В.* Материалы для биографии Пушкина. – М., 1984. – С. 331-332).
14. Русская Старина. – 1897. – №6. – С. 612, 616
15. См.: Еще к вопросу о начале знакомства Гоголя с Пушкиным // Русская Старина. – 1897. – №8. – С. 441-447.
16. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений: В 9-ти тт. – Т. 2. – М., 1994. – С. 321.
17. См. подробнее: *Фомичев С.А.* Повесть Гоголя «Вий» (заметки комментатора) // Новые безделки. Сборник статей к 60-летию В.Э. Вацуру. – М., 1995-1996. – С. 441-446).
18. См., например: *Колосова Н.П.* Россети черноокая. – М., 2003. – С. 112-113 (с отнесением их знакомства к лету 1831 года, в Царском Селе).

Нина Крутикова

Слово Гоголя в украинике Бунина

(Очерк)

Вспоминая в романе «Жизнь Арсеньева» свои отроческие и юношеские годы, И. Бунин писал о том, как он впервые знакомился с Украиной, ее городами и селами, с народом, вошедшим в его сознание как носитель былой казацкой вольности, создатель удивительных дум и песен. Его привлекала оригинальность облика украинских селян, их «южная речь» и приветливость в общении.

Вспоминает Бунин и о том, что его раннее чтение было богатым и разнообразным: здесь и «Дон Кихот», и «Робинзон», и герои Вальтер Скотта, конечно, Пушкин, его стихи, поэмы и сказки. Пролог «Руслана и Людмилы («У Лукоморья дуб зеленый») поразил отрока новизной, загадочностью простых слов, ставших одной из его «высших радостей».

Не менее сильное впечатление произвели на него «Старо-светские помещики» и «Страшная месть». Гоголь однажды сказал, что у Пушкина каждое слово несет в себе «бездну пространства». Но такую же «бездну» несло в себе и каждое слово Гоголя.

Не забудет Бунин старинные дворянские поместья, их «ноющие дыри» и «прекрасный летний дождь», который «роскошно шумит по саду», и диких котов, «обитающих за садом, в лесу».

А «Страшная месть» открывала новые полуисторические, полуфантастические дни: тут и свадьба сына есаула Горобца «в конце Киева», куда приехал с ратного поля Данило Бурульбаш, тут была и его жена — прекрасная Катерина, неожиданно появился страшный колдун, привносящий обман и трагизм в праздничные события.

И открывался не бурный, а тихий белый Днепр, который, однако, при дуновении ветра «дергался, как волчья шерсть среди ночи».

Не забудет писатель сказать и о такой детали, как тихая беседа Катерины с мужем, когда на руках у нее ребенок — и она вытирает ему лицо платком, на котором вышиты красным шелком листья и ягоды («то самое, что я вижу, — замечает писатель, — помню и люблю всю жизнь»).

И все это, говорит Бунин, входило, по выражению Гоголя, в «его жизненный состав», вело к нравственно-философским суждениям, порождало «чувство священной законности возмездия, необходимость конечного торжества добра над злом», и что это чувство, как утверждал Гоголь, «есть несомненная жажда Бога, вера в него».

Постепенно усиливалось внимание Бунина не только к повестям Гоголя, но и к его письмам и записным книжкам.

«Дивлюсь, — пишет Бунин в романе, — как я мог тогда, в Каменке, разительнo точно видеть все эти картины? К одному я был холоден и забывчив, другие ловил со страстью, навсегда запоминая, закрепляя за собой, и чаще всего действовал при этом с удивительной верностью чутья и вкуса».

Конечно, правы критики, уверенные в том, что воспоминания о ранних годах, помещенные в романе «Жизнь Арсеньева», Бунин писал много лет спустя, перечитывая и дополняя их жизненным опытом. Но все же это не исключает удивительной памяти и зоркости взгляда ранних лет писателя. Не следует также приравнивать лирическое «Я» Бунина к «старинным фотографиям, поэтической документалистике» как это находим в обширной и в общем содержательной статье В. Базилевского, помещенной в книге «Зав'язь дум і вільний лет пера».

Украина постепенно становится знакомой и привлекательной для Бунина. Вслед за старшим братом Георгием (Юлием) он начинает работать в «Орловском вестнике», занимаясь редакционной работой и журналистской деятельностью. Здесь, отчасти под влиянием «поднадзорного» Юлия, он оказывается в кругу народнической интеллигенции. Затем переезжает в Полтаву, где тот же Юлий ведает земской управой, и принимает участие в редакции местных изданий, а впоследствии становится ненадолго земским библиотекарем. В эти дни печатает свои жизненные наблюдения, а порой и стихи.

Начиная с 1891 года, Бунин посещает памятник — вечное пристанище Тараса Шевченко в Каневе. По дороге к нему нередко оставляет поезд, много идет пешком, знакомясь с украинскими селами, с казаками-«бродниками», кобзарями и лирниками. Описанию памятника великого народного поэта посвящает статью («Казацким ходом»). В результате записи сказаний одного из «лирников» явился его чудесный рассказ-песня под названием «Лирник Родион». Некоторые записи произведения как бы предвворяют будущий роман Бунина.

«Я в те дни, — писал он, — был влюблен в Малороссию, в ее села и степи, жадно искал сближения с ее народом, жадно слушал песни — душу его... Бог благословил меня слышать многих из этих странников, вся жизнь которых была мечтой и песней, душе которых еще — были близки и дни Богдана, и дни Сечи, и даже те

дни, за которыми проступала сказочная древнекарпатская синь Карпатских высот». Это восприятие Украины, ее степей, давней истории вошло спустя годы в роман «Записки Арсеньева».

Надолго запечатлелся и образ «лирника» Родиона, слепого, одинокого, но обладающего талантом и немалым репертуаром: «он пел и «псалмы», и про Нечаевскую божью мать, про Киев и Софиевский собор, про долю девочки-сиротки, привлекавшей особое внимание женской аудитории».

И сложные думы, и впечатления дорог к пристанищу великого поэта Шевченко как бы вливались впоследствии в широкую рамку романа Бунина («Жизнь Арсеньева»).

Можно сказать, что самыми важными «проводниками» по Украине для него были Гоголь и Шевченко.

Дальнейший жизненный путь писателя его биографы называли «полтавским периодом». Полтава тогдашняя, как ее описывали приезжие, утопала в густых садах, необыкновенно высоких тополях, с гетманским собором на обрыве. А главное для Бунина заключалось в том, что в этих краях учился Гоголь, здесь был весь окрестный край его: Миргород, Яновщина, Шишаки, Яреськи... Любуясь весной, Арсеньев и Лика вспоминали гоголевские слова: «Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!».

В эти дни далеким и холодным им казался Петербург. Бунин вспоминал при этом памятные письма Гоголя, в частности, его письмо из Италии В.А. Жуковскому: «Петербург, снега, подлецы, департамент, театр — все это мне снилось: я проснулся опять на родине» [1]. И уже от себя Бунин добавляет: «Вот и я также проснулся тут. Не могу спокойно слышать слов: Чигирин, Черкасы, Хорол, Лубны, Чертомлык, Дикое Поле — не могу без волнения видеть очеретяных крыш, стриженных мужских голов, баб в желтых и красных сапогах... даже лыковых кошелок, в которых они носят на коромыслах вишни и сливы... Чайка скиглить літаючи, мов за дітьми плаче, сонце гріє, вітер віє на степу козачім... * Прекраснее Малороссии нет страны в мире».

Следует заметить, что не только гоголевские повести и письма привлекали И. Бунина. В увлечении он порой восклицает: «Лучше всего у Гоголя его «Записная книжка». И в подтверждение цити-

* «Это Шевченко — совершенно гениальный поэт!»

рует несколько гоголевских, действительно прекрасных и многообещающих записей 1846–1851 гг.

Одна из них: «Степная чайка с хохлом в виде скобки поднимается с дороги... Рубеж во всю дорогу, зеленый, с растущими на нем бродягами, и ничего за ним, кроме безграничной равнины. Подсолнечники над плетнями и рвами, и соломенный навес чисто вымазанной хаты, и миловидное, красным ободком окруженное окошко. Ты древний корень Руси, где сердечней чувство и нежней славянская природа!»

Как бы вслед за Гоголем, Бунин записывает собственные впечатления для будущих произведений («...серое от зноя небо, ястреба и сивоворонки...»). И после проезда через Шишаки вновь вспоминает отрывок из гоголевской записной книжки: «И вдруг среди ровной дороги — обрыв в глубину и вниз, а в глубине леса, а за лесами леса, за близкими зелеными... — отдаленные синие, за ними полоса песков серебряно-соломенного цвета... Над стремниной и кручей махала крыльями скрипучая ветряная мельница...» Красочность, живое ощущение природы и свободы восприятия ее — в этом отрывке привлекла особое внимание Бунина...

Свойственна Бунину (он порой ощущает себя свободным казаком-«бродником») и прекрасная украинская историческая песня. Она не просто приводится в тексте, а, как и у Гоголя, входит в самое существо повествования, становится живущей, близкой и неожиданно внезапной. Так подобная песня сперва «долго и грустно» повествует обстановку («Ой на горі та женці жнуть»), а потом крепнет и звучит волью, отвагой, воинским ладом.

Сперва казаков ведет «славный Дорошенко», а потом Сагайдачный, что «проміняв жінку на тютюн та люлька, необачний». Сперва песня удивляется столь странному человеку... Но вслед за тем «била в литавры, с особенной радостной свободой»:

Мені з жінкою
Не возиться,
А тютюн та люлька
Козаку в дорозі
Знадобиться.

Не от Гоголя ли восприняты и историческая песня и дума, неотъемлемые от повествования?

Правда, Бунин считал, что историческая Украина — бесценная и высокая, уже ушла в прошлое и не может возродиться. Но не будем упрекать Бунина, который так много и верно воссоздавал

былое украинского народа. Ныне дорога украинского народа — в будущее.

Трудно перечислить все города, которые посещал И. Бунин. Кроме вышеназванных — это Киев, Херсон, Харьков, Николаев... Из каждого постепенно все более открывалась ему Украина... «Страна же эта, — пишет Бунин, — грезилась мне необозримыми весенними просторами всей той южной Руси, которая все больше и больше пленяла мое воображение и древностью своей, и современностью. В современности был великий и богатый край: красота его нив и степей, хуторов и сел, Днепра и Киева, народа сильного и нежного, в каждой мелочи быта своего — красивого и опрятного, наследника славянства подлинного...» И далее «Слово о полку Игореве» во всех его богатых и высоких выражениях. Слово это, писал Бунин, «сводило меня с ума».

Нельзя не упомянуть и об Одессе, где Бунин встречался с южнорусскими художниками и журналистами. Многолетняя дружба, почти братские отношения установились у него с талантливым художником Нилусом, воплощавшим в искусстве красочность и тончайшие оттенки природного мира. Привлекала Бунина и исключительная музыкальность Нилуса. Все это находило отклик в эстетических поисках самого Бунина.

Бунин активно интересовался и украинским театром. В конце каждого года происходили съезды земских гласных по всей губернии. Затем наступали праздничные концерты. Об одном из них пишет Бунин: «Празднично прошла для нас и зима, были гастроли малорусского театра с Заньковецкой и Саксаганским, концерты столичных знаменитостей Чернова, Яковлева, Мравиной».

Особенное впечатление произвела на него игра Заньковецкой. Об этом свидетельствует его письмо к брату Георгию, где он восклицает: «Ну, брат, Заньковецкая! Три раза плакал от нее» [2].

Таким образом, «полтавский период» оказал многостороннее воздействие на представления писателя об Украине, увлеченного ее «думами», вольными песнями, богатством фольклора, творчеством украинских художников слова и театра. «Записки Арсеньева» — завершение прозы Бунина, ее пути от рассказов к оригинальному, неповторимому роману.

Примечания:

1. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. — М., 1932. — Т. XI. — С. 11.
2. Литературный Смоленск. — 1956. — С. 290.

Ганна Улюра

Гоголівський текст в
російській жіночій літературі 1990-х років

*А так как мне бумаги не хватило
Я на твоём пишу черновике.
И вот чужое слово проступает
И, как снежинка на моей руке,
Доверчиво и без упрёка тает.
Анна Ахматова. Поэма без героя*

Фукианську метафору бібліотеки щодо жіночого авторства вельми показово розгорнула французька філософка феміністської орієнтації Гелен Сіксу: “Спочатку треба викрасти ключа від бібліотеки. Читання – це провокація, виклик... Читати – це поїдати заборонений плід, любити забороненим коханням, змінювати епохи, змінювати родини, змінювати долі” [1] означивши єдино можливі (а радше: єдино успішні) механізми виходу жінки-інтелектуалки у публічну сферу андроцентричної культури. А саме привласнення “чужого” культурного досвіду як його, досвіду, адаптація. Втім, викрадений ключ від бібліотеки світової класики не позбавляє сили (якщо не подвоює) блумівський страх впливу щодо тої, котра пише. Очевидно, що всі значущі художні одиниці тексту запозичуються зі сформованого “чужого” художнього контексту. Саме про це знамените висловлювання Юлії Кристевеї “всьяке слово є таким перетином слів, де можна прочитати щонайменш іще одне слово” [2], суголосне бартівському твердженню, що “текст зітканий з цитат, які відсилають до тисячі культурних джерел” [3]. У процесі творення тексту, таким чином, поєднуються дві протилежні тенденції – своєрідне відкидання і водночас всотування “чужого”, – завдяки яким запозичені одиниці набувають оригінального статусу за рахунок потрапляння в особистісно-сміслову поле автора/авторки і є фундаментом нового художнього цілого. Очікувано, що інтертекстуальна складова жіночого тексту базується на тому явищі, котре феміністська критика позначає формулою “жінки переписують міфи” [4], акцентуючи жіноче сприйняття узагальненого масиву творів. Прийнято вважати, що “чоловічий по-

гляд” відзначає у людини її дії і їхній наслідок, а “жіночий” є орієнтованим на те, що могло (чи мало) здійснитися, але потенціал дії не був використаним чи не був реалізованим повною мірою. Означений підхід сягає русоїстської концепції дихотомії змісту і вираження, в межах якої особливого значення набуває категорії “поетичної мови” як мови “материнської”. Принаймні, якщо виходити з теорії “поетичної мови” Юлії Кристєвої [5] (скерованої, зокрема, на перегляд описаної Жаком Лаканом “фази дзеркала”). Усвідомлення себе в якості суб’єкта, за словами Кристєвої, починається з символічного рівня виробництва мови як ритмічних пульсацій материнської стадії хора [6] у вигляді мовних нісенітниць, тавтологій, замовчувань тощо. Цей мовний простір – поетична мова як практика материнського бажання – не відбито (і не може бути відбито) з позицій традиційної лінгвістичної теорії. Таким чином, жінка, що пише, опиняється у ситуації, коли номінативні і граматичні структури єдиної мови, яку вона має у своєму розпорядженні, не відповідають її авторському замислу і смислу, котрий вона вкладає у текст. Мова більш ніж будь-яка структура патріархатної культури віддзеркалює (і формує) її фалогоцентричність. “Не має такого почуття, яке не можна передати словами, – пише російська письменниця Валерія Нарбікова (відома своїми лінгвістичними експериментами у прозі), – але бракує таких слів, які спроможні передати почуття” [7]. На подолання “батьківської” мови, тобто власне на деконструкцію певного культурного коду формально скеровані жіночі літературні практики. За таким умов вельми цікавою стає проблема “чужого слова” (за М. Бахтіним), “чоловічого” матеріалу для інтертекстуальної основи конкретного жіночого твору. Отже, у цій розвідці йтиметься, зокрема, про взаємодію “жіночої альтернативи” з каноном і канон (в безперечній для нього “особі” гоголівської прози) нас цікавитиме переважно в якості норми як тла для інновацій.

Наприкінці 1980-х років російська драматургиня Ніна Садур створює п’єсу в двох діях “Панночка. За мотивами повісті М.В.Гоголя “Вій” (на початку 90-х цей твір було вперше інсценоване московською театральною студією “Людина”). Сюжетна лінія “Панночки” по відношенню до “Вія” є зміщеною у бік історії юної відьми (про це зокрема свідчить уже назва твору). Акцентуємо найочевидніші фабульні зміни. По-перше, всі події Садурової “Панночки” відбуваються виключно на хуторі сотника: мотив мандрів тут нівельоване, гоголівські герої зсампочатку “заключені” у гер-

метичне середовище, в якому сакральній/інфернальній церкві протистоїть простір профанного панського подвір'я. По-друге, на тлі акцентованого жіночого начала “закритого” простору хутора відбувається функціональний перегляд культурного чоловічого: варто відзначити “зникнення” у п'єсі Садур постаті сотника, функції якого перебирає на себе “нечленована” маса козаків (тотожні гоголівським козакам Спирид, Дорош та Явтух), свідомо позбавлених індивідуальних рис. Численні покрикування “мовчи, баба” (вони є очевидно алюзивними по відношенню до “Тараса Бульби” і тяжіють до перетворення всього гоголівського “малоруського” тексту на єдиний прецедентний текст) за таких умов набувають пародійного характеру. Зняття теми авторитарного маскулітного (як патріархатного) ставить під питання саму ідею чоловічого як домінуючого. По-третє, Філософ знає про відьму-Панночку ще до зустрічі з нею, він готовий до цього “контакту” і приймає свою долю. Сюжетно на цьому рівні оповіді варто відзначити зокрема історії про псаря Микитку і Шепчиху, котрі у “Вії” Гоголя правлять за вставні новели, а у “Панночці” приписуються хutorянській відьмі Панночці і передують її появі у п'єсі. Філософ Садур, на відміну від Хоми Брута Гоголя, знаходиться у ситуації усвідомлення себе і свого вчинку, перебирає на себе відповідальність за свої дії і, зрештою, відповідальність за “все суще”. Наразі зв'язок Панночки і Філософа (він не має у п'єсі Садур іншого імені) презентується авторкою як сильне тяжіння двох полярних істот (котре не може завершитися нічим іншим як смертю обох героїв), які не мають можливості ані керувати своїм коханням, ані підкоритися йому. Натомість виправданим здається те, що Філософ гине не від рук нечистої сили, направленої Вієм, а свідомо обирає смерть від рук відьми: *“Панночка. Подивись на мене. Філософ. Ні! І тут же подививсь. У ту ж мить Панночка стрибнула до нього і впила. Але й сама “обрізалася” об “заслон”. (Як б'ється скло). Так вони обидва і стоять, зчепившись якусь мить, потім повільно осідають донизу і падають на низ вибалки, дошки, образи, вся струхлявила, збезчещена церква”* [8]. Безумовним для “Панночки” як жіночого тексту видається акцентуація образу відьми як міфологеми значущої для сприйняття суб'єктного жіночого як Іншого. Співвідношення креативного жіночого начала з даром Відьми (тої, що знає) – топос Великої літератури, що його одним з перших взяли на озброєння авторки [9], обернувши на свою користь описаний Карен Хорні первісний страх перед жіночим [10]. Тут варто звер-

нути увагу на “подвоєння” у п’єсі Садур Панночки Хвеською. Побічний безіменний персонаж гоголівської повісті стає у п’єсі Садур третьою головною особою. Саме вона наразі спонукає “чоловічу масу” “Панночки” до міркування про інфернальне єство жінки: “*Явтух*. Баба відьма. Тому що не може козак, якщо він справжній козак, а не кнур поганий, не може він насмішку від баби стерпіти (...). *Явтух*. І хвіст у неї є. У всякої баби є хвостик. А у цієї і поготів є хвіст. Такий закон природи (...). *Явтух*. Всі баби відьми. *Дорош*. Явтух добре сказав” [11]. Для козаків Хвеська і Панночка – єдині у своїй над/не-людській сутності. Втім, саме Хвеська відмежовує своє “жіноче відання” від “жіночого страждання” Панночки, і лінією розділу слугує поняття гріха: “*Хвеська*. Грішно православній людині про мерців думати серед білого дня! Ви чи живете з людьми, чи с мерцями своїми катуєтесь” [12]. Тут варто звернути і на те, що повернення Філософа до світу живих після першої ночі з Панночкою відбувається саме завдяки сакральній жіночності Хвески (на протигагу інфернальної жіночності відьми).

Звернемо увагу ще на один аспект “подвоєння” у п’єсі Садур. Художній світ “Панночки”, як і художній світ “Вія”, – підкреслено бінарний: є зло і добро, інфернальне і сакральне, доля і випадок, приреченість і свобода вибору, раціональне і чудесне. Останнє, напевне, найважливіше для Садур, бо саме ця пара відбиває опозицію Бог-Диявол, покладену в основу дуального членування світу “Панночки”. Так, “Нічний сюжет” (так називається одна з картин п’єси) розбиває художній простір твору на полюси живих людей і мерців, які поєднує образ Філософа. Відкриємо дужки: у тесті цей момент отримує напрочуд вдале сценічне втілення: Філософ починає свій танок, “*світло зникає. Філософ танцює у темряві, танцює довго у повній темряві, тільки тупіт його ніг і дихання. Поки не висвітлюється порожній морок, танцюючий Філософ і Панночка, що стоїть перед ним*” [13]. У такий спосіб активується ідея двох світів, бінарного світосприйняття (мотив, тотожний гоголівському авантексту), натомість під питанням залишається ієрархічність елементів опозиції. “*Свирид*. А що, якщо таємниці немає, і чудес немає, то і відьм немає!” [14] – це певним чином озвучений лейтмотив п’єси. Як відомо з концепції Жака Дерида, будь-яка бінарна опозиція ієрархічна за визначенням. Тобто йдеться про певну “силову ієрархію”, в якій один компонент завжди виступає у ролі репресивного. Обертання опозиції за таких умов не

знімає проблем символічного порядку, але саме обертання є єдиним шляхом подолання, і суто така інверсія виступає передумовою руйнації опозиції зсередини [15]. Філософ бореться з Панночкою як втіленням зла (остання картина п'єси так і називається “Боротьба”), але водночас з тим він намагається довести “живим людям” право бути серед них (для цього Філософ, до прикладу, міряється силою зі Спиридом). Зло і добро, гріх і спокута, жіночність і маскуліність, щільно розподілені Садур між образами Філософа і Панночки, протягом дії змінюють своїх “власників” (варто звернути хоча б на довгий монолог Філософа про його маленьку не-чоловічу ніжку і те, що після другої ночі вже сам Філософ, а не мертва Панночка, “тягне душу” з козаків) і зрештою втрачають своє сенсові навантаження.

Отже, фактично не змінюючи фабульну організацію класичного гоголівському сюжету (а ті сюжетні “відхилення”, котрі мають місце – для Садур принципів, отже обґрунтовані) і застосовуючи численні інтертекстуальні моменти, драматургиня переводить проблематику “Панночки” у галузь так званої міфології жіночності. І в цьому сенсі твір Садур – очевидно, парафрастичний, якщо йдеться про певний рівень фіксованих об'єктних стосунків, що має на меті більш-менш чітке розрізнення ступенів “відчуження” (за Шкловським). Тобто “чужий” текст сприймається автором як об'єкт, що використовується для вираження певного “свого” замислу. Спираючись на композиційну і сюжетну організацію та систему персонажів гоголівського “Вія”, Садур творить свій художній світ зміщення бінарних опозицій, абсурдності світобудови і самопізнання.

Очевидніше, прозоріше “пристосування” чужого тексту відбувається на рівні сприйняття авантексту в якості певної цитати (йдеться про спрощену модифікацію тих процесів парафразу, що ми їх описали в розмові про “Панночку”). Як це робить, до прикладу, та ж сама Ніна Садур у “фантастичній драмі в двох діях” (авторське визначення) “Брат Чічиков”. Аферу з мертвими душами Чічикову підказує гоголівська (садурівська?) Панночка, котра і супроводжує героя аж до фіналу п'єси. Саме відьма, скажімо, переносить героя з італійського містечка на простори Росії. Чічиков у сучасному сприйнятті натомість виявляється тотожним Гоголю, чий образ міцно прив'язаний у масовій свідомості до теми італійських подорожей. Окремої розмови потребує маркування Риму Ніни Садур в якості ідеального міста, протиставленого хаосу Русі як пародії до відповідного мотиву прози Гоголя. Не в останню чергу

через подібне парафрастичне спрощення побудований на матеріалі “Мертвих душ” “Брат Чічков” отримав здебільшого однозначно несхвальну критику (тим більше від консервативної преси): “Чи то п’еса, чи то фантазія (...). П’есою назвати це важко за умов відсутності вдатної історії і композиції, а переписувати і плондрувати велике творіння М.В. Гоголя – фантазії багато не потрібно” [16].

Інші принципи модифікації канонічного тексту на шляху творення жіночого письма пропонує повість Марії Рибаківної “Натхнення”, яка буквально вийшла з “Шинелі” Миколи Гоголя. Йдеться тут про відбиття певних суб’єктивних недиференційованих стосунків, в котрих цінність становить не “чужий” текст як такий, а його надтекстуальна складова (тобто та частина тексту, що будується безпосередньо на рецепції), яка є присутньою у свідомості автора і виконує функції формуючого начала “свого” тексту. Класична традиція (вірніше: формально її сторона) за постмодерністського трактування – як при стилізації, так і пародії – відтворюється досить точно. Надзавданням постмодерністської за суттю повісті Рибаківної є деконструкція активно експлуатованого російською літературою міфу про “маленьку людину”. Відстежити механізми деміфологізації, що на їхній репрезентації будується “Натхнення”, стає можливим у контексті численних алюзій і ремінісценції, які відсилають “читача другого рівня” (за термінологією У. Еко) до гоголівського першотексту. Кожній появі головного героя “Натхнення” акомпанує згадка його повного імені – Іван Аркадійович, часто у супроводі й прізвища – Слоник; такий спосіб номінації стає нарочитим і свідомо акцентованим авторкою на тлі так і залишених без імені інших персонажів повісті і, зокрема, головної героїні, ім’я якої – Валерія Гіль – означається лише в фіналі оповіді. Разом з часто використаними в тексті “покійною матінкою” та “матінкою-покійницею” – формами явно архаїчним для сучасної мови повісті – це утворює певний ключ для дешифрації твору і є прямою вказівкою на стилізацію в якості провідного прийому повісті. Іван Аркадійович і його покійна матінка – безумовні двійники Акакія Акакійовича і його матінки-покійниці у вступних частинах обох повістей. Так, і прилипла до вихідного костюму Слоника кульбабка мусить нагадати про те, що у Башмачкіна “завжди щось та й прилипало до його віцмундиру: то сіңця шматочок, то якась ниточка” [17]. Та й працюють обидва вони зі словом, але куди більш прогресивний Івана Аркадійович “доріс” до мовознавця, співробітника НДІ, хоча все ще “розділяє маленький кабінетик з іншими мовознавцями” і “через день ходить на

службу”. Втім, як і його гоголівський попередник, “служить він із любов’ю” [18]. Натомість *idee fix* у Слоника вже еротичного кшталту: у ролі об’єкта бажання, замінивши в цьому нову шинель, виступає дівчина “у білому вінчальному платті нареченої”, а разом із нею і “великий пухнастий кіт на комоді” [19] і багато дітей, яким можна вигадувати імена. Цікаво, що, описуючи зовнішність героя, Рибаківа, наслідуючи Гоголя, використовує виключно короткі прикметники (котрі слугують для означення обмежених у часі чи виражених неповної мірою рис), прагнучі підкреслити невиразність, щоденщину, “масовість” свого персонажа. Так, у Гоголя (тут ми збережемо мову оригіналу): “Низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат” [20]. І у Рибаківої: “Он был невысок, полноват, слегка лысоват и бородат” [21]. Втім, власне пародійна (а не лише пародійна) спрямованість “Натхнення” є мотивацією, покладеною в основу переспіву гоголівської історії петербурзького переписувача. Звідси і таке негуманне (в принципі притаманне сучасній словесності) ставлення авторки, що відверто глумиться над своєю “маленькою людиною”. Не випадково і єдину можливість так би мовити потенційного катарсису для свого героя письменниці перетворює на ситуацію чистих амбіцій і підвищення статусу за будь-яких умов. На повідомлення про загибель Валерії її горькоханець реагує пафосним “недоладним” [22] (оцінка оповідувачки тут однозначна) монологом, не згаючи можливості покрасуватися на очах здивованої публіки: “Ви знаете, ми были знакомі! – схвильовано заговорив він. Господарі були нажахані і не розуміли, про що він. – Я знав Валерію Гіль. Ми зустрічалися... кілька разів. Я, на жаль, ніколи не читав її книжок. Але людиною вона була надзвичайною! Казковою. Невимовної чистоти людиною. Вона була, знаете, надто прекрасна – щоб жити” [23]. Сцена пропонованого особистісного становлення перетворюється на невдалу спробу соціалізації (зауважимо: співрозмовники Слоника не розуміють, про що йдеться), остаточно закріплюючи за жіночим персонажем інструментальні об’єктні функції. Показово: основний пафос “Натхнення”, як і основна його ідея, полягає у недопустимості об’єктивації людської особистості. Наочною ілюстрацією тут є негативно маркований наратором вчинок письменниці Гіль, що використовує романтичні стосунки із Слоницом як матеріал для нової книжки. Втім, співвідноситься цей пафос лише з образом Івана Аркадійовича та – можливо – образом оповідачки. У такий спосіб вмотивована тотожна інтродукція повістей Рибаківої і Гіль (“Іван Аркадійович

Слоник прокинувся від гучного дзвінка будильника” [24], котра включає, безумовно, елемент постмодерністської гри. Звідси так і не усвідомлена Іваном Аркадійовичем власна роль. У фіналі повісті Слоніку, який прогулюється повз Фонтанний дім, де вони нещодавно обговорювали з Валерією вірш Ахматової “Мне ни к чему одические рати”, в якому молода амбітна авторка добачила виправдання для поетичної вседозволеності (“Поет дивиться туди, куди добра людина глянути погребує” [25]), “здавалося, він от-от щось збагне; але це щось лякало його, як темна вода, котра плескалась у гранітному каналі” [26]. Ахматівський вірш з циклу “Темниці ремесла” в якості псевдо-катарсичного означувального – вибір, звісно, не випадковий. Очевидно значущим виявляється тут контраст “високого” зачину поетичного твору і “зниженого” мотивування творчості як такої (“когда б вы знали, из какого сора растут стихи”). На цьому рівні рибаківської повісті зі всією наочністю постає не лише інтеракція з гоголівським авантестом і полеміка з ахматівськими роздумами, але й пряма вказівка на ейхенбаумову трактовку “Шинелі” [27], ба більше: діалог з російсько-формалістською концепцією креативності. Маємо, зокрема, нівелювання історичного, соціального, психологічного компонентів художнього твору і виділення феномену чистої літературності. Подібна чиста літературність в ілюстративній інтерпретації Марії Рибаківської обертається відсутністю контекстуальних значень: текст перетворюється на суму значень очистки його від значень. Звідси і ситуація хибного катарсису як хибного впізнання в новітній модифікації гоголівської “бідної історії”.

Інтерес до гоголівської спадщини, гоголівського міфу у сучасних російськомовних авторів очевидний (у популярності з ним, певно, можуть зрівнятися лише Пушкін і Чехов [28] і очевидно мотивований. Ситуація пограничного стану (і щодо людської психіки, і щодо концепції багатьох світів), яка характерна для художнього світосприйняття Гоголя, виявляється у сучасній культурі пристосованою, як ніяка інша, для втілення постмодерністської ідеї (в аспектах карнавалізації, безпартисності, принципу нон-селекції, історичного трактування матеріалу, ігрового начала etc). У пошуках “своєї мови” російськомовна жіноча література пострадянського часу охоче звертається до (ре)інтерпретацій гоголівського тексту ще й тому, що бінарна природа художнього світу Гоголя вміщує у собі потенціал інверсії, завдяки якому і відбувається новітнє протистояння авторів-жінок “батьківській” мові канонічної літератури.

Примітки:

1. Cixous H. Three Steps on the Ladder of Writing. – New York: Columbia Press, 1993. – P. 33. Пор.: “Не можна чекати, що жіноче бажання говоритиме тією ж мовою, що й чоловіче; поза сумнівом, жіноче бажання поховане під тією логікою, що домінує на Заході з часів греків” (Иригарэ Л. Пол, который не единичен // Введение в гендерные исследования: В 3-х ч. – Ч. 2.: Хрестоматия. – Харьков-СПб.: Алетейя, 2001. – С. 129).
2. Цит. за: Косиков Г.К. Идеология. Коннотация. Текст (По поводу книги Р.Барта S/Z)// Барт Р. S/Z. – М., 1994. – С. 290.
3. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 388.
4. См.: Перкисс Д. Женщины переписывают мифы // Женщины в легендах и мифах/ Под ред. К. Ларрингтон. – М., 1998. – С. 566-582.
5. Kristeva J. Stabat Mater // The Kristeva Reader. – NY., 1986. – P. 160–186.
6. Хора, відповідно до концепції поетичної мови Кристевої, – це певний семіотичний ритм; самий поверховий несвідомий рівень діяльності лібідо, пороговий стан переходу несвідомого у свідоме. Аналогічним поняттям в концепції Лакана є “реальне”. Втім, Кристева на відміну від Лакану, а матеріалізує хору у “ерогенному тілі” матері і дитини (згодом), чим і визначає процес суб’єктивації.
7. Нарбикова В. Около эколо... // Новые амазонки. – М., 1991. – С. 188.
8. Садур Н. Чудная баба. – М., 1989. – С. 296.
9. Див: Джонг Э. Ведьмы // Иностранная литература. – 1992. – № 3. – С. 187-215.
10. Хорни К. Психология женщины. – М., 2003.
11. Садур Н. Чудная баба. – С. 228, 230.
12. Там само. – С. 269.
13. Там само. – С. 273.
14. Там само. – С. 232.
15. Див.: Derrida J. Positions. – London – New York, 2002.
16. Сторчак В. Театральная некрофилия // Правое сопротивление. – 2000. – №3 (5).
17. Гоголь Н.В. Повести. Пьесы. Мертвые души. – М., 1975. – С. 119.
18. Рыбакова М. Тайна. – Екатеринбург, 2001. – С. 95, 102.
19. Там само. – С. 102, 98.
20. Гоголь Н.В. Повести. – С. 117.

21. Рыбакова М. Тайна. – С. 96.
22. Там само. – С. 118.
23. Там само.
24. Там само. – С. 95.
25. Там само. – С. 110.
26. Там само. – С. 118.
27. Эйхенбаум Б. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б. О прозе. О поэзии. – Л., 1986. – С. 45-63.
28. “Для нас Пушкін був Ісусом Христом, йому поклонялися. Мадонною у нас був Чехов, до речі. М’який, милосердний доктор” (Петрушевская Л. Девятый том. – М., 2003. – С. 295). “Місце” Гоголя у цій метафорі – інфернальність, демонічність.

Павло Михед

**Микола Гоголь і Велика польська еміграція
(проблеми вивчення)***

Дещо дивна ситуація склалася в гоголезнавстві у вивченні тем «Гоголь і Польща», «Гоголь і польська література». Інакше важко кваліфікувати такий стан речей, при якому документована величезна кількість фактів, – особисті знайомства Гоголя з художньою і духовною елітою Польщі, лектура польських авторів, нарешті, зображення поляків в його творах, відвідини Польщі, але при цьому відсутність скільки-небудь ґрунтовних досліджень в Росії, Польщі або в Україні, які ставили б своїм завданням системне осмислення цього масштабного питання літературознавства і навіть більш того – гуманітарної проблеми.

Можна лише припустити, що причиною, якоюсь мірою, стало якраз зображення поляків в «Тарасі Бульбі». Думаю, що це, з одного боку, дещо відштовхнуло польських дослідників, а з іншою – сприяло нівеляції або навіть приниженню багатьох фактів контактів і творчих зв'язків Гоголя з польськими поетами, письменниками, релігійними діячами. Гоголь ніби сам заблокував цю сферу знання про нього, приховуючи від зовнішнього світу розуміння всієї складності його власних духовних і художніх шукань. Не стану гадати, свідомо він це зробив чи ні. Як і багато що у Гоголя залишається таємницею, а “польський епізод” – лише складова ще однієї інтригуючої загадки його творчості.

Завдання цієї статті полягає в тому, щоб вказати на ці дещо завуальовані зв'язки і спробувати означити питання, пов'язані з темою “Гоголь і Польща”. В цій статті я спробую вичленувати окремі аспекти і сформулювати деякі актуальні з погляду синхронного підходу напрямки вивчення цієї великої теми: Гоголь і польська еміграція 30-40-х рр. XIX століття.

Велика польська еміграція (під такою назвою вона увійшла до історії) утворилася в Західній Європі і, головним чином, у Франції після невдалого листопадового повстання 1830 року, цієї яскравої

* Стаття написана за підтримки Каси ім. Юзефа М'яновського (Польща).

сторінки польської історії, польського національного духу. Її високий пафос і дух жертвовності, месіанізм, беззавітна любов і вірність зганыбленій Батьківщині стали тим етичним і людським капіталом, який був і залишається джерелом високих устремлінь поляків. Разом з тим, життя еміграції було далеко не безхмарним, не дивлячись на єдність бороненого ідеалу – вільної і незалежної Польщі. І не могло бути інакше. Близько 6-7 тисяч польського воїнства опинилися після поразки в Парижі. Найчастіше – це були молоді люди з шляхетських сімей, що прийшли з полів битв, багато хто з яких був поранений, і всі, без виключення, пережили приниження поразкою і безсиллям змінити існуючий стан речей. А далеко не благочестивий Париж не дуже-то і сприяв цим устремлінням. Швидше навпаки – спокушав і підштовхував до пошуку утіхи і забуття.

Залишившись без засобів існування в чужій країні, в чужому суспільстві, де з побоюванням поглядали на імпульсивних поляків, що вимагали від французьких властей військового втручання, мріючи про те, щоб в авангарді створеного французами корпусу звільнити вітчизну. Один з свідків і істориків еміграції В. Велогловский писав: «Ця думка рано вранці будила кожного емігранта, супроводжувала його цілий день, з нею він засинав, вона йому бачилася уві сні, і в смертну хвилину вона замерзала у нього на вустах, щоб після пробудження у вічності перше прохання у Господа було про Польщу» [1].

Французький уряд прагнув знайти вихід та не придумав нічого кращого, як відправляти радикально налаштованих емігрантів у французьку провінцію. Там побували, до слова, і І. Кайсевич, і П. Семененко, про яких мова попереду. Еліта еміграції розуміла, що необхідна внутрішня організація, яка змогла б хоч якось вплинути на земляцтво. Серед лідерів еміграції досить швидко на перші ролі висунувся Адам Міцкевич, що став на той час поетичною величиною європейського масштабу.

Саме Міцкевич був ініціатором та натхненником різних товариств і організацій, періодичних видань і дороговказних книг для нації («Книги народу польського»), що так чи інакше впливали на життя еміграції. Об'єднати еміграцію, наповнити вищим смислом її життя і роботу, допомогти вибитим зі звичної життєвої колії людям знайти себе, освятити їх діяльність високою релігійною ідеєю – такою в найзагальніших рисах була мета Міцкевича. Саме в цей період напруженої боротьби за збереження духовної і етичної цілісності еміграції і з'являється в Парижі Гоголь, саме в цей період він зустрічається з представниками її еліти.

Багато емігрантів згадують, що Міцкевич постійно говорив про необхідність створення товариства. І першим таким співтовариством став «Союз братів об'єднаних», організований 19 грудня 1834. Це була невелика елітарна група інтелектуалів, в якій, проте, була відсутня загальнонаціональна ідея, якою з часом стала ідея християнська, ідея Костьолу. Шлях самого Міцкевича до цієї ідеї була далеко не простим, і він добре висвітлений польським літературознавством. Більшість дослідників сходиться на думці, що до Парижа Міцкевич приїхав глибоко віруючою людиною, а остаточне звернення до віри відбулося під час його перебування напередодні повстання в Римі. Відомий дослідник «Суспільства Воскресіння Господнього» П. Смоликовський пише: «Справу відродження релігійності серед емігрантів підняв Міцкевич. Був він віруючим католиком... Не належав ні до однієї з партій, сварки і суперечності в емігрантському середовищі приймав близько до серця» [2].

Саме християнська ідея в її католицькому варіанті стала дороговказом для ідеології польської еміграції, і Міцкевич був серед її творців. Польський месіанізм – одне з наймогутніших творінь Міцкевича і його попередників, мабуть, не менш значне навіть порівняно з його поезією, хоча відділити їх один від одного – заняття малопродуктивне. «Союз братів» вже тому став віхою в розвитку польської еміграції, що саме в її середовищі народилася думка про об'єднання релігійної і політичної ідей. Прославити роль Костьолу, зробити його основою політичних справ і своєрідної історіософії – такою бачилася платформа «Домека Яньського», що став ядром формування ордена ресурекціоністів, лідери якого і вели в Римі весною і влітку 1838 року діалоги з Гоголем.

Більшість дослідників, які писали про римський період життя і творчості Гоголя, не обходять увагою і епізод близького, тривалого декілька місяців, спілкування письменника з польськими емігрантами, членами «Товариства Воскресіння Господнього» Петром Семененком і Ієронімом Кайсевичем, що обживали Столицю Апостолів після участі в польському повстанні 1830-31 рр. і важких років еміграції у Франції. Як правило, дослідників привертає «католицький епізод» (Ю. Манн), і вся розмова зводиться до того, що Гоголь, не піддавшись на умовляння і аргументи членів ордена, гр. З.Волконської, залишився вірний Православ'ю. Це характерне для думок як російських, так і польських дослідників, різняться вони, що природно, модальністю викладу [3]. Тим часом діалог Гоголя з воскресенцями – далеко не «епізод». І виявляє він свою значущість лише в площині надзвичайно цікавого та малови-

вченого контексту: Гоголь і Велика польська еміграція, а ширше – Гоголь та європейська гуманітарна і художня свідомість його часу.

Прийнято думати і писати, що Гоголь перебував в Римі швидше «тілом», а всі його думки і думи були про Росію, зрідка про Україну. Він і сам багато писав про це, кажучи про головне коло спілкування – середовище російських художників і пілігримів. Отже є підстави подумати, що Захід дійсно був швидше декором, а закордонні зустрічі письменника з людьми Церкви, поетами, письменниками і художниками, носили майже випадковий характер і мало що значили в його творчому розвитку. Прагнення ж зробити з Гоголя зразкового національного мислителя і правовірного православного, що виявилось в роботах останніх двох десятиліть, мало як продуктивний результат, так і негативний. І останнє виявлялося в прагненні укласти Гоголя в суто російський контекст, що, зрозуміло, не сприяло вивченню зв'язків письменника з європейською думкою і обідняло перш за все масштаби його творчої особи. В зв'язку з цим роботи о. В. Зеньковського, А. Єлістратової, Г. Шапіро, Ю. Барабаша, а ще раніше – В. Віноградова, зауваження о. Г. Флоровського [4] в сучасному контексті виглядають дійсно епізодами в гоголезнавстві.

Саме такий стан речей стимулює «західний вектор» вивчення творчої спадщини Гоголя, і далі я спробую намітити основні можливі лінії вивчення поставленої проблеми, які, як мені видається, можуть дати цікаві результати.

Але спочатку ще декілька попередніх зауважень. Багато і правильно говорять дослідники про від'їзд Гоголя за рубіж як про жест величезної незадоволеності письменника і примітивним розумінням «Ревізора», на якого він покладав великі надії, і атмосферою в літературі, і неможливістю реалізації творчого потенціалу. «Немає пророка в своїй Вітчизні», – нагадав Гоголь відому істину в листі до М. Погодіна 1836 року і залишив країну. Ситуацію, в якій опинився Гоголь, героїня Г. Ібсена майже через півстоліття сформулює так: «Я хочу знати, хто має рацію: я або воно – суспільство». Була, звичайно, і відмінність. Гоголь більш ніж підозрював, що він має рацію, але йому були необхідні аргументи. Гоголь володів могутнім інтелектом, і до того ж до всього доходив своїм розумом. Але для цього йому була необхідна інформація про сучасний світ. А його дивовижна допитливість, що виявлялася з ранніх років і не загасла і до кінця життя, вражала сучасників. І у вируючому ідеями і рухами Парижі, і в сконцентрованому на

вічному Римі він шукав відповіді на свої «прокляті» питання. І знаходив власне їх вирішення.

Другий важливий момент. Дослідники багато пишуть про творчу кризу Гоголя початку 40-х років. Але при цьому найчастіше пояснюють цей феномен внутрішніми причинами, уникаючи розмовляти про зовнішній чинник. Окрім звичного і незаперечного – на зразок віддаленості від Вітчизни. Я далекий від думки оспорювати процес внутрішнього дозрівання того або іншого розуміння реальних процесів сучасного світу Гоголем, але будь-яке розуміння припускає і «поштовхи» ззовні (пригадаємо гоголівське поняття «ляпаса»), що прискорюють процес розуміння. Думаю, що і тут не обійшлося без такого «поштовху».

І, нарешті, третє. Ми дотепер не маємо виразної відповіді на питання, що примусило Гоголя всупереч всьому і, перш за все, думці більшості російських читачів, з вражаючою завзятістю в кінці життя боронити свою консервативну, замішану на релігійній свідомості, позицію і пропонувати суспільству ідеї, явно знаючи про могутню протидію їм з боку більшості. Чи не був вирішальним той чинник, що в його досвіді був задіяний приклад польської еміграції, коли тільки звернення до релігії змогло внести в це середовище творчий дух примирення, організації і бажання пошуку єдності.

Переконаний, що аналіз сформульованих проблем, що зачіпають, зокрема, і питання творчої еволюції письменника, неможливий без уважного підходу до вивчення зв'язків і діалогу Гоголя з представниками польської еміграції і, зокрема, з воскресенцями. Які ж аспекти цього діалогу особливо важливі? Які напрями дослідження можуть виявитися продуктивними?

1. Як це не дивно, але дотепер в літературознавстві немає ґрунтового дослідження людських і творчих контактів Гоголя і Міцкевича, хоча дослідники не обходять цю тему. Всі біографи фіксують факти зустрічей і в Парижі, і в Швейцарії, і в Німеччині [5]. Проте обмежуються «загальними» зауваженнями. Ю. Манн в своєму фундаментальному дослідженні виказує думку, що «саме настрої поляків, єдність їх дій і думок (?) викликали у Гоголя співчуття і інтерес. Йдеться не про підтримку їм конкретних політичних, повстанських, революційних цілей, але про відчуття внутрішньої, духовної цілісності як позитивного початку» [6]. Думаю, що інтерес Гоголя був куди змістовніше і істотніше. Не можна впустити з уваги, що ініціатором всіх зустрічей з Міцкевичем був Гоголь. Міцкевич був, як правило, приймаючою стороною. Що вбило Гоголя? Чи тільки європейська слава Міцкевича і його мину-

лі зв'язки з Росією, та пам'ять, яку залишив в Росії Міцкевич? Навряд, хоча феномен успіху і слави завжди цікавив Гоголя.

Коли Гоголь вперше зустрівся з Міцкевичем, той вже був визнаним лідером польської еміграції і одним з лідерів нації, тому що все, що відбувалося за межами Польщі, швидко ставало надбанням всіх поляків. Міцкевич був переконаним католиком і бачив у Костьолі порятунком для нації. Християнське вчення, оновлене і повернуте лицем до сучасності, було для Міцкевича основою майбутнього Європи і його приниженої вітчизни. Про «нове християнство» говорили у всіх кутках Європи.

У «новому християнстві» знайшла вираз друга хвиля розвитку європейської гуманітарної думки, що послідувала за Великою французькою революцією. Вона була вже багато в чому інерційною, в ній вже був сегмент розчарування, вона торкалася переважно моральної сфери, проте була наповнена все тим же пафосом перевлаштування і реформації світу в його складнішій і наче невидимій роботі з одухотворення людської душі.

Переконаний, що саме своєрідно інтерпретовані ідеї соціального християнства привернули увагу Гоголя. І це було головним аргументом в пошуку Гоголем контактів з Міцкевичем і польськими емігрантами (виключення – Богдан Залеський, з яким Гоголя зближувало ще і етнічне походження). Міцкевич був у дружніх відносинах з одним з головних ідеологів «нового християнства» Ф.Р. Ламенне, що відчув на собі незадоволення Ватикану, але зберіг вірність ідеалам до кінця днів. А Богдан Яньський пережив захоплення і та пройшов школу сен-симоністів і навіть займав досить високе місце в їх ієрархії.

2. Заслугують уваги і творчі перегуки Міцкевича і Гоголя [7]. Застереження, що прозвучали, щодо продуктивності пошуку прямих перекличок: «Деякі російські критики наголосили на певній близькості між твором Міцкевича (Пан Тадеуш – П.М.) і «Гарасом Бульбою» Гоголя, але схожість не дуже велика; разом з тим ентузіазм Гоголя у ставленні до «Пана Тадеуша» легко зрозуміти» [8] – не повинні зупиняти у пошуках нових фактів творчих контактів.

Залишається неосмисленою в цілісності і тема «Гоголь і польська література його часу». Цікаво, що якраз листування П. Семененка і Б. Яньського містить інформацію про знайомство Гоголя з творчістю цілого ряду польських авторів 20-30 рр. Серед польських літераторів, з творчістю яких був знайомий Гоголь крім Міцкевича, – З. Красинській, М. Мохнацький, Л. Мирославский [9].

3. Багато сказано і написано багато про пророчі інтенції в творчості Гоголя і в його поведінковому коді. Але польський месіанізм, як одне з джерел пророчого пафосу творчості письменника, дотепер не фігурував у гоголезнавстві. Разом з тим, і знамениті імпровізації Міцкевича часу його перебування в Росії, і пророчий пафос, певно, відомих Гоголю «Книг польського народу», виконаних в біблійній стилізації, – все це, поза сумнівом, є матеріалом для роздумів про вплив польського літературного месіанізму на апостольський проект Гоголя. Думаю, що Гоголь був знайомий з «Книгами польського народу» і його не могла не привернути масштабність їх задуму – порятунок свого народу. Одна людина ставить перед собою задачу порятунку цілого народу і заявляє привселюдно про це своє право, а свої думки робить предметом загального обговорення. Біблійний стиль цих книг, християнський пафос озиватимуться в пізній творчості Гоголя. Зближує їх, перш за все, віра в оновлене християнство, здатне перетворити сучасний мир.

Є і конкретніші теми для порівняльно-історичних досліджень. Наприклад, жанр пастирського листа, традиційно популярного ще з апостольських часів у католицькому світі. В цьому жанрі продовжували працювати пізніше вже в капланському статусі і Семененко, і Кайсевич.

4. Вимагає пильної уваги дослідників проблема впливу контактів Гоголя на еволюцію задуму «Мертвих душ». Вже влітку 1837 року Гоголь говорить в листі до Н. Прокоповича про те, що на початку майбутнього року він збирається «друкувати крупну річ» [XI, 107], але потім відкладає рішення. Восени 1838 року він починає роботу над новою редакцією «Ревізора», а потім настає черга «ревізії» і інших творів. Нарешті, чи не зв'язана концепція трьохчастинного задуму поеми, покликаною показати преображення героїв і воскресіння «мертвих душ», з ідеями “із-мертвих-встанців”? Воскресіння – універсальний догмат християнської віри, і не тільки. Він є і в ісламі, і в іудаїзмі. Але коли ця ідея виникає майже одночасно в свідомості творчих людей, що підтримують між собою певні контакти, то ретельна перевірка її побутування, у будь-якому випадку, необхідна.

5. Відзначу, що важливою передумовою для нового осмислення даної проблеми є збагачення її джерельної бази. Це опублікований у 2000 році «Щоденник» Б. Яньського, зібрання листів і творів Петра Семененка та Ієроніма Кайсевича. Сьогодні вже не

можна говорити про повне незнання цих авторів, як це було ще на початку ХХ століття. П. Семененко виявився серйозним тлумачем філософської спадщини минулого, а І. Кайсевич мав популярність як поет ще на початку 30-х років, був вельми амбітним автором, що конкурував навіть з Міцкевичем. З часом він став помітним богословом і часто виступав зі злободенними питаннями свого часу.

Отже, легенда про двох фанатичних і недалеких єзуїтів (вони ніколи ними не були), які намагалися схилити до католицизму вірного трону та монарху Гоголя і зазнали жорстокої поразки, повинна поповнити полицю інтелектуальних непорозумінь в історії російської літератури, як і ідея про якийсь тотальний негативізм письменника по відношенню до поляків.

Я переконаний, що дослідження означених питань розширить наші уявлення про формування апостольського проекту Гоголя і його духовних шукань 40-х років, а також дасть поштовх до вивчення творчості Гоголя в контексті європейської гуманітарної думки.

Примітки:

1. *Welogłowski W.* Emigracja polska wobec Boga i narodu. – Wrocław. – 1848. – S. 37-38.

2. *Smolikowski Pavel.* Historia Zgromadzenia Zmertychwstacia Panskego. – Krakow, t.1. – 1892. – S. 17. До слова, заснований в Парижі за ініціативою Адама Міцкевича орден воскресенців у 30-ті роки ХІХ століття прийняв на себе важливу місію з духовної освіти поляків, волею долі вигнаних з рідної землі. Ніякого відношення до єзуїтів він не мав. Пізніше він фемінізувався. Мати і дочка Ц. і Я. Боржецькі, з благословення о. П. Семененка, заснували в Римі в 1882 році жіноче товариство. Воно набуло поширення не тільки в Польщі і Україні, але і в США, Канаді, Аргентині, маючи штаб-квартиру в Римі. Виховання дівчаток у релігійно-моральному дусі народного і національного відродження складало основу діяльності товариства, яке і донині продовжує свою роботу.

3. *Alojzy Hylon.* Mikołaj Gogol w Rzymie.– Rzym: [s.n.], 1902. *Kolakowski T.* Rzym w duhowej biografii Mikołaja Gogola // *My i oni. Obcość wspólna.* – Warszawa, 1990. – S. 174-192. *Kolakowski T.* Mikołaja Gogola poszukiwanie drogi do Boga // *Co badania filologiczne mywin pro wartosci. Materialy z sesji naukowej 17-21 listopada 1986 r.* – Warszawa, 1987. – S. 265-292. *Kosciotek Anna.* Wybrane fragmenty z

korespondencji z przyjaciółmi: do ideowych poszukiwaniach Mikołaja Gogola. – Toruń: Wydaw. UMK, 2004.

4. На думку о. Георгія, «в духовному розвитку Гоголя римські враження були вирішальними», а католицька ідея «соціального християнства» залишила глибокий слід в свідомості. О.Г. Флоровський схильний думати, що у фіналі «Вибраних місць...», в розділі «Світле Воскресіння», відчутні західні впливи (пафос «Слова віруючого» Ф.Р. Ламенне) (Флоровський Г. Пути русского богословия. – Париж, 1983. – С. 262, 261). Ці справедливі положення викликали делікатне, але по суті критичне зауваження І. Єсаулова про те, що треба «ставитися до цих оцінок як до *приватної думки* (вид. автора), але не як до голосу Церкви. По відношенню до російської літератури ці оцінки абсолютно рівнозначні оцінкам світських учених. Їх не можна ігнорувати, не можна третирувати, як це було за радянської доби, але не можна і безмірно – некритично – підносити» (Єсаулов І. Богословие и русская словесность: о. Георгий Флоровский о Гоголе // Доклад на V Гоголевских Чтениях в Москве. Апрель 2005 г.) // http://jesaulov.narod.ru/Code/vortrag_bogoslovie.html (18 листопада 2006).

5. У польському літературознавстві (див. Makowiecka Zofia. Mickiewicz w College de France. – Warszawa, 1968) не зафіксована остання зустріч Гоголя і Міцкевича гадано в липні-серпні 1843 року в Карлсруе (Див. Смиронова-Россет А. Воспоминания. – М., 1989. – С.54). Немає цієї інформації і в книзі «Mickiewicz. Encyklopedia». – Warszawa, 2001.

6. Манн Ю.В. Гоголь. Труды и дни. – М., 2004. – С.511.

7. Зі спеціальних досліджень: Szmydtowa Zofia. Gogol pro "Panu Tadeuszu". – Lublin: Tow. Nauk. KUL, 1973; German F. Gogol i Mickiewicz // Dzi i Jutro. – №13. – С.7; Васильківський Г.П. Творча дружба (До питання про взаємини Гоголя і Міцкевича) // Радянське літературознавство. – 1960. – №1. – С. 33-37. Bruckner R. Historia literatury rosyjskiej. – Т. 2 (1825 – 1914). – Lwow-Warszawa-Krakow. – S. 32-33, 44.

8. Struve, Gleb P. Mickiewicz in Russian Translations and criticism//Adam Mickiewicz in world literature. – Berkley– Los Angeles. – 1956. – S. 137.

9. Smolikowski Pavel. Historia Zgromadzenia Zmertychystwstacia Panskego. – Krakow. – Т.2. – S. 89.

Ирина Рождественская

Последний польский перевод «Тараса Бульбы»

В истории рецепции русской литературы в Польше последнего десятилетия творчество Гоголя занимает особое место: наряду с Достоевским, Толстым и Чеховым он является чаще всего издаваемым и представляемым на сцене русским автором. Эта одна из наиболее захватывающих фигур русской классики, «ключ» к современной Польше, на тамошней литературной сцене фигура наиболее медиальная, яркая.

Традиционно знание о каждой литературе существует в двух сферах – отечественной и так называемой зарубежной, с отдельными работами которой мы знакомимся в переводах. Иначе складывается ситуация с ближайшим соседом, например, с Польшей, который и «наш» и «чужой» одновременно, тем более что русский язык там был до недавнего времени изучаемым. Библиографии работ о Гоголе издавались на русском и украинском языках, при этом знание текстов польских критиков и филологов о Гоголе было и есть в Украине недостаточно. В Польше и во всем мире популярность Гоголя представляется через призму «Вечеров» и «Миргорода», «Петербургских повестей», «Ревизора» и «Мёртвых душ». Множество современных польских откликов на Гоголя свидетельствует, что эта сфера требует изучения. Поэтому цель настоящей статьи – сообщить о главных фактах польского освоения Гоголя, которые позволят открыть новые горизонты в понимании его наследия. Одной из последних попыток нового прочтения Гоголя является изданный в 2002 году перевод «Тараса Бульбы» и последовавшие отклики критики на него.

Осмысление Гоголя в Польше связано с тремя важными для польского государства и польской культуры периодами: до обретения Польшей независимости в 1918 году, когда принудительная русификация была средством подавления национального самосознания; межвоенный период с 1918 по 1939, наиболее благоприятный для развития национальной культуры; эпохи коммунистической Польши (ПНР) и после падения железного занавеса.

Гоголь был известен в Польше уже с 50-х годов XIX века, но свидетельства его популярности и культурного отторжения поляками относятся к концу XIX века, когда возникает массовое чтение. Популяризация Гоголя пришлась на время годовщин его

смерти и столетнего юбилея, и в то же время возникли так называемые «рецептивные лакуны» – факты критического восприятия Гоголя. Историк литературы пишет, что «был это автор особо пропагандируемый российскими властями от образования на территории Привислянского края» [3, 17]. Но поскольку главным и первым писателем империи был Пушкин (вспомним отчеты о праздновании его столетнего юбилея в Варшаве в работах М. Левитта), то Гоголю досталось неприятие. Из истории пьес Гоголя в Польше известно, например, что польскому театру, который бы отказился в Варшаве до 1905 г. поставить пьесу русского автора (Г.), грозила изоляция и финансовое фиаско [3, 17]

В 1902 году, в 50-ю годовщину смерти Гоголя, царские власти проводили памятные мероприятия, в которых были использованы механизмы рекламы, опробованные в год Пушкинского юбилея, – литература для народа, листовки, портреты и т.д. Однако современник тех событий пишет, что варшавская молодёжь на Гоголевском празднике отсутствовала, гимназисты из Сандомежа «демонстративно порвали розданные им портреты Гоголя» [3, 17], подобное происходило в других городах. Такой была реакция на Гоголя, предлагаемого на роль второго имперского писателя, в то время как публичное празднование юбилеев Мицкевича и Словацкого запрещалось. Среди прочей рекламной продукции, которая воспринималась как излишняя, польский историк отмечает и продукцию имперской патриотической направленности, оскорблявшую польские чувства. В солдатской «Походной библиотечке» появилась небольшая (12 страниц) брошюрка с пересказом повести «Тарас Бульба», где был без сокращений включен фрагмент, в котором Тарас собственноручно карает сына за измену Родине [4, 150]. Среди литературы для народного чтения встречалась адаптация повести под названием «Тарас Бульба или измена и смерть за прекрасную панну» [4, 150].

В межвоенной Польше 1918–1939 годов русская литература занимала четвертое место по количеству изданных переводов после английской, французской, немецкой [3, 540]. В то время Гоголь становится одним из наиболее известных русских классиков, его активно приобретают для частных библиотек.

Информация о популярности Гоголя у массового читателя в послевоенное время еще не собрана, но о многом говорят современные свидетельства поколения, выросшего во времена абсолютной веры в официальное печатное слово. Русский язык в польских школах, как замечает современник, преподавался «вполне добросовестно,

часто увлекательно <...> и в хорошем классическом варианте» [1, 384]. Гоголь был представлен в оригинале и это способствовало тому, что, анализируя большой успех его творчества, мы убеждаемся – он стал известен благодаря универсальной проблематике и вечности созданных типов. Пафос же «антипольскости» отошел на второй план.

Может быть удивительным тот факт, что в откликах на Гоголя в последнее десятилетие речь идет именно о переводе классика. Однако такое положение дел имеет свое объяснение. Традиционная рецепция Гоголя в Польше представляет асимметрию между популярностью всего творчества писателя и восприятием повести «Тарас Бульба». На польском языке к началу XX века повесть не была известна, хотя еще в 1850-м году галицкий народный учитель Петр Гловацкий (псевдоним Федорович) опубликовал ее перевод. В 1853-м Гловацкий умер и его перевод никогда не переиздавался. Польские исследователи надеются, что экземпляры перевода могли сохраниться в библиотеке им. Стефаника во Львове.

В обязательную школьную программу в начале XX века входила антипольская повесть «Тарас Бульба», ее усердно втолковывали ученикам [3, 18]. Результат усвоения повести был удручающ – гимназическим учителям давали кличку «Тарас Бульба» [3, 18].

В межвоенной Польше уменьшилось количество людей, которые могли прочесть повесть в оригинале. Историк сообщает, что в справочнике 1932 года для массовой публики «Что читать?» – (беллетристика) составитель отрицательно отзываясь о повести Гоголя, создавшего негативный образ поляков [3, 27]. В 1936 году цензура запретила издание нового перевода «Тараса Бульбы»: весь тираж был конфискован в Коломые до поступления в книжные магазины [4, 152], поскольку «книжка унижает польский народ» [5, 174]. По свидетельству историка, в межвоенной Польше «Тарас Бульба» вошел в энциклопедии как образец «элементарной ненависти к полякам» [4, 153].

Во времена ПНР повесть, хотя и доступная на русском языке, не рассталась с антипольской репутацией. Описывая столетнюю годовщину смерти Гоголя, польский русист цитирует доклад М. Домбровской, которая охарактеризовала классика как известного и ценимого в Польше, хотя и творившего в эпоху, «не способствующую совместной культурной жизни польского и русского народов» [4, 154]. Симптоматичен факт, что те, кто не изучал русский язык, узнавали о повести из комментария к справочнику для учителя следующее: “такие произведения Гоголя как «Тарас Бульба» ...

могли оскорблять патриотические и религиозные чувства поляков» [4, 155]. Повесть по-прежнему воспринималась как инструмент имперского патриотизма.

Объяснимо, почему последний перевод повести 2002 г. вышел с предисловием переводчика «Черное зеркало трилогии» (Сенкевича) и многостраничным послесловием. Симптоматично, что переводчик, он же автор предисловия, представляет повесть как свидетельство хаоса и неразумных действий по изменению границ Польши и Украины, почему до сегодняшнего дня не исчезла эта изменчивость крайних настроений между Вислой и Днепром [6, 9].

Новый перевод «Тараса Бульбы» вызвал отклики как в критике, так и в публицистике. Историк идей Г. Пшебинда, исследующий отношения католицизма и православия, в том числе и на материале художественной литературы, объединяя в единый текст Гоголя и Достоевского, включает повесть в круг проблем всей Восточной Европы второй половины XX века. Акцент переносится с польско-украинского вопроса, в который повесть не вносит ничего нового, на фундаментальные московско-киевские вопросы, «по сути вопросы российско-украинские». С точки зрения восточнославянских проблем второй половины XX века гоголевское выступление за восточнославянскую православную Русь под властью русского царя оказывается утопией, поскольку давно нет стремящейся к такой Руси Украины и не должно быть такой России. По мысли Пшебинда, повесть Гоголя о том, как шляхетская Польша воюет с гетманско-крестьянской Украиной, чтобы выгоды из этой войны извлекла царская Москва [2]. Поэтому оба историка, комментирующие повесть, Г. Пшебинда и Я. Тазбир, вспоминают о проведенном в 1943 в оккупированном немцами Львове так называемом «суде над Гоголем» как над «пауком, который высосал кровь из своей Украины для Москалей». Они указывают, что для суда были причины в украинской истории. Таким образом, история обострила противоречия между русским и украинским самосознанием, характерным для Гоголя, поэтому Я. Тазбир называет все творчество Гоголя «кривым зеркалом Украины» [4, 166-167], а саму повесть – антиисторичной.

Среди проблем, которые поднимают критики «Тараса Бульбы», кроме историзма, существуют и не связанные с политическими спорами, а посвященные поэтике повести, ее литературной ценности [5, 175]. Так, статья А. Володзко-Буткевич отображает неудовлетворенность традиционной рецепцией повести как памфлета на поляков [5, 178]. Автор стремится учитывать особенности

поэтики всего творчества Гоголя, прежде всего как писателя-сатирика, склонного к смешению стилей, создавшего в «Тарасе Бульбе» нечто вроде героикомической поэмы [5, 178]. С точки зрения такого жанрового определения повести исследовательница считает удачной выбранную переводчиком характеристику, в которой повесть – «черное зеркало наших представлений о казачине, запорожцах, Диком поле» [5, 178].

Трактовка повести в качестве исторической вызывает сомнения, и современный исследователь называет такой историзм «польско-украинским Голливудом» с обаянием славянской души и фабульной привлекательностью [2]. Развивая этот сюжет, польский историк отводит Гоголю роль сценариста фильмов ужасов [4, 163], на которых он мог бы сделать состояние.

Как свидетельствует этот частный случай полемики вокруг повести Гоголя, и сегодня целостное восприятие его творчества все еще остается желаемым, продолжая во многом зависеть от политических дискуссий.

Примечания:

1. Faryno J. Как проявить имидж соседа // *Wizerunek sąsiadyw. 1: Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków*. – Warszawa, 2000. – S. 383 – 387.
2. Przebinda G. *Українське заклєцїя Gogola* // *Rzeczpospolita*, Nr 81, 6.04.2002.
3. Sielicki F. *Klasycy dziewiętnastowiecznej literatury rosyjskiej w Polsce międzywojennej*. – Warszawa, 1985.
4. Tazbir J. *Posłowie* // *N. Gogol. Taras Bulba*. – Warszawa, 2002. – S. 145 – 169.
5. Wołodźko-Butkiewicz A. *Czytając Gogola* // *Recepcja. Transfer. Przekład / pod red. nauk. Jana Koźbiala*. – Warszawa, 2004. – S. 173 – 179.
6. Zierny A. *Czarne lustro “Trylogii”* // *N. Gogol. Taras Bulba*. – Warszawa, 2002. – S. 5-9.

ІЗ ЗАРУБІЖНОГО ГОГОЛЕЗНАВСТВА

Василь Гришко

**Ніколай Гоголь та Микола Гоголь: Париж 1837.
Розділ зі студій про Гоголів комплекс “двох душ”***

Наприкінці лютого 1837 року [1], перед тим як залишити Париж після чотирьох місяців перебування у ньому, дорогою до Риму на довгі роки самоприреченого вигнання з Росії Гоголь залишив у помешканні українського співвітчизника, відомого польського поета та “українофіла” Йозефа Богдана Залеського [2] невеличкого листа *українською* мовою, що був підписаний автором правильною *українською* формою його імені, тобто тією формою, що звично вживав він та його українські співвітчизники: Микола Гоголь (Mykola Hohol) [3]. Цей лист настільки багатий на українські ідіоми, що заледве придатний для перекладу: “Дуже – дуже було жалко, що не застав пана земляка дома. Чував, що на пана щось напало – не то *соняшныця* [4], не то *завійныця* (хай їй прыстнытса лысый дидько), та тепер, спасибо Богови, кажут начей-то пан зовсим здоров. Дай же Боже, щоб на довго, на славу усій козацкій землі давав бы чернецького хлиба усякій болизни и злыдням. Та й нас бы не забував, писульки в Рим слав. *Добре б було, колы б и сам туды колы-небудь прымандрував. Дуже, дуже близькый земляк, а по серцю ще близькый, чим по земли. Мыкола Гоголь*” (вид. моє – В.Г.).

Попри невеликий розмір і обмеженість змісту, цей лист, або скоріше просто дружня записка має важливе значення як документ для вивчення проблеми, що є наразі об’єктом нашого інтересу. В першу чергу це, зрозуміло, одне з документальних свідчень, що автор знаменитих “Українських повістей”, написаних надзви-

*

Цей есей є завершеним текстом роботи, що у скороченому вигляді була прочитана на 10 щорічному зібранні Далекосхідної славістичної конференції у Стенфордському університеті, квітень, 1969.

чайно українізованою російською, був справжнім знавцем рідної мови, і розмовної, і писемної (хоч цей факт, здається, навряд чи потребує подальших доказів після того, як понад століття тому був доведений філологом М. Максимовичем, до того ж одним з найближчих українських друзів Гоголя) [5]. Втім не мова нас зараз цікавить, але те, що сказане у цьому листі, бо обмежений за змістом, він, тим не менш, утримує деталі, що самі по собі репрезентують документальне свідчення, доводячи щось надзвичайної для нас ваги.

Це “щось” прямо стосується проблеми Гоголевих “двох душ”, яка оприявилась і стала помітною складовою російської літератури про Гоголя наприкінці минулого і на початку цього століття (кінець XIX – початок XX віку – прим. перекл.), ставши одним з найбільш контроверзійних питань російського гоґолезнавства, зосібна пов’язаних з вивченням “Мертвих душ”. Ця проблема “двох душ” була, звичайно, складною проблемою Гоголевої розщепленої особистості взагалі; але перший і головний її елемент розумівся у той час як двоїстість національності великого українця, який за певних історико-біографічних обставин став одним з найвидатніших російських письменників. Українсько-російська двоїстість, що зробила його найбільш спірним письменником російської літератури як протягом життя, так і після смерті, відслідковується російською критикою в усіх його творах – починаючи з “Вечорів”, що загалом сприймаються як “чисто українські”, до, припустимо, не таких “чисто російських” “Мертвих душ”. І саме ця двоїстість відкривається, хай випадково та опосередковано, у його українському листі до Залеського, що припідіймає покрыву над другою, менш відомою половиною його двоїстого життя, в якому, як це було у випадку з листом, він з’явився за межами його звичного російського обрамлення, відкрито – як українець і навіть як “українофіл”, *Микола Гоголь*, залишаючись водночас російським *Николаем Гоголем*; він був дуже зайнятий написанням першого твору на суто російську тему, який сам розголосив російським друзям як найбільш російський зі своїх творів.

Тут варто зауважити, що український лист до Залеського був написаний якраз у час розпаду роботи над “Мертвими душами” у Парижі. Робота почалась 1835, під час подорожі митця з Петербургу в Україну і на зворотному шляху, але скоро потому обірвалась через написання “Ревізора”. Вона не поновлювалась, допоки письменник фактично не втік з Росії за кордон влітку 1836 року з

гірким відчуттям повного невдоволення, викликаного недоброзичливою реакцією російського суспільства на його, за інших умов, успішну комедію. Саме перед тим як він поїхав з Ве́ве у Швейцарію до Парижу, Гоголь поновив роботу над “Мертвими душами”, про що повідомив у листі від 23 жовтня 1836 року свого найкращого друга та родича з України А.С. Данилевського, який чекав на нього у Парижі. “Я посилаю тобі цього листа і сам їду за ним, прискорюючи мій путь до Парижу... Майже не було росіян у Ве́ве, але мені сподобалось це містечко... Я став навіть більшим росіянином у Ве́ве замість того, щоб стати французом, і все це сталось зі мною просто через те, що я розпочав і продовжив тут мої “Мертві душі”, які було полишив. Але... все інше я розкажу тобі при зустрічі” [6].

Через три тижні він писав 12 листопада 1836 р. уже з Парижу в листі до старого російського знайомця і свого захисника у Петербурзі В.А. Жуковського: “Париж не такий поганий, як я собі уявляв... “Мертві” течуть жваво, свіжіше та бадьоріше, ніж у Ве́ве, і мені справді здається, ніби я у Росії: переді мною всі наші, наші поміщики, наші чиновники, наші офіцери, наші мужики, наші хати, словом, вся православна Русь. Мені навіть смішно, як подумаю, що пишу “Мертві душі” у Парижі... тепер я занурений весь у “Мертві душі” [7]. У цьому ж листі до Жуковського, майже повністю присвяченому захопленню від роботи над “Мертвими душами”, Гоголь, особливо наголошуючи на цілковито російському характері твору, розуміючи це як факт надзвичайної важливості для свого майбутнього як *російського* письменника, писав: “Вся Русь явиться в ньому! Це буде моя перша достойна річ, річ, котра піднесе моє ім’я” [8]. Подібним же чином, вживаючи навіть ті самі вирази, Гоголь писав у листі від 28 листопада 1836 року до московського приятеля М.П. Погодіна про роботу над “Мертвими душами” у Парижі: “Річ, над котрою сиджу і працюю тепер і котру довго обдумував, і котру ще довго буду обдумувати, не схожа ні на повість, ні на роман, довга, довга, у кілька томів, назва їй *Мертві душі*... Якщо Бог pomoже вивершити мені мою поему так, як слід, то це буде моє перше достойне творіння. Вся Русь відгукнеться в ньому” [9].

Тож, згідно Гоголевим листам з Парижу протягом його тимчасового перебування там з початку листопада 1836 по кінець лютого 1837 року, він був тоді “повністю занурений” у роботу над “цілковито російським” (і через це “першим достойним”) твором. Про

цей же час його найближчий приятель та співмешканець А. Данилевський писав у спогадах про спільно проведену в Парижі зиму 1836-1837 років: “Ми зустрілись у Парижі. Він спочатку жив зі мною, а потім винайняв кімнату у готелі, де замерзав, тому що в його кімнаті не було грубки, а тільки камін. Зрештою ми знайшли тепле помешкання на розі Place de la Bourse та Rue Vivienne. Тут Гоголь проводив більшість часу, працюючи над “Мертвими душами”. Я не заважав йому, тому що він був завжди зайнятий” [10].

Але, на противагу тому, що Гоголь писав Жуковському про відчуття “ніби я у Росії”, насправді його життя у Парижі було наповнене атмосферою вельми далекою від того, щоби бути російською або православною. Почнемо з того, що атмосфера була переважно українською, оскільки ближнє оточення Гоголевого повсякдення було українським навіть у найвужчому сенсі, тобто, це було коло людей, що походили з тієї самої частини рідної країни. Окрім Данилевського, який мешкав в одній з Гоголем кімнаті, інший земляк з України, який також був співучнем Гоголя і Данилевського в Ніжині, І.П. Симоновський з’явився у Парижі у цей же час і навіть певний термін був їх співмешканцем. Тож у Парижі сформувалось маленьке “українське коло”, подібне до того, центром якого був Гоголь у Петербурзі, коли писав свої українські повісті [11]. Навіть певні позірні риси в образі життя, який вело мале “українське коло” у Парижі зимою 1836-1837 років, нагадували ті, що були характерні для більшого кола молодих українців у Петербурзі наприкінці 1820-х – на початку 1830-х: та сама веселість все ще молодих людей (Гоголю було 27-28 років у 1836-1837), і та сама відданість пам’яті про їхнє українське минуле, особливо про дух юнацької дружби, непорушної з часів навчання в ніжинській *бурсі* (слово *бурса* розуміється в традиційно українському значенні співжиття у школі будь-якого типу, а також групи молоді взагалі) [12]. Є навіть комічний вірш “Хай живе ніжинська бурса!”, написаний Гоголем та Данилевським у колі їх малої паризької *бурси* в 1836-1837 роках, що звучить точнісінько як ті колективні комічні вірші, які складались Гоголем та його українськими друзями під час веселих зібрань їх петербурзької *бурси* в помешканні молодого автора перших “Українських повістей” [13].

Не дивно, що Данилевський, який супроводжував Гоголя протягом цілого періоду його юнацького життя, спершу в Україні, а потім, коли вони залишили рідний край, у Петербурзі, згадуючи пізніше спільне життя у Парижі зимою 1836-1837 років, зробив

прикметну заувагу: “У Парижі я впізнав у ньому колишнього Гоголя” [14]. Оскільки це спостереження виказане Данилевським разом з його свідченням тих змін, що були помітні в Гоголі навіть у Петербурзі напередодні його рішення їхати закордон (головним чином у зв’язку з його розчаруванням після критичного сприйняття “Ревізора”), “колишній Гоголь” вочевидь означав для Данилевського того, який був до “Ревізора”, тобто автора “Українських повістей”, або, так би мовити, “українського Гоголя”.

Цікаво відзначити, що фактично той самий “український Гоголь” з’являється також у спогадах про цей період Гоголевого життя у Парижі його найкращого російського друга Александри Смірної, яка зустріла митця взимку 1837 року і дім якої у Парижі був на той час єдиним місцем, де Гоголь міг зустрітись з іншими росіянами. В кінцевому результаті Александра Смірнова (дівоче прізвище Россет), яка народилась і провела дитячі роки в Україні, теж почала називати себе “українською землячкою” Гоголя; тож у її компанії у Парижі Гоголь часом почувався в “українській атмосфері”. Цей спільний сентимент до України був тим головним, якщо не єдиним, що зближував Гоголя та Смірнову на той час, бо, за її власним зізнанням, ставлення до Гоголя в її домі (тобто в її родині, так само як і тих росіян, що входили до її кола в Парижі) було дещо упередженим, як до когось, кого, як вона каже, “не ставили ні в гріш”. Про це і про деякі інші моменти, що стосуються “українського Гоголя” протягом часу написання “Мертвих душ” у Парижі 1837 року, Александра Смірнова писала у спогадах: “Зиму 1837 року я провела у Парижі. ...наприкінці зими був Гоголь зі своїм приятелем Данилевським. Він був у нас разів три один, і ми ставились до нього як до людини добре знайомої, але яку, як кажуть, “не ставили ні в гріш”. Все це дивно, тому що ми з захопленням читали його “Вечори на хуторі біля Диканьки”, і вони мене так жваво перенесли в прекрасну Малоросію (автор статті вживає термін “Україна” – прим. перекл.). Полишивши в дитинстві цей край, я з надзвичайним почуттям дослухалась до всього, що його нагадувало, а “Вечори на хуторі” так ним і дихають. З ним тоді я бувало говорила про високий очерет та бур’ян, про білих лелек на червоних лапках, які вечорами прилітають на дахи знайомих хат, про галушки і вареники, про сіренький димок, що легенько струмує і виходить з димарів кожної хати; співала йому “На ходи, Грицько, на вечорниці” (*Ой не ходи, Грицю, на вечорниці*, популярна українська пісня – В.Г.). Він більше слухав, бо я забагато говорила, але одного разу описав мені малоросійський

“український” в редакції автора статті – прим. перекл.) вечір, коли сонце сідає, табуни женуть з поля і відсталі коні несуться, здіймаючи пил копитами, а за ними з нагайками в руках старий *хохол* (зневажливе російське прізвисько українців – В.Г.) з чупром; він описував це жваво, з любов’ю, хоч уривчасто і короткими словами” [15].

Цей спогад Александри Смірної, як зазначено у наведеному пасажі, датується “кінцем зими 1837 року”, тобто кінцем лютого 1837 року, або, іншими словами, “другої половини лютого 1837”, коли був написаний український лист Гоголя до Залеського. І тут ми знову повертаємось до питання про ту ніби-то “російську” або “православно-російську” духовну атмосферу, на якій так наголошував Гоголь, описуючи в листі до Жуковського свій образ думання під час всепоглинаючої роботи над “Мертвими душами” у Парижі 1837 року. Якщо говорити про загальну атмосферу його життя у Парижі того часу, щонайменше сумнівність її російського характеру виказують деякі з наведених фактів, що являють нам “українського Гоголя”. Ці факти самі по собі, звичайно, не так важливі, оскільки вони стосуються в основному зовнішніх виявів Гоголевого життя того часу, розкриваючи українську іпостась суто з боку його безпосереднього українського оточення і його сентиментальної відданості Україні взагалі. Але коли ми тепер знову поглянемо на Гоголів український лист до Залеського, побачимо іншу, більшою частиною допоки приховану сторону “українського Гоголя” часів написання “Мертвих душ”. І ця сторона, що формально може також називатись “українсько-польською”, не є суто українською (або “українсько-польською” і в цьому сенсі не російською), але навіть “українофільською”, що в Росії тієї доби означало “українсько-націоналістичною” з огляду на її антиросійськість.

Посутньо, що ні в мемуарах Александри Смірної, ні в спогадах інших росіян, які добре знали Гоголя і спілкувались з ним у Парижі в 1836-1837 роках, немає жодних спогадів чи натяків на Гоголеві тогочасні польські контакти. Жодного посилення на щось подібне не можна знайти в усьому листуванні Гоголя з його російськими приятелями та знайомцями, чи у кореспонденції останніх між собою з приводу Гоголя. І все це всупереч факту, що польські контакти Гоголя, про які російська публіка дізналась набагато пізніше, переважно з польських джерел, були надзвичайно активними у той час, і вони включали не тільки спілкування з його українським земляком Залеським, але з великим польським поетом Адамом Міцкевичем та його польським оточенням – антиро-

сійськи налаштованими політичними емігрантами. Дивне замовчування цього факту в усіх російських джерелах Гоголевого життя того часу, включно його власних листів до російських друзів, ще більше впадає в око, зваживши на те, скільки Гоголевих російських друзів та знайомих особисто знали Міцкевича (дехто навіть підтримував дружні стосунки) з часів його перебування у Росії в напівзасланні (1824-1829). Більше того, навіть дехто з тих росіян, кого Гоголь зустрічав у будинку Александри Смірної в Парижі зимою 1837 року, як, наприклад, О.І. Тургенєв, бачились з Міцкевичем закордоном, в тому числі і в Парижі в 1837. Тим не менш, видається, що ніхто з них тоді не знав про контакти Гоголя з польськими поетами та польськими колами, оскільки ніхто не згадає про це у писемних документах, а найбільш мовчазним з цього приводу виявляється сам Гоголь (але лише у листуванні зі своїми *російськими* приятелями та знайомцями, оскільки ця тема не була таємницею для його *українських* друзів, починаючи, звичайно, з Данилевського). Вже набагато пізніше у Римі Гоголь вперше у листуванні з російськими друзями згадає ім'я Міцкевича в листі до С. Шевирьова (1839), попросивши того “обійняти міцно Міцкевича за мене”, при можливій зустрічі польського поета у Парижі. Але все ж таки обставини і справжня природа Гоголевого ставлення до Міцкевича, не говорячи вже про сам факт Гоголевих стосунків з Залеським та іншими польськими емігрантами з паризького оточення Міцкевича (і пізніше у Женеві та Римі з 1836 по 1841), залишались невідомими його російським друзям та російській публіці взагалі протягом усього Гоголевого життя і навіть довгий час по його смерті. У будь-якому разі справжнім відкриттям для російського гоголезнавства наприкінці XIX – початку XX століття стало оприлюднення В. Шенроком перших фактів з цього питання у трьох томах його “Матеріалів до біографії Гоголя” (1892-1898) і виданому ним першому повному зібранні листів Гоголя (1901). Тут вперше були надруковані польські документи про Гоголеве життя у Парижі та Римі, а також Гоголів український лист до Залеського. І навіть ще важливіше джерело було представлене у формі особистих спогадів про цей період життя Гоголя – його найближчого товариша та паризького співмешканця А. Данилевського, який був свідком щоденного життя Гоголя у Парижі.

Щодо фактів, які належать до вказаного періоду життя Гоголя у Парижі, коли десь “у другій половині лютого” 1837 він написав український лист до Залеського, особливо важливо для нас те, що Данилевський, як щоденний свідок Гоголевого життя того часу,

розповідає про по-справжньому тісні узи дружби між Гоголем та двома польськими поетами особливо у “другій половині лютого”. Тож, описавши як глибоко Гоголь переживав відомості про смерть Пушкіна 10 лютого 1837 року (або 29 січня за старим стилем) і зазначивши, що Гоголь вже був майже зібрався їхати в Рим, втративши інтерес до Парижу, Данилевський пише: “Єдине, що все ще тримало Гоголя в Парижі безпосередньо перед його від’їздом до Риму, була, певно, можливість *часто* бачитись з Міцкевичем, який тоді жив у Парижі і ще не був професором Колеж де Франс, а також зустрічатись з іншим польським поетом Залеським” [16]. В своїх спогадах Данилевський входить навіть у такі деталі як мова спілкування під час зустрічей, зазначивши, що через трудність для Гоголя польської, вони вдавались до російської, але “по більшості говорили українською” [17].

Більше подробиць про ці зустрічі та розмови між Гоголем, Міцкевичем та Залеським знаходимо у великому листі, написаному спеціально з цієї проблеми Залеським 19 лютого 1859 року до добре знаного політичного письменника та історика Францішка Духінського [18], але цей вельми приватний лист був надрукований у польській пресі тільки 1899 року, через багато років після смерті всіх, кого він стосувався, і більше ніж через півстоліття після тих зібрань та розмов у Парижі, про які в ньому говорилося. Те, що Залеський написав про свої паризькі зустрічі з Гоголем, стало справжнім одкровенням, але основний зміст листа ми обговоримо нижче. Але на що потрібно наразі вказати, так це на вражаючу подібність між версією Залеського про Гоголеві стосунки з Міцкевичем і ним, і спогадами Данилевського, аж до збігу в словесному оформленні якихось деталей. Ось, для прикладу, як Залеський зі свого боку представляє факти, викладені Данилевським у спогадах про Гоголеве перебування у Парижі напередодні від’їзду до Риму в 1837. “Років з двадцять п’ять тому [19], – пише Залеський, – гостював у Парижі знаменитий в Московії поет Гоголь. Була *тісна дружба* між ним та Міцкевичем, так само як між ним і мною, його українським земляком. Ми звикли *часто* сходитись вечорами для *політичних* та *літературних* розмов” [20].

Так Залеський, підтвердивши переказані Данилевським факти, в той же час однозначно заявив, що стосунки між Гоголем, Міцкевичем та ним у Парижі 1837 року були такі, що їх можна визначити тільки як “*тісну дружбу*” і що їхні зустрічі у той час не були світськими випадковостями, але справді дружніми зустрі-

чами близьких людей, які часто бачились та вільно спілкувались з усіх цікавих для них питань, що включали, окрім літературних, і політичні. Останнє особливо важливо відзначити, оскільки видається, що саме цей *політичний* аспект Гоголевої дружби з польськими поетами, які були і політичними емігрантами, і знаковими фігурами польського антиросійського руху доби (тобто часу після поразки польського антиросійського повстання 1830-1831) є головним ключем до означеної загадки – загадки повної відсутності будь-яких свідчень про Гоголеву дружбу чи контакти або зустрічі з польськими поетами в усіх сучасних джерелах про життя Гоголя у Парижі, включно його власного листування з російськими друзями.

Загадку можна пояснити тільки однією з двох наступних причин: або Гоголь взагалі свідомо приховував від росіян сам факт цієї дружби та зустрічей з польськими поетами, або ті з росіян, хто знав про це, так само свідомо зберігали мовчання. Втім, видається, що у цьому випадку обидві можливості не можна виключити, оскільки вони мають одне й те саме підґрунтя, яким є спільне бажання як Гоголя, так і його російських друзів та знайомих, наскільки б різною не була їх мотивація, не торкатись цього делікатного питання. Справа в тому, що існував компонент, залучений до проблеми Гоголевої дружби з польськими поетами та антиросійськи налаштованими польськими емігрантами, який робив цю дружбу, з російської *офіційної* точки зору, підозрілою і небажаною, а з російської *поширеної* точки зору – взагалі чимось неприйнятним. Цим компонентом, зрозуміло, була логічно передбачувана можливість польсько-української згоди, в даному випадку на основі спільних антиросійських почуттів, до яких Гоголь виявляв певну схильність в “Українських повістях” 1831-1835 років, на що звернули увагу російські оглядачі [21]. Це прямо протилежило образу Гоголя як *російського* письменника (і *росіянина* взагалі), який він настійливо намагався створити в свідомості російських друзів, працюючи над “Мертвими душами” (що видно з його листів до Жуковського та Погодіна, частково тут процитованих, а також з багатьох інших не процитованих листів). Але, з іншого боку, це було і щось протилежне тому, що Гоголеві російські друзі і взагалі російська публіка чекали від нього як їх “російського Гоголя”, бо це був той його образ, якому вони хотіли б вірити.

Правда, тим не менш, в тому, що компонент польсько-української згоди на основі спільних антиросійських почуттів, як це підозрювалось чи розумілось росіянами, фактично *відіграв* роль

у Гоголевих стосунках з польськими поетами та політичними емігрантами у Парижі 1837 року, як і пізніше у Римі. І є кілька цілком конкретних свідчень цього у різних, але найбільше у польських джерелах Гоголевої біографії, що в основному пов'язані з біографіями Міцкевича та Залеського періоду 1837-1841 років. Досить дивно, що ці свідчення, як і взагалі питання, якого вони стосуються, не були вивчені ні російським, ні польським гоголезнавством. Це справедливо навіть у випадку Гоголевого українського листа до Залеського, не кажучи вже про лист Залеського про Гоголя до Духінського, що формує єдино відповідне тло, на якому можна зрозуміти справжнє значення гоголівського листа. Політичні імплікації підозрілої відсутності інтересу до цієї теми в російському та польському гоголезнавстві тим більше потребують осмислення, оскільки існує більше ніж треба свідчень в обох літературах факту дружніх стосунків між великим російським письменником та найбільшим поетом Польщі. Але ці свідчення у більшості випадків (особливо з російського боку) використовуються просто з метою увиразнення так званої “російсько-польської дружби” (або, часом, з польського боку, як епізод польсько-російського протистояння в межах слов'янського світу) з незначною, якщо є хоч така, увагою до українського аспекту цих взаємин як частини найменш вивченого Гоголевого україно-російського комплексу. І це, щонайменше, одна важлива причина, через яку цьому тут приділяється особлива увага.

Головні факти, що наразі вивчатимуться у зв'язку з цим, це, звичайно, оприявлені в листі Залеського до Духінського, які мають бути підтверджені або спростовані, але які не можна зігнорувати чи просто оминати під маркуванням “польського антиросійського фальшування”, не спробувавши їх серйозно дослідити (як це стало звичною практикою тих російських авторів, хто заледве принагідно торкався теми). Фактично єдиним випадком, коли було здійснене більш-менш повне висвітлення проблеми в російському гоголезнавстві, стала перша публікація російського перекладу листа Залеського, який з'явився з коментарем у газеті “Новое время” в 1902 році, через 10 років після першої публікації в польському журналі “Przewodnik naukowy i literacki” (v.32, no. 6, 1899), додатку до “Gazeta Lwowska” у Львові (на той час Лемберг, Австрія). Він був передрукований газетою “Новое время” без жодних змін, журналом “Киевская старина” (історико-літературний журнал, що друкувався російською в Україні) під заголовком “Українофільство Гоголя” в 1902 році. Це джерело використовується в даному випадку для цитування з російського перекладу документу та російського

коментаря, підписаного ініціалами А.Л. (певно, А.Н. Лисовський, автор праць про Гоголя та з російсько-польсько-українських проблем, друкованих в російській періодиці)*.

Початок листа Залеського вже наводився як документальний доказ “тісної дружби” і “частих зустрічей” Гоголя та польських поетів у Парижі протягом 1837 року, про що у тих самих словах розказав Данилевський. Після характеристики Залеським цих зустрічей як “літературних та політичних розмов” у листі говориться: “Природно, що найбільше ми говорили про москалів, відразливих для нас (тобто Міцкевича і Залеського – В.Г.) і для нього (Гоголя – В.Г.). Питання про їх фінське (тобто урало-монгольське – В.Г.) походження було постійною темою наших розмов. Гоголь підтримував її з усією малоросійською запальністю. Він мав під рукою надзвичайно цікаве зібрання народних пісень різними слов’янськими мовами. Тож він написав і прочитав нам прекрасну статтю з проблеми фінського походження москалів. У ній після ретельного порівняльного аналізу чеських, сербських, українських та інших слов’янських народних пісень з московськими, він прийшов до висновку про вражаючу відмінність духу, звичаїв та моралі москалів порівняно з рештою слов’янської братії. Для демонстрації характерних рис почуттів, виражених у народних піснях, він вибирав і протиставляв дві паралельні групи типових пісень у кожній категорії: з одного боку, наша, слов’янська, солодкоголоса та ніжна, з іншого – московська, похмура, дика, майже канібальська, одним словом, виразно фінська. Дорогий земляче (Залеський звертається до Духінського – В.Г.), ти можеш легко уявити, як це повідомлення звеселило Міцкевича та мене”.

“Через багато років у Римі, – продовжує Залеський, – я збирався попросити ті паралелі у Гоголя, але вже було пізно... Що стало з тими спостереженнями? Чи можливо, що вони не включені до посмертного видання Гоголевих зібраних творів і там немає нічого подібного? Та стаття слугувала б прекрасним підтвердженням твоїх знахідок. У будь-якому разі, безвідносно того знайдуться чи ні ці записи серед творів Гоголя, було б неважко укласти подібні паралелі (згрупувати народні пісні). Але як шкода втрати тих характерних анекдотів та жартів про москалів, які тільки Гоголь і

**Ймовірно, що то був В. Лугаковський. Див.: В.А. Лугаковський. Русские писатели в польской литературе. Вып.1. Гоголь. – СПб., 1903. – С. 14. Див. посилання. – Від ред.*

знав, і які тільки він і міг розповідати з особливою та неповторною дотепністю” [17].

Хоч ці одкровення про Гоголя стали відомими в Росії лише через півстоліття після його смерті і через 65 років після тих паризьких зібрань, про які Залеський писав у листі, ці новини все ж шокували російську публіку, реакція якої відображена в емоційних виразах “обурення”, надрукованих російською пресою і спрямованих, звичайно ж, проти “українофілів” та “польсько-українських антиросійських інтриг” і т.п. Тим не менш коментар до листа Залеського навіть у “Новом времени”, де він з’явився вперше в Росії, був навдивовижу “не войовничий”, що контрастувало з загальною акцентовано націоналістичною та всім відомою “українофобською” лінією цієї популярної російської газети. Коментатор, демонструючи певний рівень об’єктивності як людина добре знайома з фактами, навіть не намагався заперечувати розповідь Залеського, але старався інтерпретувати її таким чином, щоб звести до мінімуму Гоголеве “українофільство”, зробити його більш-менш прийнятним для поширеного російського образу Гоголя. Ця інтерпретація була представлена у формі власної версії того, що могло б насправді відбуватись під час тих зустрічей Гоголя з польськими поетами у Парижі, про які розповідалось у листі Залеського.

“Їх дружні зустрічі, – писав коментатор, – часто поєднувались з розважанням компанії, якій Гоголь розповідав жартівливі історії... Позірні деталі у спогадах Залеського про ці зустрічі вельми правдоподібні. Можна припустити, однак, що Гоголь у своїх історіях використовував комічні епізоди не тільки з життя великоросів (коментатор вживає цей термін для позначення російської національності в етнічному сенсі – В.Г.), але і з життя інших народів. Гоголева стаття “Про малоросійські пісні” навряд чи може бути тією, про яку говорить Залеський. Чи можливо, щоб Гоголь написав статтю того ж змісту і характеру, що подібна до описаної Залеським у приватному листі до Духінського? Ми гадаємо, що така стаття могла вийти з-під пера Гоголя, але її різкість явно перебільшена Залеським”.

“Нам здається, – веде далі коментатор, – що всю цю ситуацію можна представити іншим чином. Гоголь, який завжди надзвичайно захоплювався українською народною поезією і високо цінував її, міг не віддати належного великоруській народній творчості, що була йому відносно мало відома. З метою порівняльного аналізу українських пісень він міг використати багате зібрання чеських і особливо сербських пісень, не маючи змоги використати таку ж

кількість великоруських пісень, оскільки у той час вони були представлені досить бідно і в малій кількості. Це пояснює, чому після порівняння двох груп народних пісень його висновок стосовно великоруських був негативний, попри те, що він не був достатньо обізнаний, як кількісно, так і якісно, з багатством великоруської народної лірики. І, звичайно, представити великоруську народну поезію як “дику”, “похмуру” та особливо “канібальську” (?) (знак запитання поставив автор коментаря – В.Г.) тепер неможливо. Якщо в тій статті Гоголя, про яку Залеський пише у листі, була насправді представлена ідея вишості українських пісень у порівнянні з великоруськими, то це може бути відлунням того *поміркованого українофільства*, помітного в окремих листах Гоголя, особливо в листах до його земляків. Щоб довести, що помірковане українофільство не було чужим Гоголю, ми можемо вказати на ті фрагменти з листів до Максимовича, що були опущені в Кулішовому виданні листів Гоголя, оскільки, на думку видавця, вони були занадто жорсткими (стосовно росіян)” [18].

Фрагменти Гоголевих листів до Максимовича, згадувані та цитовані коментатором, належать до того періоду, коли Гоголь у Петербурзі особливо сумував за Україною і пристрасно поривався їхати до Києва, мріючи про професорство в українській столиці, де його український товариш уже був призначений професором Київського університету. Висловлюючи бажання полишити Росію і поїхати в Україну якомога швидше і спонукаючи друга зробити це не відкладаючи (оскільки Гоголеве майбутнє у Києві багато залежало від прибуття туди товариша першим), Гоголь вживає у приватних листах мову, типову для національно свідомих українців, називаючи Росію (тобто Великоросію) українським зневажливим *Кацапія* (“земля довгобородих цапів”), водночас уславлюючи Україну її історичною назвою (часів, що передували втраті автономії наприкінці XVIII століття) *Гетьманщина* (“земля гетьманів”, утворення від назви українських правителів тих часів – *гетьманів*). “Покиньте, насправді, кацапію, та їдьте у гетьманщину, – писав Гоголь Максимовичу 2 липня 1833. – Я сам думаю те саме зробити і наступного року махнути звідси. Дурні ми, на правду, як розсудиш добряче. Для чого і кому ми жертвуємо всім? Їдьмо!” [24]. Пізніше у листі від 9 листопада 1833 він говорить про написання історії України, висловлюючи справжній національно-місіонерський захват з цього приводу: “Тепер я взявся за історію нашої єдиної, бідної України... Мені здається, що я напишу її, що я скажу багато того, чого до мене не говорили” [25]. І, зрештою, пишучи про Київ,

Гоголь демонструє підкреслено неросійське бачення української столиці, відкидаючи будь-які російські претензії на неї. “Туди, туди! – писав він у листі від 20 грудня 1833. – До Києва! До древнього, прекрасного Києва! Він *наш*, він не *їхній*, неправда? Там, чи навколо нього, діялись діла *старовини нашої*” [26].

До цього слід також додати два листи до Максимовича, написані наступного, 1834 року. У першому з них, знову висловлюючи нетерпіння з приводу затримки від’їзду Максимовича до Києва, Гоголь написав про Росію (вживши звичну українську назву Москва, тобто Московія) щось подібне до згаданого Залеським про його ставлення до росіян під час паризьких зустрічей. “То що, їдеш чи ні? – писав він 12 березня 1834. – Влюбився ж в оцю стару товсту *бабу* (слово вжито в одному з російських смислів, означаючи просту вульгарну жінку – В.Г.) Москву, від якої, окрім *щів* (російський популярний найпростіший суп – В.Г.) та матірщини (російська лайка, в якій обзивають матір – В.Г.), нічого не почувеш” [27]. І, за контрастом до цього, у другому листі, відправленому Максимовичу до Києва, де той почав працювати професором слов’янської філології, Гоголь звертається до нього як українець до українця, говорячи про Україну і все українське як щось найсвятіше і найдорожче для них. “...заради всього *нашого*, – писав він 27 червня 1834 року, – заради *нашої України*, заради *батьківських могил*, я прошу не сидіти багато над книгами... Будь завжди собою, висловлюй власні думки і в той же час намагайся сказати якомога менше” [28].

Ці та подібні висловлювання в Гоголевих листах, так само як і поокремі вирази в його “Українських повістях” (приміром, зайві випадки проти росіян як “проклятих кацапів” [29] навіть у таких “нейтральних” відносно національного елементу творах як “Іван Федорович Шпонька та його тітонька”), довгий час трактувались російським гоголезнавством як “слова, через які його можна вважати справжнім істинним українофілом” [30]. Саме це мав на увазі коментатор листа Залеського у “Новом времени”, коли говорив про можливу Гоголеву упередженість стосовно росіян при спілкуванні з поляками у Парижі як лишень “відлуння того поміркованого українофільства”, що було помітне в Гоголі ще до його паризьких зустрічей. Але сказати тільки це – фактично означає уникнення проблеми, оприявлені одкровенням Залеського, оскільки вона не вирішується простим покликом на Гоголеве “справді істинне” чи “помірковане” українофільство раннього періоду. І це те, що насправді відбулось з цією проблемою в російському гоголезнавстві:

вона стала “забутою” проблемою, відкладеною в сторону одразу ж після появи і ніколи з того часу по-справжньому не розглядалась.

Через це ми не маємо іншого вибору як підняти стару проблему на тому місці, де її залишили на початку нашого століття (XX вік – прим. перекл.), по-новому подивитись на неї, почавши з перегляду тих аргументів та висновків, що були представлені у першому і, фактично, до сьогодні останньому російському спеціальному її огляді та коментарі. Як уже раніше говорилося, головний висновок, до якого прийшов навіть коментатор російської консервативно-націоналістичної газети, був таким: стаття з тим надзвичайно невігідним, для росіян, порівняльним аналізом слов’янської народної поезії та слов’янських характерів, згідно розповіді Залеського, написана і прочитана Гоголем польським поетам під час їх зустрічей у Парижі 1837 року, “могла вийти з-під пера Гоголя”. Але це суго гіпотетичне припущення, завдяки інтерпретації коментатора, обертається фактично пустотливою розвагою, чимось на зразок побічного продукту “жартівливих історій”, розказаних Гоголем, що поєднались з його хибною думкою про мало знану ним російську народну поезію. На додачу вся історія представлена як сумнівна через висловлене припущення про перебільшення Залеським всього, що стосується Гоголевого негативного бачення росіян у світлі їх народних пісень, зіставлених з піснями інших слов’янських народів. Окремий сумнів кинуту на твердження Залеського про те, що Гоголь схарактеризував російські пісні як “дикі”, “похмурі” і навіть “канібальські”. Останнє поставлене під знак питання як щось абсолютно неможливе та у даному випадку просто смішне.

Звичайно, набагато легше висловлювати сумніви і на цій підставі відкидати, як ненадійний, такий документ як лист Залеського до Духінського, ніж намагались використати його для підтвердження певних аргументів у вивченні Гоголя, що ми намагаємось зробити. Головна причина цього – це надзвичайна складність, якщо не неможливість довести переконливими документальними свідченнями ту інформацію про Гоголя, яку утримує цей лист. Особливо важливо, що принциповий і найбільш життєвий документ, а саме стаття Гоголя, про яку говориться у листі, досі не знайдена, а, можливо, ніколи й не буде. Оскільки Залеський і зосібна Духінський добре відомі своєю відвертою антиросійською позицією, достатньо вказати на цей факт для того, щоб дискредитувати документ, який походить з цього джерела, як однобокий, необ’єктивний і

через це навряд чи придатний для використання. Це формальна причина, з якої його ігнорують у російських студіях Гоголя, і цей аргумент, звичайно ж, буде знову використаний проти наших спроб актуалізувати його.

Тим не менш, попри те, що немає чітких документальних доказів тих фактів про Гоголя, які Залеський оприлюднив у своєму листі, все ж існує спосіб довести, що вони цілковито узгоджуються з усіма іншими, пов'язаними з ними, і навіть більше того: конфронтація цих фактів обставинам, які їх оточують, ясно і переконливо демонструє такий рівень їх відповідності один одному, що на цьому фоні в історії Залеського не залишилось нічого по-справжньому малоімовірного. І це стосується навіть найбільш неймовірної та сумнівної (принаймні з погляду російського коментатора листа Залеського в “Новом времени”) подробиці в історії Залеського про Гоголеве визначення “канібальського” елемента російських народних пісень. Насправді ж всі ці факти надійно підтримуються не тільки “очевидністю обставин” чи самою “логікою фактів”, але також і опосередкованими документальними свідченнями, наявними у різних матеріалах, що стосуються життя Гоголя та його польських друзів у період, до якого ці явища належать. Реально, окрім тієї статті, про яку йдеться у листі Залеського, всі інші необхідні документальні свідчення доступні, але й їх слід вивчити ретельніше та глибше, ніж це робилось досі.

В першу чергу, окрему увагу варто приділити найпершому документу, який слід ретельно дослідити у цьому сенсі, тобто, невеличкому українському листу Гоголя до Залеського, що цитувався на початку нашої розвідки і який найбільше ігнорують у російських студіях Гоголевих листів, бо цей лист унікальний хоч би через те, що є єдиним, написаним українською мовою. Почнемо з того, що він написаний з тією легкістю та інтимною дружністю, сповнений того специфічного українського гумору, характерного для Гоголевих листів до його задушевних *українських* друзів (Данилевського, Максимовича, Прокоповича), що виключає сумнів у дружності та близькості стосунків між Гоголем та Залеським. І ця обставина емпатично акцентується останнім реченням листа: “*Дуже, дуже близький земляк, а по серцю ще ближчий, чим по землі*”. Останнє твердження має надзвичайну вагу, оскільки абсолютно ясно, що Гоголь мав на увазі, визначаючи свою близькість до Залеського, щось більш значиме за звичайне почуття близькості українця до земляка з України. Між іншим, якщо говорити про

географічно-територіальну близькість, Гоголь та Залеський насправді не були близькими земляками, оскільки походили з різних частин України: Гоголь був з так званої Лівобережної України (тобто східної сторони Дніпра, що розділяє Україну на дві частини), в той час як Залеський був з Правобережної України (тобто західної частини), а регіони, де вони народились та виховувались (Полтавський регіон у першому випадку та Уманський у другому), достатньо віддалені один від одного. Якщо взяти етнічну та релігійну близькість, то між ними взагалі немає нічого спільного: один був українцем та греко-православним, в той час як другий – поляк та римо-католик. Тоді ж яка близькість, про яку писав Гоголь, існувала між ними? Зрозуміло, що Гоголь, перш за все, мав на увазі близькість духовного ставлення до спільної вітчизни, близькість стосунків у тій сфері ідей, що стосувались України та її безпосередніх слов'янських сусідів, Польщі та Росії. На цьому зосібна наголошує Гоголь у другій половині речення, заявляючи, що він “по серцю ще бльжчый, чим по землі”. Але що саме було в їх серцях, що зробило їх ближчими у той час?

Як відомо, Залеський, якого Міцкевич у своєму курсі слов'янської літератури (прочитаному в Колеж де Франс у 1840-1842) назвав “українським поетом” [31], був і справді співцем України у польській літературі. І в цьому сенсі його роль у польській літературі відповідає ролі Гоголя як співця України в російській літературі. Але він був, у політичному сенсі, і справжнім польським українофілом. В його особистості органічно поєднались польська національна ментальність та відданість католицизму з полум'яною любов'ю до України. Його любов до України була настільки великою, що на схилку життя він написав у вірші: “О Господи, мій Боже! Молю тебе: коли помру, дай мені Вкраїну на небесах” [32]. Україна для нього була, перш за все, вітчизною вільнолюбних козаків, яких він ідеалізував та оспівував у своїй романтичній поезії, сформованій під впливом українського фольклору (“Моя рідна Україна сповивала мене, її дитину, своїми піснями”, – писав він у іншому вірші) [33]. Подібно до Міцкевича, він бачив у Росії в першу чергу гнобительку інших народів, особливо поляків та українців, і через це брав активну участь у польському антиросійському повстанні 1830-1831, воюючи під відомим гаслом Й. Лелевеля “За вашу і нашу свободу!”, що для нього означало і свободу України (польські інсургенти, як відомо, закликали українців приєднатись до боротьби). Проживаючи після поразки

повстання у Парижі як політичний емігрант, він знайшов задушевного друга у Міцкевичі, і той якийсь термін навіть жив у паризькому помешканні Залеського. В цей час, коли Міцкевич стає справжнім духовним вождем польського політичного та інтелектуального життя закордоном, Залеський залишається його найближчим товаришем та прибічником, поділяючи більшість його ідей, зокрема ідею історичної місії Польщі у слов'янському світі. Це була як політична, так і релігійно-моральна ідея слов'янського союзу на основі польського концепту демократичної свободи та християнського братерства, протиставленого російському самодержавству та його культу, освяченому християнським православл'ям. Міцкевич зробив з цієї ідеї нове протетичне одкровення відродження слов'янського та християнського світу шляхом морально-релігійного самовдосконалення, яке, за його поученням, мали зініціювати, почавши з себе, мученики боротьби за свободу Польщі. У Парижі до найбільш палких прибічників цієї ідеї та самого Міцкевича належали так звані “ресурекціоністи”, рух яких почався 1835-1836 з невеликого гуртка ініціаторів, до яких належав і Залеський. Серед них були по більшості польські емігранти, вихідці з України, такі як П. Семененко та І. Кайсевич, що пізніше стали активними пропагандистами нового руху і доклали багато зусиль до залучення Гоголя до нього [34].

І політичний, і релігійний аспекти цього руху мають яскраво виражений антиросійський характер, і оскільки ідея слов'янського месіанізму була однією з його головних складових, а проблема стосунків між слов'янськими народами найчастіше обговорюваною темою в паризькому колі Міцкевича, то у цих дискусіях спостерігалась тенденція вважати росіян взагалі не слов'янським, або принаймні напів-слов'янським народом. Через те природно, що питання не слов'янського походження і характеру росіян, заявлене у листі Залеського, часто піднімалось у ході зустрічей Гоголя з Міцкевичем та Залеським (певніше всього не без участі інших представників оточення Міцкевича). І сам факт, що Гоголь брав участь у цих дискусіях, виявляючи бажання це робити (як витікає з розповіді Данилевського про Гоголеву надзвичайну у них зацікавленість), свідчить щонайменше про компромісність, якщо не повну узгодженість позицій Гоголя та його співрозмовників у цьому питанні. Це припущення підтверджується тим, що пізніше у Римі в 1837-1841 роках Семененко та Кайсевич цілком серйозно говорили про заледве не готовність Гоголя приєднатись до їх руху після завершення з ним розмови про ту ж “слов'янську проблему”,

що обговорювалась у Парижі [35]. Та й Гоголева заява про своє відчуття “дуже, дуже близько” Залеського більше “по серцю..., чим по землі”, з огляду на добре відому позицію останнього стосовно слов’ян, українців та російських проблем, передбачала певніших узгоджень. Але наскільки серйозно ставився до цього всього Гоголь у той час?

Необхідно наголосити, що думку про роль Гоголя у паризьких зібраннях та дискусіях з польськими поетами 1837 року як такого собі “оповідача-гумориста”, як це інтерпретував коментатор листа Залеського в “Новом часі”, не можна приймати всерйоз не тільки через те, що вона не підтверджується фактами, відомими у зв’язку зі згадуванням паризьких зустрічей, але через те, що вони спростовують таке трактування. Почнемо з того, що усі факти, які належать до часу безпосереднього виїзду Гоголя закордон в 1836, прямо вказують на його особливий інтерес до порівняльного вивчення слов’янського фольклору, до історії та етнографії слов’янських народів, оскільки тоді він збирав різноманітні матеріали з цього питання і, зокрема, був заклопотаний переписуванням начисто та копіюванням власної величезної колекції українських народних пісень, водночас розпочавши укладання зібрання російських пісень [36]. Слід зазначити, що приблизно у цей час (середина 1830-х, згідно останніх спеціальних досліджень Гоголевої діяльності в царині української та російської фольклористики [37]) Гоголь отримав від П.В. Киреевського російські пісні в обмін на українські, які надіслав раніше. Приблизно тоді ж він вивчав польські джерела, що стосувались слов’янських пісень, зокрема цікавився книгою Вацлава Залеського “Пісні польські та руські люду галиційського” (Wacław Zaleski. *Pieśni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego*), що була видрукована у Львові 1833, а також ненадрукованими матеріалами зі слов’янського фольклору (переважно українського та російського), зібраними З. Доленгою-Ходаковським [38]. Безсумнівно, що доклавши спеціальних зусиль до вивчення українських, російських та польських джерел з фольклору безпосередньо напередодні виїзду закордон, коли минуло доволі часу після останніх “Українських повістей” і коли “Ревізор” був написаний, а робота над “Мертвими душами” вже почалась, Гоголь обмислював щось специфічне, пов’язане з порівняльним вивченням слов’янських народів.

Більше того: як очевидно з Гоголевого листа до М. Погодіна 1836 року, написаного якраз перед тим, як він повідомив про рішення їхати закордон, він готувався до якогось серйозного порів-

няльного вивчення слов'янських народів і з цією метою накопичував матеріали та інформацію з цієї теми, особливо зі слов'янської історії та етнографії, можливо, плануючи здійснення якоїсь роботи закордоном. Так, у листі від 18 січня 1836 він пише Погодіну: “Прощай! чи не можеш мені чогось викопати про слов'ян? Можливо, ти склав якісь виписки з різного сміття і особливо щонебудь про Галіцію древню та нову. Чи немає якого-небудь опису обрядів, звичаїв їх тощо?” [39]. Подібне прохання повторюється і в листі до Погодіна в лютому 1836 (до слова, 19 лютого Гоголь у листі повідомляє матір про своє рішення їхати закордон): “Чи не можеш мені прислати каталог книг, придбаних тобою і не придбаних, що стосувались би слов'янщини, історії та літератури – буду вельми зобов'язаний, – і, якщо можливо, у двох-трьох словах означити достоїнство кожної і в якому сенсі може бути корисна” [40]. Гоголів прикметний інтерес до слов'янських студій доби та його особливий інтерес до Галіції, як місця зустрічі українських, східнослов'янських, та польських, західнослов'янських елементів, був вочевидь пов'язаний з вивченням таких польських джерел як згадувана книга Вацлава Залеського.

Цікаво відзначити, що Гоголь першим звернув увагу на це джерело та поінформував Максимовича про його вагомність у вивченні українського фольклору в 1834 році. А після того як виявилось, що він не має змоги купити цю книгу в Петербурзі, оскільки після польського повстання 1830-1831 продаж у Росії будь-яких польських книг був заборонений, Гоголь з обуренням писав Максимовичу: “За “Піснями люду Галицького” я послав у Варшаву... Тутешні скоти, книготорговці так лякаються усього, що виходить польською мовою, що навіть польського букваря ніде не знайдеш, і з поважним виглядом кажуть лише: заборонений” [41]. Тут, між іншим, Гоголь також продемонстрував негативне ставлення до антипольського шовінізму, що поширився серед росіян після польського повстання 1830-1831.

Це був той особливий інтерес Гоголя до слов'янського світу взагалі і слов'янського фольклору зокрема, а також українсько-польсько-російських взаємозв'язків як однієї з найскладніших в усіх сенсах слов'янських проблем, що уформував ґрунт, на якому він, Міцкевич та Залеський знайшли так багато спільного. В першу чергу, це був, звичайно, їх спільний інтерес до літератури, і оскільки всі троє були поетами та романтиками, це закономірно означало для них інтерес до фольклору слов'янських народів. Це було тим більше закономірним, оскільки припало на час їх зібрань

у Парижі 1836-1837 років, коли всі троє були зайняті певною роботою, пов'язаною зі слов'янськими студіями: Залеський щойно завершив польський переклад сербських народних пісень, Міцкевич писав "Історію Польщі" (яку він так і не закінчив, як і Гоголь "Історію України"), а Гоголь, окрім роботи над "Мертвими душами", готував до друку (це він обіцяв Максимовичу) величезне (понад 1000 позицій, згідно різних джерел [42]) зібрання українських пісень і, вірогідно, у зв'язку з цим робив порівняльне дослідження слов'янських народних пісень. Звичайно, що всі троє ставились до цього дуже відповідально і, безсумнівно, що обговорення предмету їх спільного інтересу було справою серйозною, не тільки розважанням одне одного розказуванням "гумористичних історій" про якісь кумедні "епізоди з життя різних слов'янських народів". І дуже вірогідно, що вони читали один одному якісь уривки з власних творів і обговорювали їх. У цьому сенсі немає підстав для сумнівів в історії, розказаній Залеським у листі про Гоголеве читання статті про слов'янські народні пісні та їх ілюстрування порівнянням певних груп пісень різних слов'янських народів, які він брав зі свого надзвичайно багатого зібрання народних пісень, що були в нього наготові, "під рукою", як висловився Залеський. Відомо, що Гоголь закордоном дійсно мав "під рукою" принаймні частину, якщо не повне зібрання народних пісень, зосібна ті українські та російські пісні, які він переписав начисто та скопіював перед від'їздом [43], так само як і матеріали, що мали до цього стосунок. Тож цілком вірогідно, що Гоголь прочитав статтю, яку він написав перед тим або через якийсь час після того як поїхав з Росії, і вона була саме того типу, про який писав Залеський. А як же бути з її змістом? Чи можна якось довести, що Гоголь справді мав ті думки, які, згідно Залеському, були висловлені у тій статті?

Оскільки серед Гоголевих статей, надрукованих у повному зібранні його творів, є тільки одна, більш-менш близька за змістом статті ніби-то прочитаної Гоголем у Парижі 1837 року, і це – "Про малоросійські пісні", видрукувана 1834 року, тож зазвичай зазначають, як це зробив і коментатор "Нового времени", що "це не може бути та сама річ, про яку говорить Залеський". Цілковито присвячена уславленню українського фольклору, ця стаття утримує кілька побіжних зауваг про різницю між українськими та російськими народними піснями, але вони стосуються головним чином відмінності в народних мелодіях. Що, тим не менш, варто відзначити, так це те, що стаття репрезентує лише частину біль-

шої роботи, фрагментом якої вона є. Фактично це, відповідно до слів самого Гоголя з його листа до І. Срезневського, “просто вступ” до статті, яка не була завершена [44] і незавершеність цього вступного фрагменту ясно видно з його закінчення, що, по суті, є не закінченням, але початком подальшого розвитку Гоголевих розмислів з теми, яка обривається якраз при наближенні до порівняльного аналізу українських та російських народних пісень. Ще важливішим є той факт, що рукопис цього вступного фрагменту втрачений. Через це сам вступний фрагмент відомий тільки в надрукованому варіанті, і ніхто не знає, яким він був у своєму оригінальному вигляді, скільки і що саме було вилучено автором при підготовці до публікації, або було не дозволено до друку цензурою. Також невідомо, в якому стосунку є цей фрагмент до інших рукописних матеріалів митця (як збережених, так і втрачених).

Останнє особливо важливо, оскільки цей фрагмент за своїм змістом та характером, безсумнівно, пов’язаний з іншим фрагментом, написаним та надрукованим у той же час під назвою “Погляд на склад Малоросії”, що був частиною Гоголевої так і незакінченої роботи з історії України. Відомо, що Гоголь завжди підкреслював виняткове значення українських пісень як джерела з історії України, і ця думка зосібна акцентується у фрагменті “Про малоросійські пісні”, причому настільки, що він навіть виглядає як частина вступу до незавершеної роботи з історії України. І, як передуючий історії фрагмент, він будується довкола ідеї різного походження та характеру українського і російського народів. Там є навіть теза про “чисто слов’янське” походження українців на противагу до “змішаного напів-фінського” походження росіян. Так, описуючи, як люди з інших слов’янських земель оселялись в Україні в часи, коли формувався український народ, Гоголь говорить, що вони “почали селитись у цій землі, справжній вітчизні слов’ян, землі древніх полян, сіверян, чистих слов’янських племен, котрі у Великій Росії вже почали змішуватись з народами фінськими, але тут зберігались у колишній цілності, з усіма язичницькими повір’ями, дитячими забобонами, піснями, казками, слов’янською міфологією, так простодушно в них змішаною з християнством” (вид. моє – В.Г.) [45].

І, розвиваючи цю тезу, Гоголь усіляко підкреслює відмінності, історичний розрив стосунків, окремішні шляхи розвитку характерів двох народів, що, згідно Гоголю, почалось після татарської навали, коли Україна ввійшла до Литовського князівства (пізніше приєднаного до Польщі), в чому Гоголь вбачав благословення для

України. “І ось, – продовжує письменник, – південна Росія, під могутнім покровительством литовських князів, повністю відділилась від північної. Вселякий зв’язок між ними перервався; склались дві держави, що називались однаковим іменем – Русь, одна під татарським ярмом, друга під одним скіпетром з литовцями. Але вже зносин між ними не було. Різні закони, різні звичаї, різна мета, різні зв’язки, різні подвиги склали на часі два *зовсім відмінні характери*” (вид. моє. – В.Г.) [46]. І хоч Гоголь також говорить про пізніші східні впливи в Україні часів козаччини, тим не менш він знову підкреслює домінування “чисто слов’янського” елемента в українцях. “Більша частина цього суспільства, – говорить Гоголь про українських козаків, – складалась, все ж, з первісних, корінних мешканців південної Росії. Доказ – у мові, яка, не дивлячись на прийняття багатьох татарських і польських слів, мала завжди чисто слов’янську південну фізіономію...” [47].

Очевидно з цієї статті, яка була написана та надрукована в один час і у зв’язку зі статтею “Про малоросійські пісні”, що Гоголь, працюючи над історією та етнографією України, не тільки цікавився проблемами слов’янського світу і особливо питанням ставлення до нього і одне до одного українського та російського народів, але був захоплений цією проблемою, вважаючи її надзвичайно важливою. Це теж зрозуміло з його записів і різних матеріалів, пов’язаних з роботою над історією. Ось, приміром, кілька питань, які Гоголь поставив собі, плануючи історичний труд: “Що таке слов’яни? Їх характер корінний, справжній; чисто слов’янські елементи... Їх музикальність. Підсумок характеру слов’ян...” [48]. Є також багато записів про древні східнослов’янські племена, які звичайно ідентифікуються як предки пізніших росіян, українців та білорусів. І в цих записах особливий наголос зроблено на контрастивних відмінностях між південно-західними племенами, які жили на території нинішньої України, та північно-східними, що проживали на території теперішньої Росії. “Серед слов’ян, – зазначається в одному з записів, – південні незрівнянно перевищували північних цивілізацією, м’якістю і певною витонченістю звичаїв... Північні ж... грубіші і менш розвинені. Сором’язливості ніякої. Сором’язливості шлюбів не було...” Говорячи про в’ятичів, одне з тих племен, що уформували базовий елемент нинішніх росіян, Гоголь констатує: “В’ятичі сумнівно слов’янський народ” [49].

Всі ці та багато інших записів і зауваг у Гоголевих матеріалах до роботи з історії та етнографії, пов’язані з його статтею про українські народні пісні (зроблені здебільшого протягом його про-

фесорування у Петербурзі), виразно свідчать, що його образ думання про слов'ян та росіян був не таким далеким від висловленого, згідно Залеському, у статті можливо прочитаній на паризьких зібраннях 1837. На такому фоні ймовірність читання Гоголем подібної статті виглядає більшою реальністю, ніж про це можна думати, виходячи з традиційного російського бачення Гоголя.

І, нарешті, маємо змогу вказати на ще одну деталь, яка свідчить, наскільки реальною була ця ймовірність. Вона стосується найбільш сумнівного з тверджень Залеського про зміст статті Гоголя, маркованої знаком питання зауваги Гоголя про “канібальські” елементи в російських народних піснях, що були чужими пісням інших слов'янських народів. Оскільки Залеський окремо виділив у листі як Міцкевича потішило Гоголеве відкриття і висновок про “фінське походження” росіян, відслідковане у російському фольклорі, важливо зазначити той факт, що Міцкевич в реальності використав у своєму курсі слов'янських літератур, який читав у Колеж де Франс, твердження про “фінське походження” росіян і проілюстрував його “канібальським мотивом”, знайденим у російському фольклорі, як похідним фольклору фінського. Ось що говорив Міцкевич: “Серед російських фольклорних пісень (у польському оригіналі wielkogosyjskimi, тобто великоруськими – В.Г.) знаходимо такі, що мають виразний фінський характер. Одна з них – щось на зразок загадки, яку дівчина, покинута коханим, загадує подружкам. Вона каже: “Моя любов покинула мене, але я знайшла вихід зі свого горя; і тепер я сплю на моїй любові, вкриваюсь моєю любов'ю, зодягаюсь у мою любов, і світло маю від моєї любові”. Для того, щоб зрозуміти, що це означає, слід знати, як північні фіни споживають оленя: вони їдять його м'ясо, сплять на його шкірі, роблять з неї одяг і використовують його жир для освітлення. Тож фінська дівчина вбила свого зрадливого коханця і зробила з його мертвим тілом те саме, що звикла робити з оленями. Ось відповідь на канібальську загадку цієї пісні. Якщо ми порівняємо цю поезію з красою та ніжністю, приміром, сербських пісень, то побачимо цілковиту різницю між жовтою фінською і слов'янською расами. І ця раса, домінуюча на територіях, базових для формування московської держави, стала базовим елементом нової влади” [50].

Тож наступне питання: з якого джерела взяв Міцкевич хлюст-рації для своїх аргументів? Коли Залеський писав 1859 року листа Духінському, він, звичайно, знав зміст лекційного курсу Міцкевича, що, зафіксований у рукописах, став широко відомим, вийшов-

ши за коло безпосередніх слухачів паризьких лекцій. І як найближчий друг Міцкевича, і як поет, що зосібна цікавився слов'янськими фольклорними піснями, які перекладав польською, Залеський не міг не знати Міцкевичевого першоджерела російської “канібальської пісні”. І якщо він виразно запам’ятав Гоголів опис не слов’янського характеру окремих російських пісень, включно з “канібальськими мотивами” і як це тішило Міцкевича, тоді має бути якась правда в цьому епізоді. Але є і інше свідчення, що веде нас до Гоголя як вірогідного джерела інформації, використаної Міцкевичем у цьому випадку.

Перш за все, відповідає дійсності ситуація з російськими піснями, про що писав коментатор листа Залеського в “Новом времени”. Окрім популярних книжок з різними піснями, до 1830 року не було справжнього зібрання російських народних пісень. Фактично П.В. Киреевський з групою помічників (серед інших поет М. Язиков) були першими, хто почав збирання та підготовку до друку російських народних пісень як фольклорної літератури. Але його зібрання не було надруковане за життя Гоголя і Міцкевича. Тож цих матеріалів, до яких входили і популярні старі пісенні книги, зібраних Киреевським та Язиковим, не знав ніхто, окрім найближчих друзів і помічників Киреевського. Одним з них був Гоголь, особисто знайомий з Киреевським з 1832 року і почасти залучений до проекту, який він забезпечував українськими народними піснями (Киреевський спочатку планував зібрання російських народних пісень у староруському смислі слова, тобто включно українських та білоруських). І оскільки Гоголь був близький до оточення Киреевського у Москві (Аксакови, Язиков, Шевирьов та ін.), цілком вірогідно, що Гоголь отримав оту “канібальську пісню” або від Киреевського, або від когось іншого з цього московського кола. Та й, зрештою, присвятивши стільки років вивченню народних пісень, в тому числі і російських, Гоголь міг і сам мати одну з тих старих російських пісенних книжок, з яких (окрім прямих записів від людей) Киреевський та інші брали матеріал для першого “повного” зібрання російських фольклорних пісень.

У будь-якому разі, існує більше 10 версій російської “канібальської пісні” і 4 з них є у зібранні Киреевського: 2 записані безпосередньо від людей (одну записав М. Язиков, а іншу – Ю.В. Жадовська [51]) і 2 з популярних російських пісенних книг, виданих 1810 та 1829 [52]. В них усіх з певними варіаціями повторюється “канібальська загадка”, навіть у ще більш “людоджерському” зву-

чанні порівняно з переказом Міцкевича. До того ж в російському оригіналі всі 10 версій цієї пісні мають типово російські облаштунки та деталі і нічого специфічно фінського, окрім, можливо, фінського походження загадки та способу її розв'язання (в усіх російських версіях загадка розв'язується як вбивство і канібалізм). І, до слова, у зібранні Киреевського в покликах до обох версій пісні, як Язикова, так і Жадовської, що була вперше надрукована 1768 року, вона названа “широко відомою пісенною баладою” з “людожерським обрамленням”, що з'явилась у популярних пісенниках на початку XIX століття” [53].

Тож не було нічого дивного чи навіть непослідовного в розказаній Залеським історії про Гоголеву презентацію цих фактів польським друзям у Парижі. Звичайно, висновок, зроблений польськими приятелями Гоголя з цих фактів, міг бути упередженим стосовно росіян чи навіть невірним. Але це вже інше питання, що не є наразі предметом нашого обговорення.

Примітки:

1. Згідно біобібліографічного коментаря А.А. Лазаревського до російського академічного повного зібрання Гоголевих творів, “у другій половині лютого 1837”, але “безпосередньо перед від'їздом Гоголя до Парижу”, тобто наприкінці лютого 1837. Див.: *Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений*. – М.: АН СССР, 1952. – Т. II. – С. 383.

2. Йозеф Богдан Залеський (1802-1886), народився в Україні, один з групи польських поетів в Україні XIX віку, яких в історії польської літератури відносять до “української школи”.

3. Гоголів ужиток української форми свого імені задокументовано багатьма сучасними йому мемуаристами (Г. Данилевський, М. Іваницький, П. Анненков та ін.). Див.: *Вересаев В. Гоголь в жизни*. – М.: Академія, 1933; *Гиппиус В. Н.В. Гоголь в письмах и воспоминаниях*. – М.: Федерация, 1931; *Бродский Н. Гоголь в воспоминаниях современников*. – М.: ГИХЛ, 1952.

4. *Гоголь Н.В. ПСС*. – Т. II. – С. 88. Сосяшниця, завійниця – українські назви хвороб.

5. *Максимович М. Об историческом романе Кулиша...* // *Русская беседа*. – 1898. – Т. 9. – С. 25-26.

6. *Гоголь Н.В. ПСС*. – Т. II. – С. 72.

7. Там само. – С. 74-75.

8. Там само. – С. 75.

9. Там само. – С. 77.

10. *Шенрок В.* Материалы для биографии Гоголя. – М., 1895. – Т.3. – С. 149-150.
11. Там само. – С. 151; також Вересаев В. Гоголь в жизни, с. 173-174.
12. Порівняйте “Словарь української мови, зібраний редакцією журналу “Кіевская старина” (під ред. Б. Грінченка) – К., 1907. – Т.І. та “Словарь русского литературного языка”, виданий АН СРСР. – М., 1930. – Т.І.
13. *Гоголь Н.В.* ПСС. – Там само. – С. 11-12; також Бродский Н. Гоголь в воспоминаниях, с. 255-257.
14. *Шенрок В.* Материалы... Там само. – С. 149.
15. *Смирнова А.* Записки, дневник, воспоминания, письма. – М.: Федерация, 1929. – С. 311-312.
16. *Шенрок В.* Материалы... Там само. – С. 149.
17. Там само. – С. 116.
18. Францішек Духінський (1817-1892), польський професор історії. Автор *Zasady dziejow Polski i innych krajow slowianskich* (Paris, 1858, 3 vols.), *Pologne et Ruthenie Origines Slaves* (Paris, 1861) та інших праць в царині польської та слов'янської історії, відомий, зокрема, своїми суперечливими теоріями не слов'янського походження та характеру росіян.
19. Фактично через 22 роки від дати листа Залеського (1859).
20. Цит. за російським перекладом, передрукованим з “Нового времени” (№ 9483, 1902) “Киевской стариной”. – Т. 78. – №9. – 1902 (вид. моє. – В.Г.)
21. Див.: *Зелинский В.* Русская критическая литература о произведениях Н.В. Гоголя. – Т. 1-3. – М., 1893-1895 (особливо спогади Н. Полевого, О. Сеньковського, Ф. Булгаріна).
22. *Киевская старина.* – Т.78. – № 9 (вересень). – 1902. – С. 116-118.
23. Там само. – С. 118 (вид. моє – В.Г.)
24. *Гоголь Н.В.* ПСС. – Т.10. – С. 273.
25. Там само. – С. 284.
26. Там само. – С. 288.
27. Там само. – С. 301.
28. Там само. – С. 326.
29. “Кацап” – українське зневажливе прізвисько росіян.
30. *Пытин А.* История русской литературы. – СПб., 1989. – Т. 4. – С. 485.

31. *Mickiewicz A.* Literatura slowianska wykladana w Kolegium Francuzkiem. – Poznan, Nakl. J. Zupanskiego, 1865. – V.1. – P.5.
32. *Giergielewicz M.* Literatura Polska. – Londyn: Orbis, 1961. – P. 50.
33. *Пытин А. и Спасович В.* История славянских литератур. – СПб.: Изд. Стасюлевича, 1881. – Т. 2. – С. 620.
34. *Шенрок В.* Материалы... – Т. 3. – С. 549; також *Кочубинский А.* Будущим биографам Гоголя // Вестник Европы. – 1902. – С. 650-675.
35. *Кочубинский А.* Вказана праця. – С. 663-672.
36. Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. – СПб, 1902. – Т. 2. – С. 10-15; також Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. – М.: АН СССР, 1936. – Т. 2. – С. 377-406.
37. Литературное наследство. – М.: АН СССР, 1968. – Т. 79. – С.136, 234.
38. *Гоголь Н.В.* ПСС. – Т. 11. – С. 32.
39. Там само. – С. 35.
40. Там само. – С. 35.
41. *Гоголь Н.В.* ПСС. – Т. 10. – С. 312.
42. Литературное наследство, с. 234-235.
43. Памяти В.А. Жуковского, с. 10-15.
44. *Гоголь Н.В.* ПСС. – Т. 8. – С.760.
45. Там само. – С. 43.
46. Там само. – С. 47.
47. Там само.
48. *Гоголь Н.В.* ПСС. – Т. 9. – С. 31.
49. Там само. – С. 35-36.
50. *Mickiewicz A.* Literatura slowianska... – V. I. – P. 225.
51. Литературное наследство, с. 357, 571.
52. Великорусские народные песни, изданные А.И. Соболевским. – СПб, 1895. – Т. I. – С. 211-213, 218-219.
53. Литературное наследство, с.572.

Переклад *Тетяни Михед*

Андрей Евдокимов

**«...Вещь может быть славная»:
Вопросы творческой истории драмы Н.В. Гоголя
об украинском казачестве**

В творчестве Н.В. Гоголя, хорошо изученном за более чем полтора столетия, есть несколько произведений, которые редко привлекают внимание исследователей. К таковым относится драма на сюжет из украинской истории, якобы имевшая название «Выбритый ус» [Гоголь, 1889а: 663–664].

Написанная в конце 1830-х – начале 1840-х гг., драма была уничтожена автором, разочаровавшимся в своем творении. О существовании этого произведения знали лишь немногие в окружении писателя до 1861 г., когда первый биограф Гоголя П.А. Кулиш опубликовал уцелевшие фрагменты пьесы и коротко рассказал об обстоятельствах ее создания [Кулиш, 1861]. В нашем распоряжении находится немного свидетельств ее существования. Судить о работе над ней мы можем, опираясь на письма автора и мемуары его современников. В итоге драма (единственная в творчестве Гоголя на материале отечественной истории), по-видимому, разделила участь многих других трудов писателя, которые он счел неудавшимися. Произведение, которому предрекалось «славное» будущее, автор предал огню.

Уничтоженная историческая пьеса Гоголя ставит перед исследователями ряд сложных проблем. За прошедшие с того времени полтора столетия значительно расширился корпус отрывков, относимых к драме об украинском казачестве [Гоголь, 1889б; Гоголь, 1949; Гоголь, 1994; Гоголь, 1996], предприняты попытки реконструировать сюжет этого произведения [Каманин, 1911; Карпук, 1997]. История его создания также неоднократно становилась объектом изучения, поскольку она тесно связана с проблемами воссоздания сюжета пьесы и определения ее места в гоголевском творчестве. Однако специальных работ, посвященных этому вопросу и охватывающих все основные документы, насколько нам известно, пока нет. В данной статье мы предпримем попытку запол-

нить этот пробел и рассмотрим наиболее важные вопросы творческой истории драмы из украинской истории, опираясь прежде всего на тексты Гоголя и свидетельства его современников, а также на основные научные труды, посвященные уничтоженной исторической драме.

1

Говоря о начальном этапе работы над драмой, нужно признать, что история литературы пока не располагает достаточно точными сведениями об этом. Причины такого положения вещей кроются в личности Гоголя. Корреспонденция, свидетельства современников и, наконец, произведения самого писателя показывают, что он не любил посвящать других людей в детали творческого процесса. Не следует, кроме того, забывать о ранимости и скромности Гоголя, которые, наряду с критическим отношением к себе и своей деятельности, берут начало в христианском мировоззрении писателя. Имеющиеся в распоряжении исследователей сведения о его жизненном пути, равно как и о литературном творчестве, далеко не полны и требуют обстоятельной проверки по другим источникам. Зачастую недостаток информации препятствует точной оценке тех или иных фактов, касающихся творчества писателя. Все сказанное справедливо по отношению к предмету настоящей статьи – драме об украинском казачестве.

Итак, дата начала работы над этим не полностью сохранившимся произведением пока остается неизвестной, поскольку ни сам Гоголь, ни современники, не оставили никаких прямых свидетельств. Тем не менее, есть документы, которые позволяют приблизительно установить время появления этого замысла. Нельзя не упомянуть здесь значительный вклад И.А. Виноградова [Гоголь, 1996: 548–553], указавшего на ряд интересных источников, выпавших из поля зрения исследователей гоголевской биографии.

Создание исторической драмы не представляется возможным без изучения документов, засвидетельствовавших соответствующую эпоху. В нашем случае речь идет, по всей видимости, об эпохе особенно напряженного противостояния казаков и шляхты (XVI–XVII вв.). Вместе с тем, по мнению отдельных исследователей, действие драмы нужно относить к эпохе Петра I [Катранов, 1909: 53].

Гоголь, как известно, был чрезвычайно увлечен историей, некоторое время преподавал, сохранились его статьи и конспекты. Главным источником исторических сведений для него был фольк-

лор, который он предпочитал сухим и безжизненным летописям. Народные песни вызывают восхищение Гоголя: «Моя радость, жизнь моя! песни! Как я вас люблю! Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями!» [Гоголь, 1940: 284] «Страстно любимые им народные песни, его главный источник, по крайней мере, в смысле влияния на его душу, естественно представляют жизнь с ее поэтической стороны», – писал биограф Гоголя [Шенрок, 1893: 40].

Несомненно, интерес к народному творчеству рано просыпается в молодом Гоголе. Знакомство Гоголя со сборниками народной поэзии началось еще в раннем детстве, когда он получил возможность читать книжки из библиотеки Д.П. Трошинского [Каманин, 1902: 77]. В нежинской Гимназии высших наук он начинает вести «Книгу всякой всячины», на страницах которой записывает самые разнообразные фольклорные произведения, в том числе и песни [Сперанский, 1902: 19 и сл.]. Также Гоголь имел возможность пополнить свои знания о малороссийском быте благодаря собранным Максимовичем песенным материалам (с ними писатель познакомился еще до публикации второго, расширенного издания «Малороссийских песен»).

К середине 1830-х гг. писатель располагал огромным собранием малороссийских песен, насчитывавшим более 1000 произведений. Это собрание, как указывают исследователи, составилось в основном благодаря песням, присланным Гоголю сестрой и матерью, теткой Катериной Ивановной, а также, видимо, приживалками [Георгиевский, 1908: 8; Марков, 1908: 167]. В гоголевских тетрадах находятся малороссийские песни (большая часть, неоднократно привлекавшая внимание специалистов) и великорусские (в происхождении которых много неясного) [Марков, 1908: 168]. С.А. Красильников установил происхождение части малороссийских песен. Писатель, как убедительно показывает исследователь, пользовался изданиями Waclaw'a z Oleska "Pieśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego" и «Малороссийскими и червонорусскими народными думами и песнями» Платона Лукашевича, а также рукописными материалами З. Доленги-Ходаковского [Красильников, 1936: 379–380, 387, 397].

Гоголь имел немалый собирательский опыт и достиг «весьма заметных и даже крупных результатов» [Георгиевский, 1908: 3]. Он дает советы своему другу и коллеге М.А. Максимовичу, который, видимо, ими «очень дорожил» [Соколов, 1909: 85]. Слава фольклориста-

любителя доходит даже до графа С.С. Уварова. Министр народного просвещения обращается к Гоголю с просьбой написать отзыв на сборник «Запорожская старина» И.И. Срезневского [там же: 89]. Собрание фольклорных материалов продолжает пополняться до середины 1830-х гг. [там же: 80; Георгиевский, 1908: 10].

Вскоре после премьеры «Ревизора» Гоголь отправляется в путешествие по Европе. Решение это, впрочем, не было внезапным: мысль о поездке возникает у писателя задолго до 6 июня 1836 г., дня, когда он покидает Россию. Отъезд, однако, был омрачен неудачной постановкой комедии «Ревизор».

Заграничное путешествие, очевидно, сглаживает воспоминания о неприятностях на Родине, и Гоголя вновь посещает вдохновение. Результатом напряженной работы становятся такие произведения, как «Шинель», «Рим», «Игроки», «Мертвые души». С 1836 по 1842 г. создаются новые редакции «Портрета», «Тараса Бульбы» и «Ревизора», которые показывают, насколько вырос литературный талант Гоголя и насколько зрелыми стали его взгляды на жизнь. Произошедшие перемены находят отражение в письмах и воспоминаниях современников. Именно в этот насыщенный и плодотворный период писатель приступает к созданию драмы из украинской истории.

26 марта 1837 г. н. ст.* Гоголь впервые видит Рим – город, который произведет на писателя неизгладимое впечатление и фактически станет его «второй Родиной». Один из биографов писал: «В Риме Гоголь нашел, наконец, после долгих скитаний, тот родной уголок земли <...>, где ему дышалось хорошо и привольно и откуда не тянуло его даже в родную Украину» [Шенрок, 1895: 171].

В том же 1837 г. Гоголь неоднократно просит Н.Я. Прокоповича прислать свои оставшиеся в России бумаги. Среди них находилось то самое рукописное собрание малороссийских песен. 3 июня 1837 г. н. ст. Гоголь пишет своему гимназическому приятелю и другу: «<...> нужно тебе все рукописные мои книги, которые находятся в моей библиотеке в связках, сложить в ящик, запаковать и отправить ко мне. Мне очень нужны они, и без них я как без рук. Там у меня выписки и материалы всего. Теперь же принимаюсь не на шутку за важное дело» [Гоголь, 1952а: 101]. О том, какие это были бумаги, становится известно из письма к тому же адресату от 2 ноября 1837 г. н. ст.: «Я тебя просил выслать мне

* Даты, кроме особо оговоренных случаев, приводятся по старому стилю.

мои рукописи – все совершенно, без исключения. Пожалуйста, не позабудь этого исполнить. Они мне совершенно все нужны, в том числе, вместе с ними, есть и печатные экстракты из дел и докладные записки, и малорос<сийские> песни; всё это перешли» [там же: 116]. Прокопович медлил с высылкой материалов, и Гоголь снова напоминает ему об этом в письмах от 15 апреля [там же: 134] и 2 июля 1838 г. н. ст. [там же: 162]. Эти документы писатель получает в конце 1838 – начале 1839 гг. [Гоголь, 1994: 614].

Идея написать историческую драму, как считают оставившие воспоминания современники и исследователи, появляется у Гоголя под влиянием грандиозного величия древнего Рима. До второй половины 1839 г. мы почти ничего не знаем о литературных занятиях писателя. Это может объясняться недостаточной изученностью итальянского периода жизни и творчества Гоголя. Хотя мы располагаем сведениями, что писатель не прекращает занятий историей. А.И. Тургенев записывает в дневнике 23 октября 1838 г. н. ст. в Париже: «<...> Поутру был у Гоголя – пишет русскую историю в политическом отношении, объяснял происхождение русских городов и пр.» [Гиллельсон, 1963: 138].

Интересно, что до 1841 г. Гоголь ничего не сообщает о создании новой редакции «Тараса Бульбы». Именно поэтому Ю.Г. Оксман предположил, что «неожиданное обращение Гоголя к родной старине связано было исключительно с задуманной трагедией из истории Запорожья, и лишь неудача последней, не ранее конца 1840 г., определила частичное перемещение подготовленного для драмы материала в новую редакцию “Тараса Бульбы”» [Оксман, 1926: 50]. Для того чтобы подтвердить или опровергнуть эту немаловажную для изучения гоголевской исторической драмы гипотезу, необходимо специальное исследование, которое пока не было предпринято.

Более года Гоголь ожидает бумаги, которые нужны ему для продолжения работы. За это время он осматривает достопримечательности старейших городов Италии, заводит немало интересных знакомств. Из содержания майских и июньских писем 1839 г. можно заключить, что Гоголь переживает приступ уныния, вероятно связанный с обострением болезни. Затем Гоголь покидает Рим и отправляется на воды в Австро-Венгрию. В болезненном состоянии, скорее всего, он не работал либо трудился совсем мало, поскольку о чтении малороссийского фольклора мы узнаем из писем датируемых летом-осенью 1839 г.

Уже получив необходимые документы от Прокоповича, 15 августа 1839 г. н. ст. Гоголь сообщает М.П. Погодину: «Малоросси<йские>

песни со мною. Запасуюсь и тщусь сколько возможно надыхаться стариной» [Гоголь, 1952а: 240–241]. Автор письма осторожен и не сообщает известному историку и журналисту о причинах своего интереса к малороссийским древностям. Заметим, что в течение долгого времени общим местом в гоголеведении было утверждение, что исторические труды писателя (лекции, статьи) не представляют большого научного интереса. Установилось мнение, что Гоголь занимался историей поверхностно и его взгляды были неглубокими. Так, В.И. Шенрок писал о гоголевских занятиях историей на рубеже 1830-х–40-х гг.: «<...> он серьезнее принялся теперь за изучение украинской истории, нежели прежде, в былые времена своего профессорства, когда он, по-видимому, вовсе еще не приступал к работе по источникам; хотя, впрочем, и теперь его исторические занятия были, конечно, не ученые, не основанные на отыскании и изучении архивных данных, а чисто литературные, в пределах необходимых и полезных для его художественного создания» [Шенрок, 1895: 454–455]. Однако недооценка занятий Гоголя историей мешает прочтению произведений с точки зрения его творческой эволюции. Изучение исторических взглядов Гоголя, представляющих значительную научную проблему и заслуживающих монографического исследования, еще впереди [Виноградов, 2001: 4 и сл.].

В письме С.П. Шевыреву от 25 августа н. ст. писатель делится впечатлениями о прочитанном: «Передо мною выясняются и проходят поэтическим строем времена казачества, и если я ничего не сделаю из этого, то я буду большой дурак. Малороссийские ли песни, которые теперь у меня под рукою, навяли их или на душу мою нашло само собою ясновидение прошедшего, только я чую много того, что ныне редко случается» [Гоголь, 1952а: 241]. Украинский фольклор, по мнению П.Д. Карпука, мог стать единственной основой гоголевской концепции истории [Карпук, 1997: 582]. В письме тому же корреспонденту 10 сентября н. ст. Гоголь рассказывает о возникших затруднениях: «Труд мой, который начал, не идет; а, чувствую, вещь может быть славная. Или для драматического творения нужно работать в виду театра, в омуте со всех сторон уставившихся на тебя лиц и глаз зрителей, как я работал во времена оны? Подожду, посмотрим. Я надеюсь много на дорогу. Дорогою у меня обыкновенно развивается и приходит на ум содержание; все сюжеты почти я обдelyвал в дороге» [Гоголь, 1952а: 248].

Действительно, возможность обдумать незаконченные произведения в дороге скоро представилась. Гоголь собирался в Россию, чтобы принять участие в судьбе своих сестер. О том, насколько плодотворными были его путевые размышления, можно судить лишь приблизительно. Поскольку более в письмах Гоголь не возвращается к этой теме, то мы вынуждены положиться на наблюдения С.Т. Аксакова. В «Истории моего знакомства с Гоголем» он писал: «Невинная выдумка возвращала Гоголю полную свободу, и он, подняв воротник шинели выше своей головы (это была его любимая поза), всю дорогу читал потихоньку Шекспира или предавался своим творческим фантазиям» [Гоголь в воспоминаниях современников, 1952: 136].

Письмо Жуковскому, датированное (задним числом) 12-м сентября, выражает уверенность писателя, труд которого близится к завершению: «Я проживу у него (Погодина. – А. Е.) месяц, затворясь от всех и от всего. Мне нужно окончить мою некоторую работу». Последние слова, по-видимому, означают драму из украинской истории. Письмо это интересно еще и тем, что показывает, как Гоголь старается перенять пушкинский опыт литературной деятельности. В процитированном выше письме к Шевыреву он пишет: «<...> я... странное дело, я не могу и не в состоянии работать, когда я предан уединению, когда не с кем переговорить, когда нет у меня между тем других занятий и когда я владею всем пространством времени, неразграниченным и неразмеренным» [Гоголь, 1952а: 247].

По прибытии в Москву 17 сентября 1839 г. Гоголь останавливается у М.П. Погодина и, по-видимому, снова берется за работу над исторической драмой. К.С. Аксаков в письме к братьям Григорию и Ивану от 30 сентября 1839 г. сообщал: «Гоголь написал много, но это секрет: он не любит, чтоб ему говорили о его сочинениях. Мы все осторожны на этот счет. Он и теперь собирается писать что-то» [Литературное наследство, 1952: 564]. В последнем процитированном предложении речь, вероятно, идет об исторической драме или же о «Шинели», черновые наброски которых встречаются в венских бумагах Гоголя [Гоголь, 1889б: 677, 680].

Осень 1839 – весна 1840 гг. приносит писателю немало забот. Он приезжает в Москву, чтобы устроить сестер в пансион. Дела писателя расстроены, и он надеется поправить их средствами, полученными за издание новых произведений. Гоголь занимается литературным творчеством и в Петербурге, куда приезжал той же

осенью. Свидетельством этого служит письмо С. Т. Аксакова сыну Константину от 17 ноября 1839 г. [там же: 574], которое позволяет судить о творческом методе писателя: чтобы проникнуться духом времени и его героев, он работает в старинном национальном костюме. Письмо Срезневского из Москвы от 15 октября 1839 г. сообщает: «Щепкин премилый человек; он однажды просидел у меня с Гоголем целый вечер, и мы говорили все о Малороссии, между прочим, читали кое-что из баллад украинских, и думок, и песен» [Путевые письма, 1892: 71]. Из письма О.М. Бодянского к М.П. Погодину от 18 октября 1839 г. н. ст. следует, что Гоголь брал у известного фольклориста П.И. Шафарика «малороссийские и польские песни, изданные Вацлавом из Олеска» [Письма к Погодину, 1879: 104].

Один из источников, который сообщает о работе над исторической драмой, – «История моего знакомства с Гоголем» С.Т. Аксакова. 30 ноября 1839 года Гоголь делится своими творческими планами с автором названных записок: «<...> кроме труда, завещанного ему Пушкиным, совершение которого он считает задачей своей жизни, то есть “Мертвые души”, у него составлена в голове трагедия из истории Запорожья, в которой все готово, до последней нитки, даже в одежде действующих лиц; что это его давнишнее любимое дитя, что он считает, что эта пьеса будет лучшим его произведением и ему будет с лишком достаточно двух месяцев, чтобы переписать ее на бумагу» [Гоголь в воспоминаниях современников, 1952: 108]. Как уже было сказано, Гоголь очень неохотно рассказывал о своих планах посторонним. То, что писатель раскрыл замысел Аксакову, объясняется, по-видимому, тем, что Гоголь, находясь в непростом положении и получив необходимые средства для устройства сестер, хотел заверить благодетеля в скором возврате долга.

Мемуары Аксакова не дают прямого ответа на вопрос, была ли к этому времени написана трагедия. Та осторожность, с которой Гоголь описал свое произведение, заставляет думать, что нет. Закономерно предположить, что, если бы историческая драма была написана хотя бы вчерне, Гоголь, скорее всего, сказал бы об этом Аксакову. Но если в конце октября 1839 г. существовал только план и самые ранние наброски, то Гоголь не стал бы лгать. Если он только обдумывал ее, то, вероятно, записывал наиболее удачные идеи. Скорее всего, эту стадию работы и отражают сохранившиеся черновые наброски, большинство из которых на листах с

датированной филигранью “J Whatman Turkey Mill 1838” [Гоголь, 1889а: 625; Гоголь, 1889б: 674].

К весне 1840 г. Гоголь сумел справиться с трудностями при участии друзей. Однако его душевное равновесие было нарушено. Спокойной работы у Погодина не получилось, так как последний терзал Гоголя просьбами написать что-нибудь для издаваемого им журнала. В конце января – первой половине февраля Жуковскому удается собрать для Гоголя 4000 рублей, чтобы тот смог вернуться в Рим и продолжить работу над «Мертвыми душами» (см. исполненное искренней благодарности письмо Гоголя [Гоголь, 1952а: 272–273]). 18 мая писатель покидает Россию [Гиппиус, 1999: 451]. Он признается М.П. Погодину (письмо от 17 октября 1840 г. н. ст.): «<...> дорога до Вены по нашим открытым степям тотчас сделала надо мною чудо. Свежесть, бодрость взялась такая, какой я никогда не чувствовал» [Гоголь, 1952а: 313].

2

Первые документальные свидетельства существования рукописи драмы из украинской истории относятся к венскому лету 1840 г. С июня – августа начинается новый этап работы над этим произведением: Гоголь пишет первые сцены исторической драмы. В процитированном выше письме он сообщает Погодину: «Я почувствовал, что в голове моей шевелятся мысли, как разбуженный рой пчел; воображение мое становится чутко. О! какая была это радость, если бы ты знал! Сюжет, который в последнее время лениво держал я в голове своей, не осмеливаясь даже приниматься за него, развернулся передо мною в величии таком, что всё во мне почувствовало сладкий трепет. И я, позабывши всё, переселился вдруг в тот мир, в котором давно не бывал, и в ту же минуту засел за работу <...>» [там же].

Однако в Вене дает о себе знать прежний недуг (о чем он сообщает в письме к П.А. Плетневу от 30 октября н. ст. [там же: 319]). Проведя мучительное лето, автор исторической драмы переезжает во Флоренцию, а 13 октября н. ст. въезжает в Рим, где ему становится намного лучше. Своими впечатлениями о том, как встретил его Рим, Гоголь делится с С.Т. Аксаковым 28 декабря 1840 г. н. ст.: «Болезнь моя много отняла у меня времени; но теперь, слава Богу, я чувствую даже по временам свежесть, мне очень нужную» [там же: 323]. Гоголь не надеется на скорое выздоровление: «Прежние мои предположения сильно разрушились, и

причиною была сильная моя опасная болезнь, в излечении которой отказался доктор, и одна только чудная воля Бога воскресила меня» (к П.И. Раевской, не позднее января 1841 г. [там же: 328]).

К осени 1840 г. Гоголь уже написал некоторое количество сцен и читал их молодому литератору В.А. Панову. Последний поделился впечатлениями с С.Т. Аксаковым в письме от 21 ноября н. ст.: «<...> в одно утро, дней десять тому назад, он меня угостил началом своего произведения! Это будет, как он мне сказал, трагедия. План ее он задумал еще в Вене. Действие в Малороссии. В нескольких сценах, которые он уже написал и прочел мне, есть одно лицо комическое, которое, выражаясь не столько в действии, сколько в словах, теперь уже совершенство. О прочих судить нельзя: они должны еще обрисоваться в самом действии. Главное лицо еще не обозначилось...» [Гиппиус, 1999: 195]. Комментарий В. В. Гиппиус справедливо поправляет неточность в рассуждениях Панова: «Задумал в Вене, но не в 1840, а в 1839 году <...>» [там же]. О работе над украинскими материалами (в том числе фольклорными) свидетельствует В.А. Панов в письме к К.С. Аксакову: «В Вене в продолжение почти 4-х недель, я видел ясно, что он чем-то занят. <...> он тогда перечитывал и переписывал свое огромное собрание малороссийских песен, собирал лоскутки, на которых у него были записаны поговорки, замечания и проч.» (цит. по [Оксман, 1926: 49]). 15 декабря 1840 г. А.В. Кольцов писал Белинскому: «<...> Боткина брат пишет, что он начал писатель драму; интерес взят из малороссийской истории, и что много написал и скоро кончит» [Кольцов, 1955: 314]. Следовательно, имеется документальное подтверждение того, что Гоголь продолжает прерванную в России работу между 17 июня и серединой июля 1840 г. н. с., когда Панов отправляется в Венецию [Шенрок, 1895: 334]. Дата прибытия в Вену становится известной из письма Панова к К. С. Аксакову от 21 июня/2 июля 1840 г., где сообщается подробность – Панов и Гоголь прибыли в Вену «около полудня» [Литературное наследство, 1952: 592].

О малороссийской драме вспоминал П.В. Анненков, навестивший Гоголя в Италию 28 апреля 1841 г. н. ст. В мае – июне Анненков помогает писателю, записывая под его диктовку первые шесть глав «Мертвых душ» и видит предварительные наброски драмы. В биографической статье «Н.В. Гоголь в Риме летом 1841 года» литератор пишет: «Надо сказать, что Гоголь перечитывал в то время “Историю Малороссии”, кажется Каменского, и вот по какому поводу. Он

писал драму из казацкого запорожского быта, которую потом бросил равнодушно в огонь, недовольный малым действием ее на Жуковского: история Малороссии служила ему пособием. О существовании драмы я узнал случайно. Между бумагами, которые Гоголь тщательно подкладывал под мою тетрадку, когда готовился диктовать, попался нечаянно оторванный лоскуток, мелко-намелко писанный его рукою. Я наклонился к бумажке и прочел вслух первую фразу какого-то старого казака (имени не припомню), попавшую мне на глаза и мною удержанную в памяти: “И зачем это Господь Бог создал баб на свете, разве только, чтоб казаков рожала баба...” Гоголь сердито бросился ко мне с восклицанием: “Это что?” – вырвал у меня бумажку из рук и сунул ее в письменное бюро <...>» [Гоголь в воспоминаниях современников, 1952: 282].

Свидетельство Анненкова очень интересно и заслуживает внимательного рассмотрения. Оно дает возможность рассуждать о том, была ли завершена драма весной – летом 1841 г.

Рассмотрим первую версию: согласно ей произведение уже было написано. Во-первых, Анненков не видел, как Гоголь писал драму из украинской истории. Поэтому можно предположить, что в это время (конец апреля – конец августа 1841 г.) активная работа над драмой уже закончилась. В противном случае Анненков мог что-нибудь заметить. Во-вторых, общение писателя и его помощника было очень тесным: вместе они совершили несколько поездок по городам Италии. Немало времени проводили у знакомых, в том числе художников. Следовательно, у Гоголя было мало возможностей работать вне присутствия Анненкова. В-третьих, «лоскутки» относятся скорее к подготовительным материалам, чем к завершенному тексту драмы. Обрывок попался Анненкову случайно, из-за рассеянности Гоголя, который не собрал уже использованные материалы. Вторая версия представляет ситуацию так, что работа над произведением еще продолжалась, причем параллельно с написанием «Мертвых душ». Во-первых, Анненков видел отрывок текста, с которым работал Гоголь перед самым приходом своего добровольного стенографиста. Во-вторых, свидетельства Анненкова показывают, что он не всегда знал, чем занимался Гоголь, поскольку не все время они проводили в обществе друг друга. Рассмотрев эти *pro et contra*, мы предполагаем, что создание драмы, вероятно, продолжалось летом 1841 г., хотя творческий процесс и не был столь напряженным, как в Вене и Риме во второй половине 1840 г.

Следующий этап творческой истории гоголевской драмы касается завершения работы над этим произведением и его последующим уничтожением.

В августе 1840 г. Гоголь собирается в Москву для того, чтобы подготовить к печати первый том поэмы «Мертвые души». Во второй половине августа писатель уже во Флоренции, оттуда едет в Германию на встречу с В.А. Жуковским. Гоголь намерен просить у поэта, который в течение нескольких лет воспитывал Цесаревича Александра Николаевича, чтобы тот походатайствовал при дворе за художника А.А. Иванова, которому требовались средства для окончания полотна «Явление Мессии». На суд Жуковского, близкого друга и крупнейшего писателя, Гоголь собирался представить историческую драму на сюжет из истории Украины.

Встреча с Жуковским состоялась несколько позже, чем рассчитывал Гоголь. Не застав поэта в Дюссельдорфе, он едет во Франкфурт, где и произошла встреча в сентябре 1841 г. [Жуковский, 2004: 25], до 20 сентября н.ст. (этим числом датируется письмо Гоголя А.А. Иванову из Ганау, куда он поехал из Франкфурта [Гоголь, 1952а: 344]). Дневники Жуковского за 1841 г. долгое время считались утраченными [Оксман, 1926: 56], и лишь недавно стали доступными исследователям. О встрече с Гоголем в записях за этот год не сказано ни слова.

О событиях во Франкфурте, касающихся драмы из украинской истории, известно из нескольких источников. Суть их можно свести к одному: некая историческая драма не заинтересовала Жуковского, он даже заснул, слушая ее, поэтому Гоголь счел ее неудачной и тотчас же бросил в огонь. Рассказ об этом трагическом для Гоголя эпизоде сохранился в воспоминаниях современников. Интересно, что точно неизвестно, была ли это та самая историческая драма (Гоголь ведь мог написать несколько различных текстов на одну тему), поскольку имеющиеся у нас сведения о ней необычайно скудны. Однако именно эта версия событий не без основания преобладает: «<...> т<ак> к<ак> Гоголь не написал вообще ни одной трагедии или драмы, то читанная во Франкфурте, вероятно, та украинская трагедия, следы которой он нашел» [Катранов, 1909: 52].

Рассмотрим широко известные свидетельства о драматических событиях, сопровождавших встречу Гоголя и Жуковского осенью 1841 г.

Цензор А.В. Никитенко писал: «Однажды Гоголь просил Жуковского выслушать какую-то вновь написанную им пьесу и сказать о ней свое мнение. Это, кажется, было за границей, в Дюссельдорфе, где находился Жуковский. Чтение пришлось как раз после обеда, а в это время Жуковский любил немножко подремать. Не в состоянии бороться с своею привычкою, он и теперь, слушая автора, мало-помалу погрузился в тихий сон. Наконец, он проснулся. – “Вот видите, Василий Андреевич, – сказал ему Гоголь, – я просил у вас критики на мое сочинение. Ваш сон есть лучшая на него критика”. И с этими словами бросил рукопись в тут же топившийся камин. Этот анекдот передал мне Ф.В. Чижов со слов самого Гоголя» [Вересаев, 1990: 308].

Рассказ Ф.В. Чижова выглядит несколько иначе: «– Да и вообще в драме Гоголь не мастер. Знаете ли, что он написал было трагедию? (Не могу утверждать, сказал ли мне Жуковский ее имя, содержание и из какого быта она была взята; только, как-то при воспоминании об этом, мне представляется, что она была из русской истории). Читал он мне ее во Франкфурте. Сначала я слушал; сильно было скучно; потом решительно не мог удержаться и задремал. Когда Гоголь кончил и спросил, как я нахожу, я говорю: “Ну, брат, Николай Васильевич, прости, мне сильно спать захотелось”. – “А когда спать захотелось, тогда можно и сжечь ее”, – отвечал он и тут же бросил в камин. Я говорю: “И хорошо, брат, сделал”» [Гоголь в воспоминаниях современников, 1952: 228–229].

При сопоставлении двух свидетельств прежде всего заметно, что рассказчики называют разные источники этого сообщения. А.В. Никитенко утверждает, что полученный от Ф.В. Чижова анекдот распространял сам Гоголь, в то время как Чижов ссылается на Жуковского. Очевидно, что вторая версия заслуживает большего доверия. Во-первых, трудно себе представить, чтобы Гоголь, скрывавший почти ото всех близких ему людей замысел исторической драмы, вдруг решил рассказать всем о своем уничтоженном произведении. Во-вторых, учитывая, насколько тяжело писатель переживал неудачи, он едва ли стал рассказывать о сожжении драмы. Показателен эпизод, пересказанный П.А. Кулишом со слов М.С. Щепкина: «Еще мы знаем, что Гоголь, в свой первый приезд в Москву, говорил о какой-то драме М.С. Щепкину: “Ну, Михайло Семенович, будет вам славная работа: у меня есть драма за выбритый ус, в роде *Тараса Бульбы*. Я скоро ее окончу”. Михайло Семенович имел неосторожность спросить об этой драме у

Гоголя при свидетелях. Гоголь отперся и отвечал, что никогда не говорил ничего подобного; но, выходя из комнаты, шепнул г. Шепкину: “Болтун, ничего больше не скажу!”» [Кулиш, 1861: 117]. Поэтому, скорее всего, история гибели драмы была рассказана Жуковским Чижову, а тот передал ее подробности Никитенко. В пользу этого предположения говорит и сказовая манера Чижова, которая больше похожа на речь Жуковского в его дружеских письмах к Гоголю (см. сохранившиеся в [Жуковский, 1980: 463–475]).

Склоняемся к мысли, что драма из украинской истории и есть то сожженное произведение, поскольку мы не располагаем никакой информацией о какой-либо другой исторической драме, создаваемой Гоголем в этот период. Попытаемся найти ответ на вопрос, почему историческая драма из украинской истории не понравилась Жуковскому и он задремал во время ее чтения. Прежде всего, нужно помнить о возрасте поэта, которому в 1841 г. исполнилось 58 лет, и о том, что приезд Гоголя состоялся за несколько дней до разрешения от бремени молодой жены Жуковского Е. Рейтерн. Беременность была тяжелой и закончилась преждевременно и трагически для ребенка. Любящий муж проводил ночи около постели супруги, оберегая ее покой [Жуковский, 2004: 261–262]. После ночного бодрствования он едва ли мог уделить должное внимание произведению, которое читал ему Гоголь. Именно по этой причине самый известный слушатель и критик драмы из украинской истории мог заскучать, а потом и задремать. Кроме того, несмотря на искреннюю доброжелательность Жуковского по отношению к Гоголю, их литературные взгляды и вкусы складывались в различное время и при несхожих обстоятельствах, а следовательно, не могли во всем совпадать. Эти причины могли привести к тому, что Жуковский не придал значения драме, что в глазах Гоголя было равносильно ее смертному приговору. Обратим внимание на версию сожжения, переданную цензором Никитенко, который читал перед публикацией многие произведения Гоголя и даже не пропустил в печать главы романа «Гетьман». Никитенко знал Гоголя лучше, чем Чижов, и, возможно, поэтому не воспринял серьезно слова последнего о скучности и слабости произведения, которое оба они не читали.

Не вызывает сомнения то, что драматическое произведение на сюжет из малороссийской истории было написано, а затем уничтожено автором. Однако этого не достаточно для ответа на вопрос:

была ли закончена драма, либо Жуковский, как ранее Панов в Вене, слышал несколько сцен из незаконченного труда? За более чем столетнюю историю изучения драмы было высказано несколько точек зрения на эту проблему. П.А. Кулиш вообще сомневался в том, что Гоголь продвинулся дальше предварительных набросков [Кулиш, 1861: 117]. В.И. Шенрок в «Материалах для биографии Гоголя» высказывает предположение, что Гоголь уничтожил уже написанную «драму из запорожского быта» [Шенрок, 1895: 448]. Позднее он изменил свое мнение, полагая, что это произведение так и не было завершено (об эволюции взглядов Шенрока см. [Каманин, 1911: 92]). И.М. Каманин высказывал мнение, что оно было «несомненно написано» и предлагал чрезмерно смелую реконструкцию ее сюжета [там же: 92 и сл.]. Ю.Г. Оксман считал вопрос о том, насколько Гоголь написал драму к моменту ее гибели, относящимся к числу «никогда по существу неразрешимых» [Оксман, 1926: 56].

Нисколько не претендуя на единоличное обладание истиной, выскажем несколько соображений, касающихся данной проблемы. Воспользуемся доступными сведениями о творческом процессе писателя. Из его признаний в письмах и датировки его произведений следует, что он мог трудиться над одним произведением от нескольких месяцев до нескольких лет. Время это зависело, вероятно, от физического здоровья и душевного спокойствия писателя (первое обуславливало второе, и наоборот), сложности темы (вспомним многолетние усилия, приложенные для создания I и II томов «Мертвых душ»), объема произведения (те же примеры, что и к предыдущему пункту) и интереса писателя к произведению (по-видимому, из-за этого не была написана драма «Альфред» и роман «Гетьман»). Разумеется, эти причины могли действовать на автора одновременно.

Изучим известную нам информацию о Гоголе и его творчестве во время, когда он мог создавать драму из украинской истории. Писатель в 1839-1841 гг. переживал взлеты и падения. О двух наиболее плодотворных периодах нам известно: это лето 1839 г. и осень 1840 – лето 1841 гг. Расчетный промежуток времени оказывается значительным; написать за это время драму можно, учитывая, как быстро создавался «Ревизор». Однако не следует забывать, что Гоголь трудился одновременно или с некоторыми перерывами над несколькими произведениями. Основным из них, скорее всего, были «Мертвые души». Это произведение было намного

больше и сложнее задуманной драмы, и потом у Гоголя могли возникнуть сложности с созданием драматического произведения на историческую тему. Предыдущий опыт подобного произведения – драма о времени завоевания Англии норманнами – не был завершен. Однако «Адольф» писался, когда Гоголь только вошел в литературу, и потому и его творческий метод еще не предполагал ширококомасштабных поисков исторических сведений. Кроме того, та драма была задумана о чужой стране и автор ее не мог располагать свободно информацией, в случае же с «малороссийской трагедией» Гоголь прекрасно знал героические страницы прошлого своей земли. К тому же, уже был написан «Тарас Бульба», и Гоголь имел немалый опыт изображения освободительной борьбы казаков против польского шляхетства. Автор был очень увлечен этой темой, в противном случае он не собирал бы исторические материалы и не создал бы новую редакцию «Тараса Бульбы».

Опираясь на сказанное, предположим, что Гоголь мог читать Жуковскому во Франкфурте редакцию со сложившейся композицией. Не исключено, что она была почти закончена и что Гоголь вез ее в Россию для публикации. Определить, была это черновая или беловая рукопись, не представляется возможным из-за отсутствия каких-либо свидетельств. В принципе Гоголь мог читать Жуковскому это произведение в одной из черновых редакций, если провести аналогию с творческой историей «Рима». Ранний текст «отрывка» Гоголь читал поэту в сентябре 1841 г. во Франкфурте [Жуковский, 2004: 625]. Эту редакцию он даже оставил Жуковскому, о чем гласит дневник последнего. Нам интересны здесь две записи, в которых упоминается имя Гоголя и согласно которым Жуковский 29–30 сентября н. ст. «<...> читал в спальне Гоголя» [Жуковский, 2004: 262]. По мнению комментаторов, поэт читал «скорее всего, повесть “Рим”, которую Гоголь готовил к печати» [там же: 533]. Основанием для этого предположения служит тот факт, что первую, журнальную публикацию «Рима» автор посвятил Жуковскому [там же]. В таком случае получается, что во Франкфурте поэт познакомился с черновой редакцией, поскольку Гоголь работал над этим произведением до конца февраля 1842 г. Об этом свидетельствуют письмо к М. Погодину, датированное приблизительно тем же временем [Гоголь, 1952б: 261].

Реакцию Жуковского Гоголь воспринял как свидетельство своей неспособности писать новые произведения в драматическом роде (с этого времени он занимается только обработкой написан-

ных драм). В письме от 26/14 ноября 1842 г. он сообщает Н.Я. Прокоповичу: «<...> для театра, вероятно, я ничего не произведу никогда» [Гоголь, 1952б: 118]. То, что он работал над пьесой, и то, каким был ее конец, он скрывает. Поэтому немногие люди в окружении Гоголя, знавшие о существовании драмы из украинской истории, пытались узнать о ее судьбе. В письме Гоголю от 3–5 июля 1842 года, помещенном в «Истории моего знакомства с Гоголем», этим интересуется С.Т. Аксаков: «А трагедия? Помните ли, что вы говорили мне о ней в Петербурге?.. Вы сами тогда считали ее совершеннейшим своим произведением, хотя она не была написана. Неужели толпа новых лиц, живущая в похождениях Чичикова, вероятно после вами созданная, сгладит образы и характеры лиц драмы, которые тогда (как вы сами выразились) предстали пред вами живые и одетые в полные костюмы до последней нитки?» [Гоголь в воспоминаниях современников, 1952: 157]. Ответ на это письмо не сохранился.

Подведем итоги. Недостаток биографических сведений затрудняет изучение генезиса драмы из украинской истории. Точная датировка ряда важных событий творческой истории невозможна. Ряд вопросов, связанных с этапами работы над текстом, решается на основании косвенных указаний или строится на догадках исследователей. Исходя из этих предпосылок, можно приблизительно установить хронологию создания драмы и определить этапы ее творческой истории.

I этап. *От первоначального замысла до оформившейся идеи исторической драмы.* Нижняя граница точно не известна, но не ранее второй половины 1830-х гг. Верхняя граница – лето 1839 г. в Австро-Венгрии, когда Гоголь, изучая присланные Н.Я. Прокоповичем бумаги, зажегся мыслью написать «драматическое творение» [Гоголь, 1952а: 253]. По-видимому, в это время были сделаны первые заметки на «лоскутках» бумаги, которые содержали самый общий план произведения.

II этап. *От оформившейся идеи исторической драмы до документально подтвержденного создания ее нескольких сцен.* Нижняя граница соответствует верхней границе I этапа. Верхняя граница – венское лето – римская осень 1840 г. Гоголь уже написал серию сцен, впоследствии прочитанных В.А. Панову.

III этап. *От документально подтвержденного создания ее нескольких сцен до создания цельного текста драмы.* Нижняя граница совпадает с верхней границей II этапа. Верхняя граница обо-

значена отъездом Гоголя из Рима к Жуковскому (конец августа – первые дни сентября 1841 г.). Написанная редакция сгорела в камине Жуковского в Дюссельдорфе в сентябре 1841 г.

Изучение творческой истории уничтоженной драмы об украинском казачестве далеко от завершения. Исследователям еще предстоит ответить на многие вопросы, и немалую роль в этом может сыграть обнаружение новых свидетельств. Подробно изложенная творческая история этого произведения, несомненно, повысит точность реконструкции ее сюжета и таким образом даст нам возможность с большей основательностью судить о феномене гоголевской исторической драмы.

Примечания:

1. *Вересаев, 1990: Вересаев В.В.* Гоголь в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников. – М., 1990.
2. *Виноградов, 2001: Виноградов И.А.* Неизвестные автографы Н.В. Гоголя // Неизданный Гоголь. – М., 2001. – С. 3-38.
3. *Георгиевский, 1908: Георгиевский Г.П.* Предисловие <к «Песням, собранным Н. В. Гоголем»> // Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. – СПб., 1908. – Вып. 2: Песни, собранные Н.В. Гоголем. – С. 1–28.
4. *Гиллельсон, 1963: Гиллельсон М.И.* Гоголь в дневниках А.И. Тургенева // Русская литература. – 1963. – № 2. – С. 138–143.
5. *Гиппиус, 1999: Гиппиус В.В.* Гоголь. – М., 1999.
6. *Гоголь, 1889а: Гоголь Н.В.* Сочинения: <В 7 т.> 10-е изд. – М., 1889. – Т. I.
7. *Гоголь, 1889б: Гоголь Н.В.* Сочинения: <В 7 т.> 10-е изд. – М., 1889. – Т. V.
8. *Гоголь, 1940: Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: <В 14 т.> Б. м., 1940. – Т. X.
9. *Гоголь, 1949: Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: <В 14 т.> Б. м., 1949. – Т. V.
10. *Гоголь, 1952а: Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: <В 14 т.> Б. м., 1952. – Т. XI.
11. *Гоголь, 1952б: Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: <В 14 т.> Б. м., 1952. Т. XII.
12. *Гоголь, 1994: Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. – М., 1994. – Т. 7.
13. *Гоголь, 1996: Гоголь Н.В.* Миргород. Повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки» – М., 1994.

14. *Гоголь в воспоминаниях современников, 1952*: Гоголь в воспоминаниях современников. – М., 1952.
15. *Жуковский, 1980*: Жуковский В.А. Сочинения: В 3 т. – М., 1980. – Т. 3.
16. *Жуковский, 2004*: Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. – М., 2004. – Т. XIV.
17. *Каманин, 1902*: Каманин И.М. Научные и литературные произведения Гоголя по истории Малороссии // Памяти Гоголя. – Киев, 1902. – С. 75-132.
18. *Каманин, 1911*: Каманин И.М. Несколько слов об исторической драме Н.В. Гоголя // Памяти Н.В. Гоголя: Сборник речей и статей, изданный Императорским университетом Св. Владимира. – Киев, 1911. – С. 91-98.
19. *Катранов, 1909*: Катранов Б. Гоголь и его украинские повести // Филологические записки. – 1909. – Вып. I. – № 6. – С. 33-58.
20. *Кольцов, 1955*: Кольцов А.В. Сочинения. – М., 1955.
21. *Красильников, 1936*: Красильников С.А. Источники собрания украинских песен Н.В. Гоголя // Н.В. Гоголь. Материалы и исследования: <В 2 кн.> М.; Л., 1936. – Кн. 2. – С. 377-406.
22. *Кулиш, 1861*: Кулиш П. Заметки и наброски Н.В. Гоголя для драмы из украинской истории. Несколько объяснительных слов // Основа. – М., 1861. – Январь. – С. 116-120.
23. *Литературное наследство, 1952*: Литературное наследство. – М., 1952. – Т. 58.
24. *Марков, 1908*: Марков А. Песни, собранные Н.В. Гоголем // Этнографическое обозрение. – 1908. – № 4. – С. 166-169.
25. *Оксман, 1926*: Оксман Ю. Сожженная трагедия Гоголя из прошлого Запорожья // Атены. – Л., 1926. – Кн. 3. – С. 46-58.
26. *Письма к Позодину, 1879*: Письма к М.П. Позодину из славянских земель (1835–1861). – М., 1879. – Вып. I.
27. *Путевые письма, 1892*: Путевые письма И.И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839–1842) // Живая старина. – 1892. – Вып. I. – С. 49-89.
28. *Соколов, 1909*: Соколов Б. Гоголь – этнограф (Интересы и занятия Гоголя этнографией) // Этнографическое обозрение. – 1909. – № 2-3. – С. 59-119.
29. *Сперанский, 1902*: Сперанский М.Н. Гимназия высших наук в нежинский период жизни Н.В. Гоголя. – Киев, 1902.
30. *Шенрок, 1893*: Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя: <В 4 т.> М., 1893. – Т. 2.

31. *Шенрок, 1895: Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя: <В 4 т.> М., 1895. – Т. 3.

32. *Karpuk, 1997: Karpuk P.* Reconstructing Gogol's Destroyed Tragedy on a Theme from the History of Zaporozhe // The Slavic and East European Journal. Tucson (AZ), 1997. – Vol. 41. – № 4. – P. 580-603.

Елена Балдина

Новое в современном гоголеведении*

Выпуск периодических научных изданий, посвященных творчеству одного автора, – явление для современного литературоведения не новое. Однако, несмотря на это, полуторовековая историко-литературная традиция изучения жизни и творчества Н.В. Гоголя, представленная множеством направлений, до сравнительно недавнего времени не располагала регулярно выходящими специализированными научными сборниками (исключая немногочисленные печатные материалы гоголеведческих конференций). «Гоголевский сборник», будучи одним из первых среди подобного рода изданий (первый его выпуск был подготовлен в 1993 году в Санкт-Петербурге), пережив период вынужденного «безвременья», вновь появился в числе публикаций, представляющих современную науку о Гоголе.

Как и предыдущий выпуск, вышедший в 2004 году после длительного перерыва, «Гоголевский сборник» 2005 года подготовлен и издан совместными усилиями ученых Санкт-Петербургского и Самарского государственных педагогических университетов. В новый выпуск «Гоголевского сборника» вошли прежде всего исследования авторов из многочисленных городов России, однако при этом значительно расширилась география зарубежного гоголеведения: в сборнике опубликованы работы ученых из Венгрии, Германии, Италии, Литвы, Финляндии, Франции.

Настоящий выпуск «Гоголевского сборника» является уже четвертым. В целом концепция издания была сформирована и реализована в трех предыдущих выпусках, что, однако, безусловно, не исключает и некоторых изменений как в тематике, так и в структуре и объеме сборника.

Значительную часть издания составили работы, посвященные разнообразным (нередко – неожиданным) аспектам поэтики гоголевских текстов. В отдельных публикациях сделаны попытки, с одной стороны, выявить общность поэтических приемов, харак-

* *Гоголевский сборник. – Вып. 2 (4). – СПб., Самара: Изд-во СПбГУ, 2005. – 360 с.*

терную для ряда произведений, с другой – показать неоднозначность их реализаций в различных тематических контекстах. К числу такого рода исследований можно отнести статью **М.В. Строганова** «*“Повести” Гоголя 1842 года и весенний христианский календарь*», где автор продолжает и развивает сделанные ранее наблюдения, позволяющие говорить о «художественном единстве» анализируемого цикла произведений. Подобная методология реализована в статьях **Н. Друбек-Майер** «*Украинские рассказчики Гоголя: “маски” и “образы автора”*», **В.С. Киселева** «*Семиотическое пространство “Петербургских повестей” и “Портрет” Н.В. Гоголя*», **С.В. Овечкина** «*Повести “Миргорода”: жанровая трансформация и неоднородность нарратива (статья первая)*» и **М.А. Еремина** «*Вещь в пьесах Гоголя*», а также в сообщениях **Ю.В. Ветчинкиной** «*Локус шинка в “Вечерах на хуторе близ Диканьки” Гоголя*» и **И.Д. Таумова** «*Собаки в комедиях Гоголя*».

Работы, в которых затронуты специфические частные вопросы поэтики гоголевских сочинений, не только свидетельствуют о многообразии исследовательских возможностей, но и позволяют представить потенциал современного гоголеведения как «открытой системы», выявляющей новые грани в изучении тематики, образности, жанровых особенностей и мотивной структуры произведений Гоголя. Это прежде всего статьи **Р. Джэулиани** «*Imago irbis u genius loci в повести “Рим”*», **М. Церяк** «*Идейная проблематика кризиса творчества у Гоголя (“Невский проспект”)*», **В.Д. Денисова** «*Остап и Андрий в 1-й редакции повести Н.В. Гоголя “Тарас Бульба”*», **С. Самохиной-Труве** «*Функции сверхъестественного в повести Гоголя “Портрет”*», **Е.Г. Падериной** «*Истоки и структура мотива дело=карты в “Игроках” Гоголя*», **С.А. Шульца** «*Жанровая традиция “диалогов мертвых” в поэме Гоголя “Мертвые души”*» и **В.Ш. Кривоноса** «*Портрет в “Портрете” Гоголя*». Интересные перспективы исследований намечены в заметках **Т.А. Кулаковой** «*О мотиве ‘услужения’ в поэме Гоголя “Мертвые души”*» и **С.В. Рюпиной** «*Функции зоологизмов в поэме Гоголя “Мертвые души”*». Особо стоит выделить группу работ, посвященных поэтике малоизученных поздних сочинений писателя, то есть статьи **Е.А. Анненковой** «*“Светлое Воскресенье” Гоголя: тема и жанр*», **О.П. Лавочкиной** «*Мотив огня в “Выбранных местах из переписки с друзьями” Гоголя*» и **И. Видугирите** «*Театральный код в “Размышлениях о Божественной Литургии” Н.В. Гоголя*».

Внимание к вопросам бытования гоголевских произведений – одна из актуальных на сегодняшний день тенденций в гоголеведении, отраженная и в настоящем издании. В первую очередь стоит назвать работы, в которых исследуются многообразные связи прозы Гоголя с русской литературной традицией в различных хронологических границах. Это статьи **Е.А. Суркова** «Русские контексты “Старосветских помещиков” Н.В. Гоголя», **Н.Н. Акимовой** «Счастье или богатство? Об одном полемическом отклике на поэму Гоголя “Мертвые души”», **В.Б. Зусевой** «Рецепция “Мертвых душ” в романе В.Набокова “Дар”» и сообщения **К.С. Позднякова** «Об особенностях фантастики у О.Сомова и Гоголя» и **А.А. Новик(а)** «К теме “А.Белый и Гоголь”».

Традиционный раздел, без которого не обходится, пожалуй, ни одно гоголевское издание, – компаративистские исследования – в четвертом выпуске «Гоголевского сборника» представлен не совсем привычным образом. Помимо закономерно ожидаемого для такого рода публикаций анализа интертекстуальных связей, присутствующего, в частности, в статье **И. Савкиной** «“Заплатить свой долг Гоголю” (Гоголевская традиция в творчестве современного финского писателя Кари Хотакайнена)», в названном разделе уделено внимание проблемам перевода гоголевских текстов. Этой тематике посвящены статьи **Ю.В. Никаноровой** «Сад Плюшкина в немецких переводах “Мертвых душ”» и **А.С. Шолоховой** «Трудности перевода (Повесть Н.В. Гоголя “Шинель” в английских и немецких переводах)».

Публикация архивных материалов – несомненная удача и украшение любого историко-литературного издания. Отраднo, что в очередном выпуске «Гоголевского сборника» эта традиция не прерывается. Вновь на страницах рубрики «Из наследия» можно увидеть результаты архивных разысканий **Н.Б. Алдоиной**, представившей на этот раз вниманию читателей новую подборку материалов «**А.В. Дружинин о Гоголе (Из неопубликованного)**», собранных в фондах Рукописного Отдела Института русской литературы (Пушкинского Дома) и Российского государственного архива литературы и искусства.

Новый выпуск «Гоголевского сборника», в отличие от предыдущих, пополнен двумя разделами: «Обзоры» и «Библиография», что является, на наш взгляд, безусловно логичным шагом в совершенствовании издания. В первом из названных разделов опубликована работа **В.Ш. Кривоноса** «Поздний Гоголь в исследовани-

ях первой русской эмиграции», особенно востребованная с учетом актуального на сегодняшний день интереса к сложному феномену культуры Русского Зарубежья. Библиографическая часть сборника, подготовленная **В.А. Воропаевым**, представляет собой подробнейший свод исследований, отражающих современное состояние науки о Гоголе. Особую ценность составляет включенный в библиографию список авторефератов диссертаций, посвященных творчеству Гоголя и подготовленных в период с 1945 по 2005 год.

Рецензируемое издание, несмотря на ряд достоинств, обнаруживает и некоторые проблемные моменты, актуальные для современного литературоведения в целом и для гоголеведческих исследований в частности. В первую очередь хотелось бы обратить внимание на использование научной терминологии, не всегда корректное и создающее очевидные стилистические диспропорции и логическую неопределенность отдельных положений в ряде работ «Гоголевского сборника» (Что, например, означает выражение «плут в своей типологической чистоте» (С. 29) и т.п.?). Кроме того, представляется уместным, хотя бы в порядке информации к размышлению, напомнить о нелишней, прежде всего с точки зрения профессиональной этики, избирательности как в использовании отдельных методов исследования, так и в обращении к спорным и чрезвычайно субъективным интерпретациям гоголевских текстов. Думается, даже в сугубо светском исследовании к такому сочинению, как «Размышления о Божественной Литургии», не должна применяться не соответствующая природе изучаемого объекта терминология, связанная с «театральным кодом» (С. 169–178). Некорректным в этой связи представляется и акцент на окрашенности весенних церковных праздников в повестях Гоголя 1842 года «яркой эротической образностью» (С. 112).

В целом же новый выпуск «Гоголевского сборника» свидетельствует о немалом творческом потенциале современной гоголеведческой науки и об оптимистичных перспективах ее развития. Можно надеяться, что настоящее издание будет продолжено и привлечет внимание и новых авторов, и многочисленной читательской аудитории, включающей в себя не только специалистов-гуманитариев, но и всех интересующихся творчеством Гоголя.

Павло Михед

Зауваги на берегах

Ці замітки виникли у ході знайомства з надрукованими в різний час статтями різних дослідників. Але всі вони – відверто чи у підтексті – були і реакцією на мої праці. Це пояснює неприховано полемічний характер моїх нотаток, бо переконаний, що саме дискусії спроможні (вкотре!) заактуалізувати те чи інше питання та привернути увагу колег до його розв'язання.

Московський Дом Гоголя видав черговий, вже шостий, том наукових записок [1]. Головне достоїнство і наукових збірань, які проводить Дом Гоголя, і оприлюднених під його егідою збірників праць полягає в тому, що він надає трибуну і сторінку вченим, які тримаються різних переконань і поглядів, а це сьогодні трапляється не часто. Зазвичай зібрання перетворюються на бенефіс ідей науковця, який посідає ієрархічні вершини, або групи осіб, яких ще недавно називали «заєдинщиками».

Серед праць, вміщених у вказаному збірнику, немало подивували мене публіцистичні розмисли Ольги Калашнікової щодо витоків і генези барокової естетики Гоголя, якого авторка кваліфікує як «малороссийского русского писателя» [2]. Неофіт у гоголезнавстві, дослідниця з властивою для цього люду енергією кидається в розмисли над темою, вбачаючи її актуальність в тому, що сам Савік Шустер ініціював розмову з цієї теми і вона «стала предметом обговорення в специальной [!?] передаче радио “Свобода” [3]. Серед персонажів статті – Депард'є, Лариса Скорик, Леонід Брежнев. Можливо, варто було б і зігнувати цю наскрізь декларативну статтю, позбавлену наукової аргументації, але зупиняють два моменти. По-перше, її виразно експортна модель. Українські русисти, потрапляючи до Москви, нерідко переживають преображення і, бажаючи сподобатись тамтешнім слухачам, пояснюють потайні замисли “туземних” дослідників все чисто «українізувати», навіть Гоголя. Такий собі типовий “малороссийский русский комплекс”.

А по-друге, об'єктом критичних стріл О. Калашнікової є мої праці. Не всі, але ті, які вдалось прочитати дослідниці. Зокрема, «Пізній Гоголь і бароко». Головний докір О. Калашнікової полягає в тому, що “о низовой линии барочной литературы, связанной со светским изводом этого стиля в повести и романе, к сожалению, практически не упомянуто”, а це “позволяет [!?] усомниться” в запропонованій “схеме развития творчества Гоголя прежде всего и

тільки “профетического пафоса” барокко” [4]. Для бібліографічної повноти маю сказати, що одна з перших моїх публікацій присвячена саме цій темі: Н.В. Гоголь и украинская культура народного барокко // Тезисы докл. I-х Гоголевских чтений. – Полтава, 1982. – С. 85-87. А в монографії, яку дослідниця цитує і, з усього видно, гортала, можна при бажанні у висновках до розділу “Попередники і школа” прочитати про специфіку засвоєння традицій українського бароко російським романом на прикладі творчості Ф. Глінки і В. Наріжного: “У творах цих письменників бачимо розгалуження ліній романного розвитку, що пояснюється орієнтацією на різні полюси однієї традиції. Якщо роман Наріжного, конструктивно пов’язаний із шахрайським романом бароко, орієнтований на “етологічну” групу жанрів “народного” бароко і внаслідок полівалентності засвоює різні жанри і форми, то роман Глінки, свідомо орієнтований автором на літописи, всотує високе патетичне слово проповіді...” [5]. Та шукали, вочевидь, не це, а те, в чому ж “усомниться”.

Дослідниця пропонує поставити питання про зв’язок Гоголя з традиціями російського “низового” роману. А хто проти? Тільки декларацій про існування у назві творів в літературі XVIII ст. слова “Вечори” (факт давно відомий), встановлення близького родства веселого монаха з “Пересмешника” Чулкова і дячка диканської церкви (вони, як твердить О.Калашникова, “родные братья” [6]), наявності травестійного елемента у Чулкова [7] (мовляв, не лише Котляревського знав Гоголь) для цього замало. Та й наведені факти – це навіть не відкриття велосипеда, оскільки означені питання проаналізовані в ґрунтовному дослідженні італійської дослідниці Джакомо Страно [8].

Хиткість своєї позиції, здається, розуміє сама дослідниця, коли доходить до серйозних аргументів. І перший з них: “Знав ли Гоголь произведения М. Чулкова?” Слідує на те тиха відповідь: “Документальных подтверждений мы не нашли...” [9], але це дослідницю не зупиняє. Немає аргументів – йдуть в хід заклинання: “... но ведь красноречив сам факт актуализации мироощущения, образности и языка создателя русского реально-бытового романа!” [10]. “Чудится” все це дослідниці, як сказав би Гоголь, “при тихой погоде”. Якоюсь звабно галантерейною вийде історія літератури: вся російська література вийшла з “Шинелі Гоголя”, а Гоголь, виходить, – “чулковского происхождения”.

Це, зрозуміло, зовсім не означає, що Гоголь не зазнав впливів російської літератури XVIII ст. Про це багато написано. І якщо до

снаги дослідниці дати відповіді на питання, що таке російський “низовий” роман, яке він має відношення до естетики бароко, в чому особливість російського “народного” бароко, в яких жанрах словесності воно побутувало, нарешті – окреслити функціонування творів Чулкова в літературі романтизму гоголівської епохи – порадіємо разом з нею.

А Савік Шустер, Лариса Скорик, Депард’є та інші персонажі статті хай допоможуть їй в тому.

Цілу низку розмаїтих вражень викликає і стаття провідного російського науковця та безсумнівного авторитету в царині гоголезнавства Юрія Манна “О тайне “Прощальной повести” Гоголя” [11]. Звернення відомого дослідника до “Прощальной повести” спровоковано цілою низкою праць про цей утаємничий твір письменника. Повинен сказати не без розчарування, що робота нічого суттєвого у вивченні повісті Гоголя не додає. Твір, на думку поважного вченого, існував “в виртуальному пространстві”, “как по пословице, выпущенный на волю воробей, несмотря на то, что этого “воробья” никто не видел, и, очевидно, не должен был увидеть” [12]. А висновок, як вирок, з наголошенням на запереченні: “Словом “Прощальная повесть”, по установке Гоголя [!], – это не “Выбранные места...”, не “Авторская исповедь”, и, конечно, не некая совокупность гоголевских замыслов последнего времени. Очевидно, что подразумевалось д р у г о е (вид. автором – П.М.) произведение” [13]. Про яку установку Гоголя йдеться, ще одна таємниця. А на загал: з погляду авторитетного дослідника – Гоголь фантазував, у цьому йому не відмовиш, але, зауважу, Гоголь не легковажив і не блефував з речами, які для нього мали бути святими і сакральними. Не забуваймо, що письменник говорить про свій твір у “Завещании”. Епізоди останніх днів життя свідчить, що Гоголь піклувався про те, як про нього будуть думати нащадки. Випускати на волю горобців, яких ніхто не бачив і не повинен бачити, – заняття, уготоване для Гоголя його заслуженим інтепретатором, якось зовсім не в’яжеться з трагічною ситуацією, яку переживає письменник в останні роки свого життя.

Щодо “Выбранных мест...” (Ю. Барабаш саме цю книгу вважає «Прощальною повістю» [14]), то я теж виказував сумнів у цьому, а ось щодо “Авторської сповіді”, то, як на мене, аналіз історії появи на світ цього твору вимагає відмовитись від невластивої науковому мисленню категоричності. Свого часу я наводив цілу низку аргументів, що свідчать про спорідненість задуму «Прощальної повісті» та «Авторської сповіді» [15].

До цих пір залишається без відповіді і питання: чому Гоголь так і не надрукував переписану начисто «Авторську сповідь», свою «повість авторства»? Цей вираз ми зустрічаємо у Гоголя вживаним як щодо «Прощальної повісті», так і того тексту, який С. Шевирьов вдало назвав «Авторською сповіддю». В своїй розвідці «Пізній Гоголь і бароко» я наводив для наочності порівняння висловлювань самого Гоголя про ці два тексти. Наведу їх ще раз:

Прощальна повість	Авторська сповідь
«его носил я долго в своем сердце», «как знак небесной милости ко мне Бога»	«эта чистосердечная повесть»
«Оно было источником слез, ...еще от времен детства моего»	"Задумываться о будущем я начал рано, в те поры, когда все мои сверстники думали еще об играх"
«...строго взыщется с него, если от сочинений его не распространится какая-нибудь польза душе и не останется с него ничего в поученье людям»	«писатель-творец творит свое в поученье людям»
«П.П.» моя подействует... и сердце услышит строгую тайну ее [жизни] и сокровеннейшую небесную музыку этой тайны»	«эта чистосердечная повесть моя послужит объяснением...», «Везде обнаруживается более или менее мысль о внутреннем строении, все ждет какого-то более стройнейшего порядка»:
«Я не сочинял и не выдумывал ее, она выпелась сама из души, которую воспитал Сам Бог испытаньями и горем, а звуки ее взялись, из сокровенных сил нашей русской породы, нам общей, по которой я близкий родственник вам всем»	"в моей судьбе, так же как и во всем, следует признать участие Того, Кто располагает миром", "творя творение свое, он исполняет именно тот долг, для которого он призван на землю", "успел записать со слов Того же Учителя, у Которого мы все учимся", "нужно очень хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу".

Можна, звичайно, проігнорувати і наведені факти, але і в такому разі, безперечно, потрібне пояснення, яке відсутнє у статті Ю. Манна.

З гіркотою змушений ще раз переконатися, що а сучасній науці врахування різних точок зору і корпусу доказів витіснене суб'єктивним і вибіркоким аналізом фактів, а тому стає вже необов'язковим. Незручне – з якогось погляду – просто ігнорується.

Увагу дослідників в Україні привернула стаття Володимира Звиняцьковського “Гоголь – наше что?” [16]. Автор відомої книги, присвяченої “поиску национальной души”, продовжує розпочатий одного разу пошук. На цей раз не тільки Гоголевої, але і своєї власної. І це зрозуміло, бо за кожним науковим пошуком поперед всього проглядає і пошук самого себе. Нас, зрозуміло, цікавить лише перше. Наш автор доволі категоричний: “Что касается самого Гоголя, то по крови, и по паспорту любой объективный биограф (если б таковой каким-то чудом затесался в ряды гоголеведов) признал бы его поляком” [17]. При цьому нові аргументи чи дискусії з ґрунтовними дослідженнями генеалогії роду Гоголів відсутні. О. Оглоблин свідчить, наприклад, що в генеалогічному дереві Гоголів є не тільки Яновські, але й гетьмани Дорошенко та Скоропадський. А ще в родинних зв'язках – Лизогуби, Таньські, Забіли [18]. А згадаймо хоч би Трощинських, з якими родичались Гоголі: «**Трощинские** – дворянский род, происходящий от племянника Мазепы Степана Т., полковника гадяцкого [1704–1708]. Его праправнук Дмитрий Прокофьевич...» (Брокгауз и Ефрон, т. XXXIIIа. – СПб, 1901. – С. 908). Так що стверджувати вищенаведене можна хіба з метою подратувати поляків, яким є за що не симпатизувати Гоголю.

А друге «відкриття» В. Звиняцьковського – далеке від оригінальності тлумачення займенника «НАШ», вжитого Гоголем у відомих листах до М. Максимовича. Нагадаю один з них: «Туда, туда! В Киев! В древний, в прекрасный Киев! Он наш, он не их, неправда? Там или вокруг него делались дела старины нашей» [X, 288]. Ці листи справді не дають спокою багатьом дослідникам. Надто вже вони проукраїнські. Нещодавно спробу їх перетлумачення зробив Володимир Воропаєв. Для В. Воропаєва головна лінія рефлексування – конфесіональна, а тому, з його точки зору, Гоголь збирався в Києві боротись з західними впливами: «Говоря «он наш, он не их», Гоголь имел в виду не украинцев и русских, а славян и «немцев», «западников»» [19]. Мені доводилось полемізувати з В. Воропаєвим з цієї теми [20]. Для В. Звиняцьковського Гоголь боронить Київ від німців, продовжуючи справу Ломоносова: «Это собственно еще ломоносовская тема: против засилия немцев в русской науке» [21]. У даному разі сегмент аргументації дещо звужений до протистояння у сфері науки, але версія повторюється.

Оскільки я вже мав нагоду про це писати, то лише нагадаю деякі загальновідомі речі. Головною метою відкриття в Києві університету була русифікація краю після польського повстання 1830-31 років. Влада не тільки не боролась з німецьким засиллям, але й запрошувала з Дерпта німецьких вчених [22] і польських з Кременця. Вони мали авторитет і краще за росіян володіли тонкощами спілкування з «національними кадрами». Сергій Семенович Уваров був далекоглядніший за його сучасних інтелектуалів. Думати, що Гоголь і Максимович збиралися їхати до Києва, щоби боротися проти офіційних установок, можна лише за умови, коли не хочеться з якихось причин бачити очевидного. М. Максимович – дисидент? Це з царини гумору. Зате все, що робив М. Максимович у Києві, відповідає якраз тому, про що йшлося у листуванні, і це зайвий доказ на користь того, що і Гоголь мав на меті долучитись до вивчення української історії.

І в першому, і в другому випадку з-під всіх витрачених слів проглядає: «Та хіба ж може бути з Назарету що добре?» Думка про те, що Гоголь – українець і весь його геній вкорінений в українському ґрунті, буде ще довго тривожити уяву багатьох та породжувати різні химери в т.ч., як то не дивно, і в середовищі науковців.

Примітки:

1. Н.В. Гоголь и современная культура. Шестые Гоголевские чтения. Материалы докладов и сообщений. – М., 2007.
2. Калашникова О.Л. Гоголь и «другое барокко»: только ли «профетический пафос» // Н.В. Гоголь и современная культура, с. 73.
3. Там само, с.75.
4. Там само, с. 76.
5. Михед П.В. Пізній Гоголь і бароко: українсько-російський контекст. – Ніжин, 2002. – С. 115.
6. Калашникова О.Л. Вказ. праця, с. 78.
7. Там само, с. 79.
8. Джакомо Страно. Европейские и русские литературные источники в творческом процессе Гоголя (Гоголь и Чулков) // Гоголь как явление мировой литературы. По материалам международной научной конференции, посвященной 150- летию со дня рождения Н.В.Гоголя – 31.10-2.11. 2002 года. М., 2003. – С. 297-304. А крім того: Пятакова Г. Традиции М.Д.Чулкова в творчестве Н.В.Гоголя // Література та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 143-148.
9. Калашникова О.Л. Вказ. праця, с. 81.

10. Там само.
11. Манн Ю. О тайне «Прощальной повести» Гоголя // Вестник истории, литературы и искусства. – М., 2005. – Т. 1. – С. 108-117.
12. Там само, с.116.
13. Там само, с. 113-114.
14. Барабаш Ю. Загадка «Прощальной повести». «Выбранные места из переписки с друзьями». Опыт неподвзятого прочтения. – М., 1993.
15. Михед П.В. О загадке «Прощальной повести» Н.В. Гоголя // Вопросы литературы. – 1999. – №2. – С. 330-340.
16. Звinyaцковский В. “Гоголь – наше что?” // Информационный вестник форума русистов Украины. – Вып.10. – Симферополь, 2005. – С.44-54.
17. Там само, с.51.
18. Оглоблин О. Предки Миколи Гоголя. // Оглоблин О. Студії з історії України. Статті і джерельні матеріали. – Нью-Йорк-Київ-Торонто, 1995. – С. – 80-113.
19. Воропаев В. Гоголь и «русско-украинский вопрос» // Московский журнал. – 2002. – №1. – С. 12.
20. Михед П.В. Приватизация Гоголя? (Возвращаясь к русско-украинскому вопросу) // Вопросы литературы. – 2003. – №3. – С. 94-112.
21. Звinyaцковский В. Вказ. праця, с. 50.
22. Є.Ф. фон Брадке, «начальник університету» згадував: «Дерпт тоже внес свою долю участия...». Див.: Автобиографические записки Егора Федоровича фон-Брадке // Русский архив. – 1875. – №3. – С. 278. А Віталій Шульгин про національні уподобання Брадке писав: «Для Брадке русский, немец и поляк не существовали, а только способные и неспособные люди». Див.: Шульгин В. История университета св. Владимира // Русское слово. – 1859. – №10. – С. 27.

АНКЕТА

”ГОГОЛЕЗНАВЧИХ СТУДІЙ“

1. *Какими были Ваши мотивы обращения к творчеству Гоголя?*
2. *Самое большое Ваше удивление-открытие при изучении творчества Гоголя?*
3. *Какие направления исследования творчества Гоголя Вам представляются перспективными сегодня?*

Нина Крутикова

1. Гоголь вошел в мою жизнь в далекие детские годы. Несмотря на тогдашние трудности бытовые и прочие, книги всегда были в нашем доме. С увлечением я читала фантастику «Вия» и «Страшной мести», восхищалась героикой «Тараса Бульбы».

2. Удивило меня в некоторых научных исследованиях, посвященных творчеству Гоголя, недостаточное внимание к анализу текста гоголевских произведений, который порой подменяется перечислением «модных» зарубежных терминов. Вспомним, что сам Гоголь отметил в созданиях Пушкина «бездну пространства». Эта «бездна», несомненно, свойственна и Гоголю, нужно раскрывать ее читателям. Гоголь создал удивительный духовный комплекс, имя которому «Народная Украина». Рассматривать его следует в контексте общественно-литературного процесса.

Сказанное не исключает, а усиливает интерес к восприятию Гоголя в славянских, европейских, азиатских и других странах.

Усиливается интерес к стилю Гоголя разных лет, сатире и неподражаемому гоголевскому юмору.

Выходит на первый план и задача осветить значение Гоголя в современной украинской литературе. Отдельно стоит проблема «Гоголь и читатель».

3. Гоголеведение имеет большую историю в русской и украинской литературах. Возможно, было бы целесообразным вновь изучить наблюдения и выводы предшествующих ученых, выделить все ценное и нужное сегодня.

Наука о Гоголе – предмет исследований академических институтов и университетов России и Украины (что не исключает индивидуальных студий), нередко на совместных конференциях. Это не только встречи ученых, но и образцы их новаторской работы. Вы-

ходят в Украине систематически «Гоголеведческие студии» (Нежин–Симферополь).

Основным направлением, очевидно, будет не только литературоведческий аспект, но и шире – культурологический. Естественно, возникают проблемы исследования украинского фольклора (песни, думы, предания) как основы гоголевской речи, выделить следует также проблему «Гоголь и театр», «Гоголь и опера», «Гоголь и кино», «Гоголь в изобразительном искусстве»... Нельзя пройти мимо тем: «Гоголь и философия», «Гоголь и психология».

Хотелось бы, чтобы юбилей Гоголя ознаменовался новым памятником в одном из городов Украины.

Владимир Денисов

1. На первом курсе литфака ЛГПИ им. Герцена я (довольно неожиданно для самого себя) написал о ритме прозы в "Шинели" – видимо, сказалось по-юношески ярое восприятие старого Петербурга, "застойного" абсурда и много чего еще. Не последнюю роль играло очарование структуральными трудами (в частности, М. Гиришмана). Добрейшая Д.К. Мотольская пригласила на обсуждение кого-то из Пушкинского Дома... и меня стали числить по гоголеведению. В этом был свой резон: какого провинциала не греет легенда о незаметном юном мечтателе, однажды проснувшемся знаменитым в холодной столице, покоровившем её – неизвестно как, да и неизвестно зачем. Ничего другого не оставалось, как идти на спецкурс В.А. Западова, в спецсеминар к Докусову, бегать в ЛГУ на лекции Бялого и Макогоненко, читать Ю. Манна и до хрипоты спорить с кучерявой, как Пушкин, Машей Виролайнен. Через Гоголя открывалась вся великая русская литература – с великими ее секретами, и оказалось, что нельзя ее понять, не зная Библию и Евангелие. С Гоголем можно было посоветоваться в житейских передрыгах. Он не отпустил и после дипломной работы, которой я не был удовлетворен, ибо оставались еще какая-то тайна, загадка, решение самых важных для меня проблем... пришлось садиться за диссертацию и проводить время в Публичке. Потом, когда я стал объяснять себе, почему так получилось, то вспомнил, что родился в конце лета 1952 г. В феврале – марте весь СССР отмечал столетие смерти Гоголя (тогда дни рождения деятелей не праздновали: рождаются-то все одинаковыми...), а следовательно, будущая мама – учительница русского языка и литературы обязана была участво-

ходят в Украине систематически «Гоголеведческие студии» (Нежин–Симферополь).

Основным направлением, очевидно, будет не только литературоведческий аспект, но и шире – культурологический. Естественно, возникают проблемы исследования украинского фольклора (песни, думы, предания) как основы гоголевской речи, выделить следует также проблему «Гоголь и театр», «Гоголь и опера», «Гоголь и кино», «Гоголь в изобразительном искусстве»... Нельзя пройти мимо тем: «Гоголь и философия», «Гоголь и психология».

Хотелось бы, чтобы юбилей Гоголя ознаменовался новым памятником в одном из городов Украины.

Владимир Денисов

1. На первом курсе литфака ЛГПИ им. Герцена я (довольно неожиданно для самого себя) написал о ритме прозы в "Шинели" – видимо, сказалось по-юношески ярое восприятие старого Петербурга, "застойного" абсурда и много чего еще. Не последнюю роль играло очарование структуральными трудами (в частности, М. Гиришмана). Добрейшая Д.К. Мотольская пригласила на обсуждение кого-то из Пушкинского Дома... и меня стали числить по гоголеведению. В этом был свой резон: какого провинциала не греет легенда о незаметном юном мечтателе, однажды проснувшемся знаменитым в холодной столице, покоровшем её – неизвестно как, да и неизвестно зачем. Ничего другого не оставалось, как идти на спецкурс В.А. Западова, в спецсеминар к Докусову, бегать в ЛГУ на лекции Бялого и Макогоненко, читать Ю. Манна и до хрипоты спорить с кучерявой, как Пушкин, Машей Виротайнен. Через Гоголя открывалась вся великая русская литература – с великими ее секретами, и оказалось, что нельзя ее понять, не зная Библию и Евангелие. С Гоголем можно было посоветоваться в житейских передрыгах. Он не отпустил и после дипломной работы, которой я не был удовлетворен, ибо оставались еще какая-то тайна, загадка, решение самых важных для меня проблем... пришлось садиться за диссертацию и проводить время в Публичке. Потом, когда я стал объяснять себе, почему так получилось, то вспомнил, что родился в конце лета 1952 г. В феврале – марте весь СССР отмечал столетие смерти Гоголя (тогда дни рождения деятелей не праздновали: рождаются-то все одинаковыми...), а следовательно, будущая мама – учительница русского языка и литературы обязана была участво-

вать в юбилейных мероприятиях, хотя ее и занимало другое... Потом зимой при свечах (государство сэкономило свет) мне иногда давали, вместо книжек с картинками, солидное издание "Мертвых душ", и я изумлялся нарисованным Лаптевым уродам. Больше всего – до озноба! – тогда же потряс диафильм "Страшная месть". А вот школьный Гоголь, бодрый, поучительный, "социальный", с попреками царю и "смехом сквозь слезы", пропал, пропал бесследно.

2. По-видимому, Гоголя больше всего печалили несовершенства человеческой природы, ее "первородная" греховность, убожество и мелочи "пошлой" жизни человека, которые он видел, согласно христианским идеалам, прежде всего, в самом себе, а потому и смеялся над этим не только с ожесточением, болью, горечью, но и с великой любовью. Поражает его искусство Слова, которое невозможно без Веры – как вообще Искусство. Особенно трогает его понимание России как семьи народов, противостоящих вызову Запада, и вера в ее великое будущее.

3. Хороши все жанры исследований, если они помогают понять смысл сказанного Гоголем. Его творчество настолько велико, многогранно и актуально, что содержит ответы на любые вопросы нынешнего читателя. Очень жаль тех, кто видит в его произведениях лишь иллюстрации своих кошмаров, примитивную физиологию, абстракцию, проекции телесной и/или духовной ущербности. Смешны и ничтожны самохвальные "автопортреты" на фоне Гоголя – как правило, дико невежественные, конъюнктурные, явно бесовские, – или самовольные переправки работ уже ушедших и ныне здравствующих гоголеведов, неразличение "своего" и "чужого" (пусть даже с благой целью), попытки объявить себя гоголеведом по чину, знакомству или за деньги...

Владимир Казарин

1. В 1974 году я поступил в аспирантуру при кафедре истории русской литературы Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. Я собирался заниматься литературой конца XVIII века и привез с собой реферат «Художественная символика «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина» (рецензентом был профессор Пушкинского Дома И.З. Серман). Но после зачисления в аспирантуру мой научный руководитель профессор Г.П. Макогоненко рекомендовал мне заняться проблемами историзма на материале произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и М.Ю. Лермонтова. Такого рода

вать в юбилейных мероприятиях, хотя ее и занимало другое... Потом зимой при свечах (государство сэкономило свет) мне иногда давали, вместо книжек с картинками, солидное издание "Мертвых душ", и я изумлялся нарисованным Лаптевым уродам. Больше всего – до озноба! – тогда же потряс диафильм "Страшная месть". А вот школьный Гоголь, бодрый, поучительный, "социальный", с попреками царю и "смехом сквозь слезы", пропал, пропал бесследно.

2. По-видимому, Гоголя больше всего печалили несовершенства человеческой природы, ее "первородная" греховность, убожество и мелочи "пошлой" жизни человека, которые он видел, согласно христианским идеалам, прежде всего, в самом себе, а потому и смеялся над этим не только с ожесточением, болью, горечью, но и с великой любовью. Поражает его искусство Слова, которое невозможно без Веры – как вообще Искусство. Особенно трогает его понимание России как семьи народов, противостоящих вызову Запада, и вера в ее великое будущее.

3. Хороши все жанры исследований, если они помогают понять смысл сказанного Гоголем. Его творчество настолько велико, многогранно и актуально, что содержит ответы на любые вопросы нынешнего читателя. Очень жаль тех, кто видит в его произведениях лишь иллюстрации своих кошмаров, примитивную физиологию, абстракцию, проекции телесной и/или духовной ущербности. Смешны и ничтожны самохвальные "автопортреты" на фоне Гоголя – как правило, дико невежественные, конъюнктурные, явно бесовские, – или самовольные переправки работ уже ушедших и ныне здравствующих гоголеведов, неразличение "своего" и "чужого" (пусть даже с благой целью), попытки объявить себя гоголеведом по чину, знакомству или за деньги...

Владимир Казарин

1. В 1974 году я поступил в аспирантуру при кафедре истории русской литературы Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. Я собирался заниматься литературой конца XVIII века и привез с собой реферат «Художественная символика «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина» (рецензентом был профессор Пушкинского Дома И.З. Серман). Но после зачисления в аспирантуру мой научный руководитель профессор Г.П. Макогоненко рекомендовал мне заняться проблемами историзма на материале произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и М.Ю. Лермонтова. Такого рода

тему утвердили мне на кафедре. Интуитивно я решил начать свои разыскания в области историзма русской литературы на примере Н.В. Гоголя, а оказалось, что я и ограничился его творчеством. Результатом этого стала кандидатская диссертация «Эволюция исторической прозы Н.В. Гоголя: (К истории создания повести «Тарас Бульба»)» (1978). В частности я горжусь тем, что передатировал целый ряд гоголевских рукописей и набросков и внес свой вклад в возвращение гоголевского творчества в пределы романтической эстетики, что когда-то категорически отрицалось. Позднее были мои книги, статьи и библиографические справочники об авторе «Мертвых душ», диссертации и книги моих учеников о нем.

2. То, что Гоголь до сих пор остается малоизученным писателем. Я помню, как меня когда-то поразила фраза в книге Юрия Тынянова. Он сказал, что, познакомившись с творчеством А.С. Грибоедова, был поражен тем, как мало настоящий Грибоедов был похож на то, что о нем писали исследователи. Я готов повторить эту фразу в отношении Гоголя, хотя сделано много и в последние годы появилось много интересных исследований.

3. Все! Нужно продолжать изучение архивов, нужно снова и снова переписывать летопись жизни и творчества писателя, нужно создавать новые комментарии к его произведениям, нужно заново осмысливать истоки его творчества, его место в современной ему литературе и судьбу заложенных им традиций, нужно снова и снова осмысливать философию его творчества и пытаться понять место автора «Тараса Бульбы», «Ревизора» и «Мертвых душ» в мировой литературе.

Цей рік став особливим для відомого вченого-гоголезнавця, політичного і громадського діяча, члена редколегії «Гоголезнавчих студій», професора Володимира Казаріна. Йому виповнилося 55 років. Ми щиро вітаємо Володимира Павловича з напів'ювілеєм, зичимо доброго здоров'я та всіляких гараздів на широкій ниві його різносторонньої діяльності вченого і політика.

Дата спонукає до попередніх підсумків. Одним з них є гоголезнавчий доробок ювіляра, бібліографію якого ми друкуємо.

**Библиография гоголеведческих публикаций
профессора В.П. Казарина*****1. Монографии, сборники, отдельные издания***

1. Эволюция исторической прозы Н.В. Гоголя: (К истории создания повести «Тарас Бульба»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 – рус. лит. (Науч. рук. проф. Г.П. Макогоненко) / ЛГУ. – Л., 1978. – 1 п. л. – Тираж 150 экз.

Отклики: *Мануйлов В.А.* Изучаем наследие Н.В. Гоголя // Ленинградский университет. – 1977. – 15 марта. – № 22. – С. 4; *Нахлик Е.К.* Гоголь и украинская романтическая проза 30–60-х гг. XIX в. // Вторые Гоголевские Чтения: Тезисы докладов. – Полтава: Изд-во «Полтава», 1984. – С. 123–124; *Воропаев В.А.* Список авторефератов диссертаций, посвященных творчеству Н.В. Гоголя: (1945–2000) // Гоголеведческие студии. – Нежин. – 2001. – Вып. 7. – С. 153.

2. Произведения Н. В. Гоголя и литература о нем на русском языке: (1967–1976): Библиогр. указатель. В 2 ч. / Сост. и предисл. – Владивосток: ДВГУ, 1979. – 5,6 п. л. – Тираж 300 экз. – (Отв. ред. ст. препод. Н.В. Старовойтов). – (678 названий).

(Содержание 1 части: Предисловие, с. 3; Произведения Н.В. Гоголя, с. 5; Переписка писателя, авторские материалы и документы, с. 19; Документы, мемуары, дневники, письма и другие материалы о Гоголе, с. 20; Критико-биографическая литература, с. 20.

Содержание 2 части: Учебники, учебные пособия, методическая литература, с. 3; Произведения Гоголя в театре, музыке, живописи, кино, художественной и публицистической литературе, с. 7; Образ Гоголя в театре, музыке, живописи, кино, художественной и публицистической литературе, с. 16; Музеи Гоголя, литературные и памятные места, с. 18; Хроника, с. 20; Библиография, с. 21; Именной указатель, с. 22; Предметный указатель, с. 30).

Отклики: *Баскаков В.Н.* Гоголевская библиография: Традиции, современное состояние, перспективы // Сов. библиогр. – 1986. – № 1. – С. 81; История русской литературы XIX века: 1800–1830-е годы: [Учебник для пединститутов] / Под ред. В.Н. Аношкиной, С.М. Петрова. – М.: Просвещение, 1989. – С. 425; *Воропаев В.А.*

Об Иоанне Златоусте, или Как нам издавать Гоголя // Литературная газета. – 1991. – 22 мая. – № 20. – С. 10–11; Кто есть кто в русском литературоведении: Справочник. В 2 ч. Ч. II. – М.: РАН, 1992. С. 6; *Гранатович Л.В., Михальский Е.Н., Михед П.В.* Гоголь: Бібліографічні посібники і джерела: Анотований покажчик // Гоголеведческие студии. – Ніжин-Київ. – 1998. – Вып. 3. – С. 4, 10, 41, 42, 61, 64, 74.

3. Типология героя в русской литературе XIX века: Учебное пособие для студентов-иностранцев. – Симферополь: СГУ, 1984. – 5 п. л. – Тираж 1 000 экз. – (Рецензенты: д.ф.н. В.Я. Гречнев, к.ф.н. А.А. Карпов).

(Содержание: Введение, с. 3; Глава 1. Роман Пушкина «Евгений Онегин», с. 21; Глава 2. Роман Лермонтова «Герой нашего времени», с. 57; **Глава 3. Поэма Гоголя «Мертвые души», с. 70;** Заключение, с. 84).

Отклики: Кто есть кто в русском литературоведении: Справочник. В 2 ч. Ч. II. – М.: РАН, 1992. – С. 6; *Смирнов А.А.* Пособие по русской литературе: Для поступающих в вузы. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – С. 57; 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 57; *Абеляшева Г.Е.* Проблемы поэтики портрета: (На материале романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»). – Симферополь: Крымский Архив, 1997. – С. 93.

4. Библиография литературы о Н.В. Гоголе: (1962–1966) / Сост. и предисл. – Симферополь: СГУ, 1985. – 1,25 п. л. – Тираж 100 экз. – (244 названия).

Отклики: Кто есть кто в русском литературоведении: Справочник. В 2 ч. Ч. II. – М.: РАН, 1992. – С. 6; *Гранатович Л.В., Михальский Е.Н., Михед П.В.* Гоголь: Бібліографічні посібники і джерела: Анотований покажчик // Гоголеведческие студии. – Ніжин-Київ. – 1998. – Вып. 3. – С. 4, 10, 64, 74.

5. Повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»: Вопросы творческой истории. – Киев-Одесса: Вища школа, 1986. – 7 п. л. – (Рецензенты: д.ф.н., проф. ХГУ М.В. Кузнецова, к.ф.н., с.н.с. Ин-та лит-ры АН УССР Е.А. Белявская). – Тираж 3 000 экз.

(Содержание: Введение, с. 3; Глава 1. «Тарас Бульба» и ранняя историческая проза Н. Гоголя: (Формирование принципов художественного историзма), с. 8; Глава 2. «Тарас Бульба» и научно-исторические замыслы Н. Гоголя: (Проблема жанровой спецификации повести), с. 71; Глава 3. Н. Гоголь и реалистические художественные искания А. Пушкина: («Тарас Бульба» и «История Пугаче-

ва»), с. 96; Заключение, с. 118; Список использованной литературы [164 названия], с. 119).

Отклики: *Резушевский Е.С.* Новая книга о Н.В. Гоголе // Крымская правда. – 1986. – 27 дек. – № 297. – С. 3; *Ивашикив В. М.* Украинская романтическая драма 30–80-х годов XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1987. – С. 6; *Волкова Л.* Рец. на кн.: Казарин В.П. Повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»: (Вопросы творческой истории). – Киев-Одесса: Вища школа, 1986 // Радянське літературознавство. – Київ. – 1988. – № 8. – С. 74–76; Кто есть кто в русском литературоведении: Справочник. В 2 ч. Ч. II. – М.: РАН, 1992. – С. 6; *Смирнов А.А.* Пособие по русской литературе: Для поступающих в вузы. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – С. 64; 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 64; *Гоголь Н.В.* Собр. соч. В 9 т. / Сост. и ком. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. – М.: Русская книга, 1994. – Т. 7. – С. 529–531, 545, 554; – Т. 8. – С. 767–768; *Гоголь Н.В.* Миргород / Сост. и ком. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. – М.: Международ. изд. дом «Синергия», 1996. – С. 529, 531–532, 537, 555. – («Новая школьная библиотека»); *Мацапура В. И.* Украина в русской литературе первой половины XIX века. – Харьков-Полтава: ПОИППО, 2001. – С. 230, 232, 241, 243, 247, 385; *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем. В 23 т. Т. 1. – М.: Наследие, 2001. – С. 628, 717, 802, 822, 883; *Мацапура В.И.* Українська тема в російській літературі першої половини XIX століття (проблеми еволюції, міфологізації, інтертекстуальності). Автореф. дис. ... докт. філол. наук: 10.01.02 – рос. літ. / Симферополь. – 2002. – С. 18; *Денисов В.Д.* Изображение козачества в раннем творчестве Н.В. Гоголя. – Симферополь-Киев: [Крымский центр гуманитарных исследований], 2005. – С. 59, 65 и др.

6. Проблемы художественного метода русской литературы 30-х гг. XIX века: (Пушкин, Лермонтов, Гоголь): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 – рус. лит. / Ин-т лит. АН УССР. – К., 1987. – 2 п. л. – Тираж 150 экз.

Отклики: *Фризман Л.Г.* Семинарий по Пушкину. – Харьков: Изд-во «Энграм», 1995. – С. 323; *Воропаев В.А.* Список авторефератов диссертаций, посвященных творчеству Н.В. Гоголя: (1945–2000) // Гоголеведческие студии. – Нежин. – 2001. – Вып. 7. – С. 155.

7. Вера, язык, слово: Филологическая публицистика, публицистика филолога: (Заметки крымчанина): [Сб. ст.]. – Симферополь: Крымский Архив, 2001. – 2,3 п. л. – Тираж 500 экз.

(Содержание: От автора, с. 3; **Против исторического беспамьяства: (Монолог русского в защиту Украины)**, с. 4; **Вера, язык, слово: (Взгляд из Крыма на судьбы православной культуры)**, с. 10; Проблемы национальной идентичности в Крыму и формирование регионального самосознания: (Взгляд русского из Симферополя), с. 18; **Юбилей Пушкина: Взгляд из Крыма**, с. 24; Классика и мы: Диалог с Чеховым о Гражданской войне, с. 32).

8. Вера, язык, слово: Филологическая публицистика, публицистика филолога: (Заметки крымчанина): [Сб. ст.]. – 2-е изд., доп. – Симферополь: Крымский Архив, 2001. – 3 п. л. – Тираж 500 экз.

(Содержание: От автора, с. 3; **Против исторического беспамьяства: (Монолог русского в защиту Украины)**, с. 4; **Вера, язык, слово: (Взгляд из Крыма на судьбы православной культуры)**, с. 10; Проблемы национальной идентичности в Крыму и формирование регионального самосознания: (Взгляд русского из Симферополя), с. 18; **Юбилей Пушкина: Взгляд из Крыма**, с. 24; Пушкин: Весь русский мир, его начало и оправдание, с. 32; Классика и мы: Диалог с Чеховым о Гражданской войне, с. 36; **Задачи русистов Украины на современном этапе**, с. 44; Краткие сведения об авторе, с. 49).

Отклики: *Юрздицкая Е.Г.* Монолог русского в защиту Украины // Слава Севастополя. – 2001. – 11 апр. – № 67. – С. 2; *Обуховская Л.А.* «Вера, язык, слово» // Крымская правда. – 2001. – 25 апр. – № 76. – С. 3.

9. Вера, язык, слово: Филологическая публицистика, публицистика филолога: (Заметки крымчанина): [Сб. науч.-публицист. ст.]. – 3-е изд., доп. – Симферополь: Крымский Архив, 2001. – 5 п. л. – Тираж 5 000 экз.

(Содержание: От автора, с. 3; Крымское общество русской культуры: Равное среди равных, с. 4; **Против исторического беспамьяства: (Монолог русского в защиту Украины)**, с. 14; **Вера, язык, слово: (Взгляд из Крыма на судьбы православной культуры)**, с. 21; Центр и русская провинция: (Полемиические размышления над трагическими судьбами Родины последних лет), с. 32; Проблемы национальной идентичности в Крыму и формирование регионального самосознания: (Взгляд русского из Симферополя), с. 44; **Юбилей Пушкина: Взгляд из Крыма**, с. 51; Пушкин: Весь русский мир, его начало и оправдание, с. 62; Классика и мы: Диалог с Чеховым о Гражданской войне, с. 67; **Задачи русистов Украины на современном этапе**, с. 78; Вместо послесловия: (Краткие сведения об авторе), с. 84).

Отклики: *Бербер Н.* «Вера, язык, слово» // Крымские известия. – 2002. – 17 янв. – № 9. – С. 6; Крымский альбом: 2001: Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах / Сост., предисл. к публ. Д.А. Лосева. – Феодосия-Москва: Изд. дом «Коктебель», 2002. – С. 195.

10. Вера, язык, слово: Филологическая публицистика, публицистика филолога: (Заметки крымчанина): [Сб. науч.-публицист. ст.]. – 4-е изд., доп. и доработ. – Симферополь: Крымский Архив, 2001. – 5,3 п. л. – Тираж 5 000 экз.

(Содержание: От автора, с. 3; Крымское общество русской культуры: Равное среди равных, с. 4; Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов и развитие русского национального самосознания, с. 14; **Против исторического беспамьятства: (Монолог русского в защиту Украины), с. 17; Вера, язык, слово: (Взгляд из Крыма на судьбы православной культуры), с. 25;** Центр и русская провинция: (Полемические размышления над трагическими судьбами Родины последних лет), с. 37; Проблемы национальной идентичности в Крыму и формирование регионального самосознания: (Взгляд русского из Симферополя), с. 50; **Юбилей Пушкина: Взгляд из Крыма, с. 58;** Пушкин: Весь русский мир, его начало и оправдание, с. 69; Классика и мы: Диалог с Чеховым о Гражданской войне, с. 74; **Задачи русистов Украины на современном этапе, с. 85;** Вместо послесловия: (Краткие сведения об авторе), с. 92).

Отклики: *Кобзев Н.А.* Для всех нас одинаково родная: [Рец. на 4-е изд. книги «Вера, язык, слово»] // Литературный Крым. – 2001. – Дек. – № 3. – С. 2. – 21.12.01; [Премия крымчанину] // Литературный Крым. – 2002. – Июль. – № 25–26. – С. 11; *Обуховская Л.А.* «Ветвь золотого каштана» // Крымская правда. – 2002. – 17 июля. – № 128. – С. 1; Вопросы русской литературы: Межвуз. науч. сб. – Вып. 8 (65). – Симферополь: Крымский Архив. – 2002. – С. 7–16.

11. Против исторического беспамьятства: Монолог русского в защиту Украины: (Заметки крымчанина). – Симферополь: Крымский Архив, 2001. – 12 с. – Серия «Университет Крыму».

12. Вера, язык, слово: Очерки «крымской идеи»: [Сб. науч.-публицист. ст.]. – Симферополь: Крымский Архив, 2002. – 6,3 п. л. – Тираж 5 000 экз. Второй завод: Симферополь: Крымский Архив, 2003. – 6,3 п. л. – Тираж 5 000 экз.

(Содержание: От автора, с. 5; Крымское общество русской культуры: Равное среди равных, с. 7; Крымская (Восточная) война

1853–1856 годов и развитие русского национального самосознания, с. 18; **Против исторического беспамятства: Монолог русского в защиту Украины**, с. 21; **Вера, язык, слово: Взгляд из Крыма на судьбы православной культуры**, с. 29; **Апология Провинции: Полемиические размышления над трагическими судьбами Родины последних лет**, с. 42; Проблемы национальной идентичности в Крыму и формирование регионального самосознания: Взгляд русского из Симферополя, с. 57; **Юбилей Пушкина: Взгляд из Крыма**, с. 65; Пушкин: Весь русский мир, его начало и оправдание, с. 77; Классика и мь: Диалог с Чеховым о Гражданской войне, с. 83; **Задачи русистов Украины на современном этапе**, с. 95; «Хожение» длиною в шесть лет, с. 102; Краткие сведения об авторе, с. 115).

Отклики: Книги крымских писателей // Литературный Крым. – 2002. – 8 нояб. – № 39–40. – С. 10; *Мельников А.* Язык, слово... И вера? // Крымская правда. – 2002. – 21 дек. – № 235. – С. 2; Крымский альбом 2002: Ист.-краевед. и лит.-худож. альманах / Сост., предисл. к публ. Д.А. Лосева. – Феодосия-Москва: Изд. дом «Коктебель», 2003. – С. 194; Крымский альбом 2003: Ист.-краевед. и лит.-худож. альманах / Сост., предисл. к публ. Д.А. Лосева. – Феодосия-Москва: Изд. дом «Коктебель», 2004. – С. 209; *Белов А.В.* Вера и слово в русской культуре // Русский язык и литература в учебных заведениях. – Киев. – 2006. – № 2. – С. 7.

14. От античности до наших дней: Избранные работы по литературе и культуре. – Симферополь: Крымский Архив, 2004. – 114 п. л.

(Содержание: От автора, с. 5; *Казарин В.П.* Переправа Раевских и Пушкина из Тамани в Керчь, с. 6; *Казарин В.П., Яковенко Э.В.* Пушкин и легенда о «Митридатомом гробе», с. 19; *Казарин В.П., Черноусова Е.В., Шавшин В.Г.* Пушкин в Георгиевском монастыре, с. 29; *Казарин В.П., Киселев А.В.* Пушкин и Тмутараканское княжество, с. 49; *Казарин В.П., Ена В.Г.* «Хожение» длиною в шесть лет, с. 63; *Казарин В.П.* Художественная символика повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза», с. 74; *Казарин В.П.* Крым и формирование религиозного сознания Пушкина, с. 84; *Казарин В.П.* А.С. Грибоедов и его комедия «Горе от ума», с. 89; *Казарин В. П.* Вселенная и Космос в русской литературе XIX века, с. 101; *Казарин В.П.* **Комедия Н.В. Гоголя «Ревизор» в контексте романтической драмы**, с. 103; *Казарин В.П.* **Слово о Кобзаре (Т.Г. Шевченко и русская литература)**, с. 119; *Казарин В.П.* Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов и развитие русского национального самосознания, с. 123; *Казарин В.П.*

Классика и миф: Диалог с Чеховым о Гражданской войне, с. 126; *Казарин В.П., Криштоф Е.Г.* Стихотворение О.Э. Мандельштама «Золотистого меда струя из бутылки текла...» (Опыты реального комментария), с. 136; *Казарин В.П.* Не верь глазам своим: Злые реплики по поводу современной интерпретации «Злых заметок» Н.И. Бухарина, с. 143; *Казарин В.П.* В поисках человеческой солидарности (Заметки о творчестве Э. Хемунгуэя), с. 153; *Казарин В.П.* **Апология провинции: Полемиические размышления над трагическими судьбами Родины последних лет, с. 161;** *Казарин В.П., Коньков П.В.* Из истории увековечения памяти Пушкина в Крыму, с. 173; *Казарин В.П.* **Задачи русистов Украины на современном этапе, с. 190;** *Казарин В.П.* Глобализация и проблема сохранения языкового многообразия современного мира (Являемся ли мы истинными наследниками Кирилла и Мефодия?), с. 196.

Отклики: *Мазепа Н.Р.* Услышать время: Размышления над книгой В.П. Казарина // Литературный Крым. – 2004. – 16 июля. – № 25–26. – С. 1, 8. – Фото; *Мазепа Н.Р.* Услышать время: Размышления над книгой В.П. Казарина // Радуга. – Киев. – 2004. – № 5–6. – С. 159–162; *Готовчиков Н.А.* Взглядом, пронизывающим века // Литературный Крым. – 2005. – 28 янв. – № 3–4. – С. 3; *Инютин ВВ.* Наедине с историей, со словом и временем // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. – Воронеж. – 2005. – Вып. 23. – С. 289–292.

15. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин. – Симферополь: Крымский Архив, 2004. – 11 с.

Отклики: *Бондаренко С.Г.* Дольский против Эллочки-людоедки // Киевские ведомости. – 2004. – 22 июля. – С. 10. – (О XIII Международной конференции «Язык и культура»); *Мазепа Н.Р.* Современная украинская русскоязычная поэзия: двойной контекст // Радуга. – Киев. – 2006. – № 3. – С. 132.

II. Публикации в научных изданиях, международной и республиканской прессе

16. Несколько замечаний к гоголевским автографам // Русская литература: Ист.-лит. журнал. – Ленинград. – 1977. – № 2. – С. 92–98.

(Содержание: К вопросу о времени работы Гоголя над романом «Гетьман», с. 92; Два конспекта трудов по истории Украины, с. 94; Два неосуществленных замысла Гоголя-историка, с. 95).

17. Некоторые актуальные проблемы изучения творчества Гоголя в советском литературоведении // Вестник Ленинградского университета: Науч.-теоретич. журнал. – 1977. – № 20. – Вып. 4. – С. 55–62.

18. «История Русов» псевдо-Конисского как источник исторической прозы Н.В. Гоголя // Структура литературного произведения: Межвуз. сб. – Владивосток: ДВГУ, 1978. – Вып. 2. – С. 89–94.

19. Пушкин и творческая история повести Гоголя «Тарас Бульба» // Научно-методическая конференция, посвященная 25-летию Уссурийского государственного педагогического института (Уссурийск, 24-26 октября 1979 г.): Тез. докл. – Уссурийск, 1979. – С. 168–170.

20. Типология исторической прозы Гоголя 1829–1832 годов // Проблемы реализма. – Вып. VII. – Вологда: ВГПИ, 1980. – С. 31–42.

21. Историзм творчества Гоголя и проблема эпического стиля повести «Тарас Бульба» // I Гоголевские Чтения: Тез. докл. – Полтава: Изд-во «Полтава», 1982. – С. 40–42.

22. «Очерк истории Украины» А.С. Пушкина: (Принципы использования исторических источников) // Художественное творчество и литературный процесс. – Томск: ТГУ, 1982. – Вып. III. – С. 94–99.

23. Гоголь о творческом труде: (По материалам писем писателя первой половины 30-х годов) // Структура литературного произведения: Межвуз. сб. – Владивосток: ДВГУ, 1983. – [Вып. 3]. – С. 71–79, 171.

24. Вопросы историзма в эстетике Гоголя и проблема эпического стиля повести «Тарас Бульба» // Художественное творчество и литературный процесс: Сб. ст. – Томск: ТГУ, 1983. – Вып. V. – С. 115–124.

25. А.С. Пушкин и творческая история повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Вопросы русской литературы: Респ. межвед. науч. сб. – Львов. – 1984. – Вып. 1 (43). – С. 54–61.

Отклики: *Фризман Л.Г.* Семинарий по Пушкину. – Харьков: Изд-во «Энграм», 1995. – С. 242.

26. Романтическая традиция в «Мертвых душах» // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР: Ежемес. науч.-метод. журнал. – Киев. – 1984. – № 3. – С. 12–16.

27. Страницы сожженного тома: [О рукописной копии глав второго тома «Мертвых душ», найденной в библиотеке СГУ] / Интервью корр. ТАСС // Известия. – 1984. – 2 апр. – № 93. – С. 6.

28. Комедия Н.В. Гоголя «Ревизор» в контексте романтической драмы // Жанры в историко-литературном процессе: Межвуз. сб. науч. трудов. – Вологда: ВГПИ, 1985. – С. 45–59.

29. Проблемы стилистического анализа текста романтических произведений // Русский язык – язык межнационального общения, дружбы и сотрудничества народов СССР. Республ. науч.-практ. конф. (Кировоград, 24-26 октября 1985 г.): Тез. докл. – Кировоград, 1985. – С. 207–208.

30. С.Н. Сергеев-Ценский о Гоголе // С.Н. Сергеев-Ценский – выдающийся советский писатель-академик: (К 110-летию со дня рождения). Науч.-практ. конф.: Тез. докл. – Глухов: Конотопская райтипография, 1985. – С. 77–78.

31. Вопросы просветительской социологии и проблема художественного метода петербургских повестей Н.В. Гоголя // Вопросы русской литературы: Респ. межвед. науч. сб. – Львов. – 1986. – Вып. 1 (47). – С. 70–78.

Отклики: *Нахлік Є.К.* Конференція з проблем романтизму // Радянське літературознавство. – Київ. – 1983. – № 5. – С. 78.

32. Образ Александра Адуева и письма молодого Н.В. Гоголя: (К типологии романтического мирозерцания) // Вопросы русской литературы. – Львов. – 1986. – Вып. 2 (48). – С. 44–51. – (В соавторстве с Л.Т. Чернетой).

33. Портрет в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Проблемы метода и жанра: Сб. ст. – Томск: ТГУ, 1986. – Вып. 13. – С. 173–182.

34. Розмежування романтизму і реалізму в прозі 1830-х років: Проблема соціальності: (На матеріалі повістей М. Гоголя і Є. Гребінки). – Радянське літературознавство: Наук.- теорет. журнал. – Київ. – 1989. – № 4. – С. 33–44.

35. «Шинель» и «Выбранные места из переписки с друзьями»: (К проблеме единства гоголевских исканий) // Творчество Н.В. Гоголя и современность: Гоголевская науч.-практич. конференция (Нежин, май 1989 г.): Тез. докл. – Нежин: Куликовская типография, 1989. – С. 67–68.

36. «Шинель» и «Выбранные места из переписки с друзьями»: (К проблеме единства гоголевских исканий) // III Гоголевские Чтения: Тез. докл. – Полтава: ПГПИ, 1990. – С. 9–10.

37. Гоголь Н.В. Кровавый бандурист: Примечания // Собр. соч.: В 9 т. – Т. 7. – М.: Русская книга, 1994. – С. 527–529.

38. Гоголь Н.В. Начало исторического романа: Примечания // Собр. соч.: В 9 т. – Т. 7. – М.: Русская книга, 1994. – С. 529–534.

39. Гоголь Н.В. Взгляд на составление Малороссии: Примечания // Собр. соч.: В 9 т. – Т. 7. – М.: Русская книга, 1994. – С. 543–549.
40. Гоголь Н.В. Тарас Бульба: Примечания // Собр. соч.: В 9 т. – Т. 7. – М.: Русская книга, 1994. – С. 553–558.
41. Гоголь Н.В. Заметки и выписки при чтении...: Примечания // Собр. соч.: В 9 т. – Т. 8. – М.: Русская книга, 1994. – С. 765–768.
42. Гоголь Н.В. Заметка при чтении «Истории Русов»: Примечания // Собр. соч.: В 9 т. – Т. 8. – М.: Русская книга, 1994. – С. 768–769.
43. Гоголь Н.В. Кровавый бандурист: Примечания // Гоголь Н.В. Миргород. – М.: Международ. изд. дом «Синергия», 1996. – С. 529.
44. Гоголь Н.В. Начало исторического романа: Примечания // Гоголь Н.В. Миргород. – М.: Международ. изд. дом «Синергия», 1996. – С. 530–532.
45. Гоголь Н.В. Взгляд на составление Малороссии: Примечания // Гоголь Н.В. Миргород. – М.: Международ. изд. дом «Синергия», 1996. – С. 537, 539.
46. Гоголь Н.В. Тарас Бульба: Примечания // Гоголь Н.В. Миргород. – М.: Международ. изд. дом «Синергия», 1996. – С. 546.
47. Против исторического беспамятства: Монолог русского в защиту Украины // Коммунист: Орган ЦК КПУ. – 1997. – Квітень (апрель). – № 17–18. – С. 14.
48. Фальшивка: Ею пытаются подменить подлинную историю идеологи «самостийности» / Интервью И.Ю. Пироговой // Патриот: Еженедельник НПСР. – 1998. – 29 янв. – № 4. – С. 6.
49. Кобзарь думал по-русски: [Изложение доклада на Международной конференции, посвященной 2000-летию Рождества Христова (30 июня 1997 г., Симферополь)] // Экономический союз (Еженедельное приложение к «Российской газете»). – 1998. – 17 янв. – № 3. – С. 3.
50. Против исторического беспамятства: (Монолог русского в защиту Украины) // Русский геополитический сборник. – Москва. – 1998. – № 3. – С. 82–84.
51. Вера, язык, слово: Взгляд из Крыма на судьбы русской культуры // Образ России: Общерос. писат. газета. – Москва. – 1998. – 12 июня. – № 1. – С. 3.
52. Против исторического беспамятства // Интеграция – XXI век. – Харьков. – 1998. – № 5. – С. 22–23.
53. Вера, язык, слово: (Взгляд из Крыма на судьбы русской культуры) // Геополитика славянства: III Крымские Международ-

ные Чтения Н.Я. Данилевского (Ялта, Ливадийский дворец, октябрь 1996 г.): Материалы. – Симферополь: Крымский Архив, 1998. – С. 25–32.

Отклики: *Сапелкина В.И.* Достояние вечности // Крымские известия. – 1999. – 24 июня. – № 124. – С. 7.

54. Послесловие с напутствием // Прусова М.А. Культ смерти в русской романтической поэзии. – Симферополь: Крымский Архив, 1999. – С. 137–138.

55. Юбилей Пушкина: Взгляд из Крыма // Пушкин и Крым: IX Крымские Международные Пушкинские Чтения (Гурзуф, 18–21 сентября 1999 г.): Материалы. В 2 кн. Кн. 1. – Симферополь: Крымский Архив, 2000. – С. 3–10.

Отклики: *Кошелев В.А.* «Юго-восточный Пушкин», или «Миф во время чумы» // Новое литературное обозрение. – Москва. – 2000. – № 46. – С. 379–384; Крымский альбом: 2000: Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах / Сост., предисл. к публ. Д.А. Лосева. – Феодосия-Москва: Изд. дом «Коктебель», 2002. – С. 198.

56. Пушкин и Крым: Перспективы изучения темы // Пилигримы Крыма – Осень '99: IV Международ. науч.-практ. конф. (Симферополь, 16–17 октября 1999 г.): Материалы. В 2 т. Т. 1. – Симферополь: Крымский Архив, 2000. – С. 84–91.

Отклики: Крымский альбом: 2000: Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах / Сост., предисл. к публ. Д.А. Лосева. – Феодосия-Москва: Изд. дом «Коктебель», 2002. – С. 197.

57. Задачи русистов Украины на современном этапе // Вопросы русской литературы: Межвуз. науч. сб. – Симферополь. – 2000. – № 6 (63). – С. 44–47.

Отклики: Крымский альбом: 2000: Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах / Сост., предисл. к публ. Д.А. Лосева. – Феодосия-Москва: Изд. дом «Коктебель», 2002. – С. 186.

58. Страх вчерашнего дня: [Русский язык и русская культура на современной Украине] / Интервью В. Дмитриеву [Д.Ю. Волокитину] // Диорама плюс «Московский комсомолец». – Киев. – 2001. – 19–26 апр. – № 16. – С. 10.

59. Задачи русистов Украины на современном этапе // Информационный вестник Форума русистов Украины. – Симферополь: Крымский Архив, 2001. – Вып. 1. – С. 26–30.

Отклики: *Обуховская Л.А.* Организаторов съезда русистов в Крыму обвинили в формировании «пятой колонны» в Украине // Крымская правда. – 2001. – 30 янв. – № 18. – С. 1, 3; *Кондратенко Л.* Франкистские мотивы на языковой почве // Крымское время. – 2001. – 30 янв. – № 19. – С. 2; *Дымов И.* [Д.Ю. Волокитин] Украинский и русский – близнецы-братья: Кто стоит за языковым противостоянием в Украине?: [Об итогах работы Форума русистов Украины в Ливадии] // Диорама плюс «Московский комсомолец». – 2001. – 8–15 февр. – № 6. – С. 3; *Ильченко С.* Как профессор экзамен завалил: Ученых-филологов на Украине обвинили в предательстве национальных интересов // Деловой вторник. – Москва. – 2001. – 10 апр. – № 13. – С. 3. – Тираж 3 082 285 экз.; Страх вчерашнего дня: [Русский язык и русская культура на современной Украине]: Интервью В. Дмитриеву [Д.Ю. Волокитин] // Диорама плюс «Московский комсомолец». – Киев. – 2001. – 19–26 апр. – № 16. – С. 10.; *Фризман Л.Г.* «Мы сохраним тебя, русская речь»: [Об итогах работы Форума русистов Украины в Ливадии] // Русская филология: Украинский вестник: Республиканский научно-методический журнал. – Харьков. – 2001. – № 3. – С. 94–95; *Дымов И.* [Д.Ю. Волокитин] Украинский и русский – близнецы-братья: Кто стоит за языковым противостоянием в Украине?: [Об итогах работы Форума русистов Украины в Ливадии] // Информационный вестник Форума русистов Украины. – Симферополь: Крымский Архив, 2001. – № 2. – С. 7–9; *Фризман Л.Г.* «Мы сохраним тебя, русская речь»: [Об итогах работы Форума русистов Украины в Ливадии] // Информационный вестник Форума русистов Украины. – Симферополь: Крымский Архив, 2001. – № 2. – С. 17–23; Крымский альбом: 2001: Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах / Сост., предисл. к публ. Д.А. Лосева. – Феодосия-Москва: Изд. дом «Коктебель», 2002. – С. 194.

60. Апология Провинции: Полемические размышления над трагическими судьбами Родины последних лет // Брега Тавриды: Лит.-худож. и публицист. журнал. – Симферополь. – 2001. – № 4–5. – С. 247–253.

Отклики: *Печаткина Г.А.* Журнал продолжает жить: [О 4–5 номере журнала «Брега Тавриды»] // Крымские известия. – 2001. – 22 нояб. – № 218. – С. 6; *Милина Л.* [Л.А. Обуховская]. Имени Домбровского: [Рец. на «Брега Тавриды», № 4–5] // Крымская правда. – 2001. – 5 дек. – № 224. – С. 3.

61. Центр и Русская Провинция: Полемиические размышления над трагическими судьбами Родины последних лет // Пилигримы Крыма – Осень 2000: V Крымская Международ. науч.-практ. конф.: Материалы. В 2 т. Т. 2. – Симферополь: Крымский Архив, 2001. – С. 144–154.

Отклики: Крымский альбом: 2001: Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах / Сост., предисл. к публ. Д.А. Лосева. – Феодосия-Москва: Изд. дом «Коктебель», 2002. – С. 200.

62. Против исторического беспамятства: (Монолог русского в защиту Украины) // Вісник ЛДПУ ім. Т.Г. Шевченка: Філологічні науки. – Луганськ, 2001. – Жовт. – № 10 (42). – С. 58–63.

63. Страх вчерашнего дня: [Русский язык и русская культура на современной Украине]: Интервью В. Дмитриеву [Д.Ю. Волокитину] // Информационный вестник Форума русистов Украины. – Симферополь: Крымский Архив, 2001. – Вып. 2. – С. 9–14.

Отклики: Крымский альбом: 2001: Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах / Сост., предисл. к публ. Д.А. Лосева. – Феодосия-Москва: Изд. дом «Коктебель», 2002. – С. 194.

64. Выступление на XXVII Всесоюзной Шевченковской научной конференции в СГУ им. М.В. Фрунзе // Информационный вестник Форума русистов Украины. – Симферополь: Крымский Архив, 2001. – Вып. 2. – С. 14–17.

Отклики: Крымский альбом: 2001: Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах / Сост., предисл. к публ. Д.А. Лосева. – Феодосия-Москва: Изд. дом «Коктебель», 2002. – С. 194.

65. Апология Провинции // Крым: Общественно-политический и культурно-исторический журнал. – Симферополь. – 2001. – Ноябрь. – № 1. – С. 31–35.

Отклики: *Мамыко Г.Л.* Вышел в свет первый номер журнала «Крым» // Крымские известия. – 2002. – 5 янв. – № 2. – С. 1; *Обуховская Л.А.* Калейдоскоп событий, лиц, эпох... // Крымская правда. – 2002. – 9 янв. – № 3. – С. 4; *Мамыко Г.Л.* Родился «Крым»! // Литературный Крым. – 2002. – № 1–2. – Янв. – С. 2; Крымский альбом: 2001: Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах / Сост., предисл. к публ. Д.А. Лосева. – Феодосия-Москва: Изд. дом «Коктебель», 2002. – С. 196.

66. Гоголь Н.В. Тарас Бульба: Примечания // Гоголь Н.В. Тарас Бульба. – М.: Дет. лит., 2001. – С. 173.

67. Центр и русская провинция: Взгляд из Крыма // Наш современник: Лит.-худож. и обществ.-полит. ежемесячный журнал. – Москва. – 2002. – № 1. – С. 199–203.

68. Великий сын Украины и России: [К 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя] // У Лукоморья: Науч.-педагог. филол. журнал для детей, юношества и педагогов. – Симферополь. – 2002. – № 2. – С. 6.

69. Задачи русистов Украины на современном этапе // Русский язык за рубежом: Учебно-методический иллюстрированный журнал МАПРЯЛ. – 2002. – № 2 (апр. – июнь). – С. 74–76.

70. Вера, язык, слово: Взгляд из Крыма на судьбы православной культуры // Православная беседа: Духовно-просвет. журнал. – Москва. – 2002. – № 2. – С. 22–25.

71. Слово о Кобзаре: Т.Г. Шевченко и русская литература // Алые паруса: Лит.-худож. журнал для молодежи. – Симферополь. – 2004. – № 3. – С. 74–75.

72. Нечто совершеннейшее в человечестве: Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // Литературная газета. – Москва. – 2004. – 28 июля-3 авг. – № 30. – С. 8.

73. Мы напрасно третируем суржик!: «Украинский должен стать языком международного общения», – уверен вице-премьер Крыма, профессор-филолог Владимир Казарин / Интервью С.Г. Бондаренко // Киевские ведомости: Общонац. газета. – 2004. – 16 авг. – С. 10.

74. Ми марно третируємо суржик!: «Українська має стати мовою міжнародного спілкування», – упевнений віце-прем'єр Криму, професор-філолог Володимир Казарін / Інтерв'ю С.Г. Бондаренко // Київські відомості: Всеукраїнська газета. – 2004. – 3–9 вересня. – № 36. – С. 8.

75. «Нечто совершеннейшее в человечестве...»: Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // Крымский Пушкинский научный сборник. Вып. 4 (13): Литература и религия. – Симферополь: Крымский Архив, 2004. – С. 5–14. – Литература и религия. XIII Крымские Пушкинские Международные научные чтения (12–14 сентября 2003 г., Батилиман–Свято-Георгиевский монастырь–Севастополь).

76. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // Радуга: Журнал худож. лит. и обществ. мысли. – Киев. – 2004. – № 7–8. – С. 154–160. – Фото.

77. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // Черное море: Литературно-худож. журнал. – Симферополь. – 2004. – № 1. – С. 81–85. – Фото.

Отклики: *Кучеренко И. [И.В. Сотникова]* «Черное море» приветствует читателей! // Литературный Крым: Газета лит. и обществ. мысли. – 2004. – 19 нояб. – № 41–42. – С. 10; *Лиговская Е.А.* «И дышится, и пишется легко...»: Литературное многоцветье «Черного моря» // Крымские известия. – 2004. – 23 нояб. – № 218. – С. 6; *Мащенко А.П.* Волны литературы: Увидел свет очередной номер «Черного моря» // Крымское время. – 2005. – 10 февр. – № 15. – С. 21.

78. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // Филолог: Научно-метод. журнал Пермского госпедуниверситета. – Пермь. – 2004. – Вып. 5. – С. 10–14.

79. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // VII Міжнародні Гоголевські Читання: Сб. наук. праць. – Полтава: ПДПУ, 2004. – С. 33–37.

80. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин! // У Лукоморья: Науч.-пед. филол. журнал для детей, юношества и педагогов. – Симферополь. – 2004. – № 3–4. – С. 2–5.

81. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // Collegium: Междунар. научн. журнал. – Киев. – 2004. – № 17. – С. 120–129.

82. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // Studia Philologica: Межвуз. научн. филолог. журнал. – Симферополь. – 2004. – № 1 (4). – С. 4–10.

83. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // Мова і культура. – Киев. – 2004. – Вып. 7. – Т. 7. – Ч. 2. – С. 181–186. – 28.04.06.

Отклики: *Мазена Н.Р.* Современная украинская русскоязычная поэзия: двойной контекст // Радуга. – Киев. – 2006. – № 3. – С. 132.

84. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // Слов'янський збірник. – Вип. 4. – Полтава: Слов'янський клуб, 2005. – С. 295–302.

85. Украина и Россия: неразрывное духовное родство: [Предисловие] // Гоголь и Пушкин: Четвертые Гоголевские чтения: Сборник докладов. – М.: Книжный дом «Университет», 2005. – С. 16–17. – Фото.

86. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // Гоголь и Пушкин: Четвертые Гоголевские чтения: Сборник докладов. – М.: Книжный дом «Университет», 2005. – С. 30–39. – Фото.

87. Образ Александра Адуева и письма молодого Н.В. Гоголя: (К типологии романтического мирозерцания) // На терені

юридичної і філологічної наук: Збірник наукових праць, присвячений 50-річчю від дня народження і 25-річчю науково-педагогічної діяльності професора Прадіда Ю.Ф. – Сімферополь: Елінь, 2006. – С. 169-175. – (В соавторстве с Л.Т. Чернетой). – Тираж 200 экз.

88. Гоголь может наказать...: Наша страна опаздывает с подготовкой к празднованию 200-летнего юбилея Николая Гоголя / Интервью С.Г. Бондаренко // Киевские ведомости: Общественная газета. – 2006. – 30 июня. – № 134. – С. 1, 10. – Фото.

89. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // Сайт «Фонд стратегической культуры» (www.fondsk.ru). – 05.07.2006.

90. Гоголь може покарати...: [Наша страна опаздывает с подготовкой к празднованию 200-летнего юбилея Николая Гоголя] / Интервью С.Г. Бондаренко // Київські відомості: Загальнонаціональна газета. – 2006. – 13-19 липня. – № 28. – С. 14. – Фото.

91. Гоголь может наказать... / Интервью С.Г. Бондаренко // Литературная газета. – Москва. – 2006. – 2-8 августа. – № 32. – С. 1, 7.

III. Публикации в региональной прессе

92. Против исторического беспамьятства: Монолог русского в защиту Украины // Крымская правда. – 1997. – 21 янв. – № 10. – С. 1, 3.

93. Против исторического беспамьятства: Монолог русского в защиту Украины // Коммунист Крыма. – 1997. – 21 янв. – № 2. – С. 4.

94. Кобзарь думал по-русски!: [Изложение доклада на Международной конференции, посвященной 2000-летию Рождества Христова (Симферополь, 30 июня 1997 г.)] // Крымские известия. – 1997. – 25 июля. – № 134. – С. 2.

95. Фальшивка: Ею пытаются подменить подлинную историю идеологи «самостийности» / Интервью И.Ю. Пироговой // Братья славяне. – 1998. – окт. – № 2. – С. 3, 7. – (Луганская областная газета, перепечатано из «Патриота»).

96. «Счастлив, кто посетил сей мир в его минуты роковые...»: Завтра исполняется 200 лет со дня рождения А.С. Пушкина / Интервью Л.А. Обуховской // Крымская правда. – 1999. – 5 июня. – № 101. – С. 1–2.

97. И дух к Юрзуфу прилетел: [Выступление 6 июня на Пушкинском празднике в музее А.С. Пушкина] // Крымская правда. – 1999. – 8 июня. – № 102. – С. 1, 3.

98. «Весь русский мир, его начало и оправданье» / Интервью Л.А. Обуховской // Крымская правда. – 1999. – 7 окт. – № 184. – С. 1, 3.

99. Выйти из тупиков зоологического национализма: Выступление на Форуме русистов Украины 27 января 2001 г. // Крымская правда. – 2001. – 1 февр. – № 20. – С. 3.

100. Задачи русистов Украины на современном этапе: Выступление на Форуме русистов Украины 27 января 2001 г. // Крымские известия. – 2001. – 2 февр. – № 22. – С. 3.

101. Задачи русистов Украины на современном этапе: Выступление на Форуме русистов Украины 27 января 2001 г. // Севастопольские известия. – 2001. – 7 февр. – № 10. – С. 4.

102. Задачи русистов Украины на современном этапе: Выступление на Форуме русистов Украины 27 января 2001 г. // Коммунист Крыма. – 2001. – 9 февр. – № 6. – С. 3.

103. Монолог русского в защиту Украины: Встреча с интересным собеседником / Интервью Е.Г. Юрздицкой // Слава Севастополя. – 2001. – 11 апр. – № 67. – С. 2. – (Беседа в связи с выходом 2-го издания книги «Вера, язык, слово»).

104. Слово в защиту Провинции // Крымская правда. – 2001. – 12 июня. – № 104. – С. 3.

105. Poleмические размышления над судьбами Провинции: Наша историческая память / Интервью Е.Г. Юрздицкой // Слава Севастополя. – 2001. – 1 нояб. – № 203. – С. 2.

106. Подвижник духа: [К 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя] // Крымская правда–Курьер культуры. – 2002. – 2 марта. – № 41. – С. 3.

107. Слово о Кобзаре: (Т.Г. Шевченко и русская литература) // Литературный Крым: Газета крымских писателей. – 2004. – 12 марта. – № 9–10. – С. 1.

108. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // Литературный Крым: Газета крымских писателей. – 2004. – 30 июля. – № 27–28. – С. 1–3. – Фото.

109. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // Русский Севастополь. – 2004. – Сент. – № 7. – С. 6–7.

110. К юбилею великого сына Украины и России / Интервью Л. Милюной [Л.А. Обуховской] // Литературный Крым: Газета литературной и общественной мысли. – 2006. – 26 мая. – № 17–20. – С. 2.

111. К юбилею великого сына Украины и России / Интервью Л. Милюной [Л.А. Обуховской] // Крымские известия: Газета Вер-

ховной Рады Автономной Республики Крым. – 2006. – 30 мая. – № 96. – С. 4.

112. Великий сын России и Украины / Интервью // Слава Севастополя: Информационная газета. – 2006. – 2 июня. – № 99. – С. 3.

113. К юбилею великого сына Украины и России / Интервью Л. Миловой [Л.А. Обуховской] // Слово города: Сакская городская общественно-политическая газета. – 2006. – 3 июня. – № 21. – С. 2.

114. Гоголь может наказывать...: Украина опаздывает с подготовкой к празднованию 200-летнего юбилея Николая Гоголя / Интервью С.Г. Бондаренко // Слово города: Сакская городская общественно-политическая газета. – 2006. – 29 июля. – № 29. – С. 4.

IV. Диссертации, выполненные и защищенные под руководством профессора В.П. Казарина

115. Жукова Н.Д. **Пейзаж в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя.** Официальные оппоненты: д.ф.н., профессор В.А. Кошелев (Череповец), к.ф.н., доцент А.А. Карпов (Ленинград). Ведущая организация – Харьковский государственный педагогический институт им. Г.С. Сковороды. Защита состоялась 16 апреля 1992 г. в г. Днепропетровск.

116. Киселев С.Н. **Географизм русской литературы XIX века.** Официальные оппоненты: д.ф.н., с.н.с. Института литература им. Т.Г. Шевченко О.В. Белый (Киев), к.ф.н., доцент П.В. Михед (Нежин). Ведущая организация – Запорожский государственный университет. Защита состоялась 27 декабря 1993 г. в г. Днепропетровск.

Составитель Е.А. Попова

**Библиография произведений Н.В. Гоголя
и литературы о нем на русском языке (2003–2005)**

2003

Произведения Н.В.Гоголя

1. Вечера на хуторе близ Диканьки / Илл. худ. Н.В. Доценко. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 316 с.

2. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород: Повести. – М.: Эксмо, 2003. – 560 с. – (Сер. Русская классика).

3. Вечера на хуторе близ Диканьки / Вступ. статья и коммент. И.Виноградова; Рис. А.Лаптева. – М.: Дет. лит., 2003. – 300 с.: ил. – (Школьная б-ка).

Загл. вступ. статьи: И по ту, и по эту сторону Диканьки: С. 5-46.

Коммент.: С. 282–299.

4. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород / Сост., вступ. статья, коммент. В.А. Воропаева. – 2-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2003. – 544 с. – (Б-ка отечественной классической художественной литературы).

Загл. вступ. статьи: Николай Васильевич Гоголь (1809–1852): С. 5–60.

Коммент.: С. 503–534.

Приложение:

Воропаев В.А. Гражданин земли Русской: С. 535–542.

5. Духовная проза: Сборник / Н.В. Гоголь. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 476 [4] с. – (Мировая классика).

Выбранные места из переписки с друзьями: С. 7–234.

Авторская исповедь: С. 245–286.

Размышления о Божественной Литургии: С. 287–342.

Правило жития в мире: С. 343–350.

Из писем, набросков и записных книжек: С. 351–424.

Современники о Гоголе: С. 425–477.

6. Мертвые души. Выбранные места из переписки с друзьями / Сост., коммент. В.А. Воропаева. – 2-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2003. – 432 с. – (Б-ка отечественной классической художественной литературы).

Коммент.: С. 371–417.

Приложения:

Мережковский Д.С. Из статьи «Гоголь и черт»: С. 418–424.

Воропаев В.А. *«Будьте не мертвые, а живые души». О названии поэмы Н.В. Гоголя: С. 424–429.*

7. Молитва // Душе христианина. Сборник духовной поэзии. – Клязьма, 2003. – С. 8–9.

8. Невский проспект / Худ. М.А. Бычков. – Калининград: Янтарный сказ, 2003. – 107 с. ил.

Кургатников А. Невский – на все времена: С. 102–104.

9. Нос. Шинель. Мертвые души // Хрестоматия по литературе 8–11 классы: В 2 кн. – Кн. 1 / Подгот. текстов У.Ю. Веринной. – Минск: Харсвет, 2003. – 736 с.

Гоголь Н.В.: С. 500–601.

[Тексты печ. в сокращении.]

10. Песнь молитвенная ко Пресвятой Деве Марии Богородице // Русский паломникъ. – 2003. – № 27. – С. 20.

11. Петербургские повести / Худ. Н. Домашенко; послеслов. О. Сокуровой. – СПб.: Изд-во «Геликон Плюс», 2003. – 304 с.

Невский проспект, Нос, Портрет, Шинель, Коляска, Записки сумасшедшего, Рим (отрывок).

Загл. послесл.: Гоголевский Петербург: опыт духовного путешественника: С. 276 – 303.

О художнике этой книги: С. 303.

12. Петербургские повести: Шинель. Невский проспект. Нос. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: «Изд-во АСТ», 2003. – 125 [3] с. – (Б-ка школьника).

13. Петербургские повести. Пьесы / Сост., коммент. В.А. Воропаева. – 2-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2003. – 368 с. – (Б-ка отечественной классической художественной литературы).

Коммент.: С. 320–348.

Приложения:

Гоголь Н.В. Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору: С. 349–354.

Гоголь Н.В. Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора»: С. 354–362.

Немирович-Данченко В.И. Из речи, произнесенной на торжественном заседании Общества любителей российской словесности в Москве 28 апреля 1909 г., посвященном столетию со дня рождения Н.В. Гоголя: С. 363–366.

14. Повести. Ревизор. Мертвые души. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 810 [6] с. – (Б-ка школьника).

15. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. – Т. 4 / Подгот. текста и коммент. И.А. Зайцевой, Ю.В. Манна. – М.: Наука, 2003. – 1001 с.: ил.

Коммент.: С. 537–888.

16. Ревизор. Комедия в пяти действиях / Вступ. статья В. Воропаева; Коммент. И. Виноградова, В. Воропаева; Рис. В.Бритвина. – М.: Дет. лит., 2003. – 127 с.: ил. – (Школьная б-ка).

Загл. вступ. статьи: Над чем смеялся Гоголь. О духовном смысле комедии «Ревизор»: С. 5–20.

Коммент.: С. 120–126.

17. Старосветские помещики: Повести / Вступ. статья В. Гуминского; Коммент. В. Воропаева; Рис. А. Симанчука. – М.: Дет. лит., 2003. – 172 с.: ил. – (Школьная б-ка).

Загл. вступ. статьи: Гоголь и четыре урока «Миргорода»: С. 5–14.

Коммент.: С. 151–171.

18. Тарас Бульба: Повесть / Вступ. статья В. Воропаева; Коммент. И. Виноградова; Худож. Е.А. Кибрик. – М.: Дет. лит., 2003. – 188 с.: ил. – (Школьная б-ка).

Загл. вступ. статьи: Гражданин земли Русской: С. 5–12.

Коммент.: С. 167–188.

19. Фонвизин Д.И. Бригадир. Недоросль. Грибоедов А.С. Горе от ума. Лермонтов. М.Ю. Маскарад. Гоголь Н.В. Ревизор. Женидьба: Пьесы. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 608 с. – (Русская классика).

Ревизор: С. 433–537.

Женидьба: С. 538–606.

Художественная и критико-биографическая литература

20. Азарова Н.М. Текст. Пособие по русской литературе XIX века. Ч. 1. – М.: Век книги, 2003. – 512 с.

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852): С. 363–501.

21. Азарова Н.М. Текст. Пособие по русской литературе XIX века. Ч. 2. – М.: Век книги, 2003. – 304 с.

Николай Васильевич Гоголь: С. 226–250.

22. Алексеев В.В. Свет Андроникова монастыря. – М.: Глобус, 2003. – 176 с.: ил.

Молитвенный подвиг Гоголя:

Размышление: С. 85.

Великий Россиянин: С. 86–90.

Пушкин и Гоголь: С. 91–95.
Живые и «мертвые души»: С. 96–102.
Пророк святой Руси: С. 103–112.
Дом графа Толстого: С. 113–121.
«Я бываю часто у Хомяковых»: С. 122–129.
Молитва Гоголя: С. 130–131.
Паломничество: С. 132–134.
Россия и монархия: С. 135–143.

23. Александрова Т.А. Н.В. Гоголь в оценках Д.С. Мережковского // Наукові записки Харківського державного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди. – Харьков: ХГПУ, 2003. – Вып. 1 (33). – С. 77–81.

24. Александрова Т.А. Н.В. Гоголь в оценке Л.Я. Гуревич // Литература в контексте культуры. Сб. научных статей. – Днепропетровск: ДНУ, 2003. – Вып. 12. – С. 59–64.

25. Александрова Т.А. Н.В. Гоголь и русская культура «серебряного века» // Восьмые международные чтения молодых ученых памяти Л.Я. Лившица. Тезисы. – Харьков, 2003. – С. 9–10.

26. Алексева У.С. «Статья «Светлое Воскресение» и процесс создания образа идеального бытия в позднем творчестве Н.В. Гоголя // Книга и литература в культурном контексте. – Новосибирск, 2003. – С. 299–304.

27. Алпатова И. Руки вверх! «Вий» в Театре имени Пушкина // Культура. – М., 2003. – 12–18 июня.

28. Алпатова И. Брачные игры на подмостках жизни. «Женитьба» Гоголя в Театре имени М.Н. Ермоловой // Культура. – М., 2003. – 19–25 июня.

29. Анненкова Е.И. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя на рубеже культурных эпох // Вестник Чувашского гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. Языкознание. Лингводидактика. – Чебоксары, 2003. – № 4. – С. 111–120.

30. Анненкова Е.И. Фольклорный, библейский и литературный аспекты мотива нищенства в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Фольклор: традиции и современность. – Таганрог, 2003. – Вып. 2. – С. 92–98.

31. Арабов Ю. Человек по имени Гоголь // Киносценарий. – 2003. – № 5. – С. 54–75. (Продолжение. Начало книги Ю. Арабова см. в № 4, 1996 г.)

32. Архипова Ю.В. «Ревизор» Н.В. Гоголя: проблемы интерпретации // Проблемы литературного образования. Материалы IX

Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2003. – Ч. 2. – С. 99–102.

33. Афанасьев В. Опыт живой веры // Москва. – М., 2003. – № 3. – С. 169–173.

[Рец. на кн.: Ворopaев В.А. Гоголь над страницами духовных книг: Научно-популярные очерки. – М.: Макариевский фонд, 2002. – 208 с.]

34. Базылев В.Н. Мещанин как семиотический типаж в русской культуре: (Из семиотических комментариев к гоголевскому «Ревизору») // Семиотика и имиджелогия деловых культуры. – Тамбов, 2003. – С. 42–44.

35. Базылев В.Н. Письмо Городничему и письмо Тряпичкину: (Из семиотических комментариев к «Ревизору») // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты. – М.; Пенза, 2003. – С. 118–121.

36. Баканова М.А. Эссе В.В. Набокова «Николай Гоголь» (К вопросу о литературных влияниях) // Филологические штудии. – Иваново, 2003. – Вып. 7. – С. 61–65.

37. <Балдина Е.> [Рец.] // Литературная учеба. – М., 2003. – Кн. 5. – С. 131.

Гоголь над страницами духовных книг: Научно-популярные очерки. – М.: Макариевский фонд, 2002. – 208 с. – (Православные просветители России).

38. Барабаш Ю.Я. «Художник Петербургский!»: Гоголь и Шевченко: в едином культурном пространстве // Нация. Личность. Литература. – Вып. 2. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 60–77.

39. Барабаш Ю. «Если я забуду тебя, Иерусалим...» Гоголь и Шевченко. Сравнительно-типологические опыты. – [Харків:] Акта, 2003. – 447 с. – (Серія Харківська школа).

40. Барановская Е.П. В защиту Блока // Святоотеческие традиции в русской литературе: Сборник статей. – Омск, 2003. – С. 90–102.

41. Барановская Е.П. «Флора на петроградских улицах»: об эллинистической сущности Петербургского текста // Пушкинские чтения. Петербургский текст повседневной культуры. Материалы всероссийской научной конференции. – СПб., 2003. – С. 69–76.

42. Барановская Е.П., Мисюров Н.Н. «Золотой горшок» Э.Т.А. Гофмана как романтическая модификация платоновских мифов // Вестник Омского ун-та. – Вып. 2 (28). – Омск, 2003. – С. 66–68.

43. Бегунов В. Загадочная улыбка ведьмы. «Панночка» Нины Садур в Областном театре им. А.Островского // Культура. – 2003. – № 29.

44. Белая А.С. О лингвокультурологической информативности бытовой лексики в произведениях С.Т. Аксакова и Н.В. Гоголя // Аксаковские чтения – Уфа, 2003. – Ч. 2. – С. 3–2.

45. Белова Н.А. Малые литературные жанры в контексте прозаических циклов Н.В. Гоголя // Научные труды Нижневартковского гос. пед. ин-та. – Нижневартовск, 2003. – Вып. 1. – С. 121–132.

[Особенности циклизации «Вечеров на хуторе близ Диканьки».]

46. Белова Н.М. Общественный быт России в книге маркиза де Кюстина «Россия в 1838 году» и гротескные образы Н.В. Гоголя и М.Е. Салтыкова-Щедрина // Известия Саратовского ун-та. Н.С. – Саратов, 2003. – Т. 3. – Вып. 2. – С. 125–128.

47. Белоногова В. Штраф за жадность // Алфавит. – М., 2003. – № 39.

48. Белоногова В.Ю. Выбранные места из мифов о Пушкине. – Нижний Новгород: Деком, 2003. – 120 с.

49. Белоусова В. «Он в Риме был бы Брут...» // Studia rossica posnaniensia. – Poznan, 2003. – Z. 31. – С. 19–23.

[Аллюзия на П.Я. Чаадаева в повести «Вий».]

50. Белявская Л.Н. «Как непонятен человек...»: (Символическое прочтение поэмы Н.В. Гоголя «Ганц Кюхельгартен») // Нелинейный мир науки, образования, культуры. – М.: Астрахань, 2003. – С. 193–198.

51. Бен Г. Был ли Тарас Бульба антисемитом и что думал об этом Гоголь? // Звезда. – 2003. – № 7. – С. 203–207.

52. Беспалова Е. В Симбирске удивительно весело... // Мономах. – [Ульяновск,] 2003. – № 2 (33). – С. 26–27.

[О намерении Гоголя посетить Симбирск в 1850 г.]

53. Большая литературная энциклопедия /Красовский В.Е. и др. – М.: Филологическое об-во «Слово»: ОЛІМА-ПРЕСС Образование, 2003. – 845 с.: ил.

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852): С. 143–179.

54. Боровиков Д.С. Титулярные «сочинители»: (О пишущих героях «петербургских» повестей Н.В. Гоголя) // Филологические этюды. – Саратов, 2003. – Вып. 6. – С. 33–36.

55. Булгаков Николай, священник. «Душа слышит свет». Н.В. Гоголь – про нас. – М.: Издание Храма Державной иконы Божией Матери, 2003. – 80 с.

[Приложение:] Священномученик митрополит Серафим (Чичагов). Слово в 100-летнюю годовщину рождения Н.В. Гоголя: С. 74–79.

56. Буслаев Ф.И. Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления. – М.: Русская книга, 2003. – 608 с. – (Русские мемуары. Москва и москвичи).

Комик Щепкин о Гоголе: С. 493–495.

57. Буслакова Т.П. Русская литература XIX века: Учебный минимум для абитуриента. – М.: Высшая школа, 2003. – 574 с.

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852): С. 321–348.

58. Вайман С. Драматический диалог. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 208 с.

Гоголевская диалогика: С. 123–132.

59. Вайскопф М. Птица тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов. – М.: Новое лит. обозрение, 2003. – 576 с. (468) – (Научная б-ка).

Поэтика петербургских повестей Гоголя (Приемы объективации и гипотазирования): С. 47–105.

[Впервые: *Slavica Hierosolymitana*. 1978. – № 3.]

Путь паломника: Гоголь как масонский писатель: С. 106–119.

[Первая публ. – *Путь паломника (о масонских и теософских источниках Гоголя) // Russian Literature and History /In Honour of Professor Ilya Serman. – Jerusalem. 1989. Здесь печатается по тексту: Вайскопф М. Гоголь как масонский писатель // Гоголевский сборник /Под ред. С.А. Гончарова. – СПб., 1993.]*

Путешествие в Египет: опыт истолкования гоголевского «Вия»: С. 120–145.

[Впервые: *Wiener Slavistischer Almanach*. – 1991. – № 21.]

Гоголь и Сковорода: проблема «внешнего человека»: С. 146–163.

[Впервые: *Советское славяноведение*. – 1990. – № 4.]

Нос в Казанском соборе: о генезисе религиозной темы у Гоголя: С. 164–185.

[Впервые: *Wiener Slavistischer Almanach*. – 1987. – Bd. 19.]

Материал и покррой гоголевской «Шинели»: С. 186–196.

[Доклад на международной научной конференции «Гоголь как явление мировой литературы» (ИМЛИ, ноябрь, 2002.)]

Птица тройка и колесница души: Платон и Гоголь: С. 197–218.

[Доклад, прочитанный в апреле 1988 г. на симпозиуме «Логос Гоголя» в университете Уэсли (США). На рус. яз. впервые: Гоголь: Материалы и исследования / Под ред. Ю.В. Манна. – М., 1995.]

Отрицательный ландшафт: имперская мифология в «Мертвых душах»: С. 219–233.

[Впервые: Русский текст. – 1995. – № 3.]

Вечность и время в поэтике Гоголя: С. 234–254.

[Впервые: Гоголевский сборник / Под ред. С.А. Гончарова. – Вып. 2. – СПб., 1994.]

«Зачем так звучно он поет?» Гоголь и Белинский в борьбе с Пушкиным: С. 255–271.

[Доклад, прочитанный на Пушкинском семинаре в Иерусалиме в январе 1999 г. и на юбилейной международной конференции «Пушкин и пушкинистика на пороге XXI века» 1 июня 1999 года в Москве // Новое лит. обозрение. – М., 2000. – № 44.]

Семья без урода. Образ еврея в литературе русского романтизма: С. 300–334 (О Гоголе: С. 326–329 и др.).

[Впервые: Новое лит. обозрение. – М., 1998. – № 28.]

60. Васильков Я.В., Разаускас Д. Балтийский ключ к проблеме Вяй-Вайю // Scripta Gregoriana. – М., 2003. – С. 24–46.

[Балто-индоиранские корни корни образа Вяй в одноименной повести Гоголя.]

61. Василькова А. Совсем не Гоголь и не совсем Шекспир // Культура. – 2003. – № 16.

[О постановке кукольного спектакля «Невский проспект» в петербургском театре «Потудань».]

62. Венедиктова Т. Из пира в мир, или Заложник грезы (Писательский «анекдот» от В. Ирвинга и Н.В. Гоголя) // Вопросы лит. – М., 2003. – № 3. – С. 168–187.

[Мифологема сна в новелле В. Ирвинга «Рип Ван Винкль» и в «Коляске» Гоголя.]

63. Венедиктова Т. Писатель как герой литературного мифа: Ирвинг и Гоголь // Популярная литература: Опыт культ. мифотворчества в Америке и в России. – М., 2003. – С. 123–133.

[Сравнительный анализ новеллы В. Ирвинга «Рип Ван Винкль» и «Коляски» Гоголя.]

64. Ветчинкина Ю.В. Оппозиция «свое – чужое» в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя (Предисловия) // Простран-

ственно-временные модели художественного текста. – Самара, 2003. – С. 95–102.

65. Видуирите И. Репрезентация женщины в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Литература: Научные труды. 2002. Т. 44 (2). Вильнюс: Изд-во Вильнюсского университета, 2003. – С. 7–18.

66. Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой / Отв. Ред. А.П. Чудаков; Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Наука, 2003. – 390 с.

О языке ранней прозы Гоголя: С. 5–53.

[Впервые: Материалы и исследования по истории русского литературного языка. – М.; Л., 1951. – Т. 2. С. 94–138.]

Язык Гоголя и его значение в истории русского языка: С. 54–96.

[Впервые: Материалы и исследования по истории русского литературного языка. – М.; Л., 1953. – Т. 3. С. 4–44.]

67. Виноградов И.А. «Ночь перед Рождеством». Чарующий мир гоголевской прозы // Домашний лицей. – М., 2003. – № 1. – С. 2–12.

68. Виноградов И.А. Н.В. Гоголь и С.С. Уваров: из истории взаимоотношений // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 127–149.

69. Виноградов И.А. Художник-христианин: Об изучении творчества Н.В. Гоголя // Филология и школа. – М., 2003. – Вып. 1. – С. 260–295.

70. Виноградов И.А. Гоголь и юный Достоевский // Домашний лицей. – М., 2003. – № 3. – С. 20–31.

71. Виноградская Н.Л. Международная научная конференция «Гоголь как явление мировой культуры» // Известия АН. Сер. лит. и яз. – М., 2003. – Т. 62. – № 2. Март–Апрель. – С. 75–80.

[Конференция проводилась 31 октября – 2 ноября 2002 г. в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН (Москва).]

72. Виролайнен М. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. – СПб.: Амфора, 2003. – 503 с.

Замкнутый мир

1. *Мир и стиль («Старосветские помещики» Гоголя): С. 312–330.*

2. *Проблема замкнутой формы в эстетике Гоголя: С. 331–359.*

3. *Мифы города в мире Гоголя: С. 360–372.*

73. Воропаев В. Из рассказов о Гоголе // Десятина. – М., 2003. – № 1 (76). – С. 8.

74. Воропаев В. Из рассказов о Гоголе // Лит. Россия. – М., 2003. – 24 января. – № 3. – С. 16.

75. Воропаев В. Толстой Александр Петрович // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм / Гл. ред., сост. О.А. Платонов; сост. А.Д. Степанов. – М.: Православное изд-во «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. – С. 795–796.

То же // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русское мировоззрение / Гл. ред., сост. О.А.Платонов. – М.: Православное изд-во «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. – С. 831–832.

76. Воропаев В. Инок в міру // Русскій паломникъ. – 2003. – № 27. – С. 21–23.

77. Воропаев В. Афонский знакомец Гоголя // Десятина. – М., 2003. – № 2 (77). – С. 7.

78. Воропаев В. Из рассказов о Гоголе // Православная беседа. – М., 2003. – № 1. – С. 29–31.

79. Воропаев В. Из рассказов о Гоголе // Благовест. – Самара, 2003. – Апрель. – № 7 (259). – С. 8–9.

[Вступ. заметка А. Жоголева: С. 8.]

80. Воропаев В. Из рассказов о Гоголе // Купель. Детский православный журнал для семейного чтения. – М., 2003. – № 2 (21). – С. 14–16.

81. Воропаев В. Из рассказов о Гоголе // Десятина. – М., 2003. – М., 2003. – № 4 (79). – С. 8.

82. Воропаев В.А. Рассказы о Николае Васильевиче Гоголе // Московский журнал. – М., 2003. – № 4. – С. 48–51.

83. Воропаев В.А. Русская эмиграция о Н.В. Гоголе // Русская речь. – М., 2003. – № 2. – С. 16–21; № 3. – С. 11–17; № 4. – С. 10–18.

84. Воропаев В. Николай Гоголь: опыт духовной биографии // Віра і Розум. – Харків, 2003. – №4. – С. 290–308 (Продолжение).

85. Воропаев В. Русская эмиграция о Гоголе // Литературная учеба. – М., 2003. – Кн. 3. Май-Июнь. – С. 82–109.

86. Воропаев В.А. Афонский знакомец Гоголя // Московский журнал. – М., 2003. – № 7. – С. 40–41.

87. Воропаев В.А. «Нет ничего торжественнее смерти...» О праведной кончине Гоголя // Свет невечерний. – Владимир, 2003. – № 5. – С. 54–60.

88. Воропаев В. Афонский знакомец Гоголя // Православная беседа. – М., 2003. – № 4. – С. 52–54.
89. Воропаев В. Гоголь, которого мы не знаем. Штрихи к портрету великого писателя // Православная юношеская газета. – М., 2003. – Март – Апрель. – № 3–4 (49–50). – С. 28–30.
90. Воропаев В. Инок в миру. Духовная жизнь Н.В. Гоголя // К единству! Журнал Международного Фонда единства православных народов. – М., 2003. – № 4. – Июль-август. – С. 42–44.
91. Воропаев В.А. Гоголь в современном литературоведении // Крымский Пушкинский научный сборник. – Вып. 3 (12): Русская культура и славянский мир. – Симферополь: Крымский Архив, 2003. – С. 158–168.
92. Воропаев В. Жива вера – жив народ. Н.В. Гоголь и русско-украинский вопрос // Русский Вестник. – М., 2003. – № 20 (622). – С. 19.
93. Воропаев В. Инок в миру. Духовные искания Гоголя // Москва. – М., 2003. – № 9. – С. 239–240.
94. Воропаев В. Из рассказов о Гоголе // Купель. Детский православный журнал для семейного чтения. – М., 2003. – № 3 (22). – С. 26–29.
95. Воропаев В. Под защитой угодника Божия. Диканьский образ святителя Николая Чудотворца в жизни Гоголя // Десятина. – М., 2003. – № 9 (84). – С. 7.
96. Воропаев В. Под защитой угодника Божия. Диканьский образ Святителя Николая Чудотворца и его значение в жизни Гоголя // Лит. Россия. – М., 2003. – 24 октября. – № 43 (2123). – С. 14.
97. Воропаев В. Из рассказов о Гоголе // Литературная учеба. – М., 2003. – Кн. 6. – С. 177–188.
98. Воропаев В.А. «Размышления о Божественной Литургии» Николая Гоголя: из истории создания и публикации // Вестник Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. – М., 2003. – С. 10–30.
99. Воропаев В. Панихида по Гоголю. К 150-летию со дня смерти // Глагол. Журнал Печорского Православного педагогического общества. – 2003. – № 8. – С. 13–15.
100. Высоцкая В.В. «Шинель» Гоголя: опыт интерпретации // Вопросы филологических наук. – М., 2003. – № 1. – С. 7–11.
101. Высоцкая В.В. Неосвоенное пространство Акакия Акакиевича Башмачкина и Франсуа Россиньоля // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. – М., 2003. – С. 57–60.

[*Образ Франсуа Россиньоля в рассказе Г. Газданова «Бистро» и «Шинель» Гоголя.*]

102. Гаунина Е.А., Цыганова К.Л. Коннотативный аспект лексики повестей Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Материалы докладов VIII научной конференции молодых ученых Мордовского гос. ун-та им. Н.П. Огарева: 12–17 мая 2003 г. – Саранск, 2003. – С. 153–156.

103. Герб И. Гоголя читали? // Персона. – 2003. – № 2. – С. 55–59.

[*Беседа с А.Г. Филиппенко, актером и режиссером («Театр Александра Филиппенко»).*]

104. Глазунова О.И. Петербург в жизни и творчестве русских писателей. – СПб.: Златоуст, 2003. – 455 с.

105. Гоголевский сборник. – СПб.; Самара: Изд-во СГПУ, 2003. – 284 с.

Рец.: Балдина Е.В. Новый Гоголевский сборник: Традиции и перспективы // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. – М., 2004. – № 4. – С. 165–167; То же: // Новые гоголеведческие студии. – Симферополь, 2005. – Вып. 2. – С. 216–218.

<Кривонос В.Ш.> *От редактора: С. 3–4.*

Статьи:

Строганов М.В. Гоголь: от циклической к линейной концепции истории: С. 5–17.

Назирова Р.Г. Гоголь и английский готический роман: С. 17–24.

Сдобнов В.В. Фантастическое и реальное в демонологии Гоголя первой половины 1830-х гг.: С. 24 – 36.

Хомук Н.В. Повесть Гоголя «Тарас Бульба»: от эпического мира – к трагическому: С. 37–48.

Малкина В.Я. «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя и «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго: С. 48 – 56.

Кривонос В.Ш. «Еврейский сюжет» в повести Гоголя «Тарас Бульба» (К проблеме этноконфессиональных мифов в творчестве писателя): С. 57–82.

Фаустов А.А. Герменевтика повести Гоголя «Портрет»: С. 82–120.

Шульц С.А. Чичиков: Одиссей или Эней? (Об «эпическом» в «Мертвых душах»): С. 120–136.

Петров А.В. Феномен элегической центрации в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»: С. 136–147.

Гольденберг А.Х. «Вечный» сюжет у Гоголя и кризисные модели русской литературы: С. 147–162.

Воропаев В.А. Гоголь как духовный писатель: С. 162–173.

Анненкова Е.И. Споры о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В.Гоголя: С. 173–188.

Строганова Е.Н. «Бородавка на носу» у Гоголя (Гоголевское слово в «Современной идиллии» М.Е.Салтыкова-Щедрина): С. 188–207.

Орлицкий Ю.Б. Крученых и Гоголь (К постановке проблемы): С. 207–218.

Сообщения и материалы:

Михед П.В. Н.В. Гоголь в Гимназии высших наук кн. Безбородко (Проблемы изучения): С. 219–227.

Таумов И.Д. Из наблюдений над мотивами драматургии Н.В. Гоголя: С. 228–234.

Чернов Д.А. Заметки о духовно-назидательных сочинениях Н.В. Гоголя: С. 234–244.

Сапченко Л.А. О «Завещании» Н.В. Гоголя: С. 244–248.

Из наследия:

Алдонина Н.Б. Незавершенные статьи А.В. Дружинина о Гоголе: С. 249–281.

106. Н.В. Гоголь и мировая культура: Вторые Гоголевские чтения: Сборник докл. – М.: Книжный дом «Университет», 2003. – 248 с. [3] л. цв. ил.

Содерж.:

Summary. Аннотированное содержание на английском языке: С. 5–11.

Худяков С.И. [Приветственное слово]: С. 12–13.

Виклова В.П.: С. 14–15.

Фокин В.В.: С. 16.

Манн Ю.В.: С. 17–18.

Отечественное гоголеведение:

постановка проблемы, методы изучения:

Есаулов И.А. Пасхальность в поэтике Гоголя: С. 21–28.

Воропаев В.А. Полтора века спустя (Гоголь в современном литературоведении): С. С. 29–41.

Виноградов И.А. Первый биограф Гоголя: С. 42–51.

Золотусский И.П. «Записки сумасшедшего» и «Записки из подполья»: С. 52–63.

Белоногова В.Ю. К пушкинским аллюзиям в «Записках сумасшедшего»: С. 64–73.

Кривonos В.Ш. Тарас и Андрий в повести «Тарас Бульба» Гоголя: С. 74–88.

Арват Н.Н. Ритм и троичность в идиостиле Н.В. Гоголя: С. 89–96.

Манн Ю.В. Двуликий Сквозник-Дмухановский (К истории сценической интерпретации): С. 97–107.

Гуминский В.М. Гоголь и Александр I (Из комментариев к «Мертвым душам»): С. 108–121.

Делекторская И.Б. Гоголевские мотивы в творчестве Сигизмунда Кржижановского: С. 122–128.

Гоголь и мировая литература:

Мильдон В.И. Контуры художественной философии Гоголя: С. 131–137.

Дмитриева Е.Е. «Пожив в такой тесной связи с ведьмами и колдунами...» (Об особенностях гоголевского фольклоризма: «Вечера на хуторе близ Диканьки»): С. 138–152.

Овечкин С.В. Видение и слово у Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород»): С. 153–161.

Гетман Л.И. Рыцари веры или филистерские мещане? (О полнэмоциональности образов старосветских помещиков): С. 162–166.

Иваницкий А.И. Гоголь и Гофман: гротеск и его преодоление: С. 167–180.

Солонович Е.М. Поэт, открытый Гоголем: С. 181–187.

Барабаш Ю.Я. «Портрет» в европейском интерьере (Гоголь и художники-назарейцы): С. 188–200.

Гоголь: факты прошлого и настоящего:

Долгополова С.А. Гоголевская комната в Мурановском доме (О роли предания в усадебной жизни): С. 203–215.

Куниенко А.И. Иллюстрации художника Виталия Горяева к поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»: С. 216–226.

Карташов В.С. Два ботанических автографа Гоголя: С. 227–231.

Викулова В.П. Дом Гоголя на Никитском бульваре (историко-архитектурная хронология): С. 232–241.

107. Реф. Миллионщикова Т.М. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. – Сер. 7. – Литературоведение. – М., 2004. – № 4. – С. 91–96.

108. Гоголь как явление мировой литературы. Сборник статей по материалам международной научной конференции, посвящен-

ной 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 400 с.

Манн Ю. Предварительные замечания: С. 5–8.

Виролайнен М. Ранний Гоголь: катастрофизм сознания: С. 9–14.

Бочаров С. «Красавица мира». Женская красота у Гоголя: С. 15–35.

Гольденберг А. Проблема архетипов в антропологии позднего Гоголя: С. 36–41.

Михед П. Об апостольском проекте Гоголя: С. 42–55.

Есаулов И. Пасхальность в поэтике Гоголя как научная проблема: С. 56–60.

Щукин В. (Краков, Польша) Романтический урбанизм и смысловые координаты гоголевского городского пространства: С. 61–66.

Кривонос В. Наполеоновский миф у Гоголя: С. 67–72.

Тюпа В. Место Гоголя в истории русской сатиры: 73–78.

Де Лотто Ч. Гоголь: одежда и мода: С. 79–86.

Гуревич П. Роль образов пластических искусств в художественном мире Гоголя (на материале художественной прозы): С. 87–95.

Орлицкий Ю. Силлабо-тонический метр в прозе Н.В. Гоголя: С. 96–102.

Супронюк О. Из новых материалов к характеристике литературной среды раннего Гоголя (по неопубликованным письмам Н. Кукольника 1827 г.): С. 103–106.

Друбек-Майер Н. (Мюнхен) Приемы ревизии в идиллии «Ганц Кюхельгартен» Гоголя: С. 107–118.

Звездин А. Образ ведьмы у Гоголя: фольклорные истоки и средневековая мистика (попытка реконструкции интертекста): С. 118–127.

Соливетти К. (Рим): Возрождение Хомы и кривизна мира: С. 128–138.

Заславский О. Замысел «Гетьмана»: Реконструкция сюжета и композиция: С. 139–144.

Улора А. «Старички прошедшего века» в повестях Гоголя: С. 145–148.

Маркович В. О соотношении комического и трагического в пьесе Гоголя «Ревизор»: С. 149–160.

Зайцева И. Вокруг «Ревизора» (к биографии Гоголя): С. 161–167.

Бельтраме Франка (Триест, Италия) К вопросу о парадоксальности богоискания в повести Гоголя «Нос»: С. 168–177.

Гюнтер Х. (Билефельд, Германия) Между мамонной и мистикой. Проблематика художника в «Портрете» Гоголя: С. 178–183.

Денисов В. Черты «Портрета» (особенности черновой и первопечатной редакции повести): С. 184–192.

Вайскопф. М. Материал и покррой гоголевской «Шинели»: С. 193–201.

Печерская Т. Еще раз о фантастическом в «Шинели» Гоголя: С. 202–207.

Манн Ю. Произведение, не похожее на другие: С. 208–215.

Падерина Е. Рим как роман (по письмам Гоголя второй половины 30-х – начала 40-х гг.): С. 217–230.

Дмитриева Е. Путешествия в усадьбу и усадебное гостеприимство: К проблеме жанрового генезиса «Мертвых душ»: С. 231–238.

Большакова А. Усадебные локусы в «Мертвых душах»: к вопросу о структурной организации произведения: С. 239–250.

Головина Т. Живые души (быт и бытие помещиков 1830-х годов по материалам одного усадебного архива): С. 251–257.

Виноградская Н. Повторы как элемент структуры диалога в «Женитьбе» Гоголя: С. 258–267.

Сапченко Л. Значение главы «Карамзин» в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: С. 268–272.

Ковалева Ю. Творчество Гоголя и традиции учительной литературы: символика гибнущей и спасающейся души: С. 273–277.

Анненкова Е. Письма Н.В.Гоголя к о. Матвею и В.Г.Белинскому: духовно-творческое самоопределение писателя в свете автобиографических сочинений св. Григория Богослова: С. 278–285.

Перлина Нина (Блумингтон, США) Средневековые видения и «Божественная комедия» как эстетическая парадигма «Мертвых душ»: С. 286–296.

Страно Джакома (Катания, Италия) Европейские и русские литературные источники в творческом процессе Гоголя (Гоголь и Чулков): С. 297–304.

Самородницкая Е. «Британской музы небылицы»: об отношении Гоголя к готическим романам: С. 305–310.

Овечкин С. Романтическая риторика и гоголевский стиль: С. 311–315.

Бакиш Н. Герой-«чудак» у Грильпарцера и Гоголя: С. 316–320.

[Сравнительный анализ повестей Ф. Грильпарцера «Бедный музыкант» и Гоголя «Шинель».]

Греков В. «Последний день Помпеи» глазами Н.В. Гоголя и В.Ф. Одоевского: от разрушения «идиллии» к разрушению космоса: С. 321–326.

Иваницкий А. Гоголь и Гофман: исток и преодоление гротеска: С. 327–335.

Майер Присцилла (Мидлтаун, США) Из гофмановского «Золотого горшка» – «Шинель» Гоголя /Пер. М. Гапотченко: С. 336–344.

[Ансельм и Кардильяк как литературные прототипы Акакия Акакиевича.]

Белянцева А., Тамарченко Н. Проблема двойничества у Гоголя, Гофмана и Достоевского: С. 345–350.

[Сравнительный анализ повестей Э.Т.А. Гофмана «Двойники», Н.В. Гоголя «Нос» и Ф.М. Достоевского «Двойник».]

Карташова И. Гоголь и Гюго: С. 351–356.

Барабаш Ю. Шотландско-ирландские параллели в гоголеведении украинского зарубежья: С. 357–365.

Золотусский И. Толстой читает «Выбранные места из переписки с друзьями»: С. 366–376.

Аверин Б. Гоголь и Набоков (комедия «Ревизор» в романе «Смотри на арлекинов!»): 377–382.

Скандура К. (Рим) Итальянские переводы произведений Н.В. Гоголя: С. 383–393.

109. Головачев В. Загадка гениальности // Труд-7. – М., 2003. – 19 июня.

[О «Клиническом архиве гениальности и одаренности» (1925) Г.В. Сегалина.]

110. Гольденберг А.Х. Эпический архетип в типологии гоголевских характеров // Междисциплинарные связи при изучении литературы. Сборник научн. трудов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. – С. 102–108.

111. Гольденберг А.Х. Архетипы народной культуры в творчестве Н.В. Гоголя 40-х годов // Проблемы литературного образования: Материалы IX всероссийской научно-практической конференции: В 5 ч. – Екатеринбург, 2003. – Ч. 2. – С. 79–86.

112. Гольденберг А.Х. Традиции духовной культуры и современность в художественном мышлении Н.В.Гоголя // Актуальные проблемы современной духовной культуры: Сб научн. трудов по итогам международной научно-практической конференции. – Волгоград: ВГИПК РО, 2003. – С. 125–132.

113. Гольденберг А.Х. Традиции учительного «слова» в поэтике «Мертвых душ» // Русская словесность. – М., 2003. – №7. – С. 5–13.

114. Горных А.А. Формализм: от структуры к тексту и за его пределы. – Минск: И.П. Логвинов, 2003. – 312 с.

[Жан Поль] Вебер о Гоголе: С. 210–211.

115. Гресь М. Смерть Гоголя // Академия. – Киев, Декабрь, 2002 – Январь, 2003. – С. 50–55.

116. Гришин Г.А. Антитеза обыкновенного/невероятного в сюжете первого тома поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Филологические этюды. – Саратов, 2003. – Вып. 6. – С. 36–41.

117. Гупало С. Высокая болезнь Николая Гоголя // Зеркало недели. – Киев, 2003. – 5 апреля. – № 13 (438). – С. 23.

118. Давыденко Л.А. Костюм в художественном мире Н.В. Гоголя: к постановке вопроса // Филологические этюды. – Саратов, 2003. – Вып. 6. – С. 42–45.

119. Давыдова М. Пахнет дело его коза нострой // Известия. – М., 2003. – 28 июля.

[О постановке «Ревизора» режиссером Маттиасом Лангхоффом в «Театро ди Дженова» (Италия. Спектакль показан на Чеховском фестивале в Москве.)

120. Давыдова М. Бэк ин Ю-Эс-Эс-А // Известия. – М., 2003. – 19 ноября.

[«Ревизор» Алвиса Херманиса (Новый рижский театр) на сцене МТЮЗа.]

121. Де Лотто Ч. Ведьмы, шинели и ревизоры в итальянском кино // Новое лит. обозрение. – М., 2003. – № 61. – С. 179–203.

122. Джафарова К.К. Этические тенденции в произведениях Н.В. Гоголя об искусстве // Вестник Дагестанского гос. ун-та. Гуманитарные науки. – Вып. 6. – Махачкала, 2003. – С. 12–16.

123. Джафарова К.К. Тема художника и искусства в повестях Н.В. Гоголя «Невский проспект» и «Портрет» // Сборник научных статей кафедры русской литературы и кафедры зарубежной литературы ДГУ. – Махачкала, 2003. – С. 13–29.

124. Дмитриева Е. Издание Гоголя: проблема этическая, эстетическая, текстологическая? // Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей. – М.: ОГИ, 2003. – С. 33–50.

125. Дмитриева Е.Е. Речевая характеристика образа автора и образов персонажей в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя // Печать и слово Санкт-Петербурга. Сборник научных трудов. – (Петербургские чтения – 2003). – СПб., 2003. – С. 120–125.

126. Докукин Г., протоиерей. История одного спектакля // Православная беседа. – М., 2004. – № 2. – С. 52–55.

[О спектакле «Ревизор с Развязкой» русского духовного театра «Глас». Отклик на статью Е.Д.Конюшкова «Разными дорогами» (Православная беседа. – М., 2004. – № 2).]

127. Евгин А. «В начале было слово...»: (Оптина пустынь в жизни Н.В. Гоголя) // От наших корней // От наших корней: Культура и искусство Калужского края. – Калуга, 2003. – С. 209–220.

128. Евенко Е. Проблема власти в творчестве позднего Гоголя // День научного творчества студентов. – М., 2003. – С. 78–80.

129. Егоров Б.Ф. От Хомякова до Лотмана. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 368 с. – (Studia philologica).

Булгаков и Гоголь (Тема борьбы со злом): С. 203–209.

130. Егоров И.В. Теория диалога в эстетике раннего М. Бахтина и принципы анализа литературного произведения // Современные методы анализа художественного произведения. – Смоленск, 2002. – С. 45–57.

[Анализ поэмы «Мертвые души» в свете теории диалога, впервые разработанной М.М. Бахтиным в статье «Слово в жизни и слово в поэзии» (Звезда, 1926).]

131. Еремин М.А. О границах внутреннего мира в драматургии Н.В. Гоголя // Парадигмы: Сборник статей молодых филологов. – Тверь: ТГУ, 2003. – С. 160–166.

132. Ефремов А. Чище горного снега // Десятина. – М. 2003. – № 7 (82). – С. 8.

Рец. на кн.: Воропаев В.А. Гоголь над страницами духовных книг: Научно-популярные очерки. – М.: Макариевский фонд, 2002. – 208 с. – (Православные просветители России).

То же: // Роман-журнал XXI век. – М., 2003. – № 7 (55). – С. 67.

133. За столом с литературными героями: Кулинарный путеводитель по шедеврам мировой литературы / Сост. М. Милославская. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 627 с.

Николай Гоголь: С. 383–389.

134. Зайонц М. Страшна украинская ночь // Итоги. – 2003. – № 23. – С. 60–61.

[Режиссер Н. Чусова поставила на сцене филиала Театра им. Пушкина «Вия».]

135. Заманова И.Ф. Двоемирие как композиционный прием в сборнике Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Русское литературоведение в новом тысячелетии. – М., 2003. – Т. 1. – С. 132–136.

136. Захаров В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. – М.: Русская панорама, 2003. – 704 с.: ил. – (Страницы российской истории).

[О Гоголе см. ук.]

137. Зверева Ю.В. Философская критика А. Волынского (90-е гг. 19 в.) // Подходы к изучению текста: Материалы международной конференции студентов, аспирантов и молодых преподавателей. – Ижевск, 2003. – С. 191–195.

138. Зернов А. «Шинель» как единство литературы и философии // Урал. – Екатеринбург, 2003. – № 9. – С. 251–252.

Рец. на кн.: *Феномен «Шинели» Н.В. Гоголя в свете философского мирозерцания писателя: (К 160-летию издания). Коллективная монография.* – Екатеринбург, 2002.

139. Злочевская А.В. Два самозванца в русской литературе, или Еще один пушкинский сюжет в «Ревизоре»? // Русская словесность. – М., 2003. – № 4. – С. 7–14.

140. Иванова-Алленова Т.Ю. О роли философски-эстетической категории ужасного в произведениях Н.В. Гоголя (филологический аспект) // Русский язык в системе славянских языков: история и современность. – М., 2003. – С. 19–22.

141. Игнатий (Брянчанинов), святитель. О книге Н. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» // Соколов Леонид. Святитель Игнатий. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения / Репринтное воспроизведение издания 1915 года. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2003. – Ч. 3. – С. 120–122.

142. Исаченко А.В. Николай Васильевич Гоголь и проблемы русского реализма / Univerzita Komenského v Bratislave. – Bratislava, 2003. – 209 с.

143. Калмыкова В. Гоголевские типы в иллюстрациях Агина // Юный художник. – 2003. – № 3. – С. 18–20.

144. Каминская Н. Страшный суд был вчера. «Ревизор» Театро ди Дженова // Культура. – М., 2003. – 3–9 июля.

[«Ревизор» Маттиаса Лангхоффа на Чеховском фестивале в Москве.]

145. Катермина В.В. Социальная номинация персонажей в произведениях Н.В. Гоголя и Ч. Диккенса // Научная мысль Кавказа: Прил. – Ростов н/Дону, 2003. – № 11. – С. 157–163.

146. Катермина В.В. Номинации национальной принадлежности человека: На материале произведений Н.В. Гоголя // Текст в системе высшего профессионального образования. – Таганрог, 2003. – С. 55–57.

147. Киреев Р. Гоголь: «Случилось что-то вроде любви» // Наука и религия. – М., 2003. – № 8. – С. 26–29.

148. Киреев Р. Гоголь. Талызинский особняк // Литература. – М., 2003. – № 10. – 8–15 марта.

149. Кобозева И.М. Тема речевого этикета в бессмертной поэме Н.В. Гоголя // Московский лингвистический журнал. – М., 2003. – Т. 7. – № 2. – С. 125–150.

150. Коваленко О. Калужские встречи: (Н.В. Гоголь в Калуге) // От наших корней: Культура и искусство Калужского края. – Калуга, 2003. – С. 187–208.

151. Колосова Н.Н. Россети черноокая. – М.: Прогресс-Плеяда, 2003. – 304 с.: 48 ил.

152. «Друг...ближайший моему сердцу». Н.В. Гоголь и А.О. Смирнова: С. 107–184.

153. Кондратенко В.В. «Миргород» Н.В. Гоголя: единство художественного пространства // Филологические этюды. – Саратов, 2003. – Вып. 6. – С. 25–30.

154. Копнина Г.А., Сковородников А.Л. Чичиков как манипулятивная личность: к вопросу о коммуникативном подходе к анализу художественного текста // Художественный текст и языковая личность. – Томск, 2003. – С. 76–83.

155. Корнеева Ю.Б. Сопоставительный анализ семантических особенностей так называемых экзистенциальных символов в художественных произведениях русских и зарубежных авторов // Сопоставительная лингвистика. – Екатеринбург, 2003. – № 2. – С. 64–68.

[На материале повести А. фон Шамиссо «Необычайная история Петера Шлемеля», сказки Х. К. Андерсена «Тень» и повести Гоголя «Портрет».]

156. Красовский В.Е., Леденев А.В. Литература. Пособие для поступающих в вузы. – М.: Филологическое об-во Слово: Изд-во Эксмо, 2003. – 734 с.

[Красовский В.Е.] Н.В. Гоголь (1809–1852): С. 175–229.

157. Кропоткин П.А. Русская литература. Идеал и действительность. Курс лекций. – М.: «Век книги», 2003. – 320 с. – (Русская гимназия).

Гоголь: С. 68–71.

«Тарас Бульба» – «Шинель»: С. 71–74.

«Ревизор»: С. 74–78.

«Мертвые души»: С. 78–86.

158. Куделин А.Б. К характеристике исторических взглядов Гоголя: От «Арабесок» к «Выбранным местам из переписки с друзьями» // Куделин А.Б. Арабская литература. Поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи /РАН ИМЛИ им. А.М. Горького. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 414–432.

159. Кудрявкина Н.В. Традиции Н.В. Гоголя в романе С.А. Клычкова «Сахарный немец» // Вестник Тамбовского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – Вып. 4. – Тамбов, 2003. – С. 91–97.

160. Кузнецов В.Я., Ерохин В.Н., Айштут К.М. и др. Словоуказатель к комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Русская авторская лексикография XIX–XX веков: Антология /РАН. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 117–119.

161. Кузнецова Е.Г., Бушканец Л.Е. Гоголь и Неруда: (К проблеме преемственности литератур) // Русская и сопоставительная филология: взгляд молодых. – Казань, 2003. – С. 154–159.

Сравнительный анализ «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и повести Я. Неруды «Пана Рышанека и пана Шлегла».

162. Кулиш П.А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем /Вступ. статья и коммент. И.А. Виноградова. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 704 с.

Загл. вступ. статьи: Первый биограф Гоголя: С. 3–81.

Коммент.: С. 640–679.

Рец.: Споров Б. Биограф или интерпретатор? // Москва. – М., 2004. – № 2. – С. 213–216.

163. Кулиш П.А. Опыт биографии Н.В. Гоголя. Тарасенков А.Т. Последние дни жизни Н.В. Гоголя. Котляревский Н. Н.В. Гоголь. – М.: Альтернатива – Евролинц, 2003. – 244 с.: ил.

164. Кривонос В. Еврейская тема в повести Гоголя «Тарас Бульба» // Корни=Roots. – Саратов; Нижний Новгород, 2003. – № 19. – С. 28–50.

165. Лагина Н. Мать его слепила из того, что было // Московская среда. – М., 2003. – 10–16 декабря.

[Московский детский музыкальный театр «Экспромт» (руководитель – народная артистка России Людмила Иванова) поставил спектакль «Маменька» (Фантазия в одном действии по воспоминаниям М.И. Гоголь и письмам Н.В. Гоголя).]

166. Лапшина И. Психоаналитик... для Гоголя // Природа и человек. – 2003. – № 10. – С. 16.

[Доктор В.Ф. Чиж и его книга «Болезнь Гоголя»; переиздана издательством «Республика», выпустившем двухтомник Чижса.]

167. Лебедев А.А. Гоголевская традиция изображения персонажа в рассказе А.П. Чехова «Дама с собачкой» // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Сер. Филология. – Вып. 3. – Тольятти, 2003. – С. 55–69.

168. Лебедев А.А. «Превращение бабочки в гусеницу» (один общий сюжет прозы А.П. Чехова и Н.В. Гоголя) // Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре. Материалы международной научной конференции. – Волгоград, 2003. – С. 143–148.

169. Лебедев А.А. Эволюция героя в повести Чехова «Палата № 6» и гоголевская традиция // Текст: теория и методика. Научные труды 1-й всероссийской конференции. – Тольятти, 2003. – С. 182–190.

170. Лебедев Ю.В. Русская литература XIX века. 10 кл. Учебник для общеобразовательных учреждений. В 2 ч. – Ч. 1. – Изд. 4-е. – М.: Просвещение, 2003. – 320 с.: ил.

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852): С. 197–268.

171. Лебедина Л. У каждого народа свой Хлестаков // Труд-7. – М., 2003. – 12 июля.

[О постановке «Ревизора» режиссером Маттиаса Лангхоффа в рамках Пятого международного театрального фестиваля имени Чехова.]

172. Левченко Я. Между куклой и чертом: Владислав Старевиц и экранизация гоголевской фантастики // Новое лит. обозрение. – М., 2003. – № 61. – С. 164–178.

173. Лепяхин В. Значение и предназначение иконы. – М.: Паломник, 2003. – 511 с.

Н.В.Гоголь: С. 335–342.

174. Лимонов Э. Священные монстры. – М.: Изд-во «Ад маргинем», 2003. – 318 с.

Гоголь: бессмертные типы: С. 126–131.

175. Литвинова В.И., Драннишникова Е.А. «Мертвые души» Н.В. Гоголя в аспекте современного изучения классики // Вестник Хакасского гос. ун-та. – Сер. 6. Филология: Литературоведение. – Абакан, 2003. – Вып. 2. – С. 215–217.

176. Ломов А.Г., Абреимова Г.Н. Внутрисистемные изменения фразеологизмов в языке пьес Н.В. Гоголя // Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц. – Елец, 2003. – Вып. 2. – С. 160–174.

177. Манушина О.В. Заметки по антропонимической системе комедии Гоголя «Ревизор» // Современное русское языкознание и лингводидактика: Сборник материалов международной юбилейной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Н.М. Шанского. – М., 2003. – С. 186–192.

178. Маркова В.В. «Ревизор» Н.В. Гоголя: сборный город в свете феномена безмолвия // Город как культурное пространство. – Тюмень, 2003. – С. 282–287.

179. Мериме Проспер. Статьи о русской литературе /Издание подготовил А.Д. Михайлов. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 112 с.

Николай Гоголь («Русские повести». – «Мертвые души». – «Ревизор») /Пер. А.К. Виноградова: С. 11–39.

Коммент.: С. 94–97.

Приложение:

Гоголь Н.В. <Заметка о Мериме>: С. 89–90.

Коммент.: С. 106.

180. Минченоч Дмитрий Байки из sklepa // Московский комсомолец. – М., 2003. – 23 февраля–1 марта. – С. 10–11.

О Гоголе: С. 10.

181. Михайлина Е. Подглядывааете? Так я буду запирать! // Московский комсомолец. – М., 2003. – 9 июня.

[Гоголь в гостях у А.О. Смирновой. Работа над вторым томом «Мертвых душ».]

182. Михайловский Александр. «Грустно теперешнее зрелище праздника...» // Отечественные записки. – 2003. – № 1.

[Гоголь, Пушкин... о праздниках.]

183. Михед П. «Приватизация» Гоголя? (Возвращаясь к «русско-украинскому вопросу») // Вопросы лит. – М., 2003. – Май – Июнь. – С. 94–112.

[Отклик на статью В. Воронаева «Гоголь и «русско-украинский» вопрос» (Московский журнал. – М., 2002. – № 1).]

184. Морозова Н.П. Повесть Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» в контексте литературной полемики о Н.М. Карамзине // Театр и литература. Сборник статей к 95-летию А.А. Гозенпуда. – СПб.: Наука, 2003. – С. 128–132.

185. Муратова Ярослава. Многоликий Гоголь // Знамя. – М., 2003. – № 2. – С. 233–236.

[Н.В. Гоголь. Ревизор. Театр им. Вахтангова. Реж. Р. Туминас; Старосветские помещики. МХАТ им. Чехова. Реж. М. Карбаускас. Женитьба. Театр им. Маяковского. Реж. С. Арцыбашев.]

186. Наседкин Н.Н. Достоевский. Энциклопедия. (Сер. Русские писатели). – М.: Алгоритм, 2003. – 800 с.
Гоголь Николай Васильевич: С. 552–553.
187. Недавший А., Корец М. Гоголь рожден по молитве // Труд-7. – М., 2003. – 8 мая. – С. 19.
Необыкновенные истории, случившиеся близ Диканьки и Миргорода благодаря чудотворным иконам.
188. Немзер А. Замечательное десятилетие русской литературы. – М.: Захаров, 2003. – 608 с.
Окрест Гоголя: С. 79–108.
189. Немировский Е.Л. Библиография «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // Мир библиографии. – М., 2003. – № 6. – С. 51–63.
[Список изданий поэмы Гоголя на русском и иностранных языках (1842–2002).]
190. Непомнящи К.Т. Абрам Терц и поэтика преступления /Пер. с англ. Е. Ишуниной, И. Кирилловой, Е. Панасовой, Т. Фонтусовой. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. – 358 с. – (Сер. USlavistica).
Деканонизация классики: «Прогулки с Пушкиным» и «В тени Гоголя»: С. 189–239.
191. Нецветаев Л. В мастерской Александра Иванова [Стихотворение] // Мономах. – [Ульяновск,] 2003. – № 2 (33). – С. 27.
[Гоголь и Н.М. Языков в мастерской А.А. Иванова в Риме.]
192. Нечипоренко Ю. Рынок по Гоголю (Отрывки) // Орфей. – М., 2003. – № 2. – С. 161–184.
193. Николаева С.Ю. Гоголевские реминисценции в пасхальных текстах В.Хлебникова // Творчество Велимира Хлебникова в контексте мировой культуры XX века. – Астрахань, 2003. – Ч. 1. – С. 188–191.
194. Никольская О. Ура памяти // Вечерняя Москва. – М., 2003. – 26 февраля.
[Беседа с главным художником Москвы Игорем Воскресенским. Памятник Гоголю скульптора Н. Андреева.]
195. Николюкин А.Н. О русской литературе: Теория и история. – М.: ИНИОН РАН, 2003. – 560 с.
Розанов и Гоголь: С. 358–372.
196. Никуличев Ю. Вокруг «замечательного десятилетия»: от чистых идей к проклятым вопросам // Вопросы лит. – М., 2003. – № 1. – С. 209–241.

От Пушкина к Гоголю: некоторые черты развития русской литературы в зеркале литературной критики 1830–1840-х годов.

197. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. – Изд. 2-е, исправл. М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 304 с.

Н.В. Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем (отрывки): С. 85–107.

198. О.А.Г. Разговор о Гоголе в Мексике // Филологические записки. – Воронеж, 2003. – Вып. 20. – С. 290.

[О международной конференции «Гоголь и его заветы» в г. Цакатехас (Мексика) 17–21 февраля 2003 г.]

199. Обатнина Е. Метафизический смысл русской классики («Огонь вещей») А.М. Ремизова как опыт построения герменевтики) // Новое лит. обозрение. – М., 2003. – № 61. – С. 220–246.

200. Одинокое В.Г. Русские писатели XIX века и русская духовная культура / Новосибирский гос. ун-т. – Новосибирск, 2003. – 261 с. – (Труды гуманитар. фак. НГУ. Сер. 5. Учебные пособия).

201. Осадчая Л.А. «Шинель» Гоголя в парадигме религиозной культуры // Сибирский учитель. – 2003. – № 1. – С. 54–56.

202. Павлова О.В. Некоторые особенности юмора В. Ирвинга // Мир романтизма: Материалы международной научной конференции «Мир романтизма» (XI Гуляевских чтений). – Тверь, 2003. – С. 193–197.

203. Падерина Е.Г. «Странная вещь»: Некоторые домыслы об отношениях Гоголя и Пушкина // Пушкин в XXI веке: Вопросы поэтики, онтологии, историзма. Новосибирск, 2003. – С. 155–171.

204. Панарин Александр. Н.В. Гоголь как зеркало русского странствия по дорогам истории // Москва. – М., 2003. – № 6. – С. 145–166.

Архетип странника в творчестве Гоголя.

«Страшная месь», «Мертвые души» (второй том)

205. Панарин А.С. Глобальные деконструкции как новейшая стадия развития нигилизма // Полигнозис. – М., 2003. – № 4. – С. 3–13.

Анализ буржуазного сознания в текстах Гоголя и др.

206. Павленко Н.И. Михаил Погодин. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 360 с.

О Гоголе: С. 291–304.

207. Петров А.В. Гоголь и Гоббс: (К вопросу об актуальности сопоставления «Левиафана» и «Мертвых душ») // Русская литература в

современном культурном пространстве. – Ч. 1. – Томск, 2003. – С. 56–61.

208. Плетнева А. Повесть Н.В. Гоголя «Нос» и лубочная традиция // Новое лит. обозрение. – М., 2003. – № 61. – С. 152–163.

209. Полежаева Е. Проверочная работа по тексту поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Литература. – М., 2003. – № 10.

210. Померанц Г.С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. – М.: РОСПЭН, 2003. – 351 с. – (Российские Пропилеи).

Замысел Гоголя и роман Достоевского

211. Попов А.В. Литературно-критические суждения Н.В. Гоголя о роли А.С. Пушкина в истории русской литературы: Опыт анализа исследовательских позиций // Филологические этюды. – Саратов, 2003. – Вып. 6. – С. 139–141.

212. Попова И.Л. // Известия АН. Сер. лит. и яз. – М., 2003. – Т. 62. – № 2. Март-Апрель. – С. 52–56.

Рец. на кн.: Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. – Т. 1. – М.: Наследие, 2001.

213. Прозоров В.В., Захаров К.М. Иван Хлестаков и саратовский край // Города региона: культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего. – Саратов, 2003. – С. 99–101.

214. Прокопенко В. Замашка украинской природы: «Тарас Бульба» в самостийном переводе // Родина. – М., 2003. – № 4. – С. 58–59.

[О переводе на украинский язык «Тараса Бульбы» для студентов и школьников.]

215. Ратников К.В. Степан Петрович Шевырев и русские литераторы XIX века. – Челябинск: Изд-во «Околица», 2003. – 176 с.

Русская «Одиссея» в восприятии Н.В. Гоголя и С.П. Шевырева: С. 81–95.

216. Романова Г.А. Ф.В. Булгарин и Н.В. Гоголь о феномене театра в петербургской общественной и культурной жизни 1820–1830-х гг. // Печать и слово Санкт-Петербурга. Сборник научных трудов. – (Петербургские чтения – 2003). – СПб., 2003. – С. 269–276.

217. Романова Г.А. Гоголевские мотивы в русской драматургии 1920-х годов // Литературные чтения. – СПб., 2003. – С. 94–101.

218. Руднев П.А. Гоголевская тема и Апокалипсис у Розанова: театральный контекст // Незавершенная энтелехийность: отец Павел Флоренский, Василий Розанов в современной рефлексии. – Кострома, 2003. – С. 181–194.

219. Русская литература XIX века. 9 класс: Учебник для школ и классов гуманитарного профиля: В 2 ч. – Ч. 2. – М.: Московский Лицей, 2003. – 392 с.

[Шапошникова В.В.] Николай Васильевич Гоголь (1809–1852): С. 301–369.

220. Рыжкин И. «Нос» – опера Шостаковича и повесть Гоголя (К новым аспектам рассмотрения) // Сборник трудов /Российская академия музыки им. Гнесиных. – М., 2003. – Вып. 149. – С. 53–75.

221. Рюпина С.В. Кем приходится гусак свинье, или Образы животных в «Миргороде» // Филологические этюды. – Саратов, 2003. – Вып. 6. – С. 30–33.

222. Савосин С.В. Некоторые эстетические проблемы в переписке А.А. Иванова и Н.В. Гоголя // Свет науки молодой. – Кострома, 2003. – Ч. 2. – С. 41–44.

223. Сапченко Л.А. Идея «памятника» в наследии Н.М. Карамзина, Н.В. Гоголя и Н.М. Языкова // «По царству и поэт». Материалы Всероссийской научной конференции «Н.М. Языков и литература пушкинской эпохи». – Ульяновск, 2003. – С. 118–123.

224. Сафронова Л.В. «В тени Гоголя» А.Терца – текст-манипулятор // Проблемы поэтики и стиховедения: Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию АУ имени Абая и памяти профессора А.Л. Жовтиса. – Алматы, 2003. – С. 262–267.

Гл. 3. Гоголь в художественном творчестве В.В. Набокова: С. 15–20.

225. Сергеева Е.С. Ритм прозы Гоголя в итальянских переводах // Вопросы филологических наук. – М., 2003. – № 4. – С. 33–39.

226. Сергей (Рыбко), иеромонах. Духовная жизнь начинается с покаяния. – М., 2003. – 414 с.

[О книге Гоголя «Размышления о Божественной Литургии»: С. 363–364.]

227. Сечин В. Но был ли Гоголь «голубым»? // Гороскоп. – М., 2003. – № 8 (104). – С. 44–49.

228. Сечин В. Сколько было Гоголей. – М.: Воскресенье, 2003. – 96 с.

229. Сивкова А.В. Семантический параллелизм в структуре «демонических» образов у Гоголя: чубарый конь в «Мертвых душах» и черт в «Ночи перед Рождеством» – «одно и то же лицо»... // Струк-

тура текста и семантика языковых единиц. – Калининград, 2003. – С. 107–119.

230. Сивкова А.В. Идиостиль ранней прозы Н.В. Гоголя: на материале сопоставления текстов повести «Ночь перед Рождеством» и новеллы Э.Т.А. Гофмана «Приключение в ночь под Новый год // Художественный текст и культура: Материалы международной научной конференции, 2–4 октября 2003 г. – Владимир, 2004. – С. 117–122.

231. Сивопляс И.Э. (Ульяновск) Сенаторская ревизия Л.А. Перовского и «Ревизор» Н.В. Гоголя: к определению места действия комедии // По царству и поэт. Материалы Всероссийской научной конференции «Н.М. Языков и литература пушкинской эпохи». – Ульяновск, 2003. – С. 243–250.

[Рапорт Л.А. Перовского Правительствующему Сенату от 21 ноября 1835 г. о проведенной им ревизии в Симбирской губернии как один из возможных источников комедии Гоголя.]

232. Сидоров И.С. Радугин и Хлестаков (Об одном из возможных источников «Ревизора» // *Philologica*. Двужызычный журнал по русской и теоретической филологии. 2001/2002. – Т. 7. – № 17/18. – С. 167–171.

[Анонимная заметка «Хвастун в дальней губернии» из «Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду» (октябрь 1834 г.) как возможный источник комедии.]

233. Синяк Е.В. Проблема историко-функционального изучения литературного произведения // Сборник работ молодых ученых МГПУ. Вып. XIV. – М.: МГПУ, 2003.

234. Скокова Л.И. На границе двух эпох (Из истории творческой биографии И.С.Тургенева. 1852–1861). – Тула: Гриф и К, 2003. – 128 с.

Гоголь и Тургенев: С. 5–9.

235. Соколов Б.В. (автор-сост.) Гоголь: Энциклопедия (Сер. Русские писатели). – М.: Алгоритм, 2003. – 544 с.: ил.

Вступ. статья: Николай Гоголь – писатель XXI века: С. 5–13.

236. Сохряков Ю. Гоголь Николай Васильевич // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм / Гл. ред., сост. О.А. Платонов; сост. А.Д. Степанов. – М.: Православное изд-во «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. – С. 190–193.

237. Сохряков Ю. Гоголь Николай Васильевич // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русское мировоззрение / Гл. ред., сост. О.А. Платонов. – М.: Православное изд-во «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. – С. 172–176.
238. Спиридонов В.Н. В «защиту» Русской Тройки // Дружба-3. Слово и образ в художественной литературе. – М., 2003. – С. 28–37.
[Интерпретация образа русской тройки («Мертвые души») в рассказе В.М. Шукшина «Забуксовал».]
239. Сто русских писателей / Оформление Е.Шилова. – СПб.: ООО Изд-во «Золотой век», 2003. – 256 с.: ил.
Гоголь Н.В.: С. 49–53.
240. Сусыкин А.А. Символика изображения в повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. – М., 2003. – № 5. – С. 207–212.
241. Таумов И.Д. Элементы карнавализации в комедиях Гоголя // Парадигмы: Сборник статей молодых филологов. – Тверь, 2003. – С. 154–159.
242. Таумов И.Д. О некоторых особенностях художественного пространства в драматургии Н.В. Гоголя // Пространственно-временные модели художественного текста: Сборник статей и материалов. – Самара, 2003.
243. «Тарас Бульба» – книжная новинка // Иностранная литература. – М., 2003. – № 6. – С. 315–316.
[О новом переводе «Тараса Бульбы» на польский язык.]
244. Терц Абрам. В тени Гоголя. – М.: Аграф, 2003. – 416 с.
245. Тимофеева И.Ф. Художественный перевод как объект теоретических дискуссий // Материалы 4-х Филологических чтений «Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении». – Новосибирск, 2003. – С. 195–201.
246. Тимофеева И.Ф. Повесть Н.В. Гоголя «Шинель» в итальянских переводах // Вестник НГУ. Сер. История, филология. – Т. 2. – Вып. 1. – Новосибирск, 2003. – С. 11–18.
247. Узелевский Б.И. Достоевский, Гоголь и Булгаков // Достоевский и мировая культура. – СПб., 2003. – № 18. – С. 120–124.
248. Ушакова С.В. Степь в хронотопе русской литературы (Пушкин, Гоголь, Аксаков, Тургенев, Чехов) // И.С.Тургенев и Ф.И.Тютчев в контексте мировой культуры (К 200-летию Ф.И.Тютчева и 185-летию И.С.Тургенева). Материалы международной конференции. – Орел, 2003. – С. 36–40.

249. Фатюшина Е.И. Проблема специфики художественного творчества в прозе В.Ф. Одоевского, Н.В. Гоголя и И.С. Тургенева // Русское литературоведение в новом тысячелетии. – Т. 1. – М., 2003. – С. 298–301.

250. Халупова П. Современные постановки «Ревизора» в чешских театрах // Дружба-3. Слово и образ в художественной литературе. – М., 2003. – С. 129–134.

251. Черная Т.К. Человек в художественном мире гоголевской «Шинели» // Материалы Международной научной конференции «Антропологическая парадигма в филологии». Ч. 1. Литературоведение. – Ставрополь, 2003.

252. Шилов Н.П. Н.В. Гоголь о признаках литературной одаренности // Культура – искусство – образование. – Челябинск, 2003. – С. 131–133.

253. Щаренская Н.М. Фигуры контраста в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Язык в прагматическом аспекте: экспрессивная стилистика, риторика. – Ростов н/Д, 2003. – С. 115–125.

254. Янчевская А.Ю. Проблемы искусства в духовных исканиях Н.В. Гоголя: Пособие по спецкурсу. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2003. – 204 с.

2004

Произведения Н.В. Гоголя

255. Вечера на хуторе близ Диканьки: Повести /Подгот. текста, примеч. и статья Е.О. Ларионовой. Ил. С.М. Дудина и др. – СПб.: Вита Нова, 2004. – 432 с. ил. – (Фамильная б-ка: Парадный зал).

Примеч.: С. 372 – 410.

Загл. статьи: «Вечера на хуторе близ Диканьки»: История создания и литературно-фольклорные источники: С. 411–424.

Об иллюстрациях: С. 425–429.

256. Внутреннее путешествие. Н.В. Гоголь. Из писем В.А. Жуковскому // История. – М., 2004. – 1 – 15 июля. – № 25–26. – С. 27–29.

257. Записки сумасшедшего: Повесть /Худож. С.В. Любаев. – М.: Молодая гвардия; Псков, 2004. – 112 с.: ил.

258. Записки сумасшедшего: Повести / Вступ. статья В.М. Марковича, коммент. Е.С. Чертковой. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 288 с.

Загл. вступ. статьи: Безумие и норма в петербургских повестях Гоголя: С. 5–30.

Коммент.: С. 257–285.

259. Избранные произведения: Мертвые души: Поэма; Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород; Записки сумасшедшего; Коляска; Нос; Шинель: Повести / Вступ. Статья А. Пыпина; Коммент. О.Дорофеева. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. – 800 с. – (Бессмертная б-ка; Б-ка мировой классики).

Загл. вступ. статьи: Николай Васильевич Гоголь (1809–1852): С. 5–18.

Коммент.: С. 765–797.

260. Майская ночь, или Утопленница; Ночь перед Рождеством; Страшная месть; Заколдованное место; Вий // Страшная месть: Сборник: Таинственная проза русских писателей первой половины XIX века /Коммент. Б. Акимова. – М.: Литература, Издательский дом Родионова, 2004. – С. 169–312.

Коммент.: С. 437–441.

261. Мертвые души; Миргород; Вечера на хуторе близ Диканьки /Худ. С.И. Лемехов. – М.: Дрофа-Плюс, 2004. – 600 с.; ил. [*Карикатуры, то, чего боялся Гоголь.*]

262. Мертвые души: Поэма /Ил. Марка Шагала. Вступ. статья И.Золотусского. – М.: Фортуна ЭЛ, 2004. – 256 с. – (Сер. Книжная иллюстрация).

Загл. вступ. статьи: Гоголиана Марка Шагала: С. 5–24.

Откл.: Вознесенский А. Дар Третьяковке – в книжном варианте. Мертвые души» в иллюстрациях Шагала // Независимая газета. – М., 2004. – 19 февраля; Войцеховский Б. Шагал нарисовал «Мертвые души» // Комсомольская правда. – М., 2004. – 12 февраля; Лецик А. «Мертвые души» Шагала // Культура. – М., 2004. – 19–25 февраля, Шагал соединился с Гоголем. Вышли в свет «Мертвые души» с иллюстрациями Шагала [И.Золотусский комментирует выход книги в свет.]// Известия. – М., 2004. – 12 февраля.

263. Мертвые души: Поэма. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – 456 с. – (Мировая классика).

264. Мертвые души: Поэма. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 512 с. – (Русская классика).

[Мертвые души: Поэма; Повести: Невский проспект, Нос, Портрет, Шинель, Коляска, Записки сумасшедшего.]

265. Мертвые души. Выбранные места из переписки с друзьями (в сокращении) /Сост., вступ. статья, коммент. С.Р. Федякина. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. – 829 с. – (Б-ка школьника).

Загл. вступ. статьи: Уголки и пространства поэмы Гоголя: С. 5–16.

Критика и воспоминания о Н.В. Гоголе:

Белинский В.Г. Из статьи «Похождения Чичикова, или "Мертвые души"»: С. 718–722.

Белинский В.Г. Из статьи «Несколько слов о поэме Гоголя "Похождения Чичикова, или Мертвые души"»: С. 722–724.

Белинский В.Г. Из письма Н.В. Гоголю: С. 724–729.

Плетнев П.А. Из письма Н.В. Гоголю: С. 730.

Киреевский И.В. Из заметки «Введение к библиографии»: С. 730–731.

Чаадаев П.Я. Из письма П.А. Вяземскому: С. 731–733.

Аксаков С.Т. Из письма Н.В. Гоголю: С. 733–734.

Аксаков К.С. Из статьи «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова, или Мертвые души»: С. 734–737.

Хомяков А.С. Из письма С.П. Шевыреву: С. 737–738.

Герцен А.И. Из дневника: С. 738–739.

Герцен А.И. Из статьи «О романе из народной жизни в России»: С. 739–740.

Герцен А.И. Из книги «О развитии революционных идей в России»: С. 740.

Данилевский Н.Я. Из статьи: «Россия и Европа»: С. 741.

Федоров Н.Ф. Из статьи «Проективное определение литературы. О "Мертвых душах"»: С. 742–744.

Анненский И.Ф. Из статьи «Художественный идеализм Гоголя»: С. 744–745.

Анненский И.Ф. Из статьи «Эстетика "Мертвых душ" и ее наследье»: С. 745–746.

Розанов В.В. Из статьи «Пушкин и Гоголь»: С. 746–747.

Ремизов А.М. Из книги «Огонь вещей»: С. 747–750.

Мочульский К.В. Из книги «Духовный путь Гоголя»: С. 750–760.

Набоков В.В. Из эссе «Николай Гоголь»: С. 761–766.

Мейер Г.А. Из статьи «Трудный путь. Место Гоголя в метафизике российской литературы»: С. 766–770.

Газданов Г.И. Из статьи «О Гоголе»: С. 770–777.

Бахтин М.М. Из лекций. «Мертвые души»: С. 777–780.

Коммент.: 781–811.

- Вехи жизни и творчества*: С. 812–821.
- Вопросы и задания для самостоятельной работы*: С. 822–825.
- Рекомендуемая литература*: С. 826.
266. Нос: повесть / Худ. Ю.В. Иванов. – М.: Белый город, 2004. – 48 с.
267. Петербургские повести / Сост. и вступ. статья М.А. Васильевой. – М.: Русский путь, 2004. – 352 с. – (Сер. Закладка).
- Загл. вступ. статьи: Вокруг «Петербургских повестей» Н.В. Гоголя*: С. 5–22.
- Приложение:
- Портрет (1-я редакция)*: С. 187–228.
- Взгляд критики:
- Белинский В.Г. Из статьи «О русской повести и повестях г. Гоголя»*: С. 229–237.
- Розанов В.В. Как произошел тип Акакия Акакиевича*: С. 238–249.
- Эйхенбаум Б.М. Как сделана «Шинель» Гоголя*: С. 250–268.
- Чижевский Д.И. О «Шинели» Гоголя*: С. 269–292.
- Набоков В.В. Из статьи «Николай Гоголь»*: С. 293–305.
- Гиппиус В.В. Из книги «Гоголь»*: С. 306–312.
- Мочульский К.В. «Духовный путь Гоголя»*: С. 313–320.
- Бицилли П.М. «Проблема человека у Гоголя»*: С. 321–328.
- Манн Ю.В. Художник и «ужасная действительность» (О двух редакциях повести «Портрет»)»*: С. 329–339.
- Даты жизни и творчества*: С. 340–347.
268. Петербургские повести. Пьесы / Сост., коммент. В.А. Воропаева. – М.: Дрофа, 2004. – 368 с. – (Б-ка отечественной классической художественной литературы).
- Коммент.*: С. 320–348.
269. Повести. – М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Изд-во «Астрель», 2004. – 267, [5] с. – (Школьная хрестоматия).
- Ночь перед Рождеством; Старосветские помещики; Невский проспект; Нос; Портрет, Шинель; Записки сумасшедшего.*
- Коммент. [Воропаев В.А.]*: С. 251–261.
- Темы сочинений и рефератов по творчеству Н.В. Гоголя*: С. 266.
- Тезисный план сочинения*: С. 267–268.

Художественная и критико-биографическая литература

270. А.С. Премии Гоголя // Литературная газета. – М., 2004. – 23–29 июня.

[О вручении премии имени Гоголя в Санкт-Петербурге.]

271. Аксакова В.С. Дневник: 1854–1855 гг. – М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Изд-во Астрель»: ОАО «Люкс», 2004. – 400 с.: 32 ил. – (Мемуары).

Из записной книжки В.С. Аксаковой. Последние дни жизни Гоголя: С. 200–205.

Приложение:

Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем: С. 206–361.

272. Аверьянова М.А. Постигание Н.В. Гоголем тайны обожения // Преподобный Серафим Саровский и русская литература. – М., 2004. – С. 171–175.

273. Автухович Т. Сплетня как феномен жизни и литературы // Филолог. – Пермь, 2004. – Вып. 5. – С. 15–18.

274. Александров Г. Александр Филиппенко из государства Чичиковых. «Я согласен ходить с протянутой рукой» // Аргументы и факты. – М., 2004. – № 35.

Беседа с артистом А.Филиппенко

275. Александрова Т.А. Гоголь в оценках А. Волянского // Наукові записки Харківського державного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди. – Харьков: ХГПУ, 2004. – Вып. 1(37). – С. 77–81.

276. Александрова Т.А. Книга Д.С. Мережковского в откликах современников // Наукові записки Харківського державного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди. Харьков: ХГПУ, 2004. – Вып. 3 (39). – Ч. 2. – С. 62–75.

277. Александрова Т.А. Хлестаков и Чичиков в оценках Д. Мережковского // Девятые международные чтения молодых ученых памяти Л.Я. Лившица. Тезисы. – Харьков, 2004. – С. 11–12.

278. Архипова Ю.В. «Шинель» Гоголя как апокалиптическая повесть // Новые идеи в философии природы и научном познании. Философские проблемы науки и культуры. – Вып. 2. – Екатеринбург, 2004. – С. 324–333.

279. Аршинова А.А. О происхождении фамилии «Гоголь». Черноклобуцкие гипотетические предки Н.В. Гоголя – защитники и граждане Киевской Руси // Аспирант и соискатель. – М., 2004. – № 5. – С. 30–33.

280. Афанасьев Э.С. О художественности повести Н.В. Гоголя «Нос» // Литература в школе. – М., 2004. – № 4. – С. 13–14.

281. Базавлук Л.М. Прием стилистического повтора как одна из характеристик языкового ощущения Н.В. Гоголя // Ученые за-

писки /Орловский гос. ун-т. – Т. I. Филология. Синтаксис русского языка.– Орел: ОГУ, 2004. – С. 9–12.

282. Базавлук Л.М. Особенности структуры и семантики простого и сложного предложения в художественной прозе и публицистике Н.В. Гоголя // Предложение и текст: актуальные проблемы: Межвузовский сборник статей. – Орел: ОГУ, 2004. – С. 114–117.

283. Баженова А. Москва как второй Петербург. Гоголь и Запад // Российский писатель. – М., 2004. – Ноябрь. – № 19–20 (94–95). – С. 6.

284. Балашова Е.А. «Выбранное место» в «Ревизоре» // V Всероссийские чтения «Оптина Пустынь и русская культура», посвященные братьям Киреевским. – Калуга, 2004. – С. 8–10.

285. Балдина Е.В. Новый Гоголевский сборник: Традиции и перспективы // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. – М., 2004. – № 4. – С. 165–167.

Рец. на кн.: Гоголевский сборник. – СПб.; Самара: Изд-во СГПУ, 2003. – 284 с.

286. Баженова А. Москва как второй Петербург: Гоголь и Запад // Российский писатель. – М., 2004. – № 19–20. – С. 6.

287. Барабаш Ю. «Наш» или «не наш»? Гоголь в литературном сознании украинского зарубежья // Вопросы литературы. – М., 2004. – Вып. 1. – С. 144–180.

288. Белецкая Е.М. Казачество в народном творчестве и в русской литературе XIX века: Монография. – Тверь: Золотая буква, 2004. – 252 с.

Казачество в романтическом мире Гоголя:

«Вечера на хуторе близ Диканьки»: . 144–163.

Эпический мир запорожского казачества: С. 163–181.

289. Белобородова Н.Г. Функция экфрасиса в повести Н.В. Гоголя «Портрет» // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: Материалы Третьих Филологических чтений. Т. 2. Литературоведение. – Новосибирск, 2004. – С. 51–57.

290. Белоусов А.Ф. Опыт анализа литературной темы (На материале романа Л. Добычина «Город Эн») // Строение повествовательного текста. – Смоленск, 2004. – С. 89–92.

[Гоголевская тема в романе Л.Добычина.]

291. Березняк Н. Концепция двоемирия в повести Н.В. Гоголя «Портрет» // Филология, журналистика, культурология в парадигме современного научного знания. – Ставрополь, 2004. – Ч. 1. – С. 134–136.

292. Беспалова С.В. Социально-нравственная проблематика в «Выбранных местах из переписки с друзьями» // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. – М., 2004. – Вып. 13. – С. 335–342.

293. Бобылев В.Г. Метафорическое использование грамматических категорий и форм в художественном тексте // Русский язык в школе. – М., 2004. – № 1. – С. 64–71.

294. Богданова П. Вокруг Гоголя. Валерий Фокин отметил 35-летие творческой деятельности // Новые театральные известия. – М., 2004. – № 4. – С. 11.

295. Борисов Ю. От Гоголя до Блока // Библио Глобус. Книжный дайджест. – М., 2004. – № 7. Июль. – С. 29.

[Об издании: *Гоголь и Италия. Материалы Международной конференции «Николай Васильевич Гоголь: между Италией и Россией»*. – М.: РГГУ, 2004.]

296. Бродецкий А.Я. Немая сцена в «Ревизоре» – эмбрион авторитарного театра // Интеграция науки и искусства. – М., 2004. – С. 263–273.

297. Бузина Т. Искупление Гоголя – «Страшная месть» и «Мастер и Маргарита» // Слово. Грамматика. Речь. – М., 2004. – Вып. 6. – С. 212–216.

298. Буровин А.В., Захарченко С.С. Декабрист Николай I (Феномен «единого поля» русской культуры на примере образа Манилова в поэме Н.В.Гоголя «Мертвые души») // Филологические науки в МГИМО. – М., 2004. – № 18. – С. 154–176.

299. Вайман С.Т. Русский ренессанс // Русская художественная культура. Контуры духовного опыта. – СПб.: Олетейя, 2004. – С. 180–202.

О Гоголе: С. 191–201.

Немая сцена: С. 199–217.

300. Вайскопф М. Кривонос в Казанском соборе // Солнечное сплетение. – М.; Иерусалим, 2004. – № 7. – С. 210–216.

[По поводу статей В.Ш. Кривоноса о повести «Шинель» (*Вопросы лит.* – М., 2004. – № 6; *Известия РАН. Сер. лит. и яз.* – Т. 63. – № 6).]

301. Варламов А. Заметки о прозе Пушкина и Гоголя // Октябрь. – 2004. – № 4. – С. 165–171.

[«Капитанская дочка» и «Тарас Бульба».]

302. Васильева Г.М. «Фауст» И.В. Гете в русской литературе (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, В.В. Набоков) // Проблемы мировой

политики и международных отношений. – Новосибирск, 2004. – С. 94–125.

303. Ветчинкина Ю.В. Особенности временной структуры «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Актуальные проблемы изучения литературы в вузе и школе: Материалы Всероссийской конференции литературоведов Поволжья: В 2 т. – Т. 1. – Тольятти: ТГУ, 2004. – С. 225–230.

304. Ветчинкина Ю.В. Трансформация пространства героя в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Первые ознобишинские чтения: Сборник материалов юбилейной международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию Д.П. Ознобишина. – С. 1. – Инза, Самара, 2004. – С. 90–94.

305. Видуирите И. «Размышления о Божественной Литургии». Границы театральности в творчестве Н.В. Гоголя // *Literatura=Literatura*. – Vilnius, 2004. – № 46 (2). – С. 38–49.

306. Викулова В. Дом Гоголя // Роман-газета. – М., 2004. – № 4. – С. 2–3, ил. (обложка).

307. Викулова В.П. Храм Николая Угодника в Диканьке // Крымский Пушкинский научный сборник. – Вып. 4 (13): Литература и религия. – Симферополь: Крымский Архив, 2004. – С. 179–188.

308. Вильнова С.В. Пушкинская тема в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Качество профессионального образования. – Оренбург, 2004. – Ч. 2. – С. 103–109.

309. Виноградов И. Гоголь Николай Васильевич // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русская литература / Гл. ред., сост. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2004. – С. 247–248.

310. Виноградов И. А. Н.М. Языков и А.А. Иванов: Из истории взаимоотношений // Николай Языков и русская литература. – М., 2004. – С. 46–52.

311. Виноградов И. А. «Тарас Бульба» и юный Достоевский // Русский литературоведческий альманах: Сборник научных трудов, посвященный 75-летию со дня рождения В.Н. Аношкиной (Касаткиной) – М.: Пашков дом, 2004. – С. 229–246.

312. Владимирова Т.Л. Римский текст в Петербургских повестях Н.В. Гоголя // Теоретические и прикладные аспекты филологии: Сборник научных трудов, посвященных 10-летию кафедры РЯЛ ИЯК ТПУ. – Томск, 2004. – С. 288–291.

313. Владимирцев В.А., Гройсман А.Л. Психологические проблемы и тайны в произведениях Н.В. Гоголя, или современная психология в поисках души // Интеграция науки и искусства. – М., 2004. – С. 274–291.

[Антропология Гоголя в свете современной психологии.]

314. Влащенко В.И. «Две необыкновенные крысы» в «Ревизоре» // Литература в школе. – М., 2004. – № 4. – С. 19–24.

315. Вокин М.А. Герой «Тараса Бульбы» в призме взаимодействия эпического и романного: к проблеме гоголевского человека // Русская литература и философия: постижение человека. – Липецк, 2004. – Ч. 1. – С. 64–70.

316. Волгин И.Л. Возвращение билета: Парадоксы национального самосознания. – М.: Грантъ, 2004. – 767 с. – Алф. ук.

На материале творчества Гоголя, Чаадаева, Достоевского и др.

317. Воробьева И. «Лице слезами омывая...» // Северная пчела. Историческая литературно-политическая газета. – 2004. – 21 апреля.

[Печатается «Песнь молитвенная ко пресвятой Деве Марии Богородице» Гоголя.]

318. Вороненков И.И. Алогизмы в повести Н.В. Гоголя «Нос» и способы их передачи при переводе на английский язык // Филологические этюды: Сборник научных статей молодых ученых – Саратов, 2004. – Вып. 7. – Ч. 1–2 – С. 129–131.

319. Воропаев В. Из рассказов о Гоголе // Купель. Детский православный журнал для семейного чтения. – М., 2004. – № 1 (23). – С. 24–29.

320. Воропаев В. Встреча с Гоголем. Из воспоминаний Марфы Сабининой // Русский Инвалид. – М., 2004. – № 2–3. Февраль – Март. – С. 15.

321. Воропаев В.А. Под защитой угодника Божия. Диканьский образ святителя Николая Чудотворца и его значение в жизни Гоголя // «Правило веры и образ кротости». – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2004. – С. 263–270.

322. Воропаев В. Гоголь Николай Васильевич // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русская литература / Гл. ред., сост. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2004. – С. 248–258.

323. Воропаев В. Возвратиться в Россию через Иерусалим. Паломничество Н.В. Гоголя по Святым местам // История. – М., 2004. – 1 – 15 июля. – № 25–26. – С. 20–26.

324. Воропаев В. Николай Гоголь: опыт духовной биографии // Віра і Розум. – Харків, 2004. – №5. – С. 241–256 (Продолжение).

325. Воропаев В. Предисловие // Полн. собр. творений святителя Игнатия Брянчанинова. – Т. 6. – М.: Паломник, 2004. – С. 748–761.

Предисловие к Письмам святителя Игнатия к Обер-прокурору Святейшего Синода графу А.П. Толстому.

326. Воропаев В.А. Н.В. Гоголь: жизнь и творчество. В помощь старшеклассникам, абитуриентам, преподавателям. – 4-е изд. – М.: Изд-во МГУ; Самара: Изд-во «Учебная литература», 2004. – 128 с. – (Перечитывая классику).

327. Воропаев В. Жизнь с Гоголем // Collegium. – 2004. – № 14.

328. Вострикова Е.Е. Доминантные образы переписки Н.В. Гоголя и Н.М. Языкова // Филологические этюды: Сборник научных статей молодых ученых. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. – Вып. 7. – Ч. 1 – 2. – С. 124–129.

329. Вранчан Е.В. «Мертвые души» Н.В. Гоголя и «Москва – Петушки» Вен. Ерофеева (К проблеме жанра) // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении. – Новосибирск, 2004. – Т. 2. – С. 58–64.

330. Гаджиева Л.И. Мотив предательства в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» и в рассказе М.А. Шолохова «Шибалково семя» // Студенческие шолоховские чтения. – М., 2004. – С. 43–47.

331. Гаунина Е.А., Цыганова К.Л. Словообразовательные средства коннотации в русском языке в сопоставлении с украинским на материале повестей Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // IX Научная конференция молодых ученых, аспирантов и студентов (г. Саранск, 19–24 апреля 2004 г.). – Саранск, 2004. – С. 18–21.

332. Глущенко Н.В. «Имя победило мир...»: («Ревизор» Н. Гоголя и «Елизавета Бам» Д. Хармса) // Имя текста, имя в тексте. – Тверь, 2004. – С. 85–89.

[Семантика имени в заглавии пьесы Д. Хармса в контексте гоголевской традиции.]

333. Глянц В.М. Гоголь и Апокалипсис. – М.: Изд-во ЭЛЕКС-КМ, 2004. – 328 с.

Рец.: Балла Ольга. Писатель по несчастью. Что лучше: спасти мир или писать «Ревизора»? // Независимая газета. – М., 2004. – 9 сентября.

334. Гоголь и Италия: Материалы Международной конференции «Николай Васильевич Гоголь: между Италией и Россией». Рим, 30 сентября – 1 октября 2002 г. – М.: РГГУ, 2004. – 285 с.

Вайскопф М. Предисловие: С. 7–10.

Джулиани Р. Сюжетные и жанровые особенности «Рима» /Пер. с ит. А. Ямпольской: С. 11–37.

Беркоф Дж. Б. Барочными маршрутами повести Н.В. Гоголя «Рим»: С. 38–66.

Толстая Е. «Рим» как физиологический очерк: С. 67–78.

Соливетти К. «Рим» Гоголя: totum pro parte: С. 79–101.

Паперный В. Повесть «Рим», город Рим и мессианизм позднего Гоголя: С. 113–128.

Романо А. Гоголь, парижский корреспондент (Замечания о повести «Рим») /Пер. с ит. А. Ямпольской: С. 129–140.

Шварцбанд С. Об одном письме Н.В.Гоголя из Рима: С. 141–169.

Серман И. Римские письма Гоголя: С. 170–181.

Вайскопф М. Смерть в Италии. О литературном генезисе «Рима» и отрывка «Ночи на вилле»: С. 182–194.

Манн Ю. Произведение, не похожее на другие: С. 195–207.

Маццителли Г. История неосуществившейся встречи: Гоголь и царь Николай I /Пер. с ит. К. Троччини: С. 208–220.

Рылов Ю. Гоголь – переводчик?: С. 221–234.

Карташова И. Путешествие Гоголя в Италию в контексте романтических странствий: С. 235–244.

Страно Дж. Николай Гоголь и Винченцо Линарес: сходство без контакта: С. 245–257.

[Сравнительный анализ «Народных рассказов» В. Линареса и «Вечеров на хуторе близ Диканьки».]

Буонкрисиано П. Рассказ «Жена Гоголя» Томмазо Ландольфи / Пер. с ит. М. Мискарян: С. 258–268.

Галатерия М. М. Гоголевские отголоски в романе Паолы Мазино «Монте Иньозо» /Пер. с ит. А. Ямпольской: С. 269–284.

[Реминисценции из «Портрета» в романе П. Мазино.]

335. Н.В. Гоголь в изложении для школьников: «Мертвые души» с приложением лучших сочинений /Подготовка текстов В.В. Петрова. – Минск: Современный литератор, 2004. – 192 с.

336. Н.В. Гоголь и Православие. Сборник статей о творчестве Н.В. Гоголя /Международный фонд единства православных народов; Сост. Алексеев В.А. – М.: Издательский дом «К единству!», 2004. – 479 с.

Алексеев В.А. Ко Христу взыскующее сердце (Вместо предисловия): С. 3–6.

Воропаев В.А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии: С. 7–111.

Виноградов И.А. Узы небесного братства. Повесть Гоголя «Тарас Бульба» и ее судьба: С. 112–197.

Митрополит Вениамин (Федченков). Взгляд Н.В. Гоголя на литературное творчество /Подготовка текста и примеч. И. Виноградова: С. 198–200.

Протопресвитер Василий Зеньковский. Памяти Н.В. Гоголя. К 150-летию со дня рождения /Подготовка текста и примеч. И.Виноградова: С. 201–204.

Архимандрит Феодор (Бухарев). О героях поэмы «Мертвые души» /Подготовка текста и примеч. И. Виноградова: С. 205–230.

Протоиерей Тарасий Серединский. Мысли при чтении сочинения «Выбранные места из переписки с друзьями» Николая Гоголя. 1847 года /Подготовка текста и примеч. И. Виноградова: С. 231–238.

Томачинский В.В. Путеводитель к Светлому Воскресению. Н.В. Гоголь и его «Выбранные места из переписки с друзьями»: С. 239–275.

Споров Б.Ф. Гоголь – новое прочтение. Заметки на полях книг: С. 276–329.

Иерей Николай Булгаков. Н.В. Гоголь – про нас: С. 330–336.

Есаулов И.А. Пасхальность в поэтике Гоголя: С. 337–349.

Гуминский В.М. Гоголь и четыре урока «Миргорода»: С. 350–358.

Лепяхин В.В. Икона, религиозная и светская живопись в творчестве Н.В. Гоголя: С. 359–397.

Дунаев М.М. Николай Васильевич Гоголь. Из книги «Православие и русская литература»: С. 398–411.

Георгиевский Г.П. Оптинские письма Гоголя / Подготовка текста В.А. Воропаева и О.Ю. Щербаковой, примеч. В.А. Воропаева: С. 412–429.

Малиновский Д.К. *О том, как надо разуметь смешное в произведениях Гоголя /Подготовка текста и примеч. И. Виноградова: С. 430–478.*

337. Н.В. Гоголь и Православие /Сост. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева; Вступ. статья и примеч. И.А. Виноградова. – М.: Изд-во «Отчий дом», 2004. – 527 с.: 1 л. портр. – (Православная Церковь и русская литература).

Предисл.: С. 5–18.

Митрополит Анастасий (Грибановский). Мысли о Гоголе: С. 19–20.

Священномученик протоиерей Иоанн Восторгов. Честный служитель слова: С. 21–25.

Святитель Серафим (Чичагов). Слово в 100-летнюю годовщину рождения Н.В. Гоголя: С. 25–28.

Протопресвитер Василий Зеньковский. Н.В. Гоголь в его религиозных исканиях: С. 29–40.

Мочульский К. Духовный путь Гоголя: С. 40–154.

Виноградов И. Религиозное образование Гоголя в Нежинской гимназии высших наук: С. 154–306.

Воропаев В. Гоголь и отец Матфей: С. 306–339.

Архимандрит Константин (Зайцев). Гоголь как учитель жизни: С. 340–357.

Аристов Н. Иноземное влияние в России, изображенное Гоголем в его сочинениях: С. 357–420.

Тальберг Н. Гоголь – глашатай Святой Руси: С. 421–425.

Вербицкий Ф. Великий россиянин: С. 425–435.

Приложение:

Святитель Игнатий (Брянчанинов). Письмо по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями»: С. 436–437.

Шевырев С. Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя: С. 438–464.

Примечания: С. 465–519.

Библиография: С. 520–524.

338. Н.В. Гоголь и театр: Третьи Гоголевские чтения: Сборник докладов /Комитет по культуре города Москвы; Гор. б-ка № 2 им. Н.В. Гоголя; Под общей ред. В.П. Викуловой. – М.: Книжный дом «Университет», 2004. – 368 с.: [2] л. цв. ил.: ил. – Рез. англ.

Содерж.:

Summary. Аннотированное содержание на английском языке:
С. 6–14.

Дементьева Н.Л.: С. 15.

Манн Ю.В. [Вступ. слово:] С. 16–18.

Викулова В.П. Вместо предисловия: С. 19–22.

Драматургия Гоголя

Барабаш Ю.Я. Гоголь и традиции староукраинского театра (Два этюда): С. 25–39.

Гетман Л.И. Театральность гоголевских образов: С. 40–45.

Еремин М.А. Мотив лица в художественном мире гоголевской драматургии: С. 46–53.

Могилевская Н.М. Концепт внесценического персонажа в драматургии Н.В. Гоголя: С. 54–58.

Васильчикова Т.Н. Принципы организации сценического пространства в драматургии Н.В. Гоголя и в драме немецкого экспрессионизма: С. 59–70.

Мир гоголевских комедий

Гуминский В.М. Гоголь о любви и браке: С. 73–89.

Бельтраме Ф. Неоконченная пьеса «Владимир 3-ей степени» как своеобразная творческая лаборатория Н.В. Гоголя: С. 90–100.

Иваницкий А.И. «Господин де Пурсоньяк» Мольера и «Женитьба» Гоголя: С. 101–107.

Зорин А.Н. «Выбор невесты» накануне «Женитьбы»: С. 108–117.

Падерина Е.Г. «Игроки» и «Ревизор»: С. 118–132.

Вокруг «Ревизора»

Ищук-Фадеева Н.И. «Ревизор» Гоголя: между прошлым и будущим: С. 135–147.

Мильдон В.И. Город в «Ревизоре»: С. 148–156.

Потапенко С.Н. Иван Хлестаков как «человек играющий»: С. 157–166.

Орлицкий Ю.Б. Ритмическая структура «Ревизора» (предварительные замечания): С. 167–175.

Есаулов И.А. К интерпретации финала «Ревизора» (методологические замечания): С. 176–181.

Купцова О.Н. «Ревизор»: «явление последнее» (о театральной истории «немой сцены»): С. 182–192.

Сапченко Л.А. «Памятник» и «живая картина» в творчестве Гоголя и Карамзина: С. 193–203.

Денисов В.Д. М.Н. Загоскин и «загоскинское» в комедии Гоголя «Ревизор»: С. 204–209.

Фролова С.Е. Михаил Чехов – Хлестаков (заметки на полях «Ревизора»): С. 210–218.

Манн Ю.В. Мейерхольдовский «Ревизор» в аспекте театральной традиции: С. 219–229.

Деполь Ж. Заумный «Ревизор» Терентьева: С. 230–239.

Солнцева Л.П. «Ревизор» в Праге: С. 240–246.

Интерпретация гоголевских произведений

Юнисов М.В. Гимназисты играют Гоголя: С. 249–259.

Виноградов И.А. Повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» (из истории сценических интерпретаций): С. 260–271.

Уварова И.П. Заколдованное место (о последних постановках «Мертвых душ»): С. 272–286.

Румянцева О.О. «И вдруг заблестел перед ним Петербург...» (Образ столицы в повести Гоголя «Ночь перед Рождеством» и в пьесе Е.И. Замятина «Блоха»): С. 287–295.

Литаврина М.Г. Гоголевские традиции в театре русского Зарубежья (эмигрант Бунчук и другие): С. 296–305.

Де Лотто Ч. Гоголь в итальянской кинематографии: С. 306–318.

Кривуля Н.Г. Экранизация произведений Н.В. Гоголя в отечественной анимации: С. 319–331.

Кривошеева И.В. Опера «Записки сумасшедшего» Ю. Буцко: С. 332–344.

Грибкова А.Б. Гоголь в музыкальной афише Москвы на рубеже тысячелетий: С. 345–357.

339. Голенищев-Кутузов И.Н. Гоголь в Италии // Голенищев-Кутузов И.Н. Лики времени. Парижские эссе. – М.: МЦНМО, 2004. – С. 192–195.

[Впервые: Возрождение. – Париж, 1932. – 2 апреля.]

340. Гольденберг А.Х. Фольклорный гротеск в поэтике Гоголя // Гротеск в литературе: Материалы конференции к 75-летию профессора Ю.В.Манна. – Москва; Тверь, 2004. – С. 24–29.

341. Гольденберг А.Х. О формах выражения этической позиции автора в гоголевском тексте // Этика и социология текста: Сб. статей научно-методического семинара «ТЕХТУС». – Вып. 10. – СПб.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. – С. 166–171.

342. Гольденберг А.Х. Проблема художественной совместимости гоголевских образов // Соотношение рационального и эмоцио-

нального в литературе и фольклоре: Материалы Международной научной конференции. Часть I. – Волгоград: «Перемена», 2004. – С. 134–145.

[Система образов во втором томе «Мертвых душ».]

343. Горбунова Ю.И. Семантические и функциональные особенности имен прилагательных «толстый» и «тонкий» (на примере поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Язык. Культура. Личность. – М., 2004. – Ч. 2. – С. 29–32.

344. Горбунова Ю.И. Особенности строения и функционирования лексико-семантической группы имен прилагательных совокупного размера (На примере поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства художественной образности и их стилистическое использование в тексте. – М., 2004. – С. 229–231.

345. Горячева М. «Женитьба» Н.В. Гоголя и «Предложение» А.П. Чехова: Сюжет и характер // Диалоги с Чехов. – София, 2004. – С. 277–281.

346. Греков В.Н. «Странное чудовище» «Женитьбы» (Опыт комментария к театральной эстетике Н.В.Гоголя в постановках 1840–1920 гг. // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра: Проблемы образования и коммуникации. – М., 2004. – С. 224–242.

347. Грекова Е.В. Лица и роли // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра: Проблемы образования и коммуникации. – М., 2004. – С. 216–223.

[Мотив маски в «Записках сумасшедшего», «Медном всаднике» А.С. Пушкина и «Маскараде» М.Ю. Лермонтова.]

348. Григорьев Д.С. Фрагмент анализа языковой личности (на материале повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба») // Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: состояние и перспективы развития. – Оренбург, 2004. – С. 101–106.

349. Громов Е.С. Интерпретация русской классики в конце XIX–начале XX вв. // Русская художественная культура. Контурсы духовного опыта. – СПб.: Олетейя, 2004. – С. 219–247.

[О Гоголе: С. 239–245.]

350. Гуминский В.М. «Мертвые души» в иллюстрациях // Литература в школе. – М. 2004. – №4. – С. 9–12.

351. Давыдкина Н.А. О функционировании наречий в художественном тексте // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства и способы выражения. – М., 2004. – С. 145–148.

[На примере произведений Гоголя.]

352. Данильцева З.М. Повесть Н.В. Гоголя «Шинель». Материал для урока. IX класс // Литература в школе. – М., 2004. – № 4. – С. 36–38.

353. Дерюгина Л.В. Пушкинское и Пушкинско-Петербургское в «Невском проспекте» // «Литературоведение как литература»: Сборник в честь С.Г. Бочарова. – М.: Языки славянской культуры; Прогресс-традиция, 2004. – (Studia philologica). – С. 84–110.

354. Джафарова К.К. Гротеск и арабеска (на примере сборника Н.В.Гоголя «Арабески») // Гротеск в литературе. Материалы конференции к 75-летию профессора Ю.В. Манна. – Москва-Тверь, 2004. – С. 41–42.

355. Джафарова К.К. Традиции европейской и русской истории и литературы в цикле Н.В. Гоголя «Арабески» // Русская словесность в мировом культурном контексте. Материалы международного конгресса. – М., 2004. – С. 19–21.

356. Джон Тхэ Вон. Некоторые приемы комического у Н.В. Гоголя (на материале поэмы «Мертвые души») // Русский язык и славистика в наши дни. – М., 2004. – С. 561–567.

357. Долженков П.Н. «Степь» и «Мертвые души»: скрытый сюжет в повести Чехова // Век после Чехова. Международная научная конференция. Тезисы докладов. – М., 2004. – С. 64–67.

358. Долженков П.Н. «Степь» и «Мертвые души»: скрытый сюжет в повести А.П. Чехова // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. – М., 2004. – № 3. – С. 12–28.

359. Духовные истоки воспитания. Православная культура в школе. Уроки русской литературы: Учебное пособие. – М.: Духовные истоки, 2004. – 222 с.

Донченко Л.М.

Сущность искусства в понимании Н.В. Гоголя (По повести «Портрет»: С. 131–138.

«Шинель» Н.В. Гоголя: С. 139–147.

Над чем смеялся Гоголь в комедии «Ревизор»: С. 148–157.

360. Душенко К.В. Тазбир Я. «Тарас Бульба» – наконец польски // Культурология: Дайджест. РАН ИНИОН. Центр гуманитарн. научно-информацион. исследований. Отдел культурологии – М., 2004. – № 4. – С. 42–45.

[Реферат статьи польского историка-медиевиста Я. Тазбира в изд.: Новая Польша. – Варшава, 2002. – № 5. – С. 33–40.]

361. Егошина Ольга. Неелова как мужчина: Знаменитая актриса примерила на новой сцене «Современника» гоголевскую «Шинель» // Новые известия. – М., 2004. – 6 октября.

[О спектакле «Шинель» В. Фокина на новой сцене «Современника», где Марина Неелова сыграла роль Акакия Акакиевича.]

362. Еникеева Д. «...Имя мое после меня будет счастливее меня» // Московская правда. – М., 2004. – 6 апреля.

[Освоение художественного мира Гоголя на Западе.]

363. Еремин М.А. Пародийные черты внутреннего мира гоголевской драматургии // Смех в литературе: семантика, аксиология, полифункциональность: Материалы межвузовской конференции. – Самара: СГУ, 2004. – С. 53–58.

364. Ермакова П.В. Социолингвистическое комментирование комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» в России и в Англии // Социально-политические процессы в меняющемся мире: Сборник научных трудов. – Тверь, 2004. – № 5. – С. 105–109.

365. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. – М.: Круть, 2004. – 560 с.

Глава 8: Пасхальность в поэтике Гоголя: С. 227–257.

366. Еськова Н.А. Популярная и занимательная филология. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 176 с.

В традициях гоголевских дам (О словах уборная и туалет): С. 39–42.

367. Жаравина Л.В. «Письмо сердца» и «письмо разума» в творческой эволюции Н.В. Гоголя: (К проблеме второго тома «Мертвых душ») // Соотношение рационального и эмоционального в литературе и фольклоре. – Волгоград, 2004. – Ч. 1. – С. 145–149.

368. Жуков А.С. Трагическое в творчестве Н.В. Гоголя и М.Ю. Лермонтова // Лермонтовский выпуск № 7: Материалы Международной научной конференции «Изучение творчества М.Ю. Лермонтова на современном этапе» – Пенза, 2004. – С. 161–168.

369. Завьялова Елена. Синдром искренности // Аргументы и факты. – М., 2004. – № 17.

[О спектакле «Приходите... Завтра?!» (инсценировка «Повести о капитане Копейкине») в московском Театре Простодушных.]

370. Зарыгова И.В. Гиперболизация человеческих пороков в произведениях Гоголя и Канетти // Идеи и образы русской и зарубежной литературы. – Елабуга, 2004. – С. 20–24.

371. Заславский О.Б. Очами в очи (О произведении Гоголя «Ночи на вилле») // Известия Акад. наук. Сер. лит. и яз. – М., 2004. – Т. 6. – № 63. – С. 26–31.

372. Застрожнова (Сокол) Е.М. «Маленький человек» в свете христианской традиции (от Гоголя к Достоевскому). – М.: ТЕИС, 2004. – 240 с.

Глава 1: Проблема «маленького человека» в творчестве Н.В. Гоголя: С. 18–57.

373. Зверева Ю.В. Евангельские образы в критике Ю.Н. Говорухи-Отрока // Библия и национальная культура: Межвузовский сборник научных статей и сообщений. – Пермь, 2004. – С. 204–207.

374. Золотуский И.П. Гоголь и Достоевский // Литература в школе. – М., 2004. – № 4. – С. 2–5.

375. Захаров К.М. «Говорят, пиковая дама всегда продаст...»: К проблеме интертекстуальности произведений Н.В. Гоголя // Язык и межкультурная коммуникация. – СПб., 2004. – С. 184–186.

[Пушкинский подтекст комедии «Игроки».]

376. Зими́на М.А. Нарративный аспект мотива безумия в повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Диалог культур. – Барнаул, 2004. – С. 87–92.

377. Зызыкин М. Царская власть в России. – М.: «Москва», 2004. – 624 с. – (Сер. Наследие Русского Зарубежья).

Гоголь и Царская власть. К столетию со дня смерти Н.В. Гоголя): С. 595–618.

Первоначально: Наша страна. – 1952. – № 106, 107, 108, 109, 110, 113.

378. И.Г. Н.В. Гоголь и христианская традиция // Культурология. – Культурология: Дайджест. РАН ИНИОН. Центр гуманитарн. научно-информацион. исследований. Отдел культурологии – М., 2004. – № 4. – С. 72–73.

379. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой: В 3 т. – Т. 2. Письма 1840–1857 гг. /Сост., подготовка текстов, примеч.Т.Ф. Прокопова. – М.: Русская книга, 2004. – 676 с. – (Русские мемуары. Москва и москвичи).

Несколько слов о Гоголе: С. 511–513.

Впервые: Московский сборник. – Т. 1. – М., 1852.

380. Иоанн (Шаховской), архиепископ Сан-Францисский. Беседы с русским народом. – М.: Лодья, 2004. – 158 с. / По мате-

риалам издания: Епископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) *Время веры*. – Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954.

Гармония творения (О Гоголе): С. 21–22.

Первоначально: Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), еп. Время веры. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. – С. 84–86.

[О «Размышлениях о Божественной Литургии».]

381. Катаева Нина. Гоголь и дядя Миша // *Аргументы и факты*. – М., 2004. – № 12.

[Гоголь и М. Булгаков.]

382. Казарин В.П. Комедия Н.В. Гоголя «Ревизор» в контексте романтической драмы // Казарин В.П. *От античности до наших дней: Избранные работы по литературе и культуре*. – Симферополь: Крымский Архив, 2004. – С. 103–118.

[Впервые: Жанры в историко-литературном процессе: Межвузовский сборник. – Вологда, 1985. – С. 45–59.]

383. Казарин В.П. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // *Радуга. Журнал худож. лит. и обществ. мысли* – Киев, 2004. – № 7 – 8. – С. 154–160.

384. Казарин В.П. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // *Черное море: Лит.-худож. журнал*. – Симферополь, 2004. – № 1. – С. 81–85.

385. Казарин В.П. «Нечто совершеннейшее в человечестве...». Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // *Крымский Пушкинский научный сборник*. – Вып. 4 (13): *Литература и религия*. – Симферополь: Крымский Архив, 2004. – С. 5–14.

386. Казарин В.П. Нечто совершеннейшее в человечестве: Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // *Лит. газета*. – М., 2004. – 28 июля–3 августа. – № 30. – С. 8.

387. Казарин В.П. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // *Литературный Крым: Газета крымских писателей*. – Симферополь, 2004. – 30 июля. – № 27–28. – С. 1–3.

388. Казарин В.П. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // *Русский Севастополь*. – Севастополь, 2004. – Сентябрь. – № 7. С. 6–7.

389. Казарин В.П. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // *Гоголевские чтения в Полтаве*. – Полтава, 2004. № 7.

390. Казарин В.П. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин: *[Отдельный оттиск.]* – Симферополь: Крымский Архив, 2004. – 11 с.

391. Казарин В.П. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // *Филолог*. – Пермь, 2004. – Вып. 5. – С. 10–14.

392. Кальмова У.М., Матюшенко Л.М. Художественная реальность как способ познания психологии человека (Н.В. Гоголь) // Сборник трудов студентов и молодых ученых Кемеровского гос. ун-та, посвященный 50-летию Кемеровского гос. ун-та. – Кемерово, 2004. – Вып. 5. – С. 194–195.

[Мотив безумия в «Петербургских повестях».]

393. Катаев В.Б. Гоголевский год // Катаев В.Б. Чехов плюс...: Предшественники, современники, преемники. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 44–50.

394. Катермина В.В. Личное имя собственное как показатель социальной принадлежности (На материале произведений Н.В. Гоголя и Ч. Диккенса) // Проблемы региональной ономастики. – Майкоп, 2004. – С. 107–109.

395. Ким Хюн И. Изображение «пошлого» человека в повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Слово. Сборник научных трудов студентов и аспирантов. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2004. – Вып. 2. – С. 58–65.

396. Ким Хюн И. Жизненный экзамен Аксентия Поприщина: О повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Филологические науки. Вестник Московского гос. открытого пед. ун-та им. М.А. Шолохова. – М.: Издательский дом «Таганка» МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2004. – Вып. 1. – С. 99–106.

397. Киреев Р.Т. Великие смерти: Гоголь. Толстой. Чехов. – М.: Глобулус: ЭНАС, 2004. – 151 с.: ил. – (Литературный семинар).

Рец.: Роднянская И. // Новый мир. – М., 2005. – № 6. – С. 191–192.

398. Киселев В.С. Проблема знака в эстетике и поэтике раннего Гоголя // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова. – Абакан, 2004. – Вып. 8. – С. 80–84.

399. Киселев В.С. «Арабески» Гоголя и традиции романтической циклизации // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – М., 2004. – Т. 63. – № 6. – С. 15–25.

400. Киселев В.С. Коммуникативная стратегия автора в «Арабесках» Н.В. Гоголя // Теоретические и прикладные аспекты филологии. Сборник научных трудов. – Томск, 2004. – С. 278–283.

401. Киселев В.С. Цикл петербургских повестей Н.В. Гоголя и романы Ф.М. Достоевского: к истории развития романного жанра // Достоевский и время: Сборник статей. – Томск, 2004. – С. 95–111.

402. Ковалева Ю.Н. «Русское чувство» в позднем творчестве Н.В. Гоголя // Соотношение рационального и эмоционального в литературе и фольклоре. – Волгоград, 2004. – Ч. 1. – С. 131–134.

403. Константинова Н.В. «Мани» раздвоенного сознания (От гоголевского Поприщина к героям Ф.М. Достоевского) // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении. – Новосибирск, 2004. – Т. 2. – С. 69–75.

404. Конюшков Е. Разными дорогами // Православная беседа. – М., 2004. – № 1. – С. 52–55.

[О постановке Русским духовным театром «Глас» «Ревизора с развязкой».]

405. Коржова Е.Ю. Путеводитель по жизненным ориентациям: Личность и ее жизненный путь в художественной литературе. – СПб.: Общества памяти игумении Таисии, 2004. – 480 с.

Петр Петрович Петух (Н.В. Гоголь. «Мертвые души»): С. 46–51.

Акакий Акакиевич Башмачкин (Н.В. Гоголь. «Шинель»): С. 88–91.

Плюшкин (Н.В. Гоголь. «Мертвые души»): С. 92–96.

406. Коровина Р.Н. «Исчезающие в суеде дней наших...» «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В. Гоголя. VI класс // Литература в школе. – М., 2004. – № 4. – С. 46–47.

407. Коровина Р.Н. О повести Н.В. Гоголя «Вий». VI класс // Литература в школе. – М., 2004. – № 8. – С. 39–41.

408. Кривонос В. Гоголь: пограничность сновидческих образов // Граница как механизм смыслопорождения. – Самара, 2004. – Вып. 2. – С. 96–101.

409. Кривонос В.Ш. «Бедный Акакий Акакиевич»: (Об идеологических подходах к «Шинели» Гоголя) // Вопросы литературы. – М., 2004. – Вып. 6. – С. 139–156.

410. Кривонос В.Ш. Наполеоновский миф в поэме Гоголя «Мертвые души» // Смех в литературе: семантика, аксиология, полифункциональность: Материалы межвузовской конференции. – Самара, 2004. – С. 46–52.

411. Кривонос В.Ш. Повесть Гоголя «Шинель»: проблемы и трудности интерпретации // Известия Акад. наук. Сер. лит. и яз. – М., 2004. – Т. 63. – № 6. – С. 3–14.

412. Кто проспал дольше всех? // Вокруг света. – М., 2004. – № 9. – С. 174.

[Опровержение слухов, что Гоголя похоронили спящим.]

413. Кузовкина Т. Гоголь и Теньер: (К вопросу о том, как изображать низкую действительность) // Лотмановский сборник. – М., 2004. – 3. – С. 295–304.

414. Кулакова Т.А. О художественных функциях мотива «услужения» в «Тарасе Бульбе» Гоголя / Материалы Международной конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» // Гуманитарные науки и образование. – Ч. 3. – Тольятти: Волжский ун-т им. В.Н. Татищева, 2004. – С. 153–156.

415. Кулакова Т.А. Слуга Осип в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор»: мотив всеведения // Филологические этюды: Сборник научных статей молодых ученых. – Саратов, 2004. – Вып. 7. – Ч. I. – С. 24–27.

416. Кулакова Т.А. Мотив услужения в «Тарасе Бульбе» Гоголя // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. – Тольятти, 2004. – Гуманитарные науки и образование: опыт, проблемы, перспективы. – Ч. 3. – С. 115–119.

417. Кулакова Т.А. О семантике «услужения» в художественной структуре «Вечеров на хуторе близ Диканьки» // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2004. – Вып. 4. – С. 226–230.

418. Кулешов В.И. История русской литературы XIX века: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект Трикста, 2004. – 800 с. – (Gaudeamus).

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852): С. 262–335.

419. Курилов А.С. «Мертвые души», или поэзия жизни провинциальной России // Филологические науки. – М., 2004. – № 6. – С. 55–64.

420. Курочкина-Лезина А.В. Архетипическая образность русского православия в духовной прозе Н.В. Гоголя («Выбранные места из переписки с друзьями») // Православие и русская литература. – Арзамас, 2004. – С. 46–52.

421. Кучерская Майя. Арабов переписет «Мертвые души» // Российская газета. – М., 2004. – 26 мая.

[Интервью с кинодраматургом Ю.Арабовым.]

422. Лазарева А.Н. Из истории нравственно-религиозной мысли. Гоголь и Соловьев // Философские исследования. – М., 2004. – № 1. – С. 172–186.

423. Лакшин В.Я. А.Н. Островский. – 3-е изд. – М.: Гелеос, 2004. – 768 с.

Наследник Гоголя? С. 275–290.

424. Ларионова М.Ч. Имя и фольклор // Соотнесение рационального и эмоционального в литературе и фольклоре. – Волгоград, 2004. – Ч. 1. – С. 19–24.

425. Лебедев А.А. «Превращение бабочки в гусеницу»: (Один общий сюжет прозы А.П. Чехова и Н.В. Гоголя) // Соотношение рационального и эмоционального в литературе и фольклоре. – Волгоград, 2004. – Ч. 1. – С. 169–176.

426. Лебедина Л. Башмачкин женского рода: Вчера в «Современнике» на новой площадке «Другая сцена» родился театральный шедевр // Труд. – М., 2004. – 6 октября.

[О спектакле «Шинель» Валерия Фокина на новой сцене «Современника», где Марина Неелова сыграла роль Акакия Акакиевича.]

427. Левина Г.Л. «Старосветские помещики» Н.В. Гоголя в русле взаимодействия языческой и христианской культур // Интерпретация литературного и культурного текста. – Биробиджан, 2004. – С. 52–60.

428. Леонова А.В. Признак контролируемости/неконтролируемости в аспекте авторской интерпретации (На примере творчества Н.В. Гоголя) // Интерпретатор и текст: проблемы ограничений в интерпретационной деятельности. – Новосибирск, 2004. – Ч. 2. – С. 72–79.

429. Гудимова С.А. Левкиевская Е.Е. «Белая свитка» и «красная свитка» в «Сорочинской ярмарке» Н.В. Гоголя // Культурология. – Культурология: Дайджест. РАН ИНИОН. Центр гуманитарн. научно-информацион. исследований. Отдел культурологии – М., 2004. – № 4. – С. 111–113.

430. Мадлевская Е.Л. Преодоление страха в русской народной традиции (На материале мифологических и бытовых рассказов и повести Н.В. Гоголя «Вий») // Языки страха: женские и мужские стратегии поведения. – СПб., 2004. – С. 109–120.

431. Макеев М.С. Мертвые души вдоль железной дороги: о «фиктивной» датировке и одном источнике замысла «Железной дороги» Н.А. Некрасова // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. М., 2004. – № 4. – С. 24–37.

432. Макеев С. Майор Ковалев из «горячей точки». Дело о пропавшем носе, или Откуда г-н Гоголь почерпнул свой знаменитый сюжет // Совершенно секретно. – М., 2004. – № 8 (183). – Август. – С. 32–33.

433. Манн Ю.В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 813 с.: 32 с. ил.

Рец. // Независимая газета. – М., 2004. – 2 сентября; Самородницкая Е. // Новое лит. обозрение. – М., 2005. – № 2. – С. 381–383; Соболев Л. «Никто не разгадал меня совершенно...» // Вопросы литературы. – М., 2005. – № 6. – С. 326–332.

434. Манн Ю.В. «Первая идиллия Гоголя» // «Литературоведение как литература»: Сборник в честь С.Г. Бочарова. – М.: Языки славянской культуры; Прогресс-традиция, 2004. – (Studia philologica). – С. 79–83.

435. Манн Ю.В. Синдром «Ревизора» // Вопросы литературы. – М., 2004. – № 5. – С. 140–174.

436. Манн Ю.В. Гоголь как интерпретатор Пушкина // Филологические науки. – М., 2004. – № 1. – С. 78–87.

[О статье Гоголя «Несколько слов о Пушкине».]

437. Марина Неелова станет Башмачкиным: Современник // Ваш досуг. – М., 2004. – № 29. – С. 45.

438. Марков А.Ф. Магия старой книги. Записки библиофила. – М.: Аграф, 2004. – 672 с.: ил.

К юбилею Н.В. Гоголя: С. 230–232.

439. Медведев А.В. О двух оперных замыслах Д. Шостаковича (из опыта совместной работы над либретто опер «Портрет» и «Черный монах») // Век после Чехова. Международная научная конференция. Тезисы докладов. – М., 2004. – С. 122–128.

440. Мережковский Д.С. Гоголь: Творчество, жизнь и религия // Мережковский Д.С. Собр. соч. Т. 6: Грядущий хам /Сост. и коммент. А.Н.Николюкина. – М.: Республика, 2004. – С. 354–434.

441. Миллионщикова Т.М. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. – Сер. 7. – Литературоведение. – М., 2004. – № 1. – С. 104–109.

442. *Реф.* Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. – 2-е изд., испр. и расшир. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2002. – 686 с.

443. Миллионщикова Т.М. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. – Сер. 7. – Литературоведение. – М., 2004. – № 4. – С. 91–96.

444. *Реф.* Н.В. Гоголь и мировая культура: Вторые Гоголевские чтения: Сборник докл. – М.: Книжный дом «Университет», 2003. – 248 с.

445. Моисеева Л.П. Страницы истории русской литературы. Пушкин – Лермонтов – Гоголь: Учебное пособие. – М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2004. – 269 с.

Глава VIII: Поэма о «человеческой бедности»: С. 194–268.

446. Моисеенко Л. Образная функция цвета и света в произведениях Н.В.Гоголя (некоторые наблюдения) // Свет и цвет в славянских языках /Edited by Kbroly Gadбnyi. – Melbourne: Academia Press, 2004. – С. 151–170.

447. Моисеев П.А. Особенности перевода произведений русской литературы на французский язык на примере произведений Н.В. Гоголя // Исследования в области французского языка и французской культуры. – М., 2004. – С. 201–206.

448. Моисеева Л.П. Страницы истории русской литературы: Пушкин – Лермонтов – Гоголь: Учебное пособие. – М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2004. – 268 с. – (Сер.: Как стать студентом).

449. Моисеенко Л.Н. О цветовых неологизмах Гоголя // Свет и цвет в славянских языках /Edited by Kbroly Gadбnyi. – Melbourne: Academia Press, 2004. – С. 171–177.

450. Молин Ю. Болезнь Гоголя называлась Россия... // Вестник Александро-Невской лавры. – СПб., 2004. – № 3 (7). – С. 2, 8–9.

451. Монахова И. Примеры отражения религиозного мистического опыта в литературе // Уровень. – М., 2004. – № 2. – С. 1–7.

[О Гоголе: С. 1]

452. Мордовцева Т.В. Отечественный колорит ликов Танатоса: на перекрестке культуры и знания // ОНС: Общественные науки и современность. – М., 2004. – № 5. – С. 165–176.

Проблема жизни и смерти в истории русской культуры и литературы (Чехов, Гоголь, Платонов).

453. Москалев А. Тайна Гоголя. 195 лет назад родился гениальный русский писатель // Парламентская газета. – М., 2004. – 6 апреля.

454. Моторин А.В. Фаворская радость святого Серафима Саровского и светлый смех Гоголя // Преподобный Серафим Саровский и русская литература. – М., 2004. – С. 45–56.

455. Мочульский К.В. Духовный путь Гоголя /Сост. И.Ф. Владимиров. – М.: Издательский дом «Наш дом – L'Age d'Homme», 2004. – 160 с. – (Гоголевская б-ка).

Мочульский К.В. Духовный путь Гоголя: С. 5–130.

Именной указатель: С. 131–138.

Приложение:

Мочульский В.Н., проф. «Авторская исповедь» Н.В. Гоголя: С. 139–154.

Владимиров И: Об авторе: С. 155–158.

456. Мусафирова О. На «Сорочинской ярмарке» есть все – даже негры с крокодилами! Под Киевом снимают очередной новогодний мюзикл // Комсомольская правда. – М., 2004. – 20 июля.

457. Наумова О. Запрещенный Гоголь // Новый Акрополь. – М., 2004. – № 2. – С. 34–58.

458. Нгуен Бао Кхань. Наименования предметов туалета в качестве художественно-образительной детали (в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души») // Лингвистика и поэтика. Сборник научных трудов. – М., 2004. – С. 150–154.

459. Некрасов А.С. Повторная номинация как средство создания символа в структуре художественного текста: На материале повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» // Проблемы русского языка и методики его преподавания. – Балашов, 2004. – Вып. 2. – С. 49–52.

460. Немировский Е.Л. Иллюстрированные издания «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // Компьюарт. Журнал для полиграфистов и издателей. – М., 2004. – № 1. – С. 64–69 (Продолжение следует).

461. Нечипоренко Юрий. Рынок по Гоголю (отрывки) // Орфей: Литературно-эзетерический альманах. – 2004. – № 2. – С. 184–185.

462. Никифорова С.А. Изучение повести Н.В. Гоголя «Шинель». IX класс // Литература в школе. – М., 2004. – № 4. – С. 33–35.

463. Николаева С.Ю. Пасхальный текст в русской литературе XIX века: Монография. – М.; Ярославль: Литера, 2004. – 360 с.

464. Новикова Е. «Маменька» из Диканьки. Гоголь с Пушкиным сошлись // Культура. – М., 2004. – 22–28 апреля.

[Четвертые Гоголевские чтения «Гоголь и Пушкин». Спектакль «Маменька» Московского музыкального театра «Экспромт».]

465. Ищук-Фадеева Н.И. «Все» и «всё» у Н.В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки») // Гротеск в литературе: Материалы конференции к 75-летию профессора Ю.В. Манна. – М., Тверь, 2004. – С. 37–41.

466. Овечкин С. Гротеск в нарративной структуре цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Гротеск в литературе: Ма-

териалы конференции к 75-летию профессора Ю.В. Манна. – М., Тверь, 2004. – С. 3–36.

467. Ордина О.Е. Гоголь: смысл жизни и творчества в зеркале ценностей православной традиции // Научные труды Вятского социально-экономического института. – Киров, 2004. – Вып. 3. – С. 126–134.

468. Орлова И.А. Цветовая палитра в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Русская речь. – М., 2004. – № 6. – С. 13–18.

469. Осокина И. «Не собирайте сокровищ на земле...» «Портрет» Н.В. Гоголя. IX класс // Литература в школе. – М., 2004. – № 4. – С. 41–43.

470. Паперный В.В. О творчестве позднего Гоголя // Лотмановский сборник. – М., 2004. – № 3. – С. 305–326.

471. Пахаренко В. Два пути к украинскому Иерусалиму // Вопросы лит. – М., 2004. – Вып. 6. – С. 330–340.

Рец. на кн.: Барабаш Ю. «Коли забуду тебе, Єрусалиме...». Гоголь і Шевченко. Порівняльно-типологічні студії. – Харків, 2001.

[Русскоязычная версия книги («Если я забуду тебя, Иерусалим...»). Гоголь и Шевченко. Сравнительно-типологические опыты») вышла в Харькове в 2003 г.]

472. Петров А.В. Сюжет преобразования идиллии в творчестве раннего Гоголя // Феномен русской классики. – Томск, 2004. – С. 171–181.

473. Петрова Л.М. «Постоялый двор» И.С. Тургенева (к проблеме: Тургенев и Гоголь) // Творчество писателей-орловцев в истории мировой литературы: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения К.Д. Муратовой. 21–25 сентября 2004 года. – Орел, 2004. – С. 141–148.

474. Петрова А.Л. Пространство «свое» и «чужое» в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Слово в тексте, словаре и культуре. – Калининград, 2004. – С. 209–219.

475. Петрушина М.В. Реализация модальности неодобрения в художественной речи Н.В. Гоголя // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства художественной образности и их стилистическое использование в тексте. – М., 2004. – С. 99–111.

476. Примак И.В. Гоголевская традиция в романе Андрея Белого «Петербург» // IX Научная конференция молодых ученых, аспирантов и студентов (г. Саранск, 19–24 апреля 2004 г.). – Саранск, 2004. – С. 73–76.

477. Произведения Н.В. Гоголя и литература о нем: Библиографический указатель. (1992–2001) /Московская гор. б-ка «Дом

Гоголя»; Сост. Викулова В.П., Савченкова Н.Ф. – М.: ФАИР ПРЕСС, 2004. – 255 с.

478. Радомская Т.И. К истории герменевтики «Мертвых душ» Н.В. Гоголя: Свт. Игнатий (Брянчанинов) о своеобразии творческого мира писателя // Актуальные проблемы изучения литературы в вузе и школе: Материалы Всероссийской конференции и XXIX Зональной конференции литературоведов Поволжья. – Тольятти, 2004. – Т. 1. – С. 112–120.

479. Радомская Т.И. Обретение Отчества: Русская словесность первой половины XIX века (А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь). – М.: Совпадение, 2004. – 655 с.

480. Разумихин А. «Мертвые души»: Опыт современного прочтения // Литература. – М., 2004. – № 13.

481. Ранкур-Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ / Пер. с англ. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2004. – 1017 с. – (Русская поганная литература)

Прототип гоголевского Вия / Пер. Ю.С. Евтушенкова: С. 60–85.

Гоголевский смех и группа Бахтина: С. 86–95.

Истолкование сна Шпюньки / Пер. Н.В. Николаева: С. 193–209.

482. Рассовская Л.П. Изображение человека в художественных произведениях Пушкина и Гоголя: диалоги и дискуссии / Самарский гос. ун-т. – Самара: Самарский ун-т, 2004. – 198 с.

483. Репин Л. Какие рукописи сжег Гоголь, осталось загадкой // Комсомольская правда. – М., 2004. – 7 июня.

484. Русская культура. С древнейших времен до наших дней. – М.: Белый город, 2004. – 736 с.: ил.

О Гоголе: С. 366–371.

485. Руцкая Г.С.: Берсенева Т.С. Поэтика экстрасенсорных явлений в произведениях Э.Т.А. Гофмана и Н.В. Гоголя // Традиции и взаимодействия в мировой литературе. – Пермь, 2004. – С. 44–49.

486. Рюпина С.В. Власть вещи в повести Гоголя «Шинель». Признаки властности в пространстве гоголевских произведений // Филологические этюды: Сборник научных статей молодых ученых. – Саратов, 2004. – Вып. 7. – Ч. 1–2. – С. 27–31.

487. Саатчян Г.Р. Ильф и Петров в гоголевской шинели: заметки читателя-источниковеда // Народ и власть: исторические источники и методы исследования. – М., 2004. – С. 311–314.

[Гоголевские истоки образа Остапа Бендера в диалогах И. Ильфа и Е. Петрова.]

488. Самородницкая Екатерина. Гоголь post mortem: Проблема посмертной репутации писателя // Новое лит. обозрение. – М., 2004. – № 68 (4). – С. 297–303.

Рец. на кн.: *Moeller-Sally S. Gogol's afterlife: The evolution of a classic in imperial and Soviet Russia.* – Evanston, Illinois NorthWestern University Press, 2002. – (*Studies in Russian literature and theory*) – 214 p.

489. Самородницкая Е. Рец. // Вопросы лит. – М., 2004. – Вып. 2. – С. 360–361.

Рец. на кн.: *Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст.* – 2-е изд., испр. и расшир. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2002. – 686 с.

490. Сатарова Л.Г. М.А. Шолохов и Н.В. Гоголь: духовные истоки прозы о казачестве // Шолоховские чтения: Сборник научных трудов. – М., 2004. – Вып. 4. – С. 85–90.

491. Сафронов А.В. Абсурд, которого не может не быть // Вестник Международного ин-та А. Богданова. – М., 2004. – № 4. – С. 63–79.

[*Системный подход А.А. Богданова в анализе творчества Гоголя.*]

492. Сахаров В.И. Романтизм в России: эпоха, школы, стили. Очерки. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 256 с.

Пророки романтизма. Гоголь и Шатобриан: С. 232–237.

«Винючник многих прекрасных минут в моей жизни». В.А. Жуковский и Гоголь: С. 238–250.

493. Сахаров В. Потемкин и запорожцы у Гоголя. Исторический комментарий // Сахаров В. Русское масонство в портретах. – М.: ООО «АиФ Принт», 2004. – С. 137–142.

494. Сацкая С.И. Опыт лингвокультурологического описания соборности в логико-синтаксической организации сложно-подчиненных предложений текста поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Современная филология в международном пространстве языка и культуры. – Астрахань, 2004. – С. 76–78.

495. Семеницкая О.В. «Мертвые души» Гоголя в драматургии XX века // Художественный текст и текст в массовых коммуникациях. – Смоленск, 2004. – Ч. 2. – С. 109–120.

[*Об инсценировке «Мертвых душ» М.А. Булгаковым и пьесе Н. Сидур «Брат Чичиков».*]

496. Серман И.З. Гоголь и Блез Паскаль // Русская литература. – СПб., 2004. – № 2. – С. 162–168.

497. Сивкова А.В. К вопросу о «несходстве» текстов раннего и позднего Гоголя: Словесная репрезентация мотива дороги // Функционирование лексических единиц и грамматических категорий в русском языке. – Калининград, 2004. – С. 113–119.

[На материале «Ночи перед Рождеством» и поэмы «Мертвые души».]

498. Ситковский Г. В тени Шинели. Марина Неелова сыграла Башмачкина // Газета. – М., 2004. – 6 октября.

499. Смирнов К. У Гоголя нет московской прописки. В столице до сих пор не открыт дом-музей великого писателя // Новая газета. – М., 2004. – 19–21 апреля.

Публ. выступление историка Сигурда Шмидта на Четвертых Гоголевских чтениях в Москве.

500. Смирнова-Россет А.О. Записки /Сост. О. Смирновой. – М.: Захаров, 2003. – 528 с. – (Сер. Биографии и мемуары).

501. Соснов А. Страницей Гоголя ложится Невский. Новый литературный конкурс в Петербурге // Литературная газета. – М., 2004. – 26 мая – 1 июня.

502. Сохряков Ю. Гоголь как мыслитель и публицист // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русская литература /Гл. ред., сост. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2004. – С. 258–260.

503. Сохряков Ю.И. И.А. Ильин – религиозный мыслитель и литературный критик. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 252 с.

504. Скатов Н. Русская литература в первой половине XIX века // Литература в школе. – М., 2004. – № 1. – С. 2–5.

505. Словарь афоризмов русских писателей /А.В. Королькова, А.Г. Ломов, А.Н. Тихонов. – М.: Русский язык – Медиа, 2004. – XX, 636 с.

Гоголь Николай Васильевич: С. 98–108.

506. Смирнова И.А. А.О. Смирнова-Россет в русской культуре XIX века /Российский гос. гуманитарный ун-т – М., 2004 – 556 с.

507. Соломонов А. Хуже, чем одиночество. Марина Неелова играет Башмачкина // Известия. – М., 2004. – 6 октября.

508. Споров Б. Биограф или интерпретатор? // Москва. – М., 2004. – № 2. – С. 213–216.

Рец. на кн.: Кулиш П.А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем /Вступ. статья и коммент. И.А. Виноградова. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 704 с.

509. Степанов А.В. Н.В. Гоголь: лексикографические интересы писателя // Русский язык в школе. – М., 2004. – № 2. – С. 48 – 51.

510. Степанова Т.М. Борис Зайцев о Николае Гоголе: (Восприятие сквозь призму детства // Мировая словесность для детей и о детях. – М., 2004. – Ч. 1. – Вып. 9. – С. 196–203.

511. Сугай Л.А. Лекции Брюсова о русской литературе XIX века // Брюсовские чтения 2002 года /Ереванский гос. лингвистический ун-т им. В.Я. Брюсова. – Ереван: Лингва, 2004. – С. 366–385.

Лекция 5: Эпоха Гоголя: С. 372–379.

512. Сугай Л.А. Гоголь в жизни и творчестве символистов. Летопись событий // Русский символизм и мировая культура: Сборник научных трудов. – Вып. 2. – М., 2004. – С. 156–230.

513. Сугай Л.А. Гоголь в жизни и творчестве символистов: Летопись событий. (Летопись) // Русский символизм и мировая культура: Сб. науч. тр. / Под ред. Л.А. Сугай. – М.: Инженер, 2004. – Вып. 2. – С. 113–166.

514. Таланты и поклонники. В Мариинке скрестили Гоголя с Достоевским // Новые известия. – 2004. – 12 апреля.

[О постановке в Мариинском театре оперы Д. Шостаковича «Нос».]

515. Тальберг Н.Д. Гоголь – глашатай Святой Руси (Ответ клеветникам подлинной России) // Тальберг Н.Д. О вере, Царе и Отечестве. От Крещения Руси до клятвопреступного бунта. – Кн. 1. – М.: Правило веры, 2004. – С. 578–597.

Впервые: Великий Россиянин. Сборник статей, посвященных памяти Н.В. Гоголя (1852–1952). – Буэнос-Айрес, 1952. – С. 54–66.

516. Таумов И.Д. Пушкин и Гоголь: к вопросу о пародическом использовании в драме // Смех в литературе: семантика, аксиология, полифункциональность: Материалы межвузовской конференции. – Самара, 2004. – С. 39–46.

517. Таумов И.Д. О влиянии трагедий Пушкина на комедии Гоголя // Актуальные проблемы изучения и преподавания филологических дисциплин: Литературоведение: Материалы межвузовской научно-практической конференции (май 2003). – Самара, 2004.

518. Тимофеева И.Ф. Проблемы переводной множественности: повесть Н.В. Гоголя «Шинель» в Италии // Русская литература и внелитературная реальность. Историко-литературный сборник. Материалы «Герценовских чтений» 2003 г. – СПб., 2004. – С. 60–63.

519. Тихонова В.В. Образ степи как семантическая составляющая концепта «пространство» // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства художественной образности и их стилистическое использование в тексте. – М., 2004. – С. 147–149.

[*Образ степи в повести «Тарас Бульба».*]

520. Трофимова И.В. Повесть Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала»: притча о «мертвой душе» // Русский язык и литература как отражение национально-культурного развития. – СПб., 2004.

521. Трофимова И.В. Повесть Н.В. Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»: феномен главного героя // Русское слово. – СПб., 2004. – № 5. – С. 189–191.

522. Труайя Анри. Николай Гоголь / Пер. с фр. Кадыргулова Ш. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 640 с.: ил. – (Русские биографии).

[*Пер. Ш. Кадыргулова.*]

523. Тулякова Е.И. Философия природы Н.В. Гоголя в 1832–1835 гг. (на материале статей, писем, отрывков, исторических материалов) // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики: Сборник трудов молодых ученых. – Томск: Изд-во ТГУ, 2004. – Вып. 5. – Ч. 1: Литературоведение – С. 166–169.

524. Успенский Б.А. Время в гоголевском «Носе»: («Нос» глазами этнографа) // Успенский Б.А. Историко-философские очерки. – М., 2004. – С. 49–68.

525. Уртминцева М.Г. «Энкомион» И.С. Тургенева о Гоголе (К проблеме античных источников жанра) // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. – Сер. Филология. – Н.Новгород, 2004. – Вып. 1. – С. 17–24.

[*Традиции античного биографического повествования в форме энкомиона (гражданской надгробной речи) в мемуарном очерке И.С. Тургенева «Гоголь».*]

526. Фаустова Т.С. Текстовая реализация лексемы «душа» в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Текст: семантика, форма, функция: Материалы Межвузовской научно-практической конференции, 6–7 октября 2004 г. – Тамбов, 2004. – С. 288–291.

527. Федулова О.В. Мифологическое пространство в произведениях Н.В. Гоголя и В. Ирвинга // Слово. Сборник научных трудов студентов и аспирантов. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2004. – Вып. 2. – С. 50–57.

528. Федулова О.В. Мотив вещего сна в произведениях Гоголя и Ирвинга // Мир романтизма: Материалы международной науч-

ной конференции «Мир романтизма» (XII Гуляевских чтений). – Тверь, 2004. – С. 213–218.

529. Федулова О.В. Новелла В.Ирвинга «Адалантадо семи городов» и ее религиозно-философские истоки // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: Материалы Тверской межвузовской конференции ученых филологов и школьных учителей. – Тверь, 2004. – С. 368–373.

530. Харчевников В.И. Сергей Есенин читает Н.В. Гоголя // Азия в Европе: взаимодействие цивилизаций. – Элиста, 2005. – Ч. 1. – С. 192–202.

[«Мертвые души» в творческом сознании С.А. Есенина.]

531. Хомук Н.В. Отношения «Я – Другой» как миромоделирующий фактор «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // Феномен русской классики. – Томск, 2004. – С. 188–198.

532. Церяк М. Проблемы онтологизма изображения зла в эстетическом мировоззрении Гоголя // *Dissertationes Slavicae. Материалы и сообщения по славяноведению. Studies in Slavic Philology Slavistische Mitteilungen/ Sectio Historiae litterarum* – XXIII. – Szeged, 2004. – С. 103–112.

533. Черная Т.К. Русская литература XIX века (ч. 1). Поэтика художественно-индивидуальных систем в литературном процессе. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. – 624 с.

Глава IV. Н.В. Гоголь. Синтетизм самодвижущейся художественной системы и дидактической авторской позиции: С. 417–581.

534. Черная Т.К. Три основополагающие художественные концепции у истоков русской классической литературы // Вестник Ставропольского гос. ун-та. – Ставрополь, 2004. – Вып. 39. – С. 114–123.

[«Евгений Онегин» А.С. Пушкина, «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, «Мертвые души» в истории русской культуры.]

535. Черная Т.К. Внутренний закон моделирования жизни в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Филология, журналистика, культурология в парадигме современного научного знания. – Ставрополь, 2004. – Ч. 1. – С. 110–117.

536. Чижова И.Б. Чистейшей прелести чистейший образец. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2004. – 608 с.: ил.

[Гоголь и А.О. Смирнова: С. 565, 573–582.]

537. Чухлиб Т. Тарас Бульба – предок Гоголя? // Родина. – М., 2004. – № 5. – С. 27–29.

538. Цветков В., протоиерей. Святитель Игнатий (Брянчанинов) и русские литераторы // Православие и русская литература. – Арзамас, 2004. – С. 322–328.

539. Шабаршина В.В. Гоголь и Мережковский (по материалам работы Д.С. Мережковского «Гоголь и черт») // Русское литературоведение в новом тысячелетии. – М., 2004.

540. Шевергина В.В. Персонажи несказочной прозы в повести Н.В. Гоголя «Вий» // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. – М., 2004. – С. 267–273.

541. Щербакова Т. Неизвестный автограф В.Я. Брюсова // Дальний Восток. – Хабаровск, 2004. – № 6. – С. 204–205.

[Об экземпляре книги В.Я. Брюсова «Испепеленный: К характеристике Гоголя» (М., 1909), подаренной академику Ф.Е. Коршу (фонд Дальневосточной гос. научной библиотеки).]

542. Шама И.Н. Символика женских портретов в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя: оригинал и перевод // Университетское переводоведение. – СПб., 2004. – Вып. 5. – С. 365–375.

[Символика женских образов в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и их англоязычной версии.]

543. Шаргунов А. Прочное дело жизни // Русский Дом. – М., 2004. – № 4. – С. 19–19.

544. Шахова Л. Сближение отдалённых реальностей: Художественные характеры Гобсека и Плюшкина на уроке литературы // Литература. – М., 2004. – № 35.

545. Шевырев С.П. Об отечественной словесности /Сост., вступ. статья коммент. В.М. Марковича. – М.: Высшая школа, 2004. – 304 с. – (Классика литературной науки).

Миргород. Повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя: С. 101–109.

Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н.В. Гоголя. Статья вторая: С. 181–203.

546. Шевцов В. Не дает ответа!.. Ад, чистилище и невидимый рай русской жизни // Независимая газета. – М., 2004. – 29 января.

[О Гоголе и его поэме «Мертвые души».]

547. Шимадина М. Психиатрический романс. «Записки сумасшедшего» в «Мастерской Петра Фоменко» // Коммерсантъ. – М., 2004. – 17 сентября.

[Моноспектакль Анатолия Горячева «Он был титулярный советник» (по повести Гоголя «Записки сумасшедшего»).]

548. Шипов Я.А., священник. Православие: словарь школьника. – М.: ООО «Изд-во РОСМЕН-ПРЕСС», 2004.

549. Штейн М.Г. Об оказании Николаем I материальной помощи семье А.С. Пушкина и Н.В. Гоголю // Клио. – СПб., 2004. – № 3. – С. 42–44.

[В статье публикуются письма Н.Н. Пушкиной к Николаю I от 1 февраля 1837 года и Н.В. Гоголя от 18 апреля 1837 года.]

550. Щерблякин И.П. Об одной распространенной ошибке в толковании поэмы Н.В. Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» // Литература в школе. – М., 2004. – № 4. – С. 6–9.

551. Яковлева А. В поисках живых душ. Из какой «Шинели» мы выходим // Литературная газета. – М., 2004. – 1 – 7 декабря. – № 48. – С. 9.

[О замысле многосерийного фильма о Гоголе на телеканале «Культура».]

552. Янушкевич А.С. Стилистические мифологемы Гоголя в пространстве русской литературы 1920 – 30-х годов // Текст. Поэтика. Стил: Книга, посвященная юбилею В.В. Эйдиновой. – Екатеринбург, 2004. – С. 88–110.

553. Czerjбk M. Проблемы неполноты бытия в повести Гоголя «Шинель» // Slavica. – Debrecen, 2004. – № 33. – С. 161–169.

[Проблематика повести в свете религиозно-философского учения Г. Сковороды.]

2005

Произведения Н.В.Гоголя

554. Ваш Гоголь. Собрание сочинений: повести, комедии, поэма. Хроника жизни и творчества / Сост. Н.Н. Скатов, В.А. Воропаев; Вступ. статья Н.Н. Скатова, Хроника жизни и творчества, примеч., именной указатель В.А. Воропаева. – М.: Издательский Центр «Классика», 2005. – 640 с.: ил.

Загл. вступ. статьи: «...Человек и гражданин земли своей»: С. 16–17.

Хроника жизни и творчества Н.В. Гоголя: С. 581–605.

Комментированный именной указатель: С. 608–613.

Примеч.: С. 614–636.

555. Вечер накануне Ивана Купала. Пропавшая грамота / Худ. В.Т. Чапля. – М.: Белый город, 2005. – 48 с.

556. Вечера на хуторе близ Диканьки /Ил. Д.А. Соложева. – М.: Олимпия Пресс, 2005. – 224 с.: ил.
Ошанины Н. и В.: О Данииле Соложеве: С. 5–8.
Примеч.: С. 215–222.
557. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород: повести. – М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. – 444, [4] с. – (Книга на все времена).
558. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород: повести. – М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. – 444, [4] с. – (Мировая классика).
559. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород: Повести. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2005.– 544 с. – (Русская классика).
560. Выбранные места из переписки с друзьями / Вступ. статья Е.И. Анненковой, коммент. С.О. Шведовой. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 320 с.
Загл. вступ. статьи: Исповедь и проповедь Гоголя: С. 5–36.
Коммент.: С. 272–316.
561. Избранные произведения: В 2 т. /Вступ. статья А. Пыпина. Коммент. О. Дорофеева. – М.: Издательский дом Родионова. Литература, 2005. – (Сер. Классика в школе).
Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород; Повести. – 512 с.
Загл. вступ. статьи: Николай Васильевич Гоголь (1809–1852): С. 5–20.
Коммент.: С. 486–510.
Т. 2. Повести; Ревизор, Женитьба: Комедии; Мертвые души: Поэма. – 496 с.
Коммент.: С. 472–494.
562. Майская ночь, или Утопленница. Рассказы и повести. – М.: Профиздат, 2005. – 416 с.
563. Мертвые души / Вступ. статья и коммент. Л.В. Беловинского; ил. Т.Ю. Хрычевой. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2005. – 416 с.: ил. – («Энциклопедия русской жизни»).
Предисл.: С. 5–17.
Коммент. в тексте.
564. Мертвые души. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 235, [5] с. – (Школьная хрестоматия).
Воропаев В.: Коммент.: С. 201–228.
Краткая летопись издания поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»: С. 229–230.

Темы сочинений и рефератов по поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»: С. 231.

Тезисные планы сочинений: С. 232–233.

565. Мертвые души: поэма. Ревизор: комедия. Повести / Ил. Д. Алексеева. – М.: АСТ, 2005. – 974, [2] с. – (Книжная полка).

566. Мертвые души. – М.: Айрис, 2005. – 400 с. – (Сер. Б-ка школьника).

567. Мертвые души: поэма. – М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. – 413 [3] с. – (Книга на все времена).

568. «Мертвые души»: Основное содержание. Анализ текста. Литературная критика. Сочинения / Авт.-сост. И.Р. Ольгин. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2005. – 124, [4] с. – (Школьная классика).

569. Мертвые души. Иллюстрированное энциклопедическое издание / Под ред. В.П. Бутромеева, В.В. Бутромеева, Н.В. Бутромеевой. – М.: БЕЛЫЙ ГОРОД, 2005. – 608 с.; ил. – (Большая иллюстрированная б-ка классики).

Бутромеев В.П. Предисловие: С. 5.

Приложения:

Том 2. Позднейшая редакция: С. 454–491.

Глава четвертая: С. 491–500.

Одна из последних глав: С. 500–516.

Повесть о капитане Копейкине (Редакция, разрешенная цензурой): С. 517–520.

Заметки к первой части: С. 521–522.

Предисловие ко второму изданию первого тома «Мертвых души»: С. 523–524.

Предисловие Н.П. Трушковского к первому изданию второго тома «Мертвых души»: С. 525–526.

Молитвы о создании «Мертвых души»: С. 527–528.

«Мертвые души» в кино: С. 529–531.

Хронология жизни и творчества Н.В. Гоголя: С. 532–535.

География жизненного пути Н.В. Гоголя: С. 536.

Пытин А.Н. Н.В. Гоголь: С. 537–540.

Аксаков К.С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвых души»: С. 541–545.

Полевой Н.А. «Похождения Чичикова, или Мертвые души».

Поэма Н.В. Гоголя: С. 546–554.

Коммент.: С. 555–583.

570. Мертвые души. Подробный комментарий, учебный материал, интерпретации / Сост., примеч., учеб. материал Е.А. Яков-

левой. – М.: Айрис-пресс, 2005 – 400 с. – (Русская литература. Произведения школьной программы).

<Приложение:>

Эпоха:

Лента времени. Жизнь и творчество Н.В. Гоголя: С. 228–239.

Необходимые комментарии к афере Чичикова: С. 240–243.

История закрепощения крестьянства: С. 244–247.

Из истории русского дворянства: С. 248–250.

Ключевский В.О. Рост бюрократии в царствование Николая I: С. 251–252.

Интерпретации:

Аксаков К.С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души»: С. 254–257.

Аксаков И.С. Несколько слов о Гоголе: С. 258–259.

Зеньковский В.В. Гоголь: С. 260–265.

Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Глава 6. «Мертвые души»: С. 266–319.

Манн Ю.В. Вариации к теме: С. 320–338.

Лотман Ю.М. Пушкин и «Повесть о капитане Копейкине». К истории замысла и композиции «Мертвых душ»: С. 339–347.

Соловьева В.С. «Евгений Онегин» в зеркале «Мертвых душ» (сопоставительный анализ на основе перифраз): С. 348–350.

Учебный материал: С. 352–394.

571. Неопубликованные страницы «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя / Подготовка текста Ю. Балакшиной, С. Шведовой; вступ. статья Ю. Балакшиной // Вопросы литературы. – М., 2005. – № 6. – С. 204–213.

572. Петербургские повести: Основное содержание. Анализ текста. Литературная критика. Сочинения / Авт.-сост. И.Р. Ольгин. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 126, [2] с. – (Школьная классика).

573. Повести. Мертвые души: Поэма. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2005. – 512 с. – (Русская классика).

574. Русская литература XIX века. 1840–1860-е годы. Воспоминания. Литературно-критические статьи, письма: Учебное пособие / Под ред. В.Н. Аношкиной, В.П. Зверева, Р.П. Певцовой. – М.: Высшая школа, 2005. – 623 с.

Н.В. Гоголь о К.С. Аксакове: С. 179–182.

575. Русские писатели о евреях / Сост. В.Н. Афанасьев. – М.: Книга, 2005. – 448 с.

Николай Гоголь. Тарас Бульба. Главы из повести: С. 36–49.

576. Старосветские помещики: Повести / Вступ. статья В. Гуминского; Коммент. В. Воропаева; Рис. А. Симанчука. – М.: Дет. лит., 2005. – 172 с.: ил. – (Школьная б-ка).

Загл. вступ. статьи: Гоголь и четыре урока «Миргорода»: С. 5–14.

Коммент.: С. 151–171.

577. Тарас Бульба. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 2005. – 142 [2] с. – (Б-ка школьника).

578. Тарас Бульба: Повесть / Вступ. статья В. Воропаева; Коммент. И. Виноградова; Худож. Е.А. Кибрик. – М.: Дет. лит., 2005. – 188 с.: ил. – (Школьная б-ка).

Загл. вступ. статьи: Гражданин земли Русской: С. 5–12.

Коммент.: С. 167–188.

Художественная и критико-биографическая литература

579. А поворотись-ка, сынку!: «Тарас Бульба» с Хоффманом и Плисецкой // Отдохни. – 2005. – № 49. – С. 3.

[О планах экранизации повести «Тарас Бульба» на студии «Ритм».]

580. Александрина М. И слову жизнь дана // Тверская, 13. – М., 2005. – 2 апреля.

[О работе V Международной научной конференции «Гоголь и русское зарубежье».]

581. Александров Ю. Вид сбоку // Литературная газета. – М., 2005. – 27 июля–2 августа.

[Беседа со скульптором Александром Смирновым, автором скульптурного портрета Гоголя.]

582. Александрова Т.А. Д.С. Мережковский – биограф Н.В. Гоголя // Наукові записки Харківського державного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди. – Харьков: ХГПУ, 2005. – Вып. 1(39). – С.79–86.

583. Алпатова И. Подруга жизни. «Шинель» Н.В. Гоголя в театре «Современник» // Современная драматургия. – М., 2005. – № 1. – С. 169–170.

584. Анженкова Е. Гоголь до суда доведет // Культура. – М., 2005. – 7–13 апреля.

[О спектакле Валерия Фокина «Ревизор».]

585. Анненкова Е. Побудили задуматься над тайной гоголевского творчества [Анкета «Гоголезнавчих студій»] // Новые гоголеведческие студии. – Симферополь, 2005. – Вып. 2. – С. 219–221.

586. Анохин Д. Третий Гоголь – лишний // Вечерняя Москва. – М., 2005. – 14 июля.

[Беседа с председателем Комиссии по монументальному искусству при Мосгордуме С.Г. Петровым.]

587. Аристов Н. Иноземное влияние в России, изображенное Гоголем в его сочинениях // Новый Век. – 2005. – № 2. – С. 14–15.

588. Астафьев А. В очередь, Гоголь, в очередь!: Исторические апокрифы от И.Е. Супова, графа по матери // Литературная газета. – М., 2005. – 30 апреля–5 мая.

589. Балдина Е. Музыка в художественном мышлении Гоголя // Новые гоголеведческие студии. – Симферополь, 2005. – Вып. 2. – С. 124–130.

590. Балдина Е. Новая книга о Гоголе // Новые гоголеведческие студии. – Симферополь, 2005. – Вып. 2. – С. 214–216.

[Рец. на кн.: Воропаев В.А. Гоголь над страницами духовных книг: Научно-популярные очерки. – М.: Макариевский фонд, 2002.]

591. Балдина Е. Новый гоголевский сборник: традиции и перспективы // Новые гоголеведческие студии. – Симферополь, 2005. – Вып. 2. – С. 216–218.

Рец. на кн.: Гоголевский сборник. – СПб.; Самара: Изд-во СГПУ, 2003.]

592. Банзерук О.В. Синестетические метонимические эпитеты как репрезентанты образной картины мира Н.В. Гоголя // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. – Архангельск, 2005. – Вып. 2. – С. 457–459.

593. Барабаш Ю. От берега – к горизонту. Гоголь в литературном сознании украинского зарубежья // Вопросы литературы. – М., 2005. – Вып. 1. – С. 135–165.

594. Бархатов А. Гоголь по Моголю. Заметки о сериале Павла Лунгина «Дело о мертвых душах» // Литературная газета. – М., 2005. – 21–27 сентября. – № 38. – С. 10.

595. Беглов В.А. Эпопея в русской литературе. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2005. – 272 с. – (Классика жанра).

Глава первая: Эпопейные возможности действительности и их художественное воплощение в «Тарасе Бульбе» Гоголя: С. 32–64.

Глава вторая: Жанровый феномен «Мертвых душ» Н.В.Гоголя: С. 65–94.

596. Белова Л.А. Александра и Михаил. Последняя любовь Лермонтова. – М.: Профиздат, 2005. – 432 с, ил.

Амалия Крюдэнэр. Жуковский и Гоголь. Анна Тютчева: С. 178–189.

Гоголь. Самарин. И, как всегда, Лермонтов: С. 353–373.

597. Беспрозванный В., Пермяков Е. Из комментариев к первому тому «Мертвых душ» // Тартуские тетради /Сост. Р.Г. Лейбов. – М.: ОГИ, 2005. – С. 185–205.

К вопросу о датировке исторического времени первого тома поэмы: С. 185–192.

Архитектура провинциального города в «Мертвых душах»: С. 192–196.

Из построчного комментария к первому тому «Мертвых душ»: С. 196–205.

598. Бойко М.Н. Авторские миры в русской культуре первой половины XIX века. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. – 376 с.

Глава 7: Н.В. Гоголь: Художественная мистерия: С. 261–340.

Прекрасная вселенная: С. 262–272.

Дольнее этическое: С. 272–280.

Дольнее прозаическое: С. 281–290.

Амбивалентная женская сущность: С. 290–300.

Наедине с нечистью: С. 300–312.

Мистика общественной дисгармонии: С. 313–321.

Заурядный человек в десакрализованном мире: С. 322–340.

599. Большакова С.А. Как мы открывали Гоголя // Литература в школе. – М., 2005. – № 4. – С. 40–41.

600. Борисова И. Сюжет Вайскопфа // Параллели. – М., 2005. – № 6/7. – С. 435–438.

Рец. на кн.: Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. 2-изд., испр. и расшир. – М., 2004; Вайскопф М.Я. Птица-тройка и колесница души. Работы 1978–2003 годов. – М., 2003.

601. Ванденко А. Новиков В. (фото). Территория мертвых душ // Итоги. – М., 2005. – № 5. – С. 60–63.

[Беседа с режиссером Павлом Лунгиным, завершившим съемки восьмисерийного телефильма по «Мертвым душам».]

602. Ветчинкина Ю.В. Свои и чужие в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Подходы к изучению текста: Материалы Международной конференции студентов, аспирантов и

молодых преподавателей (Ижевск, 22–23 апреля 2005 г.). – Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2005. – С. 20–25.

603. Виноградов И. «Необыкновенный наставник» И.С. Орлай как прототип одного из героев второго тома «Мертвых душ» // Новые гоголеведческие студии. – Симферополь, 2005. – Вып. 2. – С. 14–55.

604. Виноградов И.А. Неизвестные автографы двух статей Н.В. Гоголя о Церкви и духовенстве. К истории издания «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. – Вып. 4. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 2005. – С. 219–245.

[Статьи Гоголя «Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве» и «О том же» в контексте цензурной истории «Выбранных мест из переписки с друзьями».]

605. Виноградов И.А. «Тарас Бульба» и юный Достоевский // Наш современник. – М., 2005. – № 8. – С. 249–256.

606. Виролайнен М. Страх и смех в эстетике Гоголя // Семиотика страха. Сборник статей. – М., 2005. – (Сер. Механизмы культуры). – С. 124–135.

607. Вишняков Владимир. Иногда и Москва верит слезам // Парламентская газета. – М., 2005. – 3 августа.

[О фильме В. Лонского «Голова классика».]

608. Вишняков В. Хлестаковы наверху, внизу – мертвые души // Парламентская газета. – М., 2005. – 8 сентября.

[О фильме Павла Лунгина «Дело о мертвых душах».]

609. Владимирова Т.Л. Рим в творческом сознании Н.В. Гоголя // Гоголь и время: Сборник статей. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. – С. 94–100.

610. Владимирова Т.Л. Римский текст в творчестве Н.В. Гоголя (на материале писем 1836–1841 гг.) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (22–23 апреля 2005 г.). – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. – Вып. 6. – Ч. 2: Литературоведение – С. 48–51.

611. Владимирова Т.Л., Уразаева Т.Т. Смысловые доминанты Петербургского и Римского текстов в творчестве Н.В.Гоголя // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Томск, 2005. – Ч. 2. – С. 48–58.

612. Воропаев В. Гоголь и Пушкин о государстве Российском // Десятина. – М., 2005. – № 1. – С. 5.
613. Воропаев В. Благодатная обитель. Гоголь в Оптиной // Православная беседа. – М., 2005. – № 1. – С. 52–55.
614. Воропаев В. Святой источник. Церковнославянский язык в творчестве Н.В. Гоголя // Наследник. Православный молодежный журнал. – М., 2005. – № 1. – С. 38–39.
615. Воропаев В. «Размышления о Божественной Литургии» Гоголя // Литературный Крым. – Симферополь. 2005. – 15 апреля. – № 12 – 14. – С. 4.
[Отрывок из кн.: Гоголь над страницами духовных книг. – М., 2002. Вступ. заметка Г. Когонашвили.]
616. Воропаев В. Под защитой угодника Божия: Диканьский образ Святителя Николая Чудотворца и его значение в жизни Гоголя // Новые гоголеведческие студии. – Симферополь, 2005. – Вып. 2. – С. 162–168.
617. Воропаев В. Помню, когда я готовился к поступлению в Московский университет и читал работы литературоведов о Гоголе... [Анкета «Гоголезнавчих студий»] // Новые гоголеведческие студии. – Симферополь, 2005. – Вып. 2. – С. 221–222.
618. Воропаев В. Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2001) // Новые гоголеведческие студии. – Симферополь, 2005. – Вып. 2. – С. 229–253.
619. Воропаев В. Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2002) // Новые гоголеведческие студии. – Симферополь, 2005. – Вып. 2. – С. 253–281.
620. Воропаев В.А. Кончина Гоголя. Некрологическая статья М.П. Погодина с пометами графа А.П. Толстого, С.П. Шевырева и А.С. Хомякова // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. – Вып. 4. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 2005. – С. 246–257.
621. Воропаев В.А. «...Этот необыкновенный лиризм...» О влиянии церковнославянского языка на творчество Н.В. Гоголя // Русская речь. – М., 2005. – № 4. (Июль – Август). – С. 11–14.
622. Воропаев В.А. Гоголь // Общественная мысль России XVIII–начала XX века: Энциклопедия. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. – С. 110–113.

623. Воропаев В. Окно в мир евангельских истин. Пословицы и притчи в поэме Гоголя «Мертвые души» // Виноград. Православный педагогический журнал. – 2005. – № 2 (11). – С. 60–65.

624. Воропаев В. Живой источник родного слова. Церковнославянский язык в творчестве Н.В. Гоголя // Десятина, М. 2005. – № 2 (101). – С. 4.

625. Воропаев В.А. Малоизвестная часть творческого наследия Н.В.Гоголя: Выписки из творений святых отцов и богослужебных книг // Научные доклады филологического факультета МГУ. – М., 2005. – Вып. 5. – С. 22–29.

626. Гафаров Р.М. Содержание «Старосветских помещиков» Н.В. Гоголя в свете проблемы традиций // Преемственность разных ступеней системы образования. – Мурманск, 2005. – Т. 3. – С. 56–60.

627. Глазырина Ю.А. Эстетическая реализация словообраза «мечта» (на материале петербургского цикла Н.В.Гоголя) // Актуальные проблемы развития гуманитарных наук. – Елец, 2005. – С. 12–15.

628. Гоголевский сборник. – Вып. 2 (4). – СПб., Самара: Изд-во СГПУ, 2005. – 360 с.

Содерж.:

От редактора: С. 5–6.

Статьи:

Друбек-Майер Н. Украинские рассказчики Гоголя: «маски» и «образы автора»: С. 7–22.

Овечкин С.В. Повести «Миргорода»: жанровая трансформация и неоднородность нарратива. Статья первая: С. 23–37.

Сурков Е.А. Русские контексты «Старосветских помещиков» Н.В. Гоголя: С. 38–50.

Денисов В.Д. Остап и Андрий в 1-й редакции повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»: С. 51–55.

Киселев В.С. Семиотическое пространство «Петербургских повестей» и «Портрет» Н.В. Гоголя: С. 56–66.

Самохина-Труве С. Функции сверхъестественного в повести Гоголя «Портрет»: С. 67–72.

Кривonos В.Ш. Портрет в «Портрете» Гоголя: С. 73–80.

Церяк М. Идейная проблематика кризиса творчества у Гоголя («Невский проспект»): С. 81–90.

Джулиани Р. (Рим, Италия) Imago urbis et genius loci в повести «Рим»: С. 91–101.

Строганов М.В. «Повести» Гоголя 1842 года и весенний христианский календарь: С. 102–113.

Рёмин М.А. Вещь в пьесах Гоголя: С. 114–122.

Падерина Е.Г. Истоки и структура мотива дело=карты в «Игроках» Гоголя: С. 123–140.

Шульц С.А. Жанровая традиция «диалогов мертвых» в поэме Гоголя «Мертвые души»: С. 141–147.

Анненкова Е.А. «Светлое воскресенье» Гоголя: тема и жанр: С. 148–160.

Лавочкина О.П. Мотив огня в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя: С. 161–168.

Видуирите И. Театральный код в «Размышлениях о Божественной Литургии» Н.В.Гоголя: С. 169–179.

Акимова Н.Н. Счастье или богатырство? Об одном полемическом отклике на поэму Гоголя «Мертвые души»: С. 180–199.

Зусева В.Б. Рецепция «Мертвых душ» в романе В.Набокова «Дар»: С. 200–216.

Савкина И. «Заплатить свой долг Гоголю» (Гоголевская традиция в творчестве современного финского писателя Кари Хотакайнена): С. 217–228.

Шолохова А.С. Трудности перевода (Повесть Н.В. Гоголя «Шинель» в английских и немецких переводах): С. 229–235.

Никанорова Ю.В. Сад Плюшкина в немецких переводах «Мертвых душ»: к проблеме интерпретации авторского замысла: С. 236–245.

Из наследия

А.В. Дружинин о Гоголе (Из неопубликованного) /Публ., вступ. заметка, примеч. Н.Б. Алдоиной: С. 246–254.

Сообщения и заметки

Ветчинкина Ю.В. Локус шинка в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя: С. 255–256.

Таумов И.Д. Собаки в комедиях Гоголя: С. 257–258.

Кулакова Т.А. О мотиве 'услужения' в поэме Гоголя «Мертвые души»: С. 259–260.

Рюпина С.В. Функции зоологизмов в поэме Гоголя «Мертвые души»: С. 261–263.

Поздняков К.С. Об особенностях фантастики у О.Сомова и Гоголя: С. 264–268.

Новик А.А. К теме «А. Белый и Гоголь»: С. 269–271.

Обзоры

Кривonos В.Ш. Поздний Гоголь в исследованиях первой русской эмиграции: С. 272–279.

Библиография

Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2001–2003). Сост. В.А. Воропаев: С. 280–342.

Список авторефератов диссертаций, посвященных творчеству Н.В. Гоголя (1945–2005) Сост. В.А. Воропаев: С. 343–359.

Содержание предыдущих «Гоголевских сборников» (1993, 1994 гг.): С. 360.

629. Гоголь и Общество любителей российской словесности / Сост. Р.Н. Клеймёнова. – М.: Academia, 2005. – 352 с.: 8 с. вклейка.

Содерж.:

От издательства: С. 5–6.

Первобытие

Пытин А.Н. Значение Гоголя в создании современного международного положения русской литературы: С. 7–21.

Трубецкой Е.Н. Гоголь и Россия: С. 22–32.

Брюсов В.Я. Испепелённый (К характеристике Гоголя): С. 32–55.

Грузинский А.Е. Речь на могиле Н.В.Гоголя 20 марта 1909 г.: С. 55–57.

Памятописец

Клеймёнова Р.Н. Н.В. Гоголь и становление русской литературы: С. 58–99.

Клеймёнова Р.Н. (сост.). Гоголевская тема на заседаниях Общества любителей российской словесности. Библиография: С. 99–153.

Новословие

Воропаев В.А. Николай Гоголь (Очерк жизни и творчества): С. 154–171.

Барабаш Н.А. Мистификация («Мертвые души» на сцене): С. 172–175.

Смирнов Алексей. Блестящий променад («Невский проспект») С. 176–210.

Золотусский И.П. Толстой читает «Выбранные места из переписки с друзьями»: С. 211–222.

Егоров Б.Ф. Булгаков и Гоголь (Тема борьбы со злом): С. 223–228.

Шуйская Ю.В. Риторическая аргументация в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: С. 229–240.

Виноградов В.В. *О работе Н.В. Гоголя над лексикографией и лексикологией русского языка* / Публ., вступ. статья и примеч. Ю.А. Бельчикова: С. 240–263.

Впервые: *Исследования по современному русскому языку*. – М., 1970.

Добродомов И.Г. *Ноздрёвское слово «фетюк» или «Фетюк»?:* С. 263–285.

Николенко Л.В., Нгуен Бао Кхань. *Предметы туалета как художественная деталь в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»:* С. 285–294.

Чумаков В.Т. *Н.В.Гоголь в Журнале Министерства Народного Просвещения:* С. 295–299.

Байданов В.Ф. *Болезнь и смерть Н.В. Гоголя:* С. 299–304.

Беленький Г.И. *О чем не говорят на уроках литературы (Повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» в современной школе):* С. 305–317.

Евдокимов О.В. *Кто же «вошёл» в гоголевскую «Шинель»? (Образ Акакия Акакиевича в свете личности И.Г. Ковалевского, будущего Христа-ради юродивого Ивана Босого):* С. 317–330.

Муссалитина Е.В. *Психологическое восприятие сочинений Н.В. Гоголя школьниками:* С. 330–333.

630. Гоголь и русская литературная культура: Сборник научных трудов. – Саратов: Научная книга, 2005. – Вып. 2. – 104 с.

Содерж.:

Вместо предисловия

Щербаков А.Б. *Метаморфозы слова и парадоксы мысли:* С. 3–9.

Миф: рефлексия – текст

Щербаков А.Б. *О «начале начал» (Постановка проблемы):* С. 10–13.

Болжунова Н.С. *Мотивы Дома и Дороги в повести Н.В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница»:* С. 13–22.

Кожеевникова С.Л. *Красно-черный колорит «Вечеров на хуторе близ Диканьки»:* С. 22–29.

Эстетика диалога: понимание – выражение

Тарасова И.А. *«Друг друга отражают зеркала...»: к проблеме взаимоотношения художественных миров Гоголя и Анненского:* С. 30–37.

Черногаев С.П. Н.Г. Чернышевский и В.В. Розанов в зеркале Н.В. Гоголя: С. 37–48.

Крошина В.А. В.В. Набоков в работе над биографией Гоголя: С. 48–57.

Щербаков А.Б. Первые «ученические опыты» Гоголя: С. 57–63.

Короткова С.Л. К проблеме сравнительного изучения качественно различных типов словесного творчества в русской литературе 1830-х годов: С. 63–67.

«Ревизор»: исследования и материалы

Прозоров В.В. Диалог Хлестакова с Пушкиным: С. 68–72.

Зорин А.Н. Кто держит паузу в сценах взяток в комедии «Ревизор» С. 72–77.

Короткова С.Л. Авторские дополнения к «Ревизору»: К истории творческих контактов Гоголя и Загоскина в 1840-е годы: С. 78–81.

Зорин А.Н. Почему Щепкин не хотел играть «Развязку» «Ревизора» Гоголя: С. 82–86.

Кормилицын А.А. Неопубликованный английский перевод комедии Гоголя «Ревизор»: С. 86–92.

Художественный прием как функция стиля

Музалевский М.Е. Циклический композиционный прием в «Мертвых душах»: С. 93–97.

Потапова Т.Ю. Художественная роль экспрессивных пунктуационных приемов в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»: С. 97–103.

631. Гоголь и Пушкин: Четвертые Гоголевские Чтения: Сборник докладов. – М.: Книжный дом «Университет», 2005. – 384 с.: ил.

Содерж.:

Summary. Аннотированное содержание на английском языке: С. 6–13.

Богатырев Е.А. [Вступ. слово]: С. 14.

Герасимов Е.В. [Вступ. слово]: С. 15.

Казарин В.П.: Украина и Россия: неразрывное духовное родство: С. 16–17.

Викулова В.П.: Несколько слов о конференции: С. 18–19.

Галин Г.А. О посмертном родстве А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя: С. 20–28.

Мир Пушкина и Гоголя:

Казарин В.П.: Украина и Россия – Гоголь и Пушкин: С. 30–39.

Фомичев С.А. Пушкинское у Гоголя. Гоголевское у Пушкина: С. 40–53.

Барабаш Ю.Я. «Пушкин» как текст в гоголевском контексте: С. 54–67.

Гусев В.А. Пушкинский и гоголевский миф: возникновение, развитие, трансформация: С. 68–77.

Анненкова Е.И. «Наука жизни» в художественном сознании Гоголя и литераторов пушкинского круга: С. 78–90.

Странно Дж. Сумасшедшие и мученики. Гоголь, Полевой, Пушкин: С. 91–99.

Есаулов И.А. Христианский реализм как художественный принцип Пушкина и Гоголя: С. 100–108.

Воропаев В.А. Пушкин и Гоголь о Государстве Российском: С. 109–120.

Бельтраме Ф. Пушкин и Гоголь: К проблеме художественного осмысления истории в «Медном всаднике», «Капитанской дочке» и «Шинели»: С. 121–132.

Гетман Л.И. Греки у Пушкина и Гоголя (абберрация дальности и близости): С. 133–138.

Гольденберг А.Х. Библейский контекст в поэтике Пушкина и Гоголя: С. 139–152.

Сапченко Л.А. Пушкинская и гоголевская оценки Карамзина: сходство и различие: С. 153–164.

Ищук-Фадеева Н.И. «Язык молчания» в драматургии Пушкина и Гоголя: С. 165–173.

Сугай Л.А. «Живая и мертвая вода»: Пушкин и Гоголь в трактовке символистов: С. 174–186.

Андрущенко Е.А. Пушкин и Гоголь в историософской концепции Д.С.Мережковского: С. 187–197.

Колганова А.А. Н.В.Гоголь и А.С.Пушкин в литературных римейках и сценических интерпретациях: С. 198–207.

Творчество Пушкина и Гоголя:

Тамарченко Н.Д. К проблеме «Пушкин и готическая традиция»: жанровый контекст «Пиковой дамы»: С. 208–221.

Михайлова Н.И. О возможных источниках эпизода с носом в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект»: С. 222–224.

Михед П.В. «Римская эпоха Гоголя...»: С. 225–241.

Пушкинское у Гоголя. Гоголевское у Пушкина:

Дмитриева Е.Е. Почему Гоголь переписал пушкинскую «Русалку»: С. 242–255.

Денисов В.Д. «Бывают странные сближения» (еще раз о полемике Пушкина и Гоголя с Булгариным и Гречем): С. 256–265.

Белоногова В.Ю. Образ Фаддея Булгарина и «маслит» в восприятии А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя: С. 266–274.

Овечкин С.В. Событие «Ивана Федоровича Шпоньки...» м мир пушкинской прозы: С. 275–283.

Кривonos В.Ш. «Цыганы» Пушкина и «Тарас Бульба» Гоголя: С. 284–298.

Виноградов И.А. Наследие Богдана (А.С. Пушкин и «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя): С. 299–310.

Федоров В.В. Значение отрицательной ценности у Пушкина и Гоголя («Скупой рыцарь» и «Мертвые души»): С. 311–318.

Мильдон В.И. «Пиковая дама» А.С.Пушкина в «Игроках» Н.В. Гоголя: С. 319 – 325.

Гладилин М.С. «Пиковая дама» и «Игроки»: два взгляда на одну «игру»: С. 326–334.

Ким Хюн И. Гоголь и Пушкин: К истории журнала «Современник»: С. 335–345.

Падерина Е.Г. Пушкинский мотив в заграничных письмах Гоголя 1836–1842 годов: С. 346–359.

Золотусский И.П. Пушкин в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: С. 360–374.

Об авторах: С. 375–382.

632. Глазырина Ю.А. Петербургские повести Н.В. Гоголя как цикл // Пушкинские чтения... 2005. – СПб., 2005. – С. 79–82.

633. Глазырина Ю.А. Эстетическая реализация словообраза «мечта» (на материале петербургского цикла Н.В.Гоголя) // Актуальные проблемы развития гуманитарных наук. – Елец, 2005. – С. 12–15.

634. Гольденберг А.Х. Топос рая в прозе Гоголя: фольклорные и литературные истоки // Восток – Запад: пространство русской литературы: Материалы Международной научной конференции (заочной). Волгоград, 25 ноября 2004 г. – Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2005. – С. 131–141.

635. Гольденберг А.Х. Идея метаморфозы в поэтике Гоголя // Диалектика рационального и эмоционального в искусстве слова: Сборник научных статей к 60-летию А.М. Буланова. – Волгоград: Изд-во Панорама, 2005. – С. 116 – 123.

636. Гольдфаин И. Опасные классики // Знамя. – М., 2005. – № 12. – С. 190 – 194.

Что было непонятно Тарасу Бульбе: С. 191 – 192, 194.

637. Горелова В. Снимали – хохотали, посмотрели – зарыдали // ТВ-парк. – М., 2005. – № 37. – С. 18–19.

638. Гриффитс Ф.Т., Рабинович С.Дж. Третий Рим: Классический эпос и русский роман (от Гоголя до Пастернака) / Пер. с англ. – СПб.: Лимбах, 2005. – 334 с.

639. Гришин Г.А. Попытка знакомства Гоголя с Пушкиным в 1829 году: между анекдотом и историческим фактом // Филологические этюды. Сборник научных статей молодых ученых. – Вып. 8. – Ч. 1–2. – Саратов, 2005. – С. 132–136.

640. Гришин Г.А. Образ Пушкина в эпистолярном наследии Н.В. Гоголя // Известия Саратовского ун-та. Новая сер. – Саратов, 2005. – Т. 5. Сер. Филология. Журналистика. – Вып. 1–2. – С. 112–117.

641. Гришин Г.А. Гоголь во взаимоотношениях с адресатом «Письма к одному литератору // Филологические этюды. Сборник научных статей молодых ученых. – Вып. 8. – Ч. 1–2. – Саратов, 2005. – С. 118–124.

642. Громов А. Шабаш // Вещь (Приложение к журналу Эксперт) – 2005. – № 36. – С. 54–55.

643. Громова-Опульская Л.Д. Гоголь и Лев Толстой – художники и учителя жизни // Громова-Опульская Л.Д. Избранные труды. – М.: Наука, 2005. – С. 202–214.

644. Громова-Опульская Л.Д. Эволюция мировоззрения автора и проблема выбора текста // Громова-Опульская Л.Д. Избранные труды. – М.: Наука, 2005. – С. 320–365.

[Творческая история «Портрета» и «Тараса Бульбы»: С. 324–326.]

645. Гульченко В. Души живые и мертвые у Чехова и Гоголя // Современная драматургия. – М., 2005. – № 2. – С. 201–208.

646. Гуреев М. Пофантазировали: «Дело о мертвых душах» Павла Лунгина на НТВ // Культура. – М., 2005. – 15–21 сентября.

647. Давидов М. Тайна смерти Гоголя. Еще одна версия // Урал. – Екатеринбург, 2005. – № 1. – С. 185–232.

648. Дардыкина Н. Опять – 25!: Впервые премию великого писателя получил критик // Московский комсомолец. – М., 2005. – 16 апреля.

649. Дворецкий А.В. Избранное /Петрозаводский гос. ун-т. – Петрозаводск, 2005. – 299 с.

Ответ Гоголя Белинскому: С. 209–221.

«Книга, которую прокляли все» (последняя книга Гоголя и ее читатели): С. 222 – 225.

Письмо Белинского к Гоголю в контексте риторической традиции: С. 229–232.

650. Денисов В. Изображение козачества в раннем творчестве Н.В. Гоголя. Посвящение в «лыцари» // Новые гоголеведческие студии. – Симферополь, 2005. – Вып. 2. – С. 65–94.

651. Денисов В.Д. Изображение Козачества в раннем творчестве Н.В. Гоголя: Монография. – Симферополь; Киев, 2005. – 150 с. – (Новые гоголеведческие студии. Вып. 3 (14)).

652. Джафарова К.К. О структуре сборника Н.В. Гоголя «Арабески» // Вестник Дагестанского гос. ун-та. Гуманитарные науки. – Вып. 6. – Махачкала, 2005. – С. 19–26.

653. Дмитрашек М. Бедный, бедный Гоголь // ТВ-ПАРК. – М., 2005. – № 6. – С. 16–19.

[О телесериале Павла Лунгина «Дело о мертвых душах».]

654. Должанский Р. Гоголь-могиль: «Ревизор» в постановке Нины Чусовой // Коммерсантъ. – М., 2005. – 23 мая.

655. Должанский Р. Грязь всему голова: «Ревизор» в постановке Николая Коляды // Коммерсантъ. – М., 2005. – 20 сентября. – № 176. – С. 21.

656. Ермакова П.В. Социолингвистический комментарий к текстам художественной литературы как ключ к пониманию культуры страны изучаемого региона // Система управления в регионе: Современность, история: Сборник научных работ студентов и аспирантов. – Тверь, 2005. – 68 с.

657. Ж. В. Делу – время: Завершился показ телесериала Павла Лунгина «Дело о мертвых душах» // Итоги. – М., 2005. – № 37. – С. 78.

658. Жуков А.С. Двустихийность в творчестве Н.В. Гоголя как отражение проблемы трагического и ужасного // Известия ПГПУ: Научные и учебно-методические вопросы. Сектор молодых ученых. Пензенский гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского. – Ч. 2. – Пенза, 2005. – С. 28–30.

659. Жуков А.С. Категория ужасного в повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Русское литературоведение в новом тысячелетии: Материалы VI Международной конференции: В 2 т. – Т. 1. М., 2005. – С. 93–96.

660. Жуков А.С. Трагическое в творчестве Н.В. Гоголя // Общество. Культура. Цивилизация: Сборник научных трудов – Пенза, 2005. – С. 56–62.

661. Загородная Д. Кулебяка от Гоголя и салат от Бунина // Комсомольская правда. – М., 2005. – 22 апреля.

662. Залесский А. «Тарас Бульба» в Московском драматическом театре на Перовской (Спектакль одного актера) // Русский Вестник. – М., 2005. – № 1. – С. 12.

[«Тарас Бульба» в исполнении заслуженного артиста России Виктора Никитина.]

663. Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.). – М.: Республика, 2005. – 543 с.

Заседание X: Доклад Д.С. Мережковского «Гоголь и отец Матвей»: С. 174–190.

Прения по докладу: 190–204.

664. Заславский Г. Когда мертвые хватают живых. В Театре имени Маяковского бессмертную поэму Гоголя поставили целиком // Независимая газета. – М., 2005. – 15 ноября.

665. Захарян М. «Мертвые души» нашего времени: Александр Абдулов: «Чичиков – это страна» // Московский комсомолец. – М., 2005. – 9 февраля.

[О телесериале Павла Лунгина «Дело о мертвых душах».]

666. Зверева Ю.В. Роль и задачи критики в понимании Ю.Н. Говорухи-Отрока // Проблемы филологии и преподавания филологических дисциплин: Материалы научной конференции 2003–2004 годов. – Пермь, 2005. – С. 49–54.

667. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа /Сост. П.В. Алексеева; подгот. текста и примеч. Р.К. Медведевой; вступ. статья В.Н. Жукова и М.А. Маслина. – М.: Республика, 2005. – 368 с. – (Мыслители XX века).

Н.В. Гоголь: С. 27–37.

Н.В. Гоголь: С. 142–264.

668. Зигидулина Марина. Время колокольчиков, или «Ревизор» в «Незнайке» // Новое лит. обозрение. – М., 2005. – № 6 (76). – С. 205–217.

[Гоголевский сюжет в «Приключениях Незнайки и его друзей» Н.Н. Носова.]

669. Злочевская А. Театр Н.В. Гоголя и драматургия русского зарубежья первой волны // Вопросы литературы. – М., 2005. – Вып. 2. – С. 209–235.

670. Золотусский И. Александр Солженицын и «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Между двумя юбилеями. 1998–2003: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына. – М., 2005. – С. 332–338.

671. Золотусский И.П. Гоголь. – 4-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 485 [11]с.: ил. – (Жизнь замечательных людей. Сер. биогр. Вып. 924).

672. Золотусский И. «Гоголь – не Свифт, а Сервантес // Российская газета. – М., 2005. – 4 марта. – № 44. – С. 16, 13.

Беседа вел И. Шевелев.

673. Золотусский И. Герои русской литературы – ее создатели // Завтра. – М., 2005. – Апрель. – № 14. – С. 8.

Беседа И.П. Золотусского с С.Ямщиковым.

674. Золотусский И. Пушкин в «Выбранных местах из переписки с друзьями» // VITTORIO. Международный научный сборник, посвященный 75-летию Витторио Страды. – М.: Три квадрата, 2005. – С. 481–494.

675. Иванникова Н.В. Ренессансный подтекст гоголевского «Портрета» // Сборник научных трудов кафедры итальянского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ. – М., 2005. – Вып. 1. – С. 99–107.

676. Иванова В. Парад монстров // Литературная газета. – М., 2005. – 14–20 сентября. – № 37. – С. 10.

[О сериале Павла Лунгина «Дело о мертвых душах».]

677. Иосиф (Литовкин), преподобный Оптинский старец. Н.В. Гоголь, И.В. Киреевский, Ф.М. Достоевский и К.<Н.> Леонтьев пред старцами Оптиной Пустыни // Собрание писем Оптинского старца Иосифа /Сост. В.В. Каширина. – Свято-Введенский монастырь Оптина Пустынь, 2005. – С. 720–727.

Первоначально: Душеполезное Чтение. 1898. – Ч. 1. – С. 157–162.

678. Калмыкова В. В.Я. Брюсов «Испепеленный. К характеристике Гоголя»: Язык описания и рецепция описываемого // Литературная учеба. – М., 2005. – № 4. – С. 179–185.

679. Калмыкова В.В. Гоголеведение «чистое» и «нечистое». Пятое Гоголевские чтения // Новое лит. обозрение. – М., 2005. – № 6 (76). – С. 433–441.

680. Каминская Н. Чисто конкретный Гоголь: «Ревизор». Театр им. Моссовета // Культура. – М., 2005. – 26 мая–1 июня.

681. Каминская Н. Бедный, бедный Павел Иванович!: «Мертвые души». Театр им. Маяковского // Культура. – М., 2005. – 17–23 ноября.

682. Карандашова О.С. Художественное пространство «украинских» сборников Н.В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород»): Учебное пособие по спецкурсу. – Тверь: Научная книга, 2005. – 116 с.

683. Карташова И.В. Путешествие Гоголя в Италию в контексте романтических странствий // Романтизм: вечное странствие. – М., 2005. – С. 275–289.

684. Киреев Р. Два Гоголя // Наука и религия. – М., 2005. – № 6. – С. 21–26; № 7. – С. 38–43.

[Феномен смерти в художественном осмыслении Гоголя.]

685. Киреев Р.Т. Великие смерти: Гоголь. Толстой. Чехов. – М.: Глобулус: ЭНАС, 2004. – 151 с.: ил. – (Литературный семинар).

Рец.: Роднянская И. // Новый мир. – М., 2005. – № 6. – С. 191–192.

686. Кирсанова М. Ярмольник для жены – настоящий Плюшкин: Павел Лунгин завершил для НТВ съемки восьмисерийного фильма Дело о мертвых душах» // Комсомольская правда. – М., 2005. – 24 февраля.

687. Киселев А.Л. Пушкин и Гоголь о смысле существования // Смысл жизни и акме: 10 лет поиска. – М., 2005. – Ч. 3. – С. 199–209.

688. Киселев В.С. Н.В. Гоголь и проблема повествовательного целого в развитии русского прозаического цикла 1820-х – начала 1840-х гг. // Гоголь и время. – Томск, 2005. – С. 54–66.

689. Киченко А. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя: мифопоэтическая организация пространства // Новые гоголеведческие студии. – Симферополь, 2005. – Вып. 2. – С. 55–65.

690. Князев А. Таинственноехождение черепа Гоголя: Череп Гоголя гуляет по рукам // Мир новостей. – М., 2005. – 26 апреля.

691. Ковалев К.П. Имена и лица русской культуры. – М.: Изд-во Литературного ин-та им. А.М.Горького, 2005. – 408 с.: ил.

На подступах к Гоголю: С. 262–264.

[М.П.Мусоргский и Гоголь.]

«Имея ухо слышать вперед...» Н.В. Гоголь: С. 279–295.

Державинский стиль: С. 280–283.

Эхо века минувшего: С. 283–285.

«Вий»: музыкальная концепция мира: С. 285–290.

Искусство пения: С. 290–295.

692. Ковальский В. Тайна хутора близ Диканьки // Благовест. – Самара, 2005. – № 19. – С. 4.

693. Колихалова Н.Г. «...И в России Гоголя, и в Германии Ницше» (к истории формулы Томаса Манна «святая русская литература») // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX

веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. – Вып. 4. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 2005. – С. 460–469.

694. Кончин Е. Елена Преображенская: «Я хотела показать одиночество...» // Культура. – М., 2005. – 31 марта–6 апреля.

695. Кошкина М. По «Вию» в Америке снимут триллер: Сразу два российских режиссера решили экранизировать повесть Гоголя. Но каждый по-своему // Комсомольская правда. – М., 2005. – 25 октября.

696. Крейцер А. Петербург Гоголя в кукольном формате // Нева. – СПб., 2005. – № 8. – С. 252–254.

697. Кривонос В. Трудные места «Шинели» Гоголя // Новые гоголеведческие студии. – Симферополь, 2005. – Вып. 2. – С. 99–124.

698. Кривонос В. Мне повезло с учителями [Анкета «Гоголезнавчих студий»] // Новые гоголеведческие студии. – Симферополь, 2005. – Вып. 2. – С. 222–223.

699. Кривонос В.Ш. Воля и доля в повести Гоголя «Тарас Бульба» // Памяти профессора В.П.Скобелева: проблемы поэтики и истории русской литературы XIX–XX веков. – Самара, 2005. – С. 145–151.

700. Кривонос В.Ш. Воля и доля в поэме «Цыганы» и в повести «Тарас Бульба» // Известия АН. Сер. лит. и яз. – М., 2005. – Т. 64. – № 3. – С. 34–40.

701. Кройчик Л.Е. И еще раз о финале «Мертвых душ» // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. – Вып. 23. – Воронеж, 2005. – С. 244–253.

[См. также Кройчик-2002.]

702. Крылатые слова и выражения из сочинений Н.В. Гоголя: Словарь-справочник – любителям русского слова / Сост. и автор предисл. В.В. Прозоров. [Худ. Л.Ф. Горячева.] – Саратов: КИЦ «Саратовтелефильм» – «Добродей», 2005. – 128 с.

Предисл.: С. 3–9.

703. Кулешов В.И. История русской литературы XIX века: Учебное пособие для вузов. – 3 изд. доп. и исправл. – М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2005. – 800 с. – («Gaudeamus»).

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852): С. 262–335.

704. Куняев С. Черные розы Гефсиманского сада // Наш современник. – М., 2005. – № 12. – С. 74–107.

[Переписка с Т.М. Глушковой. Размышления о генетическом различии творчества Гоголя и Марка Шагала: С. 100 – 102.]

705. Ласкин А. Гоголь-моголь. Документальная повесть // Звезда. – М., 2005.

706. Лебедина Л. Чичиков обрел душу: Второй том «Мертвых душ» Гоголя возродился из пепла в одноименном спектакле Сергея Арцыбашева // Труд. – М., 2005. – 15 ноября.

707. Лепяхин В. Поэт, мыслитель, творец: Гоголь о Пушкине // Пушкинские чтения – 2005. Материалы X научной конференции. – СПб., 2005. – С. 7–24.

708. Лепяхин В.В. Образ иконописца в русской литературе XI–XX веков. – М.: Русский путь, 2005. – 472 с.: ил.

Кузнец Вакула, художник Чартков и монах Григорий-иконописец. По повестям Николая Гоголя «Ночь перед Рождеством» и «Портрет»: С. 166–201.

709. Лукьянченко О.А. Русские писатели: Биографический словарь-справочник для школьников. – Ростов н/Дону: Феникс, 2005.

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852): С. 102–114.

710. Манн Ю.В. Постигая Гоголя: Учебное пособие для старшеклассников и студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 206 с.

Рец. Романичева Е.С. «Нравственны в филологии не только ее путь, но и ее цель»: Методические заметки о книге Ю.В. Манна «Постигая Гоголя» // Русская словесность. – М., 2005. – № 8. – С. 74–77.

711. Манн Ю.В. О тайне «Прощальной повести» Гоголя // Вестник истории, литературы и искусства. – М., 2005. – Т. 1. С. 108–117.

712. Манн Ю.В. Галерея «наставников-пиитов» в «Мертвых душах». Из комментариев к поэме Гоголя // VITTORIO. Международный научный сборник, посвященный 75-летию Витторио Страды. – М.: Три квадрата, 2005. – С. 472–480.

713. Манн Ю.В. Гоголь: «сильные кризисы, чувствуемые массой» // Очерки русской культуры XIX века. – М., 2005. – Вып. 5. – С. 113–145.

[Универсальность как черта поэтики Гоголя.]

714. Манушина О.В. Имена собственные как средство выражения авторских идей. Пьеса Н.В.Гоголя «Женитьба» // Семантика слова и семантика текста. – М., 2005. – Вып. 6. – С. 90–93.

715. Медынцева Г.Л. «В чем моя вера...»: Духовные искания русских писателей // Русская словесность. – М., 2005. – № 2. – С. 47–78.

716. Меркулова И.И. Образ пути-дороги в произведениях Н.В. Гоголя // Филологические исследования. – Саранск, 2005. – С. 42–50.

717. Митякова М.В. Эмоциональный мир человека в индивидуально-авторских метафорах и сравнениях (На материале произведений Н.В. Гоголя) // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Гуманитарные науки и образование: опыт, проблемы, перспективы. – Тольятти, 2005. – С. 149–152.

718. Михайлова Г. Как купец Бахрушин голову Гоголя украл // Комсомольская правда. – М., 2005. – 28 ноября.

719. Михайлова Н.И. О возможных источниках эпизода с носом в «Невском проспекте» Гоголя // Известия РАН. – Сер. лит. и яз. – М., 2005. – Т. 64. – № 4. – С. 66–67.

[Анекдот о силаче Лукине и басня И. Красицкого (в переводе кн. П.А. Вяземского с польского) «Для табака ли нос...» как возможные источники повести.]

720. Михед П. Римская эпоха в творческом сознании Гоголя // Новые гоголеведческие студии. – Симферополь, 2005. – Вып. 2. – С. 143–158.

721. Молева Н. История и псевдоистория // Строительство и бизнес. – М., 2005. – № 10. – С. 24–25.

[О жизни Гоголя в доме графа А.П. Толстого.]

722. Монье А. Страх живого у Гоголя // Семиотика страха. Сборник статей. – М., 2005. – (Сер. Механизмы культуры). – С. 136–143.

723. Мусафинова О. Депардье примеряет шаровары Тараса Бульбы: На Украине готовятся снимать блокбастер со звездами мирового кино // Комсомольская правда. – М., 2005. – 7 апреля.

724. Мякинина Е.С.. Люлька и трубка в вещном мире Н.В. Гоголя // Русская речь. – М., 2005. – № 2. – С. 7–11.

725. Наталия (Помазанская), сестра. Путь Н.В. Гоголя в Оптину Пустынь. Без м. изд., 2005. – 32 с.

[Первоначально: Джорданвиль, 1990.]

726. Неверов А.И. Золотусский: «Гоголь меня не отпускает» // Труд. – М., 2005. – 1 апреля.

727. Николаев О. «Я тебя породил, я тебя и убью!»: Тарас Бульба и суд правителя над сыном в русской культурной традиции // Знание – сила. – М., 2005. – № 11. – С. 84–87.

728. Николаева П.В. Италия и Германия в художественном мире Н.В. Гоголя // Филологические штудии. – Иваново, 2005. – Вып. 9. – С. 189–195.

729. Николеску Т. Андрей Белый, Мейерхольд и «Ревизор» Гоголя // Современная филология: итоги и перспективы. – М., 2005. – С. 189–197.

730. Новая усадьба Гоголя // Итоги. – М., 2005. – № 39. – С. 3 (обложка).

731. Новикова Е.В. Пространственная модель в поэме «Мертвые души» и функция мотива движения // Клио: Сборник студенческих научных работ. – Новосибирск, 2005. – С. 145–152.

732. Новые гоголеведческие студии. – Симферополь: Кримський Архів, 2005. – Вып. 2. – 292 с. (на укр. и рус. яз).

733. Норштейн Ю. Снег на траве // Татьянин день. – М., 2005. – №. 10. – С. 21–23.

[Поэтика повести «Шинель» с точки зрения мультипликации.]

734. Овечкин С. Повести «Миргорода»: жанровая трансформация и неоднородность нарратива // Новые гоголеведческие студии. – Симферополь, 2005. – Вып. 2. – С. 194–214.

735. Озеров Ю.А. Цвет как компонент поэтики Н.В. Гоголя («Мертвые души») // Проблемы современного филологического образования. – М.; Ярославль, 2005. – Вып. 6. – С. 89–95.

736. Осовский О.Е. Психология Н.В. Гоголя как объект изучения Г.Я. Трошина // Наследие Г.Я. Трошина в истории педагогики и психологии России и Российского Зарубежья. – Саранск, 2005. – С. 47–53.

737. Осовский О.Е. Творческий гений Гоголя как объект психологического исследования в наследии Г.Трошина // Филологические исследования. – Саранск, 2005. – 2003–2004. – С. 3–9.

738. Отрошенко В. Венецианские расследования // Знамя. – М., 2005. – № 6. – С. 197–205.

739. Отрошенко В. Тайная история творений. Книга эссе-новел. – М.: Культурная революция, 2005. – 184 с.

Гоголиана:

Гоголь и паспорт: С. 141–145.

Гоголь и рай: С. 146–154.

Гоголь и элементарные частицы: С. 155–157.

Гоголь и ад: С. 158–166

Гоголь и воздух: С. 164–167.

Гоголь и призрак точки: С. 167–177.

740. Падерина Е.Г. Ритмическая организация «Игроков» Гоголя // Филологический журнал Сибирского отделения РАН. – Новосибирск, 2005.

741. Падерина Е.Г. О мотиве *дела* в первом томе «Мертвых душ» // Интерпретатор и текст. – Новосибирск, 2005.

742. Падерина Е. О жанровой специфике пьесы Гоголя «Игроки» // Новые гоголеведческие студии. – Симферополь, 2005. – Вып. 2. – С. 130–143.

743. Пантелеев И.В. Повесть Н.В.Гоголя «Портрет» в свете православного вероучения // Святоотеческие традиции в русской литературе. – Омск, 2005. – Ч. 2. – С. 89–91.

744. Перевезенцев С. Продается свинья в луже. Дорого // Литературная газета. – М., 2005. – 14–20 сентября. – № 37. – С. 10.
[О сериале Павла Лунгина «Дело о мертвых душах».]

745. Петров В. Живые люди Достоевского и мертвые души Гоголя // Наука и жизнь. – М., 2005. – № 10. – С. 92–98.

746. Плещева Г. Скорей, скорей в тюрьму!: Похождения кологривского мещанина // Родина. – М., 2005. – № 3. – С. 25–27.

747. Подоплекина М.В. Литературно-критический портрет Н.В. Гоголя в интерпретации Д.С.Мережковского // Филологические штудии. – Иваново, 2005. – Вып. 9. – С. 196–199.

748. Подосокорский Н.Н. Мотивы «Мертвых душ» в романе «Братья Карамазовы» // Достоевский. Дополнения к комментарию. – М., 2005. – С. 581 – 585.

749. Поплавская И.А. Мифопоэтика сюжета путешествия в раннем творчестве Н.В. Гоголя («Ганц Кюхельгартен», «Вечера на хуторе близ Диканьки») // Святоотеческие традиции в русской литературе. – Омск, 2005. – Ч. 2. – С. 92–95.

750. Преподобный Варсонофий Оптинский. Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. «Венок на могилу Батюшки». – Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2005. – 692 с.

[О Гоголе: С. 58 – 59, 170, 358–364.]

751. Поцелуев Д. Разжалованные из монументов: Сталину не понравился грустный Гоголь // Аргументы и факты. – М., 2005. – № 31. – С. 29.

752. Поюровский Б. Россия, опомнись! – взывает Гоголь: «Мертвые души» в Театре имени Вл. Маяковского // Лит. газета. – М., 2005. – 16–22 ноября.

753. Райкина М. Гофманщина по Чичикову: Гоголь-моголь // Московский комсомолец. – М., 2005. – 22 сентября.

[О фильме Павла Лунгина «Дело о мертвых душах».]

754. Райкина М. Гоголю подарили нос: Юбилей театра отметили бешеными деньгами // Московский комсомолец. – М., 2005. – 19 декабря.

755. Раннику К. К проблеме поэтики «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Тартуские тетради /Сост. Р.Г. Лейбов. – М.: ОГИ, 2005. – С. 206–211.

Впервые: Русская филология: Сборник научных работ молодых филологов. – Тарту, 1996. – № 7. – С. 113–119.

756. Резникова Л. Меценат Бахрушин оказался вором // Московский комсомолец. – М., 2005. – 19 апреля.

757. Рейфман П. Две программы пушкинского «Современника» // Тартуские тетради /Сост. Р.Г. Лейбов. – М.: ОГИ, 2005. – С. 142–165.

Впервые: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение II (Новая сер.). – Тарту, 1996. – С. 130–155.

758. Ремизов А.М. Огонь вещей. Сны и предсонье: Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Достоевский / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. Е.Р. Обатниной. – СПб.: Лимбах, 2005. – 366 с.: ил.

759. Рогалев А.Ф. Подтекст именованья персонажей в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Литература в школе. – М., 2005. – № 4. – С. 21–24.

760. Романова Г. Мотив денег в «Ревизоре» Н.В. Гоголя // Литературная учеба. – М., 2005. – Кн. 1. – С. 202–205.

761. Романова Г.А. Что открывает «Ревизор» в русской комедии XVIII – начала XIX века // Литературные чтения. – СПб., 2005. – С. 27–34.

762. Романова Г.А. «Ревизор» на александринской сцене: век XXI // Печать и слово Санкт-Петербурга: Петербургские чтения – 2004. – СПб., 2005. – С. 89–96.

763. Ронен Омри. Каламбуры // Звезда. – 2005. – № 1. – С. 228–233.

764. Русская литература XIX–XX веков: В 2 т. – Т. 1: Русская литература XIX века: Учебное пособие для поступающих в вузы / Сост. и науч. ред. Б.С. Бугров, М.М. Голубков. – 7-е изд. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2005. – 464 с.

Скороспелова Е.Б., Голубков М.М., Красовский В.Е. Н.В. Гоголь (1809–1852): С. 174–218.

765. Рюпина С.В. Иерархия власти в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя // Филологические этюды: Сборник научных статей молодых ученых. – Саратов, 2005. – Вып. 8. – Ч. 1–2. – С. 45–51.

766. Каминская И. Странные люди Анатолия Зверева: Выставка знаменитого художника обошлась без подделок // Независимая газета. – М., 2005. – 27 июля.

767. Крупчанов Л.М. История русской литературной критики XIX века: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2005. – 383 с.

Н.В. Гоголь (1809–1852): С. 89–95.

768. Пьецух В.А. Русская тема. О нашей жизни и литературе. – М.: Глобулус, Изд-во НЦ ЭНАС, 2005. – 224 с. – (Литературный семинар).

Нос: С. 26–38.

769. Саскова Т.В. Облики и облачения в «прорехах» повседневности (Ремизов и Гоголь) // Повседневность как текст культуры: Материалы международной научной конференции «Повседневность как текст культуры» 27–29 апреля 2005 г. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. – С. 249–259.

770. Сахаров В. Потемкин и запорожцы у Гоголя. Материалы к историческому комментарию // Новые гоголеведческие студии. – Симферополь, 2005. – Вып. 2. – С. 94–99.

771. Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год /Пер. с англ. Р. Зерновой. – Новосибирск: Изд-во Свиньин и сыновья, 2005. – 964 с.

Гоголь: С. 256–275.

772. Светликова И.Ю. Истоки русского формализма. Традиция психологизма и формальная школа. – М.: НЛЮ, 2005. – 168 с.

[О Гоголе: С. 61–62, 145–146.]

773. Сергеев А.А. Николай Гоголь: Исторический роман / Худ. Н.В. Алешина. – М.: Белый город, 2005. – 64 с. – (Для среднего и старшего школьного возраста).

774. Сизенко Е. В двух томах: «Мертвые души» в Театре им. Вл. Маяковского оживить так и не смогли // Итоги. – М., 2005. – № 47. – С. 98–99.

775. Словарь афоризмов русских писателей /А.В. Королькова, А.Г. Ломов, А.Н. Тихонов. – М.: Русский язык – Медиа, 2004. – XX, 636 с.

Гоголь Николай Васильевич: С. 98–108.

776. Словарь афоризмов русских писателей /А.В.Королькова, А.Г.Ломов, А.Н.Тихонов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Русский язык – Медиа, 2005. – XX, 636 с.

Гоголь Николай Васильевич: С. 98–108.

777. Соболев Л. «Никто не разгадал меня совершенно...» // Вопросы литературы. – М., 2005. – № 6. – С. 326–332.

Откл. на кн.: Манн Ю.В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. – М.: Аспект Пресс, 2004.

778. Соливетти К. Автор и его зеркала. – СПб.: Алетейя, 2005. – 248 с. – (Сер. Зарубежная вустика).

«У страха глаза велики (Да ничего не видят)». Опыт интерпретации «Вия» Гоголя: С. 63–120.

779. Степанян К. «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М.Достоевского. – М.: Раритет, 2005. – 512 с.

Гоголь и Достоевский: диалоги на границе художественности: С. 55–70.

780. Строев А. Тело, распавшееся на части (Гоголь и французская проза XVIII в.) // Тело в русской культуре. – М., 2005. – С. 265–276.

781. Сугай Л.А. Гоголь и Федор Сологуб: эволюция образа «маленького человека» // Современная филология: итоги и перспективы: Сборник научных трудов. – М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2005. – С. 137–149.

782. Сугай Л.А. Фантасмагория повседневности: Гоголь и Федор Сологуб // Повседневность как текст культуры: Материалы междунар. науч. конф. «Повседневность как текст культуры» 27–29 апреля 2005 г. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. – С. 221–230.

783. Таборисская Е.М. Оживающий портрет как сюжет «петербургского текста» // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2004). – СПб., 2005. – С. 97–106.

[Фабульное оживание портрета в повестях Гоголя «Портрет», М.Ю. Лермонтова «Штосс» и поэме А.К. Толстого «Портрет».]

784. Тазбир Я. «Тарас Бульба» – наконец по-польски // Культурология: Дайджест. РАН ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел культурологии – М., 2004. – № 4. – С. 42–45.

785. Тархов Т. Сквозь «Дым»: Русский взгляд на Баден-Баден // Наука и жизнь. – М., 2005. – № 3. – С. 70–76.

786. «Тарас Бульба» с ЮНЕСКО // Культура. – М., 2005. – 17–23 ноября.

[О планах ЮНЕСКО объявить 2009 год Годом Гоголя и планируемой экранизации повести «Тарас Бульба» кинотелекомпанией «Ритм».]

787. Тендора Н. «Шинель» киноповесть // Смена. – 2005. – № 2. – С. 187.

[О фильме Г. Козинцева и Л. Трауберга (1926).]

788. Терц А. (Синявский А.Д.) В тени Гоголя. «Ревизор» и «Мертвые души» – М.: Глобулус, Изд-во НЦ ЭНАС, 2005. – 160 с. – (Литературный семинар).

789. Тимофеева И.Ф. Первый перевод повести Н.В. Гоголя «Шинель» на итальянский язык: успехи и неудачи переводчика // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2004). – СПб.: Петербургский ин-т печати, 2005. – С. 81–88.

Повесть «Шинель» в переводе Д. Чамполи (1916 г.).

790. Тихонов С.Е. Н.В. Гоголь и речевое воздействие (П.И. Чичиков и эффективность общения) // Русская словесность. – М., 2005. – № 5. – С. 62–66.

791. Трапезников А. Шишка алжирского дея // Литературная газета. – М., 2005. – 28 сентября–4 октября. – № 39 – 40. – С. 10.

[Заметки о сериале Павла Лунгина «Дело о мертвых душах».]

792. Трофимов А. Таинство сказки. Гоголь и Андерсен // Завтра. – М., 2005. – Август. – № 34. – С. 7.

793. Тулякова Е.И. Традиции романтической натурфилософии и поэтика природоописаний в цикле Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» (на материале повести «Страшная месть») // Гоголь и время: Сборник статей – Томск: Изд-во ТГУ, 2005. – С. 111–121.

794. Тулякова Е.И. Природоописание и сюжетно-композиционное устройство поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (22–23 апреля 2005 года). – Томск: Изд-во ТГУ, 2005. – Вып. 6. – Ч. 2: Литературоведение – С. 176–179.

795. Тусичишный А.П. Татьяна Фед. Николай Гоголь: Творчество и судьба // Русский язык за рубежом. – 2005. – № 1–2. – С. 119–120.

Рец. на кн.: Татьяна Фед. Николай Гоголь: Творчество и судьба. Литературные искания и открытия.

796. Урюпин И.С. «Ум» и «сердце» в богоискательской традиции русской литературы XIX в. (Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой) // Проблемы современного филологического образования. – М.; Ярославль, 2005. – Вып. 6. – С. 95–106.

797. Ушакова О.Д. Великие писатели: Справочник школьника. – СПб.: Издательский Дом «Литера», 2005. – 96 с.

- Гоголь Николай Васильевич (1809 – 1852): С. 15–17.*
798. Федор Бондарчук замахнулся на Гоголя // *Семь дней*. – М., 2005. – 25 апреля – 1 мая.
[*О экранизации повести «Тарас Бульба».*]
799. Фрик Т.Б. «Гоголевский текст» в журнале А.С. Пушкина «Современник» // *Гоголь и время: Сборник статей*. – Томск: Изд-во ТГУ, 2005. – С. 101–110.
800. Харчевников В.И. Сергей Есенин читает Н.В.Гоголя // *Азия в Европе: взаимодействие цивилизаций*. – Элиста, 2005. – Ч. 1. – С. 192–202.
[*«Мертвые души» в творческом сознании С.А.Есенина.*]
801. Хафизова В.А. Некоторые аспекты языкового и стилистического новаторства Гоголя-драматурга // *IV Давлетшинские чтения «Художественная литература в поликультурном пространстве»*. – Бирск, 2005. – С. 89–92.
802. Хорошилова Т. «Мертвые души» одели в «Шинель»: Павел Лунгин переписал знаменитую поэму Гоголя // *Российская газета*. – М., 2005. – 18 февраля.
803. Целехович Т.П. Мотив слепоты в творчестве Николая Гоголя и Яна Борщевского // *Святоотеческие традиции в русской литературе*. – Омск, 2005. – Ч. 1. – С. 143–146.
804. Чадаева А.Я. Православный Чехов. – Изд. 2-е, доп. – М.: ПолиМЕдиа, 2005. – 240 с.
«Степной царь»? Степь в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»: С. 136–147.
805. Черемисинова Л.И. Рассказ А.А.Фета «Каленик»: интертекстуальные связи // *Пушкинские чтения... 2005*. – СПб., 2005. – С. 82–87.
806. Черная Т.К. Аспекты воплощения «национальной идеи» в «Повести о капитане Копейкине» как художественном центре «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // *Вестник Пятигорского гос. Лингвистического ун-та*. – Пятигорск, 2005. – № 1. – С. 50–54.
807. Чичиков-рецидивист // *Книжное обозрение*. – М., 2005. – № 29–30. – С. 26.
[*О фильме Павла Лунгина «Дело о мертвых душах».*]
808. Шаулов С.С. «Гоголевский след» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // *Достоевский. Дополнения к комментарию*. – М.: Наука, 2005. – С. 575–580.

809. Шведова С.О. Между Шехерезадой и Семирамидой (Еще раз о Петербурге в «Повести о капитане Копейкине») // Печать и слово Санкт-Петербурга: Петербургские чтения – 2004. – СПб., 2005. – С. 75–80.

810. Шульц С.А. Гоголь и Новалис (К постановке проблемы) // Русская литература. – СПб., 2005. – № 3. – С. 99–107.

811. Эпштейн М. Маленький человек в футляре: Синдром Башмачкина-Беликова // Вопросы литературы. – М., 2005. – № 6. – С. 193–203.

812. Эпштейн М. Слово и молчание в русской культуре // Звезда. – 2005. – № 10. – С. 202–221.

Идеология и магия. От Гоголя до В. Сорокина: С. 206–209.

Три литературных эпизода. Молчание внутри и вокруг слова: С. 211 – 213.

813. Ядровская Е.Р. «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В. Гоголя. VI класс // Литература в школе. – М., 2005. – № 12. – С. 41–43.

814. Якушин Н.И., Овчинникова Л.В. Русская литературная критика XVIII – начала XX века: Учебное пособие и хрестоматия. – М.: ИД «Камерон», 2005. – 816 с.: ил.

Н.В.Гоголь: 134–139.

Составил В.А. Воронаев

**Бібліографія літератури про життя
і творчість Миколи Гоголя, надрукована
в Україні (2002-2005)**

–2002–

1. Абрамович С. Эротика в "Мертвых душах" // Гоголезнавіч студії. – Ніжин, 2002. – Вип.9. – С. 54-60.

2. Андрущенко Т. «Незабутній друг мій Штейнберг» // Образотворче мистецтво. – 2002. – №1. – С. 94-96.

3. Арват Н.Н. К вопросу о гоголевском идиостиле (на материале повести "Страшная месть") //Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип. 16. – С. 58-67.

4. Бабенко К.П. Злочин проти Краси (Роман Оскара Уайльда "Портрет Доріана Грея" і повість Миколи Гоголя "Портрет". 10 клас) // Всесвіт. літ. та культура в навч. закл. України. – 2002. – № 7. – С. 14-17.

809. Шведова С.О. Между Шехерезадой и Семирамидой (Еще раз о Петербурге в «Повести о капитане Копейкине») // Печать и слово Санкт-Петербурга: Петербургские чтения – 2004. – СПб., 2005. – С. 75–80.

810. Шульц С.А. Гоголь и Новалис (К постановке проблемы) // Русская литература. – СПб., 2005. – № 3. – С. 99–107.

811. Эпштейн М. Маленький человек в футляре: Синдром Башмачкина-Беликова // Вопросы литературы. – М., 2005. – № 6. – С. 193–203.

812. Эпштейн М. Слово и молчание в русской культуре // Звезда. – 2005. – № 10. – С. 202–221.

Идеология и магия. От Гоголя до В. Сорокина: С. 206–209.

Три литературных эпизода. Молчание внутри и вокруг слова: С. 211 – 213.

813. Ядровская Е.Р. «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В. Гоголя. VI класс // Литература в школе. – М., 2005. – № 12. – С. 41–43.

814. Якушин Н.И., Овчинникова Л.В. Русская литературная критика XVIII – начала XX века: Учебное пособие и хрестоматия. – М.: ИД «Камерон», 2005. – 816 с.: ил.

Н.В.Гоголь: 134–139.

Составил В.А. Воронаев

**Бібліографія літератури про життя
і творчість Миколи Гоголя, надрукована
в Україні (2002-2005)**

–2002–

1. Абрамович С. Эротика в "Мертвых душах" // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2002. – Вип.9. – С. 54-60.

2. Андрущенко Т. «Незабутній друг мій Штейнберг» // Образотворче мистецтво. – 2002. – №1. – С. 94-96.

3. Арват Н.Н. К вопросу о гоголевском идиостиле (на материале повести "Страшная месть") //Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип. 16. – С. 58-67.

4. Бабенко К.П. Злочин проти Краси (Роман Оскара Уайльда "Портрет Доріана Грея" і повість Миколи Гоголя "Портрет". 10 клас) // Всесвіт. літ. та культура в навч. закл. України. – 2002. – № 7. – С. 14-17.

5. Балдина Е. Гоголь и Белинский: о литературно-эстетическом аспекте полемики // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2002. – Вип.9. – С. 60-75.
6. Банзерук О.В. (Шинкаренко) Виразові можливості синтаксичної структури компаративів у творчості Миколи Гоголя // Науковий вісник Волинського держ. ун-ту ім. Лесі Українки. – Луцьк, 2002. – № 6. – С. 199-202.
7. Банзерук О.В. (Шинкаренко) Метонімічний епітет як засіб увиразнення пейзажного живопису Миколи Гоголя // Зб. наук. праць Полтавського пед. ун-ту ім. В.Г. Короленка. – Полтава, 2002. – Вип. 4 (25). – С. 127-130.
8. Банзерук О.В. Уособлення як компонент метафоричної моделі світу Миколи Гоголя // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.16. – С. 101-106.
9. Барабаш Ю. Український ключ: Гоголь у літературній свідомості міжвоєнної еміграції // Слово і час. – 2002. – № 12. – С. 54-67.
10. Барабаш Ю. Гоголіана Дмитра Чижевського // Дивослово. – 2002. – № 10. – С. 2-6.
11. Барабаш Ю. Гоголь: анти- і постколоніальне прочитання: 3 досвіду сучасної української гоголіана // Кур'єр Кривбасу. – 2002. – №153. – С. 142-167.
12. Барабаш Ю. Троє Юріїв, або Гоголь на "Планеті ДР" і поза нею. Юрій Шерех. Юрій Косач. Юрій Луцький // Сучасність. – 2002. – №10. – С. 103-121.
13. Барабаш Ю. Український ключ: Гоголь у літературній свідомості міжвоєнної української еміграції // Слово і час. – 2002. – №12. – С. 54-67.
14. Белая А.С. О национально-языковом колорите повести Н. Гоголя "Страшная месьть" // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.16. – С. 67-72.
15. Бернацька Л.І. "Ти смієшся, а я плачу, Великий мій друже": Літ.-муз. композиція // Позакласний час. – 2002. – №4 (Лютий). – С. 30-31.
16. Битварди Д. Носом к носу – носа не увидать // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.16. – С. 96-98.
17. Бондарева Е.Е. Стихия барокко в необарокковой интерпретации ("Мертвые души" Н. Гоголя в булгаковском прочтении) // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.16. – С. 116-124.

18. Бондарь Н.А. Пространственный компонент в повести Н. Гоголя "Страшная месть" // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.16. – С. 72-76.

19. Був собі Гоголь: Спогади (Батько. Мати. Про навчання. Гімназія) // Однокласник. – 2002. – № 3. – С. 30-31.

20. Бузина О. Николай Гоголь: жизнь за царя // Киевские ведомости. – 2002. – 2 июля. – 14 с. – (Литературный ринг).

21. Буюнова К. Гоголь и Данте: к вопросу о трехчастной форме "Божественной комедии" и "Мертвых душ" // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.16. – С. 148-152.

22. Варварцев М., Захаркін С. Біля витоків італійської гоголіани // Слово і час. – 2002. – № 7. – С. 77-80.

23. Васильев К. К. Творчество Гоголя в литературной критике Юрия-Георгия Липы // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.16. – С. 179-181.

24. "Великий друг і брат...": так називав Гоголя Тарас Григорович Шевченко: Пер. з рос. // Освіта. – 2002. – 6-13 берез. – С. 1, 14. – (До 150-річчя від дня смерті Миколи Васильовича Гоголя).

25. Виноградов И. Повесть Н.В. Гоголя "Шинель": к истории замысла и его интерпретации // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2002. – Вип. 9. – С. 35-50.

26. Воинова Н.М. Место повести "Рим" в творчестве Н.В. Гоголя // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.16. – С. 124-129.

27. Гетман Л.И. К проблеме полиэмоциональности гоголевских текстов // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.16. – С. 76-80.

28. Голезнавчі студії – Гоголеведческие студии / Відп. ред. П.В. Михед – Ніжин, 2002. – Вип. 9. – 232 с.

29. Грановський Б. Джерела альтернативного українознавства. – Київ, 2002.

30. Гринь Г. Вічна планета Диканька: Антологія малих міст // Голос України. – 2002. – 28 груд. – С. 5.

31. Гринь Г. Фільм про Миколу Гоголя / Авт. сценарій О. Гавриленко. Худ.-постановник Є.Цутря // Голос України. – 2002.– 6 верес. (№ 162). – С. 4.

32. Груша Х. А раптом я оживу: Прем'єра "Одруження" Гоголя в постановці Юрія Одинокого (Лівобережний театр, Київ) // Голос України. – 2002. – 6 груд. – № 231 (2982). – С. 13.

33. Гупало С. Микола Гоголь благословляв іншого "Тараса Бульбу" // Дзеркало тижня. – 2002. – 15 черв. – С. 13.
34. Гупало С. Неземне кохання Миколи Гоголя (О. Смирнова-Россет) // Дзеркало тижня. – 2002. – 26 жовт. – 1 листоп. (№ 41).
35. Гупало С. Опікун Гоголя Д.П. Трощинський // Дзеркало тижня. – 2002. – 29 берез. – 5 квіт. (№ 12/387). – С. 23.
36. Денисов В. Изображение Козачества в раннем творчестве Н.В. Гоголя (Бунтовщик Тарас и другие) // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2002. – Вип.9. – С. 4-12.
37. Денисов В. Тарас-бунтовщик. К вопросу об истоках гоголевской эпопеи // Вопр. рус. лит.: Межвуз. науч. сб. – Симферополь, 2002. – Вып. 8 (65). – С. 74-85.
38. Дереза Л.В. До питання про фантастичне в повісті М. Гоголя "Ніс" // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип. 16. – С. 92-96.
39. Дзира Я. Заповіт Миколи Гоголя: "Проголосити незалежність України". Про письменника М.Гоголя // Сільський час. – 2002. – 8 берез. (№ 19). – С. 8.
40. Дзира Я. Заповіт Миколи Гоголя: відокремитись і проголосити незалежність // Історія в школах України. – 2002. – №6. – С. 49-50. Початок: №5.
41. Дзира Я. Микола Гоголь. "Роздуми Мазепи" (Про програмну статтю М. Гоголя) // Укр. іст. журнал. – 2002. – № 2. – С.76-83.
42. Джерелянський П. Проторували власний шлях до Гоголя: («Шинель» Гоголя на сцені театру-студії Харків. держ. академії культури) // Укр. театр. – 2002. – №4-5. – С. 8-9.
43. Дикарева Л.Ю. Лингвосомиотические способы объективизации идеи превращения в художественной прозе Н.В. Гоголя // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип. 16. – С. 51-58.
44. Заперечення сміхом: До 150-ї річниці від дня смерті М.Гоголя // Урядовий кур'єр. – 2002. – 5 берез. – С.12.
45. Засенко П. "...До Києва, до старого прекрасного Києва!" // Літ. Україна. – 2002. – 25 квіт. – С.7.
46. Зеленська Л.І. Вшанування М. Гоголя на Чернігівщині // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип. 16. – С. 186-188.
47. Ілляшенко М.А., Пащенко В.М. Логічна, модальна та емоційна експресивність творів М. Гоголя в музиці М. Римського-Корсакова // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип. 16. – С. 138-143.

48. Льїн О. Загадка Миколи Гоголя // Сівер. літопис. – 2002. – №2. – С. 131-132.

49. Ісаєнко К.П. "Вибрані місця із листування з друзями" М. Гоголя з погляду П. Куліша ("Записки о жизни Н.В.Гоголя") // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.18. – С.38-43.

50. Казнина Д.А. Фольклорные традиции гоголевских пейзажей в "Вечерах на хуторе близ Диканьки" // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип. 16. – С. 25-29.

51. Катеренчук Н. Духовний портрет Гоголя: Гоголь та Іванов – персонажі картини "Явлення Христа народу" // Всесвіт. література та культура в навч. закладах України. – 2002. – №4. – С. 40.

52. Киченко А.С. Гоголевские мифы о Пушкине: попытка изучения и интерпретации // Вісник Черкаського ун-ту. – Черкаси, 2002. – Серія філологічних наук. – Вип. 29. – С. 105-109.

53. Ковальчук О.Г. "Авторська сповідь" М.Гоголя // Ковальчук О.Г. Гоголь: буття і страх.– Ніжин, 2002. – С. 68-76. – (Гоголезнавчі студії. Вип. 10).

54. Ковальчук О.Г. Гоголь: буття і страх.– Ніжин, 2002. – 86 с. – (Гоголезнавчі студії. Вип.10).

55. Ковальчук О. Гоголь: буття і страх (за програмою 1998 р. – 6 кл., урок 11-12. За програмою 2001 р. – 7 кл., урок 15-18)// Заруб. літ. –2002. – Число 36 (292). Вересень. – С. 3, 4, 9, 10.

56. Ковальчук О.Г. Незаангажованість буттям – дорога в смерть (останні дні Гоголя) // Ковальчук О.Г. Гоголь: буття і страх. – Ніжин, 2002. – С. 76-79. (Гоголезнавчі студії. Вип.10).

57. Ковальчук О.Г. Російське буття і страх // Ковальчук О.Г. Гоголь: буття і страх. – Ніжин, 2002. – С. 38-68. – (Гоголезнавчі студії. Вип.10).

58. Ковальчук О. Страх у структурі російського буття: Гоголівське бачення проблеми // Слово і час. – 2002. – №3. – С. 40-46.

59. Ковальчук О.Г. Страх як проблема українського буття // Ковальчук О.Г. Гоголь: буття і страх. – Ніжин, 2002. – С. 4-38. – (Гоголезнавчі студії. Вип.10)

60. Коломієць З.Г. Вистава у Різдвяну ніч: За мотивами творів М.В. Гоголя // Заруб. літ. в навч. закладах. – 2002. – №1. – С. 59-62.

61. Кривонос В. Сон Тараса в "Тарасе Бульбе" Гоголя // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2002. – Вип.9. – С. 20-34.

62. Кривонос В. Сюжет пространства и сюжет героя в "Риме" Гоголя // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.16. – С. 129-138.
63. Кузьменко В. Енциклопедія літературних персонажів: М.В. Гоголь. "Ревізор", "Мертві душі" // Літ. Чернігів. – 2002. – №3-4. – С. 81-96.
64. Кулакова Л. Проект антропологічно зорієнтованої історії: історико-педагогічна спадщина М.В. Гоголя // Вісник НАН України.– 2002. – № 9. – С. 49-54.
65. Кулікова Л. Сучасний погляд на історико-педагогічні праці М.В.Гоголя // Відкритий урок. – 2002. – №21-22. – С.40-45.
66. Кучерявець В.Г. Гоголь у сприйнятті студентів Ніжинського педуніверситету // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.16. – С. 177-179.
67. Летопись жизни и творчества Николая Гоголя. Нежинский период (1820-1828) / Жаркевич Н.М., Кирилюк З.В., Якубина Ю.В.; Вступ. ст.: Михед П.В. – Нежин, 2002. – 232 с. – (Серія «Гоголезнавчі студії». Вип.8).
68. Лехман Т.Р. Дидактичні матеріали за повістю М.Гоголя "Тарас Бульба": Роздатковий матеріал // Все для вчителя. – 2002.– №8. (Квітень). – С. 52-54.
69. Лившиц Е.И. Гоголь, Де Квинси и Жюль Жанен // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.16. – С.153-161.
70. Личковах В. Олексій Кулаков: літописні образи України // Образотворче мистецтво. – 2002. – №1. – С. 75-77.
71. Література та культура Полісся. Вип.16. Спадщина М. Гоголя в сучасних дослідженнях (до 150-річчя від дня смерті письменника) / Відп.ред. і упоряд. Г.В. Самойленко. – Ніжин: НДПУ, 2002. – 200 с.
72. Луцький Ю.О. Страдництво Миколи Гоголя, званого також як Ніколай Гоголь / Пер. з англ. Тетяни Михед; Відп. ред. П.В. Михед. – К.: Знання України, 2002. – 114 с. (Серія «Гоголезнавчі студії». Вип.11).
73. Лю Хунбо. Наследие Гоголя в Китае: проблемы перевода и восприятия // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.16. – С. 171-176.
74. Марченко М. "Справа" М.В. Гоголя 1947 року // Сіверщина. – 2002. – 6 груд. – С. 7. – Невигадані історії.

75. Матвієнко С. Межі інтерпретації // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2002. – Вип. 9. – С. 154-156.

76. Матівос Ю. Микола Гоголь і Юрій Яновський – родичі // Голос України. – 2002. – 31 жовт. (№201). – С. 18-19.

77. Микола Васильович Гоголь (1 квітня – День народження М.В. Гоголя) // Позакласний час. – 2002. – №6 (Березень). – С. 4, 296 фотоіл.

78. Микола Гоголь (1809-1852). Прозаїк, драматург, публіцист // Сто найвідоміших українців. – К.; М., 2002. – С. 211-221.

79. Микола Гоголь – це таємнича і досі не вивчена галактика / Презентація російсько-української збірки творів і листів Миколи Васильовича Гоголя "Всі твори", яка відбулася в Києві) // Урядовий кур'єр. – 2002. – 19 квіт. (№75). – С. 3.

80. Мисюра Ф. Микола Гоголь в Гадяцькій ратуші // Літ. Україна. – 2002. – 13 черв. – С. 3.

81. Мисюра Ф. Гоголь в Гадяцькій ратуші // Освіта. – 2002. – 6-13 берез.– С. 15.

82. Михальчук Т.І. Принципи та способи інтерпретації гоголівської символіки в інсценізаціях М.Н. Старицького // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – С. 106-111.

83. Михед П.В. Возвращаясь к Гоголю и "русско-украинскому" вопросу // Вопр. рус. лит.: Межвуз. науч. сб. – Симферополь, 2002. – С. 105-126.

84. Михед П. Н.В. Гоголь в Гимназии высших наук кн. Безбородко проблемы изучения") (Вступ.ст.) // Летопись жизни и творчества Николая Гоголя. Нежинский период (1820-1828) / Жаркевич Н.М., Кирилюк З.В., Якубина Ю.В. – Нежин, 2002. – С.І–VI. – (Серія "Гоголезнавчі студії". Вип.8).

85. Михед П.В. Кризь призму бароко. Статті різних років. – К.: Ніка-Центр, 2002. – 328 с.

86. Михед П. Остання книга Юрія Луцького [Вступ.ст.] // Луцький Ю.О. Страдництво Миколи Гоголя, знаного також як Ніколай Гоголь: Пер. з англ. – К., 2002.– С. 5-6.– (Серія "Гоголезнавчі студії". Вип. 11).

87. Михед П.В. Пізній Гоголь і бароко: українсько-російський контекст. – Ніжин: Аспект-Поліграф, 2002. – 208 с.

88. Михед П.В. Про гоголівський ідіолект російської мови, або Як Олександр Македонський завоював Росію // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2002. – Вип.9. – С. 93-96.

89. Михед П. У пошуках категорії суцього (Передмова до дослідження О.Ковальчука "Гоголь: буття і страх" (Ніжин, 2002. – 87 с.) // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2002. – Вип. 10. – С. 3.

90. Міщенко Н. Повернення Христа (Звіт про презентацію нової книги "Образ Христа в українській культурі") // Дем. Україна. – 2002. – 5 берез. (№20-21). – С. 6.

91. Мойсеїв І. Гоголівські перемови (діалогіка роздвоєння та узв'язнення). Діалог перший: "Тарас Бульба". Діалог другий: "Страшна помста" // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2002. – Вип.9. – С. 76-86.

92. Мурадханян І.С. Макабрисичні мотиви в творах М.Гоголя і Е.По // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип. 16. – С.162-165.

93. Мусий В.Б. Мотив двойничества в "Вечерах на хуторі близ Диканьки" Н.В. Гоголя і "Онуфриусе" Теофила Готье // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.16. – С. 165-171.

94. Неволов В. "Він знову прийшов до Луцька..." (Про прем'єру п'єси М. Гоголя "Тарас Бульба" у Волин. обл. укр. муз.-драм. театрі ім. Т.Г. Шевченка) // Культура і життя. – 2002. – 6 берез. (№ 6-9). – С. 5.

95. Одинокій Ю. Цей зворушливо-абсурдний Гоголь / розмову з режисером Театру драми і комедії про постановку "Одруження" Гоголя вела Л.Олтаржевська // Україна молода. – 2002. – 12 жовтня. – С. 6.

96. Озерова І.Г. Обиходная речь персонажа как отражение его социального статуса на материале пьесы Н.Гоголя "Женитьба") // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.19. – С.2 8-32.

97. Олексієнко М.П. Який голос у Собакевича?: Методичні поради до озвучення уроку з вивчення поеми Миколи Гоголя "Мертві душі" (9 кл.) // Всесвіт. література та культура в навч. закладах України. – 2002. – № 6 (Червень). – С. 11-12.

98. Олексієнко М.П. Як озвучити «Мертві душі»? Методичні рекомендації щодо використання музики на уроках, присвячених вивченню поеми М.Гоголя (9 кл.) // Зарубіжна література в навчальних закладах. – 2002. – № 5. – С. 21-22.

99. Олтаржевська Л. Як Горянський за Гоголем одружувався: Театр драми і комедії на Лівому березі презентував нову прем'єру // Україна молода. – Київ. – 2002. – 7 груд. (№ 229) – С. 6.

100. Онищенко Н. Гоголя читають у Корей [Корейські видання у ніжинській Гоголіані] // Деснянська правда. – 2002. – 6 квіт. – С. 12.

101. Павличко Д. Танець Гоголя в Римі: [Вірш] // Освіта. – 2002. – 6-13 берез. – С. 15.
102. Пасічний (Звездін). Образ чорта в українському фольклорі та повістях М.Гоголя: порівняльний аналіз // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.16. – С. 35-45.
103. Пахаренко В. "У всякого своя доля..." (Роздуми над новою книжкою Ю.Барабаша "Коли забуду тебе, Єрусалиме...". Гоголь і Шевченко. Порівняльно-типологічні студії (Київ, 2001.–273 с.) // Слово і час. – 2002. – № 12. – С. 68-78.
104. Петров В. Петербурзькі повісті М.Гоголя (Передмова)// Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2002. – Вип.9. – С. 114-153.
105. Пионтковская И.Н. Функция метафоры в поэтической структуре "Вечеров на хуторе близ Диканьки" Н.В. Гоголя // Літ. та культура Полісся. – Ніжин. 2002. – Вип.16. – С. 30-35.
106. Пионтковская И.Н. Функция метафоры в художественной структуре "Вечеров на хуторе близ Диканьки" // Вісник Черкаського ун-та Черкаси, 2002. – Серія Філол. наук. – Вип.29. – С. 100-114.
107. Погодин М. Кончина Гоголя // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2002. – Вип. 9.– С. 103-106.
108. Поліщук Я. Повернення Тараса Бульби // Політика і культура. – 2002. – № 22 (153). – С. 32-34.
109. Половнікова С.О. Гоголь і родина Тарновських // Скарбниця української культури: Збірник наук. праць. – Чернігів, 2002. – Вип. 3. – С. 32-35.
110. Половнікова С. Дружба, що почалася у Ніжині: (Про листування М.В. Гоголя з товаришем по Гімназії вищих наук В.В. Тарновським) // Деснянська правда. – 2002. – 2 берез. (№ 26). – С. 12.– (До 150-ї річниці від дня смерті М. Гоголя).
111. Полтавець М. Легенда для поколінь (Про літературознавчі дослідження Є. Маланюка (1897-1963) життя і творчості Т. Шевченка і М. Гоголя) // Дем. Україна. – 2002.– 7 берез.– С. 4.
112. Пятакова Г. Традиції М.Д. Чулкова в творчестві Н.В. Гоголя // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.16. – С. 143-148.
113. Радецкая М.М. Диалог культур в идилии Н.В. Гоголя "Ганс Кюхельгартен" // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип. 16.– С. 3-8.

114. Радчук В. Ефект обрамлення, або М.В. Гоголь у "полотенцях" для ніг // Урок української. – 2002. – №4. – С. 2-4.
115. Самойленко Г.В. Нежинская Гоголиана на современном этапе // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип. 16. – С. 182-186.
116. Сахаров Вс. Пророки романтизма. Гоголь и Шатобриан // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2002. – Вип.9. – С. 97-102.
117. Сверстюк Є. "Гоголь любив Україну, але не до загину": Інтерв'ю з письменником // Патріот України. – 2002. – 21-27 берез. – С. 4.
118. Сверстюк Є. Гоголь. 150 років безсмертя // Дзеркало тижня. – 2002. – 13 квіт. (№ 14 (389)). – С. 20.
119. Сверстюк Є. Заїдемо до Гоголя: Інтерв'ю з Є. Сверстюком / Розмову вела Л. Коханець // Голос України. – 2002. – 17 жовт. (№191). С. 20-21.
120. Сверстюк Є. Шевченко і Гоголь // Літ. Україна. – 2002. – 16 трав. (№18). – С. 2.
121. Сенько І. Гоголівський Шпонька у контексті історії України // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2002. – Вип.9. – С. 13-20.
122. Сенько І.М. Історичні алюзії у "Майській ночі" М. Гоголя // Літ. та культура Полісся. – 2002. – Вип.16. – С. 45-51.
123. Сенько І. Хронотопи "Зачарованого місця" Миколи Гоголя // Слово і час. – 2002. – №3. – С. 46-49.
124. Серебровська Я. "Великий друг і брат...": До 150-річчя рід дня смерті письменника М.В. Гоголя / Пер.з рос. В. Лупейка // Освіта. – 2002. – 6-13 берез. (№ 14-15). – С. 1, 14.
125. Сидоренко В.А. Художественное время в повести Н.В. Гоголя "Шинель" // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.16. – С. 89-92.
126. Синельников Б. Українські народні обряди в спадщині художника К.О. Трутовського // Київська старовина. – 2002. – №3. – С. 138-141. *Ілюстрував твори М. Гоголя.*
127. Скобельская О.И. "Пушкинское" и "гоголевское" как различные возможности творческого самовыражения // Вісник Черкас. ун-ту. – 2002. – Серія філол. наук. – Вип. 29. – С. 100-105.
128. Скобельська О.І. Гоголь та українська культурна модель // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.16. – С. 15-18.

129. Скобельская О. Русский усадебный мир: Нестандартный урок по поэме Н.В. Гоголя "Мертвые души". 9 класс // Всесвітня літ. та культура в навч. закладах України. – 2002. – № 4 (квітень). – С. 37-39.
130. Скуратівський В. Двадцять тез про Миколу Гоголя: До 150-річчя від дня смерті великого українця // Українська культура. – 2002. – №4-5. – С. 26-27.
131. Скуратовский В. Гоголь – тайный советник Европы // Зарубіжна література. – 2002. – № 45 (грудень). – С. 8.
132. Смирнова І. Таїна Різдва (театралізований урок-загадка з використанням різдвяних творів М. Гоголя та Ч. Діккенса) // Зарубіжна літ. – 2002. – № 45. – С. 8.
133. Солдатенко Т. Н.В. Гоголь и А.О. Смирнова-Россет // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.16. – С. 18-25.
134. Улюра А. "Старички прошедшего века" в повестях Н.В. Гоголя // Там само. – С. 98-101.
135. Фомічов А. На честь славетних: Про філателістичні мініатюри, присвячені М.В. Гоголю та М.М. Коцюбинському // Десн. правда. – 2002. – 26 верес.
136. Хоменко Ю. Роль театру у формуванні естетичних поглядів М.Гоголя-гімназиста // Сівер. літопис. – 2002. – №3(45). – С. 55-58.
137. Целехович Т.П. Обживание "овеществленного" простраснства как испытание духа в повести Н.В. Гоголя "Старосветские помещики" // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.16. – С. 81-83.
138. Цимбал Я. "Гогольянство" у прозі Майка Йогансена // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.16. – С. 111-116.
139. Цимбал Я. "Гогольянство" в прозі Майка Йогансена // Слово і час. – 2002. – №1. – С. 73-77.
140. Чемерис В. ...І ніхто не знає, як далеко літає він від своєї загибелі (Андрій Бульбенко і Микола Гоголь): хто сказав, що моя вітчизна – Україна? // Літ. Україна. – 2002. – 25 квіт. – С. 7.
141. Чикарькова М.Ю. Пейзаж в повесті Гоголя "Вий" // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.16. – С. 83-89.
142. Чоботько А.В. Форма і содержание произведений Н.В. Гоголя в оценке В.В. Розанова // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.17. – С. 231-240.

143. Чухліб Т. Прототип гоголівського Тараса Бульби – далекий предок письменника, гетьман Остап Гоголь // Дзеркало тижня. – 2002. – № 28 (403). – С. 19.

144. Чухліб Т. Хто був прототипом Тараса Бульби? // Історія України. – 2002. – № 44 (300). Листопад. – С. 7-9.

145. Шкода В. Служіння Гоголя (До 150-річчя з дня смерті) // День. – 2002. – 5 берез. (№ 42). – С. 6.

146. Шульц С. Диалог символістів с Гоголем // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2002. – Вип. 9. – С. 171-173. – Рец. на книгу: Сугай Л.А. Гоголь и символисты (М., 1999. – 376 с.).

147. Шульц С. "Женитьба" Гоголя и "Живий труп" Толстого в життєвому контексті // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2002. – Вип. 9. – С. 86-93.

148. ЮНЕСКО захоплюється Гоголем // День. – 2002. – 2 квіт. – С. 6.

149. Яворівський В. Українськість Гоголя // Літ. Україна. – 2002. – 14 берез.

150. Яворівський В. Українськість Гоголя // Культура і життя. – 2002. – 14 серп. (№ 28-29). – С. 5.

151. Якубина Ю.В. Православний календарь в житті Гоголя-гимназиста // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип.16. – С. 8-15.

152. Ялтанець Т.Д. Чому Хемінгуей порадив американській письменниці прочитати "Тараса Бульбу?": Підготовка до написання твору-роздуму. 7 клас // Заруб. літ в навч. закладах. – 2002. – № 7.

153. Яровий О. День Гоголя // Літ. Україна. – 2002. – 13 черв. – С. 3.; те саме // Православний вісник. – 2002. – №3. – С. 87-88.

– 2003 –

1. Алмазов Ю. Витоки Гоголя: [Вірш] // Український дім. – 2003. – №11. – С. 6 (газета).

2. Барабаш Ю. Гоголь і (чи) Шевченко // Урок української. – 2003. – №2. – С. 42–47.

3. Безбородько В. Композитор Глінка і "Ревізор" Гоголя: Грані світового мистецтва // Всесвітня літ. та культура. – 2003. – №5. – С. 55.

4. Брусилова А. Козаки з пісні: [Про прем'єру вистави за твором Миколи Гоголя "Тарас Бульба" в Херсон. обл. муз. драм.

театрі] / Алла Брусилова // *Голос України*. – 2003. – 21 лют. (№34). – С. 13.

5. Бусел С. У ніч перед Різдом із героями М. Гоголя... // *Зарубіжна літ.* – 2003. – №47 (351). – С. 8–11.

6. Від Гомера до Ейнштейна: Цікаві бувальщини й епізоди з життя видатних людей // *Коли скінчились уроки*. – 2003. – №1. – С.87–88.

7. Гайда Л. "Тарас Бульба" у пампасах і фіордах [Аргентинські та норвезькі оперні інтерпретації за повістю Миколи Гоголя] / Л. Гайда // *Культура і життя*. – 2003. – 10 груд.

8. Гамаль Л. Екзистенціали М. Гоголя (Про душі мертві і живі) // *Заруб. літ.* 2003. – №11 (315). – С. 2–4.

9. Гоголеві антропоніми // *Заруб. літ. в навч. закладах*. – 2003. – №9. – С. 63.

10. Гупало С. Висока хвороба Миколи Гоголя // *Дзеркало тижня*. – 2003. – 5–11 квіт. (№13). – С. 23.

11. Гупало С. Висока хвороба Миколи Гоголя: Психічне здоров'я письменника // *Заруб. література*. – 2003. – №41. – С. 16–19. (те саме: *Дзеркало тижня*. – №13. – 2003).

12. Гупало С. Неземне кохання Миколи Гоголя (Олександра Осипівна Смирнова-Россет) // *Директор школи*. – 2003. – №4. – (Вставка "ПАН Україна огляд"). – С. 16.

13. Жаркевич Н.М. Гоголівська проблематика на межі тисячоліть у журналі "Слово і час" // *Літ. та культура Полісся*. – Ніжин, 2003.–Вип. 23.– С. 13-20.

14. Железнікова Т. "Чи вміє людина правильно розпорядитися своїм талантом?" (за повістю М. Гоголя "Портрет") // *Заруб. літ.* – 2003. – №11(315). – С. 9–11.

15. Жуліна Л. Коли письменники літають: Про виставку, присвяч. письменникам Е.-Т.-А.Гофману і Миколі Гоголю (художниці І.Г. Левитської, Київ) // *День*. – 2003. – 23 січ. (№12). – С. 6.

16. Зарудня І.Я. "Черт вас возьми, степи, как вы хороши!"... (Картина українск. природи в повісти Н.В. Гоголя "Тарас Бульба" // *Рус. словесность в школах України*. – 2003. – №6. – С. 31–32.

17. Изваріна О.М. М. Гоголь і українська опера (М. Лисенко та П. Сокальський): Монографія /Донецьк. держ. ун-т економіки і торгівлі ім. М.Туган-Барановського. – Донецьк: ДонДУЕТ, 2003. – 216 с.: ілюстр., нот., табл., портр.

18. Ісаєнко К.П. Концепція історії у М. Гоголя і П. Куліша (порівняльно-типологічний аспект) // Наук. записки НДПУ ім. Миколи Гоголя. Філологічні науки. – Ніжин, 2003. – С. 54–60.

19. Ісаєнко К.П. Моделювання біографії М. Гоголя П. Кулішем (до проблеми інтерпретації біографії письменника) // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2003. – Вип. 23. – С.8–13.

20. Киричок Г.А. Роль і маска у художньому світі "Вечорів на хуторі біля Диканьки" М.В. Гоголя (до проблеми театральності ранньої прози театральності ранньої прози письменника) // Наук. записки Ніжин. держ. пед. ун-ту ім. Миколи Гоголя. Філологічні науки. – Ніжин, 2003. – С. 90–102.

21. Комар М. Душа і дух Миколи Гоголя, автора "Роздумування..." /о. д-р Микола Комар // Гоголь М.В. Роздумування про Божественну Літургію. – Л., 2003.

22. Кореневич Л. Сини однієї матері [України]: Дві письм. долі, дві письм. індивідуальності – Микола Гоголь і Тарас Шевченко / Леонід Кореневич // Уряд. кур'єр. – 2003. – 8 лют. (№25). – С. 8–9.

23. Косиченко Л. У Полтаві побував "Ревізор" [Миколи Гоголя]: За матеріалами бесіди із засл. арт. України Волод. Мироновичем та худож. кер. Кіровоград. обл. муз.-драм. театру Михайлом Ілляшенком] /Лесь Косиченко // Уряд. кур'єр. – 2003. – 13 груд. (№236). – С. 8.

24. Крутікова Н.Є. Н.В. Гоголь и Капнисты. – рос. // Крутікова Н.Є. Дослідження і статті різних років. – К., 2003. – С. 321–392.

25. Крутікова Н.Є. "Украинские повести" Н.В. Гоголя (1992) – рос. // Крутікова Н.Є. Дослідження і статті різних років. – К., 2003. – С. 194–291.

26. Крутікова Н.Є. "Выбранные места из переписки с друзьями" Н.В. Гоголя как утопия и ее западноевропейские параллели (1993). – рос. // Крутікова Н.Є. Дослідження і статті різних років. – К., 2003. – С. 292–320.

27. Кулікова Л. Історія з людським обличчям (Історико-пед. праці М. Гоголя) // Заруб. літ. – 2003. – №11(315). – С. 7–8.

28. Кулікова Л. Сучасний погляд на історико-педагогічні праці М.В. Гоголя // Історія України. – 2003. – №3 (січень). – С. 1–10.

29. Кульова В. Від Миргорода до Диканьки...: [Про перебування рос. письм. Миколи Васильовича Гоголя на Полтавщині] / Віра Кульова // Хрещатик. – 2003. – 24 груд. (№192). – С. 12–13.

30. Лимборский И.В. Мир, наполненный гармонией и цельностью бытия: Гоголь и украинское рококо // Рус. словесность в школах Украины. – 2003. – №6. – С. 47–50.

31. Медвідь В. Славні імена славного роду: [Про вплив на творчість рос. письм. Миколи Васильовича Гоголя творів його батька, укр. письменника Вас. Опан. Гоголя (Яновського) / В.Медвідь // Слобід. край. – 2003. – 22 берез. (№54). – С. 6.

32. Молодець В. Божевільні генії України (післяслово Василя Скуратівського) // Берегиня. – 2003. – № 1. – С. 73-80; С. 75, 79: М.В. Гоголь.

33. Панова Л.М. Реальність і фантастика в повісті Гоголя "Ніч перед Різдвом". Конспект уроку. 6 клас // Зарубіжна література. – 2003. – №10. – С. 26–28.

34. Петербурзьке товариство захоочення художників і його роль у розвитку українського образотворчого мистецтва ХІХ – ХХ ст. // Хроніка–2000. – 2003. – №55–56. – С. 335–351.

35. Петруніна Н. Орест Сомов і українське літературне середовище Петербургу 1820-х років // Хроніка-2000. – 2003. – №55–56. – С. 294–314.

36. Поліщук В. Гоголівське у Михайла Старицького: стильовий аспект // Укр. мова та література. – 2003. – Число 19 (№323, травень). – С. 29–31.

37. Рильський М. Смерть Гоголя: [Вірш] // Заруб. літ. – 2003. – №11 (315). – С.1. – укр.

38. Ротач П. Священні місця Полтавщини: Дві літературні поїздки. – Гоголівський край. Гадяч, Зелений Гай Лесі Українки. – Полтава: Верстка, 2003. – 68 с. – (Літерат.-краєзнавче видання).

39. Сапон В. "Я Гоголя давно когда-то латинской азбуке учил": [Про літератора та історика Івана Кулжинського: Краєзн. аспект] / В. Сапон // Деснян. правда. – 2003. – 4 січ. (№2). – С. 12. – (Заголовок рос.).

40. Сверстюк Є. Різдвяний гість Гоголь // Уряд. кур'єр. – 2003. – 16 січ. (№8). – С. 16.

41. Сіденко С.А. Урок-презентація повісті М.В. Гоголя "Ніч перед Різдвом" // Шкільна бібліотека. – 2003. – №3. – С. 36–37.

42. Скуратовский В. ...На пороге как бы двойного бытия (Из наблюдений над мирами Гоголя) // Заруб. літ. – 2003. – №11 (315). – С.5–6. – рос. (За матер.: Гоголезнавчі студії, Ніжин, 1997. Вип.2).

43. Смирнова Р. Шевченко малював домочадців Гоголя [За матеріалами бесіди із вченим Ю.О. Митропольським та родичкою Миколи Гоголя С.М. Данилевською / Рената Смирнова // Дзеркало тижня. – 2003. – 8–14 берез. (№ 9). – С. 19.

44. Сорочинський ярмарок на Невському проспекті: Українська рецепція Гоголя / Упоряд. В.Агеєва. – К.: Факт, 2003. – 352 с. – (Літ. проєкт. Текст. Контекст. Знакові літ. доробки та навколо них).

45. Спогади про М.В. Гоголя [Від Гомера до Ейнштейна: Цікаві бувальщини й епізоди з життя видатних людей] // Коли скінчились уроки. – 2003. – №1. – С. 87–88.

46. Українська лексика в творах Миколи Гоголя: Із книги: О.Стромецький. Гоголь (Львів, 1991) // Заруб. літ.-ра. – 2003. – №11. – С. 36.

47. Хоменко Ю.Н. Гоголь и проблемы художественного перевода // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2003.– Вип. 23.– С. 21-29.

48. Цьолух С. Духовний шлях [рос. письменника] Гоголя / Сергій Цьолух // Вінничина. – 2003. – 18 листоп.

49. Чемерис В. Загибель п'єси [М.В. Гоголь і В.А. Жуковський]. Про долю п'єси М. Гоголя "Вибритий вус" // Літ. Україна. – 2003. – 18 верес. (№34). (5027). – С. 7.

50. Чемерис В. ...І ніхто не знає, як далеко літає він від своєї загибелі: "Тарас Бульба" М.Гоголя, його персонажі і зв'язок із світоглядом письменника // Заруб. література. – 2003. – № 41 (345). – С. 11–15. (За матеріалами газети "Літературна Україна", 25 квітня 2002 р.).

51. Чирка В. Роль духовної спадщини М.В. Гоголя у вихованні молоді людини // Заруб. літ. – 2003. – №10. – С.63; Всесвітня література та культура в навч. закл. України. – 2003. – №1. – С. 45.

52. Чичибабин Б. Путешествие к Гоголю: [Вірш] // Зарубіжна літ. – 2003. – №11 (315). – С. 1. – рос.

53. Чухліб Т. Так хто ж був прототипом Тараса Бульби // Чумацький шлях. – 2003. – №5. – С. 27–31.

54. Яковлев Г. А повернись-ка, сын! Изучать ли в школе "Тараса Бульбу" // Заруб. літ. – 2003. – №37 (341). – С. 6–8. (За матер.: "Литература" (Москва). №9).

1. Арват Н.Н. Формы и функции периода в художественных произведениях Н.В. Гоголя // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С.18-27
2. Арват Н.М. Троичность в поэме Гоголя “Мертвые души” // VII Гоголівські читання: Зб. наук. праць Полтавського держ. ун-ту.: Філологічні науки – Полтава, 2004. – С.169–172.
3. Базилевський В. Інстинкт генія: Т. Шевченко, Є. Маланюк про мову М. Гоголя // Кур’єр Кривбасу. – 2004. – №2 (171). – С. 85–102.
4. Бакулина Т.М. Викторина по повести Н.В. Гоголя "Тарас Бульба" // Рус. яз. и лит. в учеб. завед. – 2004. – №4. – С. 55–59.
5. Барабаш Ю. Гоголь у літературній свідомості українського зарубіжжя: (Нариси сприйняття та інтерпретацій). – Сімферополь: Кримський Архів, 2004. – 128 с. – [Нові гоголезнавчі студії: Вип. 1(12) / Відп. ред. П.В. Михед].
6. Белая А.С. Языковое выражение коммуникативных стратегий литературных героев в поэме Н. Гоголя ”Мертвые души”// Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С. 89-91
7. Біла А.С. Социокультурная информация средствами языка в поэме Гоголя “Мертвые души” // VII Гоголевские чтения: Материалы междунар. конф. (Полтава, март 2004). – Полтава, 2004. – С.182–184.
8. Бицько О.К. Створити підґрунтя для вивчення теми (Матеріал до вступного уроку за творчістю М. Гоголя) // Всесвітня літ. в серед. навч. закл. України. – 2004. – №. – С. 19–22. – (До 195-річчя від дня народж. М. Гоголя).
9. Бовсунівська Т. Портретні міфологеми в петербурзьких повістях Миколи Гоголя // Укр. мова та література. – 2004. – Травень [№20]. – С. 35–37.
10. Боева Е.В. Комунікативно-прагматичний потенціал безонімних номінацій у повістях М.В. Гоголя / Е.В. Боева, О.Ф. Немировська // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С. 62–67.
11. Бражникова Л.Є. Компаративний аналіз повістей М. Гоголя "Тарас Бульба" та А. Кашенка "За козацьким порогом" (7 кл.). / Л.Є. Бражникова, І.С. Сітало // Зарубіжна літ. – 2004. – №8. – С. 19–23.
12. Бровар Д. Пророцтво Гоголя: [Про державну незалежність України в українській історіографії першим повів мову М.В.Гоголь] // Літ. Україна. – 2004. – №40 (14 жовт.). – С. 1, 4.

13. Буторов О. Прокляття дому Гоголів: Давні таємниці // Гарт. – 2004. – 6 травня. – С. 17.
14. Волковинский А.С. Эпитет в прозаическом тексте Н. Гоголя (еще раз о том, как сделана “Шинель”// Літ та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С. 78-85.
15. Головка Л.М. Два великих полтавці [М.О. Максимович і М.В. Гоголь] // Всесвіт. літ. в серед. навч. закл. України. – 2004. – №9. – С. 54–56. – (До 200-річчя від народж. М.О. Максимовича).
16. Горак Я.Р. Повісті Миколи Гоголя у перекладах Анатолія Вахнянина // Літ та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С. 119–124.
17. Горак Р. Так ніколи і не написана стаття...: Іван Франко про Миколу Гоголя // Дзвін. – 2004. – №7. – С. 119–126. – (До 195-річчя від дня народж. Миколи Гоголя).
18. Горбач Н.В. Історико-біографічні твори про М. Гоголя: "Прийшов у світ, щоб сказати про нього найбільшу правду" // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С.151–154.
19. Горбач Н. Нереалізована мрія: Із ще неопублікованої книжки "Микола Гоголь: життя і духовна драма генія" // Дзвін. – 2004. – №7. – С. 127–132.
20. Гудзик К. Миттєвість життя генія: [Про рос. письм. Миколу Гоголя (1809–1852): Нарис / Клара Гудзик] // День. – 2004. – 16 квіт. (№68). – С. 8.
21. Дзира Я. Заповіт Миколи Гоголя: "Відокремитись і проголосити свою незалежність" // Заруб. літ. – 2004. – №37 (Жовт.). – С. 12–15. – (За матеріалами "Слова Просвіти", ч.14 (234), 1–7 квітня 2004).
22. Дзира Я. Заповіт Миколи Гоголя: "Відокремитись і проголосити свою незалежність": [Про статтю М. Гоголя "Размышление Мазепы", про долю укр. нації в Рос. імперії] // Слово Просвіти. – 2004. – 6–12 трав. (№19). – С.10. – Закінч. Початок: №14.
23. Жаркевич Н.М. Трилогія В.П. Авенариуса “Ученические годы Гоголя” в контексте художественных традиций русской классической литературы. // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С. 145–151.
24. Жулинський М. Дві половинки українського серця: Шевченко і Гоголь // День. – 2004. – 20 берез. (№50). – С.7. – Закінч. Початок: №41.

25. Загадки смерті Миколи Гоголя: [За "Українською газетою" №33 (268) 4 верес. 2003] // Заруб. літ. – 2004. – №37 (Жовтень). – С. 22–24.
26. Звняцьковський В. Від Гомера до Гоголя. Розділи з підручника // Зарубіжна літ. – 2004. – №21–24 (373–376). – С. 2–94.
27. Ісаєнко К.П. Микола Гоголь і Пантелеймон Куліш проблема типології художньої свідомості: Автореф. дис... канд. філол. наук. – К., 2004 – 20 с.
28. Кириленко Л.О. До проблеми формування етнічного стереотипу українця у творчості Миколи Гоголя // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С. 52–58.
29. Киченко А.С. Молодой Гоголь (истоки и пути эволюции ранней прозы) / Черкас. нац. ун-т ім. Б.Хмельницького. – Черкасы, 2004. – 191 с. – рос.
30. Кокарева В.В. Описать пошлость тоже нужен талант. Превентивное прочтение поэмы Н.В. Гоголя "Мертвые души" как средство развития у учащихся интереса к произведению // Рус. словесность в школах Украины. – 2004. – №2. – С. 35–37.
31. Контрольная работа "Оценивание по теме". Поэма Н.В. Гоголя "Мертвые души" // Бібліотека журналу "Рус. язык и лит в школах Украины". – 2004. – Вип. 6. – С. 106–108.
32. Конференция-дискуссия по теме "Поэма Н.В. Гоголя "Мертвые души" // Бібліотека журналу "Русский язык и лит. в школах Украины" – 2004. – Вип. 6. – С. 103–106.
33. Косиченко Л. Гоголь зібрав у Полтаві митців: [Про II Всеукр. театр. фестиваль "В гостях у Гоголя"] / Лесь Косиченко // Уряд. кур'єр. – 2004. – 17 квіт. (№73). – С. 8.
34. Краснобаева О. Теория гоголевского комического в рецепции А.Крживона // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С. 155–164.
35. Курашина О. Нищівний сміх: [До 195-річчя від дня народж. М.Гоголя] // Ніжинський вісник. – 2004. – 1 квіт. – С. 3.
36. Лімборський І. Традиції українського літературного рококо в творчості українця М.Гоголя // Укр. літ. в загальноосвіт. школі. – 2004. – №5. – С. 38–41.
37. Любченко В.Г. Микола Гоголь і чеська культура // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С. 170–174.
38. Майстер Норштейн: Ретроспектива фільмів режисера Юрія Норштейна / Інтерв'ю з прес-конф. І.Передерій // Кінотеатр. – 2004. – №3. – С. 42–44.

39. Мельник Б. Чи Микола Гоголь український патріот?: [Відгук на ст. Віталія Микульського "Укр. Гоголь" в газ. "Літ. Україна", 2004, 3 черв.] / Богдан Мельник // Літ. Україна. – 2004. – 22 лип. (№28). – С. 1.
40. Микульський В. Микола Гоголь – патріот: Відповідь Богданові Мельнику з Торонто та доктору філософії Євгеніві Сверстюку // Літературна Україна. – 2004. – 18 листоп. – С. 4.
41. Микульський В. Український Гоголь / Віталій Микульський // Літ. Україна. – 2004. – 3 черв. (№21). – С. 4.
42. Михед П.В. Апостольський проект Миколи Гоголя (спроба реконструкції) // Слово і час. – 2004. – №7. – С. 12–23.
43. Михед П. Молюся, господи, внуши їм уст моїх глаголи... (Уваги до вивчення теми: "Шевченко-пророк") // Сучасність. – 2004. – №3. – С. 113–125.
44. Михед Т.В. Концепт відьми у романтичну добу (на матеріалі творчості Миколи Гоголя і Натанієля Готорна) // Наук. записки. Філологічні науки / Ніжин. держ. пед. ун-т ім. Миколи Гоголя. – Ніжин, 2004. – С. 99–102.
45. Михед Т.В. Художня семантика теодицеї в контексті православної і протестантської традиції (Гоголь і Ірвінг) // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С. 164–170.
46. Мойсеїв І. Гоголівські перемови (діалогіка роздвоєння та узважнення): Спорідненість повістей М. Гоголя "Тарас Бульба" та "Страшна помста" // Сучасність. – 2004. – №2. – С. 75–82.
47. Мощенская Л.Г. Мир казаков в повести Н.В. Гоголя // Літ. та культура Полісся. – Ніжин. 2004. – Вип. 24. – С. 48–52.
48. Намокштанская И.Е. Гоголевские мотивы в поэтике В.С. Высоцкого / И.Е. Намокштанская, Н.О. Куглер // Літ. та культура Полісся. – Ніжин. 2004. – Вип. 24. – С. 48–52.
49. Науменко Л.П. Відтворення українських реалій в англійських перекладах творів Миколи Гоголя // Літ. та культура Полісся. – Ніжин. 2004. – Вип. 24. – С. 174–178.
50. Ненич Г.М. Диканьківські мешканці – мої знайомі. Урок-конкурс за твором Гоголя "Ніч перед Різдрвом" (6 кл.) // Заруб. літ. – 2004. – №12. – С. 32–33.
51. Нива Жорж. Гогольград / Пер. с фр. Бориса Сигова // Заруб. література. – 2004. – №37(389). – С.16–21.

52. Николаенко А.И. О значении наследия Н.В. Кукольника для современного понимания отдельных моментов истории русской культуры // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С. 94–100.

53. Переломова О.С. Безеквівалентна лексика українського етнокультурного ареалу в мовній картині світу Гоголя // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С. 58–62.

54. Петрик З. Це велике ім'я – М. Гоголь // Ніжинський вісник. – 2004. – 1 квіт. – С.3.

55. Петрова О. Мистецтвознавчі рефлексії: історія, теорія та критика образотворчого мистецтва 70-х років ХХ – початку ХХІ ст.: Збірник статей. – К.: Вид дім “КМ Академія”. – 2004. – 400 с.

56. Петрова С.М. Ергономіка на уроках русської літератури в якутській школі (На матеріалі поеми Н.В. Гоголя “Мертвіє душі”) // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С. 91–94.

57. Поліщук Я.О. Три інтерпретаційні парадигми "Тараса Бульби": повість Миколи Гоголя в оцінці російської, української та польської критики // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С. 27–48.

58. Полоз О.О. Образ Тараса Бульби в однойменній опері М.Лисенка // Всесвітня література в серед. навч. закладах України. – 2004. – №9. – С. 39–40.

59. Портрет М.В. Гоголя на уроці: яким побачили письменника відомі художники О.Іванов (1841), Ф.Моллер (1841), І.Рєпін (1878), С.Бондар // Всесвітня літ. в сер. навч. закл. України. – 2004. – №9. – Портрети на обкладинці.

60. Приходько Л.И. Гоголь в Нежине // Заруб. літ. в навч. Зкладах. – 2004. – №7. – С. 15–17.

61. Пустовит Т.Н. Гоголевский взгляд на историю и современная историческая проза (на матеріалі произведений Д.Балашова) // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С. 125–129.

62. Радзивілл Г.О. "Тарас Бульба" очима методиста / Г.О. Радзивілл, Г.Ф. Будня, Н.П. Шульга, О.О. Полоз // Всесвітня літ. в серед. навч. закл. – 2004. – №9. – С. 38–40; портр. на обкл.

63. Радинський О. Чортів Гоголь // Кіно-коло. – 2004. – №24. – С. 76–77.

64. "Ревізор" прибув до Києва // Заруб. літ. – 2004. – Серпень (№30). – С.24.

65. Розанова Л.Н. Гоголь и Основьяненко: украинский менталитет в русской литературе” // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С.108–112.

66. Ролик А.Ф. Фразеологизмы в поэме Н.В. Гоголя “Мертвые души” и способы их передачи в немецком переводе произведения // Наук. записки. Філологічні науки / Ніжин. держ. пед. ун-т ім. Миколи Гоголя. – Ніжин, 2004. – С. 78–81.

67. Романова Л.В. Экспрессия синтаксических конструкций в произведении Н.В. Гоголя “Вечера на хуторе близ Диканьки.”// Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С. 67–70.

68. Самойленко Г.В. Нежинская гоголиана на рубеже веков (1979-2004).”// Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С.3–13.

69. Сапченко Л.А. “Русский помещик” “Выбранных мест...” Н.В.Гоголя: проблема жанра). // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С.140–145.

70. Савран А.А. Одинокая птица, или Выбранные места из жизни и творений Гоголя: Лит.-драм. композиция // Все для учителя. – 2004. – №4–5 (лютий). – С. 80–73.

71. Сверстюк Є. Гоголь і Шевченко – рік високого сонця в Україні: [Про вплив творчості рос. письм. Миколи Гоголя на молодого укр. поета Тараса Шевченка] // Культура і життя. – 2004. – 26 трав.

72. Скорик Н. Інценівка повісті М.В. Гоголя "Ніч перед Різдом" // Позакласний час. – 2004. – №3–4. – С. 48–50.

73. Сквиря Н.М. Функциональная природа евангельских формул в контексте второго тома “Мертвых душ” Гоголя.”// Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С. 85–89.

74. Смирнова Р. Таємниці біографії Гоголя // Дзеркало тижня. – 2004. – 24 січня. – С. 23.

75. Ступак Л. На Січ разом з М. Гоголем: Відкритий урок за повістю М. Гоголя "Тарас Бульба" // Заруб. літ. – 2004. – №37 (жовт.). – С. 6–11.

76. Супрун А.Г. Філософське тлумачення місця творчої спадщини М.Гоголя в контексті українського романтизму та світової культури // Практична філософія. – 2004. – № 1. – С. 118–123.

77. Сюдюков І. Чудове місто Миргород: Доля двох “існуювачів” у Гоголя // День. – 2004. – 18 черв. – С. 8.

78. Феденьов Р. Не дуже знайомий Гоголь: [Про роль жінок в житті рос. письм. Миколи Гоголя] / Родіон Феденьов // Одес. вісті. – 2004. – 13 берез. (№47–48). – С. 10.

79. Фурсова Л.О. Виховання кращих моральних якостей (на прикладі компаративного вивчення творчості М. Гоголя та І. Франка. 7 кл.) // Заруб. літ. в навч. закл. – 2004. – №12. – С. 25–27.

80. Хомайко Ю. "Полюбите нас черненькими...": [К 195-летию со дня рождения рус. писателя Николая Васильевича Гоголя] / Юрий Хомайко // Слобід. край. – 2004. – 3 квіт. (№64). – С. 7.

81. Хоменко Ю.М. "Вечера на хуторі близ Диканьки" Гоголя у перекладі Лесі Українки (до питання про відтворення індивідуально-авторських фразеологізмів) // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С. 179–184.

82. Хоменко Ю. До проблеми "Гоголь та переклад" // Сівер. літопис. – 2004. – №2–3. – С. 81–86.

83. Хомчак Е.Г. Типологія створення образів в произведениях Н.В. Гоголя и И.А. Гончаров // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С.179–184.

84. Цікаві бувальщини із життя видатних людей: Спецвипуск // Все для вчителя. – 2004. – №19–20 (Липень). – 128 с. М.В. Гоголь: С. 81–82.

85. Целехович Т.П. "Я воюю с ними и изгоню их...": мифологема одержимого бесом в "Страшной мести" Н.В. Гоголя // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С. 70–78.

86. Черненко С. Великий пересмішник: [Про образ рос. письм. Миколи Васильовича Гоголя в творчості київської худож. Ірини Левитської] // Демокр. Україна. – 2004. – 1 квіт. (№37). – С. 10.

87. Чернова К. Земля, до якої він линув: [Про заповідник-музей рос. письм. М.В. Гоголя в с. Василівка Дикан. р-ну Полтав. обл.] / Катерина Чернова // Зоря Полтавщини. – 2004. – 31 берез. (№49–50). – С. 5.

88. Чернова К. Роки поступу: [Про заповідник-музей письм. Миколи Васильовича Гоголя (1809–1852), с. Гоголеве, Полтав. обл.] / Катерина Чернова // Літ. Україна. – 2004. – 8 квіт. (№14). – С. 3.

89. Чоботько А.В. В.Розанов о роли Н.Гоголя в истории России // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С. 184–194.

90. Чоботько А.В. Смех и сатира у В. Розанова и Н. Гоголя // Наук. записки. Філологічні науки / Ніжин. держ. пед. ун-т ім. Миколи Гоголя. – Ніжин, 2004. – С.108–112.

91. Шапченко Н.В. Тестовое задание по IV главе поэмы Н.В. Гоголя "Мертвые души" (9 класс) // Рус. яз. и лит. в учеб. заведениях. – 2004. – №4. – С. 54.
92. Шудря М. Живий Тарас Бульба // Українська газета. – 2004. – 18 берез. – С. 8.
93. Шульга Н.П. "Тарас Бульба" очима методистів. 7 клас // Всесвіт. літ. в сер. навч. закл. України. – 2004. – №9. – С. 38–40.
94. Яровий О.С. "Внутрішній" Гоголь: актуальність духовних шукань // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С. 13–17.
95. Якубина Ю.В. Гоголь и Гребенка (нежинский период биографии) // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2004. – Вип. 24. – С. 100–108.
96. Якубина Ю.В. "Я всегда чувствовал в себе маленькую страсть к живописи" // Наук. записки. Філологічні науки / Ніжин. держ. пед. ун-т ім. Миколи Гоголя. – Ніжин, 2004. – С.94–99.

– 2005 –

1. Антонец М.А., Ковнатор Е.А., Христов Д.И. Значение жизненного подвига Н.В.Гоголя для воспитания христианской морали у студенческой молодежи // Літ. та культура Полісся. – Вип. 28. – Ніжин, 2005. – С. 3-8.
2. Арват Н.Н. Взаимодействие контекстно – речевых форм в структуре текста повесть Гоголя (Тарас Бульба) // Текст в лингвистической теории и методике преподавания филологических дисциплин. Материалы междунар. конф. – Мозир. – Ч.1. –.2005
3. Арват Н.Н. Нежинская Гоголиана на современном этапе (лингвистический аспект). // Информационный бюллетень УАПРЯЛ. – Вип.12, Нежин – 2005.
4. Арват Н.Н. Концепт *душа* в произведениях А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя // Наук. записки. Філологічні науки / Ніжин. держ. пед. ун-т ім. Миколи Гоголя. – Ніжин, 2005. – С. 78–83.
5. Арват Ф.С., Арват Н.Н. Первые переводы произведений Гоголя на Украине // Язык и культура. – 2005.
6. Балабко О. Римське щастя Миколи Гоголя // Київ. – 2005. – № 11. – С. 138-145; № 12. – С. 118-143.
7. Банзерук О.В. Синестетические метонимические эпитеты как репрезентанты образной картины мира Н.В. Гоголя // Проб-

лемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. – Архангельск, 2005. – Вып. 2 – С.457–459.

8. Барабаш Ю. Гоголезнаство в Україні й поза нею (Доповідь, виголошена на 11-ій щорічній науковій конференції НАУКМА “Україна: людина, суспільство, природа”. 24 січня 2005 року // Слово і час. – 2005. – № 4. – С. 3-9; // Нові Гоголезнавчі студії: Вип. 2(13). – Сімферополь: Кримський Архів, 2005.

9. Белая А.С. Языковая картина мира средствами социальной терминологии в поэме Гоголя “Мертвые души” // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2005. – Вип. . – С. – .

10. Белая А.С. Этнокультурологические компоненты в смысловой структуре текста (на материале повестей Н.В. Гоголя “Вечера на хуторе близ Диканьки”) // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: Материалы III Междунар. науч. конф. – Мозырь, 2005.

11. Бондарь Н.А. Субстантивы в поэме Гоголя “Мертвые души.” // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: Материалы III Междунар. науч. конф. – Мозырь, 2005.

12. Відбудують сімейну церкву Гоголів-Яновських // Урядовий кур’єр. – 2005. – 2 серпня. – С. 16.

13. Вінничук Г.А. Партитура художнього тексту як засіб опанування техніки виразного читання (на матеріалі повісті М.Гоголя “Тарас Бульба”) // Всесвітня література в середніх навчальних закладах України. – 2005. – № 10. – С. 36-37.

14. Войтенко В. Пристрасті довкола “Бульби” // Кіно-коло. – 2005. – № 28. – С. 67.

15. Гальонка О. Чарівна українська ніч: літературно-музичні фрагменти за творами Миколи Гоголя // Шкільний світ. – 2005. – № 21-24. – С. 16-19.

16. Ганжа Л. Гоголь після капремонту // Дзеркало тижня. – 2005. – 30 грудня. – С. 19.

17. Гетман Л.И. Греки у Пушкина и Гоголя // IV Гоголевские чтения. Гоголь и Пушкин. – М.: Книж. дом, 2005.

18. Гетман Л.И. Петербург и Рим глазами малоросса // V Гоголевские чтения. – М.: Дом Гоголя, 2005/6.

19. Гоголь М.В. “Тарас Бульба”: у пошуках методичних варіантів: добірка статей // Всесвітня література в середніх навчальних закладах України. – 2005. – № 10. – С. 32-37.

20. Гурець М. Краєзнавчий аспект творчості Миколи Гоголя // Зарубіжна література. – 2005. – № 11 (411). – С. 16.
21. Дрос Я. Прототип Тараса Бульби // Українська культура. – 2005. – № 3-4. – С. 26.
22. Думанський Н. “Ревізор” та інші комедії // Сучасність. – 2005. – № 9. – С. 100-110.
23. Залізняк Б. Чи Гоголь винен у бідах неоімперії? Парадигма патріотизму в сучасній російській публіцистиці і завдання української інтелігенції (на прикладі часопису “Наш современник”) // Дзвін. – 2005. – № 12. – С. 112-116.
24. Іохова Л. Особливості проведення уроку літератури на пропедевтичному етапі навчання. М. Гоголь “Тарас Бульба”, 7 кл. // Зарубіжна література. – 2005. – № 21-24.(червень). – С. 89-93.
25. Ісаєва О.О. Застосовуючи новітні технології розвитку читацької діяльності учня 9 класу (на матеріалі поеми “Мертві душі” М. Гоголя) // Всесвітня література в середніх навчальних закладах України. – 2005. – № 4. – С. 35-36.
26. Ісаєнко К.П. Проблема ейдологічної присутності М. Гоголя у творчості П. Куліша // Літ. та культура Полісся. – Вип. 30. – Ніжин, 2005. – С. 48-56.
27. Ісаєнко К.П. «Хуторна філософія» П. Куліша й «Вибрані місця» М. Гоголя: проблеми інтертекстуальності // Літературна компаративістика. – Вип. 1. – К.: ПЦ «Фоліант», 2005. – С. 206-225.
28. Косенко Н.Я. Розвивати в учнів здатність до зіставлення художніх образів (урок компаративного аналізу за розділом “Історична тема в художній прозі. Рицарство та козацтво. Спільні та відмінні риси. Роман В. Скотта “Айвенго” та повість М. Гоголя “Тарас Бульба”) // Всесвітня література в середніх навчальних закладах України. – 2005. – № 10. – С. 34-35.
29. Кулик В. Святкування ювілею М.В. Гоголя у Ніжині // Вісті. – 2005. – 25 березня. – С. 5.
30. Кульчицький Р. Подорож у минуле (кросворди до повісті “Тарас Бульба”, 7 кл.) // Зарубіжна література. – 2005. – № 43 (443). – С. 12.
31. Лімонов Е. “...десь поруч із Гоголем”/ Розмову з Едуардом Лімоновим вів Антон Пугач // Кіно-коло. – 2005. – № 25. – С. 78-81.
32. Логвиненко Л. Церква, де охрестили Гоголя [про Спасо-Преображенську церкву у с. Великі Сорочинці, Полт. обл.] /

Леонід Логвиненко // Слобідський край. – 2005. – 12 лют. (№ 27). – С. 12.

33. Лук'яненко Г. Феномен нового вбрання короля: Філософія одягу // Філософська думка. – 2005. – № 5. – С. 79-90.

34. Лушник Л.С. Национальная специфика фразеологизмов в произведениях Н.Гоголя // Зб. IV наук. Конф. Гомельськ. у-ту. – Гомель. – 2005.

35. Матвієнко С. Дмитро Чижевський – формаліст. Порівняльний аналіз статей Дмитра Чижевського та Бориса Ейхенбаума про повість Миколи Гоголя «Шинель» // Нові Гоголезнавчі студії: Вип. 2(13). – Сімферополь: Кримський Архів, 2005. – С. 169-180.

36. Микола Гоголь. “Тарас Бульба”: інтелектуальні бої козаків. Ігри на уроках зарубіжної літератури // Зарубіжна література. – 2005. – № 16 (Квітень). – С. 11-13.

37. Михед П.В. Проблеми української русистики // Літературна компаративістика. – Вип. 1. – К.: ПЦ «Фоліант», 2005. – С.45-64.

38. Михед П.В. Рим в творческом сознании Гоголя // Нові гоголезнавчі студії. – Сімферополь: Киев, 2005. – С. 143– 158.

39. Михед Т. Концепт відьми у романтичну добу (на матеріалі творчості Миколи Гоголя і Натаніеля Готорна) // Михед Т. Поетологічні етюди з історії літератури Англії та США: Збірник статей. – Ніжин: ТОВ «Видавництво «Аспект-Поліграф», 2005. – С.79-86.

40. Михед Т. Семантика концепту страху в українських повістях Миколи Гоголя та оповіданнях Вашингтона Ірвінга і Натаніеля Готорна // Михед Т. Поетологічні етюди з історії літератури Англії та США: Збірник статей. – Ніжин: ТОВ «Видавництво «Аспект-Поліграф», 2005. – С.133-142.

41. Михед Т. Семантика концепту страху в українських повістях Миколи Гоголя та оповіданнях Вашингтона Ірвінга і Натаніеля Готорна // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2005. – Вип. 30. – С. 65–73.

42. Михед Т. Художня семантика теодицеї в контексті православної і протестантської традиції (Гоголь і Ірвінг) // Михед Т. Поетологічні етюди з історії літератури Англії та США: Збірник статей. – Ніжин: ТОВ «Видавництво «Аспект-Поліграф», 2005. – С. 118-127.

43. Молнар Василь. З історії Свято-Миколаївської церкви Диканьки // Нові Гоголезнавчі студії. – Вип. 2(13). – Сімферополь, 2005. – С. 158-162.

44. Морозовський Р. Орел, Журавель, Гоголь... // Берегиня. – 2005. – № 4 (47). – С. 60-63.
45. Недавні А. Старожитні чудеса і скарби з Диканьки // Слово Просвіти. – 2005. 13-19 січня (№ 2). – С. 14-15.
46. Ніколенко О., Бардакова Ю. Микола Гоголь і Фрідріх Дюрренматт // Нові Гоголезнавчі студії: Вип. 2(13). – Сімферополь: Кримський Архів, 2005. – С. 180-194.
47. Ніч перед Різдом: (сценарій за Гоголем) / Розробив Н.І. Сирота // Позакласний час. – 2005. – № 23-24. – С. 3-5.
48. Нові Гоголезнавчі студії: Вип. 2(13). – Сімферополь: Кримський Архів, 2005. – 292 с.
49. Омелянчук І. Воскові легенди для рівнян // Урядовий кур'єр. – 2005. – 27 травня. – С. 6.
50. Онищенко Н. Гоголь посміхається...// Деснянська правда. – 2005. – 1 березня. – С. 4.
51. Панченко В. “Гофманіада” Володимира Дрозда та “Тоголіана” Юрія Щербака: (два епізоди з філософії української літератури кінця 1960-х рр.)// Київ. – 2005. – №12. – С. 144-152.
52. Ролик А.В. Воссоздание образа Украины в немецких переводах произведений Н.В. Гоголя // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2005. – Вип. 30. – С. 73–76.
53. Рожен О. Українці на землі і на небі // Дзеркало тижня. – 2005. – 30 грудня. – С. 13.
54. Самойленко Г.В. Наследие Н.Гоголя в трудах ученых Нежинской высшей школы // Информационный бюллетень УАПРЯЛ.– 2005. – №12 – С.29–45.
55. Сверстюк Є. Різдяний гість [письменник] Гоголь / Євген Сверстюк // Кримська світлиця. – 2005. – 6 січ. (№ 2). – С. 11.
56. Сидоренко В.А. К вопросу категории когерентности в “Мертвых душах” Н.В. Гоголя // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: Материалы III Междунар. науч. конф. – Мозырь, 2005.
57. Сидоренко О. Що таке військове козацьке товариство?: За повістю М. Гоголя “Тарас Бульба” // Все для вчителя. – 2005. – № 21-22. (листопад). – С. 46-49.
58. Скобельська О.І. Творчість М.Гоголя та барокові традиції в українській літературі XVIII – початку XIX століть // Всесвіт. літ. та культура в навчальних закладах України. – 2005. – №8. – С. 29-33.

59. Смирнова Р. Нове про долю двох геніїв: Невідома робота Шевченка: портрет сестри Гоголя // День. – 2005. – 27 трав. – С. 8.
60. Сова В.В. Історичний коментар як засіб глибшого розуміння тексту (методика його використання під час вивчення повісті М. Гоголя “Тарас Бульба”) // Всесвіт. літ. в середніх навчальних закладах України. – 2005. – № 10. – С. 32-33.
61. Сорочинський ярмарок: Нові монети України // Нумізматика і фалеристика. – 2005. – №4. – С. 3.
62. Тарасюк Г. Римське щастя Миколи Гоголя // Літературна Україна. – 2005. – 22 грудня. – С. 4.
63. Теленчі О. Великий українець: чужий серед своїх: Микола Гоголь // Голос України. – 2005. – 5 листоп. – С. 8.
64. Туровська Л. Дивний геній: 1 квітня – день народження М.В. Гоголя (1809-1852) // Демократична Україна. – 2005. – 1 квіт. – С. 10.
65. Холодна Ю.М. Ораторське мистецтво М. Гоголя (матеріали та методичні поради до уроків за повістю “Тарас Бульба”) // Всесвітня література в середніх навчальних закладах України. – 2005. – №6. – С. 54-60.
66. Чемерис В. Майська ніч, або Ворожба на павуках. Повість-хімерія // Дніпро. – 2005.– № 3-4. – С. 12-67.
67. Чирка В.В., Чирка В.Г. Духовна самоідентифікація особистості (“Роздуми про божественну літургію” М.В. Гоголя) // Зарубіжна література. – 2005. – № 43 (443). – С. 8-11.
68. Чоботько А.В. В Розанов и Н.Гоголь: историография вопроса // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2005. – Вип. 29. – С. 5–14.
69. Чоботько А.В. В. Розанов о личности Н. Гоголя // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 2005. – Вип. 30. – С. 56–65.
70. Яловегіна Г. Полтавські нащадки Пушкіна і Гоголя // Зоря Полтавщини. – 2005. – 22 лют.
71. Яремчук А. Диба. Кінопроект «Тарас Бульба» як преїскурант можливостей нинішньої влади // Українська культура. – 2005. – № 9. – С. 5-7.

Підготували Л. Гранатович, К. Ісаєнко, Н. Кузьменко

**Тарас Шевченко і Микола Гоголь
(матеріали до бібліографії)***

1. Кулжинский И.Г. Н. Гоголь и Т. Шевченко // Русский, 1868, №127, 135.
2. Zdziechowski M. Szewczenko i Gogol // Mesyaniści i słowianofile: Szkice z psychologii narodyw słowiańskich. – Kraków, 1988. – S. 277–308.
3. Щурат В. Шевченкове посланіє Гоголю // Учитель. – Львів, 1909. – № 10-11. – С. 146-148; № 12. – С.177-180.
4. [Рецензія] // Записки Наук. Т-ва у Львові. – 1910. – Т. 94, Кн. 2. – Бібл.: 231. – Рец. на ст.: Щурат В. Шевченкове посланіє Гоголю // Учитель.– 1909. – Ч. 10-12).
5. Євшан М. Тарас Шевченко: Статті Миколи Євшана.– К., 1911.– 91 с.
6. Щурат В. Пам'ятні дубки // Засів. – 1911. – С. 155.
У Полтаві посаджено три дуби пам'яті Т.Г. Шевченка, І.П. Котляревського і М.В. Гоголя.
7. Щурат В. Літературні начерки. – Л[ьвів], 1913.
С.33-38: Шевченкове посланіє Гоголю.
8. Мельников Лук. Шевченко и Гоголь // Украинская жизнь (Москва). – 1914. – №2. – С. 90-105.
9. Возняк М. Духовна самостійність Тараса Шевченка // Український вісник. – 1921. – 10 берез. (№ 37).
С. 277-30: Шевченко і Гоголь.
10. Свенціцький І. Гоголь і Шевченко // Свенціцький І. Шевченко в світлі критики і дійсності. – Львів, 1922. – С. 78-83.
11. Навроцький Б. Шевченко як прозаїк // Червоний Шлях. – Харків, 1925. – №10.
Низка зауваг про вплив творчості Гоголя на повісті Шевченка.
С.20-21: про полеміку Куліша з Максимовичен з приводу творів Гоголя.
12. Дорошкевич Г. Шевченко й Гоголь // Життя й Революція. – К., 1926. – №4. – С. 40-49.
13. Донцов Д. Націоналізм. – Л., 1926. – С. 157-158

* Складаю щирю подяку Юрію Яковичу Барабашу за зауваження до бібліографії. – П.М.

14. Єфремов П. Шевченко й Гоголь: 3 приводу 66-х роковин смерті Шевченка й 75-х роковин смерті Гоголя // Питання та замітки Дніпропетровського інституту народної освіти. – Дніпропетровськ, 1927. – С. 5-9.

15. Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів Тараса Шевченка. – Т. 4. Щоденні записки (журнал). Текст. Первісні варіанти. Коментарій. – XI, 787 с.

У щоденнику – згадки про Гоголя.

У примітках – про ставлення Шевченка до Гоголя (с. 349-350).

16. Якубовський Ф. На узбічних стежках поета (вступна стаття) // Шевченко Т.Г. Повна збірка творів. Повісті. – К.: Сяйво, 1927.

С.13 і далі: зауваження щодо відношення повістей Шевченка до прози Гоголя

17. Навроцький Б. Проблематика Шевченкових повістей // Літературний Архів. – Х., 1930. – Кн. 3-4. – С. 3-31.

Низка зауважень про співвідношення творчості Шевченка і Гоголя.

18. Поезія Т.Г. Шевченка. – Х.: Література і мистецтво, 1934.

С.151-152: Про вірш Шевченка "Гоголю".

19. Липа Ю. Бій за Українську літературу. – Варшава, 1935.

С. 83: Шевченко – Гоголь; Шевченко – Гоголь // Діло. – 1935. – 8-11 трав. (№ 118-121).

20. Костенко А. Шевченко і сучасна йому російська література // Комуніст. – 1936. – 10 берез. (№ 57).

Шевченко і Гоголь.

21. Сукачов Л. Погляди Шевченка на сатиру // Літ. газета. – 1936. – 12 берез. (№12).

Шевченко про Гоголя–сатирика.

22. Сукачов Л. Шевченко про сатиру // Радянська Академія. – 1936. – 10 берез. (№ 5).

23. Колесник П. Гоголь і Шевченко // Вісті. – 1937. – 5 берез. (№ 58). – (До 85-х роковин з дня смерті М.В. Гоголя).

24. Колесник П. Т.Г. Шевченко і російська література // Пролетарська правда. – 1937. – 9 берез. (№ 56).

25. Пивоваров М. Т.Г. Шевченко й М.В. Гоголь // Зоря. – 1938. – 28 листоп., № 273; Пролетарська правда. – 1938. – 29 листоп. (№ 274).

26. Бобошко А. М.В. Гоголь і Т.Г. Шевченко // Комсомолец України. – 1939. – 30 берез. (№ 73).

27. Гавриленко О. Гоголь і Шевченко // Більшовик Полтавщини. – 1939. – 30 берез. (№ 73).
28. Лінчевський Г. Шевченко про Гоголя // Червоний кордон. – 1939. – 30 берез. (№ 73).
29. Пивоваров М. Т.Г. Шевченко й М.В. Гоголь // Комуніст. – 1939. – 30 берез., № 273; Молодий більшовик. – 1939. – № 3. – С.113-118.
30. Трипільський А. Гоголь і Шевченко // Літ.газета. – 1939. – 29 берез. (№15).
31. Трипільський А. Шевченко і Гоголь // Соц. культура. – 1940. – № 3. – С. 45-47.
32. Михайлович Дм. Шевченко і Гоголь // Радянська Україна. – 1944. – 4 квіт. – С.3.
33. Маланок Є. Шевченко і Гоголь // Нова доба (Берлін). – 1944. – №13 (136).– 26 берез. – С.3-4.
34. Орленко О. Шевченко проти Москви. – Передрук підпільних матеріалів. – Б.м.: Б.в., 1949. – 36 с.
35. Шевченко Т.Г. Гоголю ["За думою дума роєм вилітає..."]: (Вірш) // Шевченко Т.Г. Повна збірка творів у трьох томах. – К., 1949. – Т.І. – С. 227.
36. Шевченко Т.Г. Журнал 1857 г. 5 сент. [Лист до В. Репніної] // Шевченко Т.Г. Повна збірка творів у трьох томах. – К., 1949. – Т.3. – С. 172-173; 306-307.
37. Мацапура М. Нове в спадщині Тараса Шевченка // Україна. – 1951. – №8. Малюнки-ілюстрації до повісті Гоголя "Тарас Бульба".
38. Раєвський С., Владич Л. Перша ілюстрація до "Тараса Бульби" // Рад. Україна. – 1951. – 19 груд. (№ 296). Малюнки Шевченка.
39. Владич Л., Раєвський С. Гоголівські місця в малюнках Т.Г. Шевченка // Рад. Україна. – 1952. – 7 янв. (№ 32).
40. Гончарук Г. Гоголь і Шевченко // Прапор перемоги. – 1952. – 4 берез. (№46).
41. Донченко М. Гоголь і Шевченко // Прикарпатська правда. – 1952. – 22 лют.(№ 37).
42. Іофанов Д. Шевченко про Гоголя // Київська правда. – 1952. – 23 лют. (№39).
43. Кирилук Є. Шевченко і Гоголь // Дніпро. – 1952. № 2. – С. 112-119.

44. Поліщук Р. Гоголь і Шевченко // Рад. Україна. – 1952. – 1 берез. (№ 52).
45. Портрет / Пер. за ред. О.Шпильової; Ілюстр. Т.Г. Шевченка та ін. // Гоголь М. Твори в 3 т. / Заг. ред. М.Гудзія. – К., 1952. – Т.2. Повісті. Драматичні твори. – С. 67-121.
46. Рильський М. Шевченко і Гоголь // Вітчизна. – 1952. – №3. – С.153-155.
47. Романченко І.С. Т.Г. Шевченко про М.В. Гоголя // Жовтень. – 1952. – № 3. – С. 102-105.
Підпис: Іван Савченко.
48. Хмелінський М. Т.Г. Шевченко і М.В. Гоголь // Рад. Поділля. – 1952. – 2 берез., № 45.
49. Чалий Д.В. Розвиток гоголівських традицій в творчості Шевченка // Російсько-українське єднання. – К., 1953. – С. 166-191.
50. Возняк М. Шевченко і Гоголь: (До 145-ліття з дня народження Гоголя) // Вільна Україна. – 1954. – 2 квіт. (№ 79).
51. Кирилук Є. Гоголь і Шевченко // Гоголь і українська література ХІХ століття: Збірник статей. – К., 1954. – С. 85-98.
52. Крутікова Н.Є. Традиції Гоголя в повістях Шевченка // Збірник праць Першої і Другої наук. Шевченків. конференцій. – К., 1954. – С. 90-112.
53. Раєвський С.Є. Малюнок Т.Г. Шевченка до «Тараса Бульби» // Гоголь і українська література ХІХ століття: Збірник статей. – К., 1954. – С. 100-111.
54. Старчикова Є.М. М.В. Гоголь і Т.Г. Шевченко // [Альманах]. – Львів, 1954. – С. 95-105.
55. Стеценко Л.Ф. Шевченко і Гоголь // Збірник праць Першої і Другої наук. Шевченків. конференцій. – К., 1954. – С. 77-89.
56. Крутікова Н.Є. Гоголь і Шевченко // Крутікова Н.Є. Гоголь та українська література (30-80 рр. ХІХ ст.) – К., 1957. – С. 154-304.
57. Іофанов Д.М. Гоголь і Шевченко // Вісник АН УРСР. – 1959. – № 3. – С.14-22.
58. Ковальчук С. Справжній знавець серця людського (Т.Г. Шевченко про М.В. Гоголя) // Рад. Україна. – 1959. – 1 квіт. (№ 77).
59. Комишанченко М.П. Українська прогресивна критика в боротьбі за українсько-російське літературне єднання (За матеріалами періодичної преси 50-70-х років ХІХ століття). – К., 1959. – 52 с.

С.7-18: Шевченко про творчість Пушкіна, Гоголя, Герцена.

60. Муратов А. Знавець серця людського (Гоголь в оцінці Шевченка і Франка) // Вільне життя. – 1959. – 1 квіт. (№ 65).

61. Новицький Олекса. Два серця: [Вірш про М.В. Гоголя і Т.Г. Шевченка] // Правда України. – 1959. – 1 квіт.

62. Рильський М. Великі друзі: [Вірш про М.В. Гоголя і Т.Г. Шевченка] // Закарпатська правда. – 1959. – 1 квіт.

63. Шевченко Т. Повне видання творів. Т. 10. Листи за ред. Павла Зайцева. – 2-е вид. з доп. В. Міяковського. – Чикаго: Вид-во Миколи Денисюка, 1960. – 404 с.

Про Гоголя див.: покажчик імен (с. 394); згадки про Гоголя та його твори с.: 35, 40, 53, 60, 66, 67, 101, 106, 134, 157, 161, 297, 298, 302, 311, 314, 316, 323, 325, 338, 339, 340, 362, 386.

64. Войлова А. Шевченко і Гоголь: (До 150-річчя з дня народження і 100-річчя з дня смерті Т. Г. Шевченка) // Молодь України. – 1961. – 21 лют.

65. Гаско М. Шевченко і Гоголь // Літ. Україна. – 1971. – 14 верес.

66. Крутікова Н.Є. Шляхами дружби і єднання: Російсько-українські зв'язки. – К.: Дніпро, 1972. – 278 с.

С.56-126: Гоголь і Шевченко.

67. Зленко Г. Одеські адресати Гоголя й Шевченка. Літературно-рознавчий пошук // Чорномор. комуна. – 1976. – 14 берез.

68. Несіна О. Між Гоголем і Шевченком // Нові дні (Детройт). – 1977. – № 3. – С. 10, 20-21.

69. Зленко Г. Одеські адресати Гоголя й Шевченка: Літературний пошук // Чорномор. комуна. – 1978. – 14 берез.

70. Кожухар С. Плідні дослідження: Дослідження факту особистого знайомства Т. Шевченка і М. Гоголя // Літ. Україна. – 1978. – 30 черв.

71. Гаско М. Сошенко чи Гоголь? // Гаско М. У колі Шевченкових та Гоголевих друзів. Етюди пошуків та знахідок. – К., 1980. – С.17-27.

Роль Гоголя у творчому становленні Шевченка.

72. Плачинда С. Шлях до істини: [Передмова] // Гаско М. У колі Шевченкових та Гоголевих друзів. – К., 1980. – С. 253-255.

73. Чалий Д.В. Епопея в російській та українській літературах ХІХ ст. / Відп. ред. Н.Є. Крутікова. – К.: Наук. думка, 1980. – 223 с.

Творчість Гоголя, Шевченка, Некрасова та ін.

74. Трипільський А. Аналітична шевченкіана // Дніпро. – 1981. – № 3. – С. 153-155. – Рец. на кн.: Гаско М. У колі Шевченкових і Гоголевих друзів. – К., 1980.

75. Білецький О., Шевченко Т. Архітектурні малюнки письменника // Зоря Полтавщини. – 1982. – 17 жовт.

До питання реконструкції садиби М.В. Гоголя у с. Василівка (Гоголеве) Шишацького району.

76. Шевченко Т.Г. За думою дума роєм вилітає...: [Вірш Гоголю] // Шевченко Т.Г. Твори в 5 т. – К., 1984. – Т.І. – С. 221-223.

77. Рильський М. Шевченко і Гоголь // Рильський М. Зібрання творів у 20 т. – К., 1986. – Т. 14. – С. 102-107.

78. Хохлачов В. Пам'ять Ніжина: (Про діяльність поета і видавця ХІХ ст. М.В. Гербеля у справі пропаганди творчості Т.Г. Шевченка і М.В. Гоголя) // Деснянська правда. – 1987. – 8 берез.

79. Неділько Г.Я. Образи ватажків у повісті Гоголя "Тарас Бульба" і ранніх історичних поемах Т. Шевченка // Наследие Н.В. Гоголя и современность. – Нежин, 1988. – Ч.І. – С.84-85.

80. Неділько Г.Я. Ювілеї Пушкіна, Гоголя і Шевченка у Ніжинському Історико-філологічному інституті // Тез. Доп. ІІ Чернігів. обл. наук. конф. з іст. краєзнавства (грудень 1989). – Чернігів; Ніжин, 1988. – Вип. 1. – С. 77-79.

81. Дзира Я. Немає другого Дніпра... (Із секретів «спільної» творчості Миколи Гоголя й Тараса Шевченка) // Україна. – 1989. – № 10. – С. 6-8.

82. Дзира Я. Рече та стогне Дніпр широкий: (Із секретів творчості Гоголя і Тараса Шевченка) // В сім'ї вольній, новій. – К., 1989. – Вип. 5. – С. 345-384.

83. Михед П.В. Культурно-історичний феномен Шевченка і Гоголя в оцінці М. Костомарова // Наук.-метод. конф., присвяч. 175-річчю з дня народж. Т.Г. Шевченка: Тези і матеріали. – Чернігів, 1989. – С. 13-15.

84. Неділько Г.Я. Народ у повісті М. Гоголя "Тарас Бульба" і ранніх історичних поемах Т. Шевченка // Творчество Н.В. Гоголя и современность. – Нежин, 1989. – Ч. 2. – С. 23-24.

85. Венгловський С. Шевченко, Гоголь та геростратова слава Петра Маргоса // Книжник. – 1990. – № 3. – С. 36-45.

86. Гаско М. Пошуки і знахідки: Літературно-критичні статті. – К.: Рад. письменник, 1990. – 347 с.
Життя і творчість Т.Г. Шевченка і М.В.Гоголя.
87. Донцов Д. Дві літератури нашої доби. – Л., 1991.
88. Гаско М. Чому Гоголь назвав його Беранжером [Т.Г.Шевченка] // Вітчизна. – 1992. – № 4. – С. 128-135.
89. Маланюк Є. Ніч бездержавності // Маланюк Є. Нариси з історії нашої культури. – К., 1992. – С. 59-79. Нарис датовано 14. 01. 1954.
С. 68-79: Гоголь і Шевченко.
90. Ротач П. А докази?: [Про зв'язки Т.Г. Шевченка та М.В. Гоголя] // Слово і час. – 1992. – № 6. – С.65-68.
91. Шерех Ю. Третя сторожа: Література. Мистецтво. Ідеологія. – К.: Дніпро, 1993. – 590 с.
92. Кирилук З.В. Гоголь и Шевченко (традиции и перспективы исследования проблемы) // Микола Гоголь і світова культура. – К.; Ніжин, 1994. – С. 127-129.
93. Чамата Н. "Гоголю" (Літературознавчий етюд про вірш Шевченка "Гоголю") // Слово і час. – 1994. – № 4-5. – С. 48-51.
94. Барабаш Ю. Самотність Гоголя // Сучасність. – 1995. – №10. – С. 83-89.
95. Барабаш Ю. Випадок Хмельницького: (Шевченко Гоголь. Фрагмент) // Сучасність. – 1996. – №3-4. – С.100-117
96. Барабаш Ю. Бінарна опозиція "батьківщина-чужина" в Гоголя і Шевченка // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 1997. – Вип. 2. – С. 20-23.
97. Канигін Ю.М. Панмонголізм і російсько-українське питання [Розділ з книги "Шлях аріїв"] // Дніпро. – 1997. – № 1-2. – С. 98-131.
*Із змісту: Загадка М.В. Гоголя (с. 114-116);
Лекція Гоголя "Ал-Мамун" (с. 116-118);
Найбільша таємниця Гоголя (с. 118-121);
"Інтимний друг цесаревича" – друг Шевченка і Гоголя [О.К. Толстой] (с. 122-123);
"Мертві душі" і Україна (с. 123-124);
Цар, птиця-трійка і прекрасна дама (с. 126-128);
Куди ж мчши, Русь?! (с. 128-130).*
98. Маланюк Є. Ранній Шевченко// Є. Маланюк. Книга спостережень. Статті про літературу. – К., 1997. – С. 27-35.

99. Маланюк Є. Гоголь в літературознавстві. (Підготовка тексту та публікація Л. Куценка) // Вежа. – 1997. – С. 207-216.

100. Слюсар А.О. Епічний герой у повістях М.В. Гоголя і поезії Т.Г. Шевченка // Питання літературознавства. – Чернівці, 1997. – Вип. 4(61). – С. 53-60.

101. Барабаш Ю. “Коли забуду тебе, Єрусалиме...”: Бінарна опозиція “батьківщина – чужина” в Гоголя і Шевченка // Сучасність. – 1998. – № 1. – С. 126-145.

102. Барабаш Ю. Чиї ми діти? (Гоголь і Шевченко) // Слобожанщина. – 1998. – № 7. – С. 162-164.

103. Звиняцьковський В. Таємниці Гоголя // Критика. – 1998. – Липень-Серпень, (№ 7-8-9-10). – С. 15-17. – Рец. на кн.: Юрія Луцького “Між Гоголем і Шевченком”. – К.: Час, 1998.

104. Луцький Ю. Між Гоголем і Шевченком / Пер. з англ. Р. Доценка; Вступ. ст. М. Рябчука. – К.: Час, 1998. – 254 с.: іл. – (Укр. модер. література).

105. “Не відверну лица...”: [Бесіда з (Юрієм Барабашем) / Записав Володимир Панченко] // Літературна Україна. – 1998. – №21. – С. 5.

106. Рябчук М. Новий погляд на стару контроверсію: [Передмова до українського видання перекладу монографії Ю. Луцького “Між Гоголем і Шевченком”] // Луцький Ю. Між Гоголем і Шевченком. – К., 1998. – С. 5-7.

107. Тарнашинська Л. Між полюсами давньої дилеми // Літ. Україна. – 1998. – 28 трав. – С. 5. – Рец. на кн.: Юрій Луцький і його книжка “Між Гоголем і Шевченком”. – К., 1998.

108. Барабаш Ю. Дискурс “бусурманства” (Гоголь і Шевченко) // Сучасність. – 1999. – № 6. – С. 103-120.

109. Луцький Ю. Гоголь. Останнє десятиріччя. Фрагмент // Укр. мова та література. – 1999. – № 12 (124). – С. 3. Друкується за виданням: Луцький Ю. Між Гоголем і Шевченком (К.: Час, 1998).

110. Задорожна С. Т. Шевченко і М. Гоголь (до проблеми генези романтичного світовідчуття) // Тарас Шевченко і європейська культура. Зб. праць Міжнародної тридцять третьої наукової Шевченківської конференції (20-22 квітня 1999 року). – Київ-Черкаси, 2000. – С. 173-189.

111. Маланюк Є. Два українці в Петербурзі: Шевченко і Гоголь / Вруб до розвідки Миколи Шудрі // Укр. мова та література. – 1999. – 912 (124). – С. 1-2. Розвідку датовано 1. 02. 1944.

112. Махринський Т. Шевченка – перекласти, Гоголю – відмовити, або Новітній період української літератури // День.– 1999.– 6 берез. (№ 42). – С. 7.

113. Павлишин М. “Покинути рідні береги, не покидаючи рідних горизонтів”: Літературознавство Юрія Луцького // Сучасність. – 1999. – №5. – С. 116-125

114. Українська філологія: школи, постать, проблеми. Збірник наукових праць Міжнародної конференції, присвяченої 150-річчю заснування кафедри української словесності у Львівському університеті (Львів, 23-25 жовтня 1998 р.). Частина перша. – Л., 1999. – С. 21-28.

115. Черторизька Т.К. Гоголівські художні образи і стилістичні прийоми у творчості Т.Г. Шевченка // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 1999. – Вип. 12. – С. 139-145.

116. Барабаш Ю. “Страшна помста”: третій вимір. Студія 2. Шевченко // Сучасність. – 2000. – № 12. – С. 91-109.

117. [Киричок Г.А.] [Рецензія] / Г.К. // Літ. Чернігів. – 2000. – № 14. – С. 87-90. – Рец. на кн.: Рудакова Е.К. Творчество Н.В. Гоголя и немецкие культурно-исторические традиции (по материалам исследований литературоведов Германии) // Филол. Науки. – 1999. – №3. – С. 87-95); Манн Ю. Встреча в лабиринте. Франц Кафка и Николай Гоголь // Вопр. лит. – 1999. – № 2. – С. 162-187; Михед П.В. О загадке “Прощальной повести” Н.В. Гоголя // Вопр. лит. – 1999. – № 2. – С. 330-340; Барабаш Ю. “Лица басурманской национальности” Гоголя и Шевченко // Вопр. лит. – 1999. – № 3. – С. 204-235; Ветловская В.Е. Житийные источники гоголевской “Шинели” // Рус. лит. – 1999. – № 1. – С. 18-35; Виноградов И.А. Пьеро, Коломбина и Арлекин: К истории создания “Тараса Бульбы” и “Ревизора” Н.В. Гоголя // Рус. лит. – 1999. – № 1. – С. 36-44.

118. Бандурка (Українські сороміцькі пісні для дорослих в записах З. Доленги-Ходаковського, М. Максимовича, П. Лукашевича, М. Гоголя, Т. Шевченка, П. Чубинського, Хв. Вовка, І. Франка, В. Гнатюка) / Упоряд. та авт. передмови до розділів М. Сулима. – К.: Дніпро, 2001. – 279 с.

119. Барабаш Ю. “Мій бідний protege”, або після Гоголя...: Порівняльно-типологічна студія // Кур’єр Кривбасу. – 2001. – №134. – С. 152-174.

120. Барабаш Ю. Молот “войовничого реалізму” і ковадло не менш войовничого “грунтівства” (Гоголь. “Портрет” – Шевченко. “Художник”) // Сучасність. – 2001. – № 3. – С. 114-131.

121. Барабаш Ю. “Коли забуду тебе, Єрусалиме...”. Гоголь і Шевченко: порівняльно-типологічні студії. – Харків: Акта, 2001. – 273 с.

122. Барабаш Ю. Підтексти “петербурзького тексту” (-их; ів) (Гоголь і Шевченко) // Слово і час. – 2001. – № 3 (483). – С. 31-41.

123. Барабаш Ю. Портрет / Автопортрет: кореляції (Гоголь. “Портрет” – Шевченко. “Художник” // Березіль. – 2001. – № 1-2. – С. 157-171. Стаття ґрунтована на одному з розділів розвідки “Гоголь і Шевченко”.

124. Барабаш Ю. “Художник петербурзький!” Гоголь і Шевченко: в єдиній художній простороні // Київ. старовина. – 2001. – №1. – С. 144-156.

125. Крохмальний Р. Езотеричність метаморфози і лімінальна зона у романтичному тексті (на матеріалі творів М. Костомарова, М. Гоголя, Т. Шевченка // З його духа печаттю...: Збірник наукових праць на пошану І. Денисюка. – Львів, 2001. – Т. 2. – С. 51-58.

126. Маланюк Є. Шевченко і Гоголь / Підготовка тексту і публікація Леоніда Куценка // Березіль. – 2001. – № 9-10. – С. 176-181.

Стаття написана 1944 року, друкувалася у двох березневих числах українського щоденника “Краківські вісті” (1944, Березіль, № 11, 12).

127. Моцяка О. “Ти смієшся, а я плачу...” // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2002. – Вип. 9. – С. 166-171. – Рец. на кн.: Барабаш Ю. “Коли забуду тебе, Єрусалиме...”. Гоголь і Шевченко. Порівняльно-типологічні студії.– Х.: Акта, 2001. – 373 с.

128. “Таких Гоголя і Шевченка вони не знають і не хочуть знати”: [Бесіда з (Юрієм Барабашем) / Записав В. Плющ] // Літературна Україна. – 2001. – №13. – С. 3.

129. Барабаш Ю. Український ключ: Гоголь у літературній свідомості міжвоєнної Української еміграції. // Слово і час. – 2002. – №12. – С. 54-67

130. Барабаш Ю. “Коли забуду тебе, Єрусалиме...”. Гоголь і Шевченко: Порівняльно-типологічні студії (Харків: Акта, 2001, 373с.): Презентація // Слово і час. – 2002. – № 6. – С. 91

131. Бернацька Л.І. “Ти смієшся, а я плачу, Великий мій друже”: Літ.-муз. композиція // Позакласний час. – 2002. – №4 (Лютий). – С. 30-31.

До 150-ої річниці з дня смерті Гоголя і 141-ої річниці з дня смерті Шевченка.

132. “Великий друг і брат...”: так називав Гоголя Тарас Григорович Шевченко: Пер. з рос. // Освіта. – 2002. – 6-13 берез. – С. 1, 14. (До 150-річчя від дня смерті Миколи Васильовича Гоголя).

133. Пахаренко В. “У всякого своя доля...” (Роздуми над новою книжкою Ю. Барабаша “Коли забуду тебе, Єрусалиме...”). Гоголь і Шевченко. Порівняльно-типологічні студії (Київ, 2001.– 273 с.) // Слово і час. – 2002. – № 12. – С. 68-78.

134. Полтавець М. Легенда для поколінь (Про літературознавчі дослідження Є. Маланюка (1897-1963) життя і творчості Т. Шевченка і М. Гоголя) // Дем. Україна. – 2002. – 7 берез. – С. 4.

135. Сверстюк Є. Шевченко і Гоголь // Літ. Україна. – 2002. – 16 трав. (№18). – С. 2.

136. Барабаш Ю. Гоголь і (чи) Шевченко // Урок української. – 2003. – №2. – С. 42–47.

137. Кореневич Л. Сини однієї матері (України): Дві письменницькі індивідуальності – Микола Гоголь і Тарас Шевченко // Уряд. кур’єр. – 2003. – 8 лют. – С. 8-9. – Рец. на кн.: Барабаш Ю. “Коли забуду тебе, Єрусалиме...”

138. Смирнова Р. Шевченко малював домочадців Гоголя [За матеріалами бесіди з вченим Ю.О. Митропольським та родичкою Миколи Гоголя С.М. Данилевською / Рената Смирнова // Дзеркало тижня. – 2003. – 8-14 берез. (№ 9). – С. 19.

139. Шевченко Тарас. Зібрання творів у шести томах (видання автентичне 1-6 томам Повного зібрання творів у двадцяти томах) – Т.6. – К., 2003.

Алфавітний покажчик імен і назв: С.587-606;

Гоголь – 33, 36, 50, 53, 54, 80, 83, 103, 127, 307, 326, 328, 334, 335, 338-340, 343, 347, 350, 371, 373, 388, 402, 404, 421, 425, 438.

140. Базилевський В. Інстинкт генія: Т. Шевченко, Є. Маланюк про мову М.Гоголя // Кур’єр Кривбасу. – 2004. – №2 (171). – С. 85-102.

141. Барабаш Ю. Мова імперії // Урок української. – 2004. – №1. – С. 54-55

142. Жулинський М. Дві половинки українського серця: Шевченко і Гоголь // День. – 2004. – №№41, 45, 50).

143. Михед П. Молюся, господи, внуши їм уст моїх глаголи... (Уваги до вивчення теми: “Шевченко-пророк”) // Сучасність. – 2004. – №3. – С. 113–125.

Паралель Шевченко – Гоголь

144. Науменко О. “Нащадки веселого и пляшущего племени”. Розмова з Ю. Барабашем. // Дзеркало тижня. – 2004. – №21. – С. 12.

145. Пахаренко В. Два пути к украинскому Иерусалиму // Вопросы литературы. – 2004. (ноябрь-декабрь). – С. 330-340.

146. Сверстюк Є. Гоголь і Шевченко – рік високого сонця в Україні: [Про вплив творчості рос. письмен. Миколи Гоголя на молодого укр. поета Тараса Шевченка] // Культура і життя. – 2004. – 26 трав.

147. Смирнова Р. Нове про долю двох геніїв: Невідома робота Шевченка: портрет сестри Гоголя // День. – 2005. – 27 трав. – С. 8.

148. Панченко В. Робінзонада Юрія Барабаша // Слово і час. – 2006. – №8. – С. 74-81.

Підготував Павло Михед

ЗМІСТ ПОПЕРЕДНІХ ВИПУСКІВ “ГОГОЛЕЗНАВЧИХ СТУДІЙ”

Гоголезнавчі студії: статті і дослідження. Випуск перший.
Гоголеведческие студии. Выпуск первый. – Ніжин, 1996. – 63 с.

Статті, дослідження

Дмитро Наливайко (Київ). Первинні образи в творчості Гоголя
Вадим Скуратівський (Київ). Гоголь у становленні нової української літератури

Нинель Арват (Нежин). Художественно-изобразительная роль ритма в повести Н.В. Гоголя “Тарас Бульба”

Владимир Воропаев (Москва). “Горьким словом моим посмеюся” (о духовном смысле комедии Н.В. Гоголя “Ревизор”)

Олександр Ковальчук (Нежин). Любов – порятунок від страху (стратегія пошуку шляхів порятунку суспільства у “Вибраних місцях...” М. Гоголя)

Павел Михед (Нежин). Гоголь на путях к новой эстетике слова

Юрий Хоменко (Нежин). Гоголь и Твардовский (из опыта интерпретации)

Павел Михед (Нежин). “Из лона скорби к утешению...” (Сильвио Пеллико в творческой судьбе Н.В. Гоголя)

Гоголезнавчі студії: статті і дослідження. Випуск другий.
Гоголеведческие студии. Выпуск второй. – Ніжин, 1997. – 138 с.

Статті, дослідження

Владимир Воропаев (Москва). От чего умер Гоголь?

Олександр Ковальчук (Нежин). “Авторська сповідь” М. Гоголя (своєрідність бачення світу “українською людиною”)

Юрій Барабаш (Москва). Бінарна опозиція “батьківщина – чужина” в Гоголя і Шевченка

Марина Новикова (Симферополь). Ирина Шама (Запорожье) Символика позднего Гоголя

Игорь Виноградов (Москва). “Тарас Бульба” и отношение Н.В. Гоголя к католицизму (к изучению вопроса)

Семен Абрамович (Черновцы). Заметки об изучении писательской позиции позднего Гоголя

Павел Михед (Нежин). Способы сакрализации художественного слова в “Выбранных местах из переписки с друзьями” Н.В. Гоголя (заметки к новой эстетике писателя)

Вадим Скуратовский (Киев). На пороге как бы двойного бытия (из наблюдений над мирами Гоголя)

Владимир Звоняцковский (Киев). К проблеме художественного метода Гоголя

Рецензії

Н.М. Жаркевич, Ю.В. Якубина (*Нежин*). Старый новый Гоголь. Рец. на кн.: Воропаев В. Духом схимник сокрушенный... Жизнь и творчество Н.В. Гоголя в свете православия. – М., 1994. – 159 с.

О. Ковальчук (*Нежин*). Українська русистика – крок у гоголезнавчому напрямку. Рец. на кн.: *Стромецький* О. Гоголь. – Львів, 1994.

Г. Киричок (*Нежин*). Адекватность – точность или множественность прочтения? Рец. на кн.: *Есаулов И.* Спектр адекватности в истолковании литературного произведения “Миргород” Н.В. Гоголя. – М., 1995. – 101 с.

Бібліографія

Бібліографія літератури про Гоголя, що вийшла в Україні 1995-1996 рр. Уклала Лариса Гранатович.

Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (1995-1996). Составил Владимир Воропаев.

Гоголезнавчі студії. Випуск третій. Гоголеведческие студии. Выпуск третий. Гоголь: бібліографічні посібники і джерела. Анований покажчик / Упоряд. Гранатович Л.В., Михальський Є.М., Михед П.В. – Ніжин, 1998. – 80с.

Павло Михед. *З історії гоголівської бібліографії*

Гоголезнавчі студії. Випуск четвертий. Гоголеведческие студии. Выпуск четвертый. – Ніжин, 1999. – 213 с.

Статті, дослідження

Владимир Воропаев (*Москва*). Поздний Гоголь (1842-1852): новые аспекты изучения

Владимир Денисов (*Санкт-Петербург*). Метафора Храма в художественной прозе Н.В. Гоголя

Юрій Барабаш (*Москва*). “Страшна помста”: релігійно-етичний вимір (фрагменти)

Семен Абрамович (*Черновцы*). “Такой нехороший народ, что ему надо на самую голову наплевать?” (Польский и еврейский мир в “Тарасе Бульбе”)

Владислав Кривонос (*Елец*). “Петербургские повести” Н.В. Гоголя и евангельская топика

Игорь Виноградов (*Москва*) Гоголь и Белинский: к проблеме полемики

Олександр Ковальчук (*Нежин*). Гоголь – “русский Христос”? (Текст поэмы “Мертві душі” як засіб самоідентифікації автора)

Сергей Шульц (*Ростов-на-Дону*). Гоголь: от драматургии к “Размышлению о Божественной литургии” (аспект исторической поэтики)

Людмила Остапенко, Павел Михед (*Нежин*) Две вехи пророческого слова в русской литературе: Гоголь и Достоевский

Елена Анненкова (*Санкт-Петербург*). Две книги переходного десятилетия (“Сумерки“ Е.А. Баратынского и “Выбранные места из переписки с друзьями“ Н.В. Гоголя)

Дебют

Владислав Томачинский (Москва). К вопросу о своеобразии стиля “Выбранных мест из переписки с друзьями“ Н. В. Гоголя

Огляди, рецензії

Григорий Киричок (*Нежин*). О почве и судьбе Гоголя. Рец. на кн.: *Барабаш ЮЛ.* Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. – М., 1995.

Тетяна Михед (*Ніжин*). Дволикий страдник: Микола – Николай Гоголь. Рец. на кн.: Georg Luckyj. The Anguish of Mykola Hohol a.k.a. Nikolai Gogol. – Toronto – 1998, 117 p.

Бібліографія

Бібліографія літератури про Гоголя, що вийшла в Україні 1997 року. Підгот. Лариса Гранатович (*Ніжин*)

Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем, вышедшая в России в 1997 году. Сост. Владимир Воропаев (Москва)

Гоголь в литературе русского зарубежья. Сост. Владимир Воропаев (Москва)

Гоголезнавчі студії. Випуск п'ятий. Гоголеведческие студии. Выпуск пятый. – Ніжин, 2000. – 243 с.

Статті і дослідження

Павло Михед (*Ніжин*). Основні напрямки вивчення творчості Гоголя: підсумки і перспективи

Олександр Ковальчук (*Ніжин*). Страх як проблема українського буття (гоголівська проекція)

Владимир Денисов (*Санкт-Петербург*). Изображение Козачества в раннем творчестве Н.В. Гоголя и его “Взгляд на составление Малороссии“ (о замысле поэтической истории народа)

Юрій Барабаш (*Москва*). “Страшна помста“: релігійно-етичний аспект – II (“Тарас Бульба“)

Надія Поліщук (*Львів*). “Страшна помста“ М. Гоголя: спроба відчитання міфологічного тексту

Семен Абрамович (*Чернівці*). Макабристика в повісті Гоголя “Страшна помста“

Игорь Виноградов (*Москва*). Повесть Н.В. Гоголя “Вий“: К истории замысла и его интерпретации

Нинель Арват (*Нежин*). О троичности в повести Н.В. Гоголя “Вий“

Сергей Шульц (*Ростов-на-Дону*). Миф с художнике в контексте нарративной двуплановости повести “Вий“

Владислав Кривонос (*Елец*). Собачья тема в “Тарасе Бульбе” Гоголя
Андрей Фаустов (*Воронеж*). Заколдованное место у Гоголя и Пушкина (несколько замечаний)

Валентина Мацапура (*Полтава*). Синтез языческих и христианских мотивов в “Вечерах на хуторе близ Диканьки” Гоголя

Владимир Воропаев (*Москва*). “Нет другой двери...” Евангелие в жизни Гоголя

Юрій Луцький (*Торонто*). На хуторі біля Диканьки

Дебют

Катерина Ісаєнко (*Ніжин*). Уваги до дискусії П. Куліша і М.Максимовича про українські повісті Гоголя

Огляди, рецензії

Григорій Киричок (*Нежин*). Гоголь сквозь религиозно-мистическую призму. Рец. на кн.: *Гончаров С. А.* Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте: Монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 1997. – 340 с.

Людмила Остапенко (*Нежин*). Исследование мотивики Гоголя, или О колдовской силе его “заколдованных мест”. Рец. на кн.: *Кривонос В.Ш.* Мотивы художественной прозы Гоголя. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – 251 с.

Бібліографія

Бібліографія творів Миколи Гоголя і література про нього, що вийшла в Україні 1998 року. Підгот. Лариса Гранатович (Ніжин)

Библиография произведений Н.В.Гоголя и литературы о нем на русском языке (1998). Сост. Владимир Воропаев (Москва)

Библиография произведений Н.В.Гоголя и литературы о нем на русском языке: дополнение (1995-1997). Сост. Владимир Воропаев (Москва)

Гоголезнавчі студії. Випуск шостий. Гоголеведческие студии. Выпуск шестой. – Ніжин, 2000. – 60 с.

Павло Михед. Сучасна ніжинська гоголіана

Бібліографія

Бібліографія праць ніжинських вчених про Гоголя (1979– 1999). Уклад. Лариса Гранатович.

Гоголезнавчі студії. Випуск сьомий. Гоголеведческие студии. Выпуск седьмой. – Ніжин, 2001. – 183 с.

Статті, дослідження

Павел Михед (*Нежин*). Творчество Гоголя в свете украинской рустики: о некоторых проблемах изучения

Юрій Барабаш (*Москва*). Європейське малярство чи візантійський іконопис? (До питання про Гоголеву концепцію християнського мистецтва)

Юлія Якубіна (*Нежин*). К истокам страха у Гоголя (нежинский период)

Олександр Ковальчук (*Ніжин*). Страх як проблема українського буття (гоголівська проєкція)

Владислав Кривонос (*Самара*). Экзистенциальные аспекты в “Риме” Гоголя

Сергей Шульц (*Ростов*). “Записки сумасшедшего” Гоголя и “Записки сумасшедшего” Л. Толстого: топика и нарратив

Peter Sawczak (*Мельбурн*) The Passions of Chichikov: Gogol’s Soteriological Scheme

Игорь Виноградов (*Москва*). Исторические воззрения Гоголя и замысел поэмы “Мертвые души”

Николай Хомук (*Томск*). Архитектоника лабиринта в поэме Н.В. Гоголя “Мертвые души”

Владимир Денисов (*Санкт-Петербург*). Изображение Козачества в раннем творчестве Н.В. Гоголя (идея “исторического романа”)

Семен Абрамович (*Чернівці*). Предметний світ у Гоголя

Мария Янушкевич (*Томск*). Авторская позиция предсмертного слова в “Выбранных местах из переписки с друзьями” Гоголя и “Нравственных письмах к Луцилию” Сенеки как основа своеобразия “предельного” жанра

Ювілеї

Владимир Воропаев (*Москва*). *Жизнь с Гоголем (К 120-летию со дня рождения Бориса Зайцева)*

Наші публікації

Тень великого Гоголя. Воспоминания фельдшера Зайцева

Огляди, рецензії

Григорій Киричок (*Ніжин*). Гоголь і художнє творення історії (сучасні інтерпретації). Рец. на кн.: *Зарецкий В.А.* Народные исторические предания в творчестве Н.В. Гоголя. История и биографии. Монография. – Екатеринбург; Стерлитамак, 1999. – 463 с.; *Сенько І.М.* Історія у дзеркалі літератури. – Ужгород, 2000. -100 с.

Федор Евсеев (*Нежин*). Об архетипах земли и власти в творчестве Н.В. Гоголя. Рец. на кн.: *Иваницкий А.И.* Гоголь. Морфология земли и власти. К вопросу о культурно-исторических основах подсознательного. – М.: РГУ, 2000. – 188 с.

Бібліографія

Список авторефератов диссертаций, посвященных творчеству Н.В. Гоголя (1945-2000). Подгот. Владимир Воропаев (*Москва*)

Бібліографія творів Миколи Гоголя і літератури про нього, що вийшла в Україна 1999 року. Підгот. Лариса Гранатович (*Ніжин*)

Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (1999). Подгот. Владимир Воропаев (*Москва*)

Гоголезнавчі студії. Випуск восьмий. Летопись жизни и творчества Н.Гоголя. Нежинский период (1820-1828) / Сост. Жаркевич Н.М. – от составителей, 1821, 1823, 1825, 1827 гг., примечания; Кирилюк З.В. – 1820 г.; Якубина Ю.В. – 1822, 1824, 1826, 1828 гг., примечания, аннотированный указатель имен. / Вступ, ст. Михед П.В. – Нежин: НГПУ, 2002. – 232 с.

Павел Михед Н.В. Гоголь в Гимназии высших наук кн. Безбородько (проблемы изучения)

Гоголезнавчі студії. Випуск дев'ятий. Гоголеведческие студии. Випуск девятый. – Ніжин, 2002. – 232 с.

Статті, дослідження

Владимир Денисов (*Санкт-Петербург*). Изображение Козачества в раннем творчестве Н.В. Гоголя (бунтовщик Тарас и другие)

Іван Сенько (*Ужгород*). Гоголівський Шпонька у контексті історії України

Владимир Кривонос (*Самара*). Сон Тараса в “Тарасе Бульбе” Гоголя

Ігорь Виноградов (*Москва*). Повесть Н.В. Гоголя “Шинель”: к истории замысла и его интерпретации

Семен Абрамович (*Черновцы*). Эротика в “Мертвых душах”

Елена Балдина (*Москва*). Гоголь и Белинский: о литературно-эстетическом аспекте полемики

Ігор Мойсєв (*Київ*). Гоголівські перемови (діалогіка роздвоєння та узвзаємнення)

Сергей Шульц (*Ростов*). “Женитьба” Гоголя и “Живой труп” Толстого в житийном контексте

Павло Михед (*Ніжин*). Про гоголівський ідіолект російської мови, або Як Олександр Македонський завоював Росію

Всеволод Сахаров (*Москва*). Пророки романтизма

Наші публікації. З історії гоголезнавства

Михаил Погодин. Кончина Гоголя

Владимир Воропаев. Некролог М.П. Погодина “Кончина Гоголя”

Віктор Петров. Петербурзькі повісті М. Гоголя

Світлана Матвієнко. Межі інтерпретації

Владимир Воропаев. Боровский и его “Тоголь”

Огляди і рецензії

Олена Моціяка (*Ніжин*). “Ти смієшся, а я плачу”. Рец. на кн.: *Барабаш Юрій*. “Коли забуду тебе, Єрусалиме...” Гоголь і Шевченко. Порівняльно-типологічні студії. – Харків: Акта, 2001. – 373 с.

Сергей Шульц (*Ростов*). Диалог символистов с Гоголем. Рец. на кн.: Сугай Л.А. Гоголь и символисты. – М., 1999. – 376 с.

Юлія Якубіна (*Нежин*). Поздний Гоголь: духовная проза. Рец. на кн.: Н.В. Гоголь. Духовная проза / Сост., вступ, ст., комментарии И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. – М.: Изд-во “Отчий дом”, 2001. – 567 с.

Григорій Киричок (*Нежин*). Гоголь: границы литературы – границы религии. Рец. на кн.: *Виноградов И.А.* Гоголь – Художник и мыслитель: христианские основы мировоззрения. – М.: Наследие, 2000. – 448 с.

Александр Чоботько (*Нежин*). Диалог христианских душ. Рец. на кн.: Переписка Н.В. Гоголя и Н.Н. Шереметьевой / Вступ. ст. И.А. Виноградова, подг. текста, комментарии И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. – М., 2001. – 255 с.

Владимир Воропаев (*Москва*). Песнь благодарения Богу. О новых текстах Гоголя. Рец. на кн.: Неизданный Гоголь. Изд. подгот. И.А. Виноградов. – М.: Наследие, 2001.-660 с.

Анкета “Гоголезнавчих студій”

Юрій Барабаш (*Москва*)

Юрій Манн (*Москва*)

Бібліографія

Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2000). Подгот. *Владимир Воропаев* (Москва).

Бібліографія творів Миколи Гоголя і літератури про його життя і творчість, що вийшла в Україні (2000). Підгот. *Лариса Гранатович* (Ніжин)

Гоголезнавчі студії. Випуск десятий. Гоголеведческие студии. Выпуск десятый. Ковальчук О.Г. Гоголь: буття і страх. – Ніжин, 2002. – 80 с.

1. Страх як проблема українського буття.

2. Російське буття і страх.

3. “Авторська сповідь” М. Гоголя (своєрідність бачення світу “українського людиною”).

4. Незаангажованість буттям – дорога в смерть (останні дні Гоголя).

Гоголезнавчі студії. Випуск одинадцятий. Гоголеведческие студии. Выпуск одиннадцатый. Луцкий Ю.О. Страдничество Миколи Гоголя, званого також як Ніколай Гоголь. – К.: Знання України, 2002. – 113 с. (*Переклад з англ. Тетяни Михед.*)

Павло Михед. Остання книга Юрія Луцького (передмова)

Нові гоголезнавчі студії. Випуск перший (дванадцятий). Новые Гоголеведческие студии. Выпуск первый (двенадцатый). Юрій Барабаш. Гоголь у літературній свідомості українського зарубіжжя (Нариси сприйняття та інтерпретацій). – Сімферополь: Кримський Архів, 2004. – 128 с.

Нові гоголезнавчі студії. Випуск другий (тринадцятий). Новые Гоголеведческие студии. Выход второй (тринадцатый). – Симферополь-Киев, 2005. – 292с.

Доповіді, статті і дослідження

- Юрій Барабаш** (Москва). Гоголезнаство в Україні й поза нею
- Игорь Виноградов** (Москва). "Необыкновенный наставник" И.С. Орлай как прототип одного из героев второго тома "Мертвых душ"
- Александр Киченко** (Черкаassy). "Вечера на хуторе близ Диканьки"
- Гоголя: мифопоэтическая организация пространства
- Владимир Денисов** (Санкт-Петербург). Изображение козачества в раннем творчестве Н.В. Гоголя. Посвящение в "лицари"
- Всеволод Сахаров** (Москва). Потемки и запорожцы у Гоголя: материалы к историческому комментарию
- Владислав Кривонос** (Самара). Трудные места в "Шинели" Гоголя
- Елена Балдина** (Москва). Музыка в художественном мышлении Гоголя
- Екатерина Падерина** (Москва). О жанровой специфике пьесы Гоголя "Игроки"
- Павел Михед** (Киев). Рим в творческом сознании Гоголя
- О. Василь Мольнар** (Полтава). 3 історії Свято-Миколаївської церкви Диканьки
- Владимир Воропаев** (Москва). Под защитой угодника Божия: Диканьский образ Святого Николая Чудотворца и его значение в жизни Гоголя

Comparative

- Світлана Матвієнко** (Київ). Дмитро Чижевський – формаліст. Порівняльний аналіз статей Дмитра Чижевського та Бориса Ейхенбаума про повість Миколи Гоголя "Шинель"
- Ольга Ніколенко, Юлія Баракова** (Полтава). Микола Гоголь і Фрідріх Дюрренматт

Дебют

- Сергей Овечкин** (Санкт-Петербург). Повести "Миргорода": жанровая трансформация и неоднородность нарратива

Огляди, рецензії

- Елена Балдина**. Новая книга о Гоголе
- Елена Балдина**. Новый гоголевский сборник: традиции и перспективы
- Анкета "Гоголеведческих студий"*
- Елена Анненкова** (Санкт-Петербург),
- Владимир Воропаев** (Москва),
- Владислав Кривонос** (Самара)

Бібліографія

- Бібліографія літератури про життя і творчість Миколи Гоголя, що вийшла в Україні 2001 року. Підгот. Лариса Гранатович
- Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2001). Подгот. Владимир Воропаев

Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2002). Подгот. Владимир Воропаев

Нові гоголезнавчі студії. Випуск третій (чотирнадцятий). Новые Гоголеведческие студии. Выпуск третий (четырнадцатый). Владимир Денисов. Изображение козачества в раннем творчестве Н.В. Гоголя – Симферополь-Киев, 2005. – 150 с.

Нові гоголезнавчі студії. Випуск четвертий (п'ятнадцятий). Новые Гоголеведческие студии. Выпуск четвертый (пятнадцатый). Александр Киченко. Молодой Гоголь: поэтика романтической прозы. – Нежин: Издательство “Аспект-Полиграф”, 2007. – 224с.